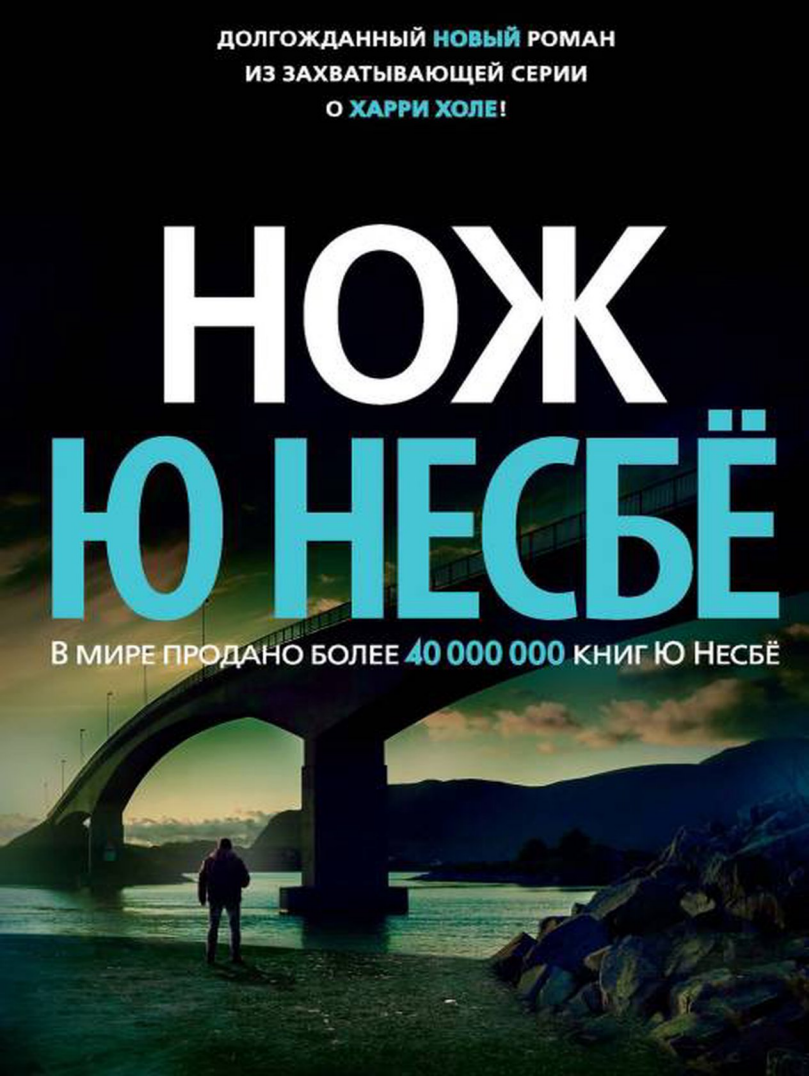
ДОЛГОЖДАННЫЙ **НОВЫЙ** РОМАН
ИЗ ЗАХВАТЫВАЮЩЕЙ СЕРИИ
О **ХАРРИ ХОЛЕ**!

НОЖ

Ю НЕСБЁ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **40 000 000** КНИГ Ю НЕСБЁ



Нож
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Нож
Часть 1
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Часть 2
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Часть 3
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Часть 4
Глава 51
Глава 52
Глава 53

Аннотация

В Осло совершено жестокое убийство. В этом деле Харри Холе играет не совсем обычную роль – он возглавляет не расследование, а список подозреваемых. Сам он ничего не может сказать по данному поводу, поскольку переживает не лучшие времена и некоторые события последних дней напрочь выпали из его памяти. Правда, на момент убийства у него имеется алиби, но случайная находка, сделанная в своей квартире, заставляет Харри усомниться в нем. Он почти убежден в том, что виновен, и ведет собственное расследование – в первую очередь, это расследование темных глубин собственного «я»…

Долгожданный 12-й роман из захватывающей серии о Харри Холе. Впервые на русском языке!

Ю Несбё
Нож

Jo Nesbø
KNIV

Copyright © Jo Nesbø 2019
Published by agreement with Salomonsson Agency
All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с норвежского Екатерины Лавринайтис
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

© Е. А. Лавринайтис, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть 1

Глава 1

Рваное платье развевалось на ветке гнилой сосны. Старику невольно вспомнилась песенка времен его молодости — про платье, сохнущее на веревке. Правда, этот предмет женского гардероба, в отличие от того, о котором говорилось в песне, колыхался не под порывами южного ветерка, а в потоках ледяной талой воды. На дне реки было совсем тихо. Часы показывали уже пять часов вечера, но на дворе стоял март, так что еще не стемнело. Если верить прогнозу синоптиков, то небо там, над поверхностью реки, должно было быть безоблачным, однако внизу солнечный свет, прошедший через слой льда и четыре метра воды, казался рассеянным, и поэтому сосна и платье скрывались в загадочной зеленоватой полумгле. Старик точно установил, что это летнее платье, синее в белый горошек. Возможно, когда-то этот наряд имел другой цвет, трудно сказать, все зависит от того, как давно он зацепился за ветку. И теперь платье барахталось в нескончаемом потоке воды, который полоскал его, то поглаживая спокойным течением, то дергая и утягивая за собой, когда река бурлила.

И в результате от материи постепенно отрывался кусочек за кусочком. Старик подумал, что в этом отношении платье было похоже на него самого. Когда-то оно явно имело значение для какой-нибудь девушки или женщины, на него бросали взгляды мужчины, его касались детские руки. Но теперь платье, так же как и он сам, было потеряно, утрачено, не имело никакой функции, угодило в ловушку, где и томилось, безъязыкое и неподвижное. Оставалось только ждать, когда течение и время унесут последний лоскут того, что некогда было красивым нарядом.

— На что вы смотрите? — услышал он голос позади.

Превозмогая мышечные боли, старик, сидевший на своем стуле, повернул голову и посмотрел вверх. Перед ним стоял новый клиент. Теперь старик не все удерживал в памяти, но никогда не забывал лиц людей, заходивших в магазин «Сименсен: всё для охоты и рыбалки». Этому посетителю не нужны ни оружие, ни боеприпасы. Немного потренировавшись, можно научиться по взгляду клиентов определять, кто из них относится к жвачным животным, этой навсегда утратившей охотничий инстинкт половине человечества, не знакомой с тайной другой половины:

человек чувствует себя по-настоящему живым только тогда, когда всадит пулю в большое и теплое млекопитающее. Старик полагал, что этот мужчина пришел за блеснами или удочками, развешанными вокруг большого телевизионного экрана на стене напротив. А может, за одной из фотоловушек, выставленных в другом конце магазина.

— Он смотрит на реку Хаглебюэльва, — ответил его зять Альф, подходя к ним. Альф остановился рядом и раскачивался на каблуках, засунув руки в большие карманы длинной кожаной охотничьей жилетки, которую всегда носил на работе. — В прошлом году мы вместе с производителем установили в реке подводную камеру, так что теперь у нас прямая круглосуточная трансляция из-под лестничного рыбохода у водопада Нурафоссен, и мы увидим, когда рыба начнет подниматься по реке.

— И как скоро это будет?

— Некоторые экземпляры появятся уже в апреле-мае, но большое движение начнется только в июне. Форель нерестится раньше лосося.

Посетитель улыбнулся старику:

— Рановато вы начали смотреть, да? Или уже заметили рыбу?

Старик открыл рот, продумал слова — их он не забыл, но, так ничего и не сказав, вновь сомкнул губы.

— Афазия, — сообщил Альф.

— Что? — не понял клиент.

— После инсульта он не может говорить. Вы ищете рыболовные снасти?

— Фотоловушку.

— Значит, вы охотник?

— Охотник? Нет, боже упаси. Просто я обнаружил какие-то странные, абсолютно ни на что не похожие экскременты прямо перед дачным домиком в Сёркедалене. Я их сфотографировал, выложил в «Фейсбук» и спросил, может, кто знает, чьи они. Горцы сразу ответили: медвежьи. Можете себе такое представить, а? Медведь! В лесу, в двадцати минутах езды и в получасе ходьбы от Осло!

— Но это же потрясающе.

— Ну не знаю, лично я не в восторге. У меня, как я уже говорил, там дачный домик. Я вывожу туда семью. И хочу, чтобы кто-нибудь убил этого зверя.

— Я охотник и прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. Но знаете, даже в Норвегии, где не так уж давно этих зверей водилось множество,

за последние пару сотен лет едва ли был зарегистрирован хоть один случай нападения медведя на человека со смертельным исходом.

«А вот и неправда, — подумал старик. — Начиная с 1800 года таких случаев было одиннадцать. Последний произошел в 1906-м».

Возможно, он утратил речь и пальцы плохо его слушаются, но с памятью все в порядке. И мысли его были по-прежнему ясными. По большей части. Время от времени он путался и, заметив, как его зять Альф и дочь Метте обмениваются многозначительными взглядами, понимал, что свалял дурака. В первое время, после того как дети начали управлять магазином, который он сам основал и содержал целых пятьдесят лет, старик приносил много пользы. Но теперь, после очередного удара, он просто сидел в зале. Нельзя сказать, что это ему не нравилось. Нет, после смерти Оливии старик по большому счету не предъявлял особых требований. Много ли ему осталось? Вполне достаточно находиться рядом с близкими, каждый день получать горячий обед, сидеть на стуле в магазине и смотреть по телевизору бесконечную беззвучную программу, которая демонстрируется как раз в его темпе, и самым драматичным событием этой передачи

станет появление на лестничном рыбоходе первой готовой к нересту рыбы.

— С другой стороны, это вовсе не означает, что подобное не может произойти вновь, — услышал старик голос Альфа, провожавшего клиента к стенду с фотоловушками. — Этот зверь вряд ли похож на милого плюшевого медвежонка, а убийство у хищников в крови. Так что, ясное дело, вам нужна камера, чтобы понять, поселился ли он рядом с вашим домиком или же просто проходил мимо. Кстати говоря, бурые медведи как раз сейчас выходят из спячки, и они *голодные*. Установите камеру там, где нашли экскременты, или у самого дома.

— Значит, камера находится внутри этого скворечника?

— Этот скворечник, как вы его называете, защищает ее от ветра и осадков, а также от зверей. Вот это недорогая камера, самая простенькая. В нее встроена линза Френеля, фиксирующая инфракрасное излучение, незаметное для людей и животных. Как только объект появляется в зоне видимости, камера реагирует на исходящее от него тепло и автоматически включается.

Старик вполуха слушал их разговор, но его внимание привлекло кое-что другое, на телеэкране.

Он не видел, что именно это было, но зеленый полумрак внезапно проре́зал свет.

— Запись сохраняется на карте памяти, вмонтированной в камеру, ее потом можно воспроизвести на своем компьютере.

— Ну надо же, как далеко зашел прогресс!

— Минус в том, что вам необходимо приехать на место, чтобы проверить, произвела ли камера запись. Если вы приобретете вот эту модель, которая стоит чуть дороже, то каждый раз при включении камеры будете получать смс-уведомление. Есть и еще один вариант — вот эта супермодель, которая не только записывает изображение на карту памяти, но, кроме того, отправляет его прямо на ваш телефон или электронный адрес. В этом случае ваше присутствие необходимо лишь изредка, чтобы поменять батарейки, а так можете спокойно сидеть в своей гостиной.

— А что, если медведь заявится ночью?

— У камеры есть светодиодные лампы. Это невидимый свет, который не спугнет зверя.

Свет. Теперь старик видел его. Яркий поток лился справа, сверху по течению. Он пробуравил толщу зеленой воды, попал на платье, и на какой-то ужасный миг старику показалось, что

девушка в платье пробудилась к жизни и танцует от радости.

— Ну, это уже просто из области фантастики!

Старик изумленно открыл рот, когда увидел, как в кадре появляется космический корабль. Он светился изнутри и парил на расстоянии около полутора метров от речного дна, а потом наткнулся на большой камень и, как при замедленной съемке, начал вертеться вокруг него, а исходившие спереди лучи света заскользили по дну и на мгновение ослепили старика, попав в линзу камеры. Толстая ветвь сосны поймала крутящийся автомобиль и остановила его. Старик слышал, как колотится сердце у него в груди. Автомобиль! В салоне горел свет, и он видел, что машина наполнилась водой почти до самого верха. В салоне кто-то был. Человек полусидел-полустоял на переднем сиденье, отчаянно стараясь дотянуться до воздуха, скопившегося под крышей. Одна из гнилых веток, удерживавших автомобиль, сломалась и уплыла вниз по течению.

— Правда, изображение будет не таким резким и отчетливым, как при дневном свете, да вдобавок еще и черно-белым. Но если линза не запотеет от росы и ничто не загородит обзор, то вы увидите своего медведя.

Старик затопал в попытке привлечь внимание Альфа. Казалось, человек в автомобиле сделал глубокий вдох и нырнул. Его короткие щетинистые волосы пошли волнами, а щеки раздулись. Он ударил обеими руками в боковое стекло, находившееся прямо напротив камеры, но вода, заполнившая салон автомобиля, ослабила силу удара. Старик уперся в подлокотники стула и попытался встать, но мышцы не желали его слушаться. Он отметил, что средний палец на руке мужчины в салоне автомобиля был серого цвета. Бедняга перестал наносить удары и прижался лбом к стеклу. Как будто сдался. Еще одна ветка сломалась, течение все тащило и тащило автомобиль, стараясь высвободить его, но сосна не желала отпускать свою добычу. Старик уставился на лицо, прижимавшееся к окну изнутри. Мужчина был уже не первой молодости. Выпученные голубые глаза. Шрам, прочертивший багровый полукруг от уголка рта до уха. Старик поднялся со стула и, пошатываясь, сделал два шага в сторону прилавка с фотоловушками.

— Простите, — тихо сказал зять покупателю. — Что случилось, папа?

Старик жестами указывал на телеэкран у себя за спиной.

— Правда? — недоверчиво произнес Альф и быстро прошествовал мимо тестя к телеэкрану. — Неужели рыба?

Старик помотал головой и повернулся к экрану. Автомобиль пропал. И все опять стало как раньше. Речное дно, мертвая сосна, платье, зеленый свет, струящийся сквозь лед. Как будто ничего и не случилось. Он снова топнул и показал на экран.

— Успокойся, папа. — Альф дружески похлопал его по плечу. — Еще рано для нереста. — И он вновь вернулся к фотоловушкам.

Старик смотрел на двух мужчин, стоявших к нему спиной, и чувствовал, как его сердце наполняют отчаяние и ярость. Как объяснить им, что он сейчас видел? Врач говорил, что при некоторых видах инсульта нарушается общая способность коммуницировать, в том числе письменно или жестами. Старик проковылял обратно к стулу и снова уселся. Он смотрел на бегущую без остановки реку. Невозмутимая. Равнодушная. Неизменная. И через пару минут он почувствовал, как сердце его успокаивается. Кто знает, может, на самом деле ничего и не было. Вдруг это всего лишь следующий шаг в сторону полного мрака? Или же, в его случае, в сторону наполненного

яркими красками мира галлюцинаций. Он посмотрел на платье. На мгновение, когда, как ему показалось, платье осветили фары автомобиля, бедняге привиделось, что это танцует Оливия. А за оконным стеклом в освещенной кабине автомобиля он разглядел лицо, которое видел раньше. Которое помнил. А единственными лицами, что он пока еще помнил, были лица тех, кого он видел здесь, в своем магазине. Этот мужчина заглядывал к ним дважды. Голубые глаза, багровый шрам. Оба раза он покупал фотоловушки. Совсем недавно сюда приходила полиция и спрашивала о нем. Старик мог бы рассказать, что тот мужчина высокий. И что у него особый взгляд. Взгляд человека, посвященного в тайну. Человека, который не принадлежал к жвачным животным.

Глава 2

Свейн Финне склонился над женщиной и положил руку на ее мокрый от пота лоб. Смотревшие на него снизу вверх глаза были широко распахнуты от боли. Или оттого, что она слишком громко кричала. Скорее второе, решил он.

— Ты боишься меня? — шепотом поинтересовался Финне.

Женщина кивнула и сглотнула. Он всегда считал ее красивой: когда смотрел, как она входит в дом и выходит из него, занимается в спортклубе, когда усаживался в метро напротив — чтобы она знала: он тут, рядом. Но она никогда не казалась ему более прекрасной, чем сейчас, лежащая здесь, абсолютно беспомощная, вся в его власти.

— Обещаю все сделать быстро, любовь моя, — прошептал он.

Женщина проглотила слезы. Как же она боится! Финне задумался, не поцеловать ли ее.

— Нож в живот, — продолжил он, — чик, и все кончится.

Она сжала веки, и из-под ресниц показались две прозрачные слезинки.

Свейн Финне тихо рассмеялся:

— Ты знала, что я приду. Ты знала, что я не смогу оставить тебя в покое. Я же обещал.

Он провел указательным пальцем по смеси пота и слез на ее щеке. Он видел ее глаз сквозь большую, зияющую в ладони, в крыле орла, дыру, которую оставила пуля тогда еще молодого полицейского. Свейна Финне осудили на двадцать лет за восемнадцать эпизодов сексуального домогательства, и он не отрицал самих действий, но выступал как против формулировки «домогательство», так и против того, что за подобные действия мужчину вроде него вообще необходимо наказывать. Но судьи и присяжные, очевидно, сочли, что законы Норвегии выше законов природы. Таково было их мнение.

Через кратер в ладони на Финне смотрел глаз женщины.

— Ты готова, любовь моя?

— Не называй меня так, — проскулила она, скорее умоляя, чем приказывая. — И не говори про нож…

Свейн Финне вздохнул. Ну откуда этот извечный страх? Нож, между прочим, первый инструмент, который появился у наших далеких предков, и у человечества было два с половиной миллиона лет, чтобы к нему привыкнуть, но

кое-кто тем не менее до сих пор не способен разглядеть красоту в предмете, позволившем хомо сапиенс спуститься с деревьев. Охота, хозяйство, земледелие, пища, оборона. Нож забрал столько же жизней, сколько и спас. Одно невозможно без другого. Только тот, кто понимает это, осознает последствия принадлежности к роду человеческому, принимает свое происхождение, способен любить нож. Бояться и любить. Ведь это же две стороны одной медали.

Свейн Финне поднял глаза и посмотрел на готовые к употреблению ножи, разложенные на столе рядом с ними. Можно выбирать. Важно уметь выбрать подходящий инструмент для каждого вида работы. Эти ножи хороши для его цели, все они превосходного качества. Но ясное дело, им не хватает того, что Свейн Финне всегда искал в ноже. Личность. Дух. Магия. А ведь до того как высокий молодой полицейский с жесткими короткими волосами все испортил, у Свейна Финне имелась замечательная коллекция из двадцати шести экземпляров.

Самым красивым был нож с Явы — длинный, тонкий и асимметричный, этакая извивающаяся змея с рукояткой. Красота в чистом виде, ну прямо как у женщины. Возможно, такой нож

не самый удобный в использовании, но зато обладает гипнотическим действием, присущим змеям и очаровательным женщинам, и заставляет людей делать именно то, чего ты от них хочешь. Самым эффективным орудием убийства в коллекции был нож рампури, излюбленное оружие индийской мафии. От него веяло холодом, словно он сделан изо льда, и еще этот нож был завораживающе некрасив. Керамбит, имевший форму тигриного когтя, сочетал в себе функциональность и красоту. Хотя его красота, возможно, и выглядела немного нарочито, как у слишком ярко накрасившейся проститутки в слишком обтягивающем платье со слишком глубоким вырезом. Свейну Финне керамбит никогда не нравился. Он предпочитал невинные, девственные и по возможности простые инструменты вроде своего любимого пуукко — финского ножа. Рукоятка из дерева орехового цвета без всякой гарды, короткое лезвие с долом и загнутым вверх острым концом. Этот пуукко Свейн купил в Турку, а через пару дней воспользовался им, чтобы доходчиво объяснить сложившуюся ситуацию пухлой восемнадцатилетней девчушке по имени Маалин, которая совершенно одна работала на АЗС «Несте» неподалеку от Хельсинки. Уже тогда,

как обычно в предвкушении секса, он начал слегка заикаться. Это не признак потери контроля над ситуацией, скорее наоборот, результат выброса адреналина. И еще подтверждение того факта, что, прожив на свете семьдесят семь лет, Свейн Финне по-прежнему полон сил. Ровно две с половиной минуты прошло с того момента, как он открыл дверь, и до того, как он вышел обратно на улицу. За это время Финне успел прижать Маалин к прилавку, содрать с нее штаны и оплодотворить девчонку, а затем взять ее удостоверение личности и переписать себе фамилию и адрес. Две с половиной минуты. Сколько секунд заняло само оплодотворение? Половой акт у шимпанзе длится в среднем восемь секунд, восемь секунд две обезьяны остаются совершенно беззащитными в мире, полном страшных хищников. Горилла, у которой меньше врагов в дикой природе, может растянуть удовольствие на минуту. Но дисциплинированный мужчина во вражеском стане должен принести удовольствие в жертву более высокой цели: репродукции. Поэтому точно так же как ограбление банка не должно превышать четырех минут, так и оплодотворение в общественном месте не должно длиться более двух с половиной. Эволюция докажет его правоту, это

всего лишь вопрос времени.

Но здесь и сейчас они в безопасности. Кроме того, никакого оплодотворения не ожидалось. Нельзя сказать, что у Финне не было желания, оно было. Но сегодня у нее произойдет соитие с ножом. Нет никакого смысла в том, чтобы пытаться оплодотворить женщину, если в результате у нее не появится потомства. В этом случае дисциплинированный мужчина сбережет свое драгоценное семя.

— Мне можно называть тебя любимой, мы же помолвлены, — прошептал Свейн Финне.

Она смотрела на него черными от ужаса глазами. Невероятно черными, словно бы уже угасшими. Как будто в них больше не осталось света.

— Да, мы же помолвлены, — тихо засмеялся он, прижимаясь своими толстыми губами к ее, после чего автоматически вытер женщине рот рукавом фланелевой рубашки, чтобы не оставить там следов своей слюны. — Ну а теперь я сделаю то, что обещал… — сказал Свейн и резко провел зажатым в руке ножом между ее грудями вниз к животу.

Глава 3

Харри проснулся. Что-то явно было не так. Понятное дело, он скоро вспомнит, в чем именно заключается проблема, и несколько благословенных секунд неведения — это все, что у него есть, прежде чем кулак реальности нанесет ему безжалостный удар. Он открыл глаза и сразу пожалел об этом. Казалось, солнечный свет, который пробивался сквозь грязное, в подтеках окно, освещая маленькую пустую гостиную, беспрепятственно проник прямо к болезненной точке позади глаз. В поисках убежища Харри снова зажмурился. Он успел вспомнить, что ему снился сон. О Ракели, конечно же. Первую часть этого сна он видел неоднократно: было утро, много лет назад, вскоре после того, как они познакомились. Она лежала, положив голову ему на грудь, а Харри спросил, правда ли то, о чем все говорят: якобы у него нет сердца? И Ракель рассмеялась тем смехом, который он так любил. Чтобы вызвать у нее этот смех, он был готов совершать самые идиотские поступки. Ракель подняла голову, посмотрела на него теплыми карими глазами, унаследованными от матери-австрийки, и ответила, что люди

правы, но это ничего — она отдаст ему половинку своего сердца. А ведь на самом деле все, считай, именно так и произошло. Сердце Ракели оказалось огромным, оно гоняло кровь по его телу, помогало ему оттаять, вновь делало его настоящим человеком. Любящим мужем. И заботливым отцом Олега, погруженного в себя серьезного парнишки, которого Харри со временем полюбил, как собственного сына. Харри был буквально на седьмом небе от счастья, и в то же время все это страшно его пугало. Он понимал, что это как-то неправильно, ведь он не создан для блаженства. И он до смерти боялся потерять Ракель. Потому что одна половинка сердца не может биться, если не бьется другая, это прекрасно известно всем, в том числе ему и Ракели. Но если Харри не может без нее жить, почему же он сбежал от нее в сегодняшнем сне?

Он толком не помнил, как это произошло, но Ракель явилась, чтобы потребовать назад свою половинку сердца, она услышала слабеющие удары сердца в груди Харри, нашла его и позвонила в дверь.

И занесенный кулак реальности настиг его. Вот она, жестокая правда жизни.

На самом деле он уже потерял Ракель.

И это не он сбежал, а она сама выгнала его.

Харри принялся хватать ртом воздух. В уши настойчиво проникал какой-то звук, и он понял, что голова его буквально разрывается от мигрени. Этот же самый звук ворвался, причинив боль, в его сон перед самым пробуждением. А ведь кто-то на самом деле звонит в дверь. И у него невольно опять появилась эта идиотская, мучительная, неослабевающая надежда.

Не открывая глаз, Харри протянул руку к бутылке виски, стоявшей на полу рядом с диваном, опрокинул ее и, услышав громыхание катящегося по вытертому паркету сосуда, понял, что тот пуст. Он заставил себя открыть глаза и увидел руку, жадной клешней свисающую над полом, и титановый протез, заменяющий средний палец. Рука была в крови. Черт! Он понюхал пальцы, пытаясь вспомнить, чем закончился вчерашний вечер и присутствовали ли там женщины. Харри откинул одеяло и оглядел свое 193-сантиметровое тело — длинное, голое и тощее. Вот, пожалуйста, физические следы того, что он опустился на дно. Если и дальше вести такой образ жизни, то мышечная масса начнет уменьшаться неделя за неделей, а кожа, которая уже приобрела сероватый оттенок, побледнеет еще больше, он превратится в при-

зрак и в конце концов исчезнет полностью. Но в этом-то и заключается весь смысл употребления алкоголя, разве нет?

Издав стон, Харри привел себя в сидячее положение и огляделся. Он вернулся туда, где находился перед тем, как снова стать человеком, только теперь стоял ступенькой ниже. Он не знал, ирония ли это судьбы или простое совпадение, но двухкомнатная сорокаметровая квартира его молодого коллеги из полиции, куда его сначала пустили пожить и которую он со временем снял, находилась этажом ниже той, где Харри обитал до того, как переехал в бревенчатую виллу Ракели в Хольменколлене. Поселившись здесь, Харри купил в «ИКЕЕ» раскладной диван. Этот самый диван, забитая виниловыми пластинками книжная полка в спальне, журнальный столик, зеркало, до сих пор прислоненное к стене гостиной, и комод в коридоре — вот и вся обстановка новой квартиры. Харри и сам толком не знал, почему не обустраивает жилье: то ли в силу инертности, то ли в глубине души надеется, что Ракель все-таки позовет его обратно.

Харри прислушался к себе: не надо ли ему проблеваться? М-да, вот вопрос. Похоже, за две недели организм постепенно адаптировался к

яду и стал не только лучше переносить алкоголь, но и даже требовать увеличения дозы. Харри посмотрел вниз на пустую бутылку из-под виски, остановившуюся между его ступнями. «Питер Доусон спешиал». Прямо скажем, не самый лучший выбор. То ли дело «Джим Бим»: прекрасный виски, да к тому же его выпускают в прямоугольных бутылках, которые никуда не укатятся. Но зато «Доусон» стоит дешево, а томимому жаждой алкоголику с зарплатой полицейского и пустым банковским счетом особо привередничать не приходится. Харри взглянул на часы. Без десяти четыре. До закрытия винных магазинов оставалось два часа десять минут.

Он сделал вдох и поднялся. Голова вот-вот взорвется. Он покачнулся, но устоял на ногах. Харри посмотрел на себя в зеркало и решил, что сильно смахивает на донную рыбу, которую вытащили на поверхность так быстро, что, казалось, глаза и внутренности вот-вот вывернутся наружу, да еще с такой силой, что прорвали ей крючком щеку, оставив серповидный розовый шрам от левого уголка рта до уха. Он пошарил под одеялом, но трусов не нашел, натянул лежавшие на полу джинсы и вышел в коридор. На неровном стекле входной двери вырисовывался темный силуэт.

«Это Ракель, она вернулась!» Точно так же он думал, когда в дверь позвонили в прошлый раз. Но тогда это оказался сотрудник энергетической компании «Хафслюнд Стрём». Он обходил квартиры, предлагая жильцам заменить старые счетчики на новые, современные, которые измеряют расход электричества каждый час: дескать, очень удобно, всегда можно самому удостовериться, в какое время ты включал электроплиту или настольную лампу. Харри ответил, что плиты у него нет, а если бы даже и была, ему бы не хотелось, чтобы все вокруг знали, когда он пользуется ею, а когда нет. И выпроводил агента.

Но силуэт, который он видел сейчас, был женским. Ее рост, ее фигура. Интересно, как Ракель проникла в подъезд?

Он открыл дверь.

На пороге стояли две гостьи. Абсолютно незнакомая женщина и девочка, такая маленькая, что просто не доставала до стекла. Харри заметил кружку для сбора пожертвований и понял, что сначала они позвонили в домофон и кто-то из соседей впустил их в подъезд.

— Благотворительная акция по сбору средств на нужды Красного Креста, — сказала женщина. Поверх курток у них обеих были надеты оранже-

вые жилеты с соответствующей эмблемой.

— А я думал, она проводится осенью, — ответил Харри.

Женщина и девочка молча смотрели на него. Сначала он принял это за враждебность, как будто он обвинил их в обмане. Но потом понял, что это презрение, вызванное, возможно, тем, что он был кое-как одет и от него разило спиртом, и это в четыре часа дня. Кроме того, Харри не знал о благотворительной акции, проходящей, вероятно, по всей стране, о чем наверняка сообщали по телевидению.

Харри задумался, не испытывает ли он чувство стыда. Да, есть немного. Он засунул руку в карман брюк, где обычно хранил наличность, когда уходил в запой, зная по опыту, что банковскую карту в таких случаях лучше с собой не носить.

Он улыбнулся девочке, которая широко раскрытыми глазами смотрела на его окровавленную руку, опускающую свернутую купюру в щель опломбированной кружки. Перед тем как купюра исчезла в кружке, Харри заметил усы. Усы Эдварда Мунка[1].

---

[1] Примечания: 1

Норвежский художник Эдвард Мунк был изображен на купюре в 1000 норвежских крон старого образца. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

— Черт! — воскликнул он, вновь опуская руку в карман. Пуст, как и его счет.

— Прошу прощения? — произнесла женщина.

— Я думал, это двести крон, но по ошибке дал вам тысячную купюру.

— Бывает.

— А можно… э-э-э… получить ее обратно?

Посетительницы молча переглянулись. Девочка осторожно подняла кружку повыше, чтобы ему лучше была видна пломба поверх логотипа благотворительной акции.

— Понятно, — прошептал Харри. — А как насчет сдачи?

Женщина улыбнулась, как будто услышала шутку, и он тут же улыбнулся в ответ, чтобы заверить ее, что она права, но его мозг отчаянно продолжал искать решение проблемы. Необходимо раздобыть 299 крон и 90 эре до шести часов. Или хотя бы 169 крон и 90 эре, этого хватит, чтобы приобрести маленькую бутылку.

— Утешайтесь тем, что ваши деньги пойдут нуждающимся, — сказала женщина и потянула девочку за собой в сторону лестницы и следующей квартиры.

Харри запер за ними дверь, прошел в кухню, смыл с руки кровь и почувствовал жгучую боль.

Вернувшись в гостиную, он огляделся и заметил на пододеяльнике отпечаток кровавой ладони. Он опустился на четвереньки и достал из-под дивана мобильный телефон. Сообщений нет, только три пропущенных вчера вечером звонка: один от Бьёрна Хольма, криминалиста, родом из Тутена, и два от Александры, эксперта из Института судебной медицины. Они с Харри близко познакомились совсем недавно, после того как Ракель выгнала его из дома, и, судя по тому, что он помнил, Александра была не из тех дамочек, кто считает менструацию причиной для отмены секса.

В первый раз, когда она приволокла сюда его, пьяного, и они оба безуспешно шарили по его карманам в поиске ключей, Александра подозрительно быстро и ловко вскрыла замок, уложила Харри на диван и сама устроилась рядышком. А когда он проснулся, ее уже и след простыл, осталась только записка, в которой она благодарила его за прекрасную ночь. Так что это вполне могла быть кровь Александры.

Харри зажмурился и попробовал сосредоточиться. События последних недель вообще виделись ему как в тумане, а что касается вчерашнего вечера и минувшей ночи, то здесь его

память не сохранила абсолютно ничего. Серьезно, в голове была полная пустота. Он открыл глаза и посмотрел на правую руку, которая сильно болела. Кожа с костяшек трех пальцев ободрана, по краям ран запеклась кровь. Скорее всего, он кого-то ударил. А то, что пострадали три пальца, означало, что ударов было несколько. Теперь он заметил кровь и на брюках тоже. Много крови, столько не могло натечь из ран на руке. И она вряд ли была менструальной.

Харри вытряхнул одеяло из пододеяльника, одновременно набирая номер Бьёрна Хольма. В трубке раздались гудки, и Харри знал, что где-то там, вдалеке, звучит мелодия одной из песен Хэнка Уильямса[2], в которой, по утверждению Бьёрна, рассказывалось о криминалисте вроде него самого.

— Как делишки? — раздался добродушный тутенский говорок Бьёрна.

— Так себе, — ответил Харри, заходя в ванную. — Можешь одолжить мне триста крон?

— Сегодня воскресенье, Харри. Винные магазины закрыты.

— Воскресенье? — Харри выскользнул из брюк

---

[2] Примечания: 2

Уильямс Хэнк (1923–1953) — американский автор-исполнитель в стиле кантри.

и запихал их вместе с пододеяльником в переполненную корзину с грязным бельем. — Черт бы его побрал.

— Еще что-нибудь?

— У меня пропущенный звонок: оказывается, ты звонил мне вчера около девяти вечера.

— Да, но ты не ответил.

— Угу. Судя по всему, мой телефон последние сутки пролежал под диваном. Я был в баре «Ревность».

— Так я и подумал, поэтому позвонил Эйстейну, и он сообщил мне, что ты там.

— И?..

— Ну и я тоже заявился туда. Ты что, серьезно — ничего не помнишь?

— Да что случилось, черт возьми?

Харри услышал, как его коллега вздохнул, и представил, как слегка выпученные рыбьи глаза Бьёрна закатились на круглом и бледном, как луна, лице, обрамленном кепкой и самыми густыми рыжими бакенбардами во всем Полицейском управлении Осло.

— Что именно тебя интересует?

— Только то, что, по-твоему, мне следует знать, — произнес Харри, обнаруживший в корзине для белья кое-что интересное. Там среди

грязных трусов и футболок торчало горлышко бутылки. Он рывком достал ее. «Джим Бим». Пустая. Или?.. Он открутил пробку, приставил горлышко ко рту и закинул голову назад.

— Хорошо, тогда слушай короткий отчет, — сказал Бьёрн. — Когда я прибыл в бар «Ревность» в четверть десятого, ты был пьян, а когда я в половине одиннадцатого повез тебя домой, ты мог связно говорить только на одну-единственную тему. Вернее, только об одном человеке. Угадай о ком.

Харри не ответил, он тряс бутылку, следя за каплей, стекающей вниз.

— О Ракели, — пояснил Бьёрн. — Ты с трудом добрался до машины, а потом я запер тебя в квартире, вот и все.

По скорости движения капли Харри понял, что у него еще много времени, и отнял бутылку ото рта.

— Мм… Правда?

— Это краткая версия.

— Мы дрались?

— Ты и *я*?

— Ясно. Судя по твоей реакции, дрался только я, причем явно не с тобой. А с кем?

— Ну, новый владелец «Ревности» точно полу-

чил затрещину.

— Всего одну? Я проснулся с тремя ободранными костяшками на руке, да и брюки у меня тоже в крови.

— Сперва ты стукнул Рингдала по носу, причем с такой силой, что брызнула кровь. После этого он уклонился, и ты попал в стену. Причем несколько раз подряд. Думаю, на стене остались твои кровавые следы.

— Неужели Рингдал не защищался?

— Решил не связываться. Честно говоря, Харри, ты так надрался, что твои действия не могли считаться оскорбительными. Нам с Эйстейном удалось остановить тебя до того, как ты нанес себе повреждения.

— Черт возьми, ничего не помню. А за что я бил Рингдала?

— Ну, одну-то затрещину этот тип точно заслужил. Он проиграл всю пластинку «White Ladder»[3] и решил поставить ее сначала. Но тут ты принялся орать, что он разрушает добрую репутацию заведения, созданную, по твоему мнению, тобой, Эйстейном и Ракелью.

— Но ведь так оно и есть! Этот бар был золотой

---

[3] Примечания: 3

Четвертый музыкальный альбом британского певца и композитора Дэвида Грея; вышел в 1998 году.

жилой, Бьёрн. И Рингдал получил все хозяйство за бесценок, я потребовал лишь одного: он не станет крутить всякое дерьмо, а только настоящую музыку.

— То есть такую, которую выбрал ты?

— Которую выбрали мы, Бьёрн. Ты, я, Эйстейн, Мехмет… Никакого Дэвида Грэя, черт побери!

— Возможно, тебе надо было объяснить это более доходчиво… Ой, Харри, малыш заплакал.

— Да, конечно. Спасибо тебе, Бьёрн. И прости за вчерашнее. Черт, я сейчас выгляжу словно клоун. Все, отбой. Привет Катрине.

— Она на работе.

Харри дал отбой, и в тот же миг в голове у него словно бы взорвался фейерверк, и он, как при вспышке молнии, увидел какую-то картину. Правда, все произошло так быстро, что он не успел толком понять, что именно увидел, однако внезапно сердце его бешено заколотилось. Он сел и тяжело задышал.

Харри смотрел на бутылку, которую по-прежнему держал вверх ногами. Виски вытек. Он взглянул вниз. Коричневая капля мерцала на грязном, некогда белом кафельном полу.

Харри вздохнул и, как был голый, скользнул на пол, ощутив коленями холод кафеля, высу-

нул язык, втянул воздух и нагнулся вниз, лбом к плитке, словно бы для молитвы.

Харри широко шагал по улице Пилестреде. Ботинки «Доктор Мартенс» оставляли черные следы на тонком слое снега, выпавшего накануне ночью. Низкое весеннее солнце делало все, что было в его силах, чтобы растопить снег до того, как он осядет за фасадами старых домов, которые в этом районе насчитывали только четыре или пять этажей. Харри прислушивался к ритмичному звуку скребущих об асфальт камешков, набившихся в подошвы. Он шел мимо высоких современных жилых зданий, выросших на месте, где раньше находилась Государственная больница, в которой почти пятьдесят лет назад он родился. Харри взглянул на последний образчик уличного искусства на фасаде молодежного центра «Блиц», когда-то просто обшарпанного дома, оккупированного панками и превращенного ими в крепость. В юности Харри приходил сюда на концерты малоизвестных групп, хотя сам никогда не был неформалом. Он миновал паб «Рекс», где напивался до беспамятства в те времена, когда заведение еще носило другое название, поллитровка пива стоила гораздо дешевле, охранники были более сговорчивыми, а

внутри правила бал джазовая тусовка. Но к ней он тоже не принадлежал. Как и к любившей порассуждать о спасении души пастве из прихода «Филадельфия», что на другой стороне улицы. Харри миновал здание суда. Скольких преступников, которых он разоблачил, приговорили к наказанию в этих стенах? Много. Но недостаточно много. Потому что в ночных кошмарах к нему приходили не те, кого он поймал, а те, кто от него улизнул, а также их жертвы. И все же он изловил достаточно злоумышленников, для того чтобы сделать себе имя и создать репутацию. В целом неплохую, но небезупречную. Ведь по вине Харри Холе, прямой или косвенной, несколько раз гибли его коллеги. Он добрался до района Грёнландслейре, где в далекие семидесятые годы моноэтнический Осло наконец-то встретился с миром или наоборот. Арабские рестораны, магазины с экзотическими овощами и специями из Карачи, сомалийские семьи, совершающие воскресные прогулки: женщины в хиджабах с колясками и идущие на три шага позади них, оживленно болтающие мужчины. Но Харри узнал несколько пабов, сохранившихся с тех времен, когда рабочий класс в Осло еще был белым. Он миновал церковь Грёнланда и направился в

сторону стеклянного дворца в парке на вершине холма. Перед тем как толкнуть тяжелую входную дверь со странным окном-иллюминатором, он обернулся и посмотрел на Осло. Страшный и красивый. Холодный и теплый. Иногда он любил этот город, а иногда ненавидел. Но он не мог покинуть его. Отдохнуть от него, уехать на время — да. Но не оставить навсегда. Харри не мог бросить родной город так, как Ракель бросила его самого.

Дежурный пропустил его через «шлюз», и в ожидании лифта Харри расстегнул куртку, хотя чувствовал, что уже вспотел. Когда перед ним распахнулись двери подъемника, он задрожал. Харри понял, что давняя фобия ожила: сегодня воспользоваться лифтом не получится. Он развернулся и пошел на шестой этаж по лестнице.

— На работе в воскресенье? — спросила Катрина Братт, поднимая голову от компьютера, когда Харри без приглашения зашел в ее кабинет.

— Как и ты. — Он присел на стул возле ее письменного стола.

Их взгляды встретились.

Харри закрыл глаза, откинул голову назад и вытянул свои длинные ноги, достававшие до края стола. Стол переехал сюда вместе с Катриной, когда она получила должность Гуннара Хагена.

Она перекрасила стены в более светлый цвет и отциклевала полы, в остальном же кабинет начальника отдела не изменился. И несмотря на то что Катрина Братт была новоиспеченным начальником отдела по расследованию убийств, замужней дамой и молодой матерью, Харри по-прежнему видел перед собой темноглазую диковатую девчушку, перешедшую в Осло из Полицейского управления Бергена. Она приехала в столицу, имея четко составленный план, умненькая, с красивым серьезным личиком и фигуркой настолько соблазнительной, что это опровергало расхожую шутку о том, что в Бергене вообще нет женского пола, и приковывало к себе взгляды коллег. Ей же самой приглянулся только Харри, и на то имелись самые банальные парадоксальные причины. Его дурная слава. То, что он уже был занят. И то, что он смотрел на Катрину исключительно как на коллегу.

— Возможно, я ошибаюсь, — зевнул Харри, — но по телефону мне показалось, что твой тутенец наслаждается декретным отпуском.

— Это правда, — кивнула Катрина и застучала по клавишам. — А ты как? Тоже наслаждаешься?

— Чем? Отпуском от жены?

— Я имела в виду — возвращением в отдел

убийств.

Харри открыл один глаз:

— И заданиями на уровне низшего полицейского звена?

Катрина вздохнула:

— Это лучшее, что мы с Гуннаром могли сделать в сложившейся ситуации, Харри. А ты, интересно, чего ожидал?

Харри позволил себе одним глазом оглядеть офис, пока раздумывал, чего же именно ожидал. Что кабинет Катрины приобретет какие-то женские особенности? Что самому Харри вновь предоставят ту же свободу действий, какая была у него до того, как он сбежал с должности следователя и стал преподавать в Полицейской академии, женился на Ракели и попытался вести спокойную и трезвую жизнь? Конечно, это было попросту невозможно. Катрина с благословения Гуннара Хагена и с помощью Бьёрна буквально вытащила Харри из сточной канавы, пристроив его на это место и дав ему шанс вновь подняться, повод думать о чем-то еще, кроме Ракели, не упиться до смерти. Харри, между прочим, добровольно согласился сидеть тут, перебирать бумажки и пересматривать старые дела, а это свидетельствовало о том, что он скатился даже

еще ниже, чем, по его мнению, в принципе было возможно. Хотя опыт подсказывал, что всегда есть куда падать дальше. Он кашлянул:

— Можешь одолжить мне пятьсот крон?

— Ну вот, этого еще не хватало! — Катрина в отчаянии посмотрела на него. — Харри, так вот почему ты сюда пришел? Неужели тебе мало вчерашнего?

— Кстати, о вчерашнем, — ответил Харри. — Признайся, это ты послала Бьёрна в «Ревность», чтобы он отвез меня домой?

— Нет.

— Как же тогда он меня нашел?

— Всем известно, где ты тусуешься по вечерам, Харри. Многие считают это забавным: ходить именно в тот бар, который ты только что продал.

— Новые хозяева обычно опасаются отказывать в обслуживании бывшим владельцам заведения.

— До вчерашнего дня, может, так оно и было. Но, как утверждает Бьёрн, Рингдал, выпроваживая тебя вчера из «Ревности», заявил, что тебе пожизненно запрещен вход в его бар.

— Правда? Ни хрена не помню.

— Давай я немного помогу тебе освежить память. Ты подбивал Бьёрна составить заявление в полицию — хотел привлечь Рингдала за музыку,

которую играют в баре, а после этого пытался позвонить Ракели и поговорить с ней разумно. С телефона Бьёрна, потому что свой ты оставил дома, а главное — сомневался, что она ответит, если увидит твой номер.

— О господи! — простонал Харри, пряча в руках лицо и массируя при этом лоб.

— Я рассказываю все это не из вредности, а чтобы показать тебе, что происходит, когда ты пьешь, Харри.

— Бшоеспсибо. — Харри сложил руки на животе. Он заметил, что на краешке письменного стола лежит двухсотенная купюра.

— Маловато, чтобы нажраться в дрова, — сказала Катрина, проследив за его взглядом. — Но вполне достаточно, чтобы заснуть. Потому что это как раз то, что тебе надо. Сон.

Харри посмотрел на нее. Взгляд Катрины с годами стал мягче, она больше не была той злой девчонкой, которая хотела отомстить всему миру. Возможно, это произошло потому, что теперь на ней лежала ответственность за других людей — за сотрудников отдела и за девятимесячного сынишку. Да, материнский инстинкт наверняка может сделать человека более мягким и заботливым. Харри вспомнил, как полтора года назад они

расследовали дело вампириста. Когда Ракель положили в больницу, а он напился, сердобольная Катрина подобрала его и привезла в свою квартиру. Она позволила ему сперва проблеваться в чистейшей ванне, а затем несколько часов проспать мертвецким сном в их с Бьёрном постели.

— Нет, — возразил Харри. — Сон мне не нужен, мне нужно заняться делом.

— Работай на здоровье…

— Я имел в виду дело Финне.

Катрина вздохнула:

— Такого дела у нас в производстве нет. В тех убийствах, о которых ты толкуешь, ничто не указывает на него. И как я уже говорила, по ним работает достаточное количество людей.

— Три убийства. Три нераскрытых убийства. И ты отмахиваешься от помощи человека, который действительно может доказать то, что мы с тобой и так знаем, а именно: что все эти убийства совершил Финне!

— У тебя же есть свое дело, Харри. Раскрой преступление, которое тебе поручили, а мне позволь руководить отделом.

— Да там и раскрывать-то нечего. Муж убил жену и уже добровольно во всем сознался. И мотив у нас есть, и улики налицо.

— Он может в любой момент отказаться от чистосердечного признания, и тогда нам потребуется больше доказательств.

— Такое дело ты вполне могла поручить Виллеру, Скарре или вообще кому-нибудь из стажеров. Ну подумай сама: Финне опасный преступник, сексуальный маньяк и серийный убийца. А я, черт возьми, единственный следователь, обладающий специальными знаниями именно в этой области.

— Нет, Харри! Это мое последнее слово.

— Но почему?

— Почему? Да только посмотри на себя! Неужели если бы ты руководил отделом убийств, то послал бы пьющего, психически нестабильного полицейского в Копенгаген и Стокгольм к нашим и так уже скептически настроенным коллегам, которые считают, что за убийствами в их городах стоят *разные* люди? Не обижайся, но тебе везде мерещатся серийные убийства, потому что твой мозг попросту на них зациклился.

— Может, ты и права, но это точно Финне. Сейчас объясню…

— Не желаю ничего слушать! Ты должен избавиться от этих навязчивых мыслей, Харри.

— От навязчивых мыслей?

— Бьёрн говорит, что ты всегда болтаешь о Финне, когда хлебнешь лишнего, утверждаешь, что должен поймать его до того, как он поймает тебя.

— Когда *хлебну лишнего*? Ты хочешь сказать: когда я *нажрусь в хлам*? Ну ладно. — Харри придвинул к себе двести крон и опустил купюру в карман брюк. — Хорошего воскресенья.

— Ну и куда, интересно, ты собрался?

— Туда, где смогу насладиться выходным.

— У тебя в подошвы набились камешки, так что, будь любезен, поднимай ноги, когда идешь по моему паркету.

Харри мчался по Грёнландслейре в сторону «Олимпии» и «Пигаль». Не самые его любимые питейные заведения, но они находились ближе всего. На главной улице этого района было так мало машин, что он спокойно перешел дорогу на красный свет, проверяя при этом мобильный. Он раздумывал, не перезвонить ли Александре, но отогнал от себя эту мысль. Лучше поберечь нервы. Заглянув в телефон, Харри увидел, что вчера в промежутке между шестью и восемью часами вечера шесть раз звонил Ракели. Он содрогнулся, заметив на дисплее надпись «неотвеченные вызовы». Иногда язык технологий бывает безжа-

лостно точным.

Едва ступив на тротуар на другой стороне улицы, Харри ощутил резкую боль в груди. Сердце вдруг бешено заколотилось, как будто сломалась рессора, контролирующая его скорость. Неужели инфаркт? И только он успел испугаться, как боль исчезла. Хотя, пожалуй, это был бы не худший исход. Укол в сердце, падение на колени — прямо лбом об асфальт. *The End*[4]. Еще несколько дней употребления алкоголя в таком же темпе — и этот сценарий станет вполне реалистичным. Харри пошел дальше. И вновь вспышка молнии: сейчас перед ним промелькнуло больше, чем утром, но виде́ние вновь ускользнуло, как сон при пробуждении.

Харри остановился перед дверью «Олимпии» и заглянул внутрь. То, что несколько лет назад было одним из худших притонов Осло, подверглось основательному ремонту. Настолько основательному, что Харри замешкался. У заведения появилась иная клиентура: смесь хипстеров и хорошо одетых парочек, а также семьи с маленькими детьми, испытывающие постоянную нехватку времени, но имеющие достаточно средств, чтобы

---

[4] Примечания: 4
Конец *(англ.)*.

пообедать в воскресенье в ресторане.

Харри осторожно засунул руку в карман и нащупал двести крон и кое-что еще. Ключ. Не его собственный, а от квартиры на улице Борггата в районе Тёйен, той самой, где муж убил жену. Он точно не знал, зачем попросил ключ, ведь преступление было уже раскрыто. По крайней мере, он мог в полном одиночестве осмотреть место происшествия. Да, в полном одиночестве, поскольку его так называемый напарник, второй следователь, работающий по этому делу, Трульс Бернтсен, даже пальцем не пошевелит. Трульс Бернтсен оказался в отделе убийств, мягко выражаясь, не на основании собственных заслуг, а благодаря своему другу детства, бывшему начальнику Полицейского управления Осло, а ныне министру юстиции Микаэлю Бельману. Толку от Бернтсена не было абсолютно никакого, и между Катриной и Трульсом существовало молчаливое соглашение: ему не поручали оперативную работу и использовали в основном на подхвате. Он варил для всех кофе и коротал время, раскладывая на компьютере пасьянс и играя в тетрис. Кофе Трульс варить толком так и не научился, а вот в тетрисе так поднаторел, что в последнее время стал периодически обыгрывать Харри. По правде

говоря, Харри с Трульсом, сидящие в дальнем конце офиса и разделенные полутораметровой старой ширмой на колесиках, представляли собой печальное зрелище.

Харри еще раз заглянул в заведение. Он увидел прямо у окна свободную кабинку, рядом расположилась семья с детьми. В этот же миг маленький мальчик за столом заметил его, засмеялся и показал на Харри пальцем. Отец, сидевший спиной к окну, повернулся, и Харри автоматически сделал шаг назад, во мрак. Оттуда он увидел свое бледное, морщинистое лицо, отразившееся в стекле и слившееся с лицом мальчика в ресторане. И невольно вспомнил собственное детство. Летние каникулы, семейный обед в Румсдалене. Родители обеспокоены тем, что дед напился. А маленький Харри весело смеется над пьяным дедушкой.

Харри пощупал ключи. Отсюда до улицы Борггата пять-шесть минут пешком.

Он достал телефон, посмотрел на список вызовов и набрал номер. Ждал ответа, изучая костяшки на правой руке. Боль поутихла, значит он бил не слишком сильно. Но с другой стороны, понятно, что кровь из девственного носа любителя Дэвида Грэя хлынула довольно быстро.

— Да, Харри?

— Похоже, я не вовремя?

— Я обедаю.

— Хорошо, буду краток. Можешь приехать и встретиться со мной после обеда?

— Нет.

— Ответ неверный, попробуй еще раз.

– *Да?*

— В точку. Улица Борггата, пять. Позвони, когда подъедешь, я спущусь и открою тебе.

Харри услышал, как глубоко вздохнул Столе Эуне, его старый друг и штатный эксперт-психолог отдела убийств.

— Ты хочешь сказать, что это не приглашение в бар, за посещение которого мне придется заплатить из собственного кармана, и что ты действительно трезв?

— Разве я когда-нибудь позволял тебе платить? — Харри вытащил пачку «Кэмела». — Или я что-то забыл?

— Да нет, обычно ты и по счету всегда платил, и помнил все прекрасно. Но алкоголь вот-вот сожрет как твои финансы, так и память, ты об этом знаешь?

— Ладно, давай лучше о деле. Речь идет о бытовом убийстве. Муж взял нож и…

— Да-да, я в курсе.

Харри зажал губами сигарету.

— Так ты приедешь?

Последовал еще один глубокий вздох.

— Ну, если это на несколько часов удержит тебя на расстоянии от бутылки…

— Великолепно, — заключил Харри, дал отбой, опустил телефон в карман куртки, щелкнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку.

Харри стоял спиной к закрытой входной двери бара. Он мог успеть выпить кружку пива и добраться до улицы Борггата раньше Эуне. На улицу просочились звуки музыки. Признание в любви при помощи автотюнера. Он выбежал на дорогу, жестом извинившись перед водителем затормозившей машины.

Фасад старого дома для рабочих семей на улице Борггата скрывал новые квартиры со светлыми комнатами, кухнями, объединенными с гостиными, современными ванными и балконами, выходящими во двор. Харри считал это предупреждением: скоро и Тёйен отремонтируют, цена за квадратный метр вырастет, в квартиры въедут новые жильцы, социальный статус района изменится. Продовольственные магазины и маленькие кафешки иммигрантов уступят место

спортклубам и хипстерским ресторанам.

Казалось, что психолог, сидящий на одном из двух венских стульев, которые Харри выставил на середину комнаты, чувствует себя неуютно. Харри полагал, что это вызвано несоразмерностью хрупкого стула и весьма упитанного тела Столе Эуне, а также тем, что его маленькие круглые очки запотели, после того как он против своей воли не поехал на лифте, а вместе с Харри поднялся на третий этаж по лестнице. Или же лужей засохшей крови, которая черной восковой печатью лежала между ними. Однажды во время летних каникул, когда Харри был маленьким, дедушка сказал ему, что деньги есть нельзя. Харри поднялся в свою комнату, достал пять крон, которые ему дал дед, и попробовал их съесть. Он помнил холодок на зубах, запах металла и сладковатый привкус. Это походило на кровь, которую он высасывал из своих царапин. Или на запах, царивший на местах преступлений, куда он попадет позже, даже если кровь там уже высохла. Как в этой комнате, где они находились сейчас. Монета. Кровавые деньги.

— Нож, — сказал Столе Эуне, засунув ладони под мышки, как будто боялся, что кто-нибудь их украдет. — Знаешь, а в мысли о ноже что-то

есть. Холодная сталь, проходящая через кожу внутрь твоего тела. Это меня будоражит, говоря молодежным языком.

Харри не ответил. Сотрудники их отдела пользовались консультациями Эуне в делах об убийствах уже столько лет, что Харри не мог с точностью сказать, в какой именно момент он начал считать этого человека, бывшего на десять лет старше его, своим другом. Но он знал штатного психолога достаточно хорошо, чтобы понимать: тот кокетничает, делая вид, будто бы не знает, что слово «будоражить» старше их обоих. Эуне любил строить из себя пожилого консервативного человека, оторванного от духа времени, которому так старались соответствовать его коллеги в надежде, что к ним будут относиться как к «адекватным» людям. Чего только стоят высказывания Эуне в прессе и профессиональных кругах! «Психология и религия, — заявлял он, — похожи тем, что в общем и целом дают людям ответы, которые они ищут. Там, во мгле, куда еще не проник свет науки, у психологов и священников развязаны руки. И если бы все они придерживались только достоверных фактов, то мигом остались бы без работы».

— Значит, это здесь отец семейства ударил

жену ножом… сколько раз?

— Тринадцать, — сказал Харри, оглядываясь.

На стене прямо перед ними висела в рамке черно-белая фотография с видом Манхэттена: он узнал небоскреб Крайслер-билдинг в центре. Вполне возможно, ее приобрели в «ИКЕЕ». Ну и что из этого? Хороший снимок. Если тебя не смущает, что у многих людей есть точно такой же и что кто-нибудь из гостей наверняка презрительно поморщится — не потому, что фотография плоха, а потому, что она из «ИКЕИ», — то ее стоит купить. Главное, чтобы тебе самому нравилось. Помнится, Харри привел эти аргументы в разговоре с Ракелью, когда она положила глаз на стоившую аж 80 000 крон авторскую фотографию Турбьёрна Редланда[5]: крутой поворот на Голливудских холмах и стоящий поперек узкой дороги белый длинный лимузин. Ракель безоговорочно согласилась с Харри. И это вызвало у него такое глубокое удовлетворение, что он купил ей эту красоту. Вовсе не потому, что разгадал маневр жены, но потому, что в глубине души не мог не признать: это фото и впрямь намного круче.

— Убийца явно действовал в состоянии аффек-

---

[5] Примечания: 5

Редланд Турбьёрн (р. 1970) — знаменитый норвежский фотограф и художник.

та, — заключил Эуне, застегивая пуговицу на рубашке в том месте, где обычно носил галстук-бабочку с забавным узором, напоминающим желтые звезды на флаге Евросоюза.

В одной из соседних квартир заплакал ребенок.

Харри стряхнул пепел с сигареты.

— Он говорит, что не помнит в подробностях, как ее убивал.

— Вытесненные воспоминания. Надо было мне провести с ним сеанс гипноза.

— Не знал, что ты этим занимаешься.

— Гипнозом? А как, по-твоему, я женился?

— Ну, здесь этого не требовалось, улик и без того достаточно. Эксперты установили, что, когда супруги находились в гостиной, муж подошел к жене сзади и нанес ей первый удар, вонзив нож прямо в почку. Возможно, поэтому соседи не слышали криков.

— Вот как?

— Ну да, в таких случаях жертву буквально парализует от боли: она не может кричать, почти мгновенно теряет сознание и умирает. Кстати, любопытное совпадение: это любимый метод профессиональных киллеров и спецагентов — так называемое тихое убийство.

— Да? А как насчет старого доброго способа — подойти сзади, одной рукой закрыть жертве рот, а второй — перерезать горло?

— Он безнадежно устарел, да к тому же никогда и не был особенно хорош, поскольку требует великолепной координации и точности удара. Солдаты на удивление часто режут собственную руку, которой зажимают рот жертве.

Эуне скривился:

— Только не говори мне, что наш преступник — бывший спецагент.

— Очевидно, что он попал в почку чисто случайно. Ничто не указывает на то, что у него имелось намерение скрыть убийство.

— Намерение? Ты считаешь, что убийство было спланированным, а не импульсивным?

Харри пожал плечами:

— Их дочери не было дома, она была на пробежке. Отец позвонил в полицию, не дожидаясь ее возвращения, так что мы подъехали к дому и остановили девушку до того, как она вошла в квартиру и увидела труп матери.

— Какая забота!

— Да, его все считают заботливым. — Харри еще раз стряхнул пепел, и он полетел прямо на пятно высохшей крови.

— Может, стоит взять пепельницу, Харри?

— Не беспокойся, криминалисты здесь уже все закончили.

— Ладно. А каков мотив убийства?

— Мотив самый классический. В телефоне мужа села батарейка, и он воспользовался мобильным жены, не поставив ее в известность. При этом случайно обнаружил эсэмэску, которая показалась ему подозрительной, и решил проверить всю переписку. Выяснилось, что у супруги есть любовник, причем их отношения продолжаются уже полгода.

— Он поговорил с любовником?

— Нет. Мы проверили телефон, установили личность любовника и связались с ним. Молодой человек чуть старше двадцати, на пятнадцать лет моложе убитой. Он подтвердил их связь.

— Что насчет убийцы?

— Он получил хорошее образование, работал в солидной фирме, финансовых проблем не имел, в поле зрения полиции никогда не попадал. Родственники, коллеги, друзья и соседи описывают его как человека открытого, доброжелательного и надежного. И, как ты заметил, заботливого. Цитирую: «Готов пожертвовать всем ради семьи». — Харри глубоко затянулся сигаретой.

— Ты обратился ко мне, потому что тебя что-то смущает? Какие-то нестыковки?

Харри выпустил дым через нос.

— Да нет, все улики налицо, плюс имеется чистосердечное признание. Дело элементарное, именно поэтому Катрина и передала его мне. Вернее, нам с Трульсом Бернтсеном. — Уголки рта Харри дернулись, будто он хотел улыбнуться.

У семьи есть деньги, но они решают жить в Тёйене, в дешевом иммигрантском районе, и покупают предметы искусства в «ИКЕЕ». Почему? Возможно, им просто нравилось здесь. Харри вот нравилось в Тёйене. И вполне возможно, фотография на стене оригинальная и теперь стоит целое состояние.

— Значит, ты интересуешься, потому что…

— Потому что я хочу понять, — сказал Харри.

— Ты хочешь понять, почему муж убивает жену, которая за его спиной завела шашни?

— Обычно на убийство обманутого супруга толкает перспектива оказаться униженным в глазах других. А в данном случае, судя по допросам любовника, эти двое держали свой роман в строгом секрете, да и к тому же он явно шел к концу.

— И что, жена не успела сообщить об этом мужу до того, как он ее ударил?

— Успела, но он заявил, что не поверил ей и что она в любом случае предала семью.

— Вот видишь. Мужчине, который постоянно жертвовал всем ради семьи, такое предательство кажется очень серьезным преступлением. Он унижен, а когда подобное унижение пробирается вглубь нас, оно может заставить нас убивать.

— Всех?

Эуне, прищурившись, разглядывал книжные полки рядом с фотографией Манхэттена.

— У них тут художественная литература.

— Да, я видел, — кивнул Харри. У Эуне имелась теория о том, что убийцы не читают, а если и читают, то только специальную литературу.

— Ты знаешь, кто такой Пол Маттиуцци?

— Не-а.

— Психолог, специалист по убийствам и насилию. Он оперирует восемью основными типами убийц. К семи первым категориям мы с тобой точно не относимся. А вот что касается восьмой, которую он называет «травматической»… Убийство может стать ответной реакцией в случае посягательства на нашу идентичность. Мы воспринимаем это нападение как обиду, да, просто невыносимую обиду. И полагаем, что если не ответим адекватным образом, то станем беспо-

мощными, бессильными, утратим мужество, а наше существование лишится основы. Так что предательство, безусловно, может послужить веским мотивом. В восьмой категории есть место для каждого из нас.

— Так уж и для каждого?

— У «травматического» убийцы отсутствуют определяющие черты личности, имеющиеся у тех, кто принадлежит к семи первым типам. Именно среди этих преступников, и только среди них, можно встретить людей, читающих Диккенса и Бальзака. — Эуне сделал глубокий вдох и подтянул рукава твидового пиджака. — Так что тебя, собственно, интересует, Харри? Может, спросишь уже прямо?

— В каком смысле?

— Тебе известно об убийцах больше, чем всем другим моим знакомым. Ничто из сказанного мною сейчас для тебя не ново.

Харри пожал плечами:

— Может быть, мне надо, чтобы кто-нибудь произнес все это вслух, чтобы я смог в это поверить.

— И во что же именно ты не веришь?

Харри почесал коротко стриженные, упрямо топорщившиеся белокурые волосы, на которых начал уже появляться налет седины. Ракель ска-

зала, что он становится похожим на ежика.

— Не знаю.

— Может быть, все дело в твоем самолюбии, Харри?

— Каким это образом?

— Разве не очевидно? Тебе дали дело, которое кто-то уже раскрыл. Теперь ты хочешь отыскать что-нибудь этакое, что посеет сомнение, докажет: Харри Холе видит то, чего не заметил никто другой.

— А даже если и так? — сказал Харри, разглядывая огонек сигареты. — Вдруг я и впрямь родился с великим талантом следователя и у меня постепенно развились инстинкты, которые я сам не в силах проанализировать?

— Надеюсь, ты сейчас шутишь.

— Вроде того. Я изучил протоколы допросов. Муж, судя по его ответам, похоже, и впрямь пережил серьезную травму. Но потом я прослушал записи. — Харри смотрел прямо перед собой.

— И что?

— Возникает ощущение, что он скорее испугался, а не смирился. Признание — это смирение. Потом бояться уже больше нечего.

— Но ведь еще грядет наказание.

— Для него наказание уже наступило. Униже-

ние. Боль. Шутка ли — увидеть, как любимый человек погиб от твоей руки. А тюрьма — это изоляция. Тишина. Рутина. Покой. Она должна восприниматься как облегчение. Возможно, причина в дочери, и он беспокоится о ней.

— Или о том, что после смерти будет гореть в аду.

— Он и так уже горит.

Эуне вздохнул:

— Я повторю свой вопрос: чего ты, собственно, хочешь?

— Я хочу, чтобы ты позвонил Ракели и объяснил, что она должна вернуться ко мне.

Столе Эуне широко распахнул глаза.

— А вот это была шутка, — сказал Харри. — На самом деле я хочу проконсультироваться со специалистом. У меня сегодня случилось учащенное сердцебиение и приступ страха. Нет, не так… Мне снилось… что-то. Я не могу разглядеть, что это, но сон без конца возвращается.

— Наконец-то легкий вопрос, — произнес Эуне. — Интоксикация организма. Психология — это наука, которая не опирается на солидную фактическую базу, но что касается корреляции между приемом дурманящих веществ и ментальными расстройствами, то тут многое доказано.

Как долго это продолжается?

Харри посмотрел на часы:

— Два с половиной часа.

Столе Эуне глухо рассмеялся:

— Ясно, ты решил поговорить со мной для очистки совести, чтобы убедить себя, что пытался обратиться за медицинской помощью, а затем со спокойной душой вернуться к самолечению?

— Это не обычные видения, — сказал Харри. — Не призраки из прошлого.

— Потому что призраки приходят по ночам?

— Да. И они не прячутся. Я вижу их и узнаю. Жертвы, погибшие коллеги, убийцы. Но это что-то другое.

— Не представляешь, что это может быть?

Харри хмыкнул и попытался сформулировать:

— Ну… запертый человек. Он похож на… — Харри наклонился вперед и потушил сигарету в луже крови.

— На Свейна «Жениха» Финне, — закончил за него фразу Эуне.

Харри взглянул на него, приподняв бровь:

— Почему ты так решил?

— Поговаривают, ты считаешь, будто бы он ищет тебя.

— Ясно, ты беседовал с Катриной.

— Она переживает за тебя и хотела услышать мнение специалиста.

— И что ты ей ответил?

— Я заявил, что как психолог недостаточно дистанцирован от тебя. Но паранойя абсолютно точно коррелирует со злоупотреблением алкоголем.

— Но, Столе, ведь именно я в конце концов засадил этого типа в тюрьму. Это было мое первое дело. Его осудили на двадцать лет за сексуальные домогательства и убийство.

— Ты просто сделал свою работу. У Финне нет причин испытывать к тебе личную неприязнь.

— Он сознался в нападениях, но считал себя невиновным в убийстве. Финне уверен, что мы сфабриковали доказательства. Я навещал его в тюрьме два года назад, чтобы выяснить, может ли он помочь нам с делом вампириста. Под конец этот тип назвал мне точную дату своего освобождения. А потом спросил, в безопасности ли живем я и моя семья.

— Ракель знала об этом?

— Да. Под Новый год я обнаружил отпечаток сапога на снегу напротив окна нашей кухни и установил фотоловушку.

— Но это ведь мог быть кто угодно, Харри. На-

пример, заблудившийся человек.

— На частной территории, обнесенной забором с воротами и пятидесятиметровым подъездом к дому, крутым и обледеневшим?

— Погоди-ка, при чем тут Новый год? А разве ты съехал от Ракели не в Рождество?

— Вроде того. — Харри отогнал рукой дым.

— И после этого ты заходил в лес на частной территории? А Ракель об этом знала?

— Нет. Не бойся, я не из тех, кто не дает проходу своим бывшим. Просто Ракель была очень напугана, и я захотел удостовериться, что у нее все в порядке. Оказалось, что нет.

— Значит, она и о фотоловушке не знала?

Харри пожал плечами.

— А теперь вопрос на засыпку: ты уверен, что фотоловушка предназначалась для Финне?

— Хочешь сказать, я решил проверить, не ходят ли к моей бывшей любовники?

— А разве это не так?

— Нет, — отрубил Харри. — Если Ракель разлюбила меня, она вольна встречаться с кем угодно.

— Сам-то ты в это веришь?

Харри вздохнул.

— Хорошо, — сказал Эуне. — Стало быть, у тебя случилось видение: внезапная вспышка осве-

тила сидящего взаперти человека, похожего на Финне.

— Нет, этого я не говорил. Там был не Финне.

— А кто?

— Ну… я сам.

Столе Эуне провел рукой по жидким волосам.

— И теперь ты хочешь, чтобы я поставил тебе диагноз?

— Давай. Патологический страх?

— Я думаю, твой мозг ищет причину, по которой Ракель должна нуждаться в тебе. Например, для защиты от внешних врагов. Но ты не заперт в клетке, Харри, ты снаружи, на свободе. Смирись уже с потерей жены и двигайся дальше.

— А помимо этого «смирись» ты можешь прописать мне какое-нибудь лекарство?

— Я дам тебе целых три рекомендации. Сон. Физические нагрузки. И пожалуй, тебе стоит попробовать познакомиться с кем-нибудь, кто отвлечет твои мысли от Ракели.

Харри засунул в рот сигарету и поднял вверх сжатый кулак.

— Пункт первый: сон. — Он разогнул большой палец. — Я каждый вечер напиваюсь до беспамятства и потом дрыхну как убитый. Далее: физические нагрузки. — Указательный палец

взлетел вверх. — Я дерусь с людьми в барах, которые когда-то принадлежали мне. И наконец, новые знакомства. — Теперь поднялся серый титановый палец. — Я регулярно трахаюсь с женщинами, как с красивыми, так и со страшненькими, а потом с некоторыми из них даже веду умные беседы. Вот так-то.

Эуне посмотрел на Харри, потом тяжело вздохнул, поднялся и застегнул твидовый пиджак.

— Ну, в таком случае все будет хорошо.

После ухода Эуне Харри некоторое время просто сидел и смотрел в окно. Затем он поднялся и прошелся по квартире. Супружеская спальня была чисто убрана, пол вымыт, кровать застлана. Он заглянул в платяные шкафы. Гардероб жены занимал четыре просторных шкафа, одежда мужа уместилась всего в одном. Заботливый супруг. На обоях в спальне дочери виднелись прямоугольники более яркого цвета. Харри подумал, что, когда она была подростком, на этих местах висели плакаты, которые хозяйка комнаты теперь сняла: девушке как-никак уже исполнилось девятнадцать лет. На стене осталась лишь одна-единственная небольшая фотография: парень с электрогитарой «Рикенбекер» на шее.

Харри осмотрел небольшую коллекцию музы-

кальных дисков на зеркальной полочке.

«Propagandhi». «Into It». «Over It». «My Heart to Joy». «Panic! At the Disco». Всякие эмо-штучки.

Поэтому Харри удивился, когда завел оставленную в проигрывателе виниловую пластинку. Он услышал мягкие звуки, напоминающие ранние вещи «Бердс»[6]. На первый взгляд это напоминало игру на двенадцатиструнной гитаре в стиле Роджера Макгуинна, однако Харри быстро сообразил, что слушает значительно более позднее произведение. Не имело значения, сколько усилителей и старых микрофонов «Нойман» использовали музыканты, стилизация под ретрозвучание никогда никого не могла обмануть, да и, кроме всего прочего, вокалист пел с явным норвежским акцентом, причем, судя по всему, он больше слушал записи Тома Йорка и «Radiohead» 1995 года, а не Джина Кларка и Дэвида Кросби 1965-го. Харри скользнул взглядом по обложке пластинки, лежавшей рядом с проигрывателем, и отметил, что у всех музыкантов норвежские имена. А потом он увидел на полу возле шкафа пару кроссовок «Адидас» той же модели, что и у него самого. Пару лет назад он пытался купить

---

[6] Примечания: 6

«Бердс» — американская рок-группа 1960-х годов.

новую пару этой модели, но к тому времени ее уже сняли с производства. Из протоколов допросов Харри помнил, что и дочь, и отец оба утверждали, что девушка покинула квартиру в 20:15, а вернулась спустя сорок минут, добежав до верхней точки парка скульптур Экеберг, и на обратном пути пробежала мимо одноименного ресторана. Ее спортивный костюм лежал на кровати, и Харри представил себе, как полиция впускает бедную девочку в квартиру и позволяет ей под присмотром переодеться и собрать сумку с одеждой. Харри сел на корточки и поднял кроссовки. Верхняя часть мягкая, подошвы чистые и гладкие, эту обувь явно использовали не часто. Девятнадцать лет. Неиспользованная жизнь. Кроссовки самого Харри уже порвались. Конечно, он мог купить новые, какие-нибудь другие, но не хотел, поскольку нашел ту модель, которой предпочитал пользоваться и дальше. С этих пор и всегда. Наверное, их еще можно подлатать.

Харри вернулся в гостиную, вытер с пола пепел, проверил телефон. Сообщений не было. Он засунул руку в карман. Двести крон.

Глава 4

— Последний заказ — и мы закрываемся.

Харри уставился на свой бокал. Он умудрился надолго растянуть его. Обычно он просто заливал напиток в себя, поскольку ему нравился не сам вкус спиртного, а вызываемый им эффект. Кроме того, *«нравился»* — неверное слово. Этот эффект ему *требовался.* Нет, тоже не то. *Был необходим? Он не мог без этого жит*ь*?* Ну да, словно бы искусственное дыхание после того, как половинка твоего сердца перестала биться.

Те кроссовки наверняка можно починить.

Он снова достал телефон. В списке контактов у Харри имелось всего семь человек, и, поскольку имена их начинались на разные буквы, они были записаны в книжке всего одной буквой. Он выбрал букву «Р» и посмотрел на аватарку. Мягкий взгляд карих глаз, искавших встречного взгляда. Теплая, светящаяся кожа, просящая ласки. Красивые губы, жаждущие поцелуя. Все те женщины, которых он раздевал и укладывал в постель в последние месяцы, — разве мог он хотя бы одну секунду не думать о Ракели, не представлять ее на их месте? Понимали ли они, что, трахая их,

Харри изменяет им со своей женой? Был ли он настолько безжалостным, чтобы объяснять им это? Конечно. Потому что его половинка сердца с каждым днем билась все слабее, с Ракелью он лишь временно стал нормальным человеком, а теперь вернулся к своей прежней жизни.

Он пристально смотрел на телефон.

Харри вспомнил, как много лет назад, каждый день проходя мимо телефонного автомата в Гонконге, неизменно думал: «Ракель *там*. Она и Олег. В автомате. На расстоянии двенадцати нажатий кнопок».

Как же давно это было.

А со времени их первой встречи с Ракелью и вовсе прошло уже пятнадцать лет. Харри приехал по крутой извилистой дороге, ведущей к бревенчатой вилле в Хольменколлене. Старенькая машина совсем выдохлась, пока он добрался до нужного дома. Ему открыла женщина лет тридцати, и он объяснил, что ищет Синдре Фёуке. Внимательно присмотревшись, Харри понял, что хозяйка дома очень красива. Густые темные волосы; черные и ровные, как по линеечке, брови над большими карими глазами; высокие аристократические скулы.

Она была одета в черное манто, простое и эле-

гантное. Голосом более глубоким, чем можно было предположить, глядя на нее, женщина ответила, что Синдре Фёуке — ее отец и он раньше жил здесь, но вот уже несколько месяцев, как переехал в город. Говорила Ракель Фёуке самоуверенно и расслабленно, с преувеличенно четкой, почти театральной дикцией, глядя ему прямо в глаза.

А потом она сказала, что как раз собиралась уходить, и зашагала прочь, ставя ноги одну точно перед другой. Ему показалось, что она идет как по канату, словно балерина. Харри объяснил, что он из полиции, узнал у Ракели адрес отца, а потом вызвался отвезти ее туда, куда ей было нужно. По дороге они выяснили, что учились на юридическом приблизительно в одно и то же время и что в студенческие годы были на одном и том же концерте группы «Raga Rockers». Ему нравился смех попутчицы, не такой глубокий, как ее голос, а легкий и светлый, как журчание ручья. Ей надо было в район Майорстюа.

— Вопрос в том, доедет ли этот автомобиль так далеко, — сказал тогда Харри, и она согласно кивнула. Как будто уже тогда оба догадывались, что еще не начавшееся не продлится долго. Когда Ракель собралась выходить и ему пришлось толк-

нуть для этого сломанную пассажирскую дверцу, он вдохнул ее запах. С момента их встречи прошло всего полчаса, и Харри пытался понять, что, черт возьми, происходит. Все, что ему хотелось, — это поцеловать ее.

— Может, еще увидимся, — бросила она на прощание.

— Может быть, — ответил он, глядя, как она балетной походкой шагает прочь по улице Спурвейсгата.

Они встретились вновь на празднике в Полицейском управлении. Оказалось, Ракель Фёуке работает в иностранном отделе Службы безопасности полиции. На ней было красное платье. Они стояли, разговаривали и смеялись. Говорили и никак не могли наговориться. Он рассказывал ей о своем детстве, о Сес (Сестрёныше), страдавшей синдромом Дауна в легкой форме, о матери, которая умерла, когда Харри был совсем молодым, и о том, что ему пришлось взять на себя заботу об отце. Ракель поведала ему, что ходила на курсы русского языка при Министерстве обороны, а потом два года работала переводчиком в норвежском посольстве в Москве. Там она вышла замуж за русского, родила Олега, а потом уехала из Москвы, оставив супруга, который злоупотреблял

спиртным. А Харри сообщил, что он сам — алкоголик, о чем Ракель, возможно, уже догадалась, глядя, как он глушит колу на корпоративном празднике. Он не сказал ей, что в тот вечер его дурманил не алкоголь, а ее смех, чистый, искренний, светлый, и что он был готов говорить самые идиотские на свете вещи, чтобы только вновь и вновь его слышать. А потом, в конце вечера, они танцевали. Харри *танцевал*. Под вязкую, как сироп, саксофонную вариацию мелодии «Let It Be». Это доказывало: он безнадежно влюблен.

Спустя несколько дней он отправился на воскресную прогулку с Олегом и Ракелью. В какой-то момент Харри взял Ракель за руку, поскольку это показалось ему естественным. Некоторое время они так и шли, пока она не отняла у него руку. И когда потом Олег играл в тетрис с новым другом мамы, Харри чувствовал на себе мрачный взгляд Ракели и догадывался, о чем она думает. Алкоголик, возможно похожий на того, от которого она сбежала, теперь сидит у нее в доме и пытается подружиться с ее сыном. И Харри понял, что ему предстоит многое доказать, чтобы стать полноправным членом этой семьи.

И ему это удалось. От судьбы не уйдешь, и, пожалуй, именно Ракель с Олегом спасли Харри,

не позволив ему спиться. Их жизнь, конечно, не была одним сплошным победным маршем, Харри время от времени оступался, у них в отношениях случались охлаждения и даже ссоры, но они всегда находили путь обратно, потому что обрели друг в друге сокровище.

Взаимную Любовь. Ту самую Любовь с большой буквы, которая встречается лишь один-единственный раз в жизни, да и то дается свыше далеко не каждому. В последние годы они с Ракелью просыпались по утрам в состоянии гармонии и счастья, причем оба чувства были такими сильными и одновременно столь хрупкими, что это пугало Харри до смерти. Он словно бы ступал по тонкому льду. Так почему же он все-таки провалился под лед? Конечно, потому, что был тем, кем был. Харри Холе, и этим все сказано. *The demolition man*[7], как его называл Эйстейн.

Мог ли он преодолеть этот путь еще раз? Проехать по крутой, извилистой, трудной дороге к Ракели и заново представиться ей. Стать мужчиной, которого она никогда раньше не встречала. Конечно, можно попробовать. Да, определенно стоит рискнуть. И сейчас время для этого не хуже

---

[7] Примечания: 7
Разрушитель *(англ.)*. Имеется в виду герой одноименного боевика.

и не лучше, чем любое другое. В целом момент представлялся ему вполне подходящим, вот только существовали две сложности. Во-первых, у Харри не было денег на такси. Но эту проблему можно решить: отсюда до дому идти всего десять минут, а там, на заднем дворе, припаркован его заснеженный «форд-эскорт», уже третий по счету.

Второй загвоздкой был внутренний голос, утверждавший, что его план никуда не годится.

Но внутренний голос можно заглушить. Харри допил содержимое бокала. Вот так. Он поднялся и направился к двери.

— Увидимся, дружище! — крикнул ему вслед бармен.

Десять минут спустя Харри стоял на заднем дворе дома на улице Софиес-гате и задумчиво смотрел на автомобиль, припаркованный в вечной тени между большими сугробами у подвальных окон. Машина была не так сильно заметена снегом, как он думал, поэтому ему надо всего лишь подняться наверх, взять ключ, повернуть его в замке зажигания и нажать на газ. Через пятнадцать минут он будет у Ракели. Откроет дверь, ведущую в большое просторное помещение, совмещающее прихожую, гостиную

и кухню и занимающее почти весь первый этаж. Увидит ее, стоящую у окна во двор. Она криво улыбнется, кивнет на чайник и спросит, по-прежнему ли он предпочитает растворимый кофе, или сделать эспрессо.

И тут вдруг последовала очередная вспышка, и Харри начал хватать ртом воздух. Ну вот, этого еще не хватало: в грудь снова вонзился острый коготь.

Харри бежал. В воскресенье после полуночи все улицы Осло пусты. Рваные кроссовки были перевязаны скотчем в месте подъема. Он бежал по тому же маршруту, который указала в протоколе допроса дочь убитой женщины с улицы Борггата. Вверх по освещенным тропинкам и гравийным дорожкам парка скульптур, расположенного на лесистых холмах. Парк стал подарком городу от предпринимателя и коллекционера Кристиана Рингнеса и одновременно гимном женщине.

Вокруг полная тишина, Харри слышал только собственное дыхание и хруст гравия под ногами. Он взбежал туда, где рельеф парка выравнивался, выходя на равнину Экебергшлетта, и начал спуск. Ненадолго остановился у скульптуры Дэмьена

Хёрста «Anatomy of an Angel»[8]. Скульптура была изготовлена из белого мрамора, из каррарского мрамора, как утверждала Ракель. Очаровательная сидящая женщина напомнила Харри копенгагенскую «Русалочку», но Ракель, обычно заранее читавшая литературу о достопримечательностях, которые они собирались осмотреть, объяснила, что источником вдохновения послужила классическая скульптура Альфреда Буше «L'Hirondelle»[9], созданная в 1920 году. Может, и так, но разница заключалась в том, что ангел Хёрста был вскрыт ножом и скальпелем, так что становились видны его внутренности, мышцы, кости и мозг. Что хотел показать художник: что ангелы изнутри тоже люди? Харри склонил голову набок. С последним он мог согласиться. Даже спустя долгие годы, после всего, через что им пришлось пройти вместе с Ракелью, даже после того, как он изучил ее вдоль и поперек, так же как и она его, Харри по-прежнему видел в ней лишь ангела. Вернее, ангела и человека, слитых воедино. Ее способность прощать, совершенно необходимая предпосылка для построения отношений с таким

---

[8] Примечания: 8
«Анатомия ангела» *(англ.)*.

[9] Примечания: 9
«Ласточка» *(фр.)*.

человеком, как Харри, была почти безграничной. Почти. Но ему, конечно же, удалось найти эту границу. А потом и перейти ее.

Харри бросил взгляд на часы и побежал дальше, все быстрее и быстрее. Он чувствовал, что сердце заработало активнее. Он еще немного увеличил темп и ощутил, как выделяется молочная кислота. Так, а теперь еще немного. Сердце перекачивало кровь по всему телу, вычеркивая плохие дни из прошлого, разгоняя шлаки, смывая дерьмо. Почему он вообразил, что бег — это противоположность возлияниям, некое противоядие, когда это всего лишь другой способ одурманивания? Ну ладно, одурманивания в хорошем смысле.

Он выбежал из леса у ресторана «Экеберг». Когда-то это здание было настоящей халупой в стиле минимализма, и здесь Харри, Эйстейн и Треска в юности выпили свое первое пиво, а потом семнадцатилетнего Харри сняла женщина, показавшаяся ему глубокой старухой, хотя на самом деле ей вряд ли было больше тридцати. Но во всяком случае, благодаря этой даме сексуальный дебют Харри прошел без осложнений, и наверняка чуткая наставница облагодетельствовала не только его одного. Иногда Харри задавался

вопросом: не мог ли создатель парка быть одним из тех парней, кто в юности общался с доброй самаритянкой, и отреставрировать ресторан в знак признательности? Харри уже не мог толком вспомнить, как выглядела та женщина, только слышал ее воркующий шепот, когда все закончилось: «Не так уж и плохо, мальчик. Вот увидишь, ты сделаешь счастливыми нескольких женщин. А нескольких несчастными».

А одну из них — и счастливой, и несчастной.

Харри остановился на лестнице закрытого темного ресторана.

Спина согнута, руки на коленях, голова опущена. Он почувствовал, как к горлу подступает рвота, подавил рефлекс и прислушался к собственному хриплому дыханию. Харри сосчитал до двадцати, нашептывая ее имя: Ракель, Ракель. Потом он выпрямился и посмотрел на город, раскинувшийся внизу под ним. Осло — осенний город. Сейчас, весной, он был похож на невыспавшуюся женщину, которую разбудили ни свет ни заря и которая не без оснований полагает, что ей необходимо подкраситься. Но Харри не волновало то, что находилось в котле под ним, он смотрел на другой конец города, в направлении холмов, в направлении *ее* виллы, которая находилась на

другой стороне того, что, несмотря на все огни и бурную человеческую деятельность, было всего лишь кратером потухшего вулкана, холодными камнями и застывшей глиной. Он еще раз взглянул на секундомер в часах и помчался дальше.

До улицы Борггата Харри добежал без привалов.

Там он остановил секундомер и изучил его показания.

Остаток пути до своего дома он проделал трусцой. А входя в квартиру, услышал скребущий звук от соприкосновения застрявшего в подошвах гравия и деревянного пола и вспомнил, как Катрина попросила его поднимать ноги.

Телефон продолжал проигрывать плей-листы Харри на «Спотифай». Из саундбара «Сонос», который Олег подарил ему на день рождения, с шипением доносилась музыка шведской рок-группы «Хеллакоптерс». За одну ночь это чудо техники сделало ненужным собрание дисков на полке над диваном, превратив его в мертвый памятник коллекции, которую Харри тщательно собирал на протяжении тридцати лет. То, что не прошло проверку временем, неумолимо вырвали, как сорную траву, и выбросили в мусорное ведро. Хаотичное гитарно-барабанное вступление к «Carry

Me Home» заставило колонки пульсировать. Харри выковыривал из подошв гравий, который набился туда в парке скульптур, и размышлял: ну не странно ли, что девятнадцатилетняя девушка добровольно вернулась в прошлое, к виниловым пластинкам, в то время как сам он не по доброй воле перенесся в будущее. Он отложил кроссовки и поискал «Бердс», но этой группы не было ни в одном из плей-листов. В музыке шестидесятых и начала семидесятых хорошо разбирался Бьёрн Хольм, но его попытки обратить Харри в свою веру с помощью Глена Кэмпбелла оказались напрасными. Харри наконец-то нашел «Turn! Turn! Turn!», и в следующую секунду в комнате зазвучала гитара «Рикенбекер» Роджера Макгуинна. Надо же, а вот *она* обратилась. Влюбилась, хотя это была совершенно не ее музыка. Но гитары творят с девушками нечто странное. Обычно и четырех струн достаточно, а у этого парня их было целых двенадцать. И тут вдруг волосы на затылке у Харри встали дыбом: он вспомнил, что видел одно из имен на обложке пластинки в протоколах допросов, связал его с фотографией парня с гитарой «Рикенбекер» и все понял. Харри прикурил сигарету, слушая двойное гитарное соло в финале «Rainy Days Revisited». Интересно,

скоро ли он заснет? Сколько времени он сможет не прикасаться к телефону и не проверять, ответила ли ему Ракель?

Глава 5

— Мы знаем, что ты уже отвечала на эти вопросы, Сара, — сказал Харри, глядя на девятнадцатилетнюю девушку, расположившуюся напротив него в узкой, как в кукольном домике, комнате для допросов.

В соседнем помещении, сложив на груди руки, сидел Трульс Бернтсен и отчаянно зевал. Было уже начало третьего, они битый час работали со свидетельницей, разбирая произошедшее шаг за шагом, и Сара стала проявлять признаки нетерпения, однако никаких других чувств она не демонстрировала. Даже когда Харри вслух зачитал выдержку из рапорта о телесных повреждениях, полученных ее матерью в результате тринадцати ножевых ударов.

— Но, как я объяснил, теперь это дело ведем мы с полицейским Бернтсеном, и мы хотим как можно лучше прояснить для себя все детали. Итак, твой отец помогал матери в приготовлении пищи? Я спрашиваю это, потому что он очень быстро нашел самый острый кухонный нож, а стало быть, знал, где именно тот лежит.

— Нет, папа не *помогал* маме, — сказала Сара,

явно начиная раздражаться. — Он *готовил* еду. И единственный, кто ему помогал, — это я. А мамы постоянно не было дома.

— Вот как? И почему же?

— Она вечно где-то пропадала: встречалась с подружками, занималась спортом. По крайней мере, она так говорила.

— Я видел фотографии вашей матери, она выглядит на них довольно спортивной. Поддерживала себя в форме, чтобы продлить молодость.

— Ну да, она и умерла молодой.

Харри ждал, позволив ответу девушки повиснуть в воздухе. Потом лицо Сары искривилось. В практике Харри встречалось подобное: близкие жертв борются с горем, как с врагом, которого необходимо перехитрить. Один из способов обмана — принизить ушедшего, дискредитировать его. Но Харри догадывался, что сейчас на его глазах происходило совсем иное. Когда он предложил Саре прийти на допрос в сопровождении адвоката, она отказалась. Девушка просто хотела, чтобы все быстрее закончилось, мол, у нее на сегодня есть планы. Это понятно, ей всего девятнадцать лет, она осталась одна, но умеет подстраиваться под обстоятельства, а жизнь продолжается. Дело раскрыто; наверное,

поэтому Сара расслабилась и демонстрировала свои настоящие чувства. Или недостаток чувств.

— А вот ты занимаешься спортом не так активно, как твоя мама, — заметил Харри. — Во всяком случае, бе́гом.

— Почему вы так решили? — Девушка, слегка улыбнувшись, посмотрела на следователя. У нее была самоуверенная улыбка представительницы поколения, которое считает худым человека, чье телосложение ровесникам Харри кажется нормальным.

— Я внимательно изучил твои кроссовки, — продолжал Харри. — Ими почти не пользовались. Но не потому, что купили совсем недавно. Это старая модель, которую сняли с производства еще два года назад. У меня самого точно такие же.

Сара пожала плечами:

— Теперь у меня будет больше времени для пробежек.

— Да уж, твой отец просидит в тюрьме двенадцать лет, и тебе больше не придется помогать ему готовить обед.

Харри посмотрел на Сару и понял, что попал в яблочко. Она сидела с раскрытым ртом, часто моргая густо накрашенными черной тушью ресницами.

— Почему ты соврала полиции? — спросил Харри.

— Что… когда это я соврала?

— Ты сказала, что добежала от своего дома до вершины холма в парке скульптур, потом спустилась вниз к ресторану «Экеберг» и через полчаса вернулась обратно. Вчера ночью я полностью повторил твой маршрут. У меня это заняло около сорока пяти минут, а я неплохой бегун. И еще я поговорил с полицейским, который остановил тебя, когда ты подбежала к дому. Он сказал, что ты совсем не вспотела да и дышала не слишком тяжело.

Сара, сидевшая на противоположном конце длинного стола, выпрямилась на стуле и невидящим взглядом уставилась на красные огоньки микрофонов, сигнализировавших о ведущейся записи, а потом ответила:

— Ладно, я не добежала до верха.

— А докуда добежала?

— До статуи Мерилин Монро.

— Значит, ты, как и я, бежала по гравийной дорожке. Когда я вернулся домой, мне пришлось выковыривать камешки из подошв кроссовок. Целых восемь штук. А вот твои подошвы, Сара, были совершенно чистыми.

Харри понятия не имел, сколько камней он вынул, три или восемь. Но чем точнее детали, тем убедительнее будут выглядеть его аргументы. Он видел, что на девушку это подействовало.

— Ты вообще не была в парке в тот вечер, Сара. Ты вышла из квартиры в то время, которое назвала полиции, в двадцать пятнадцать, когда твой отец позвонил нам и заявил, что убил жену. Может быть, ты пробежала кружок по кварталу, чтобы полиция успела доехать до места преступления, а потом явилась обратно. Это отец велел тебе так сделать, да?

Сара не отвечала, только хлопала ресницами. Харри отметил, что ее зрачки расширились.

— Я говорил с любовником твоей матери, с Андреасом. Сценический псевдоним Бум-Бум. Поет он, кстати, не так хорошо, как играет на своей двенадцатиструнной гитаре.

— Андреас нормально поет… — Гнев в глазах девушки померк, и она замолчала.

— Андреас признал, что вы с ним несколько раз встречались и таким образом он познакомился с твоей матерью. — Харри заглянул в блокнот. Не затем, чтобы почерпнуть оттуда какие-то сведения, там было пусто, а чтобы снять напряжение, дать девушке возможность передохнуть.

— Мы с Андреасом любили друг друга. — Голос Сары едва заметно дрожал.

— Он так не считает. Андреас сказал, что пару раз… — Харри откинул голову назад, чтобы лучше видеть то, что не было написано в блокноте, — действительно переспал с хорошенькой групи.

Сара вздрогнула.

— Но потом Андреас, по его словам, никак не мог от тебя отделаться. Путь от восторженной групи до навязчивой поклонницы, которая буквально прохода не дает своему кумиру, короток, в чем он не раз имел возможность убедиться на собственном опыте. Гораздо проще встречаться со зрелой замужней женщиной, которая адекватно воспринимает происходящее. Немного перца в будничной жизни, немного специй в рыбных котлетах. Сара, это не я придумал, он и правда так сказал: «В рыбных котлетах». — Харри поднял на собеседницу глаза. — Это ты позаимствовала у мамы мобильник, а вовсе не отец. И случайно выяснила, что у нее роман с Андреасом.

Харри прислушался к собственной совести. Так давить на подозреваемую, которая пришла к нему без адвоката, на девятнадцатилетнюю девушку, глупого влюбленного подростка, преданного матерью и парнем, которого она вообразила своим.

— Твой отец не просто готов принести себя в жертву ради дочери, он еще и очень умный человек. Он знает, что лучшая ложь та, что находится совсем близко к правде. И ложь в данном случае состоит в том, что твой отец, вернувшись домой из ближайшего магазина, куда он ходил купить кое-что к ужину, взял телефон твоей матери, обнаружил там переписку с любовником и из ревности убил ее. Правда же заключается в том, что, пока он был в магазине, сообщения обнаружила ты. С этого момента, как мне кажется, если заменить в протоколах твоего отца на тебя, мы получим предельно точное описание трагедии, разыгравшейся у вас дома. Вы поссорились на кухне, мама повернулась к тебе спиной, чтобы уйти в гостиную, ты знала, где лежит нож, а остальное вышло само собой. А после того как твой отец вернулся домой и обнаружил, что произошло, вы вместе придумали хитроумный план.

В ее взгляде Харри не увидел никакой реакции, кроме обычной ненависти, гнетущей и черной. И понял, что совесть его особо терзать не будет. Власти дают оружие девятнадцатилетним и посылают их убивать. А эта девочка лишила жизни мать и позволила невиновному отцу броситься за

нее на амбразуру. Сара не присоединится к тем, кто приходит к Харри в ночных кошмарах.

— Андреас любил меня, — невнятно прошептала она. Казалось, ее рот забит песком. — Но мама всячески отговаривала его от встреч со мной. Она соблазнила его только для того, чтобы он не достался мне. Я ненавижу ее. Я… — К горлу девушки подступали рыдания. Харри затаил дыхание. Она почти сделала это, сход лавины начался, ему недоставало всего пары слов на записи допроса, но плач приведет к паузе, а во время этой паузы лавина может остановиться. Однако ярость взяла верх, и Сара повысила голос: — Ненавижу эту долбаную суку! Ей еще мало досталось, надо было содрать с нее это чертово лицо, которым она, блин, так гордилась!

— Хм… — Харри откинулся на стуле. — Ты хочешь сказать, что жалеешь, что убила мать слишком быстро, надо было сделать это медленнее, да?

— Да!

Признание в убийстве. Все, тачдаун. Харри бросил взгляд в окно кукольной гостиной и увидел, что Трульс Бернтсен проснулся и поднял вверх большой палец. Но Харри не чувствовал радости. Наоборот, возбуждение, которое он испытывал

несколько секунд назад, сменилось усталостью и разочарованием. Это ощущение нельзя было назвать незнакомым, нечто подобное Харри частенько переживал после длительной охоты, когда с нетерпением ожидал кульминации — раскрытия преступления и ареста злоумышленника, поскольку они должны были что-то изменить и сделать мир чуточку лучше. Но вместо этого после окончания расследования он погружался в депрессию, срывался и уходил в запой на несколько дней, а то и недель. Харри казалось, что это похоже на фрустрацию у серийных убийц, когда они понимают, что преступление принесло не удовлетворение, а одно только разочарование, и это гонит их на новую охоту. Возможно, поэтому Харри, как во время вспышки, почувствовал горькое отчаяние, словно он на мгновение оказался на другом конце стола, на месте Сары.

— А ловко мы ее раскололи, — сказал Трульс Бернтсен, когда они поднимались на лифте на шестой этаж, в отдел убийств.

– *Мы?* — сухо переспросил Харри.

— Я же исправно нажимал на кнопку записи, так ведь?

— Очень на это надеюсь. Ты проверил, записался ли допрос?

— Проверил ли я? Ха! — Трульс Бернтсен вопросительно приподнял бровь, потом ухмыльнулся. — Успокойся, все супер!

Харри отвел взгляд от мигающих цифр, обозначающих этажи, посмотрел на Бернтсена и понял, что завидует своему коллеге. Трульс отличался выдающейся вперед нижней челюстью, выступающим лбом и хрюкающим смехом, из-за которого его и наградили прозвищем Бивис, которое никто, впрочем, не осмеливался произнести вслух, поскольку в Бернтсене, при всей его пассивности, чувствовалась скрытая агрессия, и именно по этой причине окружающие предпочитали лишний раз с ним не связываться. В отделе убийств Трульса не любили еще больше, чем Холе, но Харри завидовал не этому. Он завидовал полнейшему пофигизму Бернтсена. Он плевать хотел на то, что думают о нем коллеги, хотя, положим, это и самому Харри тоже было абсолютно до фонаря. Но Трульс обладал способностью складывать с себя любую ответственность, в том числе и моральную, за доверенную ему работу. О Харри можно было много чего сказать не слишком лестного, и он знал, что ему частенько перемывали косточки, но никто не стал бы отрицать, что он — настоящий полицейский. Это было од-

новременно его благословением и проклятием. Даже после того, как Ракель вышвырнула его из своей жизни, Харри, перешедший на преподавательскую работу в академию и формально уже не служивший в полиции, не мог полностью перестать быть полицейским, не мог позволить себе совершить чудесное свободное падение в анархизм и нигилизм, как это сделал Трульс Бернтсен. Никто не скажет Харри за это спасибо, но не страшно: он ведь и не искал благодарности, как не искал спасения, совершая добрые деяния. До встречи с Ракелью эта неустанная охота за самыми ужасными преступниками была единственной причиной, побуждавшей его вставать по утрам, и он был благодарен трудовому инстинкту, или как там это правильно называется, за то, что тот служил ему якорем. Но наряду с этим какая-то часть Харри скучала по полной и разрушительной свободе, желала перерезать якорную цепь и разбиться в волнах прибоя или просто исчезнуть в огромном темном океане.

Харри с Трульсом вышли из лифта и пошли по коридору с выкрашенными в красный цвет стенами, подтверждавшими, что они оказались на правильном этаже, мимо кабинетов в направлении открытого офисного пространства.

— Эй, Холе! — прокричал ему в приоткрытую дверь Скарре. Он уже дослужился до инспектора полиции и занимал бывший кабинет Харри. — Тебя разыскивает драконiха!

— Твоя жена, что ли? — спросил Харри, не замедляя шага, чтобы выслушать возмущенную, но наверняка не слишком остроумную реплику Скарре, если тот вдруг предпримет попытку ответить.

– *Nice*[10], — засмеялся, похрюкивая, Бернтсен. — Скарре — идиот.

Похоже, Трульс решил поддержать его, но Харри не ответил. Не хватало еще водить дружбу с этим типом.

Не сказав ни слова на прощание, Харри на пересечении коридоров свернул налево и вошел в открытую дверь кабинета начальницы их отдела. Склонившись над столом Катрины Братт, спиной к нему стоял мужчина. Его было легко узнать по сверкающему лысому черепу, обрамленному лавровым венком черных, на удивление густых волос.

— Надеюсь, я не помешал? Мне сказали, что меня искали.

---

[10] Примечания: 10
Прекрасно *(англ.)*.

Катрина Братт подняла глаза, а начальник полиции Гуннар Хаген резко обернулся, как будто его поймали с поличным. Оба молча смотрели на Харри.

Он приподнял бровь:

— Что происходит? Вы уже слышали?

Катрина и Гуннар Хаген обменялись взглядами. Хаген кашлянул:

— А *ты* разве знаешь?

— Ну а как же иначе? — удивился Харри. — Это же я ее допрашивал.

Харри решил, что, должно быть, прокурор, которому он позвонил сразу после допроса, чтобы договориться об освобождении отца Сары, в свою очередь проинформировал Катрину Братт. Но что здесь делает начальник полиции?

— Между прочим, я посоветовал дочери взять с собой адвоката, но она меня не послушалась, — сказал Харри. — А потом еще раз повторил рекомендацию перед началом допроса, но она снова отказалась, и это есть на пленке. Вернее, не на пленке, а на жестком диске, вечно я путаю.

Никто не улыбнулся, и тогда Харри понял: что-то не так. Сейчас он услышит плохие новости.

— Дело в отце? — предположил Харри. — Он… что-то сделал с собой?

— Нет, — ответила Катрина. — Дело не в отце, Харри.

Мозг Харри неосознанно фиксировал детали: Хаген предоставил вести диалог Катрине, коллеге, которая была с ним в дружеских отношениях. А она в присутствии начальника полиции назвала его по имени, и это было явно лишним. С чего бы вдруг? Подушка безопасности. В наступившей тишине Харри снова почувствовал, как в его грудь вонзается коготь. И хотя Харри Холе не слишком верил в телепатию и ясновидение, он понял: сейчас ему предстоит услышать то, о чем его все время предупреждали вспышки.

— Дело в Ракели, — сказала Катрина.

Глава 6

Харри перестал дышать. Он читал, что, надолго задержав дыхание, можно умереть. В таком случае смерть наступает не от недостатка кислорода, а от переизбытка углекислого газа. Среднестатистический человек может не дышать от тридцати секунд до минуты, а один датский пловец выдержал под водой больше двадцати двух минут.

Харри бывал счастлив. Но счастье подобно героину: попробовал один раз, понял, что оно существует, и ты уже никогда не сможешь смириться с обычной, лишенной его жизнью. Потому что счастье отличается от умиротворения. Счастье неестественно. Счастье — трепетное, исключительное состояние: это секунды, минуты, часы, дни, которые, как ты понимаешь, не могут длиться вечно. А грусть возникает не потом, а одновременно со счастьем. Потому что вместе с ним приходит болезненное осознание того, что теперь уже больше ничто не будет таким, как прежде, и ты начинаешь тосковать по тому, что имеешь, ты расстраиваешься, предчувствуя тяжелое похмелье и горе потери, проклинаешь себя за то, что знаешь, какие чувства ты в состоянии

испытывать.

Ракель обычно читала в кровати. Иногда вслух, если ему тоже нравилась книга. Например, рассказы Хьелля Аскильдсена. И это наполняло Харри счастьем. Однажды вечером она прочитала предложение, отложившееся у него в памяти. В новелле рассказывалось о девушке, которая всю жизнь прожила с родителями на маяке, пока к ним не приехал женатый мужчина по имени Крафт. Она влюбилась в него и про себя подумала: «Зачем ты приехал и сделал меня такой одинокой?»

Катрина прочистила горло, но ее голос все равно задрожал, когда она сказала:

— Нашли Ракель, Харри.

Он хотел спросить, как можно найти того, кто не пропадал. Но чтобы говорить, он должен дышать. Харри сделал вдох:

— И… что это означает?

Катрина изо всех сил старалась владеть собой, но потом не выдержала и прикрыла рукой рот, исказившийся в гримасе.

Слово взял Гуннар Хаген:

— Самое худшее, Харри.

— Нет, — услышал Харри свой голос. Злой. А потом умоляющий: — Нет!

— Она…

— Подожди! — Харри поднял руки перед собой. — Не говори ничего, Гуннар. Не сейчас. Позволь мне… просто немного подожди.

Гуннар Хаген терпеливо ждал. Катрина закрыла лицо руками и беззвучно всхлипывала, но трясущиеся плечи выдавали ее. Харри нашел взглядом окно. В коричневом море парка Бутспаркен до сих пор лежали сероватые острова и небольшие континенты снега. Но липовая аллея, ведущая к тюрьме, в последние дни начала оживать. Через месяц или полтора почки внезапно раскроются — и Харри проснется и увидит, что в Осло опять стремительно, за одну ночь, нагрянула весна. И это будет лишено всяческого смысла. Бóльшую часть своей жизни он прожил в одиночку. Все было нормально. А сейчас ненормально. Он не дышал. Его переполнял углекислый газ. И он надеялся, что все произойдет быстрее, чем за двадцать две минуты.

— Ладно, — произнес он. — Давай говори.

— Она мертва, Харри.

Глава 7

Харри взвесил на руке мобильный телефон.

На расстоянии восьми нажатий кнопок.

На четыре меньше, чем когда он жил в пансионе «Чункинг-мэншн» в Гонконге. Комплекс состоял из четырех серых высотных зданий, представлявших собой маленькое сообщество. Там находились ночлежки для рабочих из Африки и с Филиппин, рестораны, молельные комнаты, ателье, обменные пункты, родильные отделения, похоронные бюро. Комната Харри располагалась на втором этаже корпуса «С». Четыре квадратных метра голого бетона, где имелось место для грязного матраса и пепельницы, где капающая из кондиционера вода отсчитывала секунды, в то время как сам он терял счет дням и неделям, уплывая в опиумный дурман и выплывая из него, решавшего, когда ему уходить, а когда возвращаться. В конце концов некая Кайя Сульнес из отдела убийств приехала и забрала его домой. Но перед этим он нашел определенный ритм жизни. Каждый день, подкрепившись стеклянной лапшой у Ли Юаня или прогулявшись по Натан-роуд и Мелден-роу, чтобы купить опиума в детском

рожке, Харри возвращался обратно, вставал у дверей лифта в «Чункинг-мэншн» и смотрел на телефонный автомат, висевший на стене: это был своего рода ритуал. Он сбежал от всего. От работы следователя, потому что она пожирала его душу. От себя самого, ибо он превратился в деструктивную силу, уничтожающую все вокруг. Но прежде всего — от Ракели и Олега, поскольку не хотел причинить им вреда. По крайней мере большего, чем уже причинил.

И каждый день, ожидая лифта, Харри стоял и разглядывал телефон-автомат, перебирая монеты в кармане.

Двенадцать нажатий кнопок — и он сможет услышать ее голос. Узнать, что у них с Олегом все хорошо.

А вдруг нет? Как узнать это, не позвонив?

В их жизни было много хаоса, и с момента его отъезда с ними могло случиться все, что угодно. Ракель и Олега вполне могло увлечь в водоворот дела Снеговика. Ракель была сильной, но Харри видел такое в других делах об убийствах — выжившие ломались и сами становились жертвами.

Но пока он *не* звонил, они были там, в его голове, в телефонном автомате, где-то в большом

мире. Пока Харри — к счастью или к несчастью — ничего не знал, он представлял себе, как мать с сыном гуляют по осеннему лесу. По тем самым тропинкам, где они когда-то ходили втроем. Он вспоминал, как бегущий впереди мальчишка радостно пытался ловить падающую листву. Теплая сухая рука Ракели лежала в руке Харри. Она, смеясь, спросила, почему он улыбается. Он отрицательно покачал головой, но вдруг понял, что действительно улыбается. В общем, Харри так и не прикоснулся к этому телефону. Потому что до тех пор, пока он не нажал эти двенадцать кнопок, он все еще мог верить, что вернется.

Харри надавил последнюю из восьми кнопок.

Раздались три звонка, прежде чем ему ответили:

— Хар-ри? — Первый из двух произнесенных слогов содержал удивление и радость, а второй — все то же удивление, но уже с некоторым оттенком беспокойства. Харри и Олег звонили друг другу редко, в основном по вечерам, а не посреди рабочего дня. И только затем, чтобы обсудить какие-то практические вопросы. Иногда, конечно, практические вопросы служили только слабым предлогом, но ни Олегу, ни Харри особо не нравилось разговаривать по телефону, поэто-

му, даже когда эти двое созванивались, чтобы поинтересоваться, как дела, они были кратки. Ничего не изменилось после того, как Олег со своей девушкой Хельгой уехали на год на север, в Лаксэльв в фюльке Финнмарк, где Олег проходил стажировку перед последним курсом Полицейской академии.

— Олег, — произнес Харри, заметив, что его голос стал сиплым, потому что ему предстояло вылить на парня кипяток, а Олегу теперь всю оставшуюся жизнь придется жить со шрамами от ожогов, которые он сейчас получит. Харри знал это, потому что у него самого было множество таких шрамов.

— Что-то случилось? — спросил Олег.

— Это касается твоей матери… — сказал Харри и снова замолчал, потому что просто-напросто не мог продолжать.

— Вы решили снова съехаться? — В голосе парня прозвучала надежда.

Харри закрыл глаза.

Олег разозлился, когда узнал, что его мать ушла от Харри. И поскольку юноше никто ничего не объяснил, его злоба была направлена на Ракель, а не на Харри. Харри никак не мог понять, как ему удалось стать настолько хорошим отцом, что

Олег принял его сторону. Когда Харри появился в их жизни, он не старался стать ни воспитателем, ни жилеткой, в которую можно поплакаться, потому что ему было очевидно, что мальчику не нужен суррогатный папа. А самому Харри совершенно точно вообще не был нужен никакой сын. Но проблема — если так на это смотреть — заключалась в том, что Харри просто-напросто начал нравиться этот серьезный, хмурый мальчик-мужчина. И симпатия их оказалась взаимной. Ракель, когда сердилась, говорила, что эти двое — одного поля ягоды, и, пожалуй, так оно и было. И со временем, когда Олег уставал или забывался, у него, случалось, вырывалось «папа» вместо «Харри».

— Нет, — сказал Харри. — Мы не съезжаемся, Олег, у меня плохие новости.

Тишина. Харри понял, что парень затаил дыхание. И вылил на него кипяток:

— В полицию поступил рапорт, в котором сообщается о ее смерти.

Прошло две секунды.

— Можешь повторить? — произнес Олег.

Харри не был уверен, сможет ли, но у него получилось.

— Как — о смерти? — спросил Олег, и Харри

услышал металлические отзвуки отчаяния в его голосе.

— Ее нашли дома сегодня утром. Похоже на убийство.

— Похоже?

— Мне самому только что сообщили. Там работает дежурная бригада, и я тоже сейчас поеду.

— Как?..

— Пока не знаю.

— Но…

Олег ничего больше не сказал, и Харри знал, что за этим всеобъемлющим «но» не последует продолжения. Это было инстинктивное возражение, протест, вызванный чувством самосохранения, отрицание того, что дела действительно обстоят так, как они обстоят в реальности. Эхо его собственного «но…» в кабинете Катрины Братт, произнесенного двадцать пять минут назад.

Харри ждал, пока сын Ракели боролся со слезами, и ответил: «Я не знаю, Олег» — на пять его следующих вопросов. Он услышал всхлипывания мальчишки и подумал: «Пока он плачет, я не буду».

Наконец Олег успокоился, и наступила тишина.

— Мой телефон включен, я позвоню сразу, как

только узнаю больше, — пообещал Харри. — Есть ли рейс…

— Есть рейс через Тромсё в час дня. — Олег дышал тяжело, с сипением и скрипом.

— Хорошо.

— Позвони, как только сможешь, ладно?

— Конечно.

— И, папа…

— Да?

— Не позволяй им…

— Нет-нет, не беспокойся, — сказал Харри. Он не мог объяснить, как догадался, о чем подумал Олег, никакого рационального объяснения не было, он просто… знал. Харри кашлянул. — Обещаю, что никто на месте преступления не увидит больше, чем надо для выполнения своей работы. Понятно?

— Да.

— Ну и хорошо.

Молчание.

Харри искал слова утешения, но не нашел ни одного, все они представлялись ему бесполезными.

— Я позвоню, — сказал он.

— Да.

На этом их разговор и закончился.

Глава 8

Харри медленно поднимался в гору к черной бревенчатой вилле, озаряемой вспышками синих огней припаркованных во дворе полицейских автомобилей. Бело-оранжевые оградительные ленты начинались внизу у ворот. Коллеги, не знавшие, что сказать и как вообще себя вести, молча смотрели на него, когда он проходил мимо них. Харри казалось, что он шагает под водой. Как во сне, от которого он надеялся вскоре очнуться. А может, не очнуться вовсе, потому что он пребывал в бесчувствии, странным образом не воспринимал и не ощущал ничего, только мягкий свет фар и приглушенный звук своих собственных шагов. Как будто он принял дозу.

Харри поднялся по трем ступенькам, ведущим к открытой двери в дом, который он когда-то делил с Ракелью и Олегом. Внутри дома слышались треск полицейских раций и короткие распоряжения Бьёрна Хольма, которые тот отдавал другим членам бригады криминалистов. Харри сделал вдох, его трясло.

Потом он переступил порог и автоматически обошел белые флажки, расставленные крими-

налистами.

«Это просто очередное расследование, — подумал он. — Я сплю, но ведь можно расследовать преступления и во сне. Надо только все сделать правильно, позволить сну плавно скользить дальше и самому не просыпаться. Пока я не проснулся, все это неправда».

И Харри все сделал правильно: он не стал смотреть ни на солнце, ни на труп, который, как он знал, лежал на полу между кухней и гостиной. Солнце, хотя оно и не было Ракелью, ослепило бы его, если бы он взглянул прямо на него. А созерцание трупа удручающе действует даже на опытных следователей, потрясает их в большей или меньшей степени, заставляет цепенеть и делает не слишком восприимчивыми к мелким деталям на месте преступления, которые могут о чем-то поведать и помочь составить связную логичную историю. Или же, наоборот, какая-то мелочь может выделяться из общей картины. Харри скользил взглядом по стенам. Одинокое красное пальто висело на крючке под шляпной полкой, там, где Ракель обычно вешала верхнюю одежду, если только уже не решила, что не наденет ее на следующий день, в этом случае она убирала ее в платяной шкаф. Ему пришлось взять себя в руки,

чтобы не схватить пальто, не прижать его к лицу и не втянуть в себя ее запах. Запах леса. Потому что, какими бы духами Ракель ни пользовалась, в симфонии ароматов всегда присутствовала базовая нота — аромат норвежского смешанного леса. Он не увидел красного шелкового платка, который она обычно носила с этим пальто, а вот черные сапожки стояли на обувной полке под вешалкой. Взгляд Харри двигался дальше, в сторону гостиной, но и там ничего нового не было. Она выглядела точно так же, как та комната, из которой он вышел два месяца, пятнадцать дней и двадцать часов назад. Фотографии висят не криво, мебель не передвинута, ковры не сбиты. Харри окинул взглядом кухню. Вот оно. В деревянной пирамиде на кухонном столе не хватало одного ножа. Теперь надо посмотреть на труп.

Харри почувствовал, как на его плечо легла рука.

— Привет, Бьёрн, — сказал он, не оборачиваясь и не переставая методично фотографировать взглядом место преступления.

— Харри, — произнес Бьёрн, — даже не знаю, что сказать.

— Тебе следовало сказать, что мне здесь не место, — ответил Харри. — Ты должен заявить,

что я лицо заинтересованное, что это не мое расследование и что мне, как и всем родственникам потерпевших, надлежит собраться с духом, прежде чем увидеть погибшую, и взять себя в руки, поскольку, возможно, придется произвести опознание.

— Ты же знаешь, что я ничего этого не скажу.

— Не ты, так кто-нибудь другой, — вздохнул Харри и посмотрел на следы крови внизу книжной полки, на корешках книг из собрания сочинений Гамсуна и старого Энциклопедического словаря, в который любил заглядывать Олег, а Харри объяснял ему, что́ в мире изменилось с того времени, когда был напечатан словарь, и почему. — А я бы предпочел услышать это от тебя. — Только сейчас Харри посмотрел на Бьёрна Хольма. Его и без того выпученные глаза, казалось, еще больше выкатились из орбит и блестели на бледном лице, обрамленном огненно-красными бакенбардами а-ля Элвис семидесятых годов, бородой и новой кепкой-шестипенсовиком, заменившей растаманскую шапочку.

— Ладно, Харри, если ты хочешь, то я сам это скажу.

Взгляд Харри переместился ближе к солнцу и наткнулся на край лужи крови на деревянном

полу. Похоже, крови было много. Он сказал Олегу: «В полицию поступил рапорт, в котором сообщается о ее смерти». Как будто он сам до конца не мог поверить в это, пока не увидит собственными глазами. Харри кашлянул и попросил:

— Сначала расскажи, что у вас есть.

— Нож, — ответил Бьёрн. — Судмедэксперты в пути, но мне кажется, что ей нанесли три удара, не больше. Один в шею, прямо под череп. Это означает, что она умерла…

— Быстро и безболезненно, — закончил Харри. — Спасибо за заботу, Бьёрн.

Бьёрн быстро кивнул, и Харри понял, что он сказал это не только и не столько для него, сколько для себя.

Харри вернулся взглядом к деревянной пирамиде на кухонном столе. Суперострые ножи фирмы «Тоджиро», которые он купил в Гонконге, были выполнены в традиционном стиле сантоку с рукояткой из дуба, но у них вдобавок имелась еще гарда из белой кости буйвола. Ракель обожала этот набор. Вроде бы не хватает самого маленького, универсального ножа с лезвием примерно десять-пятнадцать сантиметров.

— К тому же нет никаких признаков сексуального насилия, — добавил Бьёрн. — Вся одежда на

ней, и абсолютно целая.

Взгляд Харри достиг солнца.

Не просыпаться.

Ракель лежала в позе зародыша спиной к нему, лицом к кухне. Она скорчилась больше, чем обычно во сне. На ее спине не было видимых следов от ножевых ударов, а шею закрывали длинные черные волосы. Ревущие в голове Харри голоса пытались перекричать друг друга. Один вопил, что на ней кофта «Нэнси», которую он купил во время поездки в Рейкьявик. Другой — что это не Ракель, это просто не может быть она. Третий утверждал, что если исходить из картины преступления, то жертву сначала ударили спереди, причем убийца не находился между нею и входной дверью, а значит, она не предприняла попытки убежать. Четвертый — что Ракель в любой момент может подняться, смеясь, подойти к нему и указать на скрытую камеру.

Скрытая камера.

Харри услышал тихое покашливание и обернулся.

Человек, стоявший в дверях, был большим и квадратным, голова его казалась вырубленной из гранита и расчерченной по линейке: лысый череп, прямой подбородок, прямой рот, прямой нос

и маленькие квадратные глаза под парой прямых бровей. Джинсы, пиджак от костюма и рубашка без галстука. Серые глаза не выражали ничего, но тон и манера растягивать слова — как будто он долго ждал, чтобы все высказать, и теперь наслаждался процессом — были безапелляционны:

— Я сожалею о твоей потере, но вынужден попросить тебя покинуть место преступления, Холе.

Харри встретился взглядом с Уле Винтером и отметил, что полицейский из Крипоса[11] употребил кальку с английского, как будто даже у соболезнований не было адекватного выражения в норвежском языке. И что он даже не поставил точку после этого своего заявления, перед тем как вышвырнуть его, а лишь запятую. Харри не ответил, только повернулся и еще раз посмотрел на Ракель.

— Это означает прямо сейчас, Холе.

— Мм… Насколько я знаю, задача Крипоса — оказывать содействие Полицейскому управлению Осло, а не командовать…

— И как раз сейчас Крипос оказывает содей-

[11] Примечания: 11

Крипос — специальное подразделение полицейской службы Норвегии, которое занимается организованной преступностью и особо тяжкими уголовными преступлениями. — *Примеч. ред.*

ствие, держа супруга жертвы на расстоянии от места преступления. Ты можешь проявить свой профессионализм и согласиться, или же я попрошу кого-нибудь из парней в форме вывести тебя отсюда.

Харри знал, что Уле Винтер не возражал бы против такого развития событий — позволить парочке своих подчиненных сопроводить Холе в полицейский автомобиль на глазах у коллег, соседей и падальщиков-журналистов, собравшихся внизу у дороги и снимающих все подряд. Уле Винтер был на пару лет старше Харри, и на протяжении двадцати пяти лет они оба работали следователями и вели дела об убийствах, так сказать, по разные стороны забора: Харри — в Полицейском управлении Осло, Винтер — в Крипосе, сотрудники которого оказывали содействие местной полиции в расследовании особо тяжких преступлений, а в некоторых случаях, располагая лучшими ресурсами и опытом, полностью брали расследование на себя. Харри посчитал, что позвонить в Крипос решил его непосредственный начальник Гуннар Хаген. И правильно сделал, учитывая, где работал супруг жертвы. Правда, при этом Хагену пришлось переступить через самолюбие, поскольку между двумя этими круп-

нейшими подразделениями всегда существовала негласная конкуренция. Ну и плюс ко всему, конечно, не секрет, как Уле Винтер относился лично к Харри. Винтер считал, что Холе сильно переоценивают, что его статус легендарного сыщика объясняется громкостью раскрытых им преступлений, а вовсе не его профессионализмом. А вот самого Уле Винтера, несмотря на то что он, безусловно, являлся звездой Крипоса, недооценивали — по крайней мере, за пределами их организации. И это было вызвано тем, что его триумфы, в отличие от успехов Холе, никогда не влекли за собой громких газетных заголовков, поскольку серьезная полицейская работа редко их удостаивается, в то время как выскочку-следователя, отличающегося непредсказуемым характером и к тому же любящего выпить, за один-единственный миг просветления и озарения пресса восхваляет постоянно.

Харри вынул пачку «Кэмела», зажал сигарету губами и достал зажигалку.

— Я сейчас уйду, Винтер.

Харри прошел мимо него, спустился по ступенькам на гравий и только тогда пошатнулся. Он остановился, чтобы прикурить, но слезы настолько ослепили его, что он не видел ни зажигалки,

ни сигареты.

— Вот. — Харри услышал голос Бьёрна, пару раз быстро моргнул и втянул в себя пламя зажигалки, которую друг поднес к его сигарете. Харри глубоко затянулся, закашлялся и снова затянулся.

— Спасибо. Тебя тоже выгнали с места происшествия?

— Нет, я же работаю как на Крипос, так и на Полицейское управление Осло.

— Кстати, разве ты не в отпуске по уходу за ребенком?

— Катрина позвонила и велела срочно приехать. В данный момент мальчик наверняка сидит у нее на коленях в кресле начальника и руководит работой отдела убийств. — Кривая улыбка, едва коснувшись губ Бьёрна Хольма, исчезла. — Прости, Харри, я болтаю всякую чушь.

— Мм… — Ветер унес дым, выпущенный Харри. — Вы уже закончили осматривать двор?

Не выходить из образа следователя, оставаться под наркозом.

— Да, — ответил Бьёрн. — В ночь на воскресенье стояли заморозки, и гравий был более плотным. Если здесь побывали машины или люди, они оставили не слишком много следов.

— В ночь на *воскресенье*? Ты хочешь сказать,

это произошло прошлой ночью?

— Тело холодное, а когда я согнул ее руку, мне показалось, что труп уже полностью окоченел.

— Значит, прошло минимум двадцать четыре часа.

— Похоже на то. Но подождем заключения патологоанатомов. Эй, Харри, ты в порядке?

Харри уже успело вырвать, но он кивнул и сглотнул жгучую желчь. Разумеется, в порядке. Он до сих пор спит.

— Ножевые ранения. Можешь что-нибудь сказать о ноже?

— Думаю, клинок короткий или средний. Рядом с ранами нет следов синяков, так что либо убийца вонзал нож не слишком глубоко, либо это лезвие без рукоятки.

— Посмотри, сколько крови: он вонзал нож глубоко.

— Согласен.

Харри отчаянно втягивал в себя дым сигареты, выкуренной почти до фильтра. По подъездной дорожке к ним направлялся высокий молодой мужчина в элегантном костюме и пальто от «Бёрберри».

— Катрина сказала — тревогу поднял кто-то из сослуживцев Ракели, — продолжал Харри. — Зна-

ешь что-нибудь об этом?

— Только то, что это был ее начальник, — ответил Бьёрн. — Ракель не явилась на важную встречу, и они не смогли до нее дозвониться. Вот босс и заподозрил неладное.

— Хм… А разве принято звонить в полицию только потому, что один из твоих подчиненных куда-то там не пришел?

— Не знаю, Харри. Он сказал, на Ракель не похоже — не явиться на встречу и не предупредить об этом. И потом, им же было известно, что она живет одна.

Харри медленно кивал. Сослуживцы Ракели знали гораздо больше. Они были в курсе, что она совсем недавно выгнала мужа. Человека, которого все считают нестабильным. Он бросил окурок и услышал, как зашуршал гравий, когда он тушил его каблуком.

Мужчина лет тридцати с небольшим, с азиатскими чертами лица, подошел ближе. Он был стройным и держал спину прямо. Костюм, судя по всему, сшит у портного, надетая под него свежевыглаженная рубашка сверкает белизной, галстук завязан плотным узлом, густые темные волосы коротко подстрижены, и стрижка могла бы показаться скромной, если бы не была ярко

выраженной классикой. От следователя Крипоса Сон Мина Ларсена слабо пахло чем-то, на взгляд Харри, очень дорогим. В Крипосе за ним закрепилось прозвище Индекс Никкей[12], несмотря на то что имя Сон Мин, которое Харри в свое время несколько раз приходилось слышать в Гонконге, было корейским, а не японским. Ларсен учился на последнем курсе Полицейской академии в тот год, когда Харри начал там преподавать. Этот парнишка запомнился ему невероятной белизной рубашек, а также выразительными гримасами и кривыми ухмылками: так Ларсен реагировал всякий раз, когда новоиспеченный преподаватель Холе начинал путаться в материале. А еще результатами выпускного экзамена, наверняка лучшими за всю историю учебного заведения.

— Примите мои соболезнования, Холе, — произнес Сон Мин Ларсен. — Мои глубочайшие соболезнования.

Он был почти одного роста с Харри.

— Спасибо, Ларсен. — Харри кивнул на блокнот, который следователь из Крипоса держал в

[12] Примечания: 12

Никкей — сокращенное название индекса Japan's Nikkei 225 Stock Average, взвешенного индекса цен на акции или ценные бумаги наиболее крупных, ликвидных и надежных японских компаний. — *Примеч. ред.*

руке. — Опрашивал соседей?

— Точно так.

— Что-нибудь интересное есть? — Харри огляделся.

Здесь, в фешенебельном районе Хольменколлен, виллы располагались на большом расстоянии друг от друга. Их разделяли высокие живые изгороди и ряды елей.

Казалось, Сон Мин Ларсен на мгновение задумался, стоит ли делиться информацией с Полицейским управлением Осло. А может, проблема заключалась в том, что Харри был супругом жертвы.

— Ваша соседка, Венке Ангондора Сивертсен, утверждает, что не видела и не слышала ничего необычного в субботу вечером. Я поинтересовался, открывает ли она на ночь окно, и дама ответила утвердительно. Но добавила, что спит с открытым окном, потому что не просыпается от привычных звуков — например, от звука подъезжающей машины мужа, автомобилей соседей, мусоровоза. И она подчеркнула, что стены дома, принадлежавшего Ракели Фёуке, сделаны из толстых бревен.

Молодой следователь говорил все это, не заглядывая в блокнот, и у Харри появилось ощущение,

что Ларсен выдавал ему набор малосодержательных сведений в качестве теста, чтобы посмотреть, как он на них отреагирует.

— Мм… — Харри издал бурчание, означавшее, что он понял слова собеседника.

— Это так? — спросил Ларсен. — Дом действительно принадлежит вашей супруге? Не вам обоим?

— Исключительная собственность, — подтвердил Харри. — Я настоял. Не хотел, чтобы люди подумали, будто я женился из-за денег.

— Она была богата?

— Нет, это шутка. — Харри кивнул в сторону дома. — Тебе надо довести собранную информацию до сведения твоего начальника, Ларсен.

— А что, Винтер уже приехал?

— Во всяком случае, внутри сильно похолодало[13].

Сон Мин Ларсен натянул на лицо вежливую улыбочку:

— С формальной точки зрения расследование возглавляет Винтер, но, судя по всему, вплотную заниматься этим делом предстоит мне. Я не такой выдающийся специалист, как вы, Холе, но

---

[13] Примечания: 13

Игра слов: фамилия Винтер (Winter) переводится с английского как «зима».

обещаю сделать все возможное, чтобы поймать убийцу вашей супруги.

— Спасибо, — сказал Харри. У него было ощущение, что молодой следователь говорил вполне искренне, ну разве что насчет «выдающегося специалиста» слегка преувеличил. Он проводил глазами Ларсена, шагавшего к дому мимо полицейских машин, а затем произнес: — Скрытая камера.

— Что? — не понял Бьёрн.

— Я установил фотоловушку вон на той ели, что посредине. — Харри кивнул в сторону зарослей кустов и деревьев, походивших на кусочек леса у ограды соседнего участка. — Надо сказать об этом Винтеру.

— Нет, — твердо возразил Бьёрн.

Харри вопросительно посмотрел на него. Добродушный тутенец редко говорил столь безапелляционно. Бьёрн Хольм пожал плечами и пояснил:

— Если там есть запись, способная помочь в расследовании, мне кажется, честь раскрытия преступления не должна достаться Винтеру.

— Вот как?

— С другой стороны, тебе нельзя здесь ничего трогать.

— Потому что я — подозреваемый, — сказал Харри.

Бьёрн дипломатично промолчал.

— Все в порядке, — заверил друга Харри. — Я же понимаю: бывший муж всегда возглавляет список подозреваемых.

— Разумеется, тебя скоро исключат из их числа, — ответил Бьёрн. — Ладно, я займусь записью с камеры. Ель посередине, говоришь?

— Камеру трудно рассмотреть, — предупредил Харри. — Чехол фотоловушки завернут в чулок такого же цвета, что и ствол дерева. Он находится на высоте двух с половиной метров.

Бьёрн бросил на Харри странный взгляд, после чего направился к деревьям на удивление мягким и пружинистым для своего плотного телосложения шагом. У Харри зазвонил телефон. Первые четыре цифры высветившегося на дисплее номера указывали на то, что звонят с одного из стационарных телефонов в редакции газеты «ВГ»[14]. Стервятники учуяли добычу. А раз они звонят ему, значит узнали имя жертвы и связали погибшую с ним. Харри не ответил на звонок и убрал мобильник в карман.

---

[14] Примечания: 14

«ВГ» (VG, Verdensgang) — одна из крупнейших ежедневных газет Норвегии. — *Примеч. ред.*

Бьёрн сидел на корточках возле елей. Он поднял голову и жестом позвал Харри.

— Ближе не подходи, — предупредил криминалист. Он снова натянул белые резиновые перчатки. — Тут кто-то уже побывал до нас.

— Какого черта… — прошептал Харри. Чулок был содран с дерева, разорван и валялся на земле. Рядом лежали разбитые фотоловушка и крепление к ней. Кто-то раздавил их ногой. Бьёрн поднял камеру и констатировал:

— Карта памяти удалена.

Харри тяжело дышал носом.

— Ничего себе: разглядеть фотоловушку в этом камуфляжном чулке!.. — произнес Бьёрн. — Для этого ведь надо стоять здесь, у деревьев.

Харри медленно кивал.

— Или… — сказал он, ощущая, что мозгу не хватает кислорода, — тот человек знал, что камера находится здесь.

— Согласен. Кому ты об этом рассказывал?

— Никому. — Голос Харри стал сиплым. Он не сразу понял, в чем дело, что именно так наполняет болью его грудь и стремится прорваться наружу. Может, он просыпается? — Абсолютно никому. Да и фотоловушку я устанавливал под покровом ночи, так что никто меня не видел. Ни

один человек, во всяком случае.

Теперь Харри понял, что именно рвалось наружу. Вороний крик. Плач сумасшедшего. Смех.

Глава 9

В половине третьего дня немногочисленные постоянные посетители без особого интереса посмотрели в сторону открывающихся дверей ресторана «Шрёдер».

Пожалуй, «ресторан» — это громко сказано: хотя тут и подавали типичную норвежскую еду, такую как бекон с соусом, но основными блюдами в «Шрёдере» все-таки были пиво и вино. Это питейное заведение с выкрашенными коричневой краской стенами располагалось на улице Вальдемара Тране еще с середины пятидесятых годов, а с середины девяностых стало постоянным прибежищем Харри. С перерывом на те несколько лет, которые он прожил у Ракели в Хольменколлене. Но теперь он вернулся.

Харри выбрал столик у окна и плюхнулся на скамейку.

Скамейка была новой. В остальном же интерьер заведения за последние двадцать лет не изменился: те же столы и стулья, тот же потолок из цветного стекла, те же картины Сигурда Фоснеса с видами Осло, и даже скатерти (внизу красная, а сверху по диагонали положена белая) были теми

же самыми. Первое изменение, произошедшее на памяти Харри, случилось в 2004 году после вступления в силу закона о курении. Тогда весь ресторан заново покрасили, чтобы избавиться от запаха табака. Краску выбрали того же самого цвета, что и раньше. А запах табака так до конца и не выветрился.

Он посмотрел на телефон, но Олег еще не ответил на его сообщение с просьбой перезвонить — скорее всего, сидел в самолете.

— Это ужасно, Харри, — сказала Нина, убирая со стола, за который он сел, две пустые полулитровые кружки из-под пива. — Только что прочитала в Интернете про Ракель.

Она вытерла свободную руку о фартук и посмотрела на него сверху вниз:

— Как ты?

— Спасибо, плохо, — ответил Харри.

Значит, стервятники уже обнародовали имя жертвы. Наверняка они уже где-нибудь отыскали фотографию Ракели. И конечно, фото Харри Холе, коих немало в их архивах. На некоторых из этих снимков он смотрелся настолько страшно, что Ракель просила его в следующий раз немного попозировать. Сама же она всегда выглядела на фотографиях просто замечательно, не прилагая

к этому ни малейших усилий. Ракель вообще отличается редкой фотогеничностью. Вернее, *отличалась*. Черт.

— Кофе?

— Нет, Нина, сегодня принеси мне пива.

— Я все понимаю, но, Харри, как же так? Сколько лет я уже не наливала тебе спиртного?

— Много, Нина. И я ценю твою заботу. Но… я не могу проснуться, понимаешь?

— Проснуться?

— Если я отправлюсь в заведение, где есть крепкие напитки, то напьюсь сегодня до смерти.

— Ты пришел сюда, потому что здесь подают только пиво?

— И еще потому, что отсюда я найду дорогу домой с закрытыми глазами.

Официантка нахмурилась. Некоторое время она продолжала молча стоять и смотреть на него с беспокойством и задумчивостью. А потом глубоко вздохнула:

— Хорошо, Харри. Но тогда давай договоримся: я сама решу, когда тебе будет достаточно.

— Мне никогда не будет достаточно, Нина.

— Я знаю. Но думаю, ты пришел сюда, потому что хочешь, чтобы тебе наливал человек, на которого ты можешь положиться.

— Может быть.

Нина ушла и вернулась с полулитровой кружкой, которую поставила на стол перед Харри.

— Только медленно, — сказала она. — Пей медленно.

Где-то на середине третьей кружки дверь снова отворилась.

Харри отметил, что поднявшие головы завсегдатаи «Шрёдера» не опустили их вновь, а следили глазами за длинными, обтянутыми кожей ногами, пока новая посетительница не дошла до столика Харри и не села на стул.

— Ты не отвечаешь на звонки, — сказала женщина, отмахнувшись от двинувшейся было в ее сторону Нины.

— Выключил мобильник. Начали названивать журналюги.

— Пока что обнародовали только имя жертвы, не фамилию, но столько народу на пресс-конференции я в последний раз видела, когда мы раскрыли дело вампириста. И частично по этой причине начальник полиции решил тебя временно отстранить.

— Что? Я понимаю, что мне не дадут заниматься именно этим делом, но ты хочешь сказать, что меня полностью отстраняют от работы? Неужели

потому, что пресса пишет об убийстве?

— Потому что тебе не дадут работать спокойно, чем бы ты ни занимался, а нам сейчас не нужна твоя несобранность.

— И?..

— Что «и»?

— Договаривай. — Харри поднес кружку ко рту.

— Это все.

— Нет, не все. Ты забыла про политику. Давай излагай.

Катрина тяжело вздохнула:

— После включения коммун Берум и Аскер в полицейский округ Осло мы отвечаем за одну пятую часть населения Норвегии. Два года назад результаты социологических опросов показывали, что восемьдесят шесть процентов этого населения доверяют нам. Однако из-за нескольких неудачных дел данный показатель снизился до шестидесяти пяти процентов. И поэтому нашего дорогого начальника полиции Гуннара Хагена вызвали на ковер к нашему не слишком дорогому министру юстиции Микаэлю Бельману. Короче говоря, Полицейскому управлению Осло и лично Хагену в настоящее время меньше всего нужно, чтобы газеты опубликовали интервью

с разъяренным полицейским, находящимся на службе в пьяном виде.

— Ты кое-что забыла. С разъяренным и пьяным *параноиком*. — Харри откинул голову назад и опустошил кружку.

— Пожалуйста, не надо больше паранойи, Харри. Я разговаривала с Винтером из Крипоса. Следов Финне там не обнаружено.

— А какие следы обнаружены?

— Вообще никаких.

— Быть того не может. В доме совершено убийство. — Харри подал знак Нине, что готов к следующей кружке. — А что говорят судмедэксперты? Можешь ты мне это рассказать?

— Ладно, — сдалась Катрина. — Ракель скончалась в результате удара ножом в шею. Удар пришелся в дыхательный центр в *medulla oblongata*[15] между верхним шейным позвонком и черепом. Она скончалась мгновенно.

— Я не спросил Бьёрна о двух других, — произнес Харри.

— О чем ты говоришь?

— О втором и третьем ударах ножа.

Он увидел, как Катрина сглотнула. Небось дума-

---

[15] Примечания: 15
Продолговатый мозг *(лат.)*.

ла, что сможет уберечь его от этой информации.

— В живот, — ответила она.

— Ну вот, а говорили, что Ракель умерла безболезненно.

— Харри…

— Продолжай, — твердо сказал Харри и внутренне съежился. Ему казалось, он сам чувствует эти удары.

Катрина прочистила горло.

— Если человека убили больше суток назад, как в нашем случае, то установить точное время его смерти обычно очень сложно. Но возможно. Ты, наверное, слышал, что сейчас разработали новый метод, при котором комбинируются показатели ректальной температуры и температуры глаз, температуры гипоксантина в глазной жидкости и температуры мозга…

— Мозга?

— Да. Поскольку мозг защищен черепом, он меньше подвержен воздействию внешних факторов. Зонд в форме иглы вводится через нос и через *lamina cribrosa*[16], где основание черепа…

— С момента нашей последней встречи ты основательно подучила латынь.

---

[16] Примечания: 16
Решетчатая пластинка *(лат.).*

Катрина промолчала.

— Прости, — произнес Харри. — Я… я не…

— Все в порядке, — сказала Катрина. — Так вот, в данном случае работу экспертам облегчило то обстоятельство, что температура на первом этаже была постоянной: мы знаем, что все батареи управляются одним термостатом. И поскольку эта температура была довольно низкой…

— Ракель говорила, что в теплом свитере и с холодной головой ей лучше думается, — вставил Харри.

— …то внутренние органы тела еще не сравнялись по температуре с окружающей средой. В результате, пользуясь новой методикой, мы смогли установить, что смерть наступила в ночь на воскресенье, одиннадцатого марта, где-то между десятью вечера и двумя часами ночи.

— Так. А что говорит дежурная бригада, которая прибыла по вызову?

— Когда они приехали, входная дверь была не заперта, и поскольку она не оборудована защелкивающимся замком, то все указывает на то, что убийца покинул место преступления через нее. Не обнаружено также никаких следов взлома, а значит, когда злоумышленник пришел, входная дверь была открыта…

— Ракель всегда запирала эту дверь. И все другие двери тоже. Не дом, черт побери, а настоящая крепость.

— …или же Ракель сама впустила его.

— Мм… — Харри обернулся и нетерпеливо огляделся в поисках Нины.

— Насчет крепости ты прав. Бьёрн прибыл на место одним из первых и обошел дом с подвала до чердака. Он говорит, что все двери были заперты изнутри, а все окна закрыты на шпингалеты. Так у тебя есть какие-нибудь соображения?

— Меня удивляет, почему так мало следов.

— Согласна, — кивнула Катрина. — Там поработал человек, тщательно уничтожавший за собой следы. И прекрасно знавший, что именно следует убрать.

— Точно. А ты думаешь, Финне не знает, как это делается?

— Нет, не думаю. И конечно, Финне входит в число подозреваемых, его ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Но мы не можем выдвинуть обвинения против того или иного гражданина, основываясь исключительно на собственной интуиции.

— Исключительно на интуиции? Да я ведь уже говорил, что Финне открыто угрожал мне и моей

семье.

Катрина не ответила.

Харри посмотрел на нее, потом медленно кивнул:

— Маленькая поправка: *по утверждению презренного супруга жертвы*, Финне угрожал ему и его близким.

Катрина перегнулась через стол:

— Послушай, чем быстрее тебя можно будет исключить из числа подозреваемых, тем меньше шума. Сейчас за расследование отвечает Крипос, но мы с ними сотрудничаем, поэтому я могу надавить на них, чтобы они побыстрее прояснили ситуацию, после чего выступим с заявлением для прессы.

— С каким еще заявлением?

— Ты же знаешь, газеты напрямую об этом не говорят, но читатели не идиоты. И если верить статистике, вероятность того, что супруг является виновным в такого рода делах, составляет приблизительно…

— Восемьдесят процентов, — громко и медленно произнес Харри.

— Прости, — сказала Катрина и покраснела. — Мы просто хотим как можно быстрее покончить с формальностями.

— Понимаю, — пробормотал Харри, размышляя, не окликнуть ли Нину. — Просто сегодня я немного чувствителен.

Катрина протянула руку над столом и накрыла его ладонь:

— Я даже представить себе не могу, каково это, Харри. Вот так потерять любовь всей своей жизни.

Харри посмотрел на ее руку.

— Я тоже не могу, — сказал он. — Поэтому и хочу забыться, хотя бы на время. Нина!

— Но по закону нельзя допрашивать человека, если он пьян, так что, пока ты не протрезвеешь, подозрения с тебя не снимут.

— Это всего лишь пиво, через пару часов, если мне позвонят из Крипоса, я снова буду трезв. Кстати, роль матери тебе очень идет, я уже говорил?

Катрина улыбнулась и поднялась:

— Мне надо возвращаться, сотрудники Крипоса попросили разрешения воспользоваться нашими допросными. Береги себя, Харри.

— Стараюсь изо всех сил. Иди и арестуй его.

— Харри…

— Иначе я сам сделаю это. Нина!

Дагни Йенсен шла по мокрой от весеннего дождя брусчатке между могильными плитами по

кладбищу Спасителя. С улицы Уллеволсвейен, где велись дорожные работы, доносился запах плавящегося металла, а на кладбище пахло гниющими цветочными букетами и мокрой землей. И еще собачьими экскрементами. Теперь после схода снега весна в Осло всегда была именно такой, но иногда Дагни задумывалась: да что же они за люди такие, эти владельцы собак, выгуливающие своих питомцев на обычно пустынном кладбище, чтобы не убирать за ними испражнения, поскольку тут этого все равно никто не увидит! Обычно Дагни приходила на могилу матери по понедельникам после последнего урока в Соборной школе, расположенной всего в пяти минутах ходьбы отсюда. Дагни преподавала там английский язык. Она скучала по маме, скучала по их ежедневным разговорам обо всем на свете. Мама всегда была настолько неотъемлемой частью ее жизни, что, когда из дома престарелых сообщили печальную весть, Дагни не поверила. Не поверила, даже увидев тело, похожее на восковую куклу, этакую неудачную копию мамы. Точнее говоря, ее мозг все понимал, а вот сердце — нет. Видимо, ей требовалось самой быть свидетельницей смерти, чтобы принять факт ухода человека в мир иной. Поэтому Дагни до сих пор иногда казалось, что

вот сейчас в дверь ее квартиры на улице Торвальда Мейера постучат и войдет мама. А почему бы и нет? Скоро людей начнут отправлять на Марс, и, кто знает, может быть, с медицинской точки зрения нет ничего невозможного в том, чтобы вернуть к жизни мертвое тело? Во время похорон священник, молодая женщина, сказала, что у нас нет точного ответа на вопрос, что находится за порогом смерти; все, что мы знаем: тот, кто его переступит, никогда не вернется. Дагни возмутилась до глубины души. И дело было даже не в том, что так называемая народная церковь стала толерантной до такой степени, что отказалась от своей, по сути, единственной функции: давать точные и утешительные ответы на вопрос, что нас ожидает после смерти. Но священница очень естественно и уверенно произнесла это «никогда». Если людям нужна надежда, безумная идея о том, что их любимый человек однажды воскреснет из мертвых, зачем отнимать ее? Если все обстоит так, как утверждает христианская вера, то подобное ведь уже произошло один раз, а значит, может случиться снова, разве нет? Через два года Дагни исполнится сорок, но она до сих пор не вышла замуж и не обзавелась детьми, она до сих пор не съездила в Микронезию, не реали-

зовала свой план открыть детский дом в Эритрее, не дописала сборник стихов. И она надеялась, что впредь не услышит, как кто-то произносит с такой интонацией слово «никогда». Дагни шла по тропинке в части кладбища, расположенной ближе всего к улице Уллеволсвейен, как вдруг увидела мужчину. Точнее говоря, она заметила длинную черную косичку, свисавшую по его спине, и то, что поверх клетчатой фланелевой рубашки он не надел куртку. Мужчина стоял перед могильной плитой, на которую Дагни обратила внимание еще зимой, потому что ее не расчищали; она подумала тогда, что, видно, у этого умершего никого не осталось — по крайней мере, никого, кто любил его или ее.

Дагни Йенсен обладала неприметной внешностью: на такую взглянешь и сразу забудешь. Хрупкая маленькая женщина, до сих пор тихонечко кравшаяся по своему жизненному пути. На улице Уллеволсвейен уже начала образовываться пробка, хотя еще не было и трех часов, поскольку за последние сорок лет рабочее время в Норвегии сократилось до уровня, который заставлял иностранцев попеременно испытывать то раздражение, то восхищение. Поэтому Дагни очень удивилась, что мужчина услышал ее шаги

и повернулся к ней. Он оказался старым. Кожа на его лице походила на дубленую, а резкие морщины были такими глубокими, что казалось, доходили до самых костей. Правда, тело его под фланелевой рубашкой выглядело худым и мускулистым, как у молодого, но лицо, желтоватые белки карих глаз, зрачки размером с булавочную головку говорили о том, что ему минимум лет семьдесят. На лбу красная бандана, как у индейца, а над толстой верхней губой редкие усики.

— Добрый день, — произнес он громко, чтобы она расслышала его в уличном шуме.

— Приятно видеть человека у этой могилы, — ответила Дагни и улыбнулась. Обычно она не была такой разговорчивой с незнакомцами, но сегодня пребывала в хорошем настроении, да, была даже немного возбуждена, поскольку Гуннар, новенький учитель английского, пригласил ее на бокал вина.

Мужчина улыбнулся в ответ.

— Здесь похоронен мой сын, — сказал он глубоким хриплым голосом.

— Мне очень жаль это слышать. — Она разглядела, что в землю перед могильной плитой было воткнуто перо, а не цветок.

— В племени чероки в гроб к умершим принято

класть орлиное перо, — произнес незнакомец, словно прочитав ее мысли. — Но это не орел, а сарыч.

— Да? И где же вы его достали?

— Перо сарыча? Осло со всех сторон окружен дикой природой, ты разве не знала? — Он улыбнулся.

— Ну, положим, эта природа выглядит довольно цивилизованной. Однако класть перо — хорошая идея; возможно, оно поможет душе вашего сына воспарить на небеса.

Мужчина покачал головой:

— Дикая природа, никакой цивилизации. Моего сына застрелил полицейский. И теперь мой мальчик не попадет на небеса, сколько бы перьев я ему ни принес, но он и не в раскаленном аду, куда держит путь его убийца. — В голосе старика не было ненависти, только сожаление, как будто он сочувствовал тому полицейскому. — А ты кого навещаешь?

— Маму, — сказала Дагни и посмотрела на могильную плиту: «Валентин Йертсен». Вроде бы она уже где-то слышала это имя.

— Значит, ты не вдова. Потому что такая к-красивая женщина, как ты, конечно же, в юности вышла з-замуж и родила детей?

— Спасибо за комплимент, но на оба вопроса ответ «нет», — рассмеялась Дагни, и в голове у нее промелькнуло видение: ребенок с ее светлыми кудряшками и уверенной улыбкой Гуннара — и это заставило ее улыбнуться еще шире.

— Как красиво, — заметила она, указывая на какой-то искусно выполненный металлический предмет, воткнутый в землю у могилы. — А что это за символ?

Мужчина вынул предмет из земли и поднял вверх. Он был похож на изогнувшуюся змею и заканчивался острием.

— Это символ смерти. В твоей семье были с-сумасшедшие?

— Э-э-э… Мне об этом ничего не известно.

Он приподнял рукав фланелевой рубашки, чтобы посмотреть на часы.

— Четверть третьего, — сказала Дагни.

Он снисходительно улыбнулся, словно бы не нуждался в ее пояснениях, нажал на кнопку сбоку на часах, поднял на нее глаза и объявил:

— Две с половиной м-минуты.

Он рассчитывает для чего-то время?

Внезапно мужчина сделал два широких шага и оказался прямо перед ней. От него пахло костром.

И, словно бы вновь прочитав ее мысли, он произнес:

— Я могу пахнуть и тобой. Я пах тобой, когда ты еще только шла сюда. — Губы его увлажнились, когда он говорил, они извивались, как угри на крючке. — У тебя овуляция.

Дагни уже пожалела, что остановилась, и все же продолжала стоять, словно взгляд этого странного типа пригвоздил ее к месту.

— Если ты не будешь противиться, все закончится быстро, — прошептал он.

А потом Дагни словно бы пришла в себя и развернулась, чтобы убежать. Но быстрая рука проскользнула под ее короткую куртку, крепко цапнула за ремень и потянула назад. Она успела вскрикнуть и бросить взгляд на пустое кладбище, прежде чем ее швырнули в кустарник, росший у ограды вдоль улицы Уллеволсвейен. Две сильные руки обхватили ее грудь и сжали как тисками. Она умудрилась втянуть в себя немного воздуха, чтобы закричать, но, казалось, незнакомец именно этого и ждал, потому что, как только она на выдохе начала издавать крик, его руки стиснули ее еще крепче, буквально выдавливая воздух из ее легких. Она заметила, что в одной руке мужчина до сих пор держал изогнутую железку. Другая

рука переместилась к ее горлу и стиснула его. У нее потемнело в глазах, и, хотя рука на груди внезапно ослабила хватку, Дагни почувствовала, что тело ее расслабилось и отяжелело.

«Этого не произойдет, — думала она, в то время как его рука шарила сзади между ее бедрами. Она почувствовала, как что-то острое прикоснулось к животу под пряжкой ремня, и услышала звук рвущейся ткани, когда железное острие вспороло брюки от живота до спины. — Подобное просто не может случиться посреди бела дня на кладбище в центре Осло. Во всяком случае, не со мной!»

А затем рука, сжимавшая горло, ослабила хватку, и Дагни издала такой же звук, как мама, когда надувала ветхий матрас. Она жадно втягивала в разрывающиеся от боли легкие весенний воздух Осло и выхлопные газы машин, стоявших в пробке. Одновременно она почувствовала прикосновение к горлу чего-то острого. Посмотрев вниз, разглядела изогнутый нож и услышала хриплый шепот у своего уха:

— Первым номером моей программы был удав. А вот это — ядовитая змея. Один маленький укус — и ты умрешь. Так что лучше стой спокойно и не издавай ни звука. Вот так. Да, именно так. Н-нормально стоишь?

Дагни Йенсен почувствовала, как по щекам у нее потекли слезы.

— Вот так, все будет хорошо. Осчастливишь ли ты меня, выйдешь ли ты за меня замуж?

Дагни почувствовала, как кончик ножа крепче прижался к гортани.

— Ты согласна?

Она осторожно кивнула.

— Тогда мы обручились, любовь моя. — (Дагни ощутила, как его губы касаются ее шеи. Прямо перед собой, с противоположной стороны кустарника и ограды, она услышала звук чьих-то шагов и оживленный разговор двух людей, но вскоре все стихло.) — А теперь перейдем от слов к делу. Я сказал, что змея у твоего горла символизирует с-смерть. А вот это символизирует жизнь…

Дагни Йенсен почувствовала «это» и крепко зажмурила глаза.

— Новую жизнь, которую мы сейчас создадим…

Он произвел толчок, и она крепко сжала зубы, чтобы не закричать.

— За каждого потерянного сына я дам миру п-пятерых новых, — прохрипел он ей в ухо с новым толчком. — А ты не посмеешь уничтожить то, что принадлежит нам обоим, слышишь? Потому

что дитя — это дар Божий.

Третий толчок — и он с долгим стоном изверг свое семя.

Нож исчез, и мужчина отпустил ее. Дагни освободилась от железной хватки насильника и заметила, что ее ладони в крови, потому что она хваталась за колючий кустарник. Но она продолжала стоять, нагнувшись вперед, спиной к нему.

— Повернись сюда! — приказал мужчина.

Она нехотя выполнила его повеление.

Он держал в руках ее портмоне и рассматривал извлеченную из него банковскую карточку.

— Дагни Йенсен, — прочитал он. — Улица Торвальда Мейера. Хороший район. Я буду тебя периодически навещать. — Он протянул ей бумажник, склонил голову и внимательно посмотрел на нее. — Помни, Дагни, это наша тайна. С этого момента я буду следить за тобой и защищать тебя, как орел, которого ты не видишь, но знаешь, что он там, наверху, и наблюдает за тобой. Никто и ничто не поможет тебе, потому что я дух, который невозможно изловить. Но и с тобой ничего плохого тоже произойти не может, потому что мы помолвлены и длань моя простирается над тобой.

Он поднял руку, и она только сейчас поняла:

посреди ладони у него зияла самая настоящая дыра.

Этот страшный человек ушел, и Дагни Йенсен, захлебываясь слезами, бессильно опустилась в сырой снег у ограды. Сквозь слезы она видела спину старика с косичкой, спокойными шагами направлявшегося к северным воротам кладбища. Раздался пульсирующий писк: это сработал таймер. Мужчина остановился, поднял рукав и нажал на запястье. Писк прекратился.

Харри открыл глаза. Он лежал на чем-то мягком и пялился в потолок на маленькую, но симпатичную хрустальную люстру, которую Ракель привезла домой из Москвы, где проработала несколько лет. Если смотреть на люстру снизу, то видно, что хрустальные подвески формируют букву «S», чего он раньше не замечал. Женский голос произнес его имя. Он обернулся, но никого не увидел.

— Харри, — повторила женщина.

Он спал. Это пробуждение? Харри открыл глаза. Он по-прежнему находился в сидячем положении в ресторане «Шрёдер».

— Харри? — раздался голос Нины. — Тут к тебе пришли.

Он поднял голову и увидел прямо перед собой

озабоченные глаза Ракели, рот Ракели, слегка блестящую кожу Ракели. А вот челка была гладкой, как у русского отца. Нет, он все еще спит.

— Олег, — невнятно произнес Харри и попытался встать на ноги, чтобы обнять парня, но у него не вышло. — Я не думал, что ты прилетишь так рано.

— Я приехал в город час назад. — Высокий молодой человек опустился на тот же стул, на котором прежде сидела Катрина, и скривился, как будто сел на кнопку.

Харри посмотрел в окно и, к своему удивлению, обнаружил, что на улице уже стемнело.

— А как ты узнал, где…

— Бьёрн Хольм подсказал. Я разговаривал с агентом из похоронного бюро и договорился встретиться с ним завтра утром. Пойдешь со мной?

Голова Харри упала на грудь. Он застонал:

— Конечно пойду, Олег. Черт, ты приехал, а я сижу здесь пьяный, и ты делаешь работу, которую должен был делать я.

— Ничего, на самом деле, когда что-то делаешь, становится легче. Когда занимаешь голову практическими вопросами. Я даже начал прикидывать, как нам поступить с домом после

того, как… — Он замолчал, поднес руку к лицу и прижал большой и указательный пальцы к вискам. — Бред, да? Мама едва успела остыть, а я… — Пальцы массировали виски, а кадык ходил вверх-вниз.

— Ничего не бред, — возразил Харри. — Твой мозг ищет способ избавиться от боли. Я нашел свой способ, но тебе его не советую. — Он передвинул полупустую кружку, стоявшую между ними. — Боль можно обмануть на какое-то время, но она тебя отыщет. Когда ты немного расслабишься, когда ослабишь меры безопасности, когда твоя голова покажется над краем окопа. А пока дозволено не испытывать никаких чувств.

— Оцепенение, — сказал Олег. — Я просто оцепенел. Я тут вспомнил, что ничего сегодня не ел, так что купил сосиску чили и полил ее самой острой горчицей, просто чтобы что-нибудь *почувствовать*. И знаешь что?

— Знаю, — кивнул Харри. — Ты не почувствовал ничего.

— Ничего, — повторил Олег и смахнул что-то с глаз.

— Боль придет, — заверил его Харри. — Не надо ее искать, она сама тебя найдет. Тебя и все дыры в твоих доспехах.

— Тебя уже нашла?

— Я сплю, — произнес Харри. — И пытаюсь не просыпаться.

Он посмотрел на свои руки. Он бы все отдал за возможность принять на себя часть боли Олега. Что он мог сказать этому парню? Что потом никогда не будет так больно, как в тот раз, когда ты впервые теряешь человека, которого любишь по-настоящему? Но теперь Харри уже не знал, правда ли это. Он кашлянул.

— Дом закрыт до тех пор, пока криминалисты не закончат работу. Переночуешь у меня?

— Я переночую у родителей Хельги.

— Хорошо. Как Хельга это восприняла?

— Очень расстроилась. Ведь они с Ракелью стали настоящими подругами.

Харри кивнул:

— Хочешь услышать подробности?

Олег отрицательно покачал головой:

— У меня уже был долгий разговор с Бьёрном, он рассказал все, что нам известно. И что неизвестно.

Нам. Харри отметил, что за несколько месяцев практики Олег научился употреблять это расширенное местоимение «мы», говоря о полиции. То «мы», которое сам он за двадцать пять лет службы

не употреблял никогда. Однако опыт научил его, что это «мы» укоренилось в нем гораздо глубже, чем он думал. Потому что это твой дом. В горе и в радости. Даже когда теряешь все остальное, а бóльшую часть — навсегда. Харри надеялся, что Олег и Хельга будут держаться друг за друга.

— Меня завтра с утра пораньше вызвали на допрос, — сказал Олег. — В Крипос.

— Понятно.

— Они станут спрашивать о тебе?

— Если будут добросовестно выполнять свою работу, то станут.

— А что мне отвечать?

Харри пожал плечами:

— Правду. Без прикрас, такую, какой ее видишь ты.

— Хорошо. — Олег снова закрыл глаза и сделал пару глубоких вдохов. — Угостишь меня пивом?

Харри вздохнул:

— Как видишь, во мне не много осталось от мужчины, но, по крайней мере, я всегда держу свое слово. Поэтому я никогда не обещал слишком многого твоей матери. Однако кое в чем, Олег, я ей поклялся: поскольку твой отец является носителем того же плохого гена, что и я сам, я дал слово, что никогда в жизни, ни при каких обстоя-

тельствах не налью тебе ни капли спиртного.

— Ну, вообще-то, мама не возражала против пива.

— Это обещание было моей идеей, Олег. Но я не собираюсь тебя ни в чем ограничивать.

Олег развернулся и поднял вверх палец. Нина кивнула.

— Сколько времени ты еще будешь спать? — спросил Олег.

— Сколько смогу.

Подоспело пиво, и Олег начал медленно пить его маленькими глотками, каждый раз ставя кружку между ними, как будто они ее делили. Оба молчали. Им не требовалось разговаривать. Да они и не могли, поскольку отчаянно сдерживали молчаливые рыдания.

Когда кружка опустела, Олег вынул телефон и взглянул на экран:

— Это брат Хельги, он приехал за мной на машине и уже ждет на улице. Подкинуть тебя домой?

Харри отрицательно покачал головой:

— Спасибо, но мне надо пройтись.

— Я пришлю тебе эсэмэской адрес похоронного бюро.

— Договорились.

Они одновременно поднялись. Харри отметил, что Олег все еще чуть-чуть не дотягивает до его 193 сантиметров, а потом вспомнил, что этот забег окончен: мальчик уже вырос.

Они крепко обнялись, положив подбородки на плечи друг другу, и некоторое время так и стояли.

— Папа…

— Что?

— Когда ты позвонил и сказал, что речь пойдет о маме, я подумал, что вы решили съехаться. Это потому, что два дня назад я спросил ее, не может ли она дать тебе еще один шанс.

Харри почувствовал, что у него в груди встает ком.

— Что ты такое говоришь?

— Она ответила, что подумает об этом в выходные. Но я знаю, что она хотела. Мама очень хотела, чтобы ты вернулся.

Харри закрыл глаза и сжал челюсти так плотно, что казалось, коренные зубы сейчас треснут. *Зачем ты пришла и сделала меня таким одиноким?* Всего алкоголя мира не хватит, чтобы победить эту боль.

Глава 10

Значит, Ракель хотела, чтобы он вернулся.

От этого лучше или, наоборот, еще хуже?

Харри вытащил из кармана телефон, чтобы выключить его. Ага, Олег прислал сообщение с парой практических вопросов, которые ему задали в похоронном бюро. Три пропущенных звонка, наверное от журналистов, и еще один, с номера, который, насколько он помнил, принадлежал Александре из Института судебной медицины. Она что, хотела выразить соболезнования? Так написала бы эсэмэску. Или заняться сексом? Не исключено, что Александра хотела и то и другое. Эта молодая женщина несколько раз говорила ему, что возбуждается от сильных чувств, вне зависимости от того, добрые они или не очень. Ярость, радость, ненависть, боль. Но горе? М-да. Страх и стыд. Как неслыханно возбуждающе трахнуть человека, испытывающего горе. Хотя, если разобраться, существуют и более безумные фантазии. Взять хотя бы самого Харри, который сидит здесь и, буквально через несколько часов после обнаружения трупа Ракели, размышляет о возможных сексуальных желаниях Александры.

Как это назвать, черт возьми?

Харри жал на кнопку отключения, пока экран не почернел, а потом опустил телефон обратно в карман брюк. Он бросил взгляд на микрофон, стоявший перед ним на столе в узкой комнате, похожей на гостиную кукольного дома. Маленький красный огонек указывал на то, что запись уже включена. Потом он посмотрел на человека, сидевшего по другую сторону стола:

— Ну что, начнем?

Сон Мин Ларсен кивнул. Вместо того чтобы повесить свое пальто от «Бёрберри» рядом с курткой Харри на крючок на стене, он положил его на спинку одного из свободных стульев.

Ларсен прочистил горло и начал:

— Тринадцатое марта, пятнадцать часов пятьдесят минут, мы находимся в комнате для допросов номер три в Полицейском управлении Осло. Допрашивает следователь Крипоса Сон Мин Ларсен, допрашиваемый — Харри Холе…

Молодой следователь говорил на таком чистом и правильном норвежском, что Харри казалось, будто он слушает старый радиоспектакль. Ларсен не отводил от него глаз и не заглядывал в свои записи, диктуя личный номер и адрес Холе. Возможно, он специально вызубрил все,

чтобы произвести впечатление на своего пока еще более известного коллегу. А может быть, это была его постоянно используемая техника запугивания, призванная продемонстрировать интеллектуальное превосходство, чтобы у допрашиваемого даже и мысли не возникло солгать или попытаться манипулировать фактами. И было, разумеется, третье объяснение: у Сон Мина Ларсена просто-напросто отменная память.

— Я исхожу из того, что вы, как полицейский, знаете свои права, — сказал Ларсен. — И хочу напомнить, что вы отказались от присутствия на допросе адвоката.

— Я подозреваемый? — спросил Харри, бросив взгляд сквозь раздвинутые занавески на соседнее помещение, где, сложив на груди руки и глядя на них, сидел старший инспектор полиции Винтер.

— Это чисто формальная процедура, и вас ни в чем не подозревают, — ответил Ларсен. Он четко следовал инструкции, обратив внимание Харри на то, что допрос будет записан. После чего задал первый вопрос:

— Можете рассказать мне о ваших отношениях с убитой Ракелью Фёуке?

— Она… *была* моей женой.

— Вы расстались?

— Нет. Или да, она умерла.

Сон Мин Ларсен поднял глаза на Харри, будто пытаясь понять, не бросает ли тот ему вызов:

— Значит, вы не разошлись?

— Нет, не успели. Но я съехал на другую квартиру.

— Как я понял со слов других свидетелей, разрыв произошел по инициативе вашей жены. Почему вы расстались?

«Ракель хотела, чтобы я вернулся».

— Не сошлись характерами. Давай перейдем прямо к тому моменту, когда ты спрашиваешь меня о том, есть ли у меня алиби на момент убийства.

— Я понимаю, что это причиняет вам боль, но…

— Спасибо, что объяснил мне, что именно ты понимаешь, Ларсен, и твоя догадка верна, это и впрямь причиняет боль, но я предложил так поступить, потому что у меня мало времени.

— Вот как? Я так понял, что вы пока отстранены от службы.

— Да. Но мне надо незамедлительно провести очередной сеанс приема алкоголя.

— Стало быть, вы спешите?

— Да.

— И все-таки я бы хотел поговорить о ваших отношениях с убитой Ракелью Фёуке. Ваш пасынок Олег считает, что он так и не получил удовлетворительного объяснения о причинах разрыва — ни от вас, ни от своей матери. Но вряд ли ситуацию улучшило то обстоятельство, что вы, преподавая в Полицейской академии, тратили все больше и больше свободного времени на поиски некоего Свейна Финне, только что отсидевшего срок.

— Моя просьба поторопиться была завуалированной формой отказа говорить на эту тему.

— Значит, вы отказываетесь разъяснить ваши отношения с убитой?

— Я *отказываюсь* от перспективы обсуждать детали своей частной жизни и *предлагаю* перейти к обсуждению алиби в целях экономии твоего и моего времени. Чтобы вы с Винтером могли сосредоточиться на поимке виновного. Я надеюсь, из лекций ты запомнил, сколь важными являются при расследовании убийства первые сорок восемь часов: по истечении этого срока память свидетелей ослабевает, а улики обнаружить гораздо сложнее, так что в результате вероятность раскрытия преступления уменьшается наполовину. Поговорим о ночи убийства, Ларсен?

Следователь из Крипоса уставился на точку на

лбу Харри, ритмично постукивая ручкой по столешнице. Харри видел, что он хочет посмотреть на Винтера, чтобы понять, как поступить дальше: надавить на Холе или пойти ему навстречу.

— Хорошо, — произнес Ларсен. — Давайте.

— Отлично, — сказал Харри. — Рассказывай.

— Что, простите?

— Расскажи мне, где и в какой момент времени я находился в ночь убийства.

Сон Мин Ларсен натянуто улыбнулся:

— Хотите сказать, это *я* должен вам сообщить?

— Ты же побеседовал с другими свидетелями, перед тем как допрашивать меня, желая как можно лучше подготовиться. Я поступил бы точно так же на твоем месте, Ларсен. Это означает, что ты поговорил с Бьёрном Хольмом и знаешь, что я находился в баре «Ревность», куда он за мной заехал поздно вечером, чтобы отвезти домой и уложить в постель. Я был пьян в стельку, не помню ни черта и вообще не имею ни малейшего представления о времени. Поэтому я не в состоянии предоставить вам сведения, которые опровергнут или подтвердят его показания. Но я надеюсь, вы опросили также владельца «Ревности» и, возможно, других свидетелей и убедились, что Хольм говорит правду. А поскольку я не знаю,

когда именно умерла моя жена, то это ты, Ларсен, должен сказать, есть у меня алиби или нет.

Ларсен нажимал кнопку на своей ручке, изучая взглядом Харри: так игрок в покер перебирает фишки, прежде чем решить, делать ставку или нет.

— Хорошо, — сказал он и наконец оставил ручку в покое. — Мы проверили также ваш мобильный, в тот день он не находился в той соте, где произошло преступление.

— И по-твоему, это говорит о том, что я был вне игры?

Ларсен не ответил.

— Но это еще не доказательство: я мог просто-напросто оставить мобильный дома или вообще потерять его. Так что спрошу еще раз: у меня есть алиби или нет?

В этот раз Ларсен не смог сдержаться и метнул вопросительный взгляд на Винтера. Краем глаза Харри увидел, что тот провел ладонью по своей гранитной голове, после чего едва заметно кивнул подчиненному.

— Бьёрн Хольм заявил, что вы вдвоем покинули бар «Ревность» в половине одиннадцатого, что подтверждает владелец заведения. Хольм говорит, что он помог вам подняться в квартиру и

лечь в постель. Выходя из квартиры, он встретил вашего соседа Гюле, который работает в трамвайном парке. Тот возвращался домой после смены. Я так понял, что Гюле живет на первом этаже под вами, и он утверждает, что не ложился до трех часов ночи, а стены в доме такие тонкие, что он бы услышал, если бы вы выходили.

— Мм… А что говорят судмедэксперты: когда умерла жертва?

Ларсен заглянул в свой блокнот, как будто хотел свериться с ним, но Харри знал, что у молодого следователя все факты четко запечатлены в памяти и ему просто требовалось время, чтобы решить, что он может и хочет рассказать допрашиваемому. И еще Харри отметил, что Ларсен не посмотрел на Винтера перед тем, как принять решение.

— Судмедэксперты основывают свои предположения на соотношении температуры тела и температуры в помещении, поскольку труп не перемещали. И все же время смерти трудно определить с точностью до часа, ведь тело как-никак пролежало там около полутора суток. Но по их мнению, смерть наверняка наступила в промежуток между десятью часами вечера и двумя часами ночи.

— Значит, с этого момента я официально больше не нахожусь под подозрением?

Облаченный в костюм следователь медленно кивал. Харри обратил внимание на то, что Винтер приподнялся на стуле, как будто хотел возразить, но Ларсен этого не заметил.

— Ну что ж… Есть еще один нюанс: если я хотел избавиться от жены, то, как следователь, знал, что попаду в число подозреваемых, а потому мог обратиться к киллеру и обзавестись алиби. Я поэтому до сих пор и нахожусь здесь, да?

Ларсен провел рукой по узлу галстука, на котором Харри разглядел логотип авиакомпании «Британские авиалинии».

— Вообще-то, нет. Но, как вы справедливо отметили, нельзя терять время, первые сорок восемь часов очень важны. Поэтому мы хотели прояснить ситуацию, перед тем как спросить: как *вы* считаете, что случилось?

— Вас интересует мое мнение?

— Вы больше не подозреваемый. Но вы по-прежнему остаетесь… — Ларсен сделал артистическую паузу, прежде чем произнести имя, слишком четко выговаривая каждую букву, — Харри Холе.

Харри взглянул на Винтера. Интересно, он и впрямь ради этого позволил своему следова-

телю выложить все известные им факты? Они застряли и им необходима помощь? Или же это собственная инициатива Сон Мина Ларсена? Винтер, казалось, застыл на своем стуле.

— Значит, это правда, — произнес Харри. — Убийца не оставил на месте преступления ни единой улики?

Отсутствие какого-либо выражения на лице Ларсена Харри посчитал утвердительным ответом. И честно сказал:

— Я понятия не имею, что произошло.

— Бьёрн Хольм утверждает, что вы обнаружили на территории виллы неидентифицированный след от сапога.

— Да. Но вполне возможно, его оставил просто какой-нибудь заблудившийся человек, такое случается.

— Вот как? Следов взлома нет, а судмедэксперты точно установили, что ваша… что жертва была убита на том месте, где ее обнаружили, и это заставляет нас думать, что она сама открыла злоумышленнику дверь. Думаете, она впустила бы в дом незнакомца?

— Мм… Вы обратили внимание на решетки с внешней стороны окон?

— Кованые железные решетки на всех две-

надцати окнах, но четыре подвальных окна не зарешечены, — ответил Ларсен не задумываясь.

— А знаете, почему Ракель превратила свой дом в крепость? Это не паранойя, а следствие романа с немного чересчур известным следователем.

Ларсен что-то записал и произнес:

— Так что давайте предположим, что убийца был ей знаком. Предварительная реконструкция показывает, что они стояли лицом к лицу, убийца ближе к кухне, жертва ближе к входной двери, когда он дважды ударил ее ножом в живот.

Харри задохнулся. В живот. Ракели было больно перед тем, как ее ударили в шею. Добили.

— Тот факт, что убийца находился ближе к кухне, — продолжал Ларсен, — наводит меня на мысль, что он чувствовал себя в доме жертвы свободно. Вы согласны, Холе?

— Это возможно. Но не исключено также, что он просто обошел вокруг нее, чтобы взять нож, которого не хватает на стойке.

— Откуда вы знаете?

— Я успел взглянуть на место преступления, перед тем как твой босс выставил меня на улицу.

Ларсен склонил голову набок, оценивающе посмотрел на Харри и кивнул:

— Понимаю. Кстати, если уж речь зашла о

кухне, то существует и третья возможность. Убийцей могла быть женщина.

— Думаешь?

— Знаю, что такое случается нечасто, но я совсем недавно читал о преступлении на улице Борггата. Там дочь убила мать, а потом созналась в этом. Может, слышали об этом?

— Было дело.

— Женщина скорее откроет дверь другой женщине и впустит ее в дом, даже если они не слишком хорошо знакомы. Согласны? И мне почему-то легче представить себе, как женщина направляется прямо на кухню в чужом жилище. Мужчину в такой ситуации вообразить сложнее. Ладно, возможно, это слишком смелые предположения.

— Согласен, — сказал Харри, не уточнив, с чем именно он согласен.

— А вы знаете какую-нибудь женщину, у которой был мотив причинить вред Ракели Фёуке? — спросил Ларсен. — Ревность, например?

Харри отрицательно покачал головой. Конечно, он мог бы назвать имя Силье Гравсенг, но сейчас для этого не имелось причин. Несколько лет назад она была его студенткой в Полицейской академии и, можно сказать, преследовала

его. Однажды вечером девица заявилась к нему в кабинет и попыталась соблазнить. Харри ей отказал, в ответ она собралась написать на него заявление в полицию за попытку изнасилования. Но в рассказе девушки было столько очевидных нестыковок, что адвокат Юхан Крон отговорил ее от этой глупой затеи, и вся история закончилась тем, что Силье Гравсенг пришлось уйти из Полицейской академии. После этого она приходила домой к Ракели, но не для того, чтобы причинить ей вред или угрожать, а, наоборот, чтобы принести извинения. И все же вчера Харри проверил Силье Гравсенг. Возможно, потому, что до сих пор помнил ненависть, появившуюся в ее взгляде после того, как девушка поняла, что Харри Холе ее отверг. А может быть, в связи с тем, что отсутствие улик подтверждало: убийца кое-что знает о полицейских расследованиях. Или же он просто хотел исключить все остальные возможности, прежде чем вынести окончательное решение и привести окончательный приговор в исполнение. Много времени проверка не заняла: выяснилось, что Силье Гравсенг работает в охранной фирме в Тромсё и в ночь на воскресенье она была на дежурстве в тысяче семистах километрах от Осло.

— Ладно, вернемся к ножу, — сменил тему

Ларсен. — В деревянной пирамиде находится набор японских кухонных ножей, один из которых отсутствует. Размер и форма недостающего ножа соответствуют ранам на теле жертвы. Если исходить из того, что преступник воспользовался именно им, то можно предположить, что убийство произошло спонтанно и не было заранее спланировано. Согласны?

— Это возможно. Но не исключено также, что убийца знал об этих ножах до того, как пришел в дом. Третья возможность — злоумышленник воспользовался собственным ножом, но вдобавок к уничтожению улик решил запутать полицию еще больше, прихватив с собой похожее орудие с места преступления.

Ларсен снова что-то записал. Харри посмотрел на часы и кашлянул.

— И последний вопрос, Холе, — сказал следователь. — Вы утверждаете, что не знаете женщин, которые могли бы желать смерти Ракели Фёуке. А мужчин?

Харри медленно покачал головой.

— А как насчет этого Свейна Финне?

Харри пожал плечами:

— Спросите у него.

— Мы не знаем, где он находится.

Харри поднялся и снял с крючка на стене свою куртку.

— Если вдруг его встречу, непременно передам привет и скажу, что вы его ищете, Ларсен.

Харри повернулся к окну и двумя пальцами отсалютовал Винтеру, получив в ответ кислую улыбку и жест из одного пальца.

Ларсен встал и подал Харри руку:

— Спасибо за помощь, Холе. Полагаю, дорогу вы найдете сами.

— Вопрос в том, найдете ли ее *вы*. — Харри улыбнулся Ларсену, быстро пожал ему руку и ушел.

Подойдя к лифту, Харри нажал кнопку вызова и прислонился лбом к блестящему металлу дверей.

«Мама очень хотела, чтобы ты вернулся».

От этого лучше или хуже?

Это все бесполезные вопросы из серии «А что, если?», всякие самоуничижительные «мне следовало бы». Но с другой стороны, это также и скорбная надежда, за которую цепляются люди: должно ведь существовать такое место, где любящие люди с корнями Старого Тикко снова встретятся, потому что мысль о том, что они расстались навсегда, просто невыносима.

Двери лифта раскрылись. Пусто. Только этот

тесный, способный вызвать приступ клаустрофобии гроб, в который ему нужно войти, чтобы спуститься вниз. Вниз к чему? К всеобъемлющей тьме?

Вообще-то, Харри сроду не пользовался лифтами, поскольку терпеть их не мог.

Он помедлил. А потом шагнул в кабину.

Глава 11

Харри вздрогнул, проснулся и уставился в пространство. Между стенами до сих пор металось эхо его крика. Он посмотрел на часы. Десять вечера. Он попробовал реконструировать события минувших тридцати шести часов. Вообще-то, в последнее время он постоянно был в той или иной степени пьян, и хотя прежде ничего такого важного не происходило, однако ему удавалось вспомнить абсолютно все, провалов в памяти не наблюдалось. За единственным исключением: субботний вечер в баре «Ревность» оказался одним долгим провалом. Возможно, количество просто наконец-то перешло в качество: нельзя же до бесконечности наливаться спиртным.

Харри свесил ноги с дивана, пытаясь вспомнить, что заставило его закричать на этот раз, и пожалел, что вспомнил. Он держал в руках лицо Ракели, а ее угасшие глаза смотрели не *на* него, а *сквозь* него, словно его и не было. Ее подбородок в крови, как будто она кашлянула и на ее губах лопнул кровавый пузырь.

Харри взял с журнального столика бутылку «Джима Бима» и сделал глоток. Но алкоголь

больше не действовал. Он глотнул еще раз. Удивительно: несмотря на то что он не видел ее мертвого лица и не хотел видеть его до похорон в пятницу, во сне оно выглядело очень реалистично.

Харри посмотрел на молчащий черный телефон, который лежал на столике рядом с бутылкой. Мобильник был выключен с того самого момента, как он вчера перед допросом вырубил его. Надо включить. Олег наверняка звонил. Нужно навести порядок в делах. Он должен взять себя в руки. Харри поднял с края стола пробку от бутылки «Джима Бима» и понюхал ее. Ничем не пахнет. Он швырнул пробку в голую стену и уверенным движением схватил горлышко бутылки.

Глава 12

В три часа дня Харри перестал пить. Никакой особой причины не было, неотложных дел не предвиделось, но организм просто-напросто не принимал больше алкоголя. Он включил телефон, проигнорировал пропущенные звонки и сообщения и позвонил Олегу.

— Что, выбрался на поверхность? — спросил тот.

— Скорее, наконец напился, — ответил Харри. — Как ты?

— Держусь на плаву.

— Хорошо. Сначала устроим мне порку? А потом обсудим кое-какие практические вопросы?

— Ладно. Готов?

— Начинай.

Дагни Йенсен посмотрела на часы. Сейчас всего девять, и они только что закончили есть горячее. Говорил в основном Гуннар, и все же терпение Дагни кончилось. Она пожаловалась на разыгравшуюся мигрень, и Гуннар, к счастью, оказался понятливым. Они отказались от десерта, и кавалер настоял на том, чтобы проводить ее

домой, хотя Дагни и утверждала, что в этом нет необходимости.

— Я знаю, что Осло — безопасный город, — сказал он. — Просто мне нравится ходить пешком.

Он весело болтал о том о сем, и Дагни тоже старалась по мере сил участвовать в разговоре и смеяться в нужных местах, хотя в голове у нее творился полный хаос. Но когда они прошли кинотеатр «Ринген» и начали подниматься по улице Торвальда Мейера к ее дому, в беседе наступила пауза. И наконец Гуннар озвучил это:

— В последние несколько дней ты выглядишь нездоровой. Конечно, это не мое дело, но… Дагни, с тобой все в порядке?

Она ждала этого вопроса. Надеялась, что он прозвучит, что кто-то его задаст. И может, тогда она решится — в отличие от жертв насилия, которые упорно молчат о случившемся, объясняя это стыдом, бессилием или страхом, что им не поверят. Раньше Дагни думала, что сама никогда бы не повела себя таким образом. Что за глупости? Так почему же теперь она вдруг уподобилась им? Возможно, потому, что, вернувшись домой с кладбища, без остановки прорыдала два часа подряд и только потом позвонила в полицию, но, пока ждала переключения на отдел нравов, или

куда они ее там перенаправили, чтобы принять заявление об изнасиловании, внезапно потеряла терпение и бросила трубку. После этого Дагни заснула прямо на диване, а затем проснулась посреди ночи, и ее первой мыслью было, что весь этот кошмар ей просто приснился. Она испытала огромное облегчение. Но вдруг все вспомнила. Однако потом в какой-то миг ей опять подумалось, что все случившееся *могло* быть кошмарным сном. И если она примет решение не рассказывать об этом ни одной живой душе, то все может на этом и закончиться.

— Дагни? У тебя что-то случилось?

Она очнулась, сделала вдох и спокойно ответила:

— Нет, ничего не случилось. Мы пришли, я живу в этом доме. Спасибо, что проводил меня, Гуннар. Увидимся завтра.

— Надеюсь, тебе лучше? Голова прошла?

— Да, спасибо.

Должно быть, Гуннар заметил, что она слегка отстранилась, когда он обнял ее; во всяком случае, он очень быстро ее отпустил. Она направилась к своему подъезду, роясь в сумочке в поисках ключа, а подняв глаза вверх, заметила, как кто-то вышел из темноты на свет висевшего над входом

фонаря. Широкоплечий худой мужчина в коричневой замшевой куртке с длинными темными волосами, подвязанными красной банданой. Она вскрикнула и остановилась.

— Не бойся, возлюбленная Дагни, я ничего тебе не сделаю. — Глаза искрами горели на морщинистом лице. — Я здесь только затем, чтобы позаботиться о тебе и нашем ребенке. Потому что я держу свое слово. — Он говорил тихо, почти шептал, но, для того чтобы она его услышала, ему было совсем не обязательно повышать голос. — Ты ведь помнишь мое обещание, правда? Мы же помолвлены, Дагни. Пока смерть не разлучит нас.

Дагни хватала ртом воздух, но казалось, ей перекрыли доступ кислорода.

— Чтобы скрепить этот союз, надо дать клятву перед лицом Бога, Дагни. Давай встретимся в католической церкви в Вике в воскресенье вечером, в это время там будем только мы с тобой. В девять подойдет? Не заставляй меня стоять у алтаря в одиночестве. — Он хохотнул. — А до тех пор — спите спокойно. Вы оба.

Он отступил в сторону, в темноту, и свет из подъезда на мгновение ослепил женщину, но, когда она прикрыла глаза ладонью, его уже не

было.

Дагни молча стояла, а теплые слезы катились по ее щекам. Она смотрела на свою руку, держащую ключ, пока та не перестала трястись, а потом отперла дверь и вошла в подъезд.

Глава 13

Кучевые облака вязаной скатертью покрывали небо над церковью Воксен.

— Соболезную, — проникновенно сказал Микаэль Бельман.

Выражение его лица было хорошо отрепетировано. Бывший молодой начальник полиции, а ныне довольно молодой министр юстиции правой рукой пожал руку Харри, а левой накрыл их сцепленные ладони, будто скрепляя. Словно хотел этим жестом подтвердить, что говорит от чистого сердца. Или же для того, чтобы быть уверенным, что Харри не отнимет руки до тех пор, пока собравшиеся журналисты и фотографы, которым не разрешили присутствовать на отпевании в церкви, получат свое. Так что Бельман поставил галочку напротив пункта «Министр-юстиции-тратит-время-на-посещение-похорон-жен-бывших-коллег» и удалился в сторону ожидавшего его черного внедорожника. Скорее всего, он заранее уточнил, действительно ли Холе находится вне подозрений.

Харри с Олегом продолжали пожимать руки и кивать всем, кто пришел проводить Ракель в

последний путь. В основном это были ее друзья и коллеги. Ну и еще кое-кто из соседей. Из родственников у Ракели не имелось никого, кроме Олега, и все же большая церковь наполнилась людьми больше чем наполовину. Ритуальный агент даже предложил им перенести похороны на следующую неделю, поскольку желающих проводить усопшую было еще больше, но не все успели перестроить свои графики. Харри был рад, что Олег попросил не организовывать после похорон никакого официального мероприятия. Ни он, ни Харри не были хорошо знакомы с коллегами Ракели и не испытывали особого желания разговаривать с соседями. Все, что требовалось сказать о покойной, Олег, Харри и несколько подруг детства сказали на церковной церемонии, и этого было достаточно; даже священник все понял и ограничился псалмами, молитвой и чтением Библии.

— Вот черт! — сказал Эйстейн Эйкеланн, один из двух друзей детства Харри. Глаза его были мокры от слез, он тяжело опустил руки на плечи Харри и дыхнул ему в лицо свежим запахом крепкого алкоголя. Харри всегда вспоминал Эйстейна, слыша шуточки про Кита Ричардса, не только из-за его внешности, но и потому, что между ни-

ми было что-то общее. «За каждую выкуренную сигарету Бог отнимет у тебя час жизни… и отдаст его Киту Ричардсу». Харри видел, что его товарищ напряженно думает, перед тем как открыть рот с коричневыми зубами и повторить более прочувствованно: — Вот черт!

— Спасибо, — сказал Харри.

— Треска не смог прийти, — произнес Эйстейн, не убирая рук с плеч Харри. — Другими словами, его охватывает панический страх на сборищах, где присутствует больше… ну, больше двух человек. Но он передает привет и говорит… — Эйстейн зажмурил глаз на ярком полуденном солнце. — Вот черт!

— Мы собираемся узким кругом в «Шрёдере».

— Халявное пиво?

— Максимум три.

— Идет.

— Руар Бор, я имел честь быть начальником вашей супруги. — Мужчина со стального цвета глазами был ниже Харри сантиметров на пятнадцать и тем не менее казался высоким. Что-то в его манере держаться и в этом архаичном обороте «имел честь» заставило Харри предположить, что перед ним отставной офицер. Рукопожатие Бора было крепким, взгляд — прямым и уверенным,

но в нем чувствовалась ранимость, а может быть, даже некоторый надлом. Хотя, возможно, это было вызвано обстоятельствами. — Ракель была нашей лучшей сотрудницей и замечательным человеком. Это огромная потеря для Норвежского национального института по защите прав человека, как для всего коллектива, так и для меня лично.

— Спасибо, — сказал Харри, поверив в его искренность.

Но может быть, дело просто в теплой руке? Теплая рука того, кто занимается защитой прав человека. Харри проводил Руара Бора взглядом. Он обратил внимание, что, направляясь к двум ожидавшим его на лужайке женщинам, Бор внимательно смотрел вниз, себе под ноги, словно подсознательно боялся нарваться на закопанные в земле мины. Да, кстати, одна из дам показалась Харри знакомой, хотя и стояла к нему спиной. Бор что-то сказал, видимо очень тихо, потому что женщине пришлось наклониться к нему, и Бор легко положил руку ей на талию.

Но вот очередь соболезнующих иссякла. Машина похоронного бюро увезла гроб, некоторые из пришедших на церемонию прощания уже отправились на работу. Харри увидел, как Трульс

Бернтсен в одиночестве идет к автобусу, чтобы вернуться в отдел убийств. Вероятнее всего, чтобы поиграть на компьютере в пасьянс. Другие гости расположились группами перед церковью и разговаривали. Начальник полиции Гуннар Хаген и Андерс Виллер, у которого Харри снимал квартиру, стояли вместе с Катриной и Бьёрном, который держал на руках их ребенка. Для некоторых, возможно, детский плач на похоронах был утешением, напоминанием о том, что жизнь действительно продолжается. Точнее сказать, для тех, кто *хотел*, чтобы жизнь продолжалась.

Харри пригласил всех в «Шрёдер». Сес, его младшая сестренка, которая приехала из Кристиансанна вместе со своим парнем, подошла и крепко обняла Харри и Олега и долго их не отпускала. А потом сказала, что ей надо отправляться в обратный путь. Харри кивнул и ответил, что он сожалеет, но все понимает, однако на самом деле испытал облегчение. Кроме Олега, Сес была единственным человеком, способным заставить его расплакаться прямо на публике.

Хельга поехала в «Шрёдер» вместе с Харри и Олегом. Нина накрыла для них длинный стол. Пришло около дюжины человек. Харри сидел, склонившись над своей чашкой кофе, и слушал

разговоры других людей, как вдруг кто-то положил руку ему на плечо. Бьёрн.

— На похоронах не очень-то принято дарить подарки. — Он протянул Харри плоский квадратный предмет в подарочной упаковке. — Но это, во всяком случае, помогло мне пережить несколько трудных моментов.

— Спасибо, Бьёрн. — Харри перевернул сверток. Не так трудно догадаться, что в нем. — Кстати, я хотел кое-что у тебя узнать.

— Да?

— Сон Мин Ларсен во время допроса не спросил меня о фотоловушке. Это означает, что ты ничего ему не сказал?

— Он не спрашивал. А я подумал: это тебе решать, стоит ли сообщать о ней Крипосу.

— Мм… Вот, значит, как.

— Ну а раз ты тоже не упомянул о ней, значит и не стоит, так тому и быть.

— Ты скрыл это, чтобы ни Крипос, ни другие мне не мешали, потому что догадался, что я сам планирую выследить Финне, да?

— Что-то я не пойму, Харри, о чем ты толкуешь: какая-то фотоловушка, Финне. Давай лучше вообще об этом забудем.

— Спасибо, дружище. Скажи, а тебе что-нибудь

известно о Руаре Боре?

— О Боре? Только то, что он начальник организации, где работала Ракель. Что-то связанное с правами человека, да?

— Норвежский национальный институт по защите прав человека.

— Точно. Это Бор забеспокоился, когда Ракель не вышла на работу, и позвонил в полицию.

— Ясно.

Тут входная дверь начала открываться, Харри взглянул на нее и моментально позабыл, о чем еще хотел спросить Бьёрна. Так вот почему женщина возле церкви показалась ему знакомой. Кайя Сульнес! Она стояла спиной к нему и разговаривала с Бором, осторожно осматриваясь. Она не слишком изменилась. Лицо с высокими скулами, четкая линия бровей цвета воронова крыла над почти по-детски большими зелеными глазами, медового цвета волосы, полные губы немного широкого рта. Наконец она отыскала взглядом Харри и просветлела.

— Кайя! — тут же выкрикнул Гуннар Хаген. — Иди к нам! — И начальник полиции выдвинул стул.

Женщина у двери улыбнулась Хагену и жестом дала понять, что сначала должна поговорить с

Харри.

Кожа на ее руке была такой же мягкой, какой он ее помнил.

— Мои соболезнования, Харри. Я мысленно с тобой.

И голос такой же.

— Значит, ты вернулась, — произнес Харри.

— Да, ненадолго.

— Мм… — Он думал, что бы еще сказать, но так и не придумал.

Она опустила легкую как перышко ладонь на его руку:

— Позаботься о своих близких, а я пока поговорю с Гуннаром и остальными.

Олег наклонился к нему:

— Кто это? Помимо того, что коллега?

— Долгая история.

— Я понял. А если вкратце?

Харри отпил кофе.

— Однажды я позволил этой женщине уйти, отдав предпочтение твоей матери.

К трем часам почти все гости разошлись. Наконец и Эйстейн встал и удалился, на прощание неверно процитировав Боба Дилана. Харри и Кайя остались вдвоем.

Она придвинула к нему стул и спросила:

— Тебе сегодня не надо идти на работу?

— Нет. И завтра тоже. Я отстранен вплоть до особого распоряжения. А тебе?

— Я в листе ожидания Красного Креста. То есть я получаю зарплату, но в данное время нахожусь здесь, дома, и жду, не вспыхнет ли где-нибудь в мире очередной вооруженный конфликт.

— И долго обычно приходится ждать?

— Когда как. С этой точки зрения моя нынешняя работа напоминает работу в отделе убийств: ходишь и слабо надеешься, что ничего ужасного не произойдет, но оно все равно происходит.

— Хм… Красный Крест. Совсем не похоже на отдел убийств.

— И да и нет. Я отвечаю за безопасность. Последняя моя командировка в Афганистан длилась два года.

— А где ты работала до этого?

— В той же самой стране, и тоже два года. — Она улыбнулась, показав маленькие острые зубы, которые делали ее лицо как раз настолько несовершенным, чтобы вызывать интерес мужчин.

— И чем же тебя так привлекает Афганистан?

Кайя пожала плечами:

— Для начала, наверное, тем, что там ты сталкиваешься с такими глобальными проблемами, что

по сравнению с ними твои личные неурядицы кажутся ну просто микроскопическими. И еще тем, что ты на самом деле приносишь пользу. И начинаешь любить людей, которых встречаешь и с которыми работаешь.

— Вроде Руара Бора?

— Да. А разве я говорила тебе, что он тоже был в Афганистане?

— Нет. Но он похож на солдата, который все время боится подорваться на мине. Бывший спецназовец?

Кайя задумчиво посмотрела на него. Зрачки в центре зеленой радужки расширились. В «Шрёдере» явно экономили на освещении.

— Секретная информация? — спросил Харри.

Она пожала плечами:

— Да нет. Бор был подполковником армейского спецназа, одним из тех, кого отправили в Кабул со списком разыскиваемых террористов из талибана, которых МССБ[17] хотели вывести из строя.

— Ага. Штабной генерал? Или лично стрелял в джихадистов?

— Мы встречались на общих собраниях по без-

---

[17] Примечания: 17

МССБ (Международные силы содействия безопасности) — возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действовавший на территории Афганистана с 2001 по 2014 год.

опасности в норвежском посольстве, но детали мне неизвестны. Я знаю только, что в юности и Руар, и его сестра были чемпионами Вест-Агдера по стрельбе.

— И что, он отработал весь список?

— Думаю, да. У вас с Руаром много общего. Вы не сдаетесь, пока не поймаете того, кто вам нужен.

— Если Бор был так хорош на военной службе, почему же он вдруг уволился и занялся *правами человека*?

Кайя приподняла бровь, будто хотела спросить, почему его так интересует Бор. Но потом, видимо, решила, что Харри просто требуется поговорить о чем-то другом, о чем угодно, только не о Ракели, не о себе, не о своем горе.

— В две тысячи пятнадцатом году на смену МССБ пришла «Решительная поддержка»[18], и состоялся переход от действий с использованием так называемых миротворческих сил к небоевым операциям. И спецназовцам больше не разрешали стрелять. К тому же жена Бора хотела, чтобы муж вернулся домой. Ей было очень тяжело в одиночку растить двоих детей. Норвежский

[18] Примечания: 18

Имеется в виду операция «Решительная поддержка» — небоевая миссия НАТО по обучению и оказанию помощи правительственным силам Афганистана.

офицер, имеющий амбиции стать генералом, на практике должен хотя бы один срок отслужить в Афганистане, поэтому, когда Руар подал в отставку, он знал, что отказывается от должности в верхушке армии. А все прочее для честолюбивого человека уже не так интересно. Кроме того, руководители с его опытом пользуются спросом и в других сферах.

— И все-таки странный переход: от стрельбы по людям к защите прав человека?

— А как ты думаешь, за что он сражался в Афганистане?

— Ха! Значит, идеалист и прекрасный семьянин?

— Руар — человек, который искренне верит в свои принципы и готов идти на жертвы ради тех, кого он любит. Как и ты. — Лицо Кайи искривилось в болезненной улыбке. Она застегнула пальто. — Это заслуживает уважения, Харри.

— Хм… Хочешь сказать, что в тот раз я тоже чем-то пожертвовал?

— Мы думаем, будто поступаем рационально, но на самом деле следуем приказам своего сердца, разве не так? — Она опустила руку в сумочку, достала визитку и положила ее на стол перед Харри. — Я живу там же, где и раньше. Если те-

бе понадобится с кем-нибудь поговорить, то я немного знаю о горе и утратах.

Солнце уже скатилось за вершины холмов, окрасив небо над ними в оранжевый цвет, когда Харри вошел в бревенчатую виллу и запер за собой дверь. Олег вернулся в Лаксэльв, оставив ему ключи, чтобы он на следующей неделе смог впустить в дом агента по недвижимости. Харри попросил Олега еще раз подумать, как следует все взвесить. Действительно ли он хочет продать дом? Возможно, он вернется сюда по окончании годичной практики? Может быть, они с Хельгой надумают поселиться в этой вилле? Олег обещал хорошенько поразмыслить, но, судя по всему, уже принял решение.

Криминалисты завершили работу и убрали за собой. То есть лужа крови исчезла, а вот классический меловой контур, обозначавший положение тела на полу, остался. Харри представил себе, как агент по недвижимости, боясь показаться бестактным, осторожно предлагает стереть мел до прихода потенциальных покупателей, чтобы не отпугнуть их.

Харри подошел к кухонному окну и некоторое время смотрел, как бледнеет небо и гаснет солнечный свет. На землю спускалась тьма. Он был

трезв вот уже двадцать восемь часов, а Ракель мертва как минимум сто сорок один.

Харри отошел от окна и встал перед меловым контуром, потом опустился на колени и провел пальцем по шершавому деревянному полу. Затем лег на пол, заполз в контур и скорчился внутри его, пытаясь не выступать за белые линии. И тут наконец-то пришли рыдания. Если только это можно назвать рыданиями, потому что слез не было, только сиплый крик, который начинался в груди, разрастался и рвался наружу через слишком узкое горло. Заполнивший комнату крик был похож на вопль человека, который изо всех сил старается не умереть. Харри замолчал и перевернулся на спину, чтобы глотнуть воздуха. И вот тогда-то из глаз хлынули слезы. И сквозь них, будто сквозь сон, он увидел прямо над собой хрустальную люстру. И букву «S», которую составляли кристаллы.

Глава 14

На улице Лидера Сагена птицы пели от счастья.

Возможно, оттого, что было девять часов утра и до сих пор еще ни одно происшествие не омрачило этот прекрасный день. А может быть, оттого, что сияющее солнце ознаменовало начало выходных, на которые обещали хорошую погоду. Или, может быть, оттого, что даже птицы на улице Лидера Сагена были счастливее всех остальных птиц мира. Потому что даже в стране, которая периодически возглавляет рейтинг самых благополучных государств мира, вполне обычная улица, названная в честь учителя из Бергена, была счастливейшей из счастливых. Четыреста семьдесят метров счастья, свободных не только от финансовых забот, но и от бешеной погони за материальными благами: тут располагаются добротные, не слишком затейливые виллы с большими, но не ухоженными напоказ садами, а детям, ко всеобщей радости, есть где поиграть, так что ни у кого не возникает сомнений, чему именно отдают приоритет живущие здесь семьи — немного эксцентричные, но имеющие

в гараже, заставленном старой, тяжелой и не особенно практичной садовой мебелью из мореного дерева, новый, хотя и не слишком броский автомобиль «ауди». Улица Лидера Сагена относилась, вне всякого сомнения, к одному из самых дорогих жилых кварталов Норвегии, но казалось, что в представлении ее обитателей идеальным соседом был человек искусства, унаследовавший дом от бабушки. Во всяком случае, живущие на этой улице в основном были добрыми социал-демократами, верящими в устойчивое развитие общества и ценности настолько же прочные, как и непропорционально большие деревянные балки, то тут, то там выступающие из вилл в швейцарском стиле.

Харри открыл ворота, и эхом из прошлого прозвучал жалобный скрип. Все было как раньше. Потрескивание деревянных ступеней лестницы, ведущей к двери. Дверной звонок без именной таблички. Мужские ботинки сорок шестого размера, которые Кайя Сульнес выставляла наружу, чтобы отпугнуть взломщиков и других нежелательных посетителей.

Кайя открыла дверь, убрала со лба прядь выгоревших волос и скрестила на груди руки.

Даже шерстяная кофта слишком большого раз-

мера и дырявые войлочные тапочки были теми же самыми.

— Харри, — констатировала она.

— От моего дома до твоего можно дойти пешком, поэтому я подумал, что проще зайти, чем позвонить.

— Что? — Она склонила голову набок.

— Именно это я сказал, когда в первый раз позвонил в твою дверь.

— Но как ты умудрился это запомнить?

«Потому что эту фразу я долго сочинял и репетировал», — подумал он и улыбнулся:

— Цепкая профессиональная память. Можно войти?

Харри заметил промелькнувшую в ее взгляде тень сомнения, и ему внезапно пришло в голову — он ведь даже не подумал, что у Кайи, вполне вероятно, кто-то есть. Сожитель. Любовник. Или же у нее имеется другая причина держать гостя по ту сторону порога.

— Если я, конечно, не помешаю.

— Э-э-э… нет-нет, это… просто немного неожиданно.

— Я могу зайти попозже.

— Нет. Нет, боже мой, я же сказала: заходи. — Она открыла дверь и шагнула в сторону.

Кайя поставила чашку дымящегося чая на стол перед Харри, а сама уселась на диван, подогнув под себя длинные ноги. Харри остановил взгляд на открытой книге: «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Он припомнил историю о молодой женщине, влюбившейся в угрюмого нелюдимого мужчину, который вроде как собрался на ней жениться, но позже выяснилось, что у него имеется безумная жена, запертая в одной из комнат огромного дома.

— Мне не позволяют расследовать убийство Ракели, — пожаловался Харри. — Несмотря на то, что я больше не вхожу в число подозреваемых.

— Чему ты удивляешься? Все правильно, они действуют по инструкции.

— Надо бы издать специальную директиву относительно следователей, у которых убили жен. Ведь я знаю, кто это сделал.

— В смысле — ты кого-то подозреваешь?

— Я уверен.

— И что, есть доказательства?

— Ага, моя интуиция.

— Как и все остальные, кто работал с тобой, я очень уважаю твою интуицию, Харри. Но уверен ли ты, что на нее можно положиться, когда речь идет о твоей собственной жене?

— Я же не просто нутром чувствую. Я исключил все другие возможности.

— Неужели все? — Кайя держала кружку обеими руками, но не пила, как будто она сделала себе чай прежде всего для того, чтобы согреть ладони. — Если память мне не изменяет, то у меня был наставник по имени Харри Холе, который говорил, что всегда имеются другие возможности, а выводы, основанные исключительно на дедукции, обладают незаслуженно доброй славой.

— У Ракели не было врагов, кроме того единственного. Да и тот, в общем-то, не ее враг, а мой. Его зовут Свейн Финне. Он также известен под кличкой Жених.

— Кто это?

— Совратитель и убийца. Его прозвали Женихом, потому что он оплодотворяет своих жертв и убивает их, если они не выносят ему потомство. Я тогда был совсем молодым следователем и работал день и ночь, чтобы поймать этого типа. Так сказать, боевое крещение. Помню, я смеялся от радости, защелкивая наручники на его запястьях. — Харри опустил глаза на свои руки. — Да уж, правду говорят: хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Да? А что случилось дальше?

Взгляд Харри скользил по красивым старым обоям с цветочным рисунком.

— Как только Финне отсидел срок, он изнасиловал девятнадцатилетнюю девочку и пообещал убить ее, если она сделает аборт. Но она тем не менее избавилась от ребенка. Спустя неделю девочку нашли лежащей на животе в роще в Линнеруде. Повсюду кровь, все были уверены, что она мертва. Но когда ее перевернули, раздался странный звук: вроде как детский голосок, сказавший «мама». Ее отвезли в больницу, и она выжила. Но оказалось, что детский голосок принадлежал не ей. Финне вспорол бедняжке живот, засунул в него пупса с батарейкой и динамиком и зашил.

Кайя хватала ртом воздух.

— Прошу прощения, — сказала она. — Отвыкла от такого.

Харри кивнул:

— Я снова его поймал, использовал подсадную утку и взял со спущенными штанами. В прямом смысле слова. Даже фотография есть. Яркая вспышка, слишком большая выдержка. Помимо того, что я унизил этого типа, я лично позаботился о том, чтобы Свейн «Жених» Финне провел двадцать из своих без малого восьмидесяти лет за решеткой. В том числе за убийство, которого,

по его мнению, он не совершал. Вот тебе и мотив. Так что тут не одна только интуиция. Давай покурим на террасе?

Они взяли верхнюю одежду и уселись на большой крытой террасе, выходящей в сад, полный яблонь с голыми ветвями. Харри взглянул на окна второго этажа дома на противоположной стороне улицы Лидера Сагена. Ни в одном из них не было света.

— А что, — спросил Харри, вынимая пачку сигарет, — твой сосед больше за тобой не присматривает?

— Пару лет назад Грегеру исполнилось девяносто, а в прошлом году он умер, — вздохнула Кайя.

— Значит, теперь ты должна сама за собой присматривать?

Она пожала плечами, и в ее движении чувствовался ритм, будто она пританцовывала.

— У меня такое ощущение, что я постоянно нахожусь под присмотром.

— Ты никак в религию ударилась?

— Нет. Можно стрельнуть у тебя сигарету?

Харри посмотрел на нее. Кайя сидела, подложив под себя ладони, и он вспомнил: она любит так делать, потому что быстро мерзнет.

— Помнишь, как мы точно так же сидели вот на этом самом месте и разговаривали… сколько лет назад? Семь? Восемь?

— Да, — ответила Кайя. — Я помню.

Она высвободила руку и зажала сигарету указательным и средним пальцем, а Харри дал ей прикурить. Она затянулась и выдохнула серое облако. Кайя обращалась с сигаретой так же неуклюже, как и в тот раз. Харри ощутил сладкое послевкусие воспоминаний. Они тогда болтали обо всем на свете: о никотине и фильме «Вперед, путешественник», о материалистическом монизме и свободе воли, о книгах Джона Фанте и о том, почему мелкое воровство приносит радость. А потом, в качестве наказания за свободные от боли секунды, он вздрогнул, услышав имя, и нож снова повернулся вокруг своей оси.

— Ты так уверенно говоришь, что у Ракели не было других врагов, кроме этого Финне. Но, Харри, с чего ты взял, будто знаешь все подробности ее жизни? Сплошь и рядом люди живут вместе, делят постель и все остальное, но это еще не означает, что они посвящены во все тайны друг друга.

Харри кашлянул.

— Я знал ее, Кайя. А Ракель знала меня. Мы

доверяли друг другу. У нас не было тайн. Ты что, мне не веришь? — Он услышал, как задрожал его голос, и замолчал.

— Ну разумеется, верю, просто не знаю, чего ты хочешь от меня: утешения или профессиональной помощи?

— Помощи.

— Хорошо. — Кайя положила сигарету на краешек деревянного стола. — Тогда я покажу тебе другую возможность, просто в качестве примера. У Ракели могли возникнуть отношения с каким-нибудь мужчиной. Ты, наверное, не в состоянии представить, что она могла обманывать тебя, но, поверь мне, женщины лучше мужчин умеют скрывать подобное, особенно если полагают, что у них имеются веские причины для адюльтера. Точнее говоря, мужчины хуже женщин распознают измену.

Харри закрыл глаза:

— Звучит как грубое…

— …обобщение. Конечно. А вот еще пример. Женщины изменяют по другим причинам. Возможно, Ракель понимала, что ей следует расстаться с тобой, но ей требовался, так сказать, катализатор, трамплин. Например, случайный роман на стороне. И когда этот роман сыграл свою

роль и она освободилась от тебя, то порвала и с тем, вторым. И вот пожалуйста, у нас есть сильно влюбленный мужчина, который чувствует себя обманутым, — чем не мотив для убийства?

— Ну-ну, — хмыкнул Харри. — Ты сама-то в это веришь?

— Нет, но эти примеры показывают, что теоретически могут существовать другие возможности. И я уж точно не верю в мотив, который ты приписываешь Финне.

— Вот как? Объясни!

— По-твоему, он убил Ракель только потому, что ты, как полицейский, сделал свою работу? Он ненавидит тебя, угрожает тебе — это нормально. Но люди вроде Финне руководствуются сексуальным влечением, а не чувством мести. Во всяком случае, не больше, чем другие преступники. Я, например, никогда не чувствовала серьезной опасности со стороны людей, которых отправила за решетку, что бы они там ни говорили. От высказывания дешевой угрозы до убийства — а это дело сложное и рискованное — дорога длинная. Я думаю, что у Финне должен быть гораздо более серьезный мотив, ведь он рискует провести еще дюжину лет, то есть свои последние годы, в заключении.

Харри глубоко и сердито затянулся. С одной стороны, все его существо протестовало против ее слов. Но с другой — он понимал, что Кайя права.

— Допустим, — кивнул Харри. — А какой мотив ты считаешь достаточно серьезным для мести?

Опять это танцевальное, почти ребяческое движение плечами.

— Не знаю. Что-нибудь личное. Соответствующее по масштабу тому злу, которое он причинил тебе.

— А по-моему, так все сходится: я отнял у него свободную жизнь, которую он любил. А Финне в ответ забрал у меня то, что я любил больше всего.

— Ракель. — Кайя выпятила нижнюю губу и кивнула. — Чтобы ты жил дальше, испытывая боль.

— Вот именно. — Харри заметил, что от его сигареты остался один фильтр. — Ты разбираешься в таких вещах, Кайя. Я, собственно, поэтому и пришел.

— Что ты хочешь сказать?

— Что я нуждаюсь в твоей помощи. — Харри попытался улыбнуться. — Ты же и сама видишь, что я уподобился плохому следователю, который руководствуется своими чувствами: сначала

делает выводы, а потом придумывает вопросы, ответы на которые, как он надеется, подтвердят его выводы. И поэтому без тебя, Кайя, мне никак не обойтись.

— Что-то я все равно не улавливаю логику.

— Я отстранен от работы и не могу взаимодействовать с коллегами из отдела. Любому следователю обязательно нужен человек, с которым можно обмениваться мнениями. Тот, кто будет ему возражать. У кого есть свежие идеи. А ты как-никак бывшая сотрудница отдела убийств, и к тому же тебе сейчас все равно нечем заняться. Поможешь мне?

— Нет, Харри. Извини.

— Послушай, Кайя. — Харри нагнулся вперед. — Разумеется, ты абсолютно ничего мне не должна, тем более что я ушел от тебя в тот раз. Объяснением служит мое разбитое сердце, но это не извиняет меня, если я разбил твое. Я знал, что делаю, и, если бы все повторилось снова, опять поступил бы так же. Я должен был уйти, потому что любил Ракель. Я понимаю, что прошу слишком много, но все-таки обращаюсь к тебе за помощью. Поскольку чувствую, что вот-вот сойду с ума, Кайя. Я *должен* что-то делать, а единственное, что я умею, — это расследовать убийства. И

еще пить. Я могу напиться до смерти, если будет нужно.

Харри увидел, как Кайя снова вздрогнула.

— Я говорю как есть, — продолжил Харри. — Тебе не нужно отвечать прямо сейчас. Все, о чем я прошу, — подумай над этим. У тебя есть номер моего телефона. А теперь я оставлю тебя в покое.

Харри поднялся.

Он надел сапоги, вышел в ворота, дошел до улицы Сума, спустился по холму Нурабаккен мимо церкви Фагерборг, умудрился пройти мимо двух открытых баров, где уже собралась соответствующая клиентура, взглянул на стадион «Бишлетт», который когда-то тоже не знал отбоя от посетителей, а теперь больше смахивал на тюрьму. Харри посмотрел на бессмысленно чистое небо над головой и, переходя улицу, в ярком пульсирующем свете солнца на мгновение увидел дрожащую букву «S». Когда завизжали тормоза трамвая, они показались ему эхом собственного крика, который он издал, поднимаясь с пола и поскользнувшись в луже крови.

Трульс Бернтсен сидел перед экраном компьютера и смотрел третью серию первого сезона сериала «Щит». Он просмотрел «Щит» уже два раза и начал сначала, потому что у сериалов

имелась одна особенность: первые сезоны, подобно старым порнофильмам, всегда были лучше. Кроме того, Трульс чувствовал себя Виком Мэки. Ладно, если говорить начистоту, Бернтсен им не был, но очень хотел стать Виком: насквозь коррумпированным полицейским, у которого есть свой моральный кодекс, позволяющий ему вести себя определенным образом. Вот это круто: можно быть этаким *bad*[19] и оставаться в границах приемлемого, потому что все дело в том, как на это посмотреть. Под каким углом. Кстати, во времена тоталитарных режимов тоже ведь снимали неплохие фильмы, заставляя зрителей искренне болеть за своих. Все было не очень правдивым, но и чистой ложью это также назвать нельзя. Угол зрения. Вот в чем суть. Да, именно.

Зазвонил телефон.

Ну вот, не было печали.

Хаген решил, что отделу убийств надлежит работать по выходным. Правда, дежурить должен был всего один человек, но Трульса это устраивало, и он иногда подменял коллег. Во-первых, ему все равно нечем было заняться; во-вторых, он планировал провести осенний отпуск в Пат-

---

[19] Примечания: 19
Плохой *(англ.)*.

тайе, так что лишние деньги не помешают. А в-третьих, на службе в выходные он не перерабатывался, потому что на телефонные звонки отвечали в дежурной части. Иногда Трульс даже задумывался, а знают ли там вообще, что в отделе убийств в субботу и воскресенье тоже находится сотрудник, но рассказывать об этом коллегам не собирался.

Поэтому раздавшийся звонок обеспокоил его: высветившийся номер принадлежал дежурной части.

После пяти звонков Трульс тихо выругался, приглушил звук, не выключая сериала, и снял трубку.

— Да? — сказал он, умудрившись заставить этот единственный позитивный слог прозвучать как полный отказ.

— Дежурная часть. У нас тут женщина, которой нужна помощь. Она собирается подать заявление в связи с изнасилованием и хочет посмотреть на фотографии преступников.

— Пусть обратится в отдел нравов.

— Но у них по выходным никто не дежурит, а у вас в компе единая база фотографий.

— Лучше пусть придет в понедельник.

— Нет уж, лучше пусть посмотрит фотографии

прямо сейчас, пока еще помнит преступника в лицо. Ты зачем там вообще сидишь?

— Ладно, — хрюкнул Трульс Бернтсен. — Приводите ее сюда.

— Мы тут очень заняты, так что спускайся и забирай ее сам.

— Я тоже занят. — Трульс подождал, но ответа не последовало. — Хорошо, сейчас спущусь, — вздохнул он.

— Прекрасно. И кстати, отдел нравов уже довольно давно переименовали. Теперь он называется «отдел по расследованию преступлений на сексуальной почве».

— Да пошел ты… — пробормотал Трульс так тихо, что собеседник вряд ли его расслышал, положил трубку и нажал на паузу. Изображение на экране замерло. Эх, жаль, что не досмотрел, сейчас будет одна из его самых любимых сцен: великолепный Вик ликвидирует своего коллегу, полицейского Тэрри, выстрелом прямо под левый глаз.

— Значит, сами вы не жертва, но считаете, что стали свидетельницей преступления? — спросил Трульс Бернтсен, пододвигая к своему столу еще один стул. — Вы уверены, что это было изнасилование?

— Нет, — ответила женщина, представившаяся как Дагни Йенсен. — Именно поэтому я бы и хотела посмотреть фото насильников из вашего архива.

Трульс почесал свой выступающий, как у созданного Франкенштейном чудовища, лоб.

— И вы не собираетесь писать заявление, пока не опознаете преступника?

— Все верно.

— Обычно мы поступаем не так, — сказал Трульс. — Но давайте договоримся: я устрою вам десятиминутное слайд-шоу на компьютере, и если мы найдем того парня, то вы займетесь всем остальным — заявлением и объяснениями — уже в дежурной части. Я здесь один и завален работой. Договорились?

— Хорошо.

— Тогда начнем. Итак, предполагаемый возраст насильника?

Уже через три минуты Дагни Йенсен указала на фотографию на экране:

— Кто это? — Он заметил, как она старается контролировать голос, унимая дрожь.

— Это сам Свейн Финне, — пояснил Трульс. — Вы его видели?

— А что он натворил?

— Чего он только *не* натворил! Давайте посмотрим. — Трульс понажимал на кнопки, и на экране появился подробный послужной список Финне.

Он увидел, как Дагни Йенсен изучает информацию на экране и, по мере того как сквозь сухой язык полицейских протоколов проступают очертания монстра, на ее лице появляется выражение ужаса.

— Значит, он не просто насиловал женщин, — прошептала она, — но и убивал тех, которые от него не беременели.

— Членовредительство и убийство, — поправил ее Трульс. — Этот тип уже отбыл срок, но если и существует человек, заявление на которого мы примем с удовольствием, так это Финне.

— А вы… совершенно уверены, что сможете поймать его?

— О, мы найдем его, если объявим в розыск, — заверил женщину Трульс. — Гораздо сложнее осудить его по обвинению в изнасиловании. В таких делах обычно бывает слово против слова, и тогда его придется отпустить за недостатком улик. Однако при наличии такого свидетеля, как вы, арифметика будет уже иная: двое против одного. Я надеюсь, мы снова отправим негодяя в тюрьму.

Дагни Йенсен несколько раз сглотнула.

Трульс зевнул и взглянул на часы.

— Ну вот, теперь вы видели фотографию, и вам надо спуститься в дежурную часть, чтобы они оформили бумаги. Мы ведь так с вами договаривались?

— Да, — ответила женщина, не отрывая взгляда от экрана. — Да, конечно.

Глава 15

Харри сидел на диване и пялился в стену. Он не зажигал свет, и наступающая тьма медленно стирала очертания и цвета, опускаясь на лоб влажным полотенцем. Ему хотелось, чтобы она стерла и его самого тоже. Если подумать, то жизнь не обязательно должна быть такой сложной, ее можно сжать до бинарного вопроса группы «Клэш»: *«Should I stay or should I go?»* [20] Пить или не пить? Он хотел утонуть. Исчезнуть. Но не мог, пока еще не мог.

Харри распаковал подарок, полученный от Бьёрна. Он полагал, что это виниловая пластинка. «Road to Ruin». Из трех альбомов группы «Рамоунз», как упрямо утверждал Эйстейн, этот был единственным сто́ящим (он обычно ссылался на Лу Рида, который назвал музыку «Рамоунз» дерьмом). Бьёрн и впрямь купил тот альбом, которого у Харри не было. На полке над ним, между дебютными альбомами групп «Рейнмейкерс» и «Ранк энд Файл», стояли только два альбома «Рамоунз»: одноименный «Ramones» и тот, что нравился

---

[20] Примечания: 20
«Мне остаться или уйти?» *(англ.)*.

Харри больше всех, — «Rocket to Russia».

Харри достал черное виниловое солнце и поставил «Road to Ruin» на проигрыватель. Увидел знакомое название песни — «I Wanna Be Sedated» — и решил для начала послушать ее.

Гитарные риффы наполнили комнату. Здесь, в отличие от дебютного альбома, звук был обработан лучше и звучал скорее как мейнстрим. Ему нравилось минималистическое гитарное соло, но Харри не был уверен, что его настолько же привлекали следующие модуляции, уж слишком они походили на буги «Статус Кво» в самой идиотской интерпретации. Но композиция исполнялась с полнейшей самоуверенностью. Это было Харри по душе. Как и его любимая «Rockaway Beach», где музыканты так же самоуверенно отсылали к музыке «Бич Бойз», словно угонщики автомобиля, с шиком катящие по главной улице с опущенными стеклами.

Пока Харри пытался решить, действительно ли ему нравится «I Wanna Be Sedated» или нет, а также стоит ли ему пойти в бар или нет, комнату осветил свет от экрана телефона, лежавшего на журнальном столике.

Он, прищурившись, посмотрел на дисплей и вздохнул. Ответить или нет?

— Привет, Александра.

— Привет, Харри. Я пыталась тебя поймать. Ты бы сменил текст на автоответчике.

— А чем он плох?

— «Говорите, если вам надо», — передразнила она. — Даже имя свое не назвал, только четыре слова, похожие на предостережение, а потом «пи-и-ип».

— Судя по твоему рассказу, все работает как надо.

— Дело в том, господин Холе, что я звонила вам *несколько* раз.

— Я видел, но я… был не в духе.

— Я слышала, что стряслось. — Она тяжело вздохнула, и в голосе ее послышались сострадание и сочувствие. — Это просто ужасно.

— Да.

Последовала пауза, как немое интермеццо, знаменующее собой переход от одного акта к другому. Потому что когда Александра заговорила вновь, то голос ее уже не был ни глубоким, ни сексуальным и в нем не звучало ни сочувствия, ни сострадания. Голос профессионала.

— Я тут кое-что нашла для тебя.

Харри вздохнул и провел рукой по лицу.

— Хорошо, слушаю внимательно.

Он впервые обратился к Александре Стурдза давно, но так долго не получал ответа, что уже перестал его ждать. Больше полугода назад он поехал в Институт судебной медицины при Государственной больнице, и там его приняла молодая женщина, вышедшая к нему прямо из лаборатории. Суровое веснушчатое лицо, горящие глаза и почти незаметный акцент. Она провела Харри в свой кабинет, сняла белый медицинский халат, а он спросил, может ли она помочь ему, так сказать, без протокола: сравнить ДНК из дел Свейна Финне с материалами старых убийств и изнасилований.

— Значит, Харри Холе, — поинтересовалась женщина-эксперт, — вы хотите проскользнуть без очереди?

После того как стортинг в 2014 году отменил срок давности по делам об убийствах и изнасилованиях, к ним, естественно, хлынул целый поток запросов: все хотели использовать новые технологии анализа ДНК применительно к старым делам, и в результате время ожидания результатов намного увеличилось. Харри подумал, как бы ему поубедительнее обосновать свою просьбу, но встретил ее прямой взгляд и понял, что в этом нет необходимости.

— Да.

— Интересно. В обмен на что?

— В обмен? Хм… А чего вы хотите?

— Для начала меня устроит, если знаменитый Харри Холе пригласит меня на кружку пива.

Под халатом на Александре Стурдза оказалась черная обтягивающая одежда, подчеркивающая изгибы мускулистого тела, линии которого вызвали у Харри ассоциации с кошками и спортивными автомобилями. Но он никогда особенно не интересовался гонками и был скорее собачником, а не кошатником.

— Если это нужно для дела, с удовольствием куплю вам пива. Но сам я не пью. И между прочим, я женат.

— Ладно, посмотрим, что можно для вас сделать, — хрипло рассмеялась она. Казалось, Александра немало повидала на своем веку, но определить ее возраст оказалось на удивление сложно: ей могло быть и на двадцать, и на десять лет меньше, чем самому Харри. Она склонила голову и посмотрела на него. — Ждите меня в «Револьвере» завтра в восемь, постараюсь накопать что-нибудь интересное, хорошо?

Интересного она накопала не слишком много. Ни в тот раз, ни в последующие. Ровно столько,

чтобы время от времени напрашиваться на кружку пива. Но Харри вел себя безупречно: держался на расстоянии от Александры и умудрялся делать так, что их встречи оказывались короткими и касались только работы. Так было до тех пор, пока Ракель не выгнала его. Тогда дамбу прорвало, и потоки воды в один миг смыли все, включая и принцип профессионального дистанцирования.

Харри заметил, что стена стала еще на один тон серее.

— У меня нет полного совпадения ни в одном деле, — начала Александра; Харри зевнул: это старая песня. — Но мне пришло в голову, что я могу сравнить ДНК-профиль Свейна Финне со всеми другими из нашей базы. И тогда я получила частичное совпадение с одним убийцей.

— Что это значит?

— Это значит, что Свейн Финне — отец осужденного преступника, сведения о котором имеются в нашей картотеке.

— О черт! — В голове у Харри просветлело, и он почувствовал: вот оно! — А как зовут этого преступника?

— Валентин Йертсен.

По спине у Харри пробежал холодок. Валентин Йертсен. Нельзя сказать, чтобы Харри больше

верил в наследственность, чем во влияние среды, но в том, что Свейн Финне приходился родным отцом одному из самых страшных серийных убийц в истории Норвегии, была определенная логика.

— Кажется, ты удивился меньше, чем я рассчитывала, — констатировала Александра.

— Я удивился меньше, чем сам думал, — ответил Харри, потирая шею.

— Эти сведения помогли тебе?

— Да, — сказал Харри. — Очень помогли. Спасибо тебе, Александра.

— Что ты сейчас делаешь?

— Мм… Хороший вопрос.

— Как насчет того, чтобы приехать ко мне и поблагодарить *in persona*?[21]

— Ты же знаешь, что мне сейчас не до этого…

— Да я ничего такого в виду и не имела. Может быть, нам обоим просто нужен сейчас человек, рядом с которым можно полежать. Ты помнишь, где я живу?

Харри закрыл глаза. После того как дамбу прорвало, в его жизни были постели, ворота, дома, но алкоголь покрыл пеленой лица, имена, адреса. К тому же изображение Валентина Йертсена

---

[21] Примечания: 21
Лично *(лат.)*.

сейчас вытеснило все, что он теоретически мог бы вспомнить.

— Неужели забыл? Черт возьми, Харри, ты, конечно, был пьян, но мог бы, по крайней мере, *сделать вид*, что помнишь!

— Грюнерлёкка, — сказал Харри. — Улица Сеильдюксгата.

— Умный мальчик. Через час?

Харри положил трубку, и когда он набирал номер Кайи Сульнес, то ему кое-что пришло в голову: он вспомнил улицу, потому что, как бы пьян ни был, у него никогда не случалось *полных* провалов в памяти. Хотя не исключено, что вовсе не длительное воздействие алкоголя было причиной того, что он не помнил вечер в баре «Ревность»; может быть, он просто *хотел* забыть все, что там произошло.

У Кайи включился автоответчик.

— Я обнаружил мотив, о котором ты говорила, — произнес Харри после сигнала. — У Свейна Финне, оказывается, был сын по имени Валентин Йертсен. Он сейчас мертв. И это я его убил.

Глава 16

Александра Стурдза издала протяжный звук, вытянув руки над головой. Пальцы ее рук и голых ног касались латунных перекладин на противоположных концах кровати. Потом она повернулась на бок, зажала одеяло между бедер и положила под голову одну из больших белых подушек. Она усмехнулась, и темные глаза превратились в щелочки, почти исчезнув на суровом лице.

— Как хорошо, что ты пришел, — сказала она и положила руку Харри на грудь.

— Мм… — Харри лежал на спине и щурился на яркий свет люстры.

Когда Александра открыла ему дверь, на ней был длинный шелковый халат. Она взяла его за руку и провела прямо в спальню.

— Тебя мучают угрызения совести? — спросила она.

— Ага, постоянно, — ответил Харри.

— Я хотела сказать — из-за того, что ты здесь.

— Не особенно. Просто еще один пункт в списке косвенных доказательств.

— Доказательств чего?

— Того, что я плохой человек.

— Но если ты все равно уже испытываешь угрызения совести, то, наверное, можешь раздеться.

— Значит, Валентин Йертсен был сыном Финне? — Харри сложил руки за головой. — Это точно?

— Абсолютно.

— Черт, это какая-то эстафета абсурда. Только подумай. Возможно, Валентин Йертсен и сам появился на свет в результате изнасилования.

— А кто появился не так? — Александра потерлась лобком о его бедро.

— Ты знала, что Валентин Йертсен, находясь в заключении, изнасиловал тюремного стоматолога? Попросился к ней на прием, воспользовался одной из бормашин врача, чтобы заставить женщину снять с себя нейлоновые колготки и надеть их на голову. Сначала он изнасиловал ее во врачебном кресле, а потом поджег колготки.

— Замолчи! Харри, я хочу тебя. В тумбочке есть презервативы.

— Нет, спасибо.

— Да ну? Неужели ты хочешь снова стать отцом?

— Я не о презервативе говорю. — Харри накрыл ладонью ее руки, которые только начали расстe-

гивать его ремень.

— Черт возьми! — прохрипела Александра. — На хрена ты мне сдался, если даже трахаться не хочешь?

— Хороший вопрос.

— А почему ты не хочешь?

— Судя по всему, уровень тестостерона резко понизился.

Сердито фыркнув, Александра повернулась на спину.

— Харри, вы с Ракелью не просто расстались — она *умерла*. Когда ты сможешь это принять?

— Ты считаешь, пятидневный целибат — это перебор?

Александра взглянула на него:

— Смешно. Но похоже, на самом деле ты не такой крутой, каким кажешься, да?

— Внешность обманчива, — изрек Харри, приподнял бедра и вынул из кармана пачку сигарет. — Да и пустить пыль в глаза не так уж сложно. Ученые установили, что настроение человека улучшается, если он напрягает мускулы, задействованные при улыбке. Так что, если тебе хочется плакать, — смейся. Но в моем случае это не сработает. Слушай, а у тебя в спальне можно дымить? Какой политики в отношении курения

ты придерживаешься?

— Здесь все позволено. Но когда люди рядом со мной курят, моя политика заключается в цитировании того, что написано на пачке. Табак убивает тебя, друг мой.

— Мм… А ловко ты ввернула это «друг мой».

— Это чтобы ты понял, что наносишь вред не только самому себе, но и всем, кто тебя любит.

— Я понял. Итак, рискуя заболеть раком и еще больше расстроить свою совесть, я все-таки закурю. — Харри затянулся и выпустил дым в сторону люстры. — А ты любишь яркий свет, — заметил он.

— Я выросла в Тимишоаре.

— А какая тут связь?

— Это первый город в Европе, где появились уличные фонари. В этом отношении нас опередил только Нью-Йорк.

— Поэтому ты постоянно включаешь свет?

— Нет, просто сообщила тебе любопытный факт. Ты ведь ими интересуешься.

— Правда?

— Да. Например, тот факт, что сын Финне тоже стал насильником.

— Это чуть больше, чем просто любопытный факт.

— Почему?

Харри сделал затяжку, но не ощутил вкуса.

— Потому что если Валентин Йертсен родной сын Финне, то у него появляется довольно убедительный мотив для мести. Я ведь охотился за этим типом в связи с несколькими убийствами. И в конце концов застрелил его.

— Да ну?

— Валентин Йертсен был безоружен, но спровоцировал меня на стрельбу, сделав вид, что хватается за пистолет. К сожалению, свидетелей не было, а в отделе внутренних расследований сочли проблемой то, что я сделал три выстрела. Но с меня сняли все обвинения. Я заявил, что действовал в целях самообороны, а доказать обратное они не смогли.

— И ты думаешь, что Финне узнал правду и именно поэтому убил твою жену?

Харри медленно кивнул:

— Око за око, зуб за зуб.

— Но разве не логичнее было бы убить Олега?

Харри приподнял бровь:

— Откуда ты знаешь его имя?

— Ты по пьяни много болтаешь, Харри. Особенно о бывшей жене и мальчике.

— Олег не мой ребенок, это сын Ракели от пер-

вого брака.

— Ты рассказывал, но это же просто биология.

Харри покачал головой:

— Только не для Свейна Финне. Он любил Валентина Йертсена не как человека, поскольку они едва были знакомы. Он любил Валентина по одной-единственной причине: тот нес дальше его собственные гены. Финне побуждает к действию желание распространять свое семя и производить потомство. Для него биология — это все, она дает ему вечную жизнь.

— Это ненормально.

— Разве? — Харри посмотрел на сигарету и задумался, на каком месте в очереди факторов, стремящихся прикончить его, находится рак легких. — Возможно, мы более тесно связаны с биологией, чем сами хотим думать. Не исключено, что все мы от природы шовинисты, расисты и националисты, инстинктивно жаждущие власти над миром для своего собственного рода. А потом мы отучаемся от этого в большей или меньшей степени. По крайней мере, большинство из нас.

— В любом случае мы хотим знать, откуда мы появились в чисто биологическом смысле. Только представь, у нас в лаборатории количество заявок на проведение теста ДНК с целью устано-

вить или подтвердить отцовство за последние двадцать лет увеличилось на триста процентов.

— Очередной любопытный факт?

— Это говорит о том, что наше самосознание связано с нашими генами.

— Думаешь?

— Да. — Александра подняла бокал с вином, стоявший на тумбочке. — Кстати, если бы дело обстояло иначе, меня бы сейчас вообще здесь не было.

— В постели со мной?

— В Норвегии. Я приехала сюда в поисках своего отца. Моя мать не хотела говорить о нем, я знала только, что он родом из Норвегии. После ее смерти я купила билет и отправилась искать его. В первый год работала на трех работах. Все, что я знала о своем отце: он был образованным человеком, потому что мама обладала весьма средними способностями, а я в Румынии получала самые высокие оценки, да и норвежский выучила за шесть месяцев. Но отца я не нашла. Зато получила стипендию и стала изучать химию в Норвежском университете естественных и технических наук, а потом устроилась на работу в Институт судебной медицины, в отдел, где проводят анализы ДНК.

— А там ты могла продолжить поиски.

— Да.

— И?..

— Я все-таки нашла его.

— Правда? Значит, тебе повезло, потому что, насколько я знаю, ДНК-профили в делах об установлении отцовства хранятся всего лишь один год.

— В делах об отцовстве — да.

До Харри стало доходить, что Александра имеет в виду.

— Ты нашла своего отца в базе полиции. Он оказался преступником?

— Да.

— Мм… И по какой же статье он был осужден?

Тут карман Харри завибрировал. Он посмотрел на номер и нажал на клавишу «ответить».

— Привет, Кайя. Ты получила мое сообщение?

— Да, — мягко прозвучал ее голос.

— И?..

— И я согласна с тобой: думаю, ты и впрямь нашел мотив Финне.

— Мм… Значит, ты поможешь мне?

— Не знаю. — Последовала пауза, во время которой он одним ухом слышал дыхание Кайи, а другим — дыхание Александры. — Судя по голосу,

ты лежишь, Харри. Ты где, дома?

— Нет, он у Александры! — прогремел голос Александры.

— Кто это был? — спросила Кайя.

— Это… — ответил Харри, — была Александра.

— О, тогда не буду вам мешать. Хорошего вечера.

— Ты не меша…

— Но Кайя уже дала отбой.

Харри посмотрел на телефон и засунул его обратно в карман. Он затушил сигарету в квадратном подсвечнике на тумбочке и свесил ноги с кровати.

— Эй, куда это ты собрался?

— Домой, — сказал Харри, наклонился и поцеловал ее в лоб.

Харри быстрыми шагами шел на запад, а мозг его усиленно работал.

Он достал мобильник и позвонил Бьёрну.

— Да, Харри?

— Все-таки это Финне.

— Мы разбудим малыша, Харри, — прошептал Бьёрн Хольм. — Может, завтра поговорим?

— Оказывается, Свейн Финне — отец Валентина Йертсена.

— Вот черт!

— Мотив — кровная месть. Я уверен. Вы должны объявить Финне в розыск, а когда у вас будет адрес, надо получить ордер на обыск. Найдете нож — и *case closed*[22].

— Я слышу тебя, Харри. Но Герт наконец заснул, а значит, и мне пора на боковую. И я сильно сомневаюсь, что на столь шатком основании нам удастся получить ордер на обыск. Прокурор, скорее всего, захочет конкретики.

— Но это *действительно* кровная месть, Бьёрн. Это наша природа. Представь, что кто-то убил Герта. Неужели ты бы не отомстил?

— Даже думать о таком не хочу.

— И все-таки?

— Ой, Харри, не знаю.

— Ты *не знаешь*?

— Поговорим завтра. Хорошо?

— Да, конечно. — Харри крепко зажмурился и выругался про себя. — Прости, что веду себя как идиот, Бьёрн, но я просто не могу…

— Все в порядке, Харри. Завтра разберемся. А поскольку ты пока отстранен, было бы хорошо, если бы ты никому не говорил, что мы обсуждаем это дело.

---

[22] Примечания: 22
Дело закрыто *(англ.)*.

— Само собой, я буду помалкивать. Спокойной ночи, дружище.

Харри открыл глаза и опустил телефон в карман. Субботний вечер. Перед ним на тротуаре, прислонившись лбом к стене дома, плакала пьяная девушка. Позади нее, склонив голову, стоял парень, он слегка приобнял ее, желая утешить.

— Он трахается с другими телками! — кричала девица. — Ему нет дела до меня! Никому нет до меня дела!

– *Мне* есть, — тихо произнес парень.

– *Тебе*, ага, — презрительно фыркнула она и вновь зарыдала.

Проходя мимо парочки, Харри поймал взгляд парня.

Субботний вечер. На этой стороне улицы метров через сто есть бар. Может, ему стоит перейти на другую сторону и обойти заведение? Движение здесь не слишком оживленное, только несколько такси. Внезапно машин стало много. И они образовали черную стену из кузовов, через которую не проскочить. Вот черт!

Трульс Бернтсен смотрел седьмой, последний сезон «Щита». Он хотел было заглянуть на порносайт, но отогнал от себя эту мысль: наверняка кто-то из айтишников ведет список сайтов,

которые сотрудники посещают во время веб-серфинга. Кстати, говорят ли еще «веб-серфинг»? Трульс снова посмотрел на часы. Дома Интернет более медленный, но все равно пора убираться в стойло. Он надел куртку, застегнул молнию. Что-то грызло его изнутри. Он точно не знал, что бы это могло быть, ведь сегодня за зарплату, которую ему платит государство, Трульсу не довелось принести людям никакой пользы, прошел еще один день из числа тех, что смело можно отнести к выгодным для себя.

Трульс Бернтсен посмотрел на телефон.

Глупость какая-то, но если это не дает ему покоя, то лучше позвонить.

— Дежурная часть.

— Это Трульс Бернтсен. Та тетка, которую вы отправили ко мне, подала заявление на Свейна Финне, когда вернулась к вам?

— Она не возвращалась.

— Просто ушла?

— Вероятно.

Трульс Бернтсен опустил трубку на рычаг, немного подумал, набрал еще один номер и стал ждать.

— Холе, слушаю. — Голос коллеги Трульса был едва различим на фоне музыки и галдежа.

— Харри, ты где?

— В баре.

— Там играет «Motörhead», — заметил Трульс.

— Ага, и это единственное достоинство данного места. Чего тебе?

— Тут такое дело. Ты же пытался приглядывать за Свейном Финне.

— И?..

Трульс рассказал о посетительнице, которая приходила к нему сегодня.

— Так. У тебя есть имя и номер телефона этой женщины?

— Ее зовут Дагни как-то-там. Йенсен, что ли? Можешь проверить, записали ли в дежурной части еще какие-то данные, но я сомневаюсь. Она ведь больше к ним не вернулась.

— Почему?

— Я думаю, бедняга боится, как бы Финне не узнал, что она была здесь.

— Ясно. Но я не могу сам позвонить в дежурную часть, поскольку временно отстранен от работы. Сделаешь это за меня?

— Я, вообще-то, уже домой собирался.

Трульс некоторое время слушал молчание собеседника. И Лемми, поющего «Killed By Death». А потом сдался:

— Хорошо.

— И еще одно. Мой пропуск тоже пока недействителен, так что я не могу пройти через турникет. Можешь достать из нижнего ящика моего стола мой служебный пистолет и принести его мне? Давай встретимся возле «Олимпии» минут через двадцать?

— Пистолет? А для чего он тебе?

— Защищаться от зла этого мира.

— Твой ящик заперт.

— Но ты же сделал дубликат ключа.

— Чего? Почему ты так думаешь?

— Я видел, что ты передвигал там мои вещи. А один раз даже хранил там гашиш, конфискованный отделом по борьбе с наркотиками, судя по пакетику, в котором он лежал. Чтобы его не нашли в *твоем* столе, если вдруг начнут искать.

Трульс не отвечал.

— Ну?

— Через четверть часа, — хрюкнул он. — И не опаздывай. Я не собираюсь по твоей милости торчать на морозе.

Кайя Сульнес стояла, сложив на груди руки, и смотрела в окно гостиной. Она мерзла. Ей всегда было холодно. В Кабуле, где температура скакала от минус пяти до плюс тридцати с лишним, она

могла окоченеть посреди ночи как в июле, так и в декабре, и тогда не оставалось ничего другого, кроме как ждать, когда солнце пустыни вновь растопит ее. У брата были те же проблемы, и однажды она даже спросила его: может, у них такая врожденная особенность, они, подобно рептилиям, не способны регулировать температуру своего тела и зависят от внешнего тепла? И Кайя, кстати, долгое время думала, что так и есть, что она не обладает контролем, беззащитна перед окружающим миром, перед другими.

Кайя вглядывалась в темноту. Взгляд ее скользил по забору, окружающему сад.

Может, *он* стоит где-то там?

Неизвестно. Чернота была непроницаемой, а человек вроде него в любом случае умеет прекрасно маскироваться.

Кайя дрожала, но не от страха. Сейчас она знала, что не зависит от окружающего мира. И ей не нужны другие. Она сама может вершить свою судьбу.

Она вспомнила резкий голос той женщины: «Нет, он у Александры».

Вот именно, вершить свою судьбу. И судьбы других тоже.

Глава 17

Дагни Йенсен резко остановилась. Она прошла свой постоянный воскресный маршрут вдоль реки Акерсельва, покормила уток, поулыбалась семьям с маленькими детьми и хозяевам собак, поискала первые подснежники. Она делала все, чтобы только не думать, потому что накануне размышляла всю ночь и сейчас хотела лишь одного: забыть.

Но *он* не позволял. Дагни уставилась на человека, стоявшего у двери в ее подъезд. Он притопывал, как будто замерз. Как будто долго ждал. Она уже собиралась развернуться и уйти, но вдруг сообразила, что это не он. Этот человек был выше ростом, чем Финне.

Дагни подошла ближе.

И волосы у него не длинные, они светлые и топорщатся. Она подошла еще ближе.

— Дагни Йенсен? — спросил мужчина.

— Да?

— Инспектор Харри Холе, полиция Осло.

— Что случилось?

— Вчера вы собирались заявить об изнасиловании.

— Я передумала.

— Понятно: вы испугались.

Дагни разглядывала его. Он был небрит, глаза покраснели, и, как на запрещающем знаке, половину его лица пересекал бордовый шрам. Но хотя лицо полицейского было не менее брутальным, чем у Свейна Финне, что-то смягчало его и делало почти красивым.

— Вы так думаете?

— Уверен. И я здесь, чтобы попросить помочь нам поймать мужчину, который вас изнасиловал.

Дагни вздрогнула:

– *Меня?* Вы неверно поняли, инспектор Холе, это не меня изнасиловали. Если только вообще было изнасилование.

Холе не отвечал, просто смотрел ей в глаза. И Дагни показалось, что он видит ее насквозь.

— Свейн Финне пытался оплодотворить вас, — сказал полицейский. — И теперь он надеется, что вы носите его ребенка, поэтому присматривает за вами. Он ведь уже был здесь?

Дагни дважды моргнула:

— Откуда вы знаете?..

— Свейн всегда действует по одной схеме. Он угрожал вам, объяснял, что с вами произойдет,

если вы избавитесь от ребенка? Не бойтесь, расскажите мне все, я твердо намерен поймать мерзавца.

Дагни Йенсен сглотнула. Только что она собиралась попросить Холе уйти, но теперь заколебалась. Она не знала, можно или нет верить его словам, мало ли что он говорит. Но в этом человеке было что-то такое, чего не было в других. Решительность. В нем чувствовалась воля.

«Может быть, полицейские сродни священникам? — подумала Дагни. — Мы верим им, потому что очень хотим, чтобы сказанное ими оказалось правдой».

Дагни разлила кофе по чашкам, стоявшим на маленьком старом столике на кухне.

Крупный мужчина с трудом уместился на стуле между кухонным шкафом и столом.

— Значит, Финне хочет встретиться с вами сегодня вечером в католической церкви в Вике? В девять?

Он слушал ее рассказ, не прерывая и не делая никаких пометок, и при этом не отводил от нее покрасневших глаз. Дагни чувствовала, что этот человек слышит каждое слово, видит все, как и она сама, кадр за кадром в этом коротком фильме ужасов, бесконечно прокручивающемся в ее

голове.

— Да, — кивнула она.

— Хорошо. Мы, конечно, можем арестовать его там. Допросить.

— Но вам нужны доказательства.

— Совершенно верно. Без доказательств нам придется рано или поздно отпустить Финне, а поскольку он поймет, что это вы сдали его, то…

— …Я окажусь в еще большей опасности, чем сейчас.

Полицейский кивнул.

— Поэтому я и не написала на него заявление, — пояснила Дагни. — Это все равно как в медведя стрелять, да? Если не свалишь первым выстрелом, не успеешь перезарядить ружье до того, как он на тебя нападет. И тогда — лучше бы ты не стрелял вовсе.

— Хм… Но с другой стороны, даже самого огромного медведя можно завалить одним простым прицельным выстрелом.

— Что вы конкретно предлагаете?

Инспектор взял чашку с кофе.

— Есть несколько способов. Один из них — использовать вас в качестве приманки, снабдив скрытым микрофоном. Вам придется построить беседу таким образом, чтобы заставить его рас-

сказать об изнасиловании.

Он опустил взгляд на стол.

— Продолжайте, — сказала Дагни.

Полицейский поднял глаза. Казалось, синий цвет стерся с их радужной оболочки.

— Вы должны спросить Финне, что он сделает, если вы откажетесь ему подчиняться. Если у нас на пленке будет запись разговора, содержащего угрозы и косвенное признание в изнасиловании, этого окажется достаточно для того, чтобы его осудить.

— Вы все еще пользуетесь пленкой?

Полицейский молча поднес чашку ко рту.

— Прошу прощения, — сказала Дагни. — Я сильно нервничаю, вот и спрашиваю всякую ерунду…

— Я все понимаю, — ответил инспектор. — И я прекрасно пойму, если вы откажетесь.

— Вы говорили, есть и другие способы.

— Да. — Он больше ничего не сказал, только потягивал кофе.

— Но вы предпочитаете этот? Почему?

Холе пожал плечами:

— Церковь — идеальное место по многим причинам. Там нет шума, а значит, мы получим запись хорошего качества. И вы будете находить-

ся в общественном месте, где Финне не сможет напасть на вас…

— В последний раз мы тоже были в общественном месте.

— …а у нас будет возможность находиться рядом и контролировать ситуацию.

Дагни посмотрела на него. Что-то в его взгляде казалось ей знакомым, и сейчас она поняла, что именно. Нечто похожее она видела в собственном взгляде и сначала даже приняла за трещину на зеркале. Некую ущербность. Похоже, этот человек был чем-то сломлен. И что-то в его голосе напоминало речь ученика, который дрожащим голосом пытается неправдоподобно объяснить, почему он не сделал домашнее задание. Дагни подошла к плите, поставила на нее кофейник и выглянула в окно. Она увидела, как люди внизу совершают воскресные прогулки, но Финне среди них не было. Там царила неестественная, какая-то судорожная идиллия. Дагни никогда не думала об этом в таком ключе, ей всегда казалось, что именно так все и должно было быть.

Она вернулась к столу и села на стул.

— Если я на это соглашусь, то должна быть уверена, что он больше никогда не появится. Вы это понимаете, инспектор?

— Да, я это понимаю. И я даю вам честное слово: вы больше никогда не увидите Свейна Финне. Никогда. Согласны?

Никогда. Дагни знала, что это неправда. Как знала и то, что женщина-священник говорила неправду о спасении. Она всего лишь утешала. Однако это срабатывает. Несмотря на то что мы раскусили слова «никогда» и «спасение», именно эти слова-пароли открывают двери в сердце, а сердце хочет верить. Дагни почувствовала, что ей стало легче дышать. Она несколько раз моргнула. И когда она увидела, как свет, падающий из окна, образует нимб над головой полицейского, она перестала замечать трещину в его взгляде, перестала слышать фальшивые нотки в его голосе.

— Ладно, — сказала она. — Расскажите, как конкретно мы будем действовать.

Харри остановился на улице напротив виллы Кайи Сульнес и уже в третий раз набрал номер ее телефона. Но результат был все тем же: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети…»

Он открыл скрипучие ворота из кованого железа и подошел к дому.

Бред какой-то. Конечно, полный бред. Но как еще отогнать тревожные мысли?

Харри позвонил в дверь. Подождал. Позвонил снова.

Он прислонился лбом к большому круглому окошку на двери и увидел висящее на крючке пальто, в котором Кайя была на похоронах, и высокие черные сапоги на подставке для обуви.

Он обошел вокруг дома. В тени, с северной стороны, на увядшей гладкой траве все еще лежали комья снега.

Харри посмотрел вверх, на окно комнаты, где раньше располагалась спальня хозяйки, хотя она, конечно, могла перенести кровать в любую другую комнату. Нагнувшись, чтобы собрать снег и слепить снежок, он заметил кое-что. Отпечаток ноги на снегу. След сапога. Мозг начал лихорадочно работать, прочесывать свои «базы данных». И нашел то, что искал. Отпечаток сапога на снегу перед виллой в Хольменколлене.

Его рука полезла во внутренний карман куртки. Разумеется, это мог быть совсем другой след. И конечно же, она могла выйти из дому в другой одежде. Харри схватил рукоятку служебного пистолета, весь внутренне сжался и длинными бесшумными шагами направился к лестнице. Он перехватил пистолет, взяв его за дуло, чтобы разбить круглое окошко на входной двери, но

сначала дернул за ручку.

Дверь оказалась не заперта.

Он вошел внутрь. Прислушался. Тишина. Харри втянул в себя воздух, но почувствовал только слабый шлейф духов Кайи: возможно, аромат исходил от шарфа, висевшего на крючке рядом с пальто.

Он прошел по коридору, держа пистолет перед собой.

Дверь в кухню была распахнута, на кофеварке горела красная лампочка. Харри покрепче взял пистолет и положил палец на спусковой крючок. Он шел вглубь дома. Дверь гостиной была приоткрыта. Гудение. Как будто рой мух. Харри осторожно раскрыл дверь ногой, держа пистолет перед собой.

Кайя лежала на полу. Глаза ее были закрыты, а руки сложены на груди поверх просторной шерстяной кофты. Тело и бледное лицо купались в свете дня, который лился из окна гостиной.

Харри со стоном выдохнул, опустил пистолет и присел на корточки. Он положил большой и указательный пальцы на изношенный войлочный тапок и зажал большой палец на ее ноге.

Кайя вздрогнула, закричала и сняла с головы наушники.

— О господи, Харри, как ты меня напугал!

— Прости, я пытался дозвониться до тебя. — Он уселся на ковер рядом с ней. — Мне нужна помощь.

Кайя закрыла глаза и положила руку на грудь, пытаясь восстановить дыхание.

— Ты это уже говорил.

То, что казалось гудением мух, оказалось, как он теперь понял, доносившейся из наушников известной композицией: Кайя включила на полную громкость тяжелый рок.

— А ты позвонила мне, потому что хотела, чтобы я убедил тебя согласиться, — сказал он, доставая пачку сигарет.

— Я не тот человек, которого можно переубедить, Харри.

Он кивнул в сторону наушников:

— Но мне же удалось убедить тебя послушать «Дип Пёрпл».

Неужели он заметил слабый румянец на ее щеках?

— Это только потому, что ты сказал: это лучшая группа в категории «невольно-комичная-но-тем-не-менее-очень-хорошая».

— Ха! — Харри зажал незажженную сигарету губами. — Поскольку мой план относится к той

же категории, я рассчитываю, что он также тебя заинтересует. Сейчас изложу подробно.

— Но…

— И имей в виду, что, помогая мне посадить заведомого насильника за решетку, ты помогаешь другим женщинам этого города. Ты помогаешь Олегу наказать преступника, убившего его мать. И ты помогаешь мне…

— Стоп, Харри.

— …поскольку я уже успел наломать дров.

Она подняла темную бровь:

— Да ну?

— Я убедил одну из жертв Свейна Финне стать подсадной уткой, чтобы взять его с поличным. Я уговорил невинную женщину надеть на себя микрофон и записывающее устройство, заверив ее, что это часть полицейской операции, хотя на самом деле все это сольное выступление отстраненного полицейского. И его соучастницы, бывшей коллеги. То есть тебя.

Кайя уставилась на него:

— Ты шутишь?

— Нет, — покачал головой Харри. — Оказывается, нет таких моральных границ, которые я не решился бы перейти, чтобы только поймать Свейна Финне.

— Именно это я и хотела сказать.

— Ты нужна мне, Кайя. Ты со мной?

— Да с какого такого перепуга мне быть с тобой? Это же полный бред!

— Вспомни, сколько раз мы знали имя виновного, но ничего не могли поделать, потому что были обязаны подчиняться правилам. А теперь просто красота: ты больше не работаешь в полиции и не должна следовать инструкциям.

— А ты должен, несмотря на то что временно отстранен. Харри, ты рискуешь потерять не только работу, но и свободу. Смотри, как бы в конце концов тебя самого не засадили за решетку.

— Обо мне не беспокойся, Кайя. Я ничем не рискую, потому что мне больше нечего терять.

— Ночной сон. Ты хоть понимаешь, на что толкаешь бедную женщину?

— Ночной сон я уже давно потерял. Между прочим, Дагни Йенсен знает, что мы действуем не по инструкции, она раскусила меня.

— Она так и сказала?

— Нет. Эта женщина сделала вид, что поверила мне. Ведь в этом случае она впоследствии сможет отговориться тем, что думала, будто это была законная полицейская операция. Она, как и я, очень хочет, чтобы Свейн Финне был устранен.

Кайя перевернулась на живот и приподнялась на локтях. Рукава шерстяной кофты соскользнули с длинных тонких рук.

— «Устранен»? Что именно ты хочешь этим сказать?

Харри пожал плечами:

— Выведен из игры. Удален.

— Удален — откуда?

— Из города. Из общества.

— Посажен в тюрьму, правильно?

Харри посмотрел на нее, затянулся незажженной сигаретой и кивнул:

— Как вариант. Так ты согласна?

Кайя покачала головой:

— Не знаю, решусь ли я, Харри. Ты… изменился. Ты всегда отодвигал границы, но сейчас… Это не ты. Это не мы. Это… — Она продолжала качать головой.

— Ну же, договаривай.

— Это ненависть. Это просто жуткая смесь горя и ненависти.

— Ты права, — сказал Харри. Он вынул сигарету изо рта и засунул ее обратно в пачку. — Знаешь, а ведь я ошибался. Я *не все* потерял. У меня до сих пор еще осталась ненависть.

Он поднялся и направился к выходу. Иэн Гил-

лан кричащим вибрато обещал ему вслед: «Gonna make it hard for you, you're gonna…» [23] Фраза так и осталась незаконченной, гитара Ричи Блэкмора заглушила вывод Гиллана: «…into the fire!»[24] Харри оказался на улице, миновал ворота и вышел прямо в ослепительный свет дня.

Пиа Бор постучала в бывшую спальню дочери.

Подождала. Ответа не последовало.

Она распахнула дверь.

Руар сидел на кровати спиной к ней. На нем по-прежнему была камуфляжная форма. На покрывале лежали пистолет, ножны с кинжалом и прибор ночного видения.

— Ты должен остановиться, — сказала она. — Слышишь, Руар? Так не может продолжаться.

Он повернулся к ней.

По покрасневшим глазам и следам от слез на щеках Пиа поняла, что он плакал. И, судя по всему, совсем не спал.

— Где ты был сегодня ночью? Что ты сделал? Ты должен поговорить со мной.

Ее муж, или тот, кто когда-то был ее мужем,

---

[23] Примечания: 23

«Я осложню тебе задачу, тебе дорога…» *(англ.)*

[24] Примечания: 24

«…в полымя!» *(англ.)*

вновь отвернулся к окну. Пиа Бор вздохнула. Руар никогда не рассказывал жене, где бывал, но комки земли на полу указывали на то, что, возможно, он находился в лесу. В саду. На свалке.

Она села на противоположный край кровати. Ближе просто не могла. Потому что от чужого человека хочется держаться на расстоянии.

— Что ты сделал? — вновь спросила она. — Что ты сделал, Руар?

Пиа с ужасом ждала его ответа, а когда спустя пять секунд он так ничего и не сказал, она поднялась и быстро вышла из комнаты, испытывая некоторое облегчение. Что бы он ни натворил, на ней вины не было. Она честно пыталась все выяснить, несколько раз задала ему вопрос. А что еще можно требовать от человека?

Глава 18

Дагни стояла под фонарем, что висел над входом в католическую церковь. Она посмотрела на часы: девять. А что, если Финне не придет? С Драмменсвейен и Мункедамсвейен доносился шум уличного движения, но когда она посмотрела на узкую улочку, ведущую к Дворцовому парку, то не увидела там ни проезжающих машин, ни людей. В другом конце улицы, со стороны набережной Акер-Брюгге и фьордов, тоже никого. Ну просто «глаз» урагана, мертвая зона города. Церковь находилась между двумя офисными зданиями, и указаний на то, что это Божий дом, было мало. Правда, здание кверху сужалось и заканчивалось башенкой-шпилем, но на фасаде не имелось ни креста, ни изображений Иисуса или Девы Марии, никаких цитат на латыни. Резьба на массивных дверях — широких, высоких и открытых, — возможно, и наводила на мысли о чем-то связанном с христианством, но в остальном, насколько Дагни могла судить, это мог быть вход в синагогу, мечеть или даже в храм какой-нибудь небольшой религиозной секты. Правда, если подойти поближе, то можно было прочитать в стеклянной

витрине рядом с дверьми объявление о том, что в это воскресенье в церкви с самого утра проходят мессы. На норвежском, английском, польском и вьетнамском языках. Последняя месса, на польском, закончилась всего полчаса назад. Шум вдалеке не прекращался, но на этой улице было тихо. Неужели она совсем одна? Дагни не спросила у Харри Холе, скольких коллег он разместил поблизости для наблюдения за ней и есть ли кто-нибудь из них здесь, на улице, или же все находятся в церкви. Хотя, пожалуй, лучше этого не знать, ведь знание могло ее выдать. Она смотрела на окна и парадные на другой стороне улицы взглядом, полным надежды. И одновременно отчаяния. Потому что в глубине души Дагни подозревала, что здесь находится только инспектор Холе. Лишь он и она. Именно это Холе пытался объяснить ей взглядом. И после его ухода она покопалась в Сети и нашла подтверждение тому, что, как ей помнилось, читала в газетах: Харри Холе был известным полицейским и мужем той бедной женщины, которую совсем недавно зарезали. Так вот откуда этот внутренний надлом: что-то разрушено, зеркало треснуло. Но сейчас уже слишком поздно отступать. Она сама заварила эту кашу, хотя вполне могла и отказаться. Но

не отказалась, позволила себя обмануть.

Дагни замерзла, надо было одеться потеплее. Она снова посмотрела на часы.

— Ты меня ждешь?

Ее сердце остановилось.

Как Финне смог подойти к ней вплотную так, что она его не заметила?

Дагни кивнула.

— Мы одни?

Она кивнула еще раз.

— Правда? Разве никто не пришел отпраздновать заключение брака между нами?

Дагни открыла рот, но не смогла ничего сказать. Она и дышать не могла.

Свейн Финне улыбался. Пухлые влажные губы касались желтых зубов.

— Эй, так не пойдет. Ты должна глубоко дышать, возлюбленная. Мы же не хотим, чтобы у нашего ребенка от нехватки кислорода повредился мозг, правда?

Дагни сделала, как он велел: глубоко вдохнула.

— Нам надо поговорить, — произнесла она дрожащим голосом. — Похоже, я беременна.

— Ну конечно, а как же иначе.

Дагни испуганно попятилась, когда Финне поднял руку и она на мгновение увидела, как свет

от фонаря над входом сочится сквозь дыру в его ладони. А потом он коснулся теплой и сухой рукой ее щеки. Она, не забывая дышать, сглотнула. И продолжила:

— Мы должны обсудить практические вопросы. Давай зайдем внутрь?

— Внутрь?

— В церковь. Здесь холодно.

— Конечно. Мы же собираемся пожениться. Время не ждет. — Финне провел рукой по ее шее. Она закрепила маленький микрофон между чашечками лифчика под тонким свитером и пальто. Холе сомневался, что они получат запись хорошего качества, если Дагни не заведет его в церковь, где не будет слышен шум города; кроме того, внутри у нее появится предлог снять пальто, приглушающее звук. Там, в церкви, ему не скрыться, и полиция схватит Финне, как только на записи будет достаточно информации, чтобы выдвинуть против него обвинение в суде.

— Тогда пойдем? — сказала Дагни, отстраняясь от него. Она засунула руки в карманы пальто и сумела изобразить видимую дрожь.

Но Финне не двигался. Он закрыл глаза, откинул голову назад, принюхался и объявил:

— Я чую что-то.

— Чуешь?

Он открыл глаза и посмотрел на нее:

— Я чую горе, Дагни. Отчаяние. Боль.

На этот раз ей не пришлось притворяться, изображая дрожь.

— В последний раз ты пахла не так, — сказал он. — У тебя были гости?

— Гости? — Она попыталась рассмеяться, но получилось только какое-то фырканье. — Кого ты имеешь в виду?

— Не знаю. Но этот запах мне чем-то знаком. Дай-ка покопаться в банке памяти… — Финне положил палец под подбородок, наморщил лоб и окинул ее взглядом. — Дагни, только не говори мне, что ты… Ты ведь не… Или да, Дагни?

— Да в чем дело? — Она попыталась скрыть надвигающуюся панику.

Он горестно покачал головой:

— Ты же читаешь Библию, Дагни? Знаешь о сеятеле? Его семя — это слово. Обещание. Если семя не приживется, то придет Сатана и пожрет его. Сатана отберет веру. Он заберет нашего ребенка, Дагни. Потому что тот сеятель — это я. Вопрос в том, встречалась ли ты с Сатаной.

Дагни сглотнула и мотнула головой, но сама не поняла, сделала она это в знак согласия или

отрицания.

Свейн Финне вздохнул:

— Ты и я — мы вместе зачали дитя любви в прекрасном акте соития. Но возможно, сейчас ты раскаиваешься, возможно, ты не хочешь никакого ребенка. Но ты не можешь его хладнокровно убить, пока знаешь, что это плод любви, поэтому ищешь причину, которая позволит тебе избавиться от него. — Он говорил громко и удивительно четко. Как артист на театральных подмостках, подумала она, который заботится о том, чтобы каждое его слово было слышно даже на последнем ряду. — Так что ты пытаешься обмануть свою собственную совесть, Дагни. Ты говоришь себе: «На самом деле все случилось не так, я этого вовсе не хотела, он взял меня силой». И думаешь, что сможешь заставить поверить в это и полицию тоже. Ведь Сатана сказал тебе, что я уже сидел за другие так называемые изнасилования, да?

— Ты ошибаешься, — возразила Дагни и прекратила попытки контролировать дрожь. — Ну что, пойдем в церковь? — Она слышала, что в ее голосе прозвучала мольба.

Финне склонил голову набок, как птица, которая рассматривает червяка, прежде чем схватить

его. Он словно бы еще не до конца решил, оставить ли добычу в живых.

— Обещания, которые дают друг другу при вступлении в брак, — это очень серьезно, Дагни. Я не хочу, чтобы ты проявила легкомыслие или действовала поспешно. А ты кажешься… неуверенной. Может, нам стоит немного подождать?

— Хорошо, давай поговорим об этом. Но только внутри.

— Когда я сомневаюсь, — сказал Финне, — то прошу отца помочь мне принять решение.

— Отца?

— Да. Рок. — Он залез в карман брюк и достал какой-то предмет, зажав его большим и указательным пальцем. Блеснул серо-синий металл. Кубик для игры в кости.

— Ты считаешь его своим отцом?

— Рок — отец всем нам, Дагни. Итак: если выпадет «один» или «два», то мы поженимся сегодня. «Три» или «четыре» — мы подождем. Ну а если «пять» или «шесть»… — Он склонился вперед и прошептал ей в ухо: — Значит, ты предала меня и я перережу тебе горло прямо здесь и сейчас. А ты будешь стоять, как бессловесная и готовая ко всему жертвенная овца, каковой ты и являешься, и просто позволишь этому произойти. Вытяни

руку.

Финне выпрямился. Дагни пристально смотрела на него. Его глаза не выражали никаких чувств — во всяком случае, знакомых ей: ни злости, ни сочувствия, ни возбуждения, ни нервозности, ни нежности, ни ненависти, ни любви. Она видела только волю. Этакую гипнотическую, повелевающую всем силу, которой не требовались ни разум, ни логика. Ей хотелось закричать. Ей хотелось убежать. Но вместо этого она послушно вытянула вперед руку.

Финне сложил ладони и потряс кубик, затем резко повернул руку, оказавшуюся снизу, и опустил ее на открытую ладонь Дагни. Она почувствовала прикосновение его теплой, сухой и шершавой кожи и задрожала.

Он убрал свою руку, посмотрел на ее ладонь и расплылся в широкой улыбке.

У Дагни снова перехватило дыхание. Она пододвинула руку к себе. Кубик показывал ей три черных глаза.

— Пока что до свидания, моя возлюбленная, — сказал Финне и посмотрел вверх. — Мое обещание остается в силе.

Дагни автоматически вслед за ним тоже подняла глаза вверх, на небо, где электрический свет

уже окрасил облака в желтый свет. А когда вновь опустила взгляд, Финне уже не было. Она услышала, как на другой стороне улицы захлопнулась какая-то дверь.

Дагни развернулась и вошла в церковь. Казалось, звуки органа с последней мессы все еще висели в просторном зале. Она подошла к одной из двух исповедален у дальней стены, села в кабинку, задернула занавеску и сказала:

— Он ушел.

— Куда? — отозвался голос из-за решетки.

— Не знаю. Все равно уже поздно.

— Значит, *учуял*? — переспросил Харри. Его голос эхом разнесся по церкви. И хотя он мог с уверенностью утверждать, что во всем помещении, кроме них двоих, сидящих в последнем ряду, никого не было, невольно стал говорить тише. — Он сказал, что что-то *чует*? А затем бросил кости?

Дагни кивнула и указала на записывающее устройство, которое положила на скамью между ними.

— Там все есть.

— И Финне ни в чем не сознался?

— Нет. Только назвал себя сеятелем. Можете послушать сами.

Харри сдержал рвущиеся наружу ругательства

и так сильно прижался к спинке скамьи, что она закачалась.

— И что мы теперь будем делать? — поинтересовалась Дагни.

Харри провел рукой по лицу. Но как? Как Финне мог узнать обо всем? Кроме него самого и Дагни, об операции знали только Кайя и Трульс. Может быть, он просто считал все с лица Дагни, проанализировал язык ее тела? Конечно, это возможно, женщина была сильно напугана. Да что уж теперь говорить, главный вопрос, который стоит на повестке дня: как им поступить дальше?

— Я должна увидеть, как он умирает, — сказала Дагни.

Харри кивнул:

— Финне уже стар и вряд ли долго протянет. Когда он сдохнет, я непременно пошлю вам весточку.

Дагни покачала головой:

— Вы не понимаете. Я должна видеть собственными глазами сам момент его смерти. В противном случае мое сознание не примет тот факт, что Финне больше нет, и он будет являться ко мне во сне. В точности как моя мама.

Телефон негромко звякнул, сообщая об эсэмэске, и Дагни вынула из кармана серебристого

цвета мобильник.

А Харри внезапно сообразил, что Ракель еще ни разу не приходила к нему во сне после того, как он увидел ее труп. Пока не приходила. Почему? И он понял, что хочет, что страстно желает, чтобы она пришла к нему, пусть лучше маска смерти и ползающие в уголках губ черви, чем эта ничем не заполненная холодная пустота.

— Господи Исусе, — прошептала Дагни.

Свет, исходящий от сотового, освещал ее лицо: рот разинут, глаза широко раскрыты.

Телефон со звоном упал на пол и остался лежать дисплеем вверх. Харри наклонился. Видео уже было проиграно и остановилось на последнем кадре — с циферблатом, на котором горели красные цифры. Он нажал на кнопку воспроизведения, и запись пошла сначала. Звук отсутствовал, изображение было зернистым, но Харри смог различить снятый с близкого расстояния белый живот с раной, откуда, пульсируя, лилась кровь. В кадре появилась волосатая рука с часами на сером ремешке. Все происходило очень быстро. Рука погрузилась в рану так глубоко, что часы активировались и засветились, а из раны вылилось еще больше крови. Камера приблизила циферблат, а потом картинка застыла. Конец фильма.

Харри попытался заглушить подступившую к горлу рвоту.

— Что… что это было? — заикаясь, спросила Дагни.

— Я не знаю, — ответил Харри, пристально глядя на последний кадр с циферблатом. — Я не знаю, — повторил он.

— Я не хочу… — начала Дагни. — Он и меня убьет, а вы не сможете остановить его в одиночку. Потому что вы один, так ведь?

— Да, — признался Харри. — Я один.

— Значит, мне надо обратиться за помощью в другое место. Я должна подумать о себе.

— Действуйте, — сказал Харри. Он не мог заставить себя оторвать взгляд от застывшего кадра. Качество изображения на видео было слишком низким, его невозможно использовать для опознания живота или руки. А вот часы были видны хорошо. И время на них, включая дату: 3:00, ночь убийства Ракели.

Глава 19

Лист белой бумаги, лежавший на столе Катрины Братт, блестел в полоске солнечного света, который струился из окна.

— Дагни Йенсен подала на тебя жалобу. Она пишет, что ты уговорил ее выступить в роли подсадной утки, чтобы заманить Свейна Финне в ловушку, — сказала хозяйка кабинета.

Катрина оторвала взгляд от бумаги и посмотрела на начинавшиеся прямо возле ее стола длинные ноги, которые принадлежали мужчине, что развалился на стуле напротив. Очки «Рэй Бан» с замотанной черным скотчем дужкой скрывали его голубые глаза. Он недавно выпил. От его одежды и тела исходила сладковатая вонь употребленного вчера алкоголя, напоминавшая ей запахи амальгамы, дома престарелых и гнилой малины. А вот из его рта доносился свежий запах спирта — бодрящий и очищающий. Короче говоря, мужик, сидевший перед Катриной, был алкоголиком, частично отошедшим от вчерашней пьянки и уже начавшим бухать по новой.

— Это так, Харри?

— Да, — подтвердил ее собеседник и прокаш-

лялся, не прикрывая рта. Она заметила, как на солнце блеснуло пятнышко слюны, попавшей на подлокотник его стула. — А вы установили, с какого номера отправлено видео?

— Да, — кивнула Катрина. — Номер без регистрации. Сейчас он выключен, и его невозможно отследить.

— Свейн Финне послал, больше некому. Кто еще будет снимать видео, засовывая руку жертве в живот?

— Жаль, что он делает это не той рукой, в которой есть дыра. Тогда мы с полной уверенностью смогли бы его опознать.

— Это точно он. Ты видела на часах время и дату?

— Да. И конечно, очень подозрительно, что дата совпадает с ночью убийства. Но часы показывают на час позже того временно́го промежутка, когда, согласно заключению судмедэкспертов, предположительно умерла Ракель.

— Ключевое слово здесь «предположительно», — возразил Харри. — Ты знаешь не хуже меня, что они не могут установить время с точностью до часа.

— А ты можешь с уверенностью сказать, что это живот Ракели?

— Разумеется, нет, это ведь нечеткое изображение, снятое трясущейся камерой.

— Значит, это может быть кто угодно. Исходя из того, что мы знаем, Финне мог найти видео в Сети и послать Дагни Йенсен, чтобы напугать ее.

— Ладно, на том и порешим, — заключил Харри, взялся руками за подлокотники и начал вставать.

— Сядь! — прикрикнула на него Катрина.

Харри снова опустился на стул.

Катрина тяжело вздохнула:

— Мы приставили к Дагни Йенсен полицейских, которые будут обеспечивать ей защиту.

— Круглосуточно?

— Да.

— Хорошо. Что-то еще?

— Да. Эксперты из Института судебной медицины только что сообщили мне, что Валентин Йертсен был родным сыном Свейна Финне. И что тебе уже некоторое время об этом известно.

Катрина ждала его реакции, но видела только собственное отражение в зеркальных стеклах очков.

— Итак, — сказала она. — Ты решил, что Свейн Финне убил Ракель, чтобы отомстить тебе. А потом попросту наплевал на все правила и ин-

струкции и со спокойной душой подверг другого человека — женщину, жертву насилия — опасности, чтобы достичь своих личных целей. Речь идет не просто о грубом нарушении служебных обязанностей, Харри. То, что ты совершил, наказуемо.

Катрина замолчала. Куда, интересно, он смотрит сквозь стекла этих чертовых очков? На нее? На картину за ее спиной? На носки своих сапог?

— Ты уже отстранен от работы, Харри. У меня не так много других возможностей наказать тебя, только уволить. Или написать на тебя рапорт. И это тоже приведет к увольнению, если тебя признают виновным. Ты хоть понимаешь, что натворил?

— Да.

— Понимаешь?

— Ну конечно, это не так уж сложно уразуметь. Теперь я могу идти?

— Нет! Знаешь, что я сказала Дагни Йенсен, когда она попросила предоставить ей защиту? Я сказала, что мы пойдем ей навстречу, но полицейские, которые будут охранять ее, тоже люди и они станут нести службу не столь рьяно, если узнают, что человек, которого они должны охранять, подал заявление на их коллегу за то, что

тот работал слишком рьяно. Я надавила на нее, Харри, на невинную жертву. Ради тебя! Можешь ты такое вообразить?

Харри медленно кивал:

— Угу… Надеюсь, теперь ты отпустишь меня?

— Что? — Катрина всплеснула руками. — Да что ты за человек такой, Харри? Неужели ты совсем ничего не хочешь мне сказать?

— Хочу. Но пожалуй, лучше промолчу.

Издав стон, Катрина поставила локти на стол, сложила ладони и прислонилась к ним лбом.

— Ладно уж, иди.

Харри закрыл глаза. Он чувствовал спиной широкий березовый ствол и яркие лучи весеннего солнца, согревающие лицо. Перед ним стоял простой коричневый деревянный крест: лишь имя Ракели, ни дат жизни, ни других надписей. Сотрудница похоронного бюро назвала его «временным знаком», который обычно устанавливают в ожидании каменного надгробия, но Харри, конечно, не смог удержаться и истолковал все по-своему: это знак того, что Ракель ждет его.

— Я сплю, — сказал Харри. — Надеюсь, это нормально. Потому что если я проснусь, то моя жизнь рухнет, а тогда я не смогу поймать убийцу. А я поймаю его, клянусь. Помнишь, как ты боялась

плотоядных зомби из «Ночи живых мертвецов»? Ну вот… — Он достал из кармана фляжку. — Теперь я один из них.

Харри сделал большой глоток. Возможно, он уже принял достаточно, потому что ему казалось, будто спирт на него больше не действует. Харри соскользнул по стволу на землю, с которой еще не сошел снег.

— Кстати, ходят слухи, что ты хотела, чтобы я вернулся. Все дело в Старом Тикко, да? Тебе не обязательно отвечать.

Он снова поднес фляжку к губам, потом отнял ее и открыл глаза.

— Мне одиноко, — сказал он. — До того как встретить тебя, я много времени проводил в одиночестве, но никогда не был одинок. А сейчас все иначе. Вот парадокс: когда мы были вместе, ты не заполняла собой пустое пространство, но когда ты ушла, то оставила огромное зияющее пустое пространство после себя, это точно. По-моему, весьма убедительный аргумент в пользу того, что любовь — заведомо проигрышный проект. А ты как думаешь?

Он снова закрыл глаза и прислушался.

Свет с наружной стороны век ослабевал, стало холоднее. Харри знал, что, скорее всего, солнце

прикрыло какое-то случайное облако, и, погружаясь в сон, ждал, когда тепло снова включится. И вдруг оцепенел, услышав рядом чужое дыхание. Похоже, дело вовсе не в облаке: кто-то стоял перед ним. И Харри не услышал приближения этого кого-то, хотя со всех сторон от него лежал снег. Он открыл глаза.

Солнечный свет образовывал нимб над головой силуэта.

Правая рука Харри полезла во внутренний карман куртки.

— Я искала тебя, — тихо произнес силуэт.

Его рука остановилась.

— И ты меня нашла, — ответил Харри. — Что теперь?

Силуэт отошел в сторону, и на мгновение Харри ослепило солнце.

— Теперь мы пойдем ко мне домой, — сказала Кайя Сульнес.

— Спасибо, конечно, но разве мне это надо? — Харри скорчил недовольную гримасу, понюхав чай в кружке, которую ему протягивала Кайя.

— Пей давай, — улыбнулась Кайя. — Как душ? Освежает?

— Даже слишком. Я замерз.

— Это потому, что ты простоял под ним три

четверти часа.

— Правда? — Харри уселся на диван, держа кружку обеими руками. — Прости.

— Все нормально. Одежда подошла по размеру?

Харри критически осмотрел брюки и свитер.

— Мой брат был не таким крупным, как ты, — с улыбкой пояснила хозяйка дома.

— Значит, ты передумала и решила все-таки помочь мне?

Харри попробовал чай. Он был горьковатым на вкус и напоминал чай с шиповником, которым его потчевали в детстве во время простуды. Маленький Харри ненавидел этот напиток, но мама говорила, что он повышает сопротивляемость организма, что в одной его чашке содержится столько же витамина С, как в сорока апельсинах. Возможно, из-за передозировки шиповника он с тех пор не простужался. И апельсинов тоже не ел.

— Да, я помогу тебе, — сказала Кайя и села на стул напротив. — Но не в расследовании убийства.

— А в чем же тогда?

— Знаешь ли ты, что у тебя налицо все классические симптомы ПТСР?

Харри вопросительно посмотрел на нее.

— Посттравматическое стрессовое расстройство, — расшифровала Кайя.

— Я знаю, что обозначает эта аббревиатура.

— Хорошо. А симптомы можешь назвать?

Харри пожал плечами:

— Травмирующая ситуация переживается вновь и вновь. Сны, вспышки воспоминаний, которые невозможно выбросить из головы. Нежелание обсуждать то, что произошло. Человек превращается в зомби. И чувствует себя соответственно: этаким зомби, аутсайдером, сидящим на антидепрессантах, теряет вкус к жизни. Существование кажется ему бессмысленным, окружающий мир — ненастоящим, чувство времени меняется. Когда срабатывает защитный механизм, человек начинает разбирать травму на кусочки, вспоминает отдельные детали, но держит их на расстоянии друг от друга, чтобы все произошедшее и связь между частями целого оставались скрытыми во мраке.

Кайя кивнула:

— Не забудь еще про гиперактивность. Депрессия сочетается с раздражением и агрессивностью. Возникают проблемы со сном. А откуда ты так много знаешь об этом?

— Наш штатный психолог мне рассказывал.

— Столе Эуне? И он утверждает, что у тебя *нет* ПТСР?

— Ну, он этого не исключает. С другой стороны, подобные симптомы наблюдались у меня с подросткового возраста. И поскольку я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь был другим, Столе сказал: возможно, это просто черты моей личности. Или же синдром возник в ранней юности, после смерти матери. Горе ведь легко спутать с ПТСР.

Кайя уверенно помотала головой:

— Я уже получила свою порцию, так что я знаю, что такое горе. А ты, Харри, очень напоминаешь мне солдат, которые уезжали из Афганистана в период обострения ПТСР. Некоторые из них впоследствии стали инвалидами, другие покончили с собой. Но знаешь что? Хуже всего было тем, кто вернулся без этого диагноза. Они проплыли мимо радаров психологов и превратились в неразорвавшиеся бомбы, которые представляют опасность как для себя самих, так и для окружающих.

— Но я ведь не был на войне, я просто потерял близкого человека.

— Ты *был* на войне, Харри. И пробыл на ней

слишком долго. Ты — один из немногих полицейских, которым пришлось несколько раз убивать по долгу службы. А уж поверь мне, мы в Афганистане навидались подобного, так что я знаю, что может произойти с человеком, убившим кого-то.

— Не драматизируй. Я тоже знаю подобные случаи и не раз видел, как одни запросто стряхивают это с себя, а другие и вовсе ждут следующей возможности.

— Ты прав, все очень индивидуально. Но для сколько-нибудь нормального человека огромное значение имеет также *причина* убийства. Согласно данным исследования, проведенного корпорацией РЭНД[25], как минимум двадцать, а скорее даже почти тридцать процентов американских солдат, служивших в Афганистане или Ираке, заработали ПТСР. То же самое касается американских солдат, воевавших во Вьетнаме. А вот аналогичные показатели для солдат антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне в два раза ниже. Психологи объясняют это

---

[25] Примечания: 25

Корпорация РЭНД (*англ.* RAND — аббревиатура от «Research and Development» — «Исследования и разработка») — американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооруженных сил и связанных с ними организаций. — *Примеч. ред.*

мотивацией: все прекрасно понимали, почему надо сражаться с Гитлером. Тогда как солдаты, служившие во Вьетнаме, в Ираке и Афганистане, *не понимали*, за что они воюют. И когда эти люди вернулись домой, общество не только не устраивало парадов в их честь, но, напротив, смотрело на них с подозрением. А солдаты без посторонней помощи не могут включить тему убийства в убедительный рассказ, оправдывающий их. В таком контексте легче убивать за Израиль. В армии этого государства количество военнослужащих с ПТСР составляет всего восемь процентов. Не потому, что там насилие носит не такой гротескный характер, а потому, что солдаты воспринимают себя защитниками маленькой страны, окруженной врагами, и имеют широкую поддержку своих сограждан. Это дает им оправдание для убийства — простое, конкретное и этичное. То, что они делают, необходимо и наполнено смыслом.

— Хм… Ты хочешь сказать, что и я, когда убивал, действовал из соображений необходимости? Да, убитые приходят ко мне по ночам, но я без раздумий и промедлений вновь спускаю курок. Раз за разом.

— Ты относишься к тем восьми процентам, у которых диагностируют ПТСР, несмотря на то

что у них имеются все основания для оправдания своих убийств, — пояснила Кайя. — Однако эти люди неосознанно, но активно ищут способ возложить вину на себя. Вот, например, ты сейчас считаешь, будто виноват в…

— Слушай, давай закроем эту тему, — перебил ее Харри.

— …в том, что Ракель мертва.

В гостиной стало тихо. Харри смотрел в никуда, непрерывно моргая.

Кайя сглотнула.

— Прошу прощения, я, кажется, допустила бестактность. На самом деле я вовсе не хотела, чтобы это так прозвучало.

— Ты права, — сказал Харри. — Одна маленькая поправка: я вовсе не ищу способ возложить на себя вину. Я действительно виноват в том, что произошло. Если бы я не убил сына Свейна Финне…

— Ты просто делал свою работу.

— …то Ракель была бы жива.

— Я знаю хороших врачей, специализирующихся на ПТСР. Тебе нужна помощь, Харри.

— Да. Помощь в поимке Финне.

— Твоя самая большая проблема не в этом.

— Ошибаешься, именно в этом.

Кайя вздохнула:

— Сколько времени ты искал его сына?

— Кто считает годы? Главное, что в конце концов я нашел его.

— Никто не поймает Финне: он подобен бесплотному неуловимому духу.

Харри вопросительно взглянул на собеседницу.

— До перехода в отдел убийств я работала в отделе нравов, — пояснила Кайя. — Я читала рапорты о Свейне Финне, это было обязательно.

— Значит, говоришь, бесплотный неуловимый дух? Так-так…

— Что?

— Спасибо тебе за душ и за чай. — Харри поднялся. — И за подсказку.

— За какую еще подсказку?

Старик не отрывая взгляда смотрел на синее платье, струящееся и развевающееся в речной воде. Для мух-однодневок жизнь — это танцевальное представление. Ты стоишь в комнате, пропахшей тестостероном и духами, притопываешь в такт музыке и улыбаешься самой красивой девушке, потому что считаешь: она предназначена тебе. До тех пор, пока ты не пригласишь ее, а она не откажется, глядя тебе за спину в ожидании

другого. Потом, когда ты склеишь куски разбитого сердца и перенастроишь свои ожидания, ты пригласишь на танец следующую по красоте девушку. А потом третью. И так, пока не дойдешь до той, которая скажет тебе «да». И если тебе повезет и вы окажетесь хорошей парой, ты пригласишь ее на следующий танец. И еще на один. Ну а потом вечер закончится и ты спросишь, не хочет ли она разделить с тобой вечность.

«Я согласна, любимый, но мы ведь мухи-однодневки», — говорит она и умирает.

А потом наступает ночь, настоящая ночь, и все, что у тебя остается, — это воспоминания, манящее синее платье и надежда, что до того момента, когда ты сможешь уплыть за нею, осталось не больше суток. И только синее платье позволяет тебе мечтать о том, что однажды ты снова будешь танцевать.

— Мне нужна фотоловушка. — Глубокий хриплый голос донесся со стороны прилавка.

Старик повернулся. Там стоял высокий мужчина, широкоплечий, но худой.

— У нас есть несколько моделей… — сказал Альф.

— Я знаю, некоторое время назад я уже купил у вас фотоловушку. Но теперь мне нужна самая

навороченная. Та, что отправляет сообщение на мобильный, как только кто-нибудь попадет в зону видимости. И чтобы ее можно было спрятать.

— Понял. Сейчас принесу то, что может вам подойти.

Зять удалился в направлении полки с фотоловушками, а высокий мужчина повернулся и встретился взглядом со стариком. Старик вспомнил это лицо не только потому, что раньше видел его в магазине, но и потому, что в прошлый раз не смог определить, кому принадлежит этот взгляд — жвачному животному или хищнику. Странно, потому что сейчас сомнений не осталось. Мужчина был хищником. Но в этом взгляде сквозило и кое-что еще, нечто очень знакомое. Старик напряг зрение. Альф вернулся, и высокий покупатель вновь встал лицом к прилавку.

— Когда эта ловушка засечет движение перед объективом, она автоматически сделает снимок и немедленно отправит его на номер телефона, который нужно предварительно ввести…

— Спасибо, я возьму ее.

Когда высокий мужчина вышел из магазина, старик опять перевел взгляд на телеэкран. Однажды все эти синие платья порвутся на мелкие кусочки и уплывут, а воспоминания отпустят

и исчезнут. Он каждый день видел шрам, знаменующий потерю и покорность судьбе, на собственном отражении в зеркале. Вот что он узнал во взгляде этого человека. Потерю. Но не покорность, нет, до этого пока еще не дошло.

Харри слушал хруст гравия под сапогами и думал, что чем старше становится человек, тем чаще он бывает на кладбищах. Знакомится с будущими соседями в месте, где ему предстоит провести вечность. Он остановился у маленького черного камня, опустился на корточки, вырыл в снегу ямку и поставил в нее горшочек с белыми лилиями. Он уплотнил снег по бокам от горшочка и поправил стебли цветов. Харри сделал шаг назад и удостоверился, что все выглядит как надо. Он поднял взгляд и осмотрел шеренги надгробий. Если существует правило, согласно которому человека следует хоронить как можно ближе к месту его проживания, то Харри будет почивать где-нибудь здесь, а не рядом с Ракелью, покоящейся на кладбище при церкви Воксен. От своей квартиры до этого места Харри дошел за семь минут; если бы он бежал, то успел бы за три с половиной — он засек время. По закону всего через двадцать лет в могилу можно подзахоронить еще один гроб. Так что, если судьбе будет

угодно, они с Ракелью могут воссоединиться в смерти. Волна озноба прокатилась по его телу, и Харри закутался в куртку. Он посмотрел на часы, а потом быстро зашагал к выходу.

— Как дела?

— Нормально, — сказал Олег.

— Нормально?

— То получше, то похуже.

— Ясно. — Харри плотнее прижал телефон к уху, как будто хотел сократить расстояние между ними, между своей квартирой на улице Софиес-гате, где Брюс Спрингстин в вечернем мраке протяжно пел «Stray Bullet», и находящимся в двух тысячах километрах отсюда домом Олега, из окна которого открывался вид на военный аэродром и на залив Порсангер-фьорд. — Я звоню, чтобы попросить тебя соблюдать осторожность.

— Осторожность?

Харри рассказал ему о Свейне Финне.

— Если Финне мстит мне за то, что я убил его сына, то ты тоже можешь оказаться в опасности.

— Я приеду в Осло, — решительно заявил Олег.

— Нет!

— Как это — нет? Если этот мерзавец убил маму, то я что же, по-твоему, буду сидеть здесь и…

— Во-первых, отдел убийств и близко не под-

пустит тебя к расследованию. Подумай, какие доводы адвокат может выдвинуть против следствия, в котором ты, сын жертвы, принимал непосредственное участие. Во-вторых, вероятно, Финне выбрал твою мать, а не тебя, потому что ты находишься вдали от его охотничьих угодий.

— Я приеду.

— Послушай, Олег! Если он придет за тобой, я хочу, чтобы ты оставался там, где сейчас находишься, по двум причинам. Во-первых, он не поедет две тысячи километров на машине, а значит, полетит на самолете и прибудет в маленький аэропорт, сотрудникам которого ты заблаговременно раздашь его фотографии. В любом случае Свейн Финне не тот человек, который может легко затеряться в маленьком городке. Если ты будешь на месте, у нас повышаются шансы поймать убийцу. Ясно?

— Да, но…

— Причина номер два. Представь себе, что тебя *не будет* там в тот момент, когда Финне приедет и застанет Хельгу дома одну.

Молчание. Только Спрингстин и пианино.

Олег кашлянул.

— Ты же будешь постоянно держать меня в курсе событий?

— Ну конечно. Значит, договорились?

После того как они закончили разговор, Харри сидел и смотрел на телефон, лежащий на журнальном столике. А Брюс Спрингстин по прозвищу Босс запел следующую песню, которая также не вошла в альбом «The River», — «The Man Who Got Away»[26].

Ну уж нет, черт возьми! В этот раз Финне от него не сбежит.

Телефон был холодным и безжизненным.

В половине двенадцатого Харри не выдержал.

Он натянул сапоги, взял телефон и вышел в коридор. Ключей от машины на комоде, куда он обычно их клал, не было. Обшарив карманы всех брюк и курток, он наконец обнаружил их в окровавленных джинсах, лежавших в корзине с грязным бельем. Харри отыскал «форд-эскорт», уселся в машину, отрегулировал водительское сиденье, повернул ключ в замке зажигания и автоматически протянул руку к радио, но передумал. Его приемник был настроен на «StoneHardFM», потому что на этой станции не разговаривали, а только круглые сутки играли безмозглый обезболивающий хард-рок, но сей-

---

[26] Примечания: 26
«Человек, который сбежал» *(англ.)*.

час ему не требовалась анестезия. Харри хотел испытывать боль. И он поехал в тишине по сонным ночным улицам центра Осло, потом вверх по холмам, где дорога, извиваясь, проходила мимо Морской академии и бежала дальше, в Норстранн. Он съехал на обочину, достал из бардачка карманный фонарик, вышел из машины и посмотрел на купающийся в лунном свете Ослофьорд. Он был черным и блестел, как медь, там, где уходил на юго-запад, в сторону Драммена и открытого моря. Харри достал из багажника фомку и постоял некоторое время, изучая ее. Что-то не укладывалось в общую картину, у него вроде как мелькнула какая-то мимолетная мысль, но тут же ускользнула. Он укусил протез на пальце и вздрогнул, когда зубы соприкоснулись с титаном. Но это не помогло: мысль исчезла, как сон, безвозвратно уплывающий из объятий памяти.

Харри прошел к краю холма и направился по снегу к старым немецким бункерам, куда он, Эйстейн и Треска обычно приезжали, чтобы напиться втроем, пока их ровесники отмечали окончание учебного года, День Конституции, Ночь святого Ханса, или что они еще там праздновали.

После фоторепортажа, появившегося в одной

из столичных газет, местные власти повесили замки на двери бункеров. Дело не в том, что ответственные сотрудники администрации не знали, что ими пользуются наркоманы и проститутки, да и фото тоже было отнюдь не первым: газеты и раньше публиковали снимки молодых людей, вкалывающих героин в израненные руки, и иностранок в вульгарных костюмах на дырявых матрасах. Общественность заставила встрепенуться всего лишь одна фотография. Она даже не была слишком жестокой. На матрасе сидел молодой парень, рядом с ним лежали наркотик и шприц. Он смотрел прямо в объектив камеры взглядом усталой собаки. Шок вызывало то, что он выглядел как совершенно обычный молодой норвежец: голубоглазый, в свитере с национальным узором, с коротко подстриженными, ухоженными волосами. Такая фотография вполне могла быть сделана во время пасхальных каникул на семейной даче. На следующий день местные власти повесили замки на все двери и расклеили объявления о наказании за проникновение внутрь и о том, что бункеры будут регулярно патрулироваться. Харри знал, что последнее было пустой угрозой: у начальника полиции не было лишних людей и средств, чтобы

этим заниматься.

Харри вставил фомку в щель.

Замок поддался только после того, как он навалился на фомку всем телом.

Харри вошел внутрь. Тишину нарушало лишь эхо от капающей где-то вдалеке воды: у Харри этот звук ассоциировался с пульсацией сонара на подводной лодке. Треска рассказывал, что загрузил из Интернета такой трек, поставил его на повтор и использовал в качестве снотворного. Ощущение нахождения под водой дарило ему покой.

В ударившей в нос вони Харри смог различить только три составляющие: мочу, бензин и мокрый бетон. Он включил фонарик и двинулся вперед. Луч света отыскал деревянную скамейку, которую наверняка украли в одном из ближайших парков, и черный от влаги и плесени матрас. Перед горизонтальной бойницей, выходящей на залив, были прибиты деревянные доски.

Как он и думал, место было идеальным.

И он не смог удержаться.

Харри выключил фонарик.

Он закрыл глаза. Ему хотелось заранее почувствовать это.

Он попытался представить, что будет, но виде-

ния не приходили.

Почему? Возможно, ему надо подкормить свою ненависть.

Он подумал о Ракели. Вообразил Ракель на полу в гостиной и склонившегося над ней Свейна Финне. Подкормить ненависть.

И видение пришло.

Харри закричал во мраке и открыл глаза.

Что, черт возьми, случилось, почему его мозг создает такие странные картинки? Он увидел себя самого, всего окровавленного.

Свейн Финне проснулся от треска сломанной ветки.

Он сразу полностью пробудился и стал вглядываться во мрак под потолком своей двухместной палатки.

Неужели его нашли? Здесь, вдалеке от жилья, в густом хвойном лесу, на абсолютно непроходимой территории, по которой даже собакам пробраться непросто?

Он прислушался и попробовал определить источник звука. Фырчание. Это не человек. Тяжелый топот по лесному грунту. Настолько тяжелый, что чувствовалась легкая вибрация земли.

Это большой зверь. Может быть, лось. Когда

Свейн Финне был молодым, он постоянно убегал в лес, прихватив с собой палатку, и ночевал в долинах Мариедален или Сёркедален. Окрестности Осло были обширными и дарили свободу и приют парнишке, который частенько попадал в беду, не слишком хорошо уживался с другими людьми: все они, казалось, либо чурались его, либо хотели прогнать. Окружающие сплошь и рядом реагируют подобным образом, когда чего-нибудь боятся. Свейн Финне не понимал, откуда люди могли узнать правду. Он ведь так тщательно все скрывал. Только нескольким он явил себя, дал знать, кто он на самом деле. И неудивительно, что эти избранные пугались. Финне чувствовал себя дома здесь, в лесу, среди зверей, а не в городе, который находился всего в двух часах ходьбы отсюда. Рядом с домами обитает гораздо больше разных зверей, чем думают жители Осло. Косули, зайцы, куницы. Конечно же, лисы — они прекрасно существуют, питаясь отходами. Изредка встречаются лоси. Лунными ночами он видел, как по другому берегу озера крадется рысь. И еще, разумеется, птицы. Скопы. Серая неясыть и мохноногий сыч. Что-то ему редко стали попадаться ястребы-тетеревятники и перепелятники, которых здесь во времена его

детства было полным-полно. А вот сарыч парил там, в вышине, между верхушками елей над ним. Лось подошел ближе. Треск веток прекратился. Странно: обычно лось ломает ветки. К ткани палатки прислонился нос, который принюхивался и ходил вверх-вниз. Хищник, учуявший добычу. Тот, кто посреди ночи отправился на охоту. Это не лось.

Финне перевернулся в спальнике, схватил карманный фонарик и ударил им незваного гостя по носу. Нос отлип от внешней стороны палатки, и Свейн услышал снаружи низкое урчание. Но вот нос вернулся, и на этот раз прижался к палатке так сильно, что, когда Финне стал снова бить, он хорошо его разглядел и узнал очертания большой головы и пасти. Огромные когти начали драть палатку, раздался звук рвущейся ткани. Двигаясь со скоростью молнии, Финне схватил ножны с ножом, которые всегда лежали на подстилке рядом с ним, расстегнул застежку на палатке и выкатился наружу, не поворачиваясь спиной к зверю. Он разбил лагерь на свободной от снега площадке размером в пару квадратных метров, на склоне у большого камня, разделявшего ручеек талой воды таким образом, что он обтекал палатку с двух сторон. Сейчас Финне голышом

катился по склону. Он не чувствовал боли, когда сучья и камни царапали его кожу, только слышал треск веток под лапами гнавшегося за ним медведя. У хищника, сообразившего, что дичь сбежала, включился охотничий инстинкт, а Свейн Финне знал, что человек не в состоянии убежать от медведя, по крайней мере на такой местности. Бытовало весьма распространенное заблуждение, что при встрече с медведем лучше всего лечь на землю и притвориться мертвым. Сам он ни разу не проверял данный способ на практике, но был уверен, что с медведем, который только что вышел из спячки и отчаянно голоден, этот номер не пройдет. Он и настоящий-то труп сожрет за милую душу. Нет, тут надо действовать иначе. Свейн Финне добежал до конца склона, споткнулся и упал, прислонился спиной к толстому стволу дерева и снова поднялся. Он включил фонарик и направил его в сторону приближавшегося хищника. Зверь резко остановился, когда в глаза ему ударил свет. Ослепленный, он встал на задние лапы и замахал передними. Перед Свейном был бурый медведь высотой около двух метров. Это еще не самый крупный экземпляр, подумал Финне, сжал зубы и вынул нож пуукко. Его дедушка утверждал, что последнего медве-

дя в окрестностях Осло завалили в буреломе в местечке Грённволлиа, около Опкювена, в 1882 году. Его убил лесник Хельсос, и тот медведь был около двух с половиной метров ростом.

Медведь опустился на все четыре лапы. Луч света метался вверх-вниз и крутился вокруг него. Зверь фырчал, мотая головой из стороны в сторону: смотрел то в лес, то на фонарь, как будто не мог принять решение.

Финне держал нож перед собой.

— Еду надо заработать, косолапый! Что, слабоват сегодня?

Медведь зарычал, будто от отчаяния, а Финне рассмеялся так громко, что смех его эхом разнесся над обрывом.

— Мой прадед сожрал твоего еще в прошлом веке! — кричал Финне. — Говорят, на вкус он был не очень, даже со специями! Но я бы все равно не отказался попробовать кусочек тебя, косолапый, так что давай подходи! Ну же, иди сюда, зверюга тупорылый!

Финне сделал шаг по направлению к медведю, который слегка попятился, перенося тяжесть тела с одной лапы на другую. Казалось, он растерялся и понурился.

— Я-то знаю, каково это, — сказал Финне. — Ты

был в заключении целую вечность, а потом внезапно вышел на свободу. Но здесь слишком много света и слишком мало еды, а ты совсем один. Не потому, что тебя выгнали из стаи, просто ты — не один из многих, ты — не стадное животное, так что это ты выгнал их. — Финне сделал еще один шаг вперед. — Но это не значит, что ты не можешь испытывать одиночества, так ведь? Хочешь дельный совет? Сей свое семя, косолапый, делай подобных себе, тех, кто будет тебя понимать. Кто станет почитать своего родителя. Хо-хо! Уходи отсюда, в Сёркедалене нет медведиц. Уходи, это мои угодья, бедный голодный медведь! Здесь ты сможешь найти только одиночество.

Зверь сделал движение передними лапами, как будто снова хотел подняться на задние, но у него не вышло.

Теперь Финне видел: медведь стар. И возможно, болен. А еще Финне учуял явственный запах — запах страха. Зверя напугало не маленькое существо, стоявшее перед ним на двух ногах, а то, что это существо не источало тот же запах, что и хищники. Оно было лишено страха. Сумасшедший человек. Готовый на что угодно.

— Ну что, старпер косолапый?

Медведь оскалился, обнажив ряд желтых зу-

бов.

А потом он развернулся и пошел прочь, и тьма поглотила его.

Свейн Финне стоял и слушал, как треск веток раздается все дальше и дальше. Медведь непременно вернется. Когда проголодается еще сильнее или когда найдет пищу и накопит больше сил для того, чтобы отвоевать территорию. Завтра Финне надо начать поиски еще менее доступного места, возможно — укрытия со стенами, которые удержат хищника снаружи. Но сначала надо сходить в город и купить капкан. И навестить могилу Валентина. Побывать в стаде.

Катрина никак не могла заснуть.

Ничего, главное, что малыш в своей кроватке у окна безмятежно спал, а остальное было не так уж важно.

Она повернулась на супружеском ложе и посмотрела на бледное лицо Бьёрна. Глаза мужа были закрыты, но он не храпел, и это означало, что Бьёрн тоже не спит. Она изучала его. Тонкие красноватые веки с проступающими сосудами, светлые брови, белая светящаяся кожа. Казалось, он проглотил включенную лампочку, которая раздулась и сияла внутри его. Многие удивились, когда Катрина вышла за Бьёрна. Конечно, никто

ничего не спрашивал напрямую, но она читала на лицах окружающих вопрос: что заставило красивую, материально независимую женщину выбрать не слишком привлекательного и небогатого мужчину? Одна дамочка-депутат из Комитета по правопорядку однажды во время какого-то приема для «женщин, занимающих ответственные посты» даже отвела ее в сторону и одобрительно сказала: мол, это просто замечательно, что Братт вышла замуж за коллегу-мужчину ниже себя по статусу. Катрина ответила, что Бьёрн Хольм чертовски хорош в постели, и спросила политика, не стыдится ли она немного того, что состояла в браке с высокопоставленным мужчиной, который зарабатывал больше ее, и какова, по ее мнению, вероятность того, что следующий супруг будет ниже ее по статусу? Катрина понятия не имела, за кем ее собеседница была замужем, но по выражению лица мадам поняла, что более или менее попала в цель. Вообще-то, она ненавидела такие «мероприятия для женщин», но не потому, что была противницей феминизма или не понимала необходимости борьбы за истинное равноправие. Просто Катрина не могла из-под палки проявлять сестринскую солидарность и не выносила эмоциональной

риторики. Иногда ей хотелось попросить ораторов заткнуться и поинтересоваться, не могут ли они ограничиться требованием предоставления равных возможностей и одинаковой зарплаты за выполнение одинаковой работы. Конечно, время для изменения общественных взглядов уже настало, и не только в отношении прямых сексуальных домогательств, но и касательно более завуалированного и во многих случаях неосознанного сексуального подтекста в действиях мужчин. Но эти вопросы не должны стоять во главе повестки дня и отвлекать внимание от того, что на самом деле подразумевает равноправие. Женщины вновь обманывают самих себя, отдавая приоритет оскорбленным чувствам, а не размеру заработной платы. Но ведь только более высокие зарплаты, дающие больше экономической независимости, могут сделать их действительно неуязвимыми. А вообще, все это так индивидуально, у каждого человека своя история. Сама Катрина, например, пришла к Бьёрну, когда была совсем слабой и уязвимой, когда ей требовался человек, который любил бы ее без всяких условий. И теперь этот добродушный криминалист-тутенец, немного полноватый и неуклюжий, но такой милый и порядочный, не

веря своей удаче, почти жертвенно преклонялся перед своей королевой. Катрина пообещала себе, что не будет злоупотреблять его отношением, она слишком часто видела, как мужчины и женщины превращались в сущих троллей просто потому, что партнеры позволяли им это сделать. И она старалась. Очень старалась.

Однако, когда дело доходит до настоящей проверки — появления третьего человека, ребенка, — мигом включается материнский инстинкт и внимание к мужу неизбежно ослабевает.

Третий человек. Тот, кого любишь больше, чем партнера.

Правда, в случае Катрины третий человек был с ними все это время.

Вернее, это было только один раз. Всего один раз она лежала вот так же, в этой самой кровати, и слушала его дыхание, в то время как окна комнаты содрогались под порывами осеннего ветра, стены трещали, а ее мир погружался в пучину. Этот мужчина принадлежал другой, а Катрина лишь ненадолго украла его. Однако она так долго мечтала заполучить его, что была согласна на все. Сожалела ли она о том приступе сумасшествия? Да. Ну конечно же сожалела. Был ли тот миг самым счастливым в ее жизни? Нет.

Она пребывала в отчаянии и каком-то странном оцепенении. Можно ли было избежать того, что случилось? Никак нельзя, от судьбы не уйдешь.

— О чем ты думаешь? — прошептал Бьёрн.

Что, если бы она рассказала правду? Может, признаться ему во всем?

— О расследовании, — соврала Катрина.

— Серьезно?

— Как могло случиться, что вы совершенно ничего не нашли на месте преступления?

— Я ведь уже объяснял: преступник тщательно подчистил следы. Ты и правда думаешь о расследовании или… о чем-то другом?

В темноте Катрина не видела выражения его глаз, но хорошо слышала голос мужа. Он всегда знал о том, третьем человеке. Катрина полностью доверилась Бьёрну в то время, когда он был всего лишь другом, когда сама она только что поступила на работу в Полицейское управление Осло и по глупости безнадежно влюбилась в Харри. Это было очень давно. Но она никогда не рассказывала Бьёрну о той ночи.

— Супружеская пара, проживающая в Хольменколлене, в ночь убийства приехала домой на машине, — сказала Катрина. — Без четверти двенадцать они заметили идущего вниз по склону

взрослого мужчину.

— Совпадает с предполагаемым временем совершения убийства, между десятью вечера и двумя часами ночи, — ответил Бьёрн.

— Взрослые трезвые мужчины в Хольменколлене ездят на машинах. Последний автобус уже ушел, и мы проверили камеры наблюдения на станции метро «Хольменколлен». В тридцать пять минут двенадцатого подошел трамвай, но из него вышла только одна женщина. Что пешеход делал так поздно ночью на улице? Если он на своих двоих проделал весь путь от какого-нибудь бара в городе, то он шел бы вверх по склону, а если бы собирался в город, то отправился бы к метро, согласен? Если только, конечно, он не старался избегать камер наблюдения.

— Мужчина, идущий по улице. Как-то маловато, не находишь? Они дали его описание?

— Все как обычно. Среднего роста, возраст от двадцати пяти до шестидесяти, национальная принадлежность неизвестна, но кожа, по крайней мере, не слишком темная.

— Слушай, а почему ты зациклилась на этом мужчине?

— Потому что это пока единственная зацепка, которая у нас есть.

— А у соседки ничего разузнать не удалось?

— Фру Сивертсен? Окно в ее спальне было открыто. Но она утверждает, что всю ночь проспала сном младенца.

И тут, оцените иронию ситуации, со стороны детской кроватки раздалось предупредительное всхлипывание. Они посмотрели друг на друга и чуть не рассмеялись.

Катрина отвернулась и прижалась ухом к подушке, но не смогла заглушить еще два всхлипывания. Затем воцарилась недолгая пауза, обычно возникающая перед началом воя сирены. Она почувствовала, как прогнулся матрас, когда Бьёрн вскочил с кровати.

Сама она сейчас не думала о ребенке. Не думала о Харри. И о расследовании тоже не думала. Катрине хотелось спать. Она отчаянно нуждалась в глубоком сне, когда отключаются оба полушария мозга.

Кайя провела рукой по твердой шершавой рукоятке пистолета. Она выключила все источники звука в гостиной и теперь вслушивалась в тишину. Он был снаружи, она чувствовала это. Кайя раздобыла пистолет сразу после того, что случилось в Кабуле с Халой.

В общежитии, рассчитанном на двадцать три

человека, проживало девять женщин, в том числе Хала и Кайя. Большинство из них работали в Красном Кресте, некоторые занимали гражданские должности в миротворческих силах. Хала была удивительной женщиной с удивительной историей, но главное ее отличие от прочих обитателей дома заключалось в том, что она была не иностранкой, а афганкой. Их общежитие располагалось недалеко от гостиницы «Кабул Серена» и президентского дворца. После теракта, устроенного талибаном в 2008 году в «Серене», стало ясно, что ни один район Кабула не может считаться безопасным. Но все относительно, и они чувствовали себя в безопасности за высоким забором под защитой охранников. По вечерам Хала с Кайей выходили на плоскую крышу и запускали змея, которого купили на местном базаре за пару долларов. Кайе казалось, что это типичная романтическая сцена из бестселлера, — змей в небе над Кабулом был символом освобождения города от режима талибов, при котором в девяностые годы запуск воздушных змеев был запрещен, потому что это занятие отвлекает внимание от молитв. Но по выходным в небо поднимались сотни, да что там — тысячи воздушных змеев. И по словам Халы, расцветки этих змеев сейчас стали еще яр-

че, чем в былые времена, благодаря появившейся на рынке новой краске. Подруга объяснила Кайе, как им следовало взаимодействовать во время запуска: одна управляет змеем, другая следит за веревкой, иначе не избежать столкновения с другими змеями, которые стремились напасть и перерезать их веревку или же самого змея своими веревками в тех местах, где он был склеен. Ну да, в этом нетрудно было усмотреть параллель с миссией, которую Запад добровольно возложил на себя в Афганистане, но, с другой стороны, это была просто игра. Если один змей терялся, они просто-напросто запускали другого. Множество воздушных змеев в небе над Кабулом — воистину впечатляющее зрелище, но еще красивее был свет в прекрасных глазах Халы, появлявшийся, когда она смотрела на эту картину.

А потом как-то вечером ее подруга не вернулась домой. Кайя очень беспокоилась, не могла уснуть и вот, когда уже перевалило за полночь, услышала вой сирен и увидела из окна гостиной синий свет мигалок полицейских машин. Она оделась и вышла на улицу. Полицейские автомобили припарковались в переулке. Оградительную ленту не натянули, и вокруг уже начали собираться любопытные — молодые афганские

мужчины в поддельных кожаных куртках от «Гуччи» и «Армани»: в это время суток на улицах находились в основном они. Сколько мест преступлений Кайя повидала, когда работала в отделе по расследованию убийств? Но она до сих пор не могла отогнать кошмарные видения той ночи. Нож, которым воспользовались убийцы, проделал большие прорехи в шальвар-камизе Халы, и через них просвечивало ее тело, а голова откинулась назад под неестественным углом, как будто шея сломалась, так что рана на вспоротом горле открылась и Кайя видела розовые, уже высохшие внутренности. Когда она склонилась над трупом, из раны, словно джинн из лампы, вылетел рой черных мух, от которых она принялась отчаянно отмахиваться.

Вскрытие показало, что непосредственно перед убийством у Халы был половой контакт, и хотя эксперты не исключали того, что она вступила в него добровольно, это вызывало большие сомнения. Ведь Хала была одинокой девушкой, воспитанной в семье хазарейцев и придерживавшейся строгих религиозных правил. Скорее всего, ее изнасиловали. Полиция так и не нашла преступника или преступников. Вообще-то, считалось, что на улицах Кабула вероятность

попасть в руки насильника намного меньше, чем подорваться на самодельном взрывном устройстве. Правда, после падения режима талибана количество изнасилований увеличилось, однако у полиции имелась теория, согласно которой за этим стояли талибы, которые пытались таким образом показать, что ожидает афганских женщин, работающих на МССБ, «Решительную поддержку» и другие западные организации. Конечно, то, что произошло с Халой, напугало всех женщин в общежитии. И тогда Кайя обучила их обращаться с оружием. И этот пистолет, передававшийся из рук в руки как эстафетная палочка, когда кому-то из них требовалось выйти по делам после наступления темноты, удивительным образом связал соседок и превратил в единую команду. В команду воздушного змея.

Кайя взвесила пистолет в руке. Когда она работала в полиции, то, держа в руках заряженное боевое оружие, испытывала смешанное чувство ужаса и защищенности. В Афганистане она стала рассматривать пистолет в качестве необходимого инструмента, наличие которого ценишь весьма высоко. Все равно как нож. Пользоваться им ее научил Антон. И еще он объяснил Кайе, что сотрудники Красного Креста, по крайней мере

его подчиненные, должны уметь защищать свою собственную жизнь, и если придется, то и ценой убийства. Она помнила, что при первой встрече с Антоном подумала, что этот утонченный, почти жеманный и слишком красивый швейцарец, высокий и белокурый, уж точно не для нее. И ошиблась. Или же оказалась права — это как посмотреть. Однако что касается убийства Халы, то тут она однозначно не заблуждалась.

За ним стоял вовсе не талибан.

Она знала, кто это сделал, но, увы, не имела доказательств.

Кайя крепче сжала рукоятку, прислушалась, глубоко вдохнула. Подождала не шевелясь. И вот что удивительно: хотя сердце ее бешено колотилось, сама она оставалась совершенно безразличной. Да, Кайя боялась смерти, однако не испытывала особенного желания жить. И все-таки она сделала это на разборе полетов во время обязательной остановки у психолога в Таллине по дороге домой: благополучно проплыла мимо радара.

Глава 20

Харри очнулся, ничего вокруг не изменилось. Прошла пара секунд, прежде чем он все вспомнил и понял, что это не было кошмарным сном, и кулак реальности угодил ему в солнечное сплетение. Он повернулся на бок и посмотрел на фотографию, что стояла на столе. Улыбающиеся Ракель, Олег и он сам сидят на валуне, а вокруг опавшие осенние листья. Снимок был сделан во время одной из тех прогулок, которые так любила Ракель и которые, как подозревал Харри, начинали нравиться и ему тоже. И впервые его посетила мысль: если это начало дня, который будет становиться все хуже и хуже, сколько еще таких дней он вынесет? Он уже собрался было дать самому себе ответ, когда осознал, что его разбудил вовсе не звонок будильника. Телефон, лежавший рядом с фотографией, безостановочно вибрировал, напоминая крылышки колибри. Харри схватил мобильник.

Ему пришла эсэмэска: фотоловушка сработала.

Сердце Харри бешено заколотилось.

Он дважды стукнул указательным пальцем по стеклу, и сердце его замерло.

Свейн «Жених» Финне стоял, склонив голову перед объективом камеры и глядя чуть выше. Небо над его головой было красноватым.

Харри пулей выскочил из кровати и напялил брюки, которые лежали на полу. По дороге к двери он натянул на себя футболку, схватил куртку, надел сапоги и выскочил на лестницу. На ходу засунул руки в карманы куртки и нащупал все вещи, которые положил туда вчера вечером: ключи от машины, наручники и пистолет.

Он вышел из подъезда, втянул в себя холодный утренний воздух и уселся в «форд-эскорт», припаркованный у края тротуара. Вообще-то, добежать до кладбища можно за три с половиной минуты. Но машина была нужна ему для осуществления второй части плана. Харри тихо выругался, когда двигатель не завелся с первого раза. Похоже, следующий техосмотр станет для его «форда» последним. Он еще раз повернул ключ в замке зажигания и нажал на педаль газа. Есть! Харри рванул по мокрой брусчатке тихой в эти утренние часы улицы Стенсберггата. Сколько времени люди проводят у могилы? Он проскочил перед начавшей скапливаться утренней пробкой на улице Уллеволсвейен и припарковался у тротуара на улице Акерсбаккен, прямо напротив

северных ворот кладбища Спасителя. Машину он не запер и оставил на аварийной стоянке, положив на торпеду свое полицейское удостоверение.

Харри побежал было, но остановился сразу за воротами кладбища, потому что отсюда, с вершины холма, на котором оно располагалось, сразу увидел одинокую фигуру перед могильным камнем. Человек склонил голову, а на его спине лежала индейская косичка, длинная и толстая.

Харри сжал рукоятку пистолета в кармане куртки и зашагал вперед. Он двигался в обычном темпе: ни быстро, ни медленно. И остановился в трех метрах от стоявшего к нему спиной мужчины.

— Что тебе надо?

Уже один звук этого голоса заставил Харри содрогнуться. В последний раз он слышал этот скрипучий, раскатистый голос проповедника, когда, навестив Финне в тюремной камере, обратился к нему с просьбой оказать полиции содействие в поимке вампириста — того самого человека, что лежал сейчас в могиле перед ними. В тот момент Харри даже не подозревал, что Валентин Йертсен — родной сын Свейна Финне. Впоследствии он думал, что ему следовало бы

знать об этом, следовало бы догадаться, что такие больные жестокие фантазии каким-то образом должны происходить из одного источника.

— Свейн Финне, — сказал Харри, отметив, что его хриплый голос задрожал, — ты арестован.

Он не слышал смеха Финне, только заметил, как у того легонько затряслись плечи.

— Ты всегда говоришь это при встрече со мной, Холе.

— Руки за спину!

Финне тяжело вздохнул и небрежным движением завел руки за спину, как будто от этого ему стало удобнее стоять.

— Я надену на тебя наручники. И прежде чем ты решишь совершить какую-нибудь глупость, вспомни, что дуло моего пистолета направлено тебе прямо в копчик.

— Ты хочешь выстрелить мне в копчик, Холе? — Финне повернул голову и ухмыльнулся. Дерзкий взгляд карих глаз. Толстые влажные губы. Харри дышал через нос. Остыть. Ему надо остыть, не думать о Ракели. Думать о том, что он должен сделать, только об этом. О простых практических вещах. — Потому что считаешь, будто бы я больше боюсь стать парализованным, чем умереть?

Харри сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь.

— Потому что хочу получить твое признание *до* того, как ты сдохнешь.

— Именно так ты выбил признание из моего мальчика? А *потом* застрелил его?

— Я был вынужден застрелить Йертсена, потому что он сопротивлялся аресту.

— Да, полагаю, тебе хочется вспоминать об этом именно в таком ключе. Как, наверное, и о том случае, когда ты стрелял в меня.

Харри посмотрел на дырявую ладонь Свейна Финне: она походила на гору Торгхаттен, в которой имелось отверстие, через которое можно было увидеть солнечный свет[27]. Отверстие в ладони Финне проделала пуля, которую Харри на заре своей полицейской карьеры выпустил во время задержания. Но сейчас его внимание привлекла другая рука Свейна. Серый ремешок часов на запястье. Не опуская пистолета, Харри схватил запястье Финне свободной рукой, повернул его и нажал на циферблат. На нем загорелись красные цифры, сообщавшие дату и время.

Щелчок наручников прозвучал на пустом клад-

---

[27] Примечания: 27

Гора Торгхаттен, расположенная на острове Тургет, знаменита природным туннелем, находящимся в ее центре. — *Примеч. ред.*

бище как влажный поцелуй.

Харри повернул ключ зажигания влево, и двигатель умер.

— Прекрасное утро, — произнес Финне, глядя в окно автомобиля на фьорд под ними. — Но почему мы не в Полицейском управлении?

— Я хочу дать тебе возможность выбирать, — ответил Харри. — Ты можешь чистосердечно мне во всем признаться, прямо здесь и сейчас, и мы поедем завтракать в теплой камере Полицейского управления. Или ты можешь отказаться, и тогда мы с тобой прокатимся в немецкий бункер.

— Хе-хе. А ты мне нравишься, Холе. Правда нравишься. То есть, конечно, я ненавижу тебя как полицейского, но личность ты прелюбопытная. — Свейн облизал губы. — Ну конечно я признаюсь. Она…

— Подожди, я включу диктофон, — сказал Харри, извлекая мобильник из кармана куртки.

— …добровольно на все согласилась. — Финне пожал плечами. — На самом деле я думаю, что ей даже понравилось больше, чем мне.

Харри сглотнул и на мгновение закрыл глаза.

— Ей *понравился* нож в животе?

— Нож? — Финне повернулся и посмотрел на собеседника. — Я прижал ее к забору прямо по-

зади того места, где ты меня арестовал. Конечно, я понимаю, что нарушил закон, запрещающий трахаться на кладбищах, но, учитывая желание дамочки продолжать, было бы справедливо взыскать половину штрафа с нее. А что, она действительно подала заявление в полицию? Наверное, раскаивается в своем безбожном поведении. Да, это меня бы не удивило. Не исключено, кстати, что она даже верит в свои объяснения, стыд может позволить человеку вытеснить воспоминания. Знаешь, у нас в тюрьме был психолог, который пытался объяснить мне кое-что о «компасе стыда» Натансона. Он говорил — мне настолько стыдно, что я, по вашему мнению, убил ту девушку, что мое подсознание просто-напросто вытеснило воспоминания о произошедшем. Вот и здесь то же самое: Дагни так стыдится своего желания, возникшего там, на кладбище, что ее память превратила случившееся в изнасилование. Знакомая картина, а, Холе?

Харри собирался ответить, но почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Стыд. Вытеснение.

Наручники звякнули, когда Финне наклонился вперед на своем сиденье:

— В любом случае ты ведь знаешь, как трудно

доказать вину в делах об изнасиловании, где имеется только одно слово против другого слова и нет ни свидетелей, ни улик. Меня освободят, Холе. Ты ведь знаешь, что единственный способ упрятать меня за решетку за изнасилование — это выбить из меня чистосердечное признание. Прости, Холе, но этого ты не дождешься. Однако я готов признать, что занимался сексом в общественном месте, так что у тебя, по крайней мере, есть основания наложить на меня штраф. Ну что, все еще хочешь угостить меня завтраком?

— Я сказал что-то не то? — рассмеялся Финне, пробираясь через талый снег.

Он упал на колени, и Харри поставил его на ноги и подтолкнул в сторону старых немецких бункеров.

Харри сидел на корточках возле деревянной скамейки. На полу перед собой он разложил все, что нашел, обыскивая Свейна Финне. Игральный кубик из сине-серого металла. Пара сотенных купюр и мелочь, но никаких билетов на трамвай или автобус. Нож в ножнах. У ножа были коричневая деревянная рукоятка и короткое лезвие. Острый. Мог ли он быть орудием убийства? Следов крови на ноже не заметно. Харри поднял

глаза. Он сломал одну из досок, закрывающих бойницу, чтобы внутрь попадало немного света. Случалось, по тропинке прямо перед бункером проносился какой-нибудь бегун, но такое бывало только после схода снега. Никто не услышит криков Свейна Финне.

— Красивый нож, — заметил Харри.

— Я коллекционирую ножи, — ответил Финне. — У меня было двадцать шесть штук, но вы все конфисковали, помнишь? Я так и не получил их обратно.

Свет низкого утреннего солнца падал на лицо Свейна Финне и на его обнаженный мускулистый торс. Не такой накачанный, как бывает у заключенных после многократного подъема тяжестей в тесных спортивных залах, а стройный, но хорошо тренированный. Тело балетного танцовщика, подумал Харри. Ему вспомнился Игги Поп. И, как и у Игги, на теле Финне не было ни татуировок, ни каких-либо других украшений. Абсолютно чистый торс. Финне сидел на деревянной скамейке, руки прикованы к ее спинке. Харри снял с него обувь, но позволил оставить брюки.

— Помню ножи, — кивнул Харри. — А кубик тебе для чего? Играешь в кости?

— Для принятия сложных решений в этой

жизни.

— Никак ты прочитал книгу Люка Райнхарта «Дайсмен, или Человек Жребия»? — удивился Харри.

— Я не читаю книг, Холе. Но ты можешь оставить кубик себе в качестве подарка от меня. Позволь судьбе решать, когда сам не можешь. И ты почувствуешь облегчение, поверь мне.

— Да неужели?

— Конечно. Представь себе, что у тебя есть желание кого-нибудь убить, но ты не можешь решиться. Значит, тебе нужна помощь. Помощь судьбы. И если кубик скажет, что ты должен убить, значит вина лежит на судьбе, рок *освобождает* тебя и твою волю, понимаешь? Все, что требуется, — это бросить кубик.

Прежде чем положить телефон на скамейку, Харри проверил, включена ли видеокамера. Он сделал вдох и поинтересовался:

— А ты бросал кубик, прежде чем убить Ракель Фёуке?

— Кто такая Ракель Фёуке?

— Моя жена, — пояснил Харри. — Убийство произошло десять дней тому назад, на кухне нашего дома на улице Хольменколлвейен.

Он увидел, как блеснули глаза Финне.

— Мои соболезнования.

— Хватит ломать комедию, давай рассказывай.

— А если не буду? — Финне зевнул, будто ему было очень скучно. — Что ты со мной сделаешь — принесешь автомобильный аккумулятор и приложишь его к моим яйцам?

— Аккумулятор в качестве пыточного инструмента — это миф, — заявил Харри. — Он не дает электричества.

— Откуда ты знаешь?

— Вчера вечером я читал в Интернете о методах пыток, — сказал Харри, соскребая острием ножа кожу на большом пальце. — Ведь это не боль как таковая заставляет людей сознаваться, а *страх* перед болью. Но ясное дело, страх должен быть обоснованным, надо попытаться убедить жертву, что боль, которую ему готовы причинить, ограничивается лишь фантазией пытающего. А уж чего-чего, Финне, но фантазии мне не занимать.

Свейн Финне облизал толстые мягкие губы.

— Понимаю. Тебе нужны подробности?

— Причем абсолютно все.

— Единственная подробность, которую я могу тебе сообщить: я этого не делал.

Харри сжал рукоятку ножа и ударил. Он почувствовал, как поддается носовой хрящ, ощутил

боль в костяшках пальцев и теплую кровь другого человека на тыльной стороне своей ладони. От боли глаза Финне наполнились слезами, а губы разомкнулись, обнажая в оскале большие желтые зубы.

— Все убивают, Холе. — Голос проповедника приобрел иное, более гнусавое звучание. — Ты, твои сослуживцы, твой сосед, но только не я. Я создаю новую жизнь; я чиню то, что вы ломаете. Я населяю мир своей плотью и кровью, людьми, которые желают добра. — Он покачал головой. — Я не понимаю, почему некоторые тратят время и силы на то, чтобы вырастить чужих детей. Взять, к примеру, хоть тебя и твоего приемного сына. Олег, кажется? Так зовут этого ублюдка? Может, все дело в том, что твое семя не имеет силы, Холе? Или ты недостаточно хорошо трахал Ракель, чтобы она понесла от тебя?

Харри ударил Свейна еще раз и попал в то же самое место. Он задумался: действительно ли этот неестественно отчетливый хруст исходит от носовой перегородки или же звучит только в его мозгу? Финне откинул голову назад и, торжествующе хохоча, произнес:

— Еще!

Харри сидел на полу, прислонившись спиной

к бетонной стене, слушая свое собственное свистящее дыхание, а также стоны и пыхтение, доносившиеся со стороны скамейки. Он намотал рубашку Финне на руку, и все же боль поведала ему, что кожа на костяшке как минимум одного пальца лопнула. Как долго они уже находятся здесь? Сколько времени это вообще займет? В Интернете на сайте, посвященном пыткам, было написано, что никто, абсолютно никто не может выносить их на протяжении длительного времени и поэтому человек расскажет все, что ты хочешь знать, или то, что, как ему *кажется*, ты хочешь знать. До сих пор Свейн Финне повторял только одно слово: «еще». И получал то, о чем просил.

— Нож. — Голос Финне сильно изменился. Харри поднял глаза и не узнал человека перед собой. Глаз не видно, лицо сплошь опухло, а снизу обрамлено красной бородой из капающей крови. — Человек всегда использует нож.

— Нож? — повторил Харри шепотом.

— Люди втыкали друг в друга ножи с каменного века, Холе. Страх укоренился в наших генах, мысль о том, что нечто пройдет сквозь твою кожу, окажется по другую ее сторону, уничтожит то, что находится внутри тебя, то, что является *тобой*,

просто невыносима. Стоит только показать им нож, и они сделают то, что пожелаешь.

— О ком ты говоришь? Кто сделает то, что пожелаешь?

Финне харкнул кровью на пол между ними.

— Все. Женщины, мужчины. Ты. Я. В Руанде тутси предлагали купить пули, чтобы их застрелили, а не изрубили мачете. И знаешь что? Они раскошеливались.

— Ладно, у меня есть нож, — сказал Харри, кивая на нож, лежавший между ними.

— И куда ты хочешь его воткнуть?

— Я думал воткнуть его туда же, куда ты всадил нож моей жене. В живот.

— Неумелый блеф, Холе. Если ты ударишь меня в живот, я не смогу говорить и до смерти истеку кровью еще до того, как ты получишь свое признание.

Харри не ответил.

— Или погоди. — Финне склонил набок свою окровавленную голову. — Уж не в том ли дело, что ты, начитавшись в Интернете о пытках, занимаешься этими глупостями, поскольку в глубине души совсем не хочешь получить мое признание? — Он принюхался. — Ага, вот оно что. Ты хочешь, чтобы я оказался крепким орешком и у

тебя появилось оправдание: дескать, тебе *придется* убить меня во имя торжества справедливости. Тебе требуется прелюдия к убийству. И тогда ты сможешь сказать самому себе, что ты старался и хотел совсем не этого. Что ты не такой, как те преступники, которые убивают просто потому, что им это нравится. — Смех Финне перешел в булькающий кашель. — Да, я соврал, я тоже убийца. Потому что убивать — это *замечательно*, правда же, Холе? Видеть, как ребенок является в мир, знать, что он — твое творение… О, это непередаваемое ощущение может затмить только одна вещь: отправить человека прочь из этого мира! Закончить чужую жизнь, стать чьей-то судьбой, чьим-то злым роком. В этом случае ты — бог! Холе, можешь отрицать сколько хочешь, но именно подобное чувство ты сейчас пробуешь на вкус. Чудесно, да?

Харри поднялся.

— Прощу прощения за то, что мне пришлось испортить эту казнь, Холе, но сейчас я сознаюсь. *Mea culpa*[28], никуда не денешься. Я и впрямь убил твою жену, Ракель Фёуке.

Харри остолбенел. Финне поднял лицо к по-

---

[28] Примечания: 28
Моя вина *(лат.)*.

толку.

— Ножом, — прошептал он. — Но не тем, что ты держишь сейчас в руке. Умирая, она кричала. Она выкрикивала твое имя: «Ха-а-ари, Ха-ари-и…»

Харри почувствовал приближение совсем иного рода ярости. Холодной, от которой он становился спокойным. И сходил с ума. Он боялся, что она придет и ослепит его. Ни в коем случае нельзя этого допустить.

— За что? — спросил Харри. Голос его внезапно стал спокойным, а дыхание нормализовалось.

— В каком смысле?

— Я спрашиваю тебя про мотив убийства.

— Ну, это же очевидно. Тот же, что и у тебя сейчас, Холе. Месть. Классическая кровная месть: ты убил моего сына, а я в ответ убью твою жену. Так поступаем мы, люди, и это отличает нас от животных: мы *мстим*. Это рационально, но нам даже не приходится думать о мести как о разумном поступке, мы просто ощущаем, как это прекрасно. Разве не это ты чувствуешь сейчас, Холе? Ты делаешь свою боль болью другого и убеждаешь себя в том, что этот человек *виновен* в том, что ты ее вообще испытываешь.

— Докажи.

— Доказать что?

— Что ты убил Ракель. Сообщи какую-нибудь деталь касательно убийства или же места преступления.

— «Хари от Олега». С одной «р».

Харри моргнул.

— Это выжжено на разделочной доске для хлеба, которая висит на стене между шкафчиками и кофеваркой, — продолжил Финне.

В последовавшей тишине слышались только звуки падения капель, напоминавшие метроном.

— Вот тебе и признание, — сказал Финне и снова сплюнул кровь. — И теперь у тебя есть два варианта. Ты можешь отправить преступника в КПЗ, чтобы его, то есть меня, осудили согласно норвежскому законодательству. Так поступают полицейские. Или же ты можешь уподобиться мне и прочим убийцам.

Харри кивнул и снова сел на корточки. Он взял кубик в руки, потряс его и бросил на бетонный пол. Затем задумчиво посмотрел на него, убрал обратно в карман, взял нож и поднялся. Солнечный свет, падающий между досками, сверкнул на лезвии. Харри встал позади Финне, положил левую руку ему на лоб и плотно прижал к себе его голову.

— Холе? — Голос Финне стал выше. — Эй, Холе, не… — Он дернул наручники, и Харри почувствовал, как он весь задрожал.

Страх смерти: ну наконец-то!

Харри выдохнул и опустил нож в карман куртки. Продолжая крепко держать голову Свейна, он достал из кармана брюк носовой платок и промокнул ему лицо, стер кровь из-под носа, вокруг рта и с подбородка. Финне фырчал и ругался, но не сопротивлялся. Харри оторвал от носового платка два лоскутка и запихнул их в ноздри Финне. Затем он положил платок в карман, обошел вокруг скамейки и принялся разглядывать дело рук своих. Финне пыхтел, как будто пробежал кросс. Поскольку Харри в основном бил Свейна кулаком, обмотанным его собственной футболкой, на лице у того не было ран, только припухлости, да еще из носа шла кровь.

Харри вышел на улицу, набрал в футболку снега, вернулся и приложил ее к лицу Финне.

— Пытаешься придать мне презентабельный вид? Станешь утверждать, что ничего этого не было? — спросил Финне. Он уже успел успокоиться.

— Да вроде как поздновато об этом беспокоиться, — сказал Харри. — Но поскольку меня накажут в соответствии со степенью жестокости

обращения с тобой, назовем это ограничением ущерба. И кстати, ты ведь меня спровоцировал: ты же сам хотел, чтобы я тебя бил.

— Вот как, так уж и хотел?

— Конечно. Надеялся заполучить физические свидетельства того, что с тобой жестоко обошлись во время допроса в полиции, для своего адвоката. Потому что любой судья откажется предоставить полиции право предъявить доказательства, полученные незаконными методами. Вот почему ты сознался. Ты посчитал, что признание поможет тебе выбраться отсюда, но ничего не будет стоить в дальнейшем.

— Возможно. Во всяком случае, ты не собирался меня убивать.

— Почему ты так решил?

— Если бы собирался, то уже убил бы. Видимо, я ошибаюсь: ты не из тех, кто ловит кайф от убийства.

— Может, мне следовало попробовать?

— Поздновато ты спохватился, Холе. Теперь тебе уже и мешок со снегом не поможет. Адвокат отмажет меня.

Харри взял со скамейки телефон, отключил диктофон и позвонил Бьёрну.

— Да?

— Это Харри. Я выследил Свейна Финне. Он только что признался мне в убийстве Ракели, и я записал это на диктофон.

Последовала пауза, и Харри услышал на заднем фоне детский плач.

— Правда? — медленно произнес Бьёрн.

— Правда. Я хочу, чтобы ты приехал сюда и арестовал его.

— Я? А я так понял, что ты уже арестовал его?

— Ничего подобного, — возразил Харри, глядя на Финне. — Я же временно отстранен от работы в полиции, так что в данном случае выступаю всего лишь как частное лицо, которое насильно удерживает здесь другое частное лицо. Возможно, Финне даже подаст на меня в связи с этим заявление, но я уверен, что строго меня не накажут, учитывая, что он убил мою жену. Сейчас важнее всего взять его и допросить, как положено, в полиции.

— Понял. Где вы?

— Немецкий бункер возле Мореходного училища. Финне сидит внутри, прикованный наручниками к скамейке.

— Хорошо. А ты сам меня дождешься?

— Вряд ли, мне нужно быть в другом месте.

— Нет, Харри, даже и не надейся.

— В смысле?

— Я не смогу сегодня вечером вынести тебя из бара.

— Хм… Ладно, я отправлю звуковой файл на твою электронную почту.

В дверях кабинета возникла Мона До. Редактор разговаривал по телефону.

— Полиция арестовала убийцу Ракели Фёуке, — громко сообщила она.

— Мне надо срочно идти, — сказал редактор и, не дожидаясь ответа собеседника, завершил телефонный разговор и поднял глаза. — Ты занимаешься этим делом, До?

— Уже все написала, — ответила Мона.

— Тогда публикуй! Никто пока еще не перехватил эту новость?

— Мы получили пресс-релиз пять минут назад, в четыре состоится пресс-конференция. Я хотела обсудить с вами другое. Будем ли мы сообщать имя арестованного?

— А что, в пресс-релизе есть его имя?

— Конечно нет.

— Тогда откуда оно тебе известно?

— Просто я одна из ваших лучших журналисток.

— Неужели ты сумела выяснить это всего за

пять минут?

— Вернее, самая лучшая.

— Так как его зовут?

— Свейн Финне. Ранее был осужден за нападения и изнасилования; список его деяний долог, как неурожайный год. Так мы будем сообщать фамилию или нет?

Редактор провел рукой по бритой голове:

— М-да… Трудный вопрос.

Мона, естественно, понимала, в чем загвоздка. В пункте 4.7 «Кодекса журналистской этики» пресса сама наложила на себя ограничения по использованию имен и фамилий граждан при описании достойных порицания или уголовно наказуемых деяний, особенно на ранних стадиях расследования. Если только это не было вызвано соображениями крайней необходимости. Мона помнила, какой разразился скандал, когда ее родная газета «ВГ» обнародовала имя профессора, который рассылал женщинам эсэмэски непристойного содержания. Все, конечно, понимали, что этот тип свинья, однако нервов им тогда потрепали достаточно. А вот Финне — это совсем другое дело: можно сослаться на то, что он представляет угрозу для общества и окружающим надо знать, кого следует опасаться. С другой

стороны, можно ли применить к Финне формулировку из Кодекса: «нарастающая опасность нападения на беззащитных людей при серьезных преступных действиях, а также в случае рецидивов» — если он в данный момент сидит в КПЗ?

— Подождем, пожалуй, — решил редактор. — Но раздобудь список преступлений этого типа и напиши, что «ВГ» известно его имя. Так мы, по крайней мере, заработаем плюсик в списках Союза журналистов.

— Да, шеф, я именно так и написала об этом деле, статья готова. И еще у нас есть новая, ранее не публиковавшаяся фотография Ракели.

— Отлично, разнообразие не помешает.

Редактор был прав. После полутора недель активного муссирования этого дела в прессе фотографии стали повторяться.

— Может, под заголовком на первой странице разместить снимок ее мужа-полицейского? — предложил он.

Мона До заморгала:

— Вы хотите сказать, фото Харри Холе прямо под заголовком «Подозреваемый по делу Ракели Фёуке арестован»? Разве это не уведет мысли читателей не в ту степь?

Редактор пожал плечами:

— Люди прочитают статью и быстро разберутся.

Мона До медленно кивала. А что, шоковый эффект от публикации известного уродливо-красивого лица Харри Холе под таким заголовком прибавит сайту несколько тысяч кликов. И читатели простят им этот неумышленный «косяк», они всегда прощают. Никто не хочет, чтобы его обманывали по-настоящему, но люди ничего не имеют против маленькой лжи, просто для развлечения. Так почему же Моне До так не нравился этот аспект журналистской работы, в остальном ею обожаемой?

— Мона, ты меня поняла?

— Будет сделано, шеф, — заверила она и отлепилась от дверного косяка. — Это станет настоящей бомбой.

Глава 21

Катрина Братт подавила зевок, понадеявшись, что никто из трех других собравшихся за столом в кабинете начальника полиции этого не заметит. После вчерашней пресс-конференции, посвященной аресту подозреваемого по делу Ракели, у нее было много забот. А когда она наконец-то добралась до дому и улеглась в постель, малыш почти всю ночь не давал ей спать.

Катрина от души надеялась, что сегодня марафон не продолжится и можно будет передохнуть. Поскольку имя Свейна Финне ни разу не упоминалось в СМИ, наступил некий информационный вакуум, они попали в «глаз» урагана, где, по крайней мере на какое-то время, действительно стало тихо. Но день еще только начался, и невозможно было предугадать, что он принесет.

— Спасибо, что смогли так быстро принять нас, — поблагодарил Юхан Крон.

— Не за что, — кивнул начальник полиции Гуннар Хаген.

— Прекрасно. Тогда перейдем прямо к делу.

«Стандартная фраза человека, привыкшего брать быка за рога», — подумала Катрина. По-

тому что, хотя Юхану Крону явно нравилось выступать в свете софитов, он был прежде всего профессионалом. Знаменитый адвокат на пороге пятидесятилетия по-прежнему выглядел как бывшая жертва издевательств, как подросток-изгой, который теперь в качестве защитных доспехов использовал свою прекрасную профессиональную репутацию и с недавних пор обретенное самодовольство. Насчет жертвы издевательств Катрина прочитала в его интервью одному из глянцевых журналов. Речь шла не об обращении из серии «будем-бить-тебя-каждую-свободную-минуту», которое Катрина испытала в детстве на себе, а о том, что бедного мальчика дразнили, не приглашали на дни рождения, не принимали в игры. Иными словами, он подвергался таким же издевательствам, что и каждая вторая знаменитость (если верить их словам). Сейчас-то они охотно рассказывали об этих событиях, вызывая восторг публики своей откровенностью. Крон утверждал, что якобы решил поведать правду, чтобы облегчить долю других примерных учеников, оказавшихся в схожей ситуации. Катрина не слишком-то верила в искренность адвоката, поскольку он никогда на ее памяти не испытывал сочувствия к жертвам преступления. Хотя,

возможно, именно в этом и заключался высший пилотаж. Настоящий профессионал отличается беспристрастностью и, если его клиента в чем-то обвиняют, должен обладать способностью отключить сопереживание к жертве и сфокусироваться исключительно на благе своего подзащитного. Так или иначе, Крон добился на профессиональном поприще огромных успехов, и сама Катрина проиграла многие дела, в которых выступала против него, что, признаться, мучило ее.

Адвокат бросил взгляд на часы «Патек Филипп» на левой руке, а правую протянул в сторону сидевшей рядом с ним молодой женщины. Она была одета в скромный, но дорогущий костюм от «Гермеса». Наверняка эта девица с отличием окончила юридический факультет. Катрина Братт поняла, что подсохшие венские булочки, которые, как ей казалось, она видела на этом же столе во время вчерашней встречи, сегодня тоже съедены не будут.

Хорошо отрепетированным движением — так операционная сестра подает скальпель хирургу — молодая женщина вложила в руку шефа желтую папку.

— Это дело широко освещается в СМИ, — сказал Крон, — что не приносит пользы ни вам, ни

моему клиенту.

«Но зато приносит пользу *тебе*», — подумала Катрина и задалась вопросом: не должна ли она предложить кофе посетителям и начальнику полиции?

— Поэтому я полагаю, что в наших общих интересах как можно скорее прийти к соглашению.

Крон открыл папку, но не заглянул в нее. Катрина не знала, правда это или миф, но рассказывали, будто бы Крон обладает абсолютной фотографической памятью и в студенческие годы развлекал публику на вечеринках тем, что просил назвать номер любой из трех тысяч семисот шестидесяти страниц «Сборника законов Норвегии», после чего наизусть цитировал от начала и до конца ее содержание. Вечеринки умников. Саму Катрину в студенческие годы на такие тусовки не звали, потому что в своем кожаном прикиде и с панковской прической она была одновременно красавицей и аутсайдером. Катрина не тусовалась ни с панками, ни с нормальными успешными ребятами. Поэтому ее пригласили в компанию зубрил. Но она отказалась, не захотела примерить на себя роль «красивой-девочки-выражающей-солидарность-с-милыми-асоциальными-умниками». Катрина Братт была самодостаточной. *Более* чем.

Она ведь в юности даже лечилась у психиатра, причем ей постоянно меняли диагнозы. Но все-таки она как-то справилась.

— После того как моего клиента арестовали по подозрению в убийстве Ракели Фёуке, появились также три заявления об изнасиловании, — говорил Крон. — Одно из них написано героиновой наркоманкой, которая уже дважды получала от государства компенсацию жертвам изнасилований на, мягко говоря, сомнительных основаниях и без постановления суда. Вторая дама, насколько я понял, сегодня решила отозвать свое заявление. У третьей, Дагни Йенсен, нет никаких шансов выиграть дело, поскольку она не располагает никакими доказательствами, а мой клиент утверждает, что все произошло по взаимному согласию. Ведь даже человек, отбывший срок, должен иметь право на сексуальную жизнь, а не служить легкой добычей для полиции или любой женщины, испытывающей запоздалое раскаяние, согласны?

Катрина попыталась понять, что думает по этому поводу молодая женщина, сидевшая рядом с Кроном, но лицо той оставалось совершенно бесстрастным.

— Мы знаем, сколько полицейских ресурсов

требуется для работы с подобными сомнительными делами об изнасиловании, а перед нами целых три таких дела, — продолжал Крон, глядя прямо перед собой, как будто там находилась невидимая остальным шпаргалка. — В мои обязанности не входит защита интересов общества, но, как я уже говорил, я думаю, что в данном конкретном случае наши интересы могут совпадать. Мой клиент согласился сознаться в убийстве при условии, что с него будут сняты обвинения в изнасилованиях. Речь идет об убийстве, по которому, насколько я понимаю, у вас нет ничего, кроме… — адвокат заглянул в бумаги, словно ему было необходимо удостоверится в правоте своих слов, — доски для разделки хлеба, признания, полученного под пытками, и довольно сомнительного видео: там может быть изображен кто угодно; возможно, это даже кадры из какого-то фильма.

Крон поднял глаза и вопросительно посмотрел на них.

Гуннар Хаген взглянул на Катрину.

Она кашлянула.

— Хотите кофе?

— Нет, спасибо. — Крон осторожно почесал — а может, пригладил — бровь указательным пальцем. — Мой клиент, если мы придем к согла-

шению, рассмотрит также возможность отозвать свое заявление на инспектора полиции Харри Холе, который похитил его и удерживал против воли, а также нанес ему телесные повреждения.

— В данном конкретном случае, — пробурчал Хаген, — Харри Холе действовал не как инспектор полиции, а как частное лицо. Если кто-то из наших сотрудников, будучи при исполнении служебных обязанностей, нарушит законы Норвегии, я сам подам на него заявление.

— Конечно-конечно, — кивнул Крон. — Я вовсе не хочу заострять на этом внимание, просто к слову пришлось.

— Это первое, — гнул свое Хаген. — Теперь дальше. Вы, надеюсь, понимаете, что заключение сделок такого рода, как вы нам предлагаете, обычно не практикуется полицией Норвегии. Сокращение срока — да. Но снятие обвинений в трех изнасилованиях…

— Я понимаю, что начальник полиции имеет все основания возражать, но будет ли мне дозволено напомнить, что моему клиенту далеко за семьдесят и, при условии вынесения ему обвинительного приговора по делу об убийстве, он достигнет в тюрьме весьма преклонного возраста и вряд ли вообще выйдет на свободу. Честно гово-

ря, я не вижу особой разницы в том, за что именно он понесет наказание. Так что, вместо того чтобы придерживаться принципов, от которых никому нет проку, может быть, мы лучше спросим женщин, которые подали заявления, что бы они предпочли: чтобы Свейн Финне умер в камере, отбывая двенадцатилетний срок, или чтобы они вновь могли повстречаться с ним на улице через четыре года? Что касается компенсации жертвам насилия, то я уверен, что мой клиент и его предполагаемые жертвы могут прийти к полюбовному соглашению во внесудебном порядке.

Крон протянул папку своей ассистентке, и Катрина заметила, как та украдкой взглянула на него со смешанным чувством страха, восхищения и влюбленности. Она была совершенно уверена, что эти двое пользуются темной кожаной мебелью адвокатской фирмы в нерабочее время.

— Спасибо, ваша позиция нам абсолютно ясна, — сказал Хаген, встал и протянул адвокату руку через стол. — Мы сообщим о своем решении в ближайшее время.

Катрина тоже встала и, пожав на удивление влажную и мягкую ладонь, поинтересовалась:

— А как ваш клиент себя чувствует?

Крон серьезно посмотрел на нее:

— Естественно, он морально сломлен и очень переживает.

Катрина понимала, что лучше бы промолчать, но не смогла сдержаться:

— Может, прихватите с собой венскую булочку, чтобы подбодрить его? Их все равно выбросят.

Крон пару секунд не отрываясь смотрел на нее, а потом перевел взгляд на начальника полиции:

— Всего доброго, и надеюсь, вы свяжетесь со мной в течение дня.

Катрина со злорадством наблюдала, как дамочка-прихвостень Крона семенит рядом с шефом: юбка у красавицы была такой тесной, что ей приходилось делать по три шага на каждый его шаг. А затем прикинула, какие могут быть последствия, если в тот момент, когда эта парочка будет выходить из здания, она швырнет на них с шестого этажа венские булочки.

— Ну? — спросил Гуннар Хаген, после того как дверь за посетителями закрылась.

— И почему это, интересно, адвокатов всегда представляют одинокими рыцарями справедливости?

Хаген тихо засмеялся:

— Они должны противостоять полицейскому государству, Катрина, а объективность никогда

не была твоей сильной стороной. Как и сдержанность.

— Сдержанность?

— Ну а кто предложил угостить Финне венскими булочками?

Катрина пожала плечами:

— Что думаете о предложении Крона?

Хаген потер подбородок:

— Да уж, проблема. С одной стороны, убийство Ракели получило широкий резонанс и по данному делу на нас давят с каждым днем все больше, так что, если нам не удастся осудить Финне, это станет поражением десятилетия. С другой стороны, в последние годы внимание общества к преступникам-насильникам, разгуливающим на свободе, повышено, а если мы еще откажемся от трех заявлений… Как ты считаешь, Катрина?

— Я ненавижу этого типа, но он выдвинул вполне разумное предложение. Думаю, нам следует быть прагматичными и рассматривать всю картину в целом. Позвольте мне поговорить с женщинами, которые подали заявления на Финне. Постараюсь их убедить.

— Вот как? — Хаген осторожно кашлянул. — Кстати, об объективности…

— Да?

— Твоя точка зрения никак не зависит от того факта, что в этом случае Харри также может избежать наказания?

— А это тут при чем?

— Вы очень тесно работали вместе и…

— И что?

— И я не слепой, Катрина.

Она подошла к окну и посмотрела на пешеходную дорожку, идущую от Полицейского управления Осло через парк Бутспаркен к улице Грёнландслейре, по которой медленно двигался транспорт. Снег в парке окончательно сдал свои позиции.

— Вы когда-нибудь совершали поступки, о которых впоследствии сожалели, Гуннар? Я хочу сказать, *по-настоящему* сожалели.

— Хм… Мы все еще говорим о полицейской работе?

— Не обязательно.

— Ты что-то хочешь рассказать мне?

Катрина подумала, что ей стало бы намного легче, если бы она кому-нибудь рассказала правду. Если бы хоть кто-то узнал. Раньше она надеялась, что бремя тайны со временем станет легче, но все оказалось наоборот: оно становилось тяжелее с каждым днем.

— Я понимаю его, — тихо сказала она.

— Крона?

— Нет, Свейна Финне. Я понимаю, почему он хочет сознаться.

Глава 22

Дагни Йенсен опустила ладони на холодную кафедру и посмотрела на темноволосую женщину-полицейского, сидевшую за партой прямо перед ней. Была перемена, и на школьном дворе за окном слышались крики и смех ребятишек.

— Я понимаю, что это непростое решение, — говорила женщина, представившаяся Катриной Братт, начальником отдела по расследованию убийств Полицейского управления Осло.

— Судя по всему, это решение уже приняли за меня, — заметила Дагни.

— Конечно, мы не можем заставить вас забрать свое заявление, — произнесла Братт.

— Но в действительности вы занимаетесь именно этим, — сказала Дагни. — Вы перекладываете на меня ответственность за то, чтобы Финне осудили по делу об убийстве.

Женщина-полицейский опустила глаза.

— Знаете, в чем основная задача норвежской народной школы? — спросила Дагни. — Научить учеников быть ответственными членами общества: тому, что, с одной стороны, у гражданина есть обязанности, а с другой — быть им большая

честь. Конечно, я заберу свое заявление, если в этом случае Свейна Финне упрячут за решетку до конца его жизни.

— Что касается компенсации жертвам насилия…

— Мне не нужны деньги. Я просто хочу забыть все это. — Дагни посмотрела на часы. До звонка оставалось четыре минуты. И это наполнило ее сердце радостью. Даже спустя десять лет после начала преподавательской карьеры она радовалась возможности давать молодым людям знания, которые, по ее глубокому убеждению, могли помочь им обрести лучшее будущее. Именно в этом и заключается весь смысл профессии педагога. Дагни занималась любимым делом и приносила людям пользу. А кроме этого, ей, в сущности, ничего и не было нужно. Ну разве что забыть весь этот кошмар. — Вы обещаете, что его осудят?

— Обещаю, — сказала женщина-полицейский, вставая.

— А Харри Холе, что будет с ним? — спросила Дагни.

— Не знаю, но надеюсь, что адвокат Финне заберет заявление своего подопечного о похищении.

— Надеетесь?

— То, что сделал инспектор Холе, конечно,

незаконно. Полиция не должна работать такими методами, — признала Катрина. — Но он пожертвовал собой ради поимки Финне.

— А заодно пожертвовал и мной, чтобы реализовать свою личную месть?

— Я уже говорила, что не собираюсь оправдывать Харри Холе за все, что он натворил, но факт остается фактом: без него Свейн Финне мог продолжать терроризировать вас и других женщин.

Дагни Йенсен медленно кивнула.

— Мне нужно вернуться и подготовиться к допросу, — произнесла Катрина. — Спасибо, что согласились помочь нам. Обещаю, вы не пожалеете.

Глава 23

— Нет-нет, вы нисколько не помешали мне, фру Братт, — сказал Юхан Крон, зажимая телефон между ухом и плечом и застегивая пуговицы на рубашке. — Значит, все три заявления отозваны?

— Как скоро вы с Финне можете явиться на допрос?

Юхан Крон наслаждался ее раскатистым бергенским «р». Вернее, тем, что собеседница не выговаривала эту букву, в ее речи был только намек на нее. Так у некоторых женщин бывает намек на юбку. Ему нравилась Катрина Братт. Она была красивой, умной и умела за себя постоять. Ну а то, что у нее на пальце имелось обручальное кольцо, — так кого это останавливало? Уж во всяком случае сам он точно не придавал значения подобным формальностям. И еще Крона немного возбуждала нервозность, звучавшая в ее голосе. Совсем как у человека, только что вручившего продавцу чемодан с деньгами и ждущего, когда дилер отдаст ему сумку с наркотиками. Крон подошел к окну, раздвинул большим и указательным пальцем пластины жалюзи и выглянул с шестого этажа на улицу Розенкранца,

что шумела внизу. Было всего три часа дня, но в Осло пробки начинаются как раз в это время, поскольку у многих заканчивается рабочий день. Но разумеется, не у адвокатов. Иной раз Юхан Крон задумывался о том дне, когда нефть иссякнет и его соотечественникам снова придется вернуться в реальный мир, жить по его законам. Оптимизм говорил ему, что все будет хорошо, что люди приспособятся к новой ситуации быстрее, чем можно себе представить: достаточно посмотреть на страны, прошедшие через войну. Однако здравый смысл утверждал, что государство, в котором не существует традиций заниматься инновациями и передовыми технологиями, вернется назад, туда, откуда пришла Норвегия: на самое дно европейской экономики.

— Мы сможем приехать через два часа, — пообещал Крон.

— Хорошо, — ответила Братт.

— Тогда до встречи.

Крон закончил разговор и какое-то время продолжал стоять, размышляя, куда бы положить телефон.

— Иди сюда, — произнес голос из темноты; он подошел к женщине, лежавшей на диване «Честерфилд», и взял свои брюки. — Ну что?

— Они заглотили наживку, — сказал Крон и, прежде чем надеть брюки, проверил, нет ли на них пятен.

— Значит, это наживка? Хочешь поймать их на крючок?

— Я и сам толком не знаю. В данном случае я только следую указаниям клиента.

— Но ты подозреваешь, что здесь есть крючок?

Крон пожал плечами и огляделся в поисках ботинок.

— Поживем — увидим.

Он уселся за массивный письменный стол из *Quercus velutina*, черного дуба, который достался ему от отца, снял трубку стационарного телефона и набрал номер.

— Мона До, слушаю вас, — весело затрещал из динамика энергичный голос криминального репортера газеты «ВГ».

— Здравствуйте, фрёкен До, это Юхан Крон. Обычно вы звоните мне сами, но на этот раз я вас опередил. У меня есть дело, которое, как мне кажется, достойно оказаться на первой полосе вашей газеты.

— Речь идет о Свейне Финне?

— Да. Полицейское управление Осло только что подтвердило, что прекращает расследование

необоснованных заявлений об изнасилованиях, которые появились в суматохе, поднявшейся вокруг моего клиента, когда его арестовали по подозрению в убийстве.

— Я могу процитировать вас?

— Можете сказать, что я подтверждаю распространившиеся слухи, в связи с которыми, как я догадываюсь, вы недавно мне звонили.

Повисла пауза.

— Понимаю, Крон. Но я не могу этого написать.

— Тогда напишите, что я обнародовал эти сведения, чтобы опередить слухи. Дошли ли эти слухи до вас, не имеет значения.

Снова пауза.

— Хорошо, — ответила Мона До. — А вы можете сообщить мне какие-нибудь подробности относительно…

— Нет! — прервал ее Крон. — Получите больше информации сегодня вечером. И не публикуйте сказанное раньше пяти часов.

— Мы же договорились. Но если у меня появится эксклюзивный материал…

— Он только ваш, дорогуша. До связи.

— Всего один вопрос, последний. Откуда у вас мой номер, его же нет в открытом доступе?

— Как я уже говорил, вы звонили мне на мо-

бильный, а в этом случае ваш номер отображается на дисплее моего телефона.

— И вы его сохранили?

— Ну да, на всякий случай. — Крон положил трубку и повернулся к кожаному дивану. — Алиса, малышка, не могла бы ты уже надеть юбку, нам надо немного поработать.

Бьёрн Хольм стоял на тротуаре перед баром «Ревность» в районе Грюнерлёкка. Он настежь распахнул дверь и, услышав музыку, звучавшую в баре, понял, что отыщет Харри там. Он затащил коляску с малышом в почти пустое помещение. Средний по размерам бар был оформлен в стиле английских пабов: перед большой стойкой стояло несколько простых деревянных столов, а вдоль стен расположились кабинки. Сейчас всего пять часов, но попозже вечером заведение наверняка наполнится посетителями, потому что за то короткое время, что «Ревностью» управляли Эйстейн Эйкеланн и Харри, им удалось превратить это место в нечто совершенно необычное, в паб, куда приходили, чтобы послушать музыку, которую проигрывали на специальной установке. Никаких модных диджеев, просто композиция за композицией, в зависимости от темы вечера, а темы были указаны на неделю вперед в рас-

писании, вывешенном у дверей. Бьёрна тоже пару раз привлекали в качестве консультанта: когда составляли плей-листы, посвященные музыке в стиле кантри и Элвису. Но особенно ему запомнилась подготовка вечера «Композиций, написанных не менее сорока лет назад американскими музыкантами из штатов, начинающихся на букву „М“».

Харри сидел спиной к Бьёрну за барной стойкой, низко свесив голову. Из-за стойки Эйстейн Эйкеланн протягивал кружку пива вновь прибывшему. Ничего хорошего это не обещало. Но Харри, по крайней мере, мог сидеть.

— Возрастное ограничение — двадцать лет, чувак! — Эйстейн пытался перекричать песню «Good Time Charlie's Got The Blues», написанную в начале семидесятых, единственный настоящий хит Дэнни О'Кифа. Нетипичная музыка для Харри, однако для того, чтобы он сдул пыль с пластинки и проиграл ее в баре «Ревность», — в самый раз.

— Даже в сопровождении взрослых? — поинтересовался Бьёрн, паркуя коляску возле одной из кабинок.

— А в какой именно момент человек понимает, что стал взрослым, а, Хольм? — Эйстейн Эйкеланн опустил кружку на стойку.

Бьёрн улыбнулся:

— В тот момент, когда он впервые видит своего ребенка и понимает, что тот только-только начал свое путешествие и ему потребуется чертовски много помощи от взрослых. Вот как этому типу. — Бьёрн опустил руку на плечо Харри и заметил, что тот склонил голову, потому что читал что-то в своем телефоне.

— Видел первую полосу «ВГ» со статьей об аресте? — спросил Харри, поднимая стоявшую перед ним чашку.

Кофе, определил Бьёрн Хольм.

— Да. Кстати, журналюги поместили там твою фотографию.

— Ну и хрен бы с ними, но посмотри, что появилось только что. — Харри поднял телефон, и Бьёрн стал читать.

— Вижу, здесь написано, что мы заключили сделку, — сказал он. — Убийство против изнасилования. Согласен, необычно, но такое изредка допускается.

— Ага, однако не допускается, чтобы об этом писали в газетах, — парировал Харри. — По крайней мере, до тех пор, пока медведя не убьют.

— Тебя что-то смущает?

— Когда заключаешь сделку с дьяволом, спро-

си себя, почему эта сделка кажется выгодной дьяволу.

— Попахивает паранойей.

— Я искренне надеюсь, что у нас и впрямь будет признание, полученное во время допроса, проведенного полицейскими по всем правилам. Потому что от того, что мне удалось добыть в бункере, защитник вроде Крона камня на камне не оставит.

— Ну, теперь, когда все стало известно и об этом даже написали в газете, Финне просто должен сознаться. В противном случае мы возбудим против него дела об изнасилованиях. Кстати, Катрина допрашивает его прямо сейчас.

— Хм… — Харри набрал номер и поднес телефон к уху. — Надо рассказать Олегу новости. Слушай, а что ты тут делаешь?

— Я… хе-хе… пообещал Катрине проверить, все ли с тобой в порядке. Тебя не было ни дома, ни в «Шрёдере». Честно говоря, я думал, что после последнего визита тебе навсегда заказан вход сюда…

— Да, но тот идиот придет на работу только вечером. — Харри кивнул на коляску. — Можно посмотреть на малыша?

— Он сразу почувствует присутствие посторон-

него человека и проснется.

— Ладно. — Харри отнял телефон от уха. — Занято. Предложения по плей-листу на следующий четверг?

— Тема?

— «Кавер-версии, превзошедшие оригиналы».

— Джо Кокер и «A Little…»

— Уже есть. Как насчет «Francis and the Lights» и их версии «Can't Tell Me Nothing»?

— Канье Уэст? Ты спятил, Харри?

— Ладно. А композиция Хэнка Уильямса? — подал голос Эйстейн.

— Ну это уж и вовсе полный бред! Никто не исполняет Хэнка лучше Хэнка.

— А «Your Cheatin' Heart» в исполнении Бэка?

— А в глаз?

Харри и Эйстейн рассмеялись, и Хольм понял, что они шутили над ним.

Харри положил руку на плечо Бьёрна:

— Мне так не хватает тебя, дружище. Не пора ли нам с тобой на пару раскрыть какое-нибудь по-настоящему жуткое убийство?

Бьёрн кивал, с удивлением рассматривая улыбающееся лицо Харри. Глаза его сияли каким-то неестественно ярким светом. Может быть, у него действительно ум за разум зашел? Вдруг

горе все-таки перебросило его за грань? Но вдруг улыбка Харри треснула, как хрупкий лед на луже во время октябрьских заморозков, и Бьёрн уставился в черную, полную отчаяния глубину глаз. Как будто Харри попробовал радость на вкус, но потом выплюнул ее.

— Ну что ж… — тихо ответил Бьёрн. — Это можно организовать.

Катрина смотрела на красную лампочку над микрофоном, сигнализировавшую о начале записи. Она знала, что, как только поднимет глаза, встретится взглядом со Свейном «Женихом» Финне. А этого она не хотела. Не потому, что полагала, будто его взгляд может как-то подействовать на нее, а потому, что сама могла оказать на него влияние. Учитывая бесспорно ненормальное отношение Финне к женщинам, полицейские сначала хотели задействовать следователя-мужчину. Но потом прочитали протоколы прошлых допросов, и оказалось, что на допросах Финне лучше раскрывается перед женщинами. Вот только Катрина не знала, смотрели ли они при этом в глаза друг другу.

Она надела блузку, которая, с одной стороны, не выглядела вызывающе, а с другой — должна была показать, что Катрина нисколько его не бо-

ится. Она бросила взгляд в соседнее помещение, где один из полицейских управлял записывающим оборудованием. Компанию ему составляли Магнус Скарре из следственной группы и Юхан Крон, который с видимой неохотой покинул допросную, после того как Финне сам попросил оставить его наедине с Катриной.

Катрина коротко кивнула полицейскому, и тот тоже кивнул ей в ответ. Она зачитала номер дела, свое имя и имя Финне, место, дату и время. Это была старая практика с тех времен, когда магнитная лента могла затеряться, но она и сейчас служила напоминанием о начале формальной части допроса.

— Да, — преувеличенно четко и с легкой улыбкой ответил Финне на вопрос Катрины о том, хорошо ли он знает свои права. И точно так же произнес «нет», когда следователь спросила, не возражает ли он против записи допроса.

— Давайте для начала поговорим о вечере десятого марта и о ночи с десятого на одиннадцатое, — сказала Катрина. — Этот промежуток времени мы в дальнейшем будем называть ночью убийства. Что произошло?

— Я принял кое-какие таблетки, — ответил Финне.

Катрина записывала, не поднимая глаз.

— Валиум. Стесолид. Или рогипнол. Может, всего понемногу.

Слушая его голос, она вспомнила звук колес дедушкиного трактора, едущего по гравию на острове Сотра.

— Возможно, поэтому картина для меня немного неясна, — сказал Финне.

Катрина прекратила писать. *Неясна?* Она почувствовала во рту металлический привкус, вкус паники. Он что, собирается отказаться от признания?

— А возможно, это потому, что я всегда немного дурею, когда испытываю сексуальное возбуждение.

Катрина подняла глаза. Взгляд Свейна Финне встретился с ее взглядом. Ей показалось, что в голову вошел бур. Он облизал губы, улыбнулся и понизил голос:

— Но я всегда запоминаю самое важное. Ведь именно поэтому мы всё это и совершаем, правда? Воспоминания можно унести с собой и воспользоваться ими в минуту одиночества.

Катрина увидела, как его правая рука рисует для нее в воздухе картинку, двигаясь вверх-вниз, но вновь опустила глаза в свои записи.

Скарре настаивал на том, чтобы надеть на Свейна наручники, однако Катрина отвергла эту идею. А то Финне еще вообразит, что полицейские его боятся, и это даст ему моральное превосходство. Он может захотеть поиграть с ними. И сейчас, через минуту после начала допроса, Финне, похоже, именно этим и занимался. Катрина перебирала лежавшие перед ней листы бумаги.

— Если вы плохо помните, то мы можем поговорить о трех случаях изнасилования, которые описаны вот здесь. У нас и свидетельские показания имеются, они должны помочь восполнить возможные провалы в памяти.

— Туше, — ответил Финне; Катрина знала, что он все еще улыбается, хотя и не смотрела на него. — Но, как я уже говорил, самое важное я помню.

— Послушаем.

— Я пришел туда около девяти часов вечера. У нее болел живот, она была очень бледной.

— Подождите. Как вы вошли в дом?

— Дверь была открыта, так что это проблемы не составило. Она кричала и кричала. Она была так напугана. И я д-держал ее.

— Удушающим движением? Или борцовским захватом?

— Не помню.

Катрина понимала, что они слишком быстро продвигаются вперед, что ей требуется больше деталей, но сейчас важнее всего получить признание, пока Финне не передумал.

— И что потом?

— Ей было очень больно. Из нее лилась кровь. Я взял н-нож…

— Ваш собственный?

— Нет, нож поострее, я нашел его там, на месте.

— И куда вы ее ударили?

— С-сюда.

— Допрашиваемый указывает себе на живот, — сказала Катрина.

— В пупок, — уточнил Финне тоненьким детским голоском.

— В пупок, — повторила Катрина, глотая подступающую тошноту. И испытала чувство триумфа. У них есть признание. Остальное — это уже так, украшение, вишенка на торте.

— Вы можете описать Ракель Фёуке? И ее кухню?

— Ракель? Красавица. Как т-ты, Катрина. Вы очень похожи.

— Во что она была одета?

— Этого я не помню. Тебе кто-нибудь говорил, насколько вы похожи? Словно с-с-сестры.

— Опишите кухню.

— Ну просто тюрьма. Кованые железные решетки на окнах. Можно даже подумать, что хозяева кого-то боялись. — Финне рассмеялся. — Ну что, Катрина, полагаю, этого достаточно?

— То есть как?

— Мне эта б-беседа уже п-поднадоела.

Она почувствовала легкую панику.

— Но мы только начали.

— Голова болит. Очень тяжело вновь переживать травмирующие ситуации вроде этой, уж тебе ли не знать.

— Ответьте мне только…

— Все, сладкая моя. Я закончил. Если хочешь услышать еще что-нибудь, приходи сегодня вечером ко мне в камеру. Я буду с-свободен.

— Видео, которое получила Дагни Йенсен, — оно было отправлено вами? На нем запечатлена именно жертва этого убийства, Ракель Фёуке?

— Да. — Финне встал.

Краем глаза Катрина заметила, что Скарре уже мчится к ней. Она сделала предупредительный жест, подав сигнал тем, кто находился за стеклом, а потом опустила глаза на лист с вопросами.

Она лихорадочно размышляла. Можно, конечно, надавить на Финне, но тогда есть риск того, что Крон объявит признание недействительным, обосновав это использованием неподобающе суровых методов допроса. Или же она могла удовольствоваться уже имевшимся, а этого было вполне достаточно для прокурора и для выдвижения обвинения. Подробности они могли добыть позже, перед судом. Катрина посмотрела на наручные часы, которые Бьёрн подарил ей на первую годовщину свадьбы. И сказала:

— Допрос закончен в пятнадцать часов тридцать одну минуту.

Подняв глаза, она увидела, что в соседнее помещение вошел раскрасневшийся Гуннар Хаген и обратился к Юхану Крону. Скарре появился в допросной и надел наручники на Финне, чтобы отвести его обратно в камеру предварительного заключения. Катрина заметила, как Крон пожал плечами и что-то ответил Хагену, после чего тот покраснел еще больше.

— Увидимся, фру Братт.

Слова прозвучали так близко к ее уху, что ее слегка обдало слюной. А потом Финне и Скарре вышли. Она увидела, как адвокат последовал за ними.

Прежде чем присоединиться к Хагену, Катрина вытерлась салфеткой.

— Крон рассказал «ВГ» о нашей сделке. Об этом написано на их сайте.

— И что он сказал в свое оправдание?

— Что ни одна из сторон не обещала хранить договор в тайне. А потом Крон спросил, считаю ли я, что мы заключили договор, который не терпит света дня. Потому что, по его словам, сам он подобных сделок избегает.

— Вот лицемерный подонок! Он просто хочет показать себя во всей красе: дескать, вот чего я способен добиться.

— Будем надеяться, что причина только в этом.

— Что вы имеете в виду?

— Крон — хитрый и талантливый адвокат. Но существует еще более пронырливый человек.

Катрина посмотрела на Хагена и прикусила нижнюю губу:

— Хотите сказать, его клиент?

Начальник полиции кивнул. Они повернулись, посмотрели через открытую дверь в коридор и увидели там спины Финне, Скарре и Крона, ожидавших лифта.

— Вы можете звонить в *любое* время, Крон, —

сказала Мона До, поправляя наушник и разглядывая себя в большом зеркале, висевшем в спортивном клубе. — Если посмотрите на список пропущенных вызовов, то увидите, что я тоже пыталась до вас дозвониться. Как, думается мне, и все остальные норвежские журналисты.

— Полагаю, вы недалеки от истины. Позвольте перейти прямо к делу. Сейчас мы разошлем пресс-релиз о признании моего подзащитного. Мы подумываем о том, чтобы приложить к нему фотографию Финне, сделанную пару недель назад.

— Вот и славно, а то тем снимкам, что есть у нас, уже лет десять, не меньше.

— На самом деле все двадцать. Финне предоставит вам свое свежее фото при условии, что вы разместите его на первой полосе.

— Прошу прощения?

— Не спрашивайте меня почему, просто он так хочет.

— Я не могу и не хочу давать такое обещание. Вы, разумеется, меня понимаете.

— Я понимаю все про журналистскую этику, как и вы наверняка понимаете, сколь велика ценность такой фотографии.

Мона склонила голову набок и продолжила разглядывать свое тело. Широкий пояс, кото-

рый она надевала на силовые тренировки, на короткое время преображал ее пингвинью фигуру (ассоциация с пингвином была вызвана, скорее, ее ковыляющей походкой, которая, в свою очередь, была обусловлена врожденной патологией бедра) в тело в форме песочных часов. Время от времени Мона думала, что пояс был единственной причиной, по которой она столько времени посвящала бессмысленным силовым тренировкам, которые вели только к еще большему количеству бессмысленных тренировок. Ну в точности как признание собственных заслуг было более важным стимулом в работе, чем потребность стоять на страже интересов общества и защищать свободу слова, чем журналистское любопытство и остальное дерьмо — ну все эти штампы, которые наизусть тарабанят во время ежегодного вручения наград репортерам. Нельзя сказать, что Мона не верила во все эти ценности, просто она иначе расставляла приоритеты: главным для этой женщины всегда была возможность погреться в лучах славы, поставить свою подпись под статьей в газете, полюбоваться на себя в зеркало. Поэтому она отчасти даже понимала честолюбивое желание Финне увидеть свою фотографию на первой полосе газеты. Да, он был

извращенцем, насильником и убийцей. Но ведь именно этому он посвятил всю свою жизнь, и стоит ли удивляться, что теперь Финне стремился стать как минимум знаменитым извращенцем, насильником и убийцей. Ведь если человек не может вызвать любовь, то, как известно, он хочет вызвать страх.

— Ну разумеется, — сказала Мона До. — Если фотография и впрямь качественная, то мы с удовольствием опубликуем ее увеличенную копию. Только, чур, вы позволите нам получить снимок на час раньше всех остальных изданий, хорошо?

Руар Бор прислонил винтовку «Блейзер R8 Профессионал» к оконной раме и посмотрел в оптический прицел «Сваровски x5(i)». Их вилла располагалась на склоне холма, с западной стороны Третьего автомобильного кольца, прямо под транспортной развязкой Сместадкрюссе, и из распахнутого подвального окна открывался вид на район вилл с другой стороны автобана, возле пруда Сместаддаммен, маленького искусственного водоема, питавшегося грунтовыми водами. Пруд был выкопан в XIX веке, чтобы снабжать городскую буржуазию льдом.

Красная точка прицела нашла большого белого лебедя, скользящего по поверхности пруда, не со-

вершая движений, словно бы влекомого ветром, и остановилась на нем. До птицы было метров четыреста или даже пятьсот, почти полкилометра, значительно больше того расстояния, что их американские коллеги из коалиционных сил называли *maximum point blank range*[29]. Теперь красная точка оказалась на голове лебедя. Бор опустил прицел, и она переместилась на воду выше птицы. Он сосредоточился на дыхании и увеличил давление на спусковой крючок. Даже самые зеленые курсанты в лагере Рена понимали, что пули летят по дуге, потому что даже самая быстрая пуля подвергается воздействию силы тяжести, а значит, чем дальше ты находишься, тем выше надо целиться. Они понимали и то, что если цель располагается выше на местности, то целиться надо еще выше, потому что пуле придется преодолевать сопротивление при полете вверх. Но юнцы неизменно возражали, когда им объясняли, что и в том случае, когда цель находится ниже тебя, целиться надо выше, а не ниже, чем на ровной местности.

Руар Бор по деревьям у озера определил, что ветра там нет. Температура воздуха около десяти

---

[29] Примечания: 29
Максимальная дальность прямого выстрела (*англ.*).

градусов. Лебедь двигается со скоростью приблизительно один метр в секунду. Он представил себе, как пуля проходит сквозь маленькую головку и лебединая шея, венчающая снежно-белое тело, расслабляется и сворачивается, как шланг. Этот выстрел был бы непростым даже для снайпера из спецназа. Но все же не более трудным, чем он сам и его коллеги могли ожидать от Руара Бора. Он выпустил воздух из легких и направил прицел на маленький островок около моста. Именно там обитала лебедиха-мать со своими птенцами. Он внимательно осмотрел островок и пруд, но ничего не заметил, вздохнул, прислонил винтовку к стене и подошел к кудахчущему, интенсивно работающему принтеру, из которого выползал лист формата А4. Бор распечатывал из компьютера фотографию, только что опубликованную на странице «ВГ», и изучал почти готовый портрет, лежавший перед ним. Широкий плоский нос. Толстые усмехающиеся губы. Волосы зачесаны назад, наверняка заплетены на затылке в косичку, — наверное, именно это придавало лицу Свейна Финне выражение враждебности и делало его глаза более узкими.

Принтер выдал остаток листа с долгим последним стоном, как будто хотел поскорее избавиться

от этого отвратительного человека. Человека, который с нескрываемой высокомерной гордостью только что сознался в убийстве Ракели Фёуке. Совсем как лидеры талибана, утверждавшие, что именно их организация стоит за каждым взрывом бомбы в Афганистане, во всяком случае, если нападение удалось. Этот тип просто-напросто приписал себе чужие заслуги, как поступали некоторые солдаты в Афганистане, если им предоставлялась возможность «украсть» убийство у погибших товарищей. В некоторых случаях это было чистое разграбление могил. Руар сам был свидетелем тому, как бойцы занимались подобным после хаотичной перестрелки.

Руар Бор рывком схватил лист бумаги и подошел к стене в другом конце большого, не разделенного перегородками подвального помещения. Он прикрепил портрет к одной из мишеней, которые были развешаны перед металлической коробкой, улавливавшей пули, и вернулся назад. Расстояние между ним и мишенью составляло десять с половиной метров. Затем он взял пистолет «Хай Стандард HD 22», что лежал рядом с компьютером, принял стойку, которую успел бы принять в боевой обстановке, навел оружие на цель и выстрелил. Один раз. Второй. Третий.

Бор снял наушники, взял глушитель и начал прикручивать его к пистолету. Глушитель меняет баланс, поэтому с его помощью он мог потренироваться как бы с двумя разными пистолетами.

На лестнице, ведущей в подвал, раздались быстрые шаги.

— Черт, — пробормотал Бор и закрыл глаза.

Затем снова открыл их и увидел бледное, гневное лицо жены с раскрытым ртом.

— О господи! Ты до смерти меня напугал! Я думала, что дома одна.

— Прости, Пиа, я тоже так думал.

— Это не поможет, Руар! Ты обещал мне, что в доме больше не будет стрельбы! Я возвращаюсь из магазина, вокруг тишина и покой, и вдруг… Кстати, а почему ты не на работе? И почему ты голый? И что это у тебя такое на лице?

Руар Бор посмотрел вниз. Конечно же, черт возьми, он голый. Он провел указательным пальцем по лицу и внимательно изучил его кончик. Черная камуфляжная краска спецназовцев.

Он положил пистолет на письменный стол и нажал указательным пальцем случайную клавишу на клавиатуре.

— Я сегодня решил поработать дома.

В восемь часов вечера следственная группа

собралась в баре «Юстисен», постоянном месте встречи сотрудников отдела убийств в радости и в горе. С инициативой отметить раскрытие дела выступил Скарре, и Катрина не смогла найти никаких возражений, как и объяснений, почему она вообще начала искать возражения: существовала традиция праздновать победы, эта традиция связывала их в команду, и она, как руководитель, должна была первой бросить клич о сборе в «Юстисене», после того как от Финне удалось получить признание. Тот факт, что они раскрыли преступление прямо под носом у Крипоса, нисколько не уменьшал их триумфа. Ей позвонил не слишком довольный Винтер, который считал, что допрашивать Финне следовало их сотрудникам, поскольку именно Крипос руководил расследованием. Он с неудовольствием принял объяснения, что три изнасилования относятся к юрисдикции полицейского округа столицы, а потому только Полицейское управление Осло имело право заключить сделку. Трудно выдвигать аргументы против победы.

Так почему же ее что-то мучает? Вроде бы все концы сходились, и все же существовало нечто такое, что Харри обычно называл единственной фальшивой нотой в звучании симфонического

оркестра. Ты ее слышишь, но не знаешь, откуда она идет.

— Эй, босс? Вы, часом, не заснули?

Катрина вздрогнула и сдвинула свою кружку пива с другими поднятыми кружками.

Все были здесь. Кроме Харри, тот упорно не отвечал на ее звонки. Словно реагируя на мысли хозяйки, телефон Катрины завибрировал, она быстро вынула его, посмотрела на экран и увидела, что звонит Бьёрн. И на мгновение ее посетила еретическая мысль: а что, если сделать вид, что она не слышала звонка? Объяснить потом — и, кстати, это правда, — что ей постоянно названивали после того, как они разослали пресс-релиз о признании Свейна Финне, и что только намного позже она заметила имя мужа в списке пропущенных вызовов. Но ее материнский инстинкт решительно возражал против подобного поведения. Поэтому Катрина встала, вышла из шумного помещения в коридор, ведущий к туалетам, и нажала на «ответить».

— Что-то случилось?

— Да нет, — ответил Бьёрн. — Все в порядке, малыш спит. Я только хотел…

— Что ты хотел?

— Узнать, когда ты вернешься домой. Ну хотя

бы приблизительно.

— Как только смогу. Но, Бьёрн, я же не могу просто так взять и уйти.

— Нет-нет, я понимаю. А кто там с тобой?

— Кто? Следственная группа, конечно.

— Только они? И никаких… э-э-э… добровольных помощников?

Катрина выпрямилась. Бьёрн был добрым и тактичным человеком. Человеком, которого все любили, потому что он обладал шармом и спокойной, твердой уверенностью в себе. И хотя они никогда об этом не говорили, она не сомневалась, что муж регулярно спрашивает себя, как так вышло, что именно он в конце концов заполучил девушку, при виде которой капали слюнки у половины сотрудников отдела убийств. По крайней мере, до того момента, как она стала их начальником. Одной из причин, по которой Бьёрн никогда не заводил разговор на эту тему, было, вероятно, то, что он знал: нет ничего менее сексуального, чем неуверенный в своих силах партнер, испытывающий хроническую ревность. И ему удавалось скрывать ее даже после того, как два года назад Катрина бросила его и они на какое-то время расстались, после чего, правда, вновь сошлись. Но любую роль тяжело играть на

протяжении долгого времени, и она заметила, что в последние месяцы в их отношениях что-то изменилось. Может быть, это было вызвано тем, что Бьёрн сидел дома с ребенком, а может, все объяснялось элементарным недосыпом. Возможно, дело лишь в ней: она стала слишком чувствительной после нагрузок, навалившихся на нее за последние полгода.

— Здесь только мы, — ответила Катрина. — Буду дома не позже десяти.

— Оставайся подольше, я просто хотел знать.

— Не позже десяти, — повторила она и посмотрела на входную дверь. На высокого мужчину, стоявшего возле нее и озиравшегося по сторонам.

Она положила трубку.

Он старался казаться спокойным, но Катрина видела, что его тело напряжено, а в глазах появился охотничий блеск. А потом он увидел ее, и она заметила, как плечи его опустились.

— Харри! — воскликнула она. — Ты пришел?

Она обняла его, воспользовавшись этим кратким мигом, чтобы вдохнуть его запах, такой знакомый и такой чужой. И ей вновь подумалось, что лучшее в Харри Холе — это то, как он пахнет. Не парфюмом или зелеными лугами и лесами,

нет. Случалось, от него исходил запах перегара, а иногда она замечала легкие нотки пота. Но в общем и целом его запах был неопределенным и *прекрасным*. Еще бы, ведь это был Харри, единственный и неповторимый. Катрина сказала себе, что в подобных мыслях нет ничего предосудительного, верно ведь?

К ним подошел Магнус Скарре с блаженной улыбкой на лице.

— Ребята сказали, моя очередь заказывать. — Он положил руки им на плечи. — Пива, Харри? Слышал, это ты сподобился отыскать Финне. Ну, молоток! Ха-ха-ха!

— Мне колу, — сказал Харри и осторожно сбросил с плеча руку Скарре.

Тот удалился к стойке бара.

— Неужели ты опять завязал? — спросила Катрина.

Харри кивнул:

— Пока да.

— Как по-твоему, почему Финне сознался?

— А ты сама как думаешь?

— Я думаю, это потому, что, сознавшись, Финне скостил себе срок, ведь он понимает, что ту видеозапись при желании вполне можно приобщить к делу. Конечно, он избежал обвинений в изнаси-

лованиях, но только ли поэтому?

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе не кажется, что он сделал это, потому что все мы хотим, мы чувствуем потребность сознаться в своих грехах?

Харри некоторое время смотрел на нее. А затем облизал сухие губы и решительно покачал головой:

— Нет, не кажется.

Катрина обратила внимание на мужчину в костюме и голубой рубашке, склонившегося над столом, за которым гуляла их компания. Кто-то указал ему на них с Харри. Незнакомец кивнул и быстрыми шагами направился в их сторону.

— Тревога: журналист, — вздохнула Катрина.

— Йон Мортен Мельхюс, — представился мужчина. — Я целый вечер пытался дозвониться до вас, фру Братт.

Катрина внимательнее посмотрела на него. Журналисты так церемонно не разговаривают.

— В итоге я переговорил с вашими коллегами в Полицейском управлении Осло, объяснил им, какой у меня вопрос, и узнал, что наверняка найду вас здесь.

Никто в Полицейском управлении не сказал бы случайному человеку, где она находится.

— Я, видите ли, врач, работаю в больнице Уллевол. И решил к вам обратиться, потому что некоторое время назад у нас случилось довольно странное происшествие. У женщины во время родов возникли осложнения, и нам пришлось срочно делать ей кесарево сечение. С роженицей был мужчина, заявивший, что является отцом ребенка, и сама женщина это подтвердила. Сначала казалось, что он хочет быть полезным. Когда роженица узнала, что нам придется ее разрезать, она очень испугалась, а мужчина сел рядом с ней, гладил по волосам, успокаивал ее и обещал, что все будет сделано быстро. И это правда: чтобы извлечь ребенка, обычно требуется минут пять. Но я запомнил это, потому что услышал, как он сказал будущей матери: «Нож в живот — чик, и все кончится». Довольно странная формулировка, хотя суть, в общем-то, отражает точно. Но я подумал, что он просто не слишком удачно выразился, особенно после того, как этот человек поцеловал женщину. Правда, меня несколько удивило, что после поцелуя он вытер ей губы. А также — что мужчина снимал на камеру, как мы проводим кесарево сечение. Но вот когда отец внезапно кинулся к роженице и захотел сам извлечь ребенка, тут уж мы испугались. Только представьте: преж-

де чем мы успели его остановить, он запустил руку прямо в сделанный нами разрез.

Лицо Катрины исказила гримаса.

— Черт, — тихо сказал Харри. — Вот черт.

Он уже догадался, чем закончится вся эта история.

— Мы выпроводили папашу и довели операцию до конца, — продолжал Мельхюс. — Все закончилось благополучно; к счастью, у матери нет никаких признаков инфекции.

— Свейн Финне. Это был Свейн Финне.

Мельхюс посмотрел на Харри и медленно кивнул:

— Вообще-то, нам он представился иначе.

— Конечно, — сказал Харри. — Но вы увидели его фотографию сегодня вечером в «ВГ».

— Да, и я нисколько не сомневаюсь, что это тот самый мужчина. Во всяком случае после того как увидел на снимке картину, которая висит у него за спиной. Фотография сделана в комнате ожидания нашего родильного отделения.

— Но почему вы решили заявить об этом так поздно? И почему лично мне? — спросила Катрина.

Врач на мгновение замешкался.

— Это не заявление, — сказал он.

— Нет? А что же тогда?

— Ну… Довольно часто случается, что люди в таких случаях становятся несколько неадекватными. Ведь роды, тем более сложные, — это огромный стресс, причем не только для самой женщины. И, как я уже говорил, у нас сложилось впечатление, что этот человек вовсе не собирался вредить матери, он просто беспокоился за ребенка. Все закончилось благополучно: женщина и малыш здоровы. Он даже лично перерезал пуповину.

— Ножом, — уточнил Харри.

— Именно так.

— Плохи наши дела.

Катрина нахмурилась:

— Почему, Харри? Что такого ты понял, до чего я не додумалась?

— Время, — сказал Харри, обращаясь к Мельхюсу. — Я так понимаю, что вы прочитали о том, что Свейна Финне обвиняют в убийстве, и пришли рассказать нам, что у него есть алиби. Ту ночь он провел в родильном отделении. Верно?

— Ну да, однако, поскольку существует такое понятие, как врачебная тайна, я хотел сообщить вам об этом лично, фру Братт. — Мельхюс смотрел на Катрину с профессионально-сочувственным

выражением на лице — выражением человека, привыкшего приносить дурные новости. — Я разговаривал с акушеркой, и она утверждает, что этот мужчина был с роженицей с момента ее поступления в больницу в половине десятого вечера и до окончания родов, это где-то около пяти часов утра.

Катрина закрыла лицо рукой.

От стола, за которым сидели ее коллеги, доносились грохот сдвигаемых кружек и радостный смех: наверное, кто-то только что рассказал смешной анекдот.

Часть 2

Глава 24

«ВГ» опубликовала новость о том, что полиция выпустила на свободу Свейна «Жениха» Финне около полуночи. Юхан Крон в интервью газете заявил, что признание его клиента остается в силе, но блюстители закона самостоятельно выяснили, что на время убийства Ракели Фёуке у него имеется алиби. Правда, в эту ночь он совершил другое наказуемое деяние, в результате которого мог нанести вред роженице и ее ребенку. Этому имеются свидетели, и есть даже видеозапись, но заявления в полицию никто не подавал. Так или иначе его клиент честно выполнил свою часть сделки, и Крон предупредил полицию о последствиях, которые могут возникнуть, если они выдвинут против Финне обвинения в изнасилованиях, с его точки зрения слабые и беспочвенные.

Казалось, что сердце Харри сейчас выскочит из груди.

Он стоял по щиколотку в воде и хватал ртом воздух. Харри долго бегал. Бегал по улицам города, пока эти улицы не кончились, и тогда он

оказался здесь.

Но сердце не поэтому вышло из-под контроля, это началось, когда он покинул бар «Юстисен». Леденящий холод полз вверх по ногам, по одежде, подбираясь к животу.

Харри стоял на площади перед Оперным театром на наклонной белой мраморной плите, уходящей во фьорд, как тающий полюс, как предупреждение о грядущей гибели.

Бьёрн Хольм проснулся и стал прислушиваться, лежа в кровати.

Нет, это не малыш. И не Катрина. Она пришла и улеглась рядом с ним, но не захотела разговаривать. Он открыл глаза и увидел слабый свет, падающий на белый потолок спальни. Он протянул руку к тумбочке и посмотрел на экран телефона, чтобы узнать, кто ему звонит. Немного помедлил. А потом тихо выскользнул из кровати, вышел в коридор и нажал «ответить».

— Тебе известно, сколько времени? — прошептал Бьёрн. — Ночь на дворе.

— Спасибо, именно это я и хотел услышать, — сухо ответил Харри.

— Ладно. Спокойной ночи.

— Подожди, не клади трубку. У меня нет доступа к файлам по делу Ракели. Похоже, мой пароль

больше недействителен.

— Об этом тебе надо поговорить с Катриной.

— Катрина — начальник, она должна следовать правилам, мы это оба понимаем. Однако я знаю твой код и мог бы, наверное, угадать твой пароль. Ты, разумеется, не должен мне его *сообщать*, это было бы грубым нарушением инструкции. Но…

Пауза.

— Продолжай, — вздохнул Бьёрн.

— Но ты мог бы намекнуть.

— Харри…

— Послушай, Бьёрн… Мне очень, ну просто очень надо. Если Ракель убил не Финне, значит это сделал кто-то другой. Кстати, Катрина от этого только выиграет, потому что я ведь знаю, что ни у вас, ни у Крипоса нет ни единой зацепки.

— Думаешь, без тебя в этом деле не разберутся?

— Никогда.

— И почему же, интересно?

— Потому что я единственный одноглазый среди слепцов.

Бьёрн не смог подавить тихий смешок.

Вновь повисла пауза, а потом он сказал:

— Две буквы, четыре цифры. Если бы мне было дано выбирать, я хотел бы умереть, как он. В машине, одновременно с наступлением Нового

года.

И Бьёрн положил трубку.

Глава 25

— По мнению профессора Пола Маттиуцци, все убийцы подразделяются на восемь категорий, — сказал Харри. — Первая: хронически агрессивные личности. Это люди, плохо контролирующие свои импульсы, которых легко разозлить, которые не выносят, когда за них решают другие, и убеждают себя, что насилие — законный ответ. Если копнуть поглубже, то выяснится, что им нравится давать выход своей ярости. Вполне логично предположить, что подобный человек совершит убийство.

Харри взял в рот сигарету.

— Вторая: сдержанно враждебные. Эти люди редко демонстрируют агрессию, они эмоционально ригидные и кажутся вежливыми и серьезными. Они следуют правилам и считают себя защитниками справедливости. Они бывают добрыми, и окружающие могут пользоваться их добротой. Это такие тихие скороварки: ты ничего не замечаешь, пока они не взорвутся. Это тип убийцы, про которого соседи впоследствии скажут: «Но он казался таким милым».

Харри щелкнул зажигалкой, поднес ее к сига-

рете и сделал вдох.

— Третья категория: оскорбленные. Люди, которые чувствуют, что их унизили, что они не получили того, что заслужили, и полагают, будто бы все остальные виноваты в том, что они ничего не добились в жизни. Они вынашивают потаенную злобу, особенно по отношению к тем, кто их критикует или делает им выговоры. Они примеряют на себя роль жертвы; это, так сказать, психологические импотенты. За неимением других способов отреагировать они прибегают к насилию, направленному обычно на тех, на кого злятся. Далее, категория номер четыре: травмированные.

Харри одновременно выпустил дым из носа и рта.

— В их случае убийство — это ответ на одно-единственное нападение на личность убийцы, которое в такой степени уязвило его самолюбие и стало настолько невыносимым, что полностью выбило почву у него из-под ног. Убийство просто необходимо травмированному для того, чтобы сам смысл существования или его человеческая природа не были уничтожены полностью. Если знать обстоятельства, то подобные убийства можно предсказать и предотвратить.

Харри держал сигарету, зажав ее между указательным и средним пальцем. Он разглядывал свое отражение в маленькой полувысохшей луже, окруженной коричневой землей и серым гравием.

— Что там у нас еще осталось? Пятая категория: одержимые инфантильные нарциссы. Шестая: параноидально ревнивые типы, находящиеся на грани сумасшествия. Седьмая: те, кто уже перешел эту грань.

Харри снова взял сигарету в рот и поднял глаза. Он посмотрел на бревенчатую виллу. Место преступления. Утреннее солнце отражалось от оконных стекол. Казалось, в доме ничего не изменилось, разве что теперь он выглядел совсем уж покинутым. И внутри было точно так же. Какая-то странная бледность, как будто тишина высасывала краски из стен и штор, лица из фотографий, воспоминания из книг. Харри не увидел ничего такого, чего не заметил бы в прошлый раз, ни одна новая мысль не пришла ему в голову. Они опять находились у той же самой изначальной черты, обанкротившиеся, оставившие позади себя сплошные руины.

— А как насчет восьмой категории? — спросила Кайя, поплотнее закуталась в пальто и потопала

ногами по гравию, чтобы согреться.

— Профессор Маттиуцци называет ее *plain bad and angry*[30]. Это любая комбинация предыдущих семи типов.

— И ты считаешь, что убийца, которого мы ищем, принадлежит к одной из восьми категорий, придуманных каким-то американским психологом?

— Мм…

— И веришь, что Свейн Финне невиновен?

— В убийстве Ракели — нет.

Харри глубоко затянулся своим «Кэмелом». Так глубоко, что почувствовал тепло сигареты в горле. Как ни странно, он не слишком удивился, узнав, что у Финне на ту ночь имеется алиби. Он чувствовал какой-то подвох еще с того времени, когда пытался выбить из него признание в бункере: что-то было не так. Финне сознательно спровоцировал его на физическое насилие, чтобы адвокату было за что зацепиться. Вот интересно, он уже тогда знал, что Ракель убили в ту ночь, которую сам он провел в родильном отделении? Сообразил, что видеозапись можно неверно истолковать? Или же это было случайным сов-

---

[30] Примечания: 30
Просто плохие и злые *(англ.)*.

падением, трагикомедией, срежиссированной господином Случаем, и Финне лишь позже, перед допросом в Полицейском управлении, обнаружил, что судьба преподнесла ему подарок? Харри взглянул на окно на кухне, перед которым в апреле прошлого года стоял прицеп, куда они с Ракелью, наводя порядок в саду, собирали опавшую листву и ветки. Это было сразу после того, как Финне вышел из тюрьмы и весьма недвусмысленно высказал угрозу навестить Харри и его семью. Если он как-нибудь ночью взобрался на тот прицеп, то вполне мог увидеть между прутьями решетки кухонного окна висевшую на стене доску для разделки хлеба и, обладая хорошим зрением, прочитать надпись на ней. Финне убедился, что дом его врага напоминает крепость, и отложил свой план мести в долгий ящик.

Харри сомневался, что весь этот хитроумный план — сознаться в убийстве, которого Финне не совершал, дабы избежать ответственности за реальные изнасилования, — придумал Крон. Крон больше, чем кто-либо другой, понимал всю сомнительность данного маневра и не стал бы рисковать репутацией ради краткосрочной выгоды. Доброе имя — это ведь тоже своего рода валюта.

— Ну и к чему ты рассказал мне про эти категории? — спросила Кайя. Она развернулась и смотрела на город. — По мне, так они не слишком сужают круг поисков. Каждый из нас в какой-то момент своей жизни может попасть под одно из тех описаний.

— Допустим. Но каждый ли может спланировать и осуществить хладнокровное убийство?

— Зачем ты задаешь вопрос, на который знаешь ответ?

— Может, просто хочу, чтобы кто-то другой произнес это вслух.

Кайя пожала плечами:

— Убийство — это всего лишь вопрос контекста, отнять жизнь не проблема, если человек считает себя уважаемым городским палачом, отважным солдатом, защищающим Родину, или истинным поборником справедливости. В том числе и таким, кто вершит самосуд.

— Спасибо.

— Да не за что, это цитата из твоей собственной лекции в Полицейской академии. Так кто же лишил жизни Ракель? Человек, обладающий личностными качествами убийцы одной из этих восьми категорий, убивающий без контекста? Или нормальный человек, действующий в при-

думанном им самим контексте?

— Лично я думаю, что контекст требуется даже сумасшедшему. Даже в приступе ярости находятся мгновения, когда нам удается заверить себя, что мы поступаем правильно. Сумасшествие — это диалог с самим собой, когда мы сами себе даем те ответы, которые хотим услышать. Каждый из нас хоть раз вел такой диалог.

— Правда?

— Я, например, точно вел, — сказал Харри и посмотрел на подъездную дорожку, по обеим сторонам которой стояли на страже мрачные тяжелые ели. — Теперь насчет сужения круга потенциальных подозреваемых: именно за этим я и привел тебя сюда. Мне хотелось, чтобы ты увидела место преступления. Преступник убрал за собой, тщательно подчистил следы. Но убийство само по себе уже нечисто, оно наполнено отрицательными эмоциями. Напрашивается вывод: наш злоумышленник обладает определенными навыками, но чувства у него при этом разбалансированы. Это типично для убийств, мотивированных сексуальной фрустрацией или личной ненавистью.

— Поскольку признаков сексуального насилия не обнаружено, ты делаешь вывод, что речь идет

о ненависти?

— Да. Именно поэтому Свейн Финне и оказался безупречным подозреваемым. Профессиональный преступник, который хочет отомстить за убийство сына.

— Но разве в таком случае не логичнее было бы убить тебя?

— Свейн Финне прекрасно знает, что потерять любимого человека гораздо хуже, чем умереть самому. Я думал, что это он расправился с Ракелью. Но, как видишь, ошибся.

— Но, Харри, если ты ошибся в человеке, это еще не значит, что ты ошибся в мотиве.

— Хм… Ты хочешь сказать, сложно найти людей, ненавидевших Ракель, но легко отыскать тех, кто ненавидит меня?

— Просто одна из версий, — ответила Кайя.

— Хорошо. Давай отработаем ее, надо же с чего-то начать.

— Возможно, в материалах следственной группы есть что-то неизвестное нам?

Харри покачал головой:

— Ничего у них нет: я просмотрел их файлы сегодня ночью. Так, лишь отдельные, не связанные между собой детали. Зацепиться абсолютно не за что.

— Я думала, у тебя нет доступа к материалам следствия.

— К счастью, я знаю код одного человека, у которого есть доступ. Запомнил, потому что он пошутил: мол, айтишники случайно угадали, какой у него обхват груди. ОГ100. Ну а пароль я угадал.

— Небось дата его рождения?

— Почти. «ХУ1953».

— И что это значит?

— Первого января тысяча девятьсот пятьдесят третьего года Хэнка Уильямса нашли мертвым в его собственной машине.

— Вот видишь, до всего можно додуматься, если постараться. Ну что, пошли поразмышляем в более теплом месте, чем это?

— Угу, — ответил Харри, собираясь сделать последнюю затяжку.

— Подожди, — попросила Кайя, протягивая руку. — Можно мне?..

Харри посмотрел на нее и отдал Кайе сигарету. В разговоре с Бьёрном он назвал себя единственным зрячим, но это неправда. Он был слепцом почище прочих, поскольку был ослеплен слезами. Но сейчас казалось, что Харри на какой-то миг смахнул слезы и впервые после их новой

встречи *увидел* Кайю Сульнес. Все дело в сигарете. Воспоминания нахлынули нежданно-негаданно. Молодая сотрудница полиции, отправившаяся за Холе в Гонконг, чтобы вернуть его домой для охоты на серийного убийцу, которого полиция Осло никак не могла поймать. Она нашла его на матрасе в пансионе «Чункинг-мэншн» — равнодушного, пребывающего в забытьи и опьянении. Трудно сказать, кто из них тогда больше нуждался в спасении: полиция Осло или сам Харри. И вот она снова здесь. Кайя Сульнес, которая отрекалась от собственной красоты всякий раз, когда показывала острые неровные зубы, портившие ее в остальном безупречное лицо. Харри помнил утренние часы, проведенные с ней в большом пустом доме, сигареты, которые они делили на двоих. Ракель обычно просила затянуться сразу после того, как он прикуривал, а вот Кайя любила сделать последнюю затяжку.

Он покинул их обеих и снова уехал в Гонконг, но ради одной из них все-таки вернулся. Ради Ракели.

Харри смотрел, как малиновые губы Кайи смыкаются вокруг желто-коричневого фильтра и лишь слегка напрягаются при затяжке. А потом она бросила окурок на влажную коричневую

землю между лужей и гравием, придавила его ногой и направилась к машине. Харри собирался было последовать за ней, но вдруг остановился.

Его взгляд упал на раздавленный окурок.

Говорят, что способность человеческого мозга распознавать шаблоны отличает нас от животных, что постоянный, автоматически повторяющийся поиск закономерностей способствовал развитию нашего интеллекта и сделал возможным создание цивилизации. И сейчас это сработало: Харри узнал отпечаток обуви. Ему вспомнились снимки, хранившиеся в файле «Фотографии с места преступления» в материалах следственной группы. И день, когда он, как и сейчас, стоял в снегу между деревьями, в нескольких метрах от того места, откуда сняли фотоловушку. В коротком комментарии к фотографии было написано, что в интерполовской базе рисунков подошв совпадений обнаружено не было. Харри кашлянул.

— Кайя?

Он заметил, как узкая спина женщины, идущей к машине, напряглась. Бог знает почему; может быть, она уловила в его голосе нечто такое, чего сам он не слышал. Она повернулась к нему. Губы разошлись в стороны, и Харри увидел острые

зубы.

Глава 26

— Все спецназовцы — шатены, — произнес плотный спортивный мужчина, сидевший в глубоком кресле возле низкого стола.

Стул Эрланда Мадсена стоял под углом в девяносто градусов к креслу Руара Бора, а не прямо напротив. Это было сделано для того, чтобы пациенты Мадсена сами могли выбирать, смотреть на психотерапевта или нет. Отсутствие визуального контакта с человеком, с которым ты разговариваешь, имело ту же функцию, что и исповедальня с перегородкой: пациенту казалось, что он разговаривает сам с собой. Когда человек не видит реакции собеседника, выражения его лица, языка его тела, то порог того, о чем можно рассказывать, снижается. Иногда Мадсен задумывался, не приобрести ли ему кушетку, хотя кушетка уже стала этаким клише, чуть ли не предметом насмешек. Он заглянул в свой блокнот. Пользоваться блокнотами пока еще не считается зазорным.

— Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

— Подробнее о каштановых волосах? — улыбнулся Руар Бор. И когда улыбка достигла его

темно-серых глаз, врачу показалось, что видневшаяся в них затаенная боль только усилила ее: так солнце светит особенно ярко у самого края облака. — Да, эти ребята хорошо умеют отправлять пули в череп противника с расстояния метров в двести. Но на контрольно-пропускном пункте их можно узнать по каштановым волосам и еще по тому, что они очень милые. До смерти напуганные и при этом милые. Такая у них работа. Не стрелять во врагов, как их учили, а совсем наоборот — делать последнее из того, что они могли предположить, когда записывались в армию и проходили через ад усиленной военной подготовки, чтобы попасть в спецназ. Только представьте: их обязанности заключались в том, чтобы улыбаться и быть милыми по отношению к гражданским лицам, проходящим через КПП, который смертники дважды на протяжении последнего года разносили в клочья. Завоевывать сердца — так это называлось.

— Завоевали?

— Ни одного, — ответил Руар Бор.

В качестве специалиста по посттравматическому стрессовому расстройству Мадсен стал этаким Доктором Афганистан, психотерапевтом, о котором слышали и к которому обращались

военнослужащие, вернувшиеся из зоны боевых действий. Но хотя со временем Мадсен узнал довольно много о буднях и о чувствах этих людей, однако опыт подсказывал ему, что лучше всего вести себя как ничего не ведающий человек. Задавать вопросы, как будто он совершенно не в курсе. Позволить пациентам «разогреться», говоря о конкретных простых вещах. Зачастую бедняги и сами не осознавали, где находятся источники их боли: иногда они обнаруживались в таких вещах, которые казались пациентам незначительными или даже забавными, в том, через что в другой ситуации они легко перескочили бы, что подсознание старательно пыталось скрыть, защитить от прикосновений. Сейчас Бор все еще находился на стадии «разогрева».

— Неужели ни одного сердца? — спросил Мадсен.

— Ни один из тех, кто служит в Афганистане, на самом деле не знает, зачем там нужны Международные силы содействия безопасности. Полагаю, даже командование МССБ этого толком не представляет. Но никто не верит, что МССБ находятся там исключительно для того, чтобы нести демократию и счастье стране, в которой не понимают саму концепцию демократии и не интересуются

ее ценностями. Афганцы поддакивают нам, пока мы помогаем им с питьевой водой, продуктами и разминированием. А со всем остальным мы можем убираться к чертям собачьим. И я говорю не только о тех местных жителях, которые симпатизируют талибану.

— И зачем же вы туда отправились? — поинтересовался Мадсен.

— Если хочешь продвинуться по службе в армии, надо пройти через МССБ.

— А вы хотели продвинуться?

— Другого пути нет. Остановишься — умрешь. Армия готовит медленную, мучительную и унизительную смерть для тех, кому кажется, что можно не стремиться вперед и вверх.

— Расскажите о Кабуле.

— Кабул. — Бор выпрямился. — Бездомные собаки.

— Бездомные собаки?

— Они повсюду. Собаки без хозяев.

— В буквальном смысле, не…

Бор улыбнулся и отрицательно помотал головой. На этот раз солнца в его глазах не было.

— У афганцев вообще слишком много хозяев. Бездомные собаки там живут за счет помоек. Мусора у них много. Пахнет выхлопными газами.

И горелым. В Афганистане жгут все подряд, чтобы только получить тепло. Мусор, нефть. Дрова. Кстати, в Кабуле бывает снег. Но какой-то странный, серого цвета. Конечно, там есть несколько красивых зданий. Президентский дворец. Пятизвездочный отель «Серена». Сады Бабура тоже очень красивые. Но когда ты ездишь по городу на машине, то видишь обшарпанные простые домишки, одноэтажные или двухэтажные, а также магазинчики, где торгуют всякой всячиной. Или русскую архитектуру самого депрессивного периода. — Бор покачал головой. — Я видел фотографии Кабула до советского вторжения. Кабул и правда когда-то был прекрасным.

— Но не тогда, когда вы там служили?

— На самом деле мы жили не в самом Кабуле, а в палаточном городке неподалеку. Палатки были очень хорошими, удобными, почти как дома́. А наши офисы располагались в самых обычных зданиях. В палатках не было кондиционеров, только вентиляторы. Да и они работали не всегда, потому что по ночам стоял холод. Но дни иной раз выдавались такие жаркие, что невозможно было передвигаться по улице. Конечно, по сравнению с иракской Басрой, где было пятьдесят градусов в тени плюс огромная влажность, там

не так уж и плохо, но все же летом Кабул может превратиться в ад.

— И все-таки вы возвращались туда. — Мадсен заглянул в свои записи. — Трижды? И каждый раз на двенадцать месяцев?

— Не совсем так: сперва я был там год, а потом еще два раза по шесть месяцев.

— Вы и ваши близкие, конечно, знали о рисках, которые влекут за собой поездки в зону военных действий. Ведь это не идет на пользу ни здоровью, в том числе и психическому, ни семейной жизни.

— Да-да, мне рассказывали, что, вернувшись из Афганистана, легко заработать нервное расстройство, развод и… производство в чин полковника перед выходом на пенсию, если тебе удастся скрыть злоупотребление алкоголем.

— Но…

— Мой курс был проложен. На меня делали ставку. Академия Генерального штаба, Военная академия. Нет границ тому, что человек готов совершить, стоит только внушить ему чувство избранности. Отправиться на Луну в консервной банке в шестидесятые годы было заданием для самоубийц, и все это знали. НАСА обратилось с предложением записаться добровольцами в

программу по подготовке астронавтов только к самым лучшим пилотам, к людям, у которых уже были прекрасные виды на будущее, — и это во времена, когда летчики, даже гражданские, имели статус, сопоставимый со статусом кинозвезд и футболистов. Заметьте, они взывали не к бесстрашным молодым пилотам-авантюристам, а к более опытным и надежным. К тем, кто знал, что такое риск, и не искал приключений сознательно. К женатым, у которых уже были дети. Короче говоря, к тем, кому было что терять. Как вы думаете, многие ли отказались от высокой чести совершить публичное самоубийство?

— Так вы поэтому поехали в Афганистан?

Бор пожал плечами:

— Ну, скажем так: это была смесь личных амбиций и идеализма. Но я уже не помню пропорции.

— Давайте тогда поговорим о возвращении домой. Что вам лучше всего в связи с этим запомнилось?

Бор криво улыбнулся:

— Моей жене все время приходилось меня перевоспитывать. Напоминать, что я не должен отвечать «принято» на ее просьбу купить в магазине молока. Что мне следует нормально одеваться. Понятное дело, если ты годами из-за

жары не носил ничего, кроме полевой формы, то потом костюм кажется немного… тесноватым. И еще жена напоминала мне о том, что на публичных мероприятиях ожидается, что я буду в качестве приветствия пожимать руку не только мужчинам, но и женщинам, даже тем, что в хиджабах.

— Может, поговорим об убийствах?

Бор поправил галстук и посмотрел на часы, потом медленно и глубоко вздохнул:

— А надо?

— У нас еще есть время.

Бор на мгновение закрыл глаза, потом снова открыл их.

— Убийство — это сложно. И очень просто. Когда мы отбираем солдат в элитный спецназ, они должны не только соответствовать определенному набору физических и психологических требований. Они должны быть в состоянии убивать. Так что мы ищем людей, которые умеют дистанцироваться от убийства. Вы наверняка видели фильмы и телепрограммы о наборе в войска специального назначения вроде «Курсов рейнджеров». Там больше всего говорят об управлении стрессом, о том, как оставаться боеспособным, не имея достаточного количества еды

или возможности поспать. В те времена, когда я еще служил рядовым, мало фокусировались на убийстве, на способности солдата отнять чужую жизнь и потом жить с этим. Сейчас мы знаем больше. И понимаем: тому, кому предстоит убивать, следует познать самого себя. Он не должен удивляться собственным чувствам. Неправда, что убить существо одного вида с тобой неестественно, на самом деле все обстоит как раз наоборот. В природе такое происходит постоянно. Не подумайте, я вовсе не хочу сказать, что надо лишать жизни любого, кто вызывает у тебя неприязнь. Разумеется, надо сдерживать себя, на то мы и люди. Но с другой стороны, то, что ты в состоянии убить, — это признак психического здоровья, это демонстрирует способность к самоконтролю. Если у солдат моего спецподразделения и было что-то общее, так это то, что все они относились к убийству с полным спокойствием. Но тому, кто хотя бы одного из них назовет психопатом, я дам в нос.

— Всего лишь в нос? — уточнил психотерапевт, криво улыбаясь.

Бор не ответил.

— Мне бы хотелось, чтобы вы прямо рассказали, в чем ваша проблема, — произнес Мадсен. — Вам

приходилось убивать. И во время нашей предыдущей беседы вы назвали себя монстром — вот, у меня записано. Но в тот раз вы не захотели поговорить об этом.

Бор кивнул.

— Я вижу, вы сомневаетесь, а потому еще раз повторю: я обязан соблюдать врачебную тайну, так что бояться абсолютно нечего.

Бор вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Я знаю, но прямо сейчас время поджимает, у меня назначена встреча по работе.

Мадсен кивнул. Обычно, помимо чисто профессионального любопытства, необходимого для определения корня проблемы, он редко интересовался историей пациента *per se*[31]. Но в этом случае дело обстояло иначе, и он надеялся, что сумел скрыть разочарование, услышав подобный ответ.

— Хорошо, тогда на сегодня достаточно. Если вы принципиально не хотите обсуждать эту тему…

— Я *хочу* поговорить об этом, я… — Бор замолчал и застегнул пиджак. — Я *должен* с кем-нибудь поговорить об этом, иначе…

— Увидимся в понедельник, в это же время?

---

[31] Примечания: 31
Как таковой *(лат.)*.

Да, ему необходимо купить кушетку. А может, еще и оборудовать кабинку для исповеди.

— Надеюсь, ты любишь крепкий кофе? — прокричал Харри в гостиную, разливая воду из чайника по кофейным чашкам.

— А сколько у тебя всего пластинок? — прокричала в ответ Кайя.

— Около полутора тысяч. — Рукам стало горячо, когда он просунул пальцы в ручки чашек. Тремя быстрыми широкими шагами Харри переместился из кухни в гостиную. Кайя стояла на диване на коленях и копалась в коллекции винила на полке.

— А если точнее?

Уголок рта Харри приподнялся в подобии улыбки.

— Одна тысяча пятьсот тридцать шесть штук.

— Как и все мальчики-невротики, ты, конечно, расставил пластинки в алфавитном порядке, по фамилиям исполнителей. Но вот в пределах одного певца или группы я что-то системы не вижу. Там они у тебя стоят не в хронологическом порядке, по дате выхода.

— Нет, — сказал Харри, опустил чашки на журнальный столик рядом с компьютером и подул на пальцы. — Система есть: они расставлены в

том порядке, в каком я их приобрел. Последняя купленная пластинка — крайняя слева.

Кайя рассмеялась:

— Любопытная логика!

— Бьёрн говорит, что я ненормальный, потому что больше никто, кроме меня, так не делает. — Он уселся на диван, она опустилась рядом с ним и сделала глоток кофе.

— Мм…

— Замороженно-высушенный кофе из только что открытой банки, — сказал Харри.

— Я уже и забыла, как это вкусно, — засмеялась она.

— Что? Неужели с тех пор никто не угощал тебя этим напитком?

— Ох, Харри, похоже, только ты один и знаешь, как надо обращаться с женщинами.

— Ну что ж, возможно, ты и права, черт возьми, — не стал спорить Харри и указал на монитор. — Вот фотография следа на снегу перед домом Ракели. Видишь, подошва точь-в-точь как у тебя?

— Да, — согласилась Кайя, разглядывая свой сапог. — Но след на фотографии оставлен сапогом большого размера, да?

— Предположительно сорок третьего или сорок четвертого, — подтвердил Харри.

— А у меня тридцать восьмой. Я купила их на блошином рынке в Кабуле, это был самый маленький размер из имевшихся в наличии.

— И это советские военные сапоги тех времен, когда русские вторглись в Афганистан?

— Ага.

— Но тогда получается, что им как минимум тридцать лет.

— Впечатляет, да? Помню, в Кабуле у нас был один норвежский подполковник, который любил повторять, что если бы эти сапожники правили страной, то СССР существовал бы и по сей день.

— Ты, случаем, не о подполковнике ли Боре говоришь?

— Угадал.

— Значит, у него тоже были такие сапоги?

— Точно не скажу, но подобная обувь была там очень популярна. И стоила дешево. А почему ты спрашиваешь?

— В распечатке телефонных разговоров Ракели номер Руара Бора фигурирует так часто, что полиция проверила его алиби на ночь убийства.

— И?..

— Его жена утверждает, что он был дома весь вечер и всю ночь. Но меня удивило, с каким упорством Бор названивал Ракели, если по каким-то

причинам не мог до нее дозвониться: раз, другой, третий. Возможно, этого маловато, чтобы обвинить его в преследовании, но разве не странно, что начальник звонит подчиненной гораздо чаще, чем она ему?

— Не знаю. Думаешь, Бор мог испытывать к Ракели не только профессиональный интерес?

— А ты сама как считаешь?

Кайя почесала подбородок. Харри не знал почему, но этот жест показался ему мужским, может быть, из-за того, что обычно представители сильного пола так чешут бороду.

— Бор — хороший руководитель, болеет душой за дело, — сказала Кайя. — Это означает, что иногда он может проявлять заинтересованность и нетерпение. Я с легкостью могу представить, что он позвонит подчиненной три раза, прежде чем та успеет ответить на его первый звонок.

— В час ночи?

Кайя скривилась:

— Ты хочешь услышать возражения или…

— Хотелось бы.

— Ракель работала заместителем директора Института по защите прав человека, если я правильно понимаю?

— Да.

— И чем именно она занималась?

— Составляла отчеты для компетентных органов по правам человека при ООН. Писала доклады. Консультировала политиков.

— Ну вот видишь. Сроки там наверняка жесткие, иной раз приходится жертвовать отдыхом сотрудников. Да плюс еще разница во времени: не забывай, что в штаб-квартире ООН на шесть часов меньше, чем у нас. По-моему, в данном случае нет ничего удивительного в том, что твой шеф иногда звонит тебе поздно.

— А какой адрес у Бора?

— Вроде бы он живет где-то в Сместаде. Если не ошибаюсь, в доме, который принадлежал еще его родителям.

— Ясно.

— О чем ты думаешь?

— Да просто разные мысли.

— Давай выкладывай.

Харри потер шею.

— Я отстранен от работы и поэтому не имею права вызвать подозреваемого на допрос, потребовать ордер на обыск или как-либо иначе действовать легально. Но мы можем немного покопаться в мертвой зоне, где сотрудники Крипоса и отдела убийств нас не увидят.

— Это как?

— Рассмотрим такую версию. Бор убивает Ракель. После этого он едет прямо домой и по дороге избавляется от орудия убийства. В таком случае он наверняка ехал по той же самой дороге, по которой мы с тобой сегодня возвращались сюда из Хольменколлена. Вот где бы ты выбросила нож между Хольменколленом и Сместадом?

— Пруд Хольмендаммен находится буквально в двух шагах от дороги.

— Хорошо, — сказал Харри. — Но в материалах следствия говорится, что нож там уже искали, однако ничего не обнаружили, хотя средняя глубина пруда составляет всего три метра.

— Тогда где?

Он закрыл глаза, прислонился головой к стене из виниловых пластинок и представил себе дорогу, по которой ездил множество раз. Путь из Хольменколлена в Сместад. Это не больше трех-пяти километров. И огромное количество возможностей избавиться от маленького предмета, ведь там преимущественно сады.

Кустарник перед выездом на улицу Сташунсвейен мог оказаться тем самым местом. Харри услышал вдалеке металлический звон трамвая и жалобный крик где-то поблизости. И внезапно в

мозгу у него вновь вспыхнул фейерверк. На этот раз он был зеленым. С запахом смерти.

— Мусор, — сказал Харри. — Контейнер.

— Что?

— Нож спрятан в мусорном контейнере при бензоколонке на улице Сташунсвейен.

Кайя засмеялась:

— Это одна из тысячи возможностей, однако ты, кажется, совершенно уверен.

— Я бы на месте убийцы именно так и поступил.

— Эй, с тобой все в порядке?

— В смысле?

— Ты вдруг сильно побледнел.

— Нехватка железа, — пояснил Харри и встал.

— Обслуживающая компания вывозит мусорные контейнеры по мере их наполнения, — сказала темнокожая женщина в очках.

— И когда это произошло в последний раз? — уточнил Харри, глядя на большой серый бак, стоявший рядом со зданием бензоколонки. Женщина, представившаяся директором, объяснила, что контейнером пользуются их сотрудники, в него сбрасывают упаковки от товаров. Она не могла припомнить, чтобы кто-то из посторонних тайно выкидывал туда мусор. С одного конца

контейнера зияла открытая металлическая пасть, и женщина показала, как, нажав на красную кнопку сбоку, можно привести в действие жевательные мускулы. Пасть прессовала мусор и отправляла его дальше, в пищеварительную систему контейнера. Кайя стояла в нескольких метрах от них и записывала в блокнот название и контактный телефон обслуживающей компании, указанные на серой стали.

— В последний раз они забирали контейнер где-то месяц назад, — ответила директриса.

— Скажите, а полиция, случайно, не открывала его, чтобы проверить содержимое?

— Но вы сами вроде как назвались полицейским — или мне послышалось?

— К сожалению, во время такого масштабного расследования правая рука не всегда знает, что делает левая. Вы можете открыть для нас контейнер?

— Не знаю. Надо позвонить в администрацию.

— Но вы сами вроде как назвались директором — или мне послышалось?

— Все верно, но это не значит, что надо мной нет начальства…

— Мы понимаем, — улыбнулась Кайя. — И если вы позвоните своему шефу, будем вам очень

признательны.

Женщина оставила их и исчезла в красно-желтом здании. Харри и Кайя стояли и смотрели на искусственный газон футбольного поля, где тренировалась пара мальчишек: пацаны копировали последние трюки Неймара, которые видели на «Ютьюбе».

Через некоторое время Кайя бросила взгляд на часы и предложила:

— Может, зайдем внутрь и спросим, как продвигается дело?

— Нет, — ответил Харри. — В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Нож не в этом контейнере.

— Но ты же сказал…

— Я ошибся.

— Уверен?

— Смотри, — показал Харри. — Камеры наблюдения. Вот почему никто из посторонних не бросает мусор в их контейнер. Согласись, человек, у которого хватило силы духа, чтобы убрать с места преступления хорошо закамуфлированную фотоловушку, не поедет на бензоколонку, где ведется видеонаблюдение, чтобы избавиться там от орудия убийства.

И он пошел по направлению к футбольному полю.

— Эй, ты куда? — прокричала Кайя ему вслед.

Харри не ответил ей по той простой причине, что и сам этого не знал. По крайней мере, до тех пор, пока не обошел бензоколонку и не увидел здание с логотипом спортивного клуба «Реди» над входом. Рядом со спортклубом стояло шесть мусорных бачков из зеленого пластика. Все они находились вне зоны действия камер. Харри снял крышку с самого большого, и на него пахнуло резким запахом гниющей пищи.

Он поставил бачок на два задних колеса и выкатил его на открытую площадку перед зданием. Там он перевернул бачок, и его содержимое вытекло наружу.

— Ну и запашок, — заметила подошедшая Кайя.

— Это хорошо.

— Почему?

— Это означает, что его давно не опорожняли, — пояснил Харри. Он сел на корточки и начал копаться в мусоре. — Начнешь осматривать следующий?

— В описании моих должностных обязанностей нет пункта, посвященного мусору.

— Ну, учитывая размер твоей заработной платы, ты должна была понимать, что рано или поздно до этого дойдет.

— Но ты же не платишь мне вообще никакой зарплаты, — возразила Кайя, переворачивая самый маленький из бачков.

— Именно это я и имел в виду. К тому же твой пахнет не так жутко, как мой.

— Да уж, умеешь ты мотивировать своих сотрудников, нечего сказать.

Кайя присела на корточки, и Харри отметил, что она начала осматривать содержимое бачка с верхнего края влево, как учили на занятиях по технике обыска в Полицейской академии.

На крыльцо вышел какой-то мужчина в свитере с логотипом клуба и удивленно застыл:

— Какого черта вы здесь делаете?

Харри поднялся, подошел к мужчине, продемонстрировал ему свое полицейское удостоверение и вежливо поинтересовался:

— Вы не знаете, мог ли кто-то видеть здесь человека поздно вечером десятого марта?

Сотрудник клуба, разинув рот, посмотрел сначала на удостоверение, а потом на Харри:

— Вы Харри Холе?

— Точно так.

— Тот самый суперсыщик?
— Не верьте всему, что…
— И вы роетесь в нашем мусоре?
— Простите, если разочаровал вас.
— Харри… — произнесла Кайя.

Харри обернулся. Она держала большим и указательным пальцем какой-то предмет, похожий на крошечный черный осколок пластмассы.

— Что это? — спросил он, прищурился и почувствовал, как заколотилось сердце.

— Я не уверена, но мне кажется, это такая…

— …карта памяти, какие используются в фотоловушках.

Солнце освещало кухню дома на улице Лидера Сагена. Кайя вынимала карту памяти из предмета, который показался Харри дешевой видеокамерой. Но Кайя слегка обиженно объяснила, что это «Кэнон G9», купленный за большие деньги в 2009 году и с тех пор ничуть не устаревший.

Она засунула карту памяти, которую они нашли в мусорном бачке, в пустой разъем, при помощи кабеля подключила камеру к своему ноутбуку и открыла папку «Фотографии». Появилось несколько иконок. На некоторых был изображен дом Ракели в разное время дня. Другие записи были сделаны в темноте, и единственное,

что на них было видно, — свет из кухни.

— Вот, пожалуйста, смотри, — сказала Кайя и направилась к бурно клокочущей кофемашине, заканчивающей варить вторую чашку кофе, но Харри понял, что она деликатно ушла, чтобы позволить ему побыть в одиночестве.

Все иконки были снабжены датами.

На предпоследней стояло: «10 марта», на самой последней — «11 марта». Ночь убийства.

Харри затаил дыхание. Что он сейчас увидит? Чего боится и что хочет увидеть?

Его мозг был подобен растревоженному осиному гнезду, поэтому Харри рассудил, что чем быстрее он пройдет через это, тем лучше.

Итак, до полуночи камера включалась четыре раза.

Харри открыл первую запись, на которой значилось время 20:02:10.

Темнота. Свет за шторами в кухонном окне. Но кто-то или что-то двигалось во мраке ночи, потому что камера включилась. Черт, а ведь тот парень в магазине советовал Харри купить более дорогую камеру, модели «Zero Blur». Или она называлась «No Glow»? В общем, такую, которая позволяет видеть все, что находится перед камерой, даже в кромешной темноте. Внезапно

дверь открылась, и крыльцо озарилось светом, на пороге показался силуэт, который мог принадлежать только Ракели. Она постояла пару секунд, а потом впустила в дом другой силуэт. Дверь за ними закрылась.

Харри тяжело дышал носом.

Миновало несколько долгих секунд, и изображение застыло.

Следующая запись началась в 20:29:25. Харри включил ее. Входная дверь была открыта, но свет в гостиной выключен или сильно приглушен, и поэтому он едва разглядел, как из дома выскользнул силуэт, закрыл за собой дверь, спустился по ступенькам крыльца и исчез в полной темноте. Но в любом случае запись была сделана в половине девятого вечера, то есть за полтора часа до начала того промежутка, который судмедэксперты считали временем смерти. Так что главное еще впереди.

Харри почувствовал, как у него вспотели ладони, когда он запускал третью запись, начинавшуюся в 23:21:09.

По двору проехала машина. Передние фары осветили стену дома. Автомобиль остановился прямо у крыльца, фары погасли. Харри вглядывался в экран, безуспешно пытаясь пробуравить

мрак взглядом.

Таймер отсчитывал секунды, но ничего не происходило. Неужели водитель просто сидит в темном салоне и чего-то ждет? Нет, раз запись не остановилась, значит сенсор камеры по-прежнему улавливает движение. И вот наконец Харри что-то разглядел. Слабый свет упал на крыльцо, когда входная дверь открылась и нечто похожее на скрючившегося человека проскользнуло внутрь. Дверь закрылась, картинка почернела, и через несколько секунд запись остановилась.

Он запустил последнюю запись, произведенную до полуночи. Время 23:38:21.

Темнота.

Ничего.

Но на что же среагировал сенсор камеры? На что-то, что шевелилось и имело пульс, чья температура отличалась от температуры окружающей среды.

Через полминуты запись остановилась.

Датчик мог среагировать на человека, двигавшегося по двору перед домом. Но также и на птицу, кошку, собаку. Харри потер лицо. Зачем нужна фотоловушка с сенсорами намного более чувствительными, чем линза? Он смутно припоминал, что продавец в магазине как раз говорил

что-то подобное, когда уговаривал его приобрести модель подороже. Но это было как раз в то время, когда у Харри начались проблемы с финансами: он много пил и искал место для ночевки.

— Ну, есть что-нибудь? — спросила Кайя, ставя перед ним чашку.

— Да, но этого недостаточно.

— Ничего, сейчас мы точно увидим преступника. — Она заметила, что Харри навел курсор на иконку с обозначением «11 марта; 02:23:12».

— Сплюнь, а то сглазишь, — сказал он, запуская запись.

Входная дверь открылась, и в слабом сером свете, падающем из коридора, можно было разглядеть силуэт. Человек постоял несколько секунд; казалось, он качается. Потом дверь закрылась, и снова стало совершенно темно.

— Он вышел, и он двигается, — сказал Харри.

Свет.

Включились фары автомобиля и задние габаритные огни. Потом они погасли, и снова стало темно.

— Зажигание было выключено, — сказала Кайя. — Что случилось?

— Я не знаю. — Харри склонился к монитору. — Что-то приближается, видишь?

— Нет.

Картинка задрожала, и очертания дома исказились. Еще одна встряска, и дом покосился еще больше. А потом запись прервалась.

— Что это было?

— Преступник снял фотоловушку, — пояснил Харри.

— Но разве мы не должны были его увидеть, если он шел прямо от машины к камере?

— Он двинулся в обход, — ответил Харри. — Ты видела, как он приближается, вот только он шел с левой стороны.

— А зачем в обход? Ну, я хочу сказать, если он все равно собирался уничтожить запись?

— Преступник обходил участок, где больше всего снега. Чтобы не оставить там следов от сапог.

Кайя медленно кивнула и заметила:

— Убийца должен был заранее провести полную рекогносцировку, раз так хорошо знал расположение камеры.

— Да. И он осуществил убийство с почти военной точностью.

– *Почти?*

— Он сперва сел в машину и чуть не забыл о камере.

— Так, может, он изначально не собирался

никого убивать?

— Да нет, — возразил Харри, поднося кофе ко рту. — Все было спланировано до мельчайших деталей. Например, свет в салоне не включился — ни когда он выходил, ни когда садился в машину. Убийца вырубил его заранее — на случай, если соседи услышат звук подъезжающей машины и выглянут в окно посмотреть, кто приехал.

— Но они все равно увидели бы его автомобиль.

— Сомневаюсь, что это его собственная машина. В противном случае он припарковался бы подальше. Все выглядит так, будто он *сознательно* демонстрирует эту машину на месте преступления.

— Чтобы возможные свидетели навели полицию на ложный след?

— Хм… — Харри глотнул кофе и поморщился.

— Прости, но у меня не было замороженно-высушенного, — сказала Кайя. — И какой же вывод? Подтверждается или нет твоя теория о профессиональном преступнике, который действовал безупречно?

— Не знаю. — Харри откинулся назад, чтобы вынуть из кармана брюк пачку сигарет. — То, что он чуть не забыл про фотоловушку, как-то не

очень вяжется со всем остальным. И еще мне показалось, что он качался, когда стоял в дверях, ты обратила внимание? Будто бы из дома выходит не тот человек, который туда зашел. И что, интересно, он мог делать в доме два с половиной часа?

— А ты как думаешь?

— Я думаю, он находился под воздействием наркотиков или алкоголя. Руар Бор принимает таблетки?

Кайя неопределенно покачала головой, взгляд ее остановился на стене за спиной у Харри.

— Это значит «нет»? — спросил он.

— Это значит: я не знаю.

— Но ты этого не исключаешь?

— Исключаю ли я, что спецназовец, три раза побывавший в Афганистане, сидит на колесах? Конечно нет.

— Мм… Можешь вынуть карту памяти? Отдам ее Бьёрну, пусть криминалисты поработают с изображением.

— Конечно. — Кайя взяла камеру. — Что скажешь по поводу ножа? Почему убийца не выбросил его там же, где и карту памяти?

Харри исследовал остатки кофе на дне чашки.

— Судя по состоянию места преступления, у убийцы имеется представление о том, как ра-

ботает полиция. Можно предположить, что ему известно, как тщательно мы обследуем район вокруг этого места в поисках возможного орудия преступления. Он понимал: вероятность того, что мы найдем нож в мусорном бачке на расстоянии менее километра, довольно высока.

— Но карту памяти…

— …выбросить было безопасно. Он не думал, что мы станем ее искать. Кто мог знать, что на участке Ракели находилась закамуфлированная фотоловушка?

— Так где же все-таки нож?

— Я не знаю. Но если попытаться просто угадать, я бы сказал, что он у убийцы дома.

— Почему? — спросила Кайя, глядя на дисплей камеры. — Ведь если его там найдут, это будет равнозначно обвинительному приговору.

— Потому что наш злоумышленник считает себя вне подозрений. Нож не гниет, не тает, его надо спрятать в таком месте, где его *никогда* не найдут. И тут на ум первым делом приходит свое жилье. То, что нож находится поблизости, дает чувство контроля над собственной судьбой.

— Но если он использовал нож с места преступления, а потом стер с него отпечатки пальцев, то орудие будет невозможно связать с преступ-

ником, если, конечно, нож не будет находиться у него дома. Дом — последнее место, которое я бы выбрала.

Харри кивнул:

— Ты права. И, как я и сказал, я не знаю наверняка, а просто гадаю. Это… — Харри пытался подобрать нужное слово.

— Шестое чувство?

— Да. Нет. — Он сжал виски руками. — Сам не знаю. Помнишь, как в юности перед приемом ЛСД нас предупреждали, что потом, в дальнейшей жизни, у нас в любой момент может ни с того ни с сего случиться рецидив, возникнуть галлюцинации?

Кайя оторвала взгляд от дисплея камеры:

— Я не принимала ЛСД, да мне его никто и не предлагал.

— Умничка. Я был не таким хорошим мальчиком. Некоторые утверждают, что подобные рецидивы можно спровоцировать. Например, стрессом. Или алкоголем. Травмами. Галлюцинации возникают потому, что в организме активизируются остатки старого вещества, ведь ЛСД — это синтетический наркотик и не разлагается, как, например, кокаин.

— И сейчас ты думаешь, не произошло ли и с

тобой нечто подобное?

Харри пожал плечами:

— ЛСД расширяет сознание. Под его воздействием мозг выдает бешеную скорость и начинает обрабатывать информацию на таком детальном уровне, что у человека появляется ощущение, будто он постиг космическое знание. Это единственное объяснение, которое я нахожу тому, что вдруг *почувствовал*: нам надо проверить те зеленые мусорные бачки перед клубом. Ну подумай сама, можно ли *случайно* отыскать такой малюсенький кусочек пластика в первом же подозрительном месте в километре от места преступления?

— Наверное, нет, — ответила Катрина, не отрывая глаз от дисплея.

— Хорошо. Но, Кайя, то же самое космическое знание подсказывает мне, что Руар Бор — не тот человек, которого мы ищем.

— А если я скажу, что мое космическое знание подсказывает мне, что ты ошибаешься?

Харри пожал плечами:

— Это ведь я принимал ЛСД, а не ты.

— Но это ведь я просмотрела записи, сделанные *до* десятого марта, а не ты.

Кайя повернула камеру и показала Харри дис-

плей.

— Вот, пожалуйста, за неделю до убийства, — сказала она. — Какой-то человек выходит из-за камеры, поэтому, когда начинается запись, мы видим только спину. Он останавливается перед ней, но, к сожалению, не поворачивается, и лица его не видно. Его нельзя рассмотреть и когда он два часа спустя уезжает оттуда.

Харри уставился на большую луну, висевшую прямо над крышей дома. Разглядывая силуэт на фоне луны, Харри видел все детали дула и части приклада, видневшиеся из-за плеча человека, который опасался быть замеченным из дома.

— Если я не ошибаюсь, — сказала Кайя, а Харри уже знал, что она не ошибается, — то это «Кольт Канада C8». Не слишком стандартное оружие, мягко говоря.

— Думаешь, это Бор?

— Во всяком случае, спецназовцы пользуются таким оружием в Афганистане.

— Вы хоть понимаете, в какое положение меня поставили? — спросила Дагни Йенсен. Она не стала снимать пальто и уселась прямо на стул перед столом Катрины Братт, обхватив руками сумочку. — Со Свейна Финне сняты все обвинения, ему даже нет необходимости скрываться.

Мало того, теперь он знает, что я подала на него заявление об изнасиловании!

За дверью Катрина увидела мускулистую фигуру Кари Бил, одной из трех полицейских, кому поручили охрану Дагни Йенсен.

— Но, Дагни… — начала Катрина.

— Йенсен, — оборвала ее женщина. — *Фрёкен* Йенсен. — Потом она уткнулась лицом в ладони и заплакала. — Он свободен, а вы не можете охранять меня всю жизнь. Но *он*… он будет постоянно следить за мной… как крестьянин за стельной коровой!

Плач перешел в хлюпающие рыдания, и Катрина задумалась, что ей делать. Встать, обойти вокруг стола, попробовать утешить женщину или же лучше оставить ее в покое? Ничего не делать. Посмотреть, не пройдет ли это само. Не исчезнет ли.

Катрина содрогнулась.

— Мы продолжаем рассматривать возможность предъявить Свейну Финне обвинения в изнасилованиях и отправить его за решетку.

— Вам никогда это не удастся, у него такой ушлый адвокат! Юхан Крон гораздо умнее вас, это уже все поняли!

— Может, Крон и умнее, но он не на той сто-

роне.

— А вы на той? На стороне Харри Холе?

Катрина не ответила.

— Между прочим, это вы уговорили меня не подавать на него заявление, — продолжала Дагни.

Катрина открыла ящик письменного стола и протянула посетительнице салфетку.

— Конечно, только вам решать, хотите ли вы пересмотреть свое решение, фрёкен Йенсен. Если вы надумаете подать официальное заявление и обвинить инспектора Холе в том, что он превысил свои полномочия и намеренно подверг вас опасности, я уверена, что его признают виновным и вышвырнут из полиции, к вашему полному удовлетворению.

По выражению лица Дагни Йенсен Катрина поняла, что ее слова прозвучали более резко, чем ей самой бы того хотелось.

— Вы не знаете, Братт, — Дагни стирала размазавшуюся от слез косметику, — вы не знаете, каково это — носить ребенка, которого ты не хочешь, и…

— Мы можем помочь вам договориться с врачом о прерывании…

— Хватит уже меня перебивать!

Катрина закрыла рот.

— Простите, — прошептала Дагни. — Я просто совершенно измотана. Я имела в виду, вы не знаете, каково это — носить ребенка, которого ты не хочешь, и… — Дагни вздохнула, — и все равно хотеть его.

В наступившей тишине Катрина слышала топот ног полицейских, пробегавших по коридору мимо ее кабинета. Вчера они бегали быстрее. Они устали.

— Думаете, я не знаю? — сказала Катрина.

— Что?

— Ничего. Я не могу углубляться в это. Послушайте, мы так же сильно хотим засадить Финне за решетку, как и вы. И мы добьемся своего. Он обманул нас, вынудив заключить сделку, но нас это не остановит. Я обещаю.

— В последний раз я слышала подобное обещание из уст Харри Холе.

— Сейчас я даю вам слово от своего имени. От имени всего нашего отдела. Полицейского управления Осло. И этого города.

Дагни Йенсен положила салфетку на письменный стол и поднялась:

— Спасибо.

Когда она ушла, Катрина подумала, что никогда не слышала, чтобы три слога выражали так много

и вместе с тем так мало. Так много смирения. Так мало надежды.

Харри положил карту памяти перед собой на барную стойку и внимательно разглядывал ее.

— Что ты там видишь? — заинтересовался Эйстейн Эйкеланн, включивший «To Pimp a Butterfly» Кендрика Ламара. По словам Эйстейна, это произведение было самым простым для стариков, желающих преодолеть закоснелые предубеждения против хип-хопа.

— Ночную запись с места убийства, — пояснил Харри.

— Сейчас ты говоришь совсем как Сеинт Томас[32], который прикладывал к уху кассету и утверждал, что слышит запись. Видел документальный фильм про него?

— Нет. Сто́ящий?

— Хорошая музыка. Несколько интересных фрагментов и интервью. Но затянутый. Такое чувство, что у его создателей было слишком много материала и они никак не могли ни на чем сфокусироваться.

— Как и здесь, — сказал Харри, перевернув карту памяти.

---

[32] Примечания: 32
Сеинт Томас (1976–2007) — норвежский рок-музыкант.

— Все зависит от режиссера.

Харри медленно кивал.

— Мне надо вынуть посуду из посудомойки, — сказал Эйстейн, удаляясь в подсобку.

Харри закрыл глаза. Музыка. Отсылки к другим произведениям. Воспоминания. Принс. Марвин Гэй. Чик Кориа.

Виниловые пластинки, скрип иглы, Ракель, лежащая на диване в доме на улице Хольменколлвейен, сонная, улыбающаяся в ответ на его реплику: «Слушай, сейчас, вот сейчас…»

Может быть, она лежала на том диване, когда пришел *он*.

Кто он?

Кстати, может, убийца вовсе не был мужчиной, записи такого качества, что даже это точно определить нельзя. Но первый человек, который пришел пешком в восемь вечера и ушел полчаса спустя, точно мужчина, в этом Харри был уверен. И его не ждали. Ракель открыла дверь и сперва застыла в проеме на две-три секунды. Наверное, он спросил, можно ли войти, и она впустила его без промедления. Значит, она его хорошо знала. Насколько хорошо? Настолько, что он приблизительно через тридцать минут вышел из дома. Может быть, этот визит и не связан с убийством,

но Харри никак не мог избавиться от вопроса: что мужчина и женщина могут успеть меньше чем за полчаса? Почему свет в кухне и гостиной был приглушен, когда этот человек уходил? Черт возьми, сейчас у него нет времени размышлять об этом, гораздо важнее то, что случилось дальше.

Спустя два часа приехал автомобиль.

Он припарковался прямо у крыльца. Почему? Так путь в дом короче, меньше шансов быть замеченным. Да, об этом говорил и отключенный в салоне свет.

Но между прибытием автомобиля и открытием двери в дом прошло слишком много времени.

Возможно, водитель искал что-то в машине.

Перчатки? Тряпку, чтобы стереть отпечатки? Может быть, он проверял предохранитель на пистолете, которым намеревался ей угрожать? Потому что преступник, разумеется, не собирался убивать из этого пистолета: сделав баллистическую экспертизу, легко идентифицировать оружие и установить его владельца. Он решил, что воспользуется ножом с кухни. Выходит, убийца уже знал, что найдет его в стойке на кухонном столе? Или же там, в доме, он импровизировал и ему просто повезло обнаружить подходящий нож?

В любом случае провести столько времени в машине у крыльца — это неразумно. Ракель могла проснуться и встревожиться, соседи могли успеть подойти к окнам. А когда злоумышленник наконец открыл входную дверь, то в свете, падающем из дома, стал виден странным образом скрюченный силуэт, входящий внутрь. И что это было? Преступник находился под кайфом? С одной стороны, это вписывалось в общую картину с неуместной парковкой и долгим копанием в салоне, но, с другой, никак не сочеталось с отключением света в машине и тщательным заметанием следов на месте преступления.

Смесь трезвого расчета, дурмана и удачи?

Убийца находился в доме почти три часа: он появился незадолго до полуночи и ушел в половине третьего ночи. Исходя из времени смерти, которое определили судмедэксперты, после совершения убийства преступник пробыл там довольно долго. Не пожалел времени на уборку.

Возможно ли, что это тот же самый человек, что приходил раньше тем вечером пешком, а позже вернулся на машине?

Нет.

Запись была слишком низкого качества, чтобы утверждать что-то наверняка, но фигуры у этих

двоих определенно разные: скрюченный человек, пробравшийся в дом, казался более крупным. С другой стороны, так могло показаться из-за одежды или из-за падающих теней.

Человек, вышедший из дома в 02:23, несколько секунд простоял в дверях. Казалось, он качается. Получил травму? Был пьян? Случайно пошатнулся?

Преступник уселся в машину, фары зажглись, потом снова погасли. Он пошел к фотоловушке по кривой. Конец фильма.

Харри потер карту памяти, словно надеясь, что из нее появится джинн.

Где-то в его рассуждениях кроется ошибка. Он явно что-то упустил! Черт, черт!

Ему надо взять паузу. Ему требуется… кофе. Крепкий турецкий кофе. Харри полез за стойку в поисках джезвы, оставшейся от Мехмета, и обратил внимание на то, что Эйстейн сменил музыку. Все еще хип-хоп, но теперь без джаза и замысловатых басов.

— Это что такое, Эйстейн?

— Кэйн Уэст, «So Appalled»! — прокричал Эйстейн из подсобки.

— И это сейчас, когда я был почти уже твой?! Выключи, будь так добр.

— Это хорошая музыка, Харри! Дай ему время. Мы не должны быть консервативными.

— Почему? Я не слышал тысячи альбомов прошлого столетия, и мне жизни не хватит, чтобы их все прослушать.

Харри сглотнул. Как же это прекрасно: моменты отдыха от тяжелых мыслей, обмен легкими бессмысленными репликами с противником, которого ты знаешь вдоль и поперек, этакий дружеский пинг-понг.

— Соберись, брат. — Эйстейн вошел в зал, широко улыбаясь беззубым ртом. Последний передний зуб он потерял в одном баре в Праге: клык просто-напросто выпал. И хотя, обнаружив дыру во рту в туалете аэропорта, Эйстейн сразу позвонил в бар и ему потом прислали по почте коричнево-желтый зуб, приделать его обратно не получилось. Однако приятеля это не особо заботило.

— Это классика, которую будут слушать старички-хипхоперы, Харри. Тут есть не только форма, но и *содержание*. А это очень важно.

Харри рассматривал карту памяти на свет. Он медленно кивал.

— А ведь ты прав, Эйстейн.

— Ну еще бы.

— Моя ошибка именно в том, что я зациклился

на форме, то есть на том, *как* осуществлялось убийство. И упустил то, о чем сам всегда талдычил студентам в Полицейской академии: *почему*? Мотив. Содержание.

Дверь позади них открылась.

— О черт, — тихо произнес Эйстейн.

Харри взглянул в зеркало за спиной друга. К ним легкой походкой, потряхивая головой, приближался маленький мужчина. Черная гладкая челка, усмешка на губах. Такого рода усмешку можно увидеть у гольфистов и футболистов, только что отправивших мяч высоко на трибуны: она была призвана сообщить окружающим, что это настолько не лезет ни в какие ворота, что даже смешно.

— Холе! — Высокий, страшно дружелюбный голос.

— Рингдал! — Голос низкий и совсем даже не дружелюбный.

Харри увидел, как Эйстейн поежился, словно температура в баре опустилась ниже нуля.

— И что же, позволь узнать, ты делаешь в моем баре, Холе? — В карманах синей спортивной куртки Рингдала, которую он снял и повесил на крючок с обратной стороны двери в подсобку, звякнули ключи и монеты. Рингдал напоминал

Харри какого-то музыканта, вот только он не мог вспомнить, кого именно.

— Ну… — сказал Харри. — Допустим: «Проверяю, как распоряжаются наследством» — это удовлетворительный ответ?

— Единственный удовлетворительный ответ: «Я уже ухожу».

Харри засунул карту памяти в карман и слез с барной табуретки.

— Кажется, ты не настолько пострадал, как я надеялся, Рингдал.

Рингдал засучил рукава рубашки.

— Ты о чем?

— Ну, чтобы заслужить пожизненное отлучение, я должен был как минимум сломать тебе носовую перегородку. Хотя, возможно, у тебя ее нет?

Рингдал рассмеялся так, будто действительно считал ответ Харри смешным.

— Тебе удалось попасть в меня первым ударом, Холе, потому что я был к нему не готов. Немного крови из носа, но должен тебя разочаровать: удар оказался не такой силы, чтобы сломать кость. А потом ты бил в воздух. И вон в ту стену. — Рингдал наполнил стакан водой из-под крана за стойкой.

«Ну разве не парадокс: трезвенник заправляет

баром? — подумал Харри. — Хотя чего только в жизни не бывает».

— Ты очень старался, Холе. Но куда тебе против меня, тем более в нетрезвом виде? Я ведь как-никак чемпион Норвегии по дзюдо.

— Ах вот как? Теперь ясно, почему ты выбираешь такие отстойные пластинки, — сказал Харри.

— В смысле?

— Ты когда-нибудь слышал о дзюдоисте, который разбирается в музыке?

Рингдал вздохнул, Эйстейн закатил глаза, и Харри понял, что закинул мяч на трибуну.

— Уже ухожу, — сказал он, поднялся и направился к двери.

— Холе?

Харри остановился и обернулся.

— Прими мои соболезнования. — Рингдал левой рукой поднял стакан воды, будто произнося тост. — Ракель была чудесным человеком. Жаль, что она не успела продолжить.

— Что продолжить?

— О, неужели Ракель тебе не рассказывала? Продолжить работать в «Ревности». Она ведь тоже была акционером. Я предложил ей остаться председателем правления после твоего ухода.

Ладно, Харри, забудем о разногласиях. Тебе здесь рады, и я обещаю слушаться Эйстейна в отношении выбора музыки. Я заметил, что посетителей в баре стало меньше, и это, разумеется, может быть вызвано в том числе и ослаблением… — он подыскивал слово, — э-э-э… музыкальной политики.

Харри кивнул и открыл дверь.

Он стоял на тротуаре и оглядывался по сторонам.

Грюнерлёкка. Скрип скейтборда под ногами мужика лет скорее сорока, чем тридцати, в кедах «Конверс» и фланелевой рубашке, купленной, как показалось Харри, в дизайнерском магазине или в хипстерской лавочке, где, как объяснила Хельга, девушка Олега, продается *same shit, same wrapping*[33], но только с трюфелями фри, что позволяет утроить цену и все равно оставаться в тренде.

Осло. Молодой человек с импозантной неухоженной бородкой пророка, свисающей как слюнявчик над галстуком на безупречном костюме, в расстегнутом пальто от «Бёрберри». Кто он — финансист? Его образ — ирония? Или просто смятение?

---

[33] Примечания: 33
То же дерьмо в той же упаковке *(англ.)*.

Норвегия. Пара в обтягивающих спортивных костюмах трусúт, держа в руках лыжи и палки, в поисках последних островков снега, который еще не растаял в окрестностях столицы. Лыжная мазь за тысячу крон, энергетический напиток и протеиновый батончик в сумочке, что висит на заднице.

Харри достал телефон и набрал номер Бьёрна.

— Да, Харри?

— Я нашел карту памяти от фотоловушки.

Молчание.

— Бьёрн, ты меня слышишь?

— Да, мне просто надо было отойти в сторонку, а то здесь слишком шумно. Это же с ума можно сойти. И что видно на записи?

— К сожалению, не много. Поэтому я хотел спросить, можешь ли ты помочь мне ее проанализировать. Изображение темное, но у вас ведь есть способы вытащить из картинки больше, чем удалось мне. Там видны силуэты, производящие разные действия вроде открытия дверей и так далее. Специалист по трехмерным технологиям наверняка сможет дать примерное описание примет. — Харри потер шею. Где-то чесалось, вот только он не понимал, где именно.

— Могу попробовать, — ответил Бьёрн. — Надо

задействовать стороннего эксперта, ведь если не ошибаюсь, ты намерен пока хранить все в тайне, да?

— Да, поскольку хочу, чтобы у меня была возможность беспрепятственно и дальше идти по этому следу.

— Ты сделал копии видео?

— Нет, все на карте памяти.

— Хорошо, оставь ее в конверте в «Шрёдере», а я попозже забегу и заберу.

— Спасибо, Бьёрн. — Харри отсоединился, а потом набрал букву «Р» — «Ракель». Еще в его телефонной книге имелись «О» — Олег, «Э» — Эйстейн, «К» — Катрина, «Б» — Бьёрн и «С» — Столе Эуне. Вот и все.

Но этого было достаточно, хотя Ракель и говорила Столе, что Харри открыт для новых знакомств. Но только в том случае, если буква еще не занята.

Он позвонил по рабочему телефону Ракели, не набирая добавочного номера, и, услышав голос телефонистки, произнес:

— Я хотел бы поговорить с Руаром Бором.

— У нас тут записано, что сегодня его не будет в офисе.

— А где он и когда вернется?

— У меня нет на этот счет никакой информации. Но могу дать вам номер его мобильного.

Харри записал номер и ввел его в графу поиска приложения справочной службы 1881. Компьютер выдал адрес (Бор жил между Сместадом и Хюсебю), а также номер его стационарного телефона. Харри посмотрел на часы. Половина второго. Он набрал цифры.

— Да? — ответил женский голос после третьего гудка.

— Простите, я ошибся номером. — Харри положил трубку и направился к трамвайной остановке возле парка Биркелюнден. Он почесал предплечье. Нет, чесалось не там. Только в вагоне метро по дороге в Сместад Харри пришел к выводу, что чесотка, без сомнения, сидела у него в голове. И вызвана она была, скорее всего, тем, что сообщил ему Рингдал — то ли по простоте душевной, то ли желая побольнее его ранить. Харри пришел к выводу, что, возможно, недооценивал дзюдоистов.

Женщина, открывшая дверь желтой виллы, излучала бодрость и оптимизм, типичные для дам от тридцати до пятидесяти из высших слоев общества, проживающих здесь, на западной окраине города. Пытались ли они соответствовать

идеалу, или же у них на самом деле энергия била через край, сказать с точностью невозможно, но Харри подозревал, что было что-то статусное в том, как такие дамы, чаще всего в общественных местах, громким голосом непринужденно раздавали команды двум детям, легавой и супругу.

— Пиа Бор?

— Чем я могу вам помочь? — Никакого желания помогать в голосе нет, скорее уж некоторая холодность и отстраненность, но вопрос задан с любезной улыбкой. Она была невысокого роста, без косметики, а морщины указывали, что ей ближе к пятидесяти, чем к сорока. Но фигура у женщины была стройная, как у подростка. Занимается спортом и проводит много времени на свежем воздухе, предположил Харри.

— Полиция. — Он вынул удостоверение.

— Ну конечно, вы же — Харри Холе, — сказала она, не глядя на документ. — Я видела вашу фотку в газетах. Вы муж Ракели Фёуке, которую недавно убили. Мои соболезнования.

— Спасибо.

— Вы заскочили поболтать с Руаром, я права? Но его нет дома.

«Как странно она выражается: „фотка“, „заскочили поболтать“», — подумал Харри.

— А когда ваш супруг вернется?

— Вероятно, вечером. Я попрошу его связаться с вами, если вы оставите свой номер.

— Мм… А могу ли я поговорить с вами, фру Бор?

— Со мной? Но зачем?

— Это не займет много времени. Я просто хотел бы кое-что узнать. — Харри пробежал взглядом по подставке для обуви за ее спиной. — Вы позволите мне войти?

Он отметил замешательство хозяйки и успел увидеть то, что искал, на нижней полке подставки для обуви. Пара черных военных сапог советского производства.

— Это не совсем удобно, я как раз сейчас очень занята… извините.

— Ничего, я могу подождать.

Пиа Бор быстро улыбнулась. Не красавица, но милая и симпатичная, заключил Харри. Возможно, из тех женщин, кого Эйстейн называет «тойотами»: выбирая машину в юном возрасте, ты не сразу остановишься на этой марке, но с годами поймешь, что именно она сохраняется лучше всех. Пиа посмотрела на часы:

— Мне надо забрать кое-что в аптеке. Поговорим по дороге, хорошо?

Она сняла с крючка куртку, вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь. Харри обратил внимание, что, хотя замок у Боров был того же типа, что и в доме Ракели, незащелкивающийся, Пиа Бор не достала ключей. Безопасный район. Здесь опасаться некого.

Они прошли мимо гаража, миновали ворота и зашагали по дороге, вдоль которой располагались виллы. Первые автомобили «тесла» с гудением возвращались домой после короткого рабочего дня.

Харри засунул в рот сигарету, но закуривать не стал.

— Вы должны забрать снотворное?

— Что, простите?

Харри пожал плечами:

— Средство от бессонницы. Вы сообщили нашему следователю, что ваш муж пробыл дома весь вечер и всю ночь на одиннадцатое марта. Чтобы знать это наверняка, вы должны были не спать бóльшую часть ночи.

— Я… Да, я иду за снотворным.

— Хм… Мне тоже пришлось принимать транквилизаторы, после того как мы с Ракелью разъехались. Бессонница разъедает душу. Вам что выписали?

— Э-э-э… Имован и сомадрил. — Пиа ускорила шаг.

Харри тоже зашагал быстрее. Он щелкал зажигалкой у сигареты, но огонь не появлялся.

— Как и мне. Я принимал их два месяца. А вы?

— Что-то вроде того.

Харри засунул зажигалку обратно в карман.

— Почему вы врете мне, Пиа?

— Что, простите?

— Имован и сомадрил — это сильнодействующие препараты. Попьешь их два месяца — и ты на крючке. Начнешь пить их *каждый* вечер. Потому что они действуют, да так хорошо, что если вы приняли эти таблетки в ночь на одиннадцатое, то практически находились в коме и не могли знать абсолютно ничего о том, чем занимался ваш сосед по кровати. Но вы не показались мне человеком, сидящим на седативных препаратах, поскольку очень бодры, физически и ментально.

Пиа Бор убавила шаг.

— Но вы, конечно, можете убедить меня в том, что я ошибаюсь, — сказал Харри. — Для этого достаточно показать мне рецепт.

Пиа Бор остановилась. Она засунула руку в задний карман узких джинсов, вынула и развернула листок голубой бумаги.

— Видите? — произнесла она с нажимом, протянула Харри рецепт и ткнула в него. — Сомад-рил.

— Вижу, — ответил Харри и схватил листок, прежде чем она успела отреагировать. — Как и то, что лекарство выписано вашему супругу, Руару Бору. Он, наверное, не рассказал вам, насколько сильнодействующими являются препараты, которые так ему необходимы. — Харри вернул ей рецепт. — Может быть, он еще что-то скрывает от вас, Пиа?

— Я…

— Ваш муж действительно был дома той ночью?

Она сглотнула. Здоровый румянец исчез с ее щек, энергичная оживленность спала, и Пиа разом постарела лет на пять.

— Нет, — прошептала она. — Руара дома не было.

Вместо того чтобы пойти в аптеку, они спустились к пруду Сместаддаммен, уселись на скамейку на его восточном берегу и стали смотреть на маленький островок, места на котором хватило только одной-единственной серебристой иве.

— Весна, — сказала Пиа. — Все, что угодно,

только не весна. Летом здесь полно зелени. Все растет со страшной силой. Жужжат насекомые. Плавают рыбки, скачут лягушки. Словом, жизнь бурлит. А когда на деревьях появляется листва и ветер начинает перебирать листья на той иве, они танцуют и шумят так сильно, что заглушают шум шоссе. — Она грустно улыбнулась. — А осень в Осло…

— Самая красивая осень в мире, — кивнул Харри, прикуривая.

— И даже зима лучше, чем весна, — продолжила Пиа. — Во всяком случае, раньше, когда шли дожди, держалась стабильно низкая температура и вода замерзала. Мы обычно брали с собой детей и шли сюда кататься на коньках. Они это просто обожали.

— А сколько у вас детей?

— Двое. Девочка и мальчик. Двадцать восемь и двадцать пять лет. Юна — морской биолог, работает в Бергене, а Густав учится в США.

— Вы рано стали родителями.

Она криво улыбнулась:

— Когда появилась Юна, Руару было двадцать три, а мне двадцать один. Семьи военнослужащих, которые постоянно ездят по всей стране, перемещаются с места на место, обычно рано

обзаводятся потомством. Чтобы жене было чем заняться, я думаю. У супруги офицера лишь два варианта. Первый: позволить себя одомашнить и вести существование коровы — стоять в стойле, рожать телят, давать молоко, жевать сено.

— А второй?

— Развестись с мужем.

— Но вы выбрали первый?

— Вроде бы да.

— Мм… А почему вы обманули полицию, когда вас спрашивали о той ночи?

— Чтобы нам не задавали лишних вопросов. Внимание полиции нам ни к чему. Только представьте, какой бы это был удар по репутации Руара, если бы его вызвали на допрос по делу об убийстве. Что бы сказали люди?

— А для вас это так важно?

Она пожала плечами:

— А для кого это не важно? Особенно в таком районе, как наш.

— Так где ваш муж был в ту ночь?

— Не знаю. Но точно не дома. Он не может спать.

— Сомадрил не действует?

— Когда Руар вернулся домой из Ирака, было еще хуже, тогда ему от бессонницы прописали

рогипнол. За две недели у него сформировалась зависимость, и начались провалы в памяти. И теперь муж отказывается от любых лекарств. Он надевает военную форму и заявляет, что ему необходимо произвести рекогносцировку, дежурить и охранять. Он говорит, что просто бродит, как во время ночного патрулирования, но делает это незаметно. Это ведь типично для людей с посттравматическим стрессовым расстройством — они все время испытывают страх. Потом он, как правило, возвращается домой, спит пару часов и идет на службу.

— И ему удается скрывать это на работе?

— Мы видим то, что хотим видеть. А у Руара всегда хорошо получалось производить желаемое впечатление. Он умеет внушить людям доверие.

— И вы тоже?

Пиа вздохнула:

— Мой муж неплохой человек. Но он слишком многое пережил.

— Скажите, а он берет с собой оружие на эти ночные патрулирования?

— Этого я не знаю. Руар уходит после того, как я ложусь.

— Вам известно, где он был в ночь убийства?

— Я спросила его об этом, после того как вы

спросили меня. Он сказал, что спал в бывшей комнате Юны.

— Но вы ему не поверили.

— Почему вы так считаете?

— В противном случае вы бы рассказали полиции, что он ночевал в другой комнате. Вы солгали, потому что думали, будто у нас есть на вашего мужа что-то еще, из-за чего ему требуется алиби более надежное, чем правда.

— Вы же не хотите сказать, что серьезно подозреваете Руара в убийстве, Холе?

Харри смотрел на пару лебедей, плывущую в их сторону. Он заметил отблеск света с другой стороны шоссе. Наверное, кто-то открыл окно.

— Посттравматическое расстройство, — произнес Харри. — А что за травма у вашего супруга?

Она вздохнула:

— Я не знаю. Всё вместе. Кризис среднего возраста. Ирак. Афганистан. Но ясное дело, когда Руар вернулся домой из последней командировки и заявил, что уволился из армии, я поняла: что-то случилось. Он очень изменился. Закрылся. Я долго его доставала своими расспросами, и в конце концов он неохотно признался, что кого-то убил в Афганистане. Хотя, разумеется, они находятся там как раз для этого, однако все случившееся

оказало на мужа такое сильное воздействие, что он отказался говорить на эту тему. Но во всяком случае, он продолжал жить.

— А сейчас это не так?

Пиа посмотрела на него взглядом потерпевшего кораблекрушение. И Харри понял, почему она так легко открылась ему, чужаку. «Только не в нашем районе». Она хотела излить душу, она отчаянно стремилась к этому, но до сих пор не находила человека, с которым можно поговорить.

— После того как Ракель Фёуке… как ваша жена умерла, Руар совершенно сломался. Он… он больше не продолжает жить, нет.

Снова отблеск. И внезапно Харри понял, что этот отблеск — приблизительно из того места, где располагается вилла Боров. Харри замер. Краем глаза он что-то заметил на белой спинке скамейки между ними, что-то дрожащее, перемещающееся, исчезающее, как красное насекомое, быстрое и беззвучное. Но в марте здесь не бывает насекомых.

Харри молниеносно нагнулся вперед, уперся каблуками в землю, оттолкнулся и откинулся на спинку скамейки. Пиа Бор закричала, когда скамейка перевернулась и они упали. Харри схватил женщину и потащил ее в сточную канаву позади

скамейки. Потом он пополз, извиваясь, по грязи, Пиа следовала за ним. Он остановился, посмотрел на район за шоссе и увидел, что между ними и тем местом, откуда исходил отблеск, оказалась ива. На дорожке неподалеку остановился какой-то мужчина в толстовке с капюшоном, гулявший с ротвейлером. Казалось, он размышляет, стоит ли ему вмешаться в происходящее.

— Полиция! — прокричал Харри. — Немедленно уходите оттуда! Здесь работает снайпер!

Харри увидел, как пожилая женщина развернулась и поспешила прочь, но хозяин ротвейлера продолжал стоять.

Пиа пыталась вырваться, но Харри навалился на маленькую женщину всем своим телом так, что они оказались лицом к лицу.

— Значит, ваш муж все же дома, — сказал он, вынимая телефон. — Поэтому вы не дали мне войти. И поэтому не заперли дверь, когда мы уходили.

Он набрал номер.

— Нет! — закричала Пиа.

— Дежурная служба полиции, — сообщил голос в телефоне.

— Инспектор полиции Холе. Хочу сообщить о вооруженном мужчине…

Телефон выхватили из его руки.

— Руар просто использует оптический прицел в качестве бинокля. — Пиа Бор приложила трубку к уху. — Простите, мы ошиблись номером. Она дала отбой и вернула Харри мобильник, не преминув заметить: — Разве не это вы сказали мне, когда звонили сегодня по телефону?

Харри не шевелился.

— Вы довольно тяжелый, Холе. Не могли бы вы…

— Откуда мне знать, что я не получу пулю в лоб, если встану?

— Не бойтесь, этого не случится. Потому что красная точка была на вашем лбу с той самой минуты, как мы уселись на скамейку.

Харри посмотрел на нее, потом уперся ладонями в холодную грязь и поднялся. Он встал и, прищурившись, посмотрел на местность по ту сторону шоссе. Затем он повернулся, чтобы помочь Пиа Бор, но она уже была на ногах. С ее джинсов и куртки падали черные капли грязи. Харри вынул из пачки «Кэмела» сломанную сигарету.

— Теперь ваш муж ударится в бега?

— Думаю, да, — вздохнула Пиа Бор. — Вы должны понимать, что в данный момент он находится

в подавленном состоянии и очень напуган.

— Куда он отправится?

— Понятия не имею.

— Вы ведь знаете, что противодействие полиции уголовно наказуемо, фру Бор? Нельзя нарушать законы.

— Вы сейчас говорите обо мне или о моем муже? — уточнила она, отряхивая джинсы на бедрах. — А может, о себе?

— Простите?

— Вряд ли начальство позволило вам расследовать убийство собственной жены, Холе. Вы здесь в качестве частного сыщика. Или, скорее, сыщика-нелегала.

Харри оторвал сломанный кончик сигареты, прикурил оставшуюся часть и уставился на свою перепачканную одежду. На куртке появилась дырка от оторвавшейся пуговицы.

— Вы сообщите, если ваш муж вернется домой?

Пиа Бор кивнула в сторону пруда:

— Остерегайтесь его, он не любит людей.

Харри оглянулся и увидел, что один из лебедей держит курс прямо на них.

Когда он повернулся обратно, Пиа Бор уже уходила вверх по холму.

— В качестве сыщика-нелегала? Так и сказала?

— Ага, — подтвердил Харри, придерживая для Кайи дверь.

На вид это был самый обычный дом. Кайя объяснила, что клуб любителей настольного тенниса «Хельсос» располагается на втором этаже здания, прямо над большим продовольственным магазином.

— До сих пор игнорируешь лифты? — спросила Кайя, ускоряя шаг, чтобы успевать за Харри вверх по лестнице.

— Не люблю тесноту, — сказал Харри. — А как ты вышла на этого офицера военной полиции?

— В Кабуле служило не очень много норвежцев, и я поговорила почти со всеми, кого знала там. Мне показалось, что Гленне — единственный, кто может рассказать нам что-нибудь интересное.

Девушка за стойкой показала, куда им идти дальше. Скрип подошв о твердый пол и стук шариков для пинг-понга достигли их ушей еще прежде, чем они завернули за угол и оказались в большом просторном помещении, где два десятка людей, преимущественно мужчин, склонялись и крутились в танце каждый со своей стороны зеленого стола для настольного тенниса.

Кайя направилась к одному из них.

Двое мужчин перекидывали друг другу шарик по диагонали через сетку, каждый раз по стандартной схеме: удар справа и закручивание шарика. Они почти не шевелились, только повторяли одно и то же движение: наносили удар согнутой рукой, немного разгибая кисть, при этом громко топая. Шарик летал так быстро, что рисовал белую линию между двумя соперниками, которые оказались запертыми в этой дуэли, как в зависшей компьютерной игре.

И вот одна из подач оказалась слишком сильной, и шарик, подскакивая, покатился по полу между столами.

— Черт! — воскликнул проигравший, спортивный мужчина лет сорока или пятидесяти, в черной повязке на седых, подстриженных по-военному коротко волосах.

— Ты не просчитываешь кручение, — сказал второй игрок и ушел за шариком.

— Йорн! — позвала Кайя.

— Кайя! — осклабился теннисист в повязке. — Рад тебя видеть.

Они обнялись. Кайя представила мужчин друг другу.

— Спасибо, что согласились встретиться с нами, — сказал Харри.

— Кто же откажется встретиться с этой прелестной фрёкен? — галантно произнес Гленне, в глазах которого до сих пор светилась улыбка, и пожал руку Харри с такой силой, что можно было подумать, будто он бросает ему вызов. — Но если бы я знал, что она приведет с собой, так сказать, дублера…

Кайя и Гленне рассмеялись.

— Давайте выпьем кофе, — предложил он и положил ракетку на стол.

— А как же твой партнер? — спросила Кайя.

— Это мой тренер. Он куплен и оплачен, — ответил Гленне, показывая им дорогу в кафе. — Мы с Коннолли этой осенью встретимся в Джубе, и я должен быть готов.

— Это наш американский коллега, — объяснила Кайя Харри. — Они вели бесконечный поединок по настольному теннису все то время, что мы были в Кабуле.

— А не хочешь поехать со мной? — спросил Гленне. — У твоей конторы наверняка найдется там для тебя работа.

— В Южном Судане? Как там сейчас обстановка?

— Да как и раньше. Гражданская война, голод, конфликт между динка и нуэрами, каннибализм,

групповые изнасилования. А уж оружия у них там больше, чем во всем Афганистане.

— Пожалуй, я подумаю, — сказала Кайя, и по выражению ее лица Харри понял, что она не шутит.

Они взяли кофе в похожем на столовую кафе и уселись за столик у грязного окошка с видом на мельницу Бьёльсен-Валсемёлле и реку Акерсельва. Йорн Гленне заговорил сам, еще до того, как Харри и Кайя стали задавать ему вопросы.

— Я согласился встретиться с вами, потому что здорово поругался с Руаром Бором в Кабуле. Там изнасиловали и убили женщину, которая была его личной переводчицей. Хазарейку. В общей массе хазарейцы — это простые бедные крестьяне без образования. Но эта молодая женщина, Хела…

— Хала, — поправила его Кайя. — В переводе это значит «ореол вокруг полной луны».

— …самостоятельно выучила английский и еще более или менее французский. А также изучала норвежский. Ну просто удивительные способности к языкам. Ее нашли прямо возле дома, где она жила вместе с другими женщинами, работавшими на коалицию и гуманитарные организации. Да ты ведь тоже жила там, Кайя.

Кайя кивнула.

— Мы подозревали талибов или кого-нибудь из односельчан этой девушки. Как вам известно, понятие чести высоко чтится суннитами, а еще сильнее хазарейцами. А ведь Хала работала на нас, неверных, общалась с мужчинами и одевалась в западную одежду — этого вполне могло хватить для совершения показательного убийства.

— Я слышал об убийствах чести, — сказал Харри. — Но изнасилование чести?

Гленне пожал плечами:

— Одно могло повлечь за собой другое. Но кто знает? Бор всячески препятствовал нашему расследованию.

— Вот как?

— Труп обнаружили в непосредственной близости от дома, охрану которого обеспечивали мы. И все же Бор передал расследование местной афганской полиции. Когда я выразил протест, он заявил, что в задачи военной полиции — в данном случае речь шла обо мне и еще об одном человеке — входит оказывать содействие своему начальнику, то есть ему, и обеспечивать правовую защиту норвежскому контингенту за границей, а не заниматься самодеятельностью.

И это несмотря на то, что он прекрасно знал: афганская полиция не располагает ни ресурсами, ни техническими возможностями, которые нам кажутся вполне обычными. Дактилоскопия у них считается новомодным методом, а анализ ДНК — вообще чем-то из области фантастики.

— Бор должен был учитывать политические факторы, — вставила Кайя. — Местные жители и так уже начали выражать недовольство тем, что западные силы присвоили себе слишком много власти, а Хала была афганкой.

— Она была *хазарейкой*, — фыркнул Гленне. — Бор знал, что это дело не войдет в число приоритетных, как это произошло бы, окажись потерпевшая пуштункой. Ладно, мы все-таки сделали вскрытие и обнаружили остатки флуни-чего-то-там. Это вещество мужчины подмешивают в напитки женщинам, которых собираются изнасиловать.

— Флунитразепам, — сказала Кайя. — Вроде рогипнола.

— Именно. Неужели, по-вашему, афганец станет тратить деньги на то, чтобы опоить женщину, перед тем как ее убить? Абсурд!

— Хм…

— Понятно, черт возьми, что тут замешан

иностранец! — Гленне стукнул ладонью по столу. — Было ли дело раскрыто? Конечно нет.

— Вы считаете… — Харри отпил кофе. Сперва он хотел сформулировать вопрос более обтекаемо, но, подняв глаза и встретившись взглядом с Йорном Гленне, передумал и спросил прямо в лоб: — Считаете, что за убийством мог стоять Руар Бор и он намеренно поручил вести следствие тем, у кого было меньше всего шансов его поймать? Вы поэтому захотели с нами поговорить?

Гленне заморгал и открыл рот, но ответа не последовало.

— Послушай, Йорн, — сказала Кайя. — Нам известно, что Бор рассказал своей жене, что убил кого-то в Афганистане. Кроме того, я разговаривала с Яном…

— А кто это?

— Инструктор спецназа. Такой высокий, светловолосый…

— А, помню, тот, что потерял от тебя голову. Еще один!

— Речь не об этом, — сказала Кайя, скромно опустив глаза, и Харри разгадал ее маневр: таким образом она хочет подтолкнуть словоохотливого Гленне к еще большей откровенности. — Так вот, Ян говорит, что в их регистре за Бором не значит-

ся ни *confirmed*, ни *claimed kills*[34]. Как главный командный чин, он, конечно, не так часто бывал на боевых операциях, но факт остается фактом: в его послужном списке и в предыдущие годы убийств тоже не зарегистрировано, хотя тогда Бор фактически находился в зоне боевых действий.

— Я знаю, — кивнул Гленне. — Спецназ официально не был в Басре, но Бор проходил там обучение в американском лагере. По слухам, на его глазах разворачивался не один бой, но он тем не менее, так сказать, остался девственником. И лишь единственный раз Бор худо-бедно участвовал в военных действиях в Афганистане. Помнишь тот случай, когда сержанта Воге захватил талибан?

— Ну еще бы! — кивнула Кайя.

— Что за случай? — заинтересовался Харри.

Гленне пожал плечами:

— Бор и Воге, находясь в длительной поездке, остановились посреди пустыни, потому что сержанту приспичило сходить по-большому. Сержант зашел за груду камней и… пропал. Когда Воге не вернулся через двадцать минут и не откликнулся на зов, Бор, как указано в его рапорте,

---

[34] Примечания: 34
Ни подтвержденных, ни предполагаемых убийств *(англ.)*.

вышел из машины и отправился на поиски. Но я совершенно уверен, что на самом деле он остался в машине.

— Почему?

— Да потому, что дело происходило в пустыне. Один или два крестьянина из талибана с простыми ружьями и ножами наверняка прятались за той грудой камней и поджидали, когда туда придет Бор. И Бор, конечно, об этом знал. Как знал и то, что в пуленепробиваемом автомобиле на открытом пространстве он был в безопасности. Он прекрасно понимал, что свидетелей нет, уличить его во лжи будет некому. Так что Бор просто-напросто запер двери и связался с лагерем. По словам военных, если я правильно помню, от лагеря до того места добираться часов пять, не меньше. Спустя два дня в нескольких часах езды на север от места происшествия афганские военные нашли на асфальте кровавый след, растянувшийся на несколько километров. Случается, талибы пытают своих пленников, привязывая их к повозкам. А перед деревней, расположенной еще севернее, на палке у дороги торчала голова. Асфальтом с нее содрало лицо, но анализ ДНК, проведенный в Париже, подтвердил, что голова точно принадлежала сержанту Воге.

— Хм… — Харри покрутил в руках чашку. — Скажите, Гленне, вы так думаете о Боре, потому что сами на его месте поступили бы точно так же?

Офицер военной полиции пожал плечами:

— У меня нет иллюзий. Все мы люди и выбираем путь наименьшего сопротивления. Но не я был на его месте.

— И что?

— А то, что я сужу других так же строго, как судил бы и себя. Может быть, Бор тоже терзался угрызениями совести. Для командира терять своих людей очень тяжело. В общем, после этого случая Бор изменился.

— Значит, вы думаете, что Бор изнасиловал и убил свою переводчицу, однако сломался он по другой причине — потому что его сержанта захватил талибан?

Гленне пожал плечами:

— Как я уже говорил, мне не дали расследовать это дело, поэтому все, чем я располагаю, — это гипотезы.

— И какова же наиболее убедительная из них?

— Изнасилование было прикрытием, преступник хотел, чтобы все выглядело как убийство на сексуальной почве. Это заставило бы полицию искать в первую очередь среди обычных подо-

зреваемых, извращенцев. А их в Кабуле очень немного.

— Прикрытием для чего?

— Для того, что задумал Бор на самом деле. Ему непременно надо было кого-нибудь убить.

– *Кого-нибудь?*

— У Бора, как вы помните, не было на счету ни одного убийства. А для спецназовцев это большая проблема.

— Серьезно? Неужели они настолько кровожадные?

— Да нет, но… как бы вам объяснить? — Гленне покачал головой. — Спецназовцев старой школы, тех, что пришли из школы десантников, готовили к длительным операциям по сбору информации за линией фронта. Что в этом случае самое важное? Терпение и выносливость. Они были, образно выражаясь, бегунами на длинные дистанции, понятно? А теперь возьмем Бора. Фокус сместился на антитеррористические операции в городских условиях. И если продолжать аналогию со спортсменами, то новые спецназовцы — это хоккеисты. Понимаете? И вот в этой новой среде поползли слухи о том, что Бор был… — Гленне скривился, как будто ему не нравился вкус слова, готового слететь с его языка.

— Трусом? — подсказал Харри.

— Бессильным. Подумайте, какой стыд. Ты командир и при этом девственник. Девственник не потому, что у тебя не было шанса, ведь, несмотря ни на что, в спецназе есть солдаты, ни разу не оказывавшиеся в ситуации, когда им пришлось бы убить. Девственник потому, что ты не воспользовался ситуацией, когда было нужно. Понимаете?

Харри кивнул.

— Как опытный человек, давно находящийся в игре, Бор знал, что первое убийство — самое сложное, — продолжал Гленне. — После первой пролитой крови станет легче. Намного легче. И он выбрал совсем простую жертву. Женщину, которая не станет сопротивляться, которая полностью ему доверяет и не заподозрит неладное. Ненавидимая хазарейка, шиитка в суннитской стране. У многих мог быть мотив ее убить. А потом Бор, возможно, вошел во вкус. Убийство — это совершенно особое переживание. Лучше, чем секс.

— Правда?

— Так говорят. Спросите спецназовцев. Только попросите их ответить совершенно честно.

Двое мужчин некоторое время смотрели в глаза друг другу, а потом Гленне перевел взгляд

на Кайю:

— До сих пор это были просто мысли, которые вертелись у меня в голове. Но если Бор признался жене, что он убил Хелу…

— Халу.

— …то можете рассчитывать на мою помощь. — Гленне допил свой кофе. — Ну ладно, я пошел. Коннолли не дремлет, мне надо тренироваться.

— Ну? — спросила Кайя, когда они с Харри вышли на улицу. — Что скажешь о Гленне?

— Думаю, он бьет слишком далеко, потому что не просчитывает кручение.

— Смешно.

— Это метафора. Гленне делает далекоидущие выводы, основываясь лишь на траектории шарика, не анализируя движения ракетки противника.

— Подобная тарабарщина должна убедить меня, что ты разбираешься в настольном теннисе?

Харри пожал плечами:

— В подвале дома Эйстейна стоял столик для пинг-понга. Мы торчали там с десятилетнего возраста. Он, я и Треска. Играли под музыку группы «Кинг Кримзон». Когда нам стукнуло шестнадцать, мы лучше разбирались в кручении шарика и прогрессивном роке, чем в девочках, можно

так сказать. Мы… — Харри внезапно замолчал, и лицо его искривила гримаса.

— Что с тобой? — спросила Кайя.

— Извини, я несу всякую чушь, я… — Он закрыл глаза. — Я болтаю, чтобы не проснуться.

— Не проснуться?

Харри сделал вдох:

— Я сплю. И пока я сплю, пока мне удается оставаться внутри сновидения, я могу продолжать искать убийцу. Но иногда, вот как сейчас, я выскальзываю из сна. Мне приходится сосредоточиться на том, чтобы спать, потому что если я проснусь…

— То что?

— Тогда я буду знать, что это правда. И сразу умру.

Харри прислушался. Шорох шин по асфальту. Рокот маленького водопада на реке Акерсельва.

— Похоже на то, что мой психотерапевт называет *lucid dream*, — донесся до него голос Кайи. — Осознанные сновидения — состояние, в котором человек понимает, что видит сон, и может его контролировать. Именно поэтому мы делаем все, что можем, чтобы оставаться там.

Харри помотал головой:

— Я ничего не контролирую. Я только хочу

найти того, кто убил Ракель. А потом я проснусь. И умру.

— А почему бы не заснуть по-настоящему? — Она говорила мягким голосом. — Мне кажется, небольшой отдых пойдет тебе на пользу, Харри.

Он снова открыл глаза. Кайя подняла руку, очевидно намереваясь положить ее на плечо Харри, но вместо этого, поймав его взгляд, убрала с лица прядь волос.

Он кашлянул.

— Ты сказала, что нашла что-то в регистре недвижимости?

Кайя поморгала.

— Да, — произнесла она. — Загородный дом, официально зарегистрированный на Руара Бора. В Эггедале. Если верить картам «Гугла», туда можно добраться на машине за час сорок пять минут.

— Отлично. Я спрошу, может ли Бьёрн поехать со мной.

— А не лучше ли рассказать все Катрине — и пусть Бора объявят в розыск?

— Интересно, в связи с чем? Лишь потому, что жена Бора не видела собственными глазами, что он спал в комнате дочери той ночью? Но это же смешно!

— Тогда почему ты продолжаешь его искать?

Харри застегнул куртку и достал телефон.

— Потому что у меня есть шестое чувство, благодаря которому в этой стране было поймано множество преступников.

Ощущая на себе изумленный взгляд Кайи, Харри набрал номер Бьёрна.

— Ладно, я съезжу с тобой, — сказал Бьёрн после короткого раздумья.

— Спасибо.

— Теперь о другом, Харри. Та карта памяти…

— Да?

— Я отправил конверт от твоего имени Фройнду, стороннему эксперту по трехмерным технологиям. Я пока с ним не разговаривал, но послал тебе по электронной почте его контактные данные, так что можешь сам с ним пообщаться.

— Хм… Понимаю. Ты не хочешь, чтобы твое имя было замешано во все это.

— Харри, я ничего другого делать не умею. И если меня турнут из полиции…

— Я ведь уже сказал, что понимаю.

— Я сейчас должен думать в первую очередь не о себе, а о малыше и…

— Прекрати, Бьёрн, это не ты должен извиняться, а я — за то, что втягиваю тебя в это дерьмо.

Возникла пауза. Харри и впрямь чувствовал себя неловко.

— Ладно, — сказал Бьёрн. — Тогда я заеду за тобой.

В спину инспектору криминальной полиции Фелаху била струя воздуха от вентилятора, но рубашка все равно прилипала к его спине. Он ненавидел жару, ненавидел Кабул, ненавидел иностранцев, ненавидел свой взрывостойкий кабинет. Но больше всего он ненавидел ложь, которую ему приходилось выслушивать день за днем. Вроде той, что излагал сейчас сидевший перед ним неграмотный крестьянин-хазареец, занимавшийся производством опиума.

— Тебя привели ко мне, потому что на допросе ты заявил, будто можешь назвать нам имя убийцы, — сказал Фелах. — Иностранца.

— Только если вы меня пощадите, — ответил крестьянин.

Фелах рассматривал этого жалкого человека. Потертая шапка, которую хазареец сжимал обеими руками, хоть и не была паколем[35], но все же прикрывала его грязные волосы. Этот моливший

[35] Примечания: 35

Паколь — традиционный головной убор афганцев, мягкая шапка с круглой вершиной.

о пощаде, ничего не знающий шиитский бандит наверняка считает замену смертного приговора длительным тюремным сроком проявлением милосердия. Осуждение на мучительную смерть — вот что это, и сам Фелах без колебаний выбрал бы быструю смерть через повешение.

Инспектор вытер лоб носовым платком.

— Все зависит от того, что ты хочешь сообщить мне. Выкладывай.

— Он убил… — произнес хазареец дрожащим голосом. — Он думал, никто его не видит, но я видел. Своими собственными глазами, клянусь, Аллах мне свидетель.

— Ты сказал, что это был иностранный военный.

— Да, господин начальник. Но это было не сражение, это было убийство. Самое настоящее убийство.

— Ладно. И кто же этот иностранный военный?

— Начальник норвежцев. Это точно, потому что я узнал его. Он приезжал в нашу деревню и говорил, что они здесь, чтобы помогать нам, что у нас будет демократия, рабочие места и… ну, все как обычно.

Фелах почувствовал долгожданное оживление:

— Ты говоришь о майоре Юнассене?
— Нет, его зовут не так. Подполковник Бо.
— Ты хочешь сказать — Бор?
— Да-да, господин начальник.
— И ты видел, как он убил мужчину-афганца?
— Нет, все было не так.
— А как?

По мере того как Фелах слушал, его оживление и интерес начали пропадать. Во-первых, подполковник Руар Бор уже уехал домой и шансы добиться его выдачи были минимальными. Во-вторых, руководитель, уже выбывший из игры, не был особо важной фигурой в политических играх Кабула, которые Фелах ненавидел больше, чем все остальное, вместе взятое. В-третьих, эта жертва не была настолько важной, чтобы задействовать ресурсы, необходимые для проверки показаний опиумщика. Ну и наконец, в-четвертых, наверняка все это ложь. Ну конечно же ложь. Каждому хочется спасти свою шкуру. И чем более подробно мужчина, сидевший перед ним, описывал убийство (а инспектор знал, что его рассказ совпадает с тем немногим, что им было известно раньше), тем больше Фелах убеждался в том, что крестьянин рассказывает о преступлении, которое сам же и совершил. Не хватало еще тратить

немногие имеющиеся в его распоряжении ресурсы на разработку этой версии. В любом случае человека можно повесить всего один раз, так не все ли равно за что — за производство опиума или за убийство, рассудил Феллах.

Глава 27

— Твоя колымага и правда не способна ехать быстрее? — спросил Харри, разглядывая, как дворники активно расчищают лобовое стекло от мокрого снега.

— Способна, но не могу же я рисковать, когда везу лучшего сыщика современности? — Бьёрн, как обычно, откинул водительское сиденье назад так далеко, что скорее лежал, чем сидел. — Тем более на таком древнем автомобиле, со старомодными ремнями и без подушек безопасности.

Навстречу им из-за поворота дороги областного значения № 287 вырулил трейлер. Он промчался так близко, что принадлежащий Бьёрну старенький «вольво-амазон» модели 1970 года весь затрясся.

— Даже у меня есть подушка безопасности, — заметил Харри, глядя мимо Бьёрна на низкие дорожные ограждения и до сих пор покрытую льдом речку, вдоль которой они ехали последние десять километров.

Если верить GPS-навигатору в телефоне, что лежал у него на коленях, речка называлась Хаглебюэльва. Когда он посмотрел в другую сторону,

то увидел крутые, покрытые снегом склоны гор и темный еловый лес. Прямо перед ними стелилась асфальтированная дорога, всасывающая в себя свет передних фар; узкая и предсказуемая, она извивалась и вела их дальше к горам, лесам и полям. Харри читал, что в этих местах водятся бурые медведи.

И когда горные склоны окружили дорогу, достоверность слов диктора, который в перерывах между музыкальными композициями сообщал, что они слушают доступную *на всей территории страны* радиостанцию «P10 Кантри», вызвала большие сомнения, потому что сначала его голос начали заглушать помехи, а потом он и вовсе исчез.

Харри выключил радиоприемник.

Бьёрн снова включил его и покрутил ручку настройки. Шипение и ощущение пустого космоса после Судного дня.

— DAB killed the radiostar[36], — сказал Харри.

— Да нет, езда на машине и деревенская местность — это как джин и тоник, — ответил Бьёрн. — О, «Радио Халлингдал»! Они еще каж-

[36] Примечания: 36

Цифровое радиовещание убило звезду эфира *(англ.)*; по аналогии с названием песни «Video Killed the Radio Star» («Видео убило звезду эфира») группы «Багглз».

дую субботу устраивают лотерею бинго. Вот послушай!

Звуки гавайской гитары стали тише, и чей-то голос объявил, что прошло время достать свои книжки для игры в бинго и особенно это касается жителей Фло, ведь впервые в истории все пятеро победителей конкурса, проходившего две недели назад, в субботу, оказались из этой коммуны. И снова на полную громкость заиграла гавайская гитара.

— Сделай потише, — попросил Харри, глядя на светящийся экран телефона.

— Ну, немного кантри ты можешь вытерпеть, Харри. Я подарил тебе ту пластинку группы «Рамоунз», потому что это кантри *in disguise*[37]. Обещай, что послушаешь «I Wanted Everything» и «Don't Come Close».

— Кайя звонит.

Бьёрн выключил радио, и Харри поднес трубку к уху:

— Привет, Кайя.

— Привет! Вы где?

— В долине Эггедал.

— А где именно?

---

[37] Примечания: 37
В скрытой форме *(англ.)*.

Харри выглянул в окно:

— Почти в самом низу.

— Хочешь послушать, что я накопала?

— Весь внимание.

— Хорошо, значит, так. На самого Руара Бора я ничего не нашла. В его послужном списке не имеется взысканий, и никто из его бывших сослуживцев не сказал ничего такого, что могло бы указать на него как на потенциального насильника или убийцу. Скорее наоборот, все описывают его как очень заботливого человека. Говорят, что Бор даже чересчур оберегал своих подчиненных, ну прямо как родных детей. Я также побеседовала с сотрудницей Института по защите прав человека, и она утверждает то же самое.

— Погоди. А как ты сумела разговорить всех этих людей?

— Я сказала им, что якобы пишу для журнала Красного Креста статью о времени, которое Руар Бор провел в Афганистане.

— А не боишься, что тебя уличат во лжи?

— Ни капельки. Может, я и впрямь работаю над такой статьей. Просто пока не спросила Красный Крест, нужен ли им подобный материал.

— Ловко придумано. Продолжай.

— Когда я спросила у той сотрудницы, как Бор

воспринял убийство Ракели Фёуке, она ответила, что он казался расстроенным и уставшим, что в последние дни он часто отсутствует на работе, а сегодня и вовсе сообщил, что взял больничный. Я спросила, в каких отношениях Бор состоял с Ракелью, и она вспомнила, что Бор с особым вниманием приглядывал за ней.

— «Приглядывал *за*»? Любопытная формулировка. В смысле — «он с особым вниманием поглядывал *на* Ракель»?

— Я не знаю, но она выразилась именно так.

— Ладно. Ты сказала, что не нашла ничего на самого Бора. А на кого нашла?

— Когда я прочесывала архивы, то наткнулась на одно старое дело. Оказывается, некая Маргарет Бор в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году обратилась в полицию, потому что заподозрила, будто ее дочь Бьянка, семнадцати лет, была изнасилована. Мать утверждала, что девочка демонстрировала типичное для жертвы насилия поведение, и еще у нее имелись порезы на животе и руках. Полицейские допросили Бьянку, но та заявила, что никакого изнасилования не было и что она сама случайно поранилась. Судя по рапорту, рассматривалась версия инцеста, и среди возможных подозреваемых упоминались

отец Бьянки и ее старший брат Руар Бор, которому тогда было около двадцати лет. Позже отец Бьянки и она сама недолгое время провели в психиатрической больнице. Но так и не удалось выяснить, произошло ли с ней что-нибудь, и если да, то что именно. Но я также обнаружила рапорт из офиса ленсмана[38] коммуны Сигдал, составленный пятью годами позже. Там говорилось, что был обнаружен труп Бьянки Бор: она разбилась о камни двадцатиметрового водопада Нурафоссен. Загородный дом семьи Бор расположен в четырех километрах вверх по реке.

— Коммуна Сигдал. Уж не тот ли это самый дом, куда мы едем?

— Полагаю, да. Вскрытие показало, что Бьянка утонула. Полиция заключила, что девушка могла упасть в реку в результате несчастного случая, но более вероятным представлялось, что она покончила с собой.

— Почему?

— Свидетель видел, как Бьянка босиком бежала по снегу по тропинке, ведущей от дома к реке, на ней было только синее платье. От дачи до реки

[38] Примечания: 38

Ленсман — государственный служащий в сельской местности Норвегии, обладающий как полицейскими, так и административными полномочиями. — *Примеч. ред.*

несколько сотен метров. Когда несчастную нашли, она была обнажена. Кроме того, ее психиатр подтвердил, что время от времени у пациентки наблюдались суицидальные наклонности. Кстати, я нашла его номер телефона и оставила сообщение на автоответчике.

— Молодец.

— Вы все еще едете по долине Эггедал?

— Да, похоже на то.

Бьёрн снова включил радио, и голос диктора, монотонно называвший числа, а затем повторявший их цифра за цифрой, смешался с равномерным шорохом от соприкосновения шипованных шин с асфальтом. Казалось, что лес и мгла становятся плотнее, а горные склоны круче.

Руар Бор опустил винтовку на нижнюю толстую ветку и посмотрел в оптический прицел. Он видел, как красная точка пляшет по деревянной стене в поисках окна. Внутри было темно, но тот человек наверняка уже в пути. Руар Бор знал, что мужчина, которого надо остановить, пока он все не разрушил, обязательно приедет. Это исключительно вопрос времени. А время — это все, что осталось у Руара Бора.

— Прямо вверх по склону, — сказал Харри,

глядя на экран телефона, где красный значок в форме капельки указывал точку с координатами, которые он получил от Кайи. Они остановились на ответвлении дороги, и Бьёрн выключил зажигание и фары. Харри склонился вперед и посмотрел в лобовое стекло, на котором стали видны следы редкого дождя. На черном склоне не было заметно ни одного огонька. — Кажется, местность здесь не слишком населенная.

— Надо прихватить с собой бусы для туземцев, — произнес Бьёрн и достал из бардачка фонарик и служебный пистолет.

— Вообще-то, я собирался пойти туда один, — ответил Харри.

— Неужели ты оставишь меня, до смерти перепуганного, здесь одного?

— Ты никак забыл про лазерный прицел? — Харри прижал указательный палец ко лбу. — После того случая у Сместаддаммена у меня еще ожог не прошел. Сиди лучше в машине. Это мое дело, а ты, между прочим, в отпуске по уходу за ребенком.

— Ты наверняка видел подобные сцены в фильмах: дамочка умоляет героя взять ее с собой на какое-нибудь опасное дело, а тот ее отговаривает…

— Да… И что?

— Обычно я пропускаю такие эпизоды, потому что знаю, кто в конце концов возьмет верх. Ну что, пошли?

Глава 28

— Ты уверен, что это то самое место? — спросил Бьёрн.

— Если верить GPS, то да, — кивнул Харри, прикрывая телефон курткой: не только с целью защитить его от дождя, сменившего снег, но и для того, чтобы источник света не выдал их в случае, если Бор наблюдает за окрестностями. Потому что если он находился сейчас в доме, то царившая внутри темнота свидетельствовала, что именно этим он и занимается.

Харри прищурился. Они нашли тропинку, проходившую частично по голой земле; и коричневые следы в тех местах, где тропинку укрывал снег, указывали, что по ней недавно ходили. Они отыскали дом всего за каких-нибудь пятнадцать минут. Снег на земле отражал свет, и все же было так темно, что определить цвет здания не представлялось возможным. Харри предположил, что оно красное. Дождь поглотил звук их шагов, и если из дома доносились какие-то звуки, то стук капель теперь заглушал и их.

— Я войду внутрь, а ты жди здесь, — сказал Харри.

— Мне нужны более точные указания, я слишком давно не занимался оперативной работой.

— Стреляй, когда увидишь стреляющего человека, если только этим человеком буду не я, — ответил Харри, выбрался из-под мокрых низких веток и помчался к дому.

Существуют определенные правила проникновения в помещения, где можно столкнуться с вооруженным сопротивлением. Харри знал кое-какие из них. А Руар Бор наверняка знал все. Поэтому причин размышлять слишком долго не было. Харри подошел к двери и подергал ручку. Заперто. Он отступил в сторону и два раза стукнул по двери кулаком:

— Откройте, полиция!

Он прислушивался, прижавшись спиной к стене дома, но до него доносился только непрекращающийся шум дождя. Где-то хрустнула ветка. Харри вглядывался в темноту, но она казалась ему неподвижной черной стеной. Он сосчитал до пяти, а потом ударил рукояткой пистолета по оконному стеклу рядом с дверью. Стекло разбилось. Он просунул руку внутрь и отодвинул шпингалеты. Но рама разбухла, и Харри пришлось полностью высадить ее. Он забрался внутрь и втянул в себя похожий на запах специй

аромат свежих березовых дров и пепла. Харри включил карманный фонарик и отвел руку в сторону, чтобы нельзя было воспользоваться светом для того, чтобы прицелиться. Луч света перемещался по комнате, пока не выхватил из темноты выключатель возле двери. Харри нажал на него, зажглась люстра, и он поспешил встать спиной к стене между двумя окнами. Он осматривал комнату слева направо, как полагается делать на месте преступления. Харри находился в гостиной, две двери из которой вели в спальни с двухъярусными кроватями. В другом конце гостиной — оборудованный под кухню уголок с раковиной и радиоприемником. Открытый камин. Типичная для норвежских загородных домов мебель из сосны, сундук с орнаментом в виде роз, к стене прислонены автомат и винтовка. На столе, покрытом вязаной скатертью, подсвечник и спортивный журнал, рядом лежат пистолет «Хай Стандард HD 22» с глушителем, два сверкающих охотничьих ножа и настольная игра яцзы. Все стены увешаны распечатанными на принтере листами формата А4. Харри затаил дыхание, увидев рядом с камином фото Ракели. Она была запечатлена возле зарешеченного окна. У кухонного окна в Хольменколлене. Этот снимок

сделали, стоя прямо перед фотоловушкой.

Харри заставил себя перевести взгляд дальше.

Над обеденным столом висели портреты нескольких женщин, под некоторыми из них были пришпилены вырезки из газет. А когда Харри повернулся, то увидел на противоположной стене также и другие фото. Фотографии мужчин. Около дюжины снимков, вроде как пронумерованных по рангу. Троих мужчин Харри узнал сразу. Номер один — Антон Бликс, осужденный за несколько изнасилований и двойное убийство десять лет назад. Номер два — Свейн Финне. А ниже, под номером шесть, — Валентин Йертсен. А потом Харри узнал и нескольких других. Знаменитые насильники, как минимум один из них умер, а парочка отбывала срок за решеткой, насколько ему было известно. Харри прищурился, чтобы разглядеть вырезки под портретами на другой стене. Ему удалось прочитать один заголовок, напечатанный жирным шрифтом: «Изнасилование в парке». На остальных вырезках шрифт был слишком мелкий.

Если он подойдет ближе, то превратится в прекрасную мишень для стрелка на улице. Правда, можно выключить люстру и рассмотреть фотографии с помощью фонарика. Взгляд Харри

стал искать выключатель, но снова наткнулся на Ракель.

Он не видел лица женщины, но было что-то странное в ее осанке. Как у хищника, поднявшего голову и навострившего уши. Она словно бы чуяла опасность, там, за окном. И выглядела страшно одинокой.

«Она ждала меня, — подумал Харри. — А я ждал ее. Мы оба ждали друг друга».

Харри обнаружил, что, задумавшись, сделал несколько шагов вглубь комнаты, вышел на свет и теперь был прекрасно виден всем и вся. Какого черта он творит? Он закрыл глаза.

Харри ждал.

Руар Бор держал на мушке спину человека в освещенной комнате. Он отключил лазерный прицел, выдавший его, когда Пиа и Холе сидели на скамейке возле пруда Сместаддаммен. Капли дождя падали на деревья у него над головой, стекали с шапки. Он ждал.

Ничего не происходило.

Харри открыл глаза и снова начал дышать.

Он читал газетные вырезки.

Некоторые из них уже пожелтели, другие были сравнительно свежими. Репортажи об изнасило-

ваниях. Имена женщин не упоминаются, только возраст, место преступления, приблизительный ход событий. Осло. Восточная Норвегия. Один случай в Ставангере. Бог знает, как Бору удалось раздобыть снимки, но Харри не сомневался, что на них были изображены жертвы насилия. А напротив — фотографии мужчин. Что это? Некий рейтинг худших — или лучших — насильников Норвегии? Источники вдохновения для Руара Бора, люди, на которых он может равняться?

Харри повернул замок и открыл дверь:

— Бьёрн! Здесь все чисто!

И тут он увидел фотографию, прикрепленную к стене возле двери. Прищуренные от яркого солнца зеленые глаза, изящная рука, убирающая с лица медового цвета пряди, белый жилет с красным крестом, а в качестве фона — пустынный пейзаж. Кайя Сульнес улыбается, обнажив острые зубы.

Харри посмотрел вниз и увидел те же самые черные армейские сапоги, что стояли в коридоре городской квартиры Боров.

Куча камней. Воины талибана, ждущие, когда второй человек выйдет из пуленепробиваемого автомобиля.

— О господи, Бьёрн, только этого еще не хва-

тало!

— Кайя Сульнес? — повторил в трубке глубокий, какой-то неестественно низкий голос.

— Я работаю в Полицейском управлении Осло, — сказала Кайя. Она включила громкую связь и сейчас осматривала полки холодильника в тщетной попытке отыскать что-нибудь съедобное.

— И чем я могу помочь вам?

— Мы ловим преступника, серийного убийцу и насильника. — Кайя налила себе яблочного сока, надеясь немного поднять уровень сахара в крови, и посмотрела на часы. Вернувшись из очередной командировки, она обнаружила, что неподалеку, на улице Вибе, открыли небольшой симпатичный ресторанчик. Можно там перекусить. — Разумеется, я знаю, что вы как психиатр не имеете права разглашать сведения о своих пациентах, но в данном случае речь идет об уже умершей женщине…

— И что? Правила для всех одинаковы.

— …и ее, как мы подозреваем, мог изнасиловать человек, которому мы хотим помешать совершить новые преступления.

На другом конце провода наступила тишина.

— Сообщите, когда закончите свои раздумья,

доктор Лондон. — Кайя не знала, почему эта фамилия, название одного из крупнейших городов мира, вызывала у нее ассоциации с одиночеством. Она отключила громкую связь и отправилась с трубкой и стаканом сока в гостиную.

— Ладно, спрашивайте, — разрешил психиатр. — А там видно будет.

— Спасибо. Вы помните свою бывшую пациентку Бьянку Бор?

— Да. — Врач произнес это таким тоном, что Кайя поняла: он также помнит, как она закончила свои дни.

— Когда она была вашей пациенткой, не сложилось ли у вас впечатления, что она подверглась насилию?

— Я не знаю.

— Хорошо, спрошу иначе. Демонстрировала ли фрёкен Бор поведение, которое может указывать на…

— Поведение пациента, страдающего психозом, может указывать на многое. И я не исключаю насилия. Или нападения. А также других травм. Но это всё домыслы.

— Ее отец также лежал в больнице, поскольку имел проблемы с психикой. Она об этом рассказывала?

— В беседе с пациентами мы обычно затрагиваем отношения с родителями, но я не припоминаю, чтобы в данном случае обратил внимание на что-то особенное.

— Понятно. — Кайя нажала на кнопку клавиатуры стоявшего на столе ноутбука, и его монитор снова загорелся. На застывшем кадре был виден силуэт человека, выходящего из двери дома Ракели. — А как насчет ее старшего брата, Руара?

Снова возникла продолжительная пауза. Кайя сделала глоток сока и посмотрела в сад.

— Вы говорите, что речь идет о поимке серийного убийцы и насильника?

— Да, — подтвердила Кайя.

— Когда Бьянку положили к нам, то дежурная медсестра сказала мне, что она во сне несколько раз выкрикивала одно имя. Это то же самое имя, которое вы только что назвали.

— Как вы считаете, Бьянка могла быть изнасилована не отцом, а старшим братом?

— Чего только в жизни не случается…

— Неужели вы не задумывались об этом?

Кайя прислушивалась к дыханию собеседника, чтобы попытаться истолковать его настроение, но до ее ушей доносился только шум дождя за окном.

— Бьянка рассказывала мне кое-что, но я подчеркиваю: у нее был психоз, а в таком состоянии пациент может сказать все, что угодно.

— И что именно она сказала?

— Что они с братом отправились в принадлежавший их семье загородный дом и он там сделал ей аборт.

Кайя содрогнулась.

— Конечно, это вполне могло быть лишь болезненной фантазией, — добавил доктор Лондон. — Но я помню, что она повесила над своей кроватью рисунок. Огромный орел, парящий над маленьким мальчиком. А из клюва хищной птицы торчат буквы: ROAR[39].

— В переводе с английского это, кажется, обозначает «рев», да?

— Поначалу я тоже именно так истолковал эту надпись.

— А впоследствии?

Кайя услышала, как врач тяжело вздохнул.

— Когда пациент неожиданно лишает себя жизни, то невольно начинаешь заниматься самоедством. Ты думаешь, что допустил роковую ошибку, все понял абсолютно неправильно. Не-

---

[39] Примечания: 39
Имя собственное Руар *(норв.)*; рев *(англ.)*.

задолго до смерти Бьянки мне показалось, что ее состояние улучшается. Я поднял свои старые записи, чтобы понять, где же именно дал маху, и обнаружил: она дважды сказала мне, что они убили ее старшего брата, а я списал это на бредни психопатки.

— А «они» — это кто?

— Она сама и ее старший брат.

— Как это понимать? Руар помогал убить самого себя?

Руар Бор опустил приклад винтовки, оставив дуло на ветке.

Человек, которого он держал на прицеле, скрылся из освещенного окна.

Бор прислушивался к звукам окружавшей его темноты.

Дождь. Шорох шин по мокрому асфальту совсем близко. Он предположил, что это «вольво». Тут, на улице Лидера Сагена, любят «вольво». И «фольксвагены». Универсалы. Дорогие модели. В Сместаде предпочитали «ауди» и «БМВ». Сады здесь не были так вылизаны, как в его районе, но их немного небрежный вид, вполне возможно, требовал ничуть не меньших усилий. Исключение составлял дикий сад Кайи, где царила полнейшая анархия. В защиту хозяйки можно

было сказать, что в последние годы она не так уж много времени проводила дома. Да Бор и не жаловался: буйно разросшиеся кусты и деревья скрывали его лучше, чем в Кабуле. Однажды ему пришлось прятаться за сгоревшим остовом автомобиля на крыше гаража, где он находился практически на всеобщем обозрении, но выбора не было: только с этого места открывался обзор на все здание, где жили девушки. Он провел там немало часов, разглядывая Кайю Сульнес сквозь оптический прицел, и понимал, что она не позволила бы саду зарасти, не будь у нее более важных дел. И он даже знал, чем именно она так занята. Люди порой ведут себя странно, когда думают, что их никто не видит, поэтому Руар Бор знал о Кайе Сульнес такое, о чем остальные даже не догадывались. Например, что ей нравилось читать книги в Интернете. Через прицел от «Сваровски» он легко мог разглядеть текст на мониторе ее ноутбука, если тот стоял на столе. И вот как раз сейчас Кайя нажала на клавишу, и монитор включился. На нем появилась явно сделанная ночью фотография какого-то дома со светящимся окном.

Только через несколько секунд Бор понял, что это вилла Ракели.

Он подкрутил прицел так, чтобы монитор оказался в фокусе. И понял, что видит не фотографию, а стоп-кадр. Съемка наверняка производилась примерно с того места, где обычно находился он сам. Какого черта? Дверь в дом Ракели открылась, в просвете стоял силуэт. Бор задержал дыхание, чтобы случайно не сбить прицел, и умудрился прочитать внизу кадра время и дату.

Видео было сделано в ночь убийства.

Руар Бор выпустил воздух из легких и прислонил винтовку к стволу дерева.

Насколько качественное это изображение? Можно ли по нему идентифицировать человека?

Он провел левой рукой по бедру, нащупав керамбит.

Надо подумать. Хорошенько подумать, прежде чем действовать.

Кончик пальца коснулся холодной стали в форме когтя. Вверх и вниз. Вверх и вниз.

— Осторожно, — предостерег Харри. — Там наверняка скользко.

— Я вижу, — сказал Бьёрн, аккуратно тормозя перед поворотом на мост.

Дождь прекратился, но асфальт перед ними покрылся блестящей ледяной коркой.

— Что дальше? — спросил Бьёрн.

Было ясно, что прокатились они напрасно: Руара Бора в загородном доме не оказалось.

Дорога выпрямилась после того, как они переехали реку, и Бьёрн увеличил скорость. Знак сообщал, что до Осло осталось 85 километров. Машин на дороге было немного, и, если бы у них под колесами был сухой асфальт, они запросто добрались бы до города за час с небольшим.

— Может, все-таки объявить его в розыск? — предложил Бьёрн.

Харри в ответ неопределенно хмыкнул и закрыл глаза. Он размышлял. Руар Бор приезжал на дачу совсем недавно: газета, лежавшая ведре с дровами, вышла шесть дней назад. Но сейчас его там не было. Никаких следов на снегу перед дверью. Никакой еды. Лишь плесень на остатках кофе в чашке на журнальном столике. Армейские сапоги у дверей были сухими, — наверное, у него несколько пар таких.

— Знаешь, — произнес Харри, — я позвонил тому эксперту по трехмерным технологиям, Фройнду. Кстати, его имя Сигурд.

— Почти Зигмунд Фрейд. — Бьёрн хихикнул. — Прикинь, Катрина предлагала назвать нашего малыша Бреттом — в честь вокалиста группы «Свейд». Бретт Братт. Так что сказал тебе этот

Фройнд?

— Что посмотрит карту памяти и даст мне ответ после выходных. Я объяснил ему, насколько это важно, но он предупредил, что с недостаточным освещением мало что можно сделать. Однако, зная высоту дверного проема и ширину крыльца дома на Хольменколлвейене, он сумеет определить рост человека на записи с точностью до сантиметра. Если я заявлю, что Бора необходимо объявить в розыск на основании того, что мы нашли, вломившись в его загородный дом без ордера на обыск, то у тебя тоже будут проблемы, Бьёрн. Поэтому лучше использовать тот факт, что рост человека в дверном проеме совпадает с ростом Бора, — тут уж никто не сможет сказать, что ты имеешь какое-то отношение к тем записям. Я позвоню в Крипос, объясню, что у меня есть фотографии, свидетельствующие, что Бор мог находиться на месте преступления, и предложу им обыскать его загородный дом. Конечно, они обнаружат разбитое стекло, но ведь разбить его мог кто угодно.

Харри увидел мигающий синий свет в конце прямого отрезка дороги перед ними. Они проехали мимо знака аварийной остановки. Бьёрн сбросил скорость.

На обочине с их стороны дороги стоял трейлер. А напротив, возле ограждения вдоль реки, виднелись остатки легковой машины. То, что некогда было автомобилем, показалось Харри похожим на смятую жестяную банку.

Полицейский подал им сигнал ехать дальше.

— Подожди, — сказал Харри, опуская стекло. — Судя по номеру, эта машина из Осло.

Бьёрн остановил «вольво» рядом с полицейским: бульдожье лицо, бычья шея и руки, которые казались слишком короткими для столь большого и тренированного торса.

— Что случилось? — спросил Харри, предъявляя ему удостоверение.

Полицейский посмотрел на него, кивнул и ответил:

— Водителя трейлера допрашивают, так что скоро узнаем. Скользко, это вполне мог быть несчастный случай.

— Не слишком ли прямая дорога для несчастного случая?

— Тут просто заколдованное место какое-то, — удрученно пояснил полицейский. — Каждый месяц случается как минимум одна авария. Мы

называем этот участок дороги *the green mile*[40]. Ну, вы знаете: последний отрезок пути, который в Америке проходят приговоренные к смерти по дороге на электрический стул.

— Ясно. Видите ли, мы ищем мужчину, проживающего в Осло, поэтому нам интересно знать, кто был за рулем этой машины, — сказал Харри.

Его собеседник тяжело вздохнул:

— Только представьте, что происходит, когда автомобиль весом около тысячи трехсот килограммов на скорости восемьдесят-девяносто километров в час въезжает в лоб пятидесятитонному трейлеру. Здесь никакие ремни и подушки безопасности не помогут. Даже если бы за рулем этого автомобиля был мой родной брат, я бы его не узнал. Могу лишь сообщить, что машина зарегистрирована на некоего Стейна Хансена.

— Спасибо, — поблагодарил его Харри и поднял стекло.

Дальше они ехали в молчании.

— У тебя словно гора с плеч свалилась, когда ты услышал имя, — заметил Бьёрн через некоторое время.

— Правда? — удивился Харри.

---

[40] Примечания: 40
Зеленая миля *(англ.)*.

— Ты считаешь, что Бор слишком легко отделался бы, если бы таким образом избежал ответственности, да?

— Погибнув в автокатастрофе?

— Я хочу сказать — оставив тебя в этом мире, где ты день за днем должен страдать в одиночестве. Это же несправедливо, да? Ты хочешь, чтобы он страдал так же, как и ты сам.

Харри выглянул в окно. Через щель в плотной завесе туч пробивался лунный свет, окрашивая серебром лед на реке.

Бьёрн включил радио.

«The Highway Men».

Харри немного послушал, а потом достал телефон и набрал номер Кайи.

Ответа не последовало.

Странно.

Он позвонил еще раз.

Харри дождался, когда включится автоответчик. Ее голос. Напоминает голос Ракели. Гудок. Харри кашлянул.

— Это я. Перезвони.

Наверняка она снова сидит в наушниках и слушает музыку, врубив ее на полную громкость.

Дворники чистили стекло. Туда-сюда. Новое начало, чистый лист каждые три секунды. Вечное

отпущение грехов.

По радио пели йодль на два голоса под аккомпанемент банджо.

Глава 29

Два с половиной года назад

Руар Бор стер со лба пот и посмотрел на небо над пустыней.

Солнце расплавилось, поэтому его не было видно. Оно расползалось желтой медью по затуманенной голубизне. А под ним — черный гриф, расправивший трехметровые крылья, черный крест на медно-желтом фоне.

Руар Бор снова огляделся. Здесь их всего двое. Одни посреди пустыни, кругом лишь пологие горы и груды камней. Конечно, они нарушили все инструкции по безопасности, когда отправились за пределы лагеря без должной защиты. Но в рапорте будет написано, что он рассматривал это в качестве жеста доброй воли по отношению к односельчанам Халы: начальник погибшей девушки лично доставит ее труп родным и приедет без охраны, как простой человек.

Еще месяц, и он уедет отсюда, вернется в Норвегию из своей третьей и последней командировки в Афганистан. Он скучал по дому, он всегда скучал по дому, однако не радовался, оказавшись там.

Он знал, что после возвращения пройдет всего две-три недели и ему снова захочется сюда.

Но больше командировок не будет, он подал заявление и был принят на работу директором в недавно созданный Норвежский национальный институт по защите прав человека в Осло. Организация эта формально подчинялась стортингу, но действовала как независимый орган. Институту предстояло разбираться в вопросах соблюдения прав человека, информировать и консультировать парламент, а в остальном его полномочия были довольно расплывчатыми. Но это неплохо: сам Бор и восемнадцать его сотрудников смогут сами определять круг своих обязанностей. Во многих отношениях эта работа будет похожа на то, чем он занимался в Афганистане, только у него не будет оружия. Поэтому он согласился. Генералом ему все равно не стать. В определенный момент человеку тактично и деликатно дают понять, что он не принадлежит к числу немногих избранных. Но ему надо было уехать из Афганистана не по этой причине.

Он видел перед собой лежащую на асфальте Халу. Обычно она носила западную одежду, лишь скромно кутала голову в хиджаб, но в ту ночь на ней был синий шальвар-камиз, задранный до

талии. Бор помнил обнаженные бедра и живот, светящуюся кожу, медленно теряющую блеск. Точно так же жизнь уходила из других прекрасных глаз. Даже мертвая, Хала удивительно напоминала Бьянку. Он заметил это сходство сразу, в самый первый раз, когда ему представили его личную переводчицу. На него словно бы смотрела Бьянка, вернувшаяся из мира мертвых, со дна реки, чтобы снова быть вместе. Но Хала, разумеется, не могла этого знать, да он и не хотел ничего ей объяснять. А теперь вот и ее не стало.

Но он нашел еще одну женщину, похожую на Бьянку, начальницу службы безопасности Красного Креста, Кайю Сульнес. Может быть, Бьянка теперь жила в ней? Или в ком-то другом? Надо приглядываться к окружающим повнимательнее.

— Не делайте этого! — умолял молодой мужчина, стоявший на коленях на асфальте позади «лендровера», припаркованного на ответвлении дороги.

Мужчина был в светлой камуфляжной форме, а нашивки свидетельствовали о том, что он сержант спецназа. Руки его были сложены на груди, вероятно, потому, что запястья стягивали полоски белого пластика, которыми обычно свя-

зывали военнопленных. Пятиметровой длины цепь тянулась от наручников к креплению на задней части «лендровера».

— Отпустите меня, Бор! У меня есть деньги. Наследство. Если отпустите, я буду молчать! Никто никогда не узнает о том, что произошло!

— А что произошло? — спросил Бор, не убирая дула своего «Кольта Канада С8» ото лба сержанта.

Сержант сглотнул.

— Афганская женщина. Хазарейка. Все знают, что вы с ней были очень близки, но если никто не поднимет шума, то скоро обо всем забудут.

— Ты не должен был никому рассказывать о том, что видел, Воге. Поэтому мне придется убить тебя. Уж больно длинный у тебя оказался язык.

— Два миллиона. Два миллиона крон, Бор. Нет, даже два с половиной. Наличкой. Как только мы вернемся в Норвегию.

Руар Бор пошел в сторону «лендровера».

— Нет, нет! — вопил его солдат. — Вы же не убийца, Бор!

Руар Бор сел в машину, завел двигатель и поехал. Он посмотрел в зеркало заднего вида: дорога прямой дрожащей лентой тянулась к горизонту. Он не почувствовал сопротивления, когда цепь

подняла сержанта на ноги и тот побежал за автомобилем.

Руар увеличил скорость. И еще немного поддал газу, когда цепь начала ослабевать. Он видел, как привязанный к машине человек бежит с вытянутыми вперед руками, сложенными будто для молитвы. Сорок градусов в тени. Даже при ходьбе пешком у сержанта на такой жаре вскоре произошло бы обезвоживание, он не смог бы держаться на ногах и сломался. Навстречу им по дороге на повозке, запряженной лошадью, ехал крестьянин. Когда афганец проезжал мимо, сержант стал кричать и звать на помощь, но крестьянин только склонил голову в тюрбане и посмотрел вниз, на вожжи. Иностранцы. Талибан. Их война — не его война, сам он ежедневно сражался с засухой и голодом, вел вечную борьбу за выживание.

Бор наклонился вперед и посмотрел на небо.

Черный гриф следовал за ними.

Ничьи молитвы не будут услышаны. Ничьи.

— Может, я все-таки подожду тебя? — спросил Бьёрн.

— Поезжай-ка ты лучше домой, к жене и ребенку, — сказал Харри, глядя на дом Кайи в боковое окно машины.

В гостиной горел свет.

Харри вышел из машины и зажег сигарету: курить в салоне теперь строго запрещалось.

— Катрина ввела новые правила из-за малыша, — объяснил Бьёрн.

— Хм… Как только женщины становятся матерями, они мигом берут власть в свои руки, да?

Бьёрн пожал плечами:

— Ну, положим, Катрина и раньше обладала властью.

Харри сделал четыре глубокие затяжки, затушил сигарету и убрал ее обратно в пачку. А потом открыл тихо скрипнувшие ворота. С железных перекладин капала вода — здесь тоже прошел дождь.

Он подошел к двери, позвонил, подождал.

После десяти секунд тишины Харри повернул дверную ручку. Не заперто, как и в прошлый раз. Он зашел внутрь с ощущением дежавю. Харри миновал открытую дверь в кухню, заметил телефон, лежавший на зарядке на кухонном столе. Вот почему она не отвечала на его звонки.

Может быть. Он открыл дверь в гостиную.

Пусто.

Он уже собирался позвать Кайю по имени, как вдруг его мозг уловил позади какой-то звук, скрип половицы, и за наносекунду пришел к выводу,

что это, конечно, хозяйка дома спускается со второго этажа или идет из туалета, поэтому мозг и не подавал сигнала тревоги.

Не подавал до того момента, пока шею Харри не обхватила рука, а к его рту и носу не прижалась вонючая тряпка. После того как мозг определил опасность, он автоматически скомандовал сделать долгий и глубокий вдох, прежде чем тряпка полностью перекроет доступ воздуха. Ну а когда Харри наконец сообразил, для чего именно эта тряпка предназначалась, было уже слишком поздно.

Глава 30

Харри огляделся. Он находился в бальном зале. Оркестр играл что-то вроде вальса. Он заметил Ракель. Она расположилась за столом, покрытым белой скатертью, под хрустальной люстрой. По обе стороны от нее сидели двое одетых в смокинги мужчин и пытались привлечь ее внимание. Но ее взгляд был направлен на него, Харри. Это заставило его поспешить. На ней было элегантное черное платье — одно из нескольких имевшихся в ее гардеробе элегантных черных платьев. А сам Харри был одет в черный костюм, свой единственный черный костюм, в котором вот уже много лет ходил на крестины, свадьбы и похороны. Ставя одну ногу перед другой, он заскользил между столами, но дело продвигалось медленно, потому что зал был полон воды. И вероятно, по поверхности ее ходили большие волны, потому что его влекло сначала вперед, а потом назад, а хрустальные люстры в форме буквы «S» кружились в такт вальсу. Когда Харри добрался до Ракели и уже хотел что-нибудь ей сказать, ноги вдруг оторвались от пола и его понесло вверх. Ракель протянула руку, встала со

стула и попыталась поймать Харри, но не смогла до него дотянуться. Она оставалась внизу, а он поднимался все выше и выше. А потом он обнаружил, что вода постепенно становится теплой и окрашивается в красный цвет, так что сквозь нее уже ничего невозможно разглядеть. Ракель скрылась из вида. Только сейчас он понял, что не может дышать, и принялся отчаянно барахтаться, чтобы выбраться на поверхность.

— Добрый вечер, Холе.

Харри разомкнул веки. Свет ножом резанул по глазам, и он снова закрыл их.

— Трихлорметан. Более известен как хлороформ. Средство, конечно, немного старомодное, но эффективное. Мы использовали его в Е14, когда нам надо было кого-нибудь похитить, — произнес какой-то человек.

Харри бросил на него быстрый взгляд, но ничего не рассмотрел, поскольку в лицо ему был направлен яркий свет.

— У тебя наверняка возникло множество вопросов. — Голос доносился из темноты позади лампы. — Например: «Что случилось? Где я? Что этому типу от меня надо?»

Во время похорон они обменялись всего парой слов, и все же Харри узнал голос и этот неболь-

шой намек на картавое «р».

— Позволь мне ответить на последний вопрос, Холе, наверняка он волнует тебя больше всего. Итак, что мне от тебя надо?

— Бор, — прохрипел Харри. — А где Кайя?

— Об этом не беспокойся.

Судя по акустике, Харри находился в большом помещении. Возможно, с деревянными стенами. Точно не в подвале. Но здесь было холодно и влажно, как будто помещением давно не пользовались. Запах нейтральный, как в зале для собраний или офисе. Может, так оно и есть. Его руки были плотно примотаны скотчем к подлокотникам, а ноги — к основанию офисного кресла на колесиках. Краской или штукатуркой не пахло, но Харри видел отблески света на прозрачной пленке, которой был покрыт паркет под его креслом и перед ним.

— Кайю ты тоже убил, Бор?

— Что значит «тоже»?

— Как и Ракель. И других женщин, чьими фотографиями увешаны стены твоего загородного дома.

Он услышал шаги за лампой.

— Я собираюсь сделать признание, Харри. Да, я убивал. Сперва я думал, что не способен на

убийство, но, как выяснилось, ошибался. — Шаги прекратились. — Не зря говорят: стоит только начать…

Харри откинул голову назад и уставился в потолок. Одну из панелей убрали, из отверстия торчало множество обрезанных проводов. Наверное, для компьютеров.

— До меня дошли слухи, что одному из наших спецназовцев, Воге, известно кое-что об убийстве Халы, моей личной переводчицы. Когда я проверил эти слухи и выяснил, что именно он знает, то понял: его надо прикончить.

Харри закашлялся.

— Все ясно: этот Воге вышел на твой след и ты его убил. А теперь решил убить и меня. Я не собираюсь быть твоим исповедником, Бор, поэтому переходи сразу к казни.

— Ты неправильно понял меня, Харри.

— Когда все вокруг тебя неправильно понимают, самое время задаться вопросом: а не сошел ли ты сам с ума? Бор, давай, чертов ублюдок, я готов.

— Ну зачем же так спешить?

— Вполне возможно, что там лучше, чем здесь. И компания, надеюсь, поприятнее.

— Ты ошибаешься, Холе. Позволь мне расска-

зать, как было дело.

— Нет! — Харри дернулся на стуле, но скотч удержал его на месте.

— Послушай. Пожалуйста. Я не убивал Ракель.

— Я знаю, что ты убил Ракель, Бор. И не хочу слышать ни рассказов об этом, ни твоих высокопарных изви…

Харри замолчал, когда лицо Руара Бора неожиданно осветилось снизу, как в фильме ужасов. И только через секунду сообразил, что свет исходит от телефона, лежавшего на столе между ними, который только что зазвонил.

Бор посмотрел на мобильник:

— Тебе звонят, Харри. Это Кайя Сульнес.

Бор нажал на экран, поднял трубку и приложил ее к уху Харри.

— Харри? — раздался голос Кайи.

Он прочистил горло.

— Где… где ты?

— Я только что вернулась домой и обнаружила, что ты звонил мне. Я отправилась перекусить в новый ресторанчик по соседству, а телефон оставила дома заряжаться. Скажи, ты ведь был здесь?

— С чего ты взяла?

— Мой ноутбук переставили с письменного

стола на журнальный столик. Скажи, что это сделал ты, а то я не на шутку перепугаюсь.

Он смотрел прямо на лампу.

— Харри? Ты где? У тебя такой странный голос…

— Да, это сделал я, — подтвердил Харри. — Так что беспокоиться не о чем. Слушай, я сейчас немного занят, перезвоню тебе попозже, ладно?

— Хорошо, — произнесла она с сомнением.

Бор дал отбой и положил трубку на стол.

— Почему ты не поднял тревогу?

— Полагаю, это бесполезно, иначе ты не позволил бы мне поговорить с Кайей.

— Я думаю, это потому, что ты веришь мне, Харри.

— Ты прикрутил меня скотчем к креслу. Не имеет значения, чему я верю.

Бор снова вышел на свет. Он держал в руках большой нож с широким лезвием. Харри попытался сглотнуть, но во рту у него пересохло. Бор поднес нож к Харри. К нижней стороне подлокотника. Полоснул. Проделал то же самое с левым подлокотником. Харри поднял освобожденные руки и принял протянутый нож.

— Я привязал тебя для того, чтобы ты не напал на меня, прежде чем услышишь всю правду, —

пояснил Бор, пока Харри освобождал от скотча ноги. — Ракель рассказала мне об угрозах, которые поступали в ее и твой адрес после раскрытия тобой нескольких громких дел. От людей, находившихся на свободе. И я приглядывал за вами.

— За нами?

— Прежде всего — за ней. Я, так сказать, нес вахту. Точно так же я присматривал за Кайей в Кабуле, после того как Халу изнасиловали и убили. А теперь опекаю ее в Осло.

— Ты знаешь, что это называется паранойя?

— Знаю.

— Хм… — Харри выпрямился и помассировал предплечья. Нож он оставил у себя. — Ладно, рассказывай.

— С чего начать?

— Начни с сержанта.

— Принято. В спецназе нет откровенных идиотов, поскольку игольное ушко, через которое следует пролезть, чтобы попасть в это подразделение, слишком узкое. Но сержант Воге был одним из тех солдат, у кого, как говорится, тестостерона больше, чем мозгов. Вскоре после убийства Халы, когда все только об этом и говорили, до меня дошли слухи: кто-то болтает, что, похоже, Хала очень любила Норвегию, потому

что на ее теле было вытатуировано норвежское слово. Я проверил и выяснил, что сержант Воге трепался об этом за кружкой пива в баре. Дело в том, что Хала всегда ходила полностью закутанной в одежду, а татуировка располагалась у нее над сердцем. Совершенно исключено, чтобы она рассказала об этом Воге. И я знаю, что Хала всячески скрывала эту татуировку. Несмотря на то что татуировки хной весьма распространенное явление в Афганистане, многие мусульмане считают постоянные наколки *sin of the skin*[41].

— Хм… Но для тебя это, выходит, не являлось тайной?

— Нет. Кроме мастера, сделавшего татуировку, я был единственным, кто знал о ней. До того как вытатуировать это слово, Хала проконсультировалась у меня, как оно правильно пишется, и уточнила, нет ли у него также какого-нибудь другого, неизвестного ей значения.

— И что же это было за слово?

Бор грустно улыбнулся:

— «Venn» — «друг». Хале нравилось изучать языки; помню, я еще объяснял ей разницу между новонорвежским и букмолом. Очень способная

---

[41] Примечания: 41
Букв.: грехом против кожи *(англ.)*.

была девочка.

— Но Воге мог услышать о татуировке от тех, кто нашел труп или же производил вскрытие, — предположил Харри.

— Исключено. Два удара ножом… — Бор замолчал и с дрожью втянул в себя воздух. — Два из *шестнадцати* ударов ножом порезали татуировку и сделали ее нечитаемой для тех, кто не знал, что там было написано изначально. Так что это мог знать только тот, кто…

— …изнасиловал девушку и увидел татуировку до того, как начал бить ее ножом. Так?

— Да.

— Я понимаю, но это не совсем доказательство, Бор.

— Абсолютно верно. Мало того, учитывая иммунитет МССБ, Воге отправили бы в Норвегию, где адвокат средней руки легко снял бы его с крючка.

— И ты назначил судьей себя.

Руар Бор кивнул:

— Она была моей личной переводчицей, я нес за нее ответственность. Как и за сержанта Воге. Он тоже был моим подчиненным. Я связался с родителями Халы и сказал, что лично привезу ее бренные останки в их деревню. Деревня находи-

лась в пяти часах езды от Кабула, причем дорога в основном шла через пустыню. Я приказал Воге сопровождать меня. Через несколько часов я велел парню остановиться, приставил пистолет к его голове и получил признание. Потом я привязал его к машине и поехал. Так называемое *D and Q*.

— Что-что?

– *Drawing and quartering*[42]. Наказание за государственную измену, практиковавшееся в Англии в период с тысяча двести восемьдесят третьего по тысяча восемьсот семидесятый год. Приговоренному к смерти вспарывали живот, вынимали внутренности и жгли их прямо у него на глазах, после чего ему отрубали голову. Но перед этим тащили к плахе, привязав сзади к лошади, это и есть *drawing*. И если расстояние от тюрьмы до плахи было большим, осужденному могло повезти умереть по дороге. Потому что, когда он уже не мог идти или бежать за лошадью, его волокли по брусчатке. Мясо сдиралось с него слой за слоем. Это была долгая и очень мучительная смерть.

Харри вспомнил длинный кровавый след, который обнаружили на асфальте.

---

[42] Примечания: 42
Волочение и потрошение *(англ.)*.

— Семья Халы была очень признательна за то, что я доставил домой ее тело, — сказал Бор. — А также труп ее убийцы. Вернее, то, что от него осталось. Они провели очень красивую похоронную церемонию.

— А что они сделали с трупом сержанта?

— Не знаю. *Quartering* — это, возможно, чисто английская примочка. Но вот отсечение головы — явление международное, а его голову нашли торчащей на палке возле деревни.

— И ты сообщил в рапорте, что сержант пропал по дороге домой.

— Да.

— Мм… Скажи, а почему ты вообще приглядываешь за этими женщинами?

Молчание. Бор присел на освещенный край стола, и Харри попытался понять, что выражает его лицо, но не сумел.

— У меня была сестра. — Его голос звучал бесстрастно. — Бьянка. Младшенькая. Ее изнасиловали, когда ей было семнадцать. Я должен был приглядывать за ней в тот вечер, но захотел пойти в кино, посмотреть «Крепкий орешек». Фильм предназначался для зрителей старше восемнадцати. Только спустя несколько лет Бьянка призналась, что ее изнасиловали в тот самый ве-

чер. Пока я сидел и наслаждался похождениями Брюса Уиллиса.

— Почему она сразу не рассказала?

Бор вздохнул:

— Насильник пригрозил, что убьет меня, ее старшего брата, если она кому-нибудь скажет хоть слово. Бьянка понятия не имела, откуда этот тип мог узнать, что у нее есть брат.

— А как он выглядел, этот насильник?

— Она его не разглядела, сказала, что было темно. Или же мозг попросту заблокировал это воспоминание. Я сталкивался с подобным в Судане. Солдаты проходили через вещи столь ужасные, что просто-напросто обо всем забывали. Они могли проснуться следующим утром и искренне отрицать, что были в том или ином месте и что-то видели. У некоторых вытеснение работает прекрасно. У других воспоминания позже всплывают, как флешбэки. Кошмары. Я думаю, к Бьянке они вернулись. И она с ними не справилась. Страх — вот что ее сломало.

— И ты считаешь, что это твоя вина?

— Естественно, а чья же еще?

— Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что у тебя не все в порядке с головой, Бор?

— Конечно. Ты ведь тоже слегка с приветом?

— А что ты делал в доме Кайи?

— Я увидел, что она просматривает на своем компьютере видео. Мужчина выходит из дома Ракели в ночь убийства. И когда Кайя ушла, я пробрался внутрь, чтобы изучить его внимательнее.

— И что ты выяснил?

— Ничего. Качество записи очень плохое. А потом я услышал, как в дом входишь ты. И перебрался из гостиной в кухню.

— Чтобы в коридоре оказаться у меня за спиной. И у тебя совершенно случайно оказался с собой хлороформ?

— Я всегда ношу с собой хлороформ.

— Зачем?

— Затем, чтобы тот, кто попытается пробраться в дом к кому-нибудь из моих подопечных женщин, оказался на стуле, на котором сейчас сидишь ты.

— И?..

— И получил по заслугам.

— А почему ты все это мне рассказываешь, Бор?

Бор сложил руки на груди:

— Должен признаться, Харри, сначала я думал, что это ты убил Ракель.

— Вот как?

— Брошенный муж. Классический вариант и первое, что приходит в голову, так ведь? И мне показалось, что именно это я увидел в твоем взгляде во время похорон. Смесь невинности и раскаяния. Взгляд человека, который убил, потому что одновременно испытывал по отношению к жертве ненависть и желание, а теперь раскаивается. Причем настолько сильно, что мозг его вытесняет воспоминание. Потому что только так он может выжить, ведь правда невыносима. Я видел такой взгляд у сержанта Воге. Казалось, он смог забыть, что сделал с Халой, и вспомнил это, только когда я задал ему конкретный вопрос. Но потом, когда я узнал, что у тебя есть алиби, то понял, что та тяжелая вина, которую я разглядел в твоих глазах, сродни моей собственной. Вина за то, что ты не смог помешать преступнику. Так что причина, по которой я тебе это рассказываю… — Бор поднялся со стола и скрылся в темноте, продолжая говорить, — проста. Я знаю, что ты хочешь того же, что и я. Мы оба хотим увидеть, как преступники понесут наказание. Они отняли у нас тех, кого мы любили. Тюремного срока здесь мало. Обычной смерти мало.

Люминесцентные лампы пару раз моргнули, и помещение залил свет.

Комната действительно оказалась офисом. Или бывшим офисом. Шесть-семь письменных столов, светлые пятна в тех местах, где прежде стояли мониторы и системные блоки компьютеров, картонные коробки, разбросанные повсюду канцелярские принадлежности, принтер — все указывало на то, что сотрудники съезжали отсюда в страшной спешке. На белой деревянной стене висел портрет короля.

«Военные», — автоматически подумал Харри.

— Ну что, пойдем? — спросил Бор.

Харри встал. У него кружилась голова, и он слегка нетвердыми шагами направился к простой деревянной двери, возле которой его ждал Бор. Он держал в руках телефон Харри, его служебный пистолет и зажигалку.

— Где ты был? — спросил Харри, убирая телефон и зажигалку и взвешивая пистолет на руке. — В ту ночь, когда убили Ракель? Я знаю, что не дома…

— Был выходной, и я уехал в наш загородный дом, — ответил Бор. — В Эггедал. Боюсь, я был один.

— Что ты там делал?

— Ну что я делал? Чистил оружие. Потом разжег камин. Думал. Слушал радио.

— Хм… Местную радиостанцию? Небось «Радио Халлингдал»?

— Ага. Это единственная станция, которая там ловится.

— В тот вечер они проводили лотерею бинго.

— Точно. Ты что, часто бываешь в Халлингдале?

— Нет. Можешь вспомнить что-нибудь особенное, связанное с этой лотереей?

Бор изумленно поднял бровь:

— С бинго?

— Да.

Бор покачал головой.

— Совсем ничего? — уточнил Харри, оценивая вес пистолета. Он сделал вывод, что пули из магазина не вынули.

— Нет. Это допрос?

— Подумай хорошенько.

Бор наморщил лоб:

— Ну, если только то, что все победители оказались из одного места. Кажется, из коммуны Фло.

— Бинго, — мягко сказал Харри и убрал пистолет в карман куртки. — Теперь ты вычеркнут из моего личного списка подозреваемых.

Руар Бор недоверчиво посмотрел на Харри:

— А при чем тут лотерея, которую проводили

на радио?

Харри пожал плечами:

— Долго объяснять. Ладно, проехали. Мне надо покурить.

Они спустились по изношенной скрипучей деревянной лестнице и, как только вышли в ночь, услышали колокольный ритурнель.

— Ну надо же! — произнес Харри, втягивая в себя холодный воздух. На площади перед ними по-субботнему озабоченные люди спешили в бары, а над крышами домов виднелись башни городской ратуши. — А мы, оказывается, в самом центре города.

Харри доводилось слышать, как колокола на ратуше исполняли песни группы «Крафтверк» и Долли Партон, а однажды Олег пришел в восторг, узнав заставку к компьютерной игре «Майнкрафт». Но сейчас звучала мелодия из постоянного репертуара, «Песня сторожа» Грига. Значит, ровно полночь.

Харри обернулся. Дом, из которого они вышли, находился рядом с воротами в крепость Акерсхус и больше походил на деревянный барак.

— Не MI6 и не ЦРУ, конечно, — сказал Бор, — но здесь в былые времена находилась штаб-квартира E14.

— Что еще за E14? — Харри отыскал в кармане пачку сигарет.

— Недолго просуществовавшая норвежская шпионская организация. Неужели не слышал?

— Вроде что-то припоминаю.

— Создана в тысяча девятьсот девяносто пятом году, несколько лет операций в стиле Джеймса Бонда, потом борьба за власть, политическая шумиха по поводу методов и расформирование в две тысячи шестом. С тех пор здесь пусто.

— Но у тебя есть ключи?

— Я состоял в ней в последние годы. Никто не просил вернуть ключи.

— Так… Экс-шпион, стало быть. Это объясняет, почему ты использовал хлороформ.

Бор криво улыбнулся:

— О, мы совершали и более странные вещи, чем эта.

— Не сомневаюсь. — Харри бросил взгляд на часы на башне ратуши.

— Прошу прощения, что испортил тебе сегодняшний вечер, — сказал Бор. — Не угостишь сигаретой, прежде чем мы продолжим беседу?

— Когда меня приняли в E14, я был молодым офицером, — произнес Бор и выпустил дым сигареты в небо. Они с Харри нашли скамейку на

крепостном валу позади пушек, нацеленных на Осло-фьорд. — Но в этой организации состояли не только военные. Кого там только не было: дипломаты и официанты, столяры и полицейские, математики и красивые женщины. Последних использовали в качестве подсадных уток.

— Прямо как в шпионском фильме, — заметил Харри и тоже затянулся сигаретой.

— Это и был шпионский фильм.

— Какие у вас имелись полномочия?

— Сбор информации в местах, где предположительно мог оказаться военный контингент Норвегии: Балканы, Ближний Восток, Судан, Афганистан. Мы обладали большой свободой, нам следовало действовать независимо от разведсетей США и НАТО. Какое-то время казалось, что нам все удавалось. Чувство товарищества, преданность делу. Но пожалуй, свободы было слишком много. В таких закрытых сообществах возникают собственные стандарты того, что считается приемлемым. Мы платили женщинам за секс с фигурантами. Мы вооружались незарегистрированными пистолетами «Хай Стандард HD 22».

Харри кивнул. Такой пистолет он видел на даче у Бора — излюбленное оружие агентов ЦРУ, осна-

щенное простым и очень удобным глушителем. Именно такой пистолет русские обнаружили у Фрэнсиса Гэри Пауэрса, пилота самолета-шпиона U2, сбитого над советской территорией в 1960 году.

— Без серийных номеров их нельзя было связать с E14, если нам приходилось использовать оружие для ликвидаций.

— И ты тоже занимался всем этим?

— Нет, я не подкладывал женщин под нужных людей и лично никого не убивал. Худшее, что я сделал… — Бор задумчиво почесал подбородок, — или худшее, что мне пришлось *испытать*, — это был самый первый раз, когда я намеренно расположил к себе человека, а потом предал его доверие. В качестве одного из вступительных испытаний мы получили задание как можно быстрее добраться из Осло до Тронхейма, имея в кармане всего лишь десять крон. Таким образом проверяли, имеются ли у кандидата навыки общения и креативность, которые могут потребоваться в критической ситуации. Я заплатил свои десять крон добродушного вида женщине в одном из кафе на Центральном вокзале Осло, чтобы воспользоваться ее телефоном и якобы позвонить своей смертельно больной младшей сестре,

лежавшей в центральной больнице Тронхейма, и рассказать ей, что у меня только что украли сумку, где лежали бумажник, билет на поезд и мобильник. На самом деле я позвонил одному из агентов и сумел расплакаться в телефон. Когда я закончил разговор, женщина тоже плакала, и я уже собирался попросить у нее одолжить мне денег на билет, как вдруг она предложила отвезти меня на своем автомобиле, припаркованном неподалеку. Мы мчались, выжимая из машины все, что можно. Шли часы, и мы разговаривали обо всем на свете, доверяя друг другу свои самые заветные тайны. Таким делятся только с незнакомцами. Разумеется, все мои тайны были заученной ложью и хорошей тренировкой для подающего надежды шпиона. Через четыре часа мы остановились в национальном парке Довре. Смотрели, как над равниной заходит солнце. А потом поцеловались. Мы смеялись сквозь слезы и объяснялись друг другу в любви. Спустя два часа, уже ближе к полуночи, она высадила меня у главного входа в больницу. Я попросил ее найти место для парковки, сказав, что сам пока узнаю, где именно лежит моя сестренка. Я пообещал сердобольной женщине, что буду ждать ее в вестибюле. А сам прошел прямо через приемный

покой, вышел в заднюю дверь и бежал, бежал, бежал до самого памятника королю Олаву, где нас с секундомером в руках ждал начальник приемной комиссии Е14. Я прибыл первым, и той ночью меня чествовали как героя.

— Привкуса не было?

— Тогда нет. Он появился позже. В армейском спецназе было то же самое. Человек постоянно находится под прессом, который обычные люди не выдерживают, и поэтому через какое-то время он начинает думать, что всеобщие правила на него не распространяются. В Е14 все началось с небольших манипуляций. С корыстного использования окружающих в своих целях. Незначительных нарушений закона. А закончилось моральным вопросом о жизни и смерти.

— Ты хочешь сказать, что на людей на такой работе тоже распространяются правила?

— Конечно. На бумаге… — Бор похлопал себя по карману. — А вот здесь… — Он постучал пальцем по лбу. — Ты *знаешь*, что должен нарушить некоторые правила, чтобы хорошо присматривать за своими подопечными. Потому что это *твоя* вахта и ты несешь ее постоянно. Причем делаешь это в одиночку, рассчитывать тебе абсолютно не на кого. И благодарности от тех, за кем ты при-

сматривал, тебе тоже не дождаться, потому что большинство из них никогда не узнает об этом.

— Но правовое государство…

— …имеет свои ограничения. Если бы решало правовое государство, то норвежского солдата, изнасиловавшего и убившего афганскую женщину, отправили бы домой, отбывать небольшой срок в тюрьме, которая хазарейцу показалась бы пятизвездочным отелем. Я все сделал как надо: Воге, совершивший преступление в Афганистане, понес наказание по афганским законам.

— А теперь ты охотишься за тем, кто убил Ракель? Но если следовать твоей логике, то за преступление, совершенное в Норвегии, надо судить по норвежским законам, а у нас нет смертной казни.

— Может, в Норвегии ее и нет, а у *меня* есть смертная казнь, Харри. И у тебя тоже.

— Правда?

— Я не сомневаюсь в том, что ты, как и бóльшая часть населения этой страны, искренне веришь в гуманизм и прочие ценности. Но ты еще и человек, Харри. Мужчина, у которого отняли любимую женщину. И сам я, кстати, тоже любил эту женщину.

Харри глубоко затянулся сигаретой.

— Нет, не подумай, — добавил Бор. — Не в этом смысле любил. Ракель была моей младшей сестренкой. Совсем как Хала. Они обе были Бьянкой. И я потерял их всех.

— Чего ты хочешь, Бор?

— Я хочу помочь тебе, Харри. Когда ты найдешь преступника, я тебе помогу.

— Как именно?

Бор поднял сигарету вверх:

— Убийство сродни курению. Сперва ты кашляешь, весь твой организм отчаянно сопротивляется, думаешь, что никогда не сможешь к этому привыкнуть, но потом… Видел бы ты моих спецназовцев. Харри, если убийцу Ракели лишат жизни после того, как арестуют, ты должен быть вне подозрений.

— То есть я должен вынести смертный приговор, а ты предлагаешь себя в качестве палача?

— Ну, положим, Харри, приговор ему мы уже вынесли. Ненависть сжигает нас до основания. Мы видим это, но мы настоящие профессионалы, а потому ни перед чем не остановимся. — Бор бросил окурок на землю. — Отвезти тебя домой?

— Я, пожалуй, пройдусь, — сказал Харри. — Надо, чтобы хлороформ выветрился. Только сперва задам тебе два вопроса. Когда мы с твоей женой

сидели у пруда Сместаддаммен, ты целился в нас через лазерный прицел. Откуда ты узнал, что мы пойдем именно туда?

Бор улыбнулся:

— Я этого не знал. Обычно я сижу в подвале и несу вахту. Слежу, чтобы норка больше не таскала птенцов у лебединой пары, которая обитает на пруду. А потом вдруг появились вы.

— Хм… Так просто.

— А второй вопрос?

— Как ты дотащил меня из машины вверх по всем этим лестницам сегодня вечером?

— А как мы обычно носим наших павших? Как рюкзак. Это единственный способ.

Харри кивнул:

— Ну вот и все, что я хотел знать.

Бор поднялся:

— Ты знаешь, где меня найти, Харри.

Харри прошел мимо ратуши, потом по улице Стортингсгата и остановился у Национального театра. И сам удивился, как спокойно миновал двери трех открытых, по-субботнему переполненных баров. Он достал телефон. Сообщение от Олега:

Что нового? Голова над водой?

Харри решил позвонить ему после того, как поговорит с Кайей. Она ответила после первого звонка:

— Харри? — Он услышал беспокойство в ее голосе.

— Я только что беседовал с Бором, — сказал он.

— Я так и знала, что что-то случилось!

— Он невиновен.

— Вот как? — Одеяло зашуршало и коснулось телефонного микрофона, когда она переворачивалась. — Что это значит?

— Это значит, что мы снова в начале пути. Я предоставлю тебе полный отчет завтра утром. Хорошо?

— Харри?

— Да.

— Я немножко испугалась.

— Я понял.

— А сейчас мне немножко одиноко.

— Хочешь, я к тебе приеду?

Пауза.

— Харри?

— Да?

— Я вовсе не к этому сказала.

— Я знаю.

Харри отсоединился, зашел в список контактов

и нашел букву «О», номер Олега. Он уже собрался было нажать на кнопку вызова, но потом передумал и вместо этого отправил Олегу эсэмэску:

Позвоню завтра.

Глава 31

Харри лежал на спине поверх одеяла, почти полностью одетый. Ботинки «Доктор Мартенс» стояли на полу у кровати, куртка висела на стуле. Кайя клубочком свернулась под одеялом, прижавшись к Харри и положив голову на его руку.

— Ты совершенно такой же, — сказала она, проведя рукой по его свитеру. — За прошедшие годы совершенно не изменился. Это несправедливо.

— От меня начинает вонять пóтом, — сказал он.

Она уткнулась лицом ему в подмышку и вдохнула:

— Глупости, ты хорошо пахнешь: ты пахнешь Харри.

— Это слева. А проблемы у правой подмышки. Наверное, старею.

Кайя тихо засмеялась:

— Между прочим, исследования показали: то, что старики плохо пахнут, — это миф. По данным японских ученых, пахучее вещество два-ноненаль действительно вырабатывают только организмы людей старше сорока, однако тесты вслепую показали, что запах пота у пожилых

лучше, чем у тридцатилетних.

— О господи! — сказал Харри. — Сейчас ты подвела теоретическую основу под тот факт, что я воняю, словно жеребец.

Кайя засмеялась. Мягким смехом, по которому он так скучал. Своим особым смехом.

— Рассказывай, — велела она. — Что там насчет Бора?

Харри получил сигарету и подробно все изложил. Он рассказал, что́ они с Бьёрном обнаружили в загородном доме Бора, о том, как тот внезапно напал на него в гостиной Кайи. Харри поведал ей о пробуждении в заброшенном помещении E14 и о долгой беседе, которая у них там состоялась. Харри пересказал все более или менее подробно, за исключением того, что Бор предложил себя в качестве палача.

Странно, но Кайя совершенно спокойно восприняла новость о том, что этот человек казнил в Афганистане одного из своих солдат. И не выказала изумления, узнав, что Бор следил за ней — как в Кабуле, так и здесь, в Осло.

— Я думал, ты хоть немного удивишься, — сказал Харри.

Она покачала головой и взяла его сигарету.

— Я никогда не замечала слежки, но порой

что-то такое чувствовала. Ты понимаешь, когда Бор узнал, что я потеряла старшего брата, так же как он потерял свою младшую сестру, он начал со мной обращаться как с некоей суррогатной сестрой. Просто мелочи: например, меня охраняли чуточку лучше, чем других, когда я выезжала по работе за пределы зоны безопасности. Я делала вид, что ничего не замечаю. А к слежке человек привыкает.

— Неужели?

— Да, представь себе, — подтвердила она, вставляя сигарету между губами Харри. — Когда я работала в Басре, то там в составе коалиционных сил, дислоцированных вокруг отеля, где жили мы, сотрудники Красного Креста, были в основном англичане. А англичане другие, понимаешь? Американцы работают в открытую и с размахом, они зачищают улицы и используют так называемую *snake-procedure*[43] при охоте за кем-нибудь. Они идут прямо вперед и буквально взрывают стены, которые мешают их проходу. Они считают, что так быстрее и к тому же в большей мере устрашает, а этот фактор тоже нельзя недооценивать. А вот англичане… — Кайя провела пальцами по его

[43] Примечания: 43
Тактика змеи *(англ.)*.

груди, — они крадутся вдоль стен, оставаясь невидимыми. После двадцати ноль-ноль наступал комендантский час, но, случалось, мы выходили на крышу отеля перед баром. Мы никогда их не видели, но, бывало, я замечала пару красных точек на человеке, рядом с которым стояла. А он видел точно такие же на мне. Это такое вежливое напоминание от англичан, что они на посту, а нам надо зайти в помещение. И благодаря этому я чувствовала себя в большей безопасности.

— Хм… — Харри затянулся сигаретой. — И как его звали?

— Кого?

— Того парня, на котором ты видела красные точки.

Кайя улыбнулась, но глаза ее стали грустными.

— Антон. Он работал в МККК — Международном комитете Красного Креста. Люди в большинстве своем об этом не знают, но существуют две организации с похожими названиями. Есть Международная федерация обществ Красного Креста — это мы, рядовые солдаты здоровья, действующие под эгидой ООН. И есть Международный комитет Красного Креста, он состоит в основном из швейцарцев, а их штаб-квартира находится в Женеве. Это, так сказать, эквивалент десантни-

ков и спецназовцев. О них редко говорят, но эти люди приходят первыми и уходят последними. Они делают все то, чего не делает ООН из-за недостатка безопасности. Именно сотрудники МККК ходят по ночам и, скажем так, считают трупы. Эти люди не выставляли себя напоказ, но их легко было узнать по чуть более дорогим рубашкам и по тому, что от них исходило чувство легкого превосходства над всеми нами.

— Потому что они действительно превосходят прочих?

Кайя затянулась.

— Да. Но и они погибают от осколков мин.

— Мм… Ты его любила?

— Ты ревнуешь?

— Нет.

— А вот *я* ревновала.

— К Ракели?

— Я ненавидела ее.

— Вообще-то, Ракель не сделала ничего плохого.

— Ну, наверное, именно поэтому, — засмеялась Кайя. — Ты бросил меня ради нее, а женщине не требуется иная причина для ненависти, Харри.

— Я не *бросал* тебя, Кайя. Мы оба с тобой были людьми с разбитыми сердцами, которые какое-то

время могли утешать друг друга. И, уехав из Осло, я уехал от вас обеих.

— Но ты сказал, что любишь ее. И когда ты во второй раз вернулся в Осло, то вернулся ради нее, а не меня.

— Я вернулся из-за Олега, он попал в беду. Но да, я всегда любил Ракель.

— Даже когда она не хотела тебя?

– *Особенно* когда она не хотела меня. Так уж мы, люди, устроены. Или нет?

— Любовь — сложная штука, — вздохнула Кайя, придвинулась еще ближе и положила голову ему на грудь.

— Любовь — корень всего, — сказал Харри. — Хорошего и плохого. Да, хорошего и плохого.

Она посмотрела на него:

— О чем ты вспомнил?

— А что, это так заметно?

— Ага.

Харри покачал головой:

— Да так, одна история о корнях.

— Давай. Твоя очередь рассказывать.

— Хорошо. Ты слышала о Старом Тикко?

— Нет. А кто это?

— Это ель. Однажды мы с Ракелью и Олегом поехали в Швецию, на гору Фулуфьеллет, потому

что Олег в школе узнал, что там находится Старый Тикко, самое древнее в мире дерево, которому скоро исполнится десять тысяч лет. В машине Ракель рассказывала о том, что это дерево появилось в те времена, когда люди только начали заниматься земледелием, а Великобритания еще была частью континента. Однако, взобравшись на гору, мы с разочарованием обнаружили, что Старый Тикко — неказистая, кривая и довольно маленькая елочка. Лесник рассказал нам, что самому дереву всего несколько сотен лет и оно лишь одно из нескольких, а десять тысяч лет — это возраст корневой системы, из которой произрастают все эти деревца. Олег расстроился, он так радовался возможности рассказать своим одноклассникам, что любовался самым старым деревом в мире. А корней этой ободранной ели мы даже не видели. И тогда я сказал ему, что он может поднять руку и поведать учителю, что корни — это еще не дерево и поэтому самое старое из известных деревьев находится в Белых горах в Калифорнии и ему пять тысяч лет. Тут Олег прямо весь просиял, он бежал перед нами вприпрыжку всю обратную дорогу — настолько ему не терпелось вернуться домой и триумфально продемонстрировать свое превосходство в знаниях. Когда мы тем вечером

легли спать, Ракель прижалась ко мне и сказала, что любит меня и что наша любовь похожа на ту корневую систему. Дерево может сгнить, в него может ударить молния, мы можем поссориться, я могу напиться. Но с тем, что находится под землей, ни мы и никто другой ничего поделать не в силах, корни всегда будут там, и из них всегда будут расти новые деревья.

Некоторое время они лежали молча.

— Я едва слышу, как бьется твое сердце, — сказала Кайя.

— Потому что это ее половинка, — ответил Харри. — Она должна перестать биться, если второй половинки нет.

Внезапно Кайя очутилась сверху на нем.

— Хочу понюхать твою правую подмышку, — сказала она.

Харри позволил ей сделать это. Она лежала, прижавшись щекой к его щеке, и он ощущал ее тепло через Кайину свежую пижаму и свою одежду.

— Может быть, тебе стоит снять свитер, чтобы я почувствовала, — прошептала она, касаясь губами его уха.

— Кайя…

— Нет, Харри. Тебе это нужно. Как ты и говорил.

Утешение. — Она подвинулась, чтобы высвободить руку.

Он перехватил ее:

— Слишком рано, Кайя.

— Думай о ней, когда будешь делать это. Я серьезно. Просто думай о Ракели.

Харри сглотнул.

Он отпустил ее руку и закрыл глаза.

Это было все равно что опустить тело в теплую ванну прямо в одежде и с телефоном в кармане: чудовищная ошибка, чудовищно прекрасная.

Кайя поцеловала его. Он поднял веки и посмотрел прямо ей в глаза. Секунду казалось, что они следят один за другим, как два зверя, наткнувшиеся друг на друга в лесу, которым необходимо решить, враги они или друзья. А потом он вернул ей поцелуй. Она раздела его и себя и уселась на Харри верхом. Она взяла в руку его член, ее рука не двигалась, она просто крепко держала его. Может быть, ее заворожило биение крови в эрегированном члене, потому что Харри тоже чувствовал это. А затем, без лишних проволочек, она направила его член в себя. Они быстро нашли ритм, вспомнили его. Медленно, сильно. Харри видел, как она взлетала над ним в бледном красном свете электронных часов. Он провел рукой

по тому, что сначала показалось ему подвеской в виде какого-то символа или знака, но оказалось татуировкой: буквой «S» с двумя точками снизу и еще чем-то, напоминающим машину Фреда Флинстоуна. Стоны Кайи становились все громче, она хотела ускорить темп, но Харри ей не позволил. Она что-то гневно выкрикнула, но разрешила ему вести в этом танце. Он закрыл глаза и стал искать Ракель. Он нашел Александру. Нашел Катрину. Но не мог найти Ракель. Вплоть до того момента, когда Кайя замерла и перестала стонать. Он открыл глаза и увидел, как у нее по лицу и туловищу струится красный, похожий на кровь свет. Ее остекленевший взгляд был направлен в стену, рот открыт, словно в беззвучном крике, а влажные острые зубы блестели.

И его половинка сердца забилась.

Глава 32

— Хорошо спал? — спросила Кайя, протягивая Харри одну из двух дымящихся чашек кофе.

Она заползла в кровать и устроилась рядом с ним. Свет бледного утреннего солнца пробивался сквозь шторы, которые легко колыхались перед открытым окном. Утренний воздух был все еще наполнен холодком, и Кайя задрожала от удовольствия, просунув свои ледяные ноги между его ногами.

Харри задумался. А ведь, черт возьми, он *действительно* хорошо спал. Кошмаров не было, насколько он помнил. Да и сейчас тоже ни похмельного синдрома, ни каких-либо внезапных видений или признаков приступа паники.

— Вроде да, — ответил Харри, принял сидячее положение и глотнул кофе. — А ты?

— Как убитая. Похоже, тактика, которую я тебе предложила, неплохо сработала. Да?

Харри посмотрел перед собой и кивнул:

— Ну что, попробуем еще раз? Начнем с чистого листа.

Он повернулся и по удивленному выражению ее лица догадался, что Кайя неверно истолковала

его слова.

— Итак, в нашем списке подозреваемых опять никого нет, — быстро продолжил он. — В каком направлении будем действовать?

Ее лицо напряглось, на нем был написан невысказанный вопрос: «Ты не мог бы не думать о Ракели хотя бы пять минут после того, как мы проснулись вместе?»

Он увидел, как Кайя собралась, потом прокашлялась и ответила:

— Ракель рассказывала Бору об угрозах, которые поступали в ее адрес из-за твоей работы. Но как известно, если убийство совершено в доме жертвы, то в девяти случаях из десяти преступник входит в ее круг общения. То есть это был знакомый Ракели. Или же твой.

— В первом случае список окажется длинным, а во втором — коротким.

— С кем еще из мужчин она была знакома, за исключением Бора и других коллег по работе?

— С моими сослуживцами. И… об этом я не подумал.

— Что такое?

— Ракель помогала мне, когда я владел баром «Ревность». Рингдал, который купил у меня бар, хотел, чтобы она продолжала там работать. Но

этот тип явно тут ни при чем.

— Можем ли мы предположить, что ее убила женщина?

— Если верить статистике, то вероятность этого составляет лишь пятнадцать процентов.

— И все-таки подумай. Ревность?

Харри помотал головой.

Они услышали, как завибрировал телефон. Кайя свесилась со своей стороны кровати, выудила мобильник из кармана Харри, посмотрела на экран и нажала «ответить».

— Он тут немного занят в постели у Кайи, поэтому, пожалуйста, будьте кратки.

И протянула телефон остолбеневшему Харри. Он посмотрел на экран.

— Да?

— Конечно, это не мое дело, но кто такая Кайя? — Тон Александры был ледяным.

— Случается, я сам себя об этом спрашиваю, — ответил Харри и увидел, как Кайя выползает из кровати, сбрасывает пижаму и направляется в ванную. — А в чем дело?

– *В чем дело?* — передразнила Александра. — Вообще-то, я собиралась проинформировать тебя о последних данных анализа ДНК, которые мы отправили следственной группе.

— Да?

— Но теперь я уже не уверена, что хочу это сделать.

— Потому что я лежу в кровати у Кайи?

— Так ты это *признаёшь*! — воскликнула Александра.

— «Признаю» — не совсем подходящее слово, но суть от этого не меняется. Прошу прощения, если огорчил, но для тебя я ведь всего лишь *booty call*[44], так что ты довольно скоро утешишься.

— Больше не будет никаких *booty calls* от меня, *pretty boy*[45].

— Ну что ж, попробую пережить это.

— Мог хотя бы *постараться* изобразить сожаление.

— Послушай, Александра, я несколько месяцев только и делал, что сожалел, и сейчас я не могу играть во все эти игры. Ты расскажешь мне об отчете или нет?

Пауза. Харри слышал доносящийся из ванной шум душа.

Александра вздохнула:

— Мы проанализировали каждую мелочь с

---

[44] Примечания: 44
Телефонный звонок с предложением встречи ради секса *(англ.)*.

[45] Примечания: 45
Красавчик *(англ.)*.

места преступления, которая теоретически могла содержать следы ДНК. Конечно, мы получили множество совпадений с полицейскими из нашего регистра. Ты, Олег, криминалисты, которые там работали.

— Им что, и правда удалось загадить место преступления?

— Не будь так строг, Харри, мы проводили доскональное исследование улик из всего дома, даже из подвала. У нас было так много материала, что следственная группа прислала указания относительно того, чем надо заняться в первую очередь. Вот почему это обнаружилось только сейчас. Невымытые стаканы и столовые приборы из посудомойки находились ближе к концу списка.

— И что же именно обнаружилось?

— ДНК неизвестного в засохшей слюне на краю стакана.

— Мужчины?

— Да. Они сказали, что на стакане также были отпечатки пальцев.

— Отпечатки пальцев? Значит, у них есть фотография. — Харри свесил ноги с кровати. — Александра, ты настоящий друг, спасибо тебе!

— Друг! — фыркнула она. — Кто хочет быть *другом*?

— Позвонишь, когда у тебя будет еще что-нибудь интересное?

— Я позвоню, когда в моей кровати будет лежать здоровенный мужик, вот что я сделаю. — И она отключилась.

Харри оделся, взял чашку кофе, спустился в гостиную, открыл ноутбук Кайи и вошел под своим паролем на страницу расследований Полицейского округа Осло. Он отыскал фотографию стакана в приложении к последнему отчету. Там имелась также фотография содержимого посудомойки. Две тарелки и четыре стакана. Это значит, что стаканами наверняка пользовались совсем незадолго до убийства. Ракель не оставляла посуду в посудомойке больше чем на два дня, и если за это время машина заполнялась меньше чем наполовину, случалось, она вынимала из нее содержимое и мыла все вручную.

Стакан с отпечатками пальцев был из тех, что Ракель купила в маленькой стеклодувной мастерской в Ниттедале. Она принадлежала одной сирийской семье, прибывшей в Норвегию в качестве беженцев. Ракели нравились светло-голубые стаканы, и она хотела помочь беженцам, поэтому предложила закупить у них партию посуды для «Ревности». Она считала, это придаст бару

еще больше своеобразия. Но прежде чем Харри успел обдумать это ее предложение, он вылетел как из дома в Хольменколлене, так и из числа совладельцев бара. Ракель хранила эти стаканы в шкафу в гостиной. Вряд ли преступник отправился бы туда искать посуду, чтобы утолить жажду после убийства. В отчете было написано, что на стекле имелись также отпечатки Ракели. Значит, она сама дала этому человеку попить, протянула ему стакан. Наверняка воды, ибо в отчете говорилось, что следов других напитков обнаружено не было. И кстати, сама Ракель ничего не пила, в посудомойке стоял только один стакан из голубого стекла.

Харри вытер рукой лицо.

Значит, к ней пришел человек, которого она знала достаточно, чтобы впустить в дом. Но почему, когда он попросил воды, Ракель просто не взяла из кухонного шкафчика над раковиной купленный в «ИКЕЕ» стакан, а отправилась в гостиную? Она явно хотела произвести на гостя впечатление. Ради кого она так старалась? Неужели любовник? В таком случае их отношения начались совсем недавно, поскольку он не бывал здесь раньше. Харри внимательно просмотрел предыдущие записи на карте памяти: судя по

ним, в дом входила и выходила из него только хозяйка, у Ракели за все время не было ни одного посетителя. Вплоть до ночи убийства. Наверняка это он пил из стакана. Харри думал о человеке, увидев которого Ракель, казалось, в первый момент удивилась, но спустя всего лишь пару секунд впустила его в дом. В отчете значилось, что совпадений в базе отпечатков пальцев не найдено. Значит, это не один из действующих полицейских — во всяком случае, не один из тех, кто работал на месте преступления, и не преступник, известный полиции. Этот человек недолго находился в доме, потому что больше нигде его отпечатки не обнаружены.

Эксперты, которые работали с уликами, пользовались старым методом: цветной порошок нанесен на поверхность при помощи кисточки. Харри четко видел отпечатки пяти пальцев. Четыре посередине, короткий мизинец повернут влево. На донышке стакана — отпечаток большого пальца. Ракель протянула ему стакан правой рукой. Взгляд Харри пробежал по отчету и нашел подтверждение тому, что он уже знал: на стакане отпечатки правой руки Ракели и левой руки неизвестного. Внезапно мозг Харри забил тревогу, поскольку услышал точно такой же скрип

половицы, как и вчера вечером.

— Ты вздрогнул! — рассмеялась Кайя, пришлепавшая босиком в гостиную. На ней был синий потертый махровый халат слишком большого размера. Наверное, он раньше принадлежал ее отцу. Или брату. — У меня продуктов в обрез, но мы можем пойти позавтракать…

— Не беспокойся, — сказал Харри, закрывая ноутбук. — Мне надо домой — переодеться.

Он встал и поцеловал ее в лоб.

— Кстати, у тебя красивая татушка.

— Правда? — Она улыбнулась. — Ты говорил, что мы, люди, по определению глупцы-незнайки, поэтому нам нельзя делать надписи на камнях или на коже, а можно использовать только водорастворимые краски. Что нам нужна возможность смыть прошлое, забыть, кем мы были.

— Господи, неужели я такое говорил?

— Ну да: чистый лист, свобода, возможность стать кем-то новым, лучшим. Татуировки ограничивают человека, заставляют его придерживаться старых убеждений. Ты говорил, что если, допустим, наколешь на груди изображение Иисуса, то потом станешь волей-неволей крепко держаться старых суеверий, потому что такая татуировка будет выглядеть совершенно по-иди-

отски на груди у атеиста.

— Неплохо. И я впечатлен, что ты все это помнишь.

— Ты был рефлексирующим мужчиной со множеством странных мыслей, Харри.

— Раньше я был лучше, надо было вытатуировать эти мысли. — Харри почесал шею. Сигнал тревоги не пропадал, как старая сигнализация, визжащая под окном спальни в ожидании, когда кто-нибудь выйдет и отключит ее. Может, дело не только в скрипе отошедшей половицы?

Кайя проводила его в коридор. Он надел ботинки.

— Знаешь что? — сказала она, когда Харри, уже полностью одетый, стоял в открытых дверях. — Теперь ты выглядишь так, словно решил выжить.

— Не понял.

— Когда я видела тебя в церкви, мне показалось, что ты только и ждешь первой возможности умереть.

Катрина посмотрела на экран телефона, чтобы узнать, кто это ей звонит. Она помедлила, взглянула на стопку отчетов на своем письменном столе и вздохнула.

— Здравствуйте, Мона. Работаете в воскресе-

нье? Приятно видеть подобное усердие.

— ИВТ, — сказала Мона До.

— Что, простите?

— «И вам того же»: сокращение для текстовых сообщений.

— Да, я тоже работаю. Без тягача Норвегия остановится.

— Что, простите?

— Просто старый лозунг: «Без женщин…» Забудьте. Чем я могу помочь «ВГ»?

— Я хотела узнать, как продвигается расследование убийства Ракели Фёуке.

— Для этого существуют пресс-конференции.

— Последняя была уже довольно давно. А Андерс…

— Тот факт, что вы живете с полицейским, не дает вам права лезть без очереди, Мона.

— Мало того, это ставит меня в самый *конец* очереди. Потому что вы до смерти боитесь, как бы кому-нибудь не показалось, будто у вас ко мне особое отношение. И я собиралась сказать, что Андерс, конечно, ничего мне не рассказывает, но выглядит он недовольным. Из чего я делаю вывод, что расследование застопорилось.

— Расследования никогда не стоят на месте, — ответила Катрина, массируя лоб свободной рукой.

Господи, как же она устала! — И мы, и Крипос работаем систематически и без устали. Каждый след, который не приводит нас к цели, все-таки приближает нас к ней.

— Записала. Но мне кажется, эту вашу цитату я уже давала раньше. Хотелось бы чего-нибудь более пикантного. Не могли бы вы, так сказать, добавить перчику?

— Ах вот как, более пикантного? — Катрина почувствовала, как что-то давно сдерживаемое прорвалось наружу. — Ладно, слушай. Ракель Фёуке была прекрасным человеком. Умным, порядочным и деликатным, чего никак нельзя сказать о тебе. Твои долбаные журналистские замашки меня уже достали! Если тебе неймется в выходной, то не тревожь, по крайней мере, ее память! Совсем совесть потеряла, чертова сука! Ну что, хватит перчику или еще добавить?

Высказавшись подобным образом, Катрина изумленно замолчала, поскольку и сама такого от себя не ожидала.

— Вы хотите, чтобы я процитировала это в статье? — спросила Мона До.

Катрина откинулась на офисном кресле и выругалась про себя.

— Ну а вы сами как думаете?

— Учитывая то, что нам еще предстоит сотрудничать в будущем, — сказала Мона, — я думаю, что лучше сделать вид, будто этого телефонного разговора вообще не было.

— Спасибо.

В трубке раздались короткие гудки, и Катрина положила лоб на прохладную столешницу. Это уже слишком, столько всего на нее навалилось. Ответственность. Заголовки в газетах. Нетерпение начальства. Малыш. Бьёрн. Неуверенность в себе. Почему она в воскресенье находится здесь, на службе? Потому что не хочет быть дома с мужем и сыном? Или этого требуют интересы дела? Что толку бесконечно читать отчеты: как своих сотрудников, так и Крипоса? А ведь Мона До права: расследование зашло в тупик и они топчутся на месте.

Посреди парка Стенспаркен Харри резко остановился. Он отправился в обход, чтобы немного подумать, но забыл, что сегодня воскресенье. Пронзительно лающие собаки и неистово орущие дети словно бы соревновались, кто кого перекричит, а еще с ними состязались отдающие громогласные команды родители и владельцы собак. Но даже эти звуки не могли заставить замолчать смутное чувство тревоги, никак не же-

лавшее отступать. Пока внезапно оно не исчезло. Потому что он вспомнил. Вспомнил, где видел левую руку, держащую стакан с водой.

— Как думаешь, человека можно посадить в тюрьму за то, что он заказал резиновую секс-куклу в виде ребенка? — спросил Эйстейн Эйкеланн, листая газету на стойке бара «Ревность». — Я считаю, как бы мерзко это ни звучало, что мысль все-таки должна быть свободна.

— У мерзости должны быть границы, — сказал Рингдал и облизал указательный палец, прежде чем продолжить пересчитывать купюры из кассы. — Вчера у нас был хороший вечер, Эйкеланн.

— Здесь написано, что профсоюзники никак не придут к единому мнению, могут ли игры с сексигрушками в виде детей привести к увеличению количества нападений на несовершеннолетних или нет.

— Но сюда заходит слишком мало девушек. Может быть, нам ввести скидку на напитки для женщин моложе тридцати пяти?

— Но это же абсурд. Никто ведь не предлагает сажать в тюрьму родителей, которые покупают своим детям игрушечные автоматы и позволяют им понарошку расстреливать своих одноклассников.

Рингдал подставил стакан под кран с водой.

— А почему это тебя так интересует? Ты, случаем, сам не педофил, Эйкеланн?

Эйстейн Эйкеланн уставился прямо перед собой:

— Я, кстати, размышлял на эту тему. Так, просто ради любопытства. Но нет, вроде нигде не свербит. А ты?

Рингдал наполнил стакан.

— Могу заверить тебя, Эйкеланн, что я очень нормальный мужчина.

– *Очень* нормальный? Как-то жутковато звучит. И что это значит?

— Это значит, что мне нравятся девочки законного возраста. Как и большинству наших посетителей мужского пола. — Рингдал поднял стакан. — Именно поэтому я и нанял новую барменшу.

Эйстейн Эйкеланн раскрыл рот.

— Она будет работать с нами, — сказал Рингдал. — Так что у нас появится чуть-чуть больше свободного времени. Будем проводить ротацию, да? По системе Моуринью. — Он отпил воды.

— Во-первых, принцип ротации ввел сэр Алекс. Во-вторых, Жозе Моуринью — просто придурок с непомерно раздутым самомнением. Да,

команды, которыми он руководил, завоевали немало титулов, однако это вовсе не его заслуга. Моуринью, как и многих других, ввели в заблуждение комментарии так называемых экспертов, заставивших народ поверить, что победы были одержаны благодаря его уникальным качествам. На самом деле научно доказано, что способность тренера оказывать хоть какое-нибудь влияние на результаты своей команды — это миф. Выигрывает та команда, в которую входят наиболее высокооплачиваемые игроки, и точка! Так что, если ты хочешь, чтобы «Ревность» возглавила барную лигу Грюнерлёкки, просто плати мне больше, Рингдал. Вот так.

— Ты очень занятный, этого у тебя не отнять, Эйкеланн. Наверное, поэтому ты нравишься нашим посетителям. Но мне кажется, немного разнообразия нам не повредит.

Эйстейн обнажил в ухмылке гнилые зубы:

— Смесь плохих зубов и больших титек? У нее ведь большие буфера, да?

— Ну…

— Ты идиот, Рингдал.

— Поосторожнее, Эйкеланн. А то мигом вылетишь из команды.

— Ты должен решить, что это будет за бар.

Уважаемое заведение, обладающее своей изюминкой, или «Горячие штучки».

— Из предложенных вариантов я бы выбрал…

— Не торопись с ответом, Моуринью ты наш. По статистике порносайта «Порнохаб», гости будущего, то есть те, кому сейчас от восемнадцати до двадцати четырех лет, на двадцать процентов меньше прочих посетителей сайта склонны искать изображения женской груди. Так что титьки выходят из моды, Рингдал.

— А гнилые зубы? — спросил Харри.

Они повернулись к вновь прибывшему.

— Дашь мне что-нибудь выпить, Рингдал?

Рингдал помотал головой:

— Еще нет часа дня.

— Я не имею в виду крепкие напитки, а прошу всего лишь…

— Пиво и вино не подаются по воскресеньям до двенадцати, Холе. Мы не хотим лишиться лицензии.

— …стакан воды, — закончил Харри.

— А-а-а, — ответил Рингдал, подставил чистый стакан под кран и включил воду.

— Ты говорил, что спрашивал у Ракели, не хочет ли она продолжить работу в «Ревности», — сказал Харри. — Я просмотрел ее электронную

почту и список телефонных звонков за последние месяцы, однако нигде тебя не обнаружил.

— И что? — спросил Рингдал, протягивая стакан Харри.

— А то, что мне хотелось бы знать, где, когда и как ты с ней общался.

— Ты спрашиваешь от своего имени? Или как полицейский?

— А это принципиально?

Рингдал выпятил нижнюю губу и склонил голову набок:

— Да нет. Честно говоря, я не помню.

— Не помнишь, встречался ли ты с нею лично или общался по электронке?

— Представь себе, вылетело из головы.

— Но ведь это было сравнительно недавно.

— Увы, в памяти иногда случаются пробелы. Я уверен, что ты меня понимаешь.

— Но ты же не пьешь, — возразил Харри, поднося стакан ко рту.

— Да, однако мои дни насыщены событиями, и я встречаюсь со множеством людей. Кстати, у меня сейчас куча дел…

— Что-то непохоже. — Харри оглядел пустой бар. — Посетителей вроде нет.

— Да, но я должен заблаговременно подгото-

виться к их появлению, заранее все спланировать, чтобы потом не сесть в лужу. Хороший план — основа успеха. Одним словом, извини, Харри, но мы больше не можем уделить тебе времени. Всего доброго…

Эйстейн проследил за тем, как за спиной Харри с треском захлопнулась дверь, а затем хотел поставить в мойку стакан, из которого пил его друг, однако на стойке его не было. Очень странно, куда же подевался пустой стакан?

— Полагаю, он в отчаянии, — заметил Рингдал, кивая на газету, лежавшую перед Эйстейном. — Пишут, что у полиции нет ничего нового. А всем известно, что́ они делают в таких случаях.

— И что же они делают? — спросил Эйстейн, бросив поиски стакана.

— Возвращаются к старому. К ранее отброшенным следам и подозрениям.

Только через некоторое время до Эйстейна дошло, что именно Рингдал имел в виду: Харри в отчаянии не оттого, что у полиции ничего нет, просто теперь полиция станет тщательнее изучать старые следы. Например, алиби самого Харри.

В помещениях криминалистического отдела в Брюне в воскресенье было пусто.

Но у компьютерного монитора в дактилоскопической лаборатории стояли два человека.

— Совпало, — провозгласил Бьёрн Хольм, выпрямляясь. — Это тот же самый отпечаток, что и на стакане из дома Ракели.

— Рингдал был там, — сказал Харри, изучая жирные отпечатки на пивном бокале, который он позаимствовал в «Ревности».

— Похоже на то.

— Помимо тех, кто посетил Ракель в ночь убийства, на протяжении нескольких недель никто не входил в ее дом и не выходил из него. Вообще никто.

— Ясно. Возможно, этот тип, Рингдал, был ее первым посетителем. Он прибыл рано вечером и потом ушел.

Харри кивнул:

— Конечно. Он мог нанести ей неожиданный визит, чтобы пригласить поработать в «Ревности», и получить стакан воды. Она отказалась, и он ушел. Все это совпадает с видеозаписью. Но вот что не совпадает, так это заявление Рингдала о том, что он ничего не помнит. Разве можно забыть о том, что был в доме, который, как нетрудно узнать из газет, через несколько часов после твоего ухода стал местом преступления, и беседовал

там с женщиной, которую вскоре убили?

— Может быть, он врет, потому что боится попасть в число подозреваемых. Если Рингдал был вдвоем с Ракелью в ночь убийства, ему придется объяснять массу вещей. И даже если он действительно невиновен, то наверняка понимает, что доказать алиби не так-то просто, можно запросто оказаться если не в камере предварительного заключения, то в центре нежелательного внимания со стороны СМИ. Предъяви этому типу доказательства и посмотри, не заработает ли у него память.

— Хм… А может, нам стоит придержать карты, пока не появится больше доказательств?

— Не нам, Харри. Это твое дело. Я, как и Рингдал, придерживаюсь стратегии невмешательства.

— Кажется, ты считаешь его невиновным.

— Догадки я оставлю тебе. А я в отпуске по уходу за ребенком и не хочу после его окончания лишиться работы.

Харри кивнул:

— Ты прав: я — эгоист: ожидаю, что люди, которые мне ничего не должны, станут рисковать домом, семьей и пенсионными баллами, чтобы помочь мне.

Из коляски послышалось тихое хныканье.

Бьёрн взглянул на часы, задрал свитер и достал детский рожок. Бьёрн объяснил Харри свой трюк: он засовывал рожок под плотно облегающий свитер между двумя жировыми складками на животе, чтобы поддерживать в нем температуру тела.

— О, я знаю, какого музыканта напоминает мне Рингдал, — сказал Харри, глядя, как малыш с тремя смешными большими светлыми кудряшками сосет рожок и чавкает. — Пола Саймона.

— Пола *Фредерика* Саймона? — воскликнул Бьёрн. — Что это ты вдруг его вспомнил?

— Дело в твоем малыше. Он похож на Арта Гарфанкела.

Харри ожидал, что Бьёрн обиженно поднимет глаза и скажет что-нибудь, но он остался сидеть склонив голову и сосредоточился на кормлении. Возможно, раздумывал, где на шкале его музыкальных предпочтений находится Арт Гарфанкел.

— Еще раз спасибо, Бьёрн, — поблагодарил друга Харри, застегивая куртку. — Мне пора.

— Ты сказал, что я тебе ничего не должен, — произнес Бьёрн, не поднимая глаз. — Это неправда.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Если бы не ты, я бы не познакомился с Кат-

риной.

— Познакомился бы.

— Это ты привел ее в мои объятия. Она увидела, что творится в твоей личной жизни. Ты, можно сказать, олицетворял все, чего она *не* хотела видеть в мужчине. А я оказался полной противоположностью тебе, и в результате дело закончилось свадьбой. Так что спасибо тебе, Харри. — Бьёрн посмотрел на него с широкой улыбкой. Глаза его увлажнились.

— О черт! — сказал Харри. — Это отцовская сентиментальность в тебе говорит?

— Возможно! — засмеялся Бьёрн и вытер глаза тыльной стороной ладони. — Так что ты теперь будешь делать? С Рингдалом?

— Ты же сказал, что не хочешь вмешиваться.

— Верно. Но ты ведь мой друг.

— Пока здесь не зарыдали двое, я побежал. — Харри посмотрел на часы и уточнил: — Я имею в виду *вас* двоих.

По дороге к машине Харри позвонил Кайе:

— Петер Рингдал. Посмотри, что на него есть.

В семь часов вечера было уже темно, и невидимый бесшумный моросящий дождь холодной паутиной ложился на лицо Харри, идущего по гравийной дорожке к дому Кайи.

— У нас появилась ниточка, — сказал он по телефону. — Но совсем тоненькая, я даже не могу назвать ее следом.

— У кого «у нас»? — спросил Олег.

— Я разве не говорил?

Олег не ответил.

— Мне помогает Кайя Сульнес, — пояснил Харри. — Бывшая коллега.

— А вы с ней…

— Нет…

— …не обнаружили ничего такого, о чем мне следовало бы знать? — закончил Олег свой вопрос.

— Пока ничего конкретного.

— Ясно.

Пауза.

— Думаешь, вы найдете убийцу?

— Трудно сказать, Олег.

— Ты же прекрасно знаешь, что меня такой ответ не устраивает.

— Хм… Пожалуй, мы найдем его.

— Хорошо. — Олег тяжело вздохнул. — До связи.

Харри обнаружил Кайю на диване в гостиной. На коленях у нее был ноутбук, а рядом на журнальном столике лежал телефон. Вот что она

раскопала по Петеру Рингдалу: сорок шесть лет, дважды разведен, детей нет, ситуация с личной жизнью неясная, в данный момент живет один на вилле в районе Хельсос. С карьерой все тоже непросто: Рингдал получил диплом экономиста в Норвежской школе менеджмента и разработал новую транспортную концепцию.

— Я нашла два интервью с ним, оба в «Финансовой газете», — сказала Кайя. — В первом из них, в две тысячи четвертом году, он заявил, что ищет инвесторов для проекта, который, по его словам, произведет революцию. Статья называется «Убийца личного автотранспорта». — Она застучала по клавишам компьютера. — Ага, вот. Цитирую Рингдала: «Сегодня мы перевозим одного или двух человек в корытах, весящих около тонны, по занимающим много места дорогам, которые необходимо постоянно обслуживать, чтобы они выдерживали транспортные потоки. Страшно даже представить, сколько ресурсов необходимо для того, чтобы заставить эти тяжелые машины катиться по шершавому асфальту. Я уж не говорю про строительство и ремонт автомагистралей. А сколько времени тратится впустую! Потеря времени происходит, когда потенциальному работнику, призванному тру-

диться на благо общества, приходится ежедневно по нескольку часов заниматься управлением собственным автомобилем, пробираясь по пробкам огромного мегаполиса. Это не просто бессмысленное использование одной четвертой части жизни человека, свободной ото сна, но и сокращение ВВП. Финансов, которые теряются на этом в одном лишь Лос-Анджелесе, хватило бы для того, чтобы каждый год отправлять на Луну новую экспедицию».

— Любопытно. — Харри провел указательным пальцем по облезлому лаку на подлокотнике кресла, в котором сидел. — И что же он предлагает в качестве альтернативы?

— Проект Рингдала состоит в том, чтобы создать мачты с маленькими подвесными вагончиками, рассчитанными на одного или двух человек, что-то вроде фуникулера. Вагоны будут припаркованы у платформ возле каждого дома, почти как велосипеды. Ты садишься внутрь, набираешь свой личный код и адрес назначения. С твоей банковской карты списывается небольшая сумма за каждый километр, и компьютерная программа посылает вагончик в путь, постепенно увеличивая скорость, максимум до двухсот километров в час. Так проехать можно будет

даже по центру Лос-Анджелеса. А ты в это время продолжаешь работать, готовиться к занятиям или, скажем, смотреть телевизор и почти не замечаешь поворотов. Вернее, поворота, потому что в большинстве случаев будет достаточно повернуть всего один раз. Никаких перекрестков со светофорами, никакого скопления транспорта; вагончики похожи на электроны, которые несутся в разные стороны и никогда не сталкиваются, потому что ими управляет компьютерная система. А внизу, под вагончиками, городские улицы освобождены для пешеходов, велосипедистов и скейтбордистов.

— А как насчет грузового транспорта?

— Все, что окажется слишком тяжелым для мачт, будут перевозить на грузовиках. Им позволено перемещаться по городу с черепашьей скоростью в определенные часы — ночью или ранним утром.

— Дороговато строить и мачты, и дороги.

— Рингдал считает, что новые мачты и полосы для движения обойдутся приблизительно в пятьдесят процентов от стоимости новой дороги. То же самое касается обслуживания. Фактически переход на мачтово-полосное движение окупится за десять лет, уже только за счет сокращения

расходов на обслуживание дорог. Плюс к этому — сбережение человеческих и экономических ресурсов вследствие сокращения количества аварий. Цель — ни одной, ни *единой* жертвы ДТП.

— Хм… Довольно разумно для городских условий, а вот в малонаселенных регионах…

— Мачт можно настроить и в сельской местности, и за это придется заплатить в двадцать раз меньше, чем за прокладку гравийной дороги.

Харри криво улыбнулся:

— Судя по всему, тебе идея понравилась.

Кайя засмеялась:

— Если бы в две тысячи четвертом году у меня были деньги, я бы вложилась.

— И?..

— И потеряла бы их. Второе интервью с Рингдалом вышло в две тысячи девятом, оно озаглавлено «Черный пояс по банкротствам». Инвесторы лишились всего и страшно злы на Рингдала. Он же считает жертвой себя, потому что из-за своей жадности и отсутствия фантазии они перекрыли ему денежный кран и все испортили. Ты знал, что он был чемпионом Норвегии по дзюдо?

— Угу.

— Кстати, Рингдал сказал кое-что забавное… — Кайя прокрутила страницу вниз и зачитала со

смехом в голосе: — «Так называемая финансовая элита — это банда паразитов. Если вы полагаете, что, для того чтобы разбогатеть в стране, которая пятьдесят лет подряд находится на подъеме, необходим ум, то ошибаетесь. На самом деле нужно совсем иное: комплекс неполноценности, желание рисковать за счет других и год рождения не ранее тысяча девятьсот шестидесятого. Наша так называемая финансовая элита — это банда слепых куриц в зернохранилище, а Норвегия — рай для посредственностей».

— Сильно.

— Но и это еще не все, далее Рингдал развивает конспирологическую теорию.

Харри заметил, что из чашки, стоявшей на столе перед Кайей, поднимается пар, а это значит, что на кухне есть свежий кофе.

— Ну-ну, продолжай.

— «Прогресс неизбежен, и кто больше всех потеряет от этого?»

— Ты меня спрашиваешь?

— Я читаю интервью!

— Тогда читай тем смешным голосом.

Кайя предостерегающе посмотрела на него.

— Автопроизводители? — вздохнул Харри. — Дорожные службы? Нефтяные компании?

Кайя прокашлялась и вернулась взглядом к монитору:

— «Наравне с крупнейшими производителями оружия, автоконцерны сегодня являются фактором власти, ведь мы живем и умираем в эпоху личного транспорта. Поэтому они отчаянно стремятся затормозить прогресс, пытаясь при этом сделать вид, что всячески способствуют ему. На самом деле они меньше всего хотят найти оптимальное решение транспортных проблем, потому что в их интересах как можно дольше задерживать бег истории и продолжать производить многотонных монстров, пожирающих бензин. А ведь эти люди прекрасно знают, что мир от этого не становится лучше, а, наоборот, экологическая ситуация ухудшается и расходуются ресурсы Земли, количество которых, как известно, весьма ограниченно. Неудивительно, что автопроизводители пытаются задушить любые другие инициативы всеми имеющимися в их распоряжении способами. Они преследовали меня с самого первого дня. Им не удалось запугать меня, но им очень даже удалось запугать моих инвесторов». Во как! — Она подняла глаза.

— А что потом?

— Тишина. Короткая статья в две тысячи шест-

надцатом году, опять в «Финансовой газете», о норвежце Петере Рингдале, который мечтал стать Илоном Маском. Сегодня он владеет небольшой табачной лавкой в Хеллерюде, а когда-то правил в воздушном замке, жизнь которого оказалась недолгой, несмотря на то что эксперты из Транспортно-экономического института в свое время сочли его проект наиболее разумным решением для будущего персонального транспорта, особенно в городских условиях.

— Хм… А что на него есть у полиции?

— Неосторожное вождение транспортного средства, повлекшее за собой ДТП, но это еще в юности. Заявление от мужчины, которого Рингдал якобы избил, когда еще в студенческие годы подрабатывал охранником, однако оба раза виновным его не признали. Но я нашла кое-что еще. Прекращенное дело об исчезновении человека.

— Вот как?

— Поступило заявление об исчезновении последней из его бывших жен, Андреа Кличковой. Поскольку дело прекращено, документов по нему я не обнаружила, но зато отыскала копию электронного письма от норвежской подруги Андреа, которая и заявила, что та пропала. Она пишет, что Андреа якобы рассказывала, что,

перед тем как она ушла от Рингдала, тот несколько раз угрожал ей ножом; причиной ссор было его банкротство. Я нашла номер телефона этой подруги и поговорила с ней. Она сообщила, что полиция побеседовала с Рингдалом, но потом подруга прислала ей из России письмо, в котором извинялась, что не сообщила о своем внезапном отъезде. Поскольку Андреа была гражданкой России, дело передали русской полиции.

— И?..

— Полагаю, Андреа и впрямь нашлась на родине, живая и невредимая, — во всяком случае, в базе норвежской полиции по этому делу больше ничего нет.

Харри встал и пошел на кухню.

— А как ты вообще получила доступ к полицейской базе? — заинтересовался он. — Неужели айтишники забыли удалить тебя из числа пользователей?

— Нет, но ты же сам назвал мне код и пароль своего коллеги.

— Правда?

— ОГ100 и ХУ1953. Неужели забыл?

Забыл, подумал Харри, вынимая чашку из настенного шкафчика и наливая себе кофе из кофеварки. Столе Эуне рассказывал ему о синдро-

ме Вернике — Корсакова, при котором алкоголь медленно, но верно пожирает способности запоминать информацию. Ну, по крайней мере, он помнит фамилии Вернике и Корсакова. И он редко забывал, что делает в трезвом виде. Прежде у него ни разу не случалось полных провалов в памяти, как в ночь убийства Ракели.

Харри посмотрел на фотографии, висевшие на стене между шкафчиками и кухонным столом.

Поблекшее фото мальчика и девочки на заднем сиденье машины. Острые зубки Кайи блестят: видимо, фотограф попросил ее улыбнуться. Мальчик, обнимающий ее, наверное, Эвен, старший брат. На другом снимке запечатлены Кайя и темноволосая женщина на голову ниже ее. Кайя в футболке и брюках цвета хаки, а та, вторая, — в западной одежде, но с хиджабом на голове, позади них — пустынный пейзаж. Тень от штатива фотоаппарата падает на землю перед ними, но тени фотографа не видно. Снимок сделан при помощи автоспуска. Вроде бы просто фото, но при взгляде на него, на то, как близко-близко друг к другу стоят женщины, возникало такое же чувство, что и при разглядывании фотографии детей на заднем сиденье автомобиля. Интимность.

Харри перевел взгляд на портрет высокого

светловолосого мужчины в льняном пиджаке, сидящего за столиком в ресторане. Перед ним бокал виски, рука небрежно держит сигарету. Похотливый самоуверенный взгляд, направленный не прямо в объектив, а чуть выше его. Небось тот самый швейцарец из жесткой версии Красного Креста.

На четвертом снимке были он сам, Ракель и Олег. Точно такая же фотография имелась и в квартире Харри, но он не знал, откуда она взялась у Кайи. Правда, эта была не такой четкой, как его собственная, а с одной стороны виднелся отблеск, как будто перед ним был снимок снимка. Конечно, она могла тайно переснять фото во время их непродолжительного романа, если только это вообще можно назвать романом. Просто два одиноких человека приползли друг к другу, чтобы получить немного тепла зимней ночью, найти покой среди бури. А когда буря утихла, он поднялся и отбыл в теплые края.

Зачем вообще украшать стены кухни сценами из собственной жизни? Потому что ты не хочешь забывать, даже если алкоголь или река времени смоют краски и контуры воспоминаний? Снимки лучше хранят память, они правдивее. Уж не по этой ли причине у него самого не было фотогра-

фий, за исключением той, единственной? Потому что он предпочитал забвение?

Харри отхлебнул из чашки.

Нет, на самом деле все обстоит не так. Те снимки, что люди вешают на стену, являются вырванными предложениями из жизни, какой человеку хотелось бы ее видеть. Фотографии рассказывают больше о том, кто их повесил, чем о том, что на них изображено. И если прочитать их правильно, они могут поведать больше, чем любой протокол допроса. Газетные вырезки на стене загородного дома Бора. Оружие. Плакат с изображением парня с электрогитарой «Рикенбекер» на улице Борггата. Кроссовки дочери. Тесный платяной шкаф отца.

Ему необходимо попасть в дом к Петеру Рингдалу. Прочитать его стены. Собрать информацию о человеке, который страшно зол на инвесторов за то, что те больше не желают его поддерживать. И угрожает ножом жене за то, что она постоянно ворчит.

— Третья категория! — прокричал Харри, разглядывая Ракель, Олега и себя. Они были счастливы. Это ведь правда? Или нет?

— Ты о чем? — прокричала Кайя в ответ.

— Помнишь, я рассказывал тебе про классифи-

кацию убийц?

— Напомни: кто там у нас под номером три?

Харри с чашкой в руках подошел к дверям и прислонился к косяку.

— Оскорбленные. Те, кто примеряют на себя роль жертвы, не выносят критики и прибегают к насилию, направленному обычно на тех, на кого они злятся.

Кайя сидела, поджав под себя ноги, в одной руке держала чашку, а другой убирала с лица светлые волосы. И его вновь поразило, насколько она красива и грациозна, словно кошка.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

Разумеется, Харри думал о Ракели. Однако вслух он сказал совсем другое:

— Планирую взлом.

Эйстейн Эйкеланн вел простую и незамысловатую жизнь. Утром он вставал. Или продолжал валяться в постели. Если вставал, то шел из своей квартиры в районе Тёйен в лавку Али Стиана. Если лавка оказывалась закрыта, значит было воскресенье, и тогда он автоматически проверял единственное, что закрепилось в его долговременной памяти, — расписание матчей футбольного клуба «Волеренга», потому что в его договоре о найме значилось, что он

не работает в баре «Ревность» в те воскресенья, когда они проводят домашние матчи. Если в тот день «Волеренга» не играла на новом стадионе в Валле-Ховине, он возвращался домой и снова ложился покемарить полчасика до открытия «Ревности». Если же день был будний, то Эйстейн получал чашку кофе от Али Стиана, который — как и следовало из его имени — был наполовину пакистанцем, а наполовину норвежцем, а потому чувствовал свою принадлежность к обеим культурам. Однажды, когда 17 мая[46] выпало на пятницу, Али Стиана видели коленопреклоненным на молитвенном коврике в местной мечети в норвежском народном костюме, какой носят жители Гудбранндсдалена.

Пролистав газеты в лавке Али Стиана, обсудив с ним важнейшие новости и вернув газеты на стойку, Эйстейн отправлялся в кофейню, где встречался с Эли — полной пожилой женщиной, которая с удовольствием оплачивала его завтрак в обмен на беседу. Или, вернее, на его *монолог*, потому что самой ей особенно сказать было нечего, она просто улыбалась и кивала, какую бы ерунду он ни нес. И Эйстейн ничуть не

---

[46] Примечания: 46
Национальный праздник Норвегии, День Конституции.

мучился угрызениями совести, ведь Эли ценила его общество и расплачивалась за него булочкой и стаканом молока.

После этого Эйстейн шел из Тёйена в бар «Ревность» в Грюнерлёкке, и это считалось спортивной тренировкой. И хотя такая тренировка длилась всего двадцать минут, случалось, он полагал, что заслуживает кружки пива. Не полулитровой, а маленькой, в этом отношении он был щепетилен. И эта жизнь казалась прекрасной, потому что такой она была далеко не всегда. Но постоянная работа шла ему на пользу. Хотя друг Харри и не любил своего нового шефа Рингдала, работа нравилась Эйстейну, и он не хотел ее потерять. И так же сильно он хотел сохранить простоту своей жизни. Поэтому ему очень не понравился телефонный разговор, который только что состоялся у них с Харри.

— Нет, Харри, и не проси, — сказал он. Эйстейн стоял в подсобке «Ревности», прижав телефон к одному уху и затыкая пальцем другое, чтобы не слышать Питера Габриэла, поющего «Carpet Crawlers» в помещении бара, где Рингдал и новенькая девушка обслуживали первую волну посетителей. — Я не могу украсть у Рингдала ключи.

— Не украсть, — ответил Харри. — *Одолжить*.

— Ага, одолжить. Именно так ты и сказал, когда нам было по семнадцать и мы угнали ту машину в Уппсале.

— Нет, это *ты* так сказал, Эйстейн. Кстати, машина принадлежала отцу Трески. И все закончилось хорошо, помнишь?

— Да уж, лучше некуда! Мы-то остались на свободе, а вот Треска два месяца провел под домашним арестом.

— Что, несомненно, только пошло ему на пользу.

— Придурок.

— Ключи лежат в кармане его куртки и звенят, когда он снимает ее.

Эйстейн посмотрел на старую спортивную куртку, висевшую на крючке прямо перед ним. В восьмидесятые годы такие короткие и слишком дорогие хлопчатобумажные куртки были в Осло униформой пижонов. Во всех остальных частях света их носили художники граффити. Но особенно запомнилась Эйстейну фотография Пола Ньюмана: и как это, интересно, некоторым людям удается превратить совершенно невзрачный предмет одежды в такой крутой, что всем немедленно хочется обзавестись точно таким

же? И это несмотря на то, что ты в душе подозреваешь: стоит тебе увидеть себя в зеркале, как тебя постигнет разочарование.

— А зачем тебе ключи?

— Мне просто надо заглянуть в его квартиру, — сказал Харри.

— Ты считаешь, это он убил Ракель?

— Не думай об этом. К чему лишние сложности?

— Ну еще бы, мне вполне хватит своих собственных, — простонал Эйстейн. — А если я как идиот соглашусь, то что мне за это будет?

— Ты будешь знать, что оказал услугу своему лучшему и единственному другу.

— Мне нужна страховка от безработицы, если хозяин «Ревности» вдруг угодит в тюрьму.

— Хорошо-хорошо. Значит, договорились. Скажи, что идешь выбросить мусор, и в девять потихонечку встретимся на заднем дворе. То есть… через шесть минут.

— Ты понимаешь, что это очень плохая идея, Харри?

— Дай-ка подумать. Я подумал. Ты прав. Да, это очень плохая идея. Но другой, увы, просто нет.

Положив трубку, Эйстейн сообщил Рингдалу, что пойдет покурить, вышел через заднюю дверь,

встал между припаркованными автомобилями и мусорным контейнером, зажег сигарету и призадумался. Его с давних пор занимали две неразрешимые загадки. Первая: как так получается, что чем более дорогих игроков покупает «Волеренга», тем хуже становятся результаты этого футбольного клуба? И вторая: как так получается, что чем более безумные вещи Харри просит сделать Эйстейна, тем больше шансов, что он согласится? Эйстейн Эйкеланн перебирал связку ключей, которую он вытащил из спортивной куртки шефа и положил в свой карман, повторяя про себя решающий аргумент Харри: «Да, это очень плохая идея. Но другой, увы, просто нет».

Глава 33

Харри потратил всего минут десять, чтобы доехать из Грюнерлёкки через район Стуру в Хельсос. Он припарковал свой «форд-эскорт» в одном из прилегающих к улице Грефсенвейен переулков, названном в честь какой-то планеты, и двинулся по улице, которая именовалась в честь другой планеты. Моросящий дождь перешел в проливной, повсюду было темно и пусто. Когда Харри приблизился к дому, где, если верить сведениям, добытым Кайей в регистре населения, проживал Петер Рингдал, на балконе залаяла собака. Харри поднял воротник куртки, вошел в ворота и по асфальтированной дорожке направился к выкрашенному в синий цвет кирпичному дому, состоявшему из двух частей: традиционной прямоугольной и второй, больше смахивающей на и́глу. Харри не знал, принимали ли все проживающие в районе совместное решение о космической теме, но в саду возле дома стояла металлическая скульптура, похожая на спутник. Харри предположил, что она, должно быть, символизировала движение вокруг синей полукруглой части дома, то есть вокруг земного шара.

Дом Рингдала. Впечатление усиливалось при взгляде на окошко во входной двери, сделанное в форме полумесяца. Никакой наклейки, предупреждающей о наличии сигнализации, Харри не заметил. Он позвонил. Если ему кто-нибудь откроет, он скажет, что заблудился, и спросит, как пройти к переулку, где стоит его машина. Никто не открыл. Он просунул ключ в замок, повернул его, распахнул дверь и вошел в темный коридор.

Первое, что поразило его, — это запах. А вернее, полнейшее его отсутствие. Во всех домах, где доводилось бывать Харри, чем-то пахло: одеждой, по́том, краской, едой, мылом, да мало ли чем. Но, войдя в этот дом с пахнущей весной улицы, можно было подумать, что ты, наоборот, вышел из дома, — все запахи пропали.

Дверной замок не захлопывался, поэтому, чтобы закрыть его, надо было повернуть собачку с внутренней стороны. Харри включил фонарик в своем мобильном, и луч света заскользил по стенам коридора, пересекающего весь дом. Стены были украшены художественными фотографиями и картинами, приобретенными человеком, явно имеющим определенный вкус, насколько мог судить Харри. Это как с едой: Харри сам не умел готовить, он даже не мог толком заказать

сколько-нибудь сбалансированный обед из трех блюд, если в руках у него оказывалось большое меню. Но все же у него имелась способность распознать хороший заказ: когда он слушал, как Ракель, тихо улыбаясь, рассказывает официанту, что будет есть, он без смущения заказывал то же, что она.

Прямо за дверью стоял комод. Харри выдвинул верхний ящик. Перчатки и шерстяные шарфы. Он открыл следующий ящик. Ключи. Батарейки. Карманный фонарик. Журнал про дзюдо. Коробка патронов. Харри вынул ее: девятимиллиметровые. У Рингдала наверняка где-то есть пистолет. Он положил коробку с патронами обратно и собирался уже задвинуть ящик, как вдруг кое-что заметил. Он больше не ощущал полного отсутствия запахов: из ящика доносился едва заметный аромат.

Аромат согретого солнцем леса.

Он отодвинул в сторону журнал про дзюдо и…

В ящике лежал красный шелковый шарф. Харри остолбенел. Потом осторожно вынул его, приложил к лицу и втянул в себя воздух. Никаких сомнений. Шарф принадлежал ей, он принадлежал Ракели.

Харри постоял так несколько секунд, но потом

взял себя в руки. Он подумал и убрал шарф обратно под журнал, закрыл ящик и пошел дальше по коридору.

Вместо того чтобы направиться туда, где, по его предположениям, находилась гостиная, он поднялся вверх по лестнице. Еще один коридор. Он открыл одну из дверей. Ванная. Рассудив, что поскольку окон в ванной нет, то и свет снаружи виден не будет, Харри нажал на выключатель. И в тот же миг ему пришло в голову, что если у Рингдала имеется электросчетчик нового образца и если тот электрик из «Хафслюнда» говорил правду, то счетчик сможет выдать его. Он покажет, что кто-то побывал в доме, потому что после половины девятого вечера произошло незначительное увеличение энергопотребления. Харри осмотрел полочку у зеркала и шкафчик. Только обычные мужские туалетные принадлежности. Никаких любопытных таблеток или других снадобий.

То же самое и в спальне. Убранная кровать, порядок, чистота. Никаких скелетов в платяных шкафах. Фонарик в телефоне потреблял, конечно, много энергии, Харри заметил, что уровень зарядки угрожающе снизился. Надо пошевеливаться. Кабинет. Похоже, почти не используется, выглядит покинутым.

Он спустился в гостиную. Кухня. Дом был нем, он ничего не рассказывал Харри.

Харри нашел дверь, ведущую в подвал. Телефон сел, когда он собирался спуститься по узкой лестнице. Снаружи он не заметил окон в подвале, по крайней мере с той стороны дома, что выходит на дорогу. Он включил свет и стал спускаться вниз.

Здесь его тоже ничего не зацепило. Морозильная камера, две пары лыж, ведро для краски с закапанными белыми и синими слезинками стенками, стоптанные туристические ботинки, доска с инструментами под длинным подвальным окном того же типа, что и в доме Ракели. Окно выходило на задний двор. Четыре кладовки. Возможно, дом когда-то был рассчитан на две семьи: одна занимала и́глу, а другая — традиционную часть. Но почему на дверях кладовок висят навесные замки, если здесь проживает всего один человек? Харри заглянул в зарешеченное окошко, расположенное высоко на одной из дверей. Пусто. Две другие кладовки тоже пусты. Окошко в последней, самой дальней, загораживала древесно-стружечная плита.

Ага, вот оно.

Три кладовки были заперты и специально освобождены от вещей, чтобы потенциальный

взломщик подумал, что и в четвертой тоже ничего нет.

Харри призадумался. Он не медлил, он просто потратил немного времени на оценку последствий, взвесил все плюсы и минусы: можно найти что-нибудь интересное, но, если взлом обнаружат, находка не сможет служить доказательством. На доске с инструментами висел лом. Харри принял решение, подошел к доске, взял отвертку и вернулся к двери. За три минуты он отвинтил крепления петель и отставил дверь в сторону. Освещение в кладовке, скорее всего, включалось у лестницы в подвал, — во всяком случае, помещение было залито светом. Кабинет. Взгляд Харри заскользил по столу с компьютером, по полкам с папками и книгами и остановился на фотографии, прикрепленной красным скотчем к голой серой кирпичной стене над письменным столом. Снимок был черно-белым. Он был сделан со вспышкой, — возможно, поэтому контраст между белизной кожи и чернотой крови и теней был так силен. Или нет, пожалуй, это даже не фото, а рисунок тушью. Да какая разница, главное, что на рисунке была *она*: ее продолговатое лицо, ее темные волосы, ее погасший взгляд, ее искалеченное мертвое тело. Харри зажмурил глаза.

Вспышка. Лицо Ракели, кровь на полу. Казалось, ему в грудь воткнули нож, да с такой силой, что пришлось сделать шаг назад.

— Что ты сказал? — прокричал Эйстейн Эйкеланн, стараясь заглушить Дэвида Боуи, и уставился на своего шефа.

— Я сказал, что вы вдвоем справитесь! — прокричал Рингдал, засунул руку в подсобку и потянул к себе куртку.

— Н-но… — Эйстейн начал заикаться. — Она же новенькая, ничего толком не знает!

— Однако в барах она уже работала и продемонстрировала нам это. — Рингдал кивнул в сторону девушки, которая наливала пиво из крана в две кружки одновременно, болтая с посетителем.

— Ты куда? — спросил Эйстейн.

— Домой, — ответил Рингдал. — А что?

— Так рано домой? — простонал Эйстейн в отчаянии.

Рингдал рассмеялся:

— Вообще-то говоря, именно для этого и нанимают помощников, чтобы самому поменьше работать. — Он застегнул молнию на куртке и вынул из кармана брюк ключи от машины. — До завтра, Эйкеланн.

— Подожди!

Рингдал приподнял бровь:

— Что такое?

Эйстейн стоял и судорожно чесал руку. Он пытался соображать быстро, что, честно говоря, давалось ему с трудом.

— Я… хотел спросить, нельзя ли мне взять выходной на сегодняшний вечер. В порядке исключения.

— Зачем?

— Ну, потому что… Сегодня вечером наша фан-группа разучивает новые песни.

— Песни болельщиков «Волеренги»?

— Ну… да.

— Они и без вас обойдутся.

— Как это «обойдутся»? Мы можем скатиться вниз!

— Это после двух первых матчей сезона? Сомневаюсь. Попроси выходной в октябре. — Рингдал, смеясь, направился через подсобку к выходу. И ушел.

Эйстейн достал телефон, прислонился спиной к барной стойке и набрал номер Харри. После двух гудков ему ответил женский голос: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети…»

— Нет! — воскликнул Эйстейн, положил трубку

и набрал номер еще раз. На этот раз прозвучало три гудка. А потом все тот же женский голос произнес тот же самый текст. Эйстейн сделал последнюю попытку, и ему показалось, что теперь в женском голосе послышалось слабое раздражение.

Он отправил Харри эсэмэску.

— Эйвинд! — раздался женский голос. Определенно раздраженный. Новая барменша стояла и смешивала коктейль, кивая на очередь из нетерпеливых, испытывающих жажду клиентов у него за спиной.

— Эйстейн, — тихо сказал он, повернулся и свирепо уставился на молодую женщину, которая, издав недовольный вздох, снисходительно заказала пиво.

Рука Эйстейна так тряслась, что он пролил пиво, стер жидкость и пену с полулитрового бокала и поставил его на стойку, глядя при этом на часы. Далеко ли до Хельсоса? Через десять минут разверзнутся врата ада. Харри окажется за решеткой, а он сам лишится работы. Черт бы побрал этого поганого авантюриста!

Молодая женщина, очевидно, пыталась с ним пообщаться, потому что сейчас она склонилась вперед и проорала ему в ухо:

— Ты что, оглох, придурок? Я просила маленькое пиво, а не пол-литровую кружку!

«Suffragette City!» — грянуло из колонок.

Харри стоял прямо перед фотографией и впитывал детали. Женщина лежала в багажнике автомобиля. Теперь, подойдя ближе, он понял две вещи. Во-первых, это была не Ракель, а женщина помоложе, хотя и очень на нее похожая. И во-вторых, он поначалу принял фотографию за рисунок, потому что тело выглядело очень странно. На нем имелись углубления и возвышенности в тех местах, где их быть не должно, как будто рисовальщик не слишком хорошо знал анатомию. Бедняжку не только забили насмерть, ее тело поломали с такой яростью и силой, словно сбросили с горы. Ничто на фотографии не выдавало, где и кем она была сделана. Харри отклеил скотч с одного угла и посмотрел, нет ли чего на обороте: пусто.

Он уселся к столу, заваленному рисунками маленьких двухместных вагончиков, висящих на натянутых между мачтами канатах. В одном из вагончиков сидел человек и работал на ноутбуке, в другом пассажир спал, полностью откинув спинку сиденья назад, в третьем целовалась пожилая парочка. Вдоль улиц через каждые

сто метров стояли ведущие наверх лестницы, у вершин которых находились свободные пустые вагончики. На другом рисунке был изображен перекресток, вид с высоты птичьего полета: канаты соединялись в форме четырехконечной звезды. На большом листе была нарисована карта Осло, испещренная квадратиками — судя по всему, сетью канатов.

Харри открыл ящики стола, просмотрел футуристические эскизы раскрашенных в яркие цвета и имеющих обтекаемые аэродинамические очертания вагончиков, свисающих с канатов. Экстравагантные линии, улыбающиеся люди и такой оптимизм в отношении будущего, что Харри вспомнилась реклама шестидесятых годов. На некоторых рисунках были надписи на японском и английском: видимо, это уже не концепция Рингдала, а некие родственные идеи. Но фотографий трупов больше не было, только одна, висевшая прямо перед ним. Что это значит, что на этот раз рассказывают ему стены?

Харри нажал пальцем на клавиатуру, и монитор загорелся. Пароля нет. Он зашел в почту, ввел в поисковую строку электронный адрес Ракели, но совпадений не обнаружилось. И неудивительно, все папки почтового ящика были пусты.

Либо почтой вообще не пользовались, либо ее регулярно чистили; скорее всего, именно поэтому хозяина и не беспокоило отсутствие пароля на компьютере. Возможно, кто-нибудь из экспертов сумел бы найти и восстановить электронную корреспонденцию Рингдала, но Харри знал, что в последние годы это стало сделать сложнее, а не легче.

Он просмотрел список документов, открыл некоторые из них. Заметки по экономике транспорта. Заявление о продлении времени работы бара «Ревность». Полугодовой финансовый отчет, свидетельствующий о том, что заведение принесло владельцу неплохую прибыль. Ничего интересного. Как и на полках: в папках были бумаги по теории транспорта, исследования по развитию транспорта, анализу аварий, теории игр. А еще переплетенная потрепанная книга «Also sprach Zarathustra» [47] Фридриха Ницше. Когда-то в юности Харри из чистого любопытства пролистал этот овеянный мифами роман, но не нашел ничего об Übermensch[48], не обнаружил того, что могло стать пищей для умов фашистов,

---

[47] Примечания: 47
«Так говорил Заратустра» *(нем.)*.

[48] Примечания: 48
Сверхчеловек *(нем.)*.

только рассказ о каком-то живущем в горах старике, из довольно невнятных речей которого следовал один-единственный вывод: Бог мертв.

Харри посмотрел на часы. Он пробыл в доме полчаса. Из-за севшей батарейки он не мог сфотографировать мертвую девушку, чтобы попытаться установить ее личность. Однако нет никаких причин думать, что эта фотография и шарф Ракели исчезнут, когда полиция нагрянет сюда с ордером на обыск.

Харри покинул кладовку, привернул обратно дверные петли, повесил отвертку на место, взбежал вверх по лестнице, погасил свет и вышел в коридор. Он услышал, как залаяла соседская собака. По дороге к входной двери он заглянул в единственное помещение, где еще не побывал, — санузел, совмещенный с прачечной. Он уже собирался закрыть дверь, как вдруг заметил белый свитер, валявшийся вместе с грязным нижним бельем и футболками на кафельном полу перед стиральной машиной. На свитере был синий крест. И пятна, похожие на кровь. Точнее, на брызги крови. Харри притормозил. Крест оживил в памяти картинку: он увидел себя в баре «Ревность», а Рингдала за стойкой. В тот самый вечер, в ту ночь, когда умерла Ракель, на

Рингдале был этот свитер. Да, Харри бил его. У них обоих шла кровь. Но столько крови?

Нельзя допустить, чтобы свитер выстирали до обыска.

Харри мгновение помедлил. Собака прекратила лаять. Он наклонился, аккуратно сложил свитер, запихал его в карман куртки и вышел в коридор.

И внезапно резко остановился.

Он услышал шаги человека, идущего по гравию.

Харри отступил назад, в темноту коридора.

Через окошко в форме полумесяца он увидел на освещенном крыльце силуэт.

Черт.

Окно располагалось так низко, что лица человека видно не было, но он разглядел, как рука копается в кармане синей спортивной куртки, а потом услышал тихие ругательства. Ручка двери опустилась вниз. Харри старался вспомнить, запер ли он замок.

Человек снаружи толкнул дверь. Теперь он выругался вслух.

Харри беззвучно выпустил воздух из легких: слава богу, он закрылся изнутри. И опять нахлынули какие-то смутные воспоминания. Замок в двери Ракели. Он тоже проверял, заперт ли тот.

Снаружи что-то засветилось. Это загорелся экран мобильника. Бледное лицо прижалось к полумесяцу на двери, нос и щека распластались по стеклу и осветились светом от прижатого к уху телефона. Рингдал был практически неузнаваем, лицо его походило на лицо грабителя банка с чулком на голове, казалось демоническим, а глаза напряженно вглядывались в темноту коридора.

Харри стоял неподвижно, затаив дыхание. Их разделяло максимум метров пять. Неужели Рингдал действительно его не видит? Как ответ на вопрос сквозь окошко прозвучал голос Рингдала, на удивление тихий и спокойный:

— Ну наконец-то ты удостоил меня своим вниманием.

«Вот черт».

— Я не могу найти ключи от дома, — произнес Рингдал. Влага из его рта серым конденсатом легла на стекло.

— Слушаю, — немного скованно произнес Эйстейн. Заметив на дисплее номер шефа, он минуту в панике размышлял, как быть, а потом ушел в подсобку и ответил на вызов.

— Ну наконец-то ты удостоил меня своим вниманием, — сказал Рингдал. А потом: — Я не могу найти ключи от дома.

Эйстейн закрыл дверь в бар, чтобы лучше слышать.

— Да что ты. — Эйстейн изо всех сил старался говорить спокойно. Где, черт возьми, Харри и какого хрена он отключил мобилу?

— Можешь посмотреть, не лежат ли они на полу под крючком, на который я вешаю куртку?

— Хорошо, подожди немного. — Эйстейн отнял телефон ото рта. Он хватал ртом воздух, как будто ему нечем было дышать, а может, так оно и было. «Думай, думай».

— Эйкеланн? Ты куда пропал? — Голос Рингдала был негромким и не таким угрожающим, когда он держал трубку на отдалении от себя.

Эйстейн нехотя поднес телефон к уху:

— Я здесь. Но что-то никаких ключей не вижу. А ты откуда звонишь?

— Стою перед своим домом.

«Харри внутри, — подумал Эйстейн. — Если он слышал, что пришел Рингдал, ему нужно время, чтобы выбраться из дома через окно с другой стороны или через заднюю дверь».

— Может, ключи на стойке, — предположил Эйстейн. — Или в туалете. Погоди, я проверю и перезвоню тебе через пару минут.

— Я никогда не вынимаю ключи из карма-

на, Эйкеланн! — Это было произнесено с такой уверенностью, что Эйстейн понял: не стоит и пытаться заставить шефа усомниться в этом. — Придется разбить окно.

— Но как же…

— Подумаешь, делов-то, завтра вызову стекольщика.

Харри смотрел прямо в глаза Рингдалу, и для него было загадкой, как это тот его не видит. Он подумал, не пробраться ли обратно к двери в подвал, чтобы вылезти через окно. Но Харри знал, что любое движение выдаст его. Лицо Рингдала отдалилось от стекла. Харри увидел, как он засовывает руку под куртку, под черный свитер и достает что-то черное. Пистолет с очень коротким дулом, Бьёрн называет такое «курносым носом», возможно «Зиг-Зауэр P320». Его легко спрятать, легко использовать, стреляет быстро, эффективен на небольшом расстоянии.

Харри сглотнул.

Ему показалось, что он уже слышит голос адвоката Рингдала: «Мой клиент подумал, что в дом вломился вор, который как раз направляется в его сторону по коридору, и поэтому выстрелил. Исключительно в целях самообороны». А далее Катрине Братт задают вопрос на засыпку:

«Имелся ли у инспектора Холе ордер на обыск, на основании которого он находился в доме?»

Харри увидел, как Рингдал поднял пистолет, но затем внезапно опустил руку.

— Я вижу их! — прокричал Эйстейн в телефон.

Однако его шеф молчал.

— Еще бы секунда… — прозвучал наконец голос Рингдала. — Где они?

— На полу. Под крючком для одежды, как ты и сказал. Они лежали за мусорным ведром.

— За каким еще мусорным ведром? Там нет никакого…

— Это я поставил его туда. Все время спотыкался о него в баре, — ответил Эйстейн, выглядывая в зал, где уже скопилась толпа жаждущих клиентов. Он пододвинул к себе мусорное ведро и затащил его в подсобку, под крючок.

— Хорошо. Держи ключи наготове, я сейчас приеду.

Связь прервалась.

Эйстейн набрал номер Харри. Все тот же женский голос, повторяющий мантру о том, что абонент временно недоступен. Эйстейн утер пот. Переход в низшую лигу. Сезон только-только начался, но все было предопределено заранее, сработал закон тяготения. В крайнем случае это

можно было отсрочить, но избежать нельзя.

— Эйвинд, где ты, Эйвинд?

— Эй-СТЕЙН! — прорычал он, поворачиваясь. По другую сторону двери стеной стоял гул. — Ну неужели так трудно это запомнить?

Харри увидел, как человек удаляется от окна, и услышал быстрые шаги на крыльце. Снова залаяла собака.

«Держи ключи наготове, я сейчас приеду».

Значит, Эйстейн заверил Рингдала, что ключи у него.

Он услышал, как завелся и отъехал автомобиль.

А его собственная машина припаркована на другой планете. У Харри не было шансов добраться до бара «Ревность» раньше Рингдала. И телефон умер, связаться с Эйстейном не получится. Харри попытался срочно придумать выход, но казалось, его мозг стал неуправляемым. Он размышлял о фото умершей девушки. Харри вспомнил, как Бьёрн рассказывал, что в былые времена, когда у них в отделе еще имелась темная комната для проявления фотографий с места преступления, новенькие криминалисты обычно делали снимки слишком контрастными, так что те становились похожими на рисунки и содер-

жали меньше деталей. Так что вспышка здесь ни при чем. Фотография, которую Харри обнаружил в подвале, была сделана и проявлена любителем. Который наверняка сам же и убил эту девушку.

Глава 34

Краешком глаза Эйстейн заметил, как открылась дверь. А вот и он, Рингдал. Шеф вошел в бар, но был настолько мал ростом, что быстро затерялся в толпе посетителей. Но все же по тому, как они расступались, можно было понять, что он движется к стойке. Эйстейну это напомнило тропические растения, качающиеся над пробирающимся сквозь джунгли тираннозавром из фильма «Парк юрского периода». Он продолжал наливать пиво, глядя, как коричневая жидкость наполняет бокал, а пена поднимается. Кран фыркнул. Случайный пузырек воздуха или пора менять бочку? Этого Эйстейн не знал. Как не знал он и того, наступил ли прямо сейчас конец, или же надежда выкрутиться еще есть, а это просто кочка на дороге. Как говорится, поживем — увидим. Вот именно, увидим, не пойдет ли все к чертям собачьим. Хотя и так ясно, что будет дальше: если твоего лучшего друга зовут Харри Холе, то добром дело не закончится. Все непременно полетит к чертям собачьим, это всего лишь вопрос времени.

— Бочка заканчивается, — сказал он напарни-

це. — Пойду схожу за новой, передай Рингдалу, что я скоро вернусь.

Эйстейн вышел в подсобку, заперся в туалете для сотрудников, служившем также складом для всего, от бокалов и салфеток до кофе и кофейных фильтров. Он достал телефон и сделал последнюю попытку дозвониться до Харри. Однако результат оказался таким же плачевным.

— Эйкеланн? — В подсобку вошел Рингдал. — Эйкеланн! Ты где?

— Я здесь, — пробормотал Эйстейн.

— Я думал, ты меняешь бочку.

— Она еще не пустая. Я на толчке.

— Я подожду.

— На толчке — это значит: я сру. — Эйстейн подтвердил свои слова, напрягая мышцы живота и выдувая воздух из легких с двумя громкими долгими стонами. — Помоги пока в баре, я сейчас приду.

— Просунь ключи под дверь. Давай, Эйкеланн, я хочу домой.

— Из меня еще только наполовину вышла гигантская сарделька, шеф, может, речь даже идет о мировом рекорде, и что же мне теперь, рубить ее пополам?

— Своим мерзким юмором делись с себе подоб-

ными, Эйкеланн. Мне нужны ключи.

— Хорошо, хорошо, дай мне шестьдесят секунд.

Наступила тишина.

Эйстейну было интересно, сколько еще времени он сможет тянуть. Отсрочка — это все, разве сама наша жизнь по большому счету не отсрочка?

Медленно досчитав до двадцати и не найдя лучшей отговорки, чем те десять неудачных, которые он придумал раньше, Эйстейн спустил воду, открыл дверь и вышел в бар.

Рингдал как раз протягивал гостю бокал вина. Он взял кредитку и повернулся к Эйстейну. Тот стоял, засунув руки в карманы, и пытался придать своему лицу выражение растерянности и отчаяния. А это было довольно близко к тем чувствам, что он испытывал в действительности.

— Черт побери, они же были здесь! — заорал он, перекрикивая музыку и гул голосов. — Наверное, я их куда-то выложил!

Эйстейн увидел, как Рингдал склонил голову набок и принялся разглядывать его, словно он был произведением абстрактного искусства или уродцем в кунсткамере.

— Что происходит, Эйкеланн? — Скорее все-таки второе.

— А? Что?

Глаза Рингдала сузились.

— Я желаю знать, что происходит, — четко произнес он. Тихо, почти шепотом, но его слова будто ножом прорезали стоящий в баре шум.

Эйстейн тяжело вздохнул и решил сдаться. Он никогда не понимал людей, которые сначала долго позволяли себя пытать, а потом, не выдержав, рассказывали правду. Лучше уж сразу признать свое поражение.

— Ладно, шеф. Дело в том…

— Эйстейн!

Нет, это сказала не девушка-барменша, которая наконец-то выучила его имя. Его окликнули от двери, и на этот раз вошедший двигался не как в лесу под кронами деревьев, а на голову возвышался над посетителями, будто плыл по людскому морю.

— Эйстейн, вот ты где! — повторил Харри, както дико улыбаясь. И поскольку Эйстейн никогда раньше не видел на лице Харри такой улыбки, это зрелище слегка испугало его. — Ну что, дружище, поздравляю! Поздравляю от всей души!

Другие гости повернулись к Харри, некоторые посмотрели на Эйстейна. Харри добрался до бара и крепко обнял друга, прижал его к себе одной

рукой, положив ее на спину Эйстейна между лопатками и копчиком. Его рука скользнула ниже и подобралась к самой ягодице. После чего Харри отпустил его и выпрямился. Кто-то запел. А кто-то, скорее всего новенькая барменша, выключил музыку. К хору присоединились и другие:

— С днем рожденья тебя…

«Час от часу не легче, — подумал Эйстейн, который терпеть не мог всяких поздравлений и объятий. — Только не это, лучше уж старомодная дыба и вырывание ногтей».

Но было уже слишком поздно, даже Рингдал неохотно присоединился к пению, захотел показать себя с самой лучшей стороны сейчас, когда все взгляды были направлены на них. Эйстейн обнажил гнилые зубы в кривой улыбке, его щеки и уши горели от смущения, но, увидев это, поющие только засмеялись и заорали еще громче. Песня закончилась тем, что все подняли бокалы и повернулись в сторону Эйстейна, а Харри хорошенько наподдал ему по заднице. И только ощутив, как что-то острое касается ягодицы, он понял, для чего Харри обнимал его в первый раз.

Снова раздалась музыка, Рингдал повернулся к Эйстейну и протянул ему руку:

— Поздравляю, Эйкеланн. Почему ты не сказал,

что просишь выходной из-за дня рождения?

— Ну… Я не знаю… — Эйстейн пожал плечами. — Я человек скромный.

— Правда? — спросил Рингдал. Казалось, он действительно удивлен.

— Слушай, — сказал Эйстейн, — я вспомнил, куда положил твои ключи. — Он жестом фокусника засунул руку в задний карман брюк. — Вот, пожалуйста. — И протянул шефу связку.

Рингдал недоверчиво посмотрел на Эйстейна, перевел взгляд на Харри. Потом он взял ключи.

— Ладно, ребята, хорошего вечера. — И направился к выходу.

— Черт бы тебя побрал, Харри! — фыркнул Эйстейн, когда они оба стояли и провожали Рингдала взглядом. — Во что ты меня втравил!

— Прости, — сказал Харри. — Один маленький вопрос. Что делал Рингдал после того, как Бьёрн забрал меня отсюда в ночь убийства?

— Что он делал? — Эйстейн задумался, засунув палец в ухо, как будто ответ находился там. — Он сразу же уехал домой. Да, точно, кровь из носа у него так и хлестала. Рингдал еще говорил, что никак не мог ее остановить.

Эйстейн почувствовал, как его щеки коснулось что-то мягкое. Он повернулся и увидел новенькую

барменшу. Ее губы были вытянуты в трубочку.

— Поздравляю, Эйвинд. Надо же, никогда бы не подумала, что ты Овен.

— Ну, знаешь, как говорят, — улыбнулся Харри, опуская руку на плечо Эйстейна, — сверху как лев, снизу как баран.

— О чем это твой друг толкует? — изумилась девушка, глядя, как Харри устремился к выходу следом за Рингдалом.

— О, Харри у нас вообще очень загадочный тип, — пробормотал Эйстейн. Он надеялся, что Рингдал не станет слишком подробно изучать его личные данные при выплате следующей зарплаты. — Давай поставим «Стоунз» и немного выдохнем, ладно?

Добравшись до машины, Харри поставил телефон на зарядку, несколько минут подождал, а потом зашел в список контактов. Ему ответили, когда он остановился на красный свет на улице Саннергата:

— Нет, Харри, я не хочу с тобой переспать.

Судя по акустике, Александра находилась в своем кабинете в Институте судебной медицины.

— Хорошо, — сказал Харри. — Но у меня есть окровавленный свитер…

— Нет!

Он сделал вдох:

— Если в крови обнаружится ДНК Ракели, то этот свитер станет доказательством того, что его владелец находился на месте преступления в ночь ее смерти. Пожалуйста, Александра, помоги мне.

На другом конце наступила тишина. Орущий пьяный мужик остановился на пешеходном переходе перед машиной Харри, покачался, уставившись на водителя черным затуманенным взглядом, стукнул кулаком по кузову и убрел обратно в темноту ночи.

— Знаешь что? — сказала она. — Я ненавижу ловеласов вроде тебя.

— Пусть так, но ты же настоящий профессионал, а речь идет о раскрытии убийства.

Снова наступила пауза.

— Харри, иногда я задаюсь вопросом, нравлюсь ли тебе вообще.

— Разумеется, нравишься. Просто, видишь ли, я отчаявшийся человек, но не ищу себе партнеров для постели.

— Так вот, значит, кем ты меня считаешь?

— Нет, конечно, ты с ума сошла. Мы профессиональные партнеры, вместе ловим преступников, чтобы те не ввергли наше общество в хаос и

анархию.

— Ха-ха-ха, — простонала она без всякого выражения.

— Конечно, я мог бы соврать из корыстных соображений, чтобы ты выполнила мою просьбу, — сказал Харри. — Но ты мне правда нравишься. Слышишь?

— Ты хочешь переспать со мной?

— Как сказать. Нет. Да, но нет. Если ты меня понимаешь.

Казалось, что в ее кабинете на заднем плане работает радио. Александра явно была одна. Она тяжело вздохнула:

— Если я и выполню твою просьбу, Харри, то сделаю это не ради тебя. И у меня все равно какое-то время не будет возможности произвести полный анализ ДНК: здесь длинная очередь и все задания приоритетные. Крипос и следственная группа Катрины Братт постоянно на связи.

— Я понимаю. Но частичный анализ, который исключает совпадение с другими конкретными профилями, — такое исследование займет меньше времени, да?

Харри чувствовал, что Александра колеблется.

— И какие же профили ты хочешь исключить?

— ДНК владельца. Мой собственный. И Ракели.

– Твой собственный?

— Мы с владельцем этого свитера немного побоксировали. У него из носа пошла кровь, а у меня рука была разбита, поэтому нельзя исключать, что кровь на его свитере имеет такое происхождение.

— Понятно. Вы с Ракелью есть в регистре ДНК, так что с этим проблем не возникнет. Но если мне надо исключить кровь владельца свитера, то потребуется что-нибудь содержащее его ДНК.

— Я думал об этом. В моей корзине с грязным бельем лежат окровавленные брюки, причем крови слишком много, ее не могли оставить только раны на костяшках моих пальцев. Поэтому там точно есть кровь из его носа. Полагаю, ты сейчас находишься у себя в кабинете?

— Угадал.

— Буду у тебя через двадцать минут.

Когда Харри подъехал к входу в Государственную больницу, Александра стояла и ждала его, замерзшая, со сложенными на груди руками. На ней были туфли на высоком каблуке и обтягивающие брюки, она была сильно накрашена. Работает, да еще в одиночестве, а вид такой, словно бы собралась на праздник. Но он никогда не видел ее другой. Александра Стурдза говорила,

что жизнь слишком коротка, а потому надо стараться всегда выглядеть как можно лучше.

Харри опустил стекло. Она наклонилась и улыбнулась ему:

— Хэлло, мистер. Позвольте озвучить тарифы: четыре сотни за работу руками, семь за…

Харри помотал головой и протянул ей два полиэтиленовых пакета: один со свитером Рингдала, другой со своими собственными джинсами.

— Ты знаешь, что в Норвегии в это время суток уже не работают?

— О, значит, вот почему я здесь одна? Вы, норвежцы, и правда можете научить кое-чему весь мир.

— Меньше работать?

— Понижать планку. Зачем летать на Луну, если у тебя есть дача в горах?

— Мм… Я высоко ценю твою помощь, Александра.

— В таком случае тебе надо было выбрать что-нибудь по прейскуранту, — произнесла она без тени улыбки. — Так, значит, эта Кайя тебя соблазняет? Я убью ее.

— А ее-то за что? — Харри внимательно посмотрел на Александру. — Мне казалось, ты ненавидишь ловеласов вроде меня?

— Я ненавижу тебя, но убить хочу ее. Понимаешь?

Харри медленно кивал. Убить? Может, это была какая-то румынская шутка, которая в переводе на норвежский невольно прозвучала гораздо более грубо, чем было задумано? Он хотел было спросить ее об этом, но передумал. Александра отступила на шаг от машины и смотрела, как бесшумно поднимается боковое стекло. Уезжая, Харри глянул в зеркало на тоненькую фигурку, которая становилась все меньше. Она все еще стояла, опустив руки вдоль тела, там, под уличным фонарем.

Проезжая под Третьим транспортным кольцом, он позвонил Кайе и рассказал ей обо всем: о свитере и шарфе в ящике, о внезапном явлении Рингдала и пистолете. Он попросил ее как можно быстрее проверить, имеется ли у Рингдала разрешение на оружие.

— Да, Кайя, и вот еще что… — начал Харри.

— Может, обсудим, когда ты приедешь? — перебила она. — Или ты сегодня ко мне не собираешься?

— Мне надо подумать, — сказал Харри. — А лучше всего мне думается в одиночестве.

— Конечно. Извини, я не хотела тебя доста-

вать.

— Ты меня вовсе не достаешь.

— Нет, но я… — Она вздохнула. — Ладно, что там еще?

— Я обнаружил у Рингдала фотографию изуродованного трупа женщины. Она висит на стене прямо над его компьютером. Ну, знаешь, чтобы он все время мог ее видеть. Как диплом или что-то в этом роде.

— О господи. И что это значит?

— Я не знаю. Как ты думаешь, можно найти фотографию его бывшей жены, той пропавшей русской?

— Полагаю, это не так сложно сделать. Если не обнаружу фото в «Гугле», то позвоню ее подруге. Пришлю тебе на телефон.

— Мм… Спасибо. — Харри медленно ехал по улице Согнсвейен между каменными виллами, окруженными тихими английскими садами. Прямо на него двигались две включенные фары. — Кайя?

— Что?

Это автобус. Когда автобус проезжал мимо Харри, то на него из освещенного салона смотрели бледные, похожие на привидения лица. Среди них было ее лицо — лицо Ракели. Картинки из

памяти стали более четкими, они были похожи на камни, которые вот-вот сорвутся вниз.

— Ничего, — ответил он. — Спокойной ночи.

Харри сидел на диване и слушал «Рамоунз».

Не потому, что ему так уж нравилась эта группа, а потому, что пластинка лежала в проигрывателе с тех самых пор, как он распаковал подарок Бьёрна. И ему внезапно подумалось, что он избегал музыки после похорон, ни разу не включил радио ни дома, ни в автомобиле, предпочитая тишину. Тишину, необходимую для размышлений. Тишину, в которой Харри пытался расслышать, что ему говорит тот голос снаружи, с другой стороны темноты, с противоположной стороны окна в форме полумесяца, из автобуса, наполненного привидениями. Он говорил то, что Харри почти — только почти — понимал. Но сейчас этот голос, наоборот, надо было заглушить. Потому что он говорил слишком громко и Харри не мог его больше слушать. Он прибавил звук, закрыл глаза и откинул голову назад, к полке с виниловыми пластинками. «Рамоунз». «Road to Ruin». Короткие рубленые сообщения Джоуи. И все же Харри казалось, что эта музыка скорее поп-рок, чем панк-рок. Обычно так и происходило. Успех, размеренная жизнь, возраст — все это даже самых

озлобленных делало более мирными. Так случилось и с самим Харри. Он стал более мягким, добрым. Можно даже сказать, общительным. Счастливый домашний мужчина, состоящий в счастливом браке с любимой женщиной. Нет, не в безупречном. Хотя, пожалуй, их семейную жизнь можно было назвать безупречной, ведь все у них было лучше некуда. До тех пор, пока в один прекрасный день они оба не совершили ошибку. Это было как гром среди ясного неба. Ракель выложила ему все свои подозрения. А Харри сознался. Вернее, нет, не сознался. Он всегда рассказывал жене то, что она хотела знать, ей достаточно было просто спросить. А у нее всегда хватало ума не спрашивать больше, чем, по ее мнению, ей следовало знать. Значит, Ракель посчитала, что в данном случае ей надо знать правду. Всего одна ночь с Катриной Братт. Катрина позаботилась о нем однажды вечером, когда он был так пьян, что не мог позаботиться о себе сам. Был ли у них секс? Харри не помнил, он был настолько пьян, ну просто в стельку, что, скорее всего, даже если бы и попытался, у него бы ничего не вышло. Но он сказал Ракели правду, что полностью этого исключить нельзя. А она ответила, что это не имеет никакого значения, что он все равно предал ее,

что она больше не хочет его видеть, и попросила Харри собрать свои вещи.

Даже думать сейчас об этом было так больно, что Харри начал хватать воздух ртом.

Он тогда взял сумку с одеждой, туалетные принадлежности и виниловые пластинки, оставив компакт-диски. С ночи, которую он провел с Катриной, Харри не брал в рот ни капли спиртного, но в тот день, когда Ракель выгнала его, он направился прямиком в винный магазин. Его остановил один из продавцов, когда Харри принялся откручивать пробку на бутылке прямо возле прилавка.

Александра сейчас занимается тем свитером.

Харри начал собирать в голове мозаику из кусочков.

Если это кровь Ракели, то все понятно. Значит, в ночь убийства Петер Рингдал уехал из бара «Ревность» около 22:30 и нанес Ракели визит без предупреждения — возможно, под предлогом того, что хочет уговорить ее возглавить правление. Она впустила его в дом, дала ему стакан воды. И во второй раз отказалась от его предложения. А возможно, согласилась. Может быть, именно поэтому он задержался у нее, им было о чем поговорить. Разговор мог перетечь в более личное

русло. Рингдал, конечно же, рассказал о вызывающем поведении Харри в баре за пару часов до их встречи, а Ракель поведала о проблемах бывшего мужа и — сейчас Харри подумал об этом впервые — о том, что он установил фотоловушку. Он был уверен, что Ракель ее обнаружила. И даже объяснила Рингдалу, где именно находится эта фотоловушка. Они поделились друг с другом своими печалями, а может быть, и радостями, и в какой-то момент Рингдал подумал, что настало время подобраться к ней ближе в физическом смысле. Но на этот раз его твердо отвергли. И в ярости, последовавшей за унижением, Рингдал схватил нож из стойки на кухонном столе и ударил Ракель. Он ударил ее несколько раз: то ли вошел в раж и не мог остановиться, то ли сообразил, что уже слишком поздно, произошло непоправимое, и теперь ему необходимо довести работу до конца, то есть добить ее и замести следы. Ему удалось сохранить ясность мышления. Рингдал сделал все, что было нужно. И когда он покидал место преступления, то прихватил с собой трофей, своего рода диплом, каким служила фотография другой убитой им женщины. Красный шарф, который висел под шляпной полкой рядом с пальто. Затем он сел в машину,

но в последний момент вспомнил про фотоловушку, о которой ему рассказала Ракель, вышел и снял ее. От карты памяти Рингдал избавился на бензоколонке. А окровавленный свитер бросил на пол к грязному белью, возможно не заметив крови, иначе он сразу выстирал бы его. Вот что произошло в ту ночь.

Может быть. А может быть, и нет.

Двадцатипятилетний опыт расследования убийств научил Харри, что развитие событий на месте преступления почти всегда было более сложным и менее понятным, чем предполагалось изначально.

А вот мотив почти всегда оказывался таким же очевидным и простым, как казалось с первого взгляда.

Петер Рингдал был сильно влюблен в Ракель. Харри заметил желание в его взгляде уже в первый раз, когда тот пришел в «Ревность», чтобы осмотреть бар. Не осмотрел ли он одновременно и Ракель? Любовь и убийство. Классическая комбинация. Когда Ракель отвергла Рингдала там, в бревенчатой вилле, она, возможно, поведала ему, что собирается вернуться к Харри. А мы все заведомые ловеласы, воры, пьяницы, убийцы. Мы повторяем свои грехи и надеемся, что нас

простят — Бог, другие люди или мы сами. И Петер Рингдал убил Ракель Фёуке так же, как убил свою бывшую жену Андреа Кличкову.

Был, правда, и еще один вариант. Это сделал тот же человек, что приезжал ранее тем же вечером, убийство произошло уже тогда, и убийца, который знал, что Ракель будет одна, вернулся позже, чтобы прибрать за собой. На первом изображении с фотоловушки видна Ракель, стоящая в дверях, а во второй раз ее там нет. Вероятно, потому, что к тому времени она уже была мертва. Мог ли убийца прихватить с собой ключи, а потом вновь отпереть дверь, прибраться и, уходя, оставить ключи в доме? Или же преступник послал подчистить следы кого-то другого? У Харри имелись смутные подозрения, что силуэты двух посетителей не могли принадлежать одному и тому же человеку. В любом случае версия не слишком перспективная, ведь, как говорилось в отчете, патологоанатомы, основываясь на температуре трупа и температуре в помещении, твердо установили, что убийство произошло *после* первого визита, то есть в то время, когда в доме находился последний посетитель.

Харри услышал, как иголка осторожно натыкается на этикетку, словно бы желая ненавязчиво

обратить его внимание на необходимость перевернуть пластинку. Здравый смысл предложил поставить более громкий и одуряющий рок, но Харри отказался, как он постоянно отвергал предложение сидящего в мозгу дьявола выпить — всего глоточек, капельку. Время ложиться спать. Если ему удастся заснуть, это станет наградой. Харри осторожно снял пластинку с проигрывателя, не касаясь ее поверхности, не оставляя отпечатков. Рингдал подчистил все следы, но забыл вымыть стакан, из которого пил. Ну разве это не странно? Харри позволил пластинке скользнуть в конверт, а потом в обложку. Он провел пальцем по ряду альбомов. Они были расставлены в алфавитном порядке по названиям групп, а внутри их — в хронологическом, по датам приобретения. Он просунул руку между «Rainmakers», одноименным альбомом группы, и «Ramones» и раздвинул пластинки, чтобы освободить место для подарка Бьёрна. Он обратил внимание на какой-то предмет, прилипший к пластинкам, и раздвинул их пошире, чтобы разглядеть его. Изумленно потряс головой. Сердце забилось быстрее, будто поняло нечто такое, чего мозг еще не усвоил.

Зазвонил телефон.

Харри ответил.

— Это Александра. Я провела первые анализы и уже вижу отклонение от профилей ДНК. Можно исключить, что кровь на свитере этого Рингдала принадлежит Ракели.

— Мм…

— И тебе она тоже не принадлежит. Да, кстати, у тебя на брюках обнаружилась чужая кровь.

Тишина.

— Харри?

— Да.

— Что-то не так?

— Я не знаю. Тогда, значит, на свитере и на моих брюках кровь из его носа. Ладно, у нас в любом случае есть отпечатки пальцев, привязывающие Рингдала к месту преступления. И плюс еще шарф Ракели в ящике у него дома, он пахнет ею, на нем наверняка обнаружится ее ДНК. Волосок, пот, кожа.

— Но, Харри, кровь на свитере не идентична чужой крови на твоих штанах.

— Ты хочешь сказать, что кровь на моих брюках не принадлежит ни мне самому, ни Рингдалу?

— Похоже на то.

— А чья же она тогда?

Харри понял, что Александра дает ему время

самому додуматься до других возможностей. До *другой*. Логика проста.

— Я точно не знаю, — сказала Александра. — Но…

— Но что? — Харри смотрел в пространство между пластинками. Он знал, что́ она ответит. Потому что не было больше никаких камешков, готовых обрушиться вниз. Камнепад уже прошел. Вся горная стена распалась. — Неужели это кровь Ракели?

— Я выполнила лишь предварительные исследования. Так что вероятность этого составляет восемьдесят два процента.

Восемьдесят два процента. Четыре из пяти.

— Ну конечно, — сказал Харри. — Ведь эти брюки были на мне, когда я приехал на место преступления, где нашли Ракель. Я опускался на колени рядом с трупом. Там была целая лужа крови.

— Тогда это все объясняет, ну, если на твоих брюках действительно кровь Ракели. Мне продолжать проводить анализ, раз мы уже выяснили, что кровь на свитере Рингдала абсолютно точно ей не принадлежит?

— Нет, не надо, — ответил Харри. — Спасибо тебе, Александра. Я твой должник и непременно

тебя отблагодарю.

— Хорошо. Ты уверен, что все в порядке? У тебя такой голос…

— Все прекрасно, — оборвал ее Харри. — Спасибо, и спокойной ночи.

Он положил трубку.

Там действительно была целая лужа крови. И он опускался на колени. Но не это, а другое воспоминание вызвало в голове у Харри камнепад, который вот-вот похоронит его. Когда он вместе с криминалистами выезжал на место преступления, на нем были не эти брюки, эти он положил в корзину с грязным бельем утром после той ночи, когда погибла Ракель. Это он помнил абсолютно точно. До сих пор его память была прозрачна, как стеклянный шарик, когда речь заходила о той ночи, с того момента, как он зашел в бар «Ревность» около семи часов вечера, и до того, как на следующее утро его разбудили, позвонив в дверь, сборщики пожертвований. Но картинки возвращались, они соединялись между собой, превращаясь в фильм. Фильм с ним самим в главной роли. И сейчас его собственный голос орал в голове, да так, что связки чуть не лопались, воспроизводя звуковую дорожку из гостиной дома Ракели. Он был там в ночь убийства.

А на полке между альбомами групп «Рейнмейкерс» и «Рамоунз» лежал нож, который так любила Ракель. Нож фирмы «Тоджиро» в стиле сантоку, с дубовой ручкой и гардой из белой кости буйвола. Лезвие было испачкано тем, что могло быть только кровью.

Глава 35

Столе Эуне снился сон. Во всяком случае, он считал это сном. Сирена, прорезающая воздух, резко замолчала, и теперь он слышал далекое гудение бомбардировщика, а сам бежал по пустой городской улице к бомбоубежищу. Он опаздывал, все уже давно спрятались, и он видел, что человек в форме собирается закрыть металлическую дверь там, в конце улицы. Столе слышал собственный хрип, надо было активнее заниматься спортом. С другой стороны, это ведь только сон, все знают, что Норвегия ни с кем не воюет. Но может быть, на нас внезапно напали? Столе добежал и обнаружил, что дверной проем гораздо меньше по размеру, чем он думал. «Заходите!» — прокричал человек в форме. Столе попытался пролезть, но у него не вышло, он сумел просунуть внутрь только одну ногу и плечо. «Ну же, входите или выходите, мне надо немедленно закрыть дверь!» Столе попробовал вдавить тело в дверь. Теперь он застрял и не мог ни попасть внутрь, ни выбраться наружу. Раздался сигнал воздушной тревоги. О господи! Но он утешал себя тем, что, судя по всему, это всего лишь сон, и ничего больше.

— Столе…

Профессор открыл глаза и почувствовал, что жена Ингрид трясет его за плечо. Ну вот, он опять оказался прав.

В спальне было темно, он лежал на боку, прямо перед ним на тумбочке стоял будильник. Светящиеся цифры показывали 3:13.

— Кто-то звонит в дверь, Столе.

Ага, значит, вот что он принял за сирену.

Столе извлек свое крупное тело из кровати, облачил его в шелковый халат и засунул ноги в тапочки, которые гармонировали по цвету с халатом.

Он спустился по лестнице и уже направился в прихожую, как вдруг ему в голову пришла мысль: возможно, по ту сторону двери его ожидает нечто не слишком приятное. К примеру, пациент с параноидальной шизофренией, которому голоса в голове велели убить психолога. С другой стороны, может быть, бомбоубежище было сном во сне. Вдруг настоящий сон — это то, что происходит сейчас? Он открыл дверь. И вновь интуиция не подвела профессора. Он и впрямь обнаружил там нечто не слишком приятное. А именно Харри Холе. Точнее, того Харри Холе, с которым не хочется встречаться. Харри с сильно налитыми кровью

глазами, с отчаянно загнанным выражением на лице, означавшим, что он попал в беду.

— Гипноз, — сказал Харри. Он задыхался, лицо его блестело от пота.

— И тебе доброй ночи, Харри. Хочешь зайти? Если, конечно, дверной проем не узковат.

— В смысле?

— Мне снился сон, что я не пролез в дверь бомбоубежища, — пояснил Эуне, следуя за своим животом по коридору в кухню. Когда его дочь Аврора была маленькой, она говорила, что у папы такая походка, как будто он все время идет вверх.

— И как это объясняет теория Фрейда? — спросил Харри.

— Я должен похудеть. — Эуне открыл холодильник. — Салями с трюфелем и выдержанный сыр грюйер?

— Гипноз, — ответил Харри.

— Да, ты это уже говорил.

— Тот мужчина из Тёйена, мы еще думали, что он убил свою жену… Ты утверждал, что он вытеснил воспоминания о случившемся и что ты можешь воскресить их с помощью гипноза.

— Если человек восприимчив к гипнозу, то да.

— Давай выясним, восприимчив ли я.

— Ты? — Столе повернулся к Харри.

— Я начал вспоминать кое-что из той ночи, когда убили Ракель.

– *Кое-что?* — Столе закрыл холодильник.

— Разрозненные картинки. Кое-что здесь, кое-что там.

— Фрагменты воспоминаний.

— Если мне удастся сложить их воедино или вспомнить больше, то, думаю, я узнаю нечто важное.

— Соединить кадры в фильм? Я, разумеется, могу попробовать, но гарантий никаких нет. Честно говоря, мне чаще не удается, чем удается. Не подумай, что я плохой специалист, просто возможности гипноза как метода ограниченны.

— Ну конечно.

— Что ты подразумеваешь, когда говоришь, что узнаешь *нечто важное*?

— Понятия не имею.

— Но дело, разумеется, срочное?

— Да.

— Хорошо. Ты помнишь что-нибудь конкретное?

— Хрустальную люстру в гостиной Ракели, — ответил Харри. — Я лежу прямо под ней, смотрю вверх и вижу, что хрусталики расположены в

форме буквы «S».

— Прекрасно. Значит, у нас есть место и ситуация, мы можем попробовать вызвать ассоциативные воспоминания. Подожди, я сейчас принесу карманные часы.

— Ты хочешь сказать, что будешь размахивать ими у меня перед носом?

Столе Эуне приподнял бровь:

— А ты имеешь что-то против?

— Нет, ну что ты, просто это как-то… старомодно.

— Если хочешь, чтобы тебя загипнотизировали более современным способом, я могу порекомендовать тебе нескольких уважаемых, но, конечно, менее заслуженных психологов, которые…

— Неси часы, — сказал Харри.

— Сосредоточь взгляд на циферблате, — велел Столе.

Он усадил Харри в кресло с высокой спинкой в гостиной, а сам сел напротив него на скамеечку для ног. Старые часы раскачивались на цепочке вправо-влево, на расстоянии двадцати сантиметров от бледного изможденного лица полицейского. Столе не помнил, чтобы когда-нибудь видел своего друга более загнанным. Он почувствовал вину за то, что ни разу не навестил

его после похорон. Харри был не из тех, кто легко обращается за помощью к другим, и раз уж он пришел к нему посреди ночи, значит ситуация критическая.

— Ты спокоен и расслаблен, — медленно, нараспев говорил Столе Эуне. — Спокоен и расслаблен.

Бывал ли Харри когда-нибудь спокоен и расслаблен? Да, бывал. Рядом с Ракелью Харри стал человеком, который, казалось, живет в гармонии с самим собой и с окружающим миром. Он, как бы избито это ни звучало, нашел и заполучил женщину своей мечты. И в те несколько раз, когда Харри приглашал Столе прочитать лекции в Полицейской академии, у него сложилось четкое представление, что Харри по-настоящему нравится работать со студентами.

Так что же случилось? Неужели Ракель выгнала Харри, ушла от него только из-за того, что он напился? Но ведь когда ты решаешь выйти замуж за мужчину, который долгое время был алкоголиком и много раз срывался, то шансы, что он снова начнет прикладываться к бутылке, велики. Ракель Фёуке была умной женщиной и реалисткой, разве она забраковала бы машину на ходу, если бы на ней появилась вмятина или если бы та вдруг оказалась в кювете? Конечно,

ему в голову приходила мысль, что Ракель встретила другого и использовала очередной срыв Харри в качестве предлога, чтобы уйти от него. Может быть, она собиралась подождать, пока все уляжется, пока Харри немного оклемается, и только потом показать публике своего нового избранника?

— Ты все глубже и глубже погружаешься в транс, пока я считаю от десяти до одного.

Ингрид как-то обедала с Ракелью после их разрыва с Харри, но Ракель не упоминала никакого другого мужчину. Наоборот, Ингрид тогда сказала, что бывшая жена Харри показалась ей грустной и одинокой. Они не были настолько близкими подругами, чтобы Ингрид начала расспрашивать Ракель, но она считала, что если та и впрямь кем-то увлеклась, то сейчас уже бросила его, чтобы попытаться вернуть Харри. У Столе не было оснований сомневаться в словах супруги, ведь Ингрид, хотя и не была профессором психологии, прекрасно разбиралась в людях.

— Семь, шесть, пять, четыре…

Веки Харри наполовину разомкнулись, показавшаяся радужная оболочка была похожа на светло-голубой полумесяц. Все воспринимают гипноз по-разному. Лишь десять процентов счи-

таются хорошо восприимчивыми, а некоторые так и вообще не реагируют на эти манипуляции сознанием. Опыт Столе подсказывал, что люди с фантазией, открытые для всего нового, представители креативных профессий, поддаются гипнозу легче прочих. Сложнее всего загипнотизировать инженеров. Поэтому логично предположить, что специалист по расследованию убийств Харри Холе, которого трудно назвать любящим чай фантазером, окажется крепким орешком. И, даже не проводя с Харри популярного психологического теста, Столе подозревал, что следователь набрал бы меньше всего очков по одному пункту: фантазия.

Дыхание Харри стало ровным, как у спящего.

Столе еще раз сосчитал от десяти до одного.

Сомнений нет, Харри в трансе.

— Ты лежишь на полу, — медленно, спокойным голосом говорил Столе. — Это пол в гостиной вашего с Ракелью дома. Наверху, над собой, ты видишь хрустальную люстру, подвески которой образуют букву «S». Что еще ты видишь?

Губы Харри зашевелились. Веки начали подрагивать. Указательный и средний пальцы на правой руке дернулись вверх, как при непроизвольном сокращении мышц. Губы продолжали

двигаться, но Харри не издавал ни звука, пока еще нет. Он начал мотать головой взад-вперед, периодически прижимая ее к спинке кресла. На его лице читалась боль. И вот, подобно судорогам, по его длинному телу прокатились две волны дрожи, и он сел, широко раскрыв глаза и глядя прямо перед собой.

— Харри?

— Я здесь. — Харри говорил хриплым невнятным голосом. — Не подействовало.

— Как ты себя чувствуешь?

— Устал. — Харри встал, покачиваясь. Он тяжело моргал и смотрел в пустоту прямо перед собой. — Мне надо домой.

— Может, тебе стоит немного задержаться? — предложил Столе. — Если не завершить сеанс гипноза как положено, то человек может почувствовать тошноту и дезориентацию.

— Спасибо, Столе, но мне и правда пора идти. Спокойной ночи.

— В худшем случае это может привести к страху, депрессии и другим гадостям. Так что давай потратим немного времени, чтобы поставить тебя на ноги.

Но Харри уже шагал к выходу. Столе поднялся и пошел за ним, но, выйдя в прихожую, увидел

только, как захлопнулась дверь.

Харри успел добраться до машины и наклониться за ней, прежде чем его начало рвать. Снова и снова. И только когда наполовину переваренный ужин, единственное, что он съел за весь день, освободил желудок полностью, он выпрямился, вытер рот тыльной стороной ладони, смахнул с глаз слезы и забрался в машину. Некоторое время он сидел и пялился в лобовое стекло.

А потом достал телефон и набрал номер, который ему дал Бьёрн.

Спустя несколько секунд Харри услышал, как слабый мужской голос пробормотал в трубку свое имя, и это показалось ему неправильным, привычкой из каменного века телефонии.

— Простите, что разбудил вас, Фройнд. Это снова инспектор Харри Холе. Тут у нас возник форс-мажор, поэтому дело не терпит отлагательств, и я хотел спросить, не могли бы сообщить мне все, что известно на данный момент относительно тех изображений с фотоловушки.

Его собеседник от души зевнул.

— Но я еще не закончил работу.

— Поэтому я и говорю: на данный момент, Фройнд. Сейчас любая мелочь может помочь.

Харри услышал, как эксперт по трехмерному

анализу шепотом поговорил с кем-то, прежде чем продолжить беседу.

— Рост и ширину плеч человека, входящего в дом, определить сложно, поскольку он сгорбился, — сказал Фройнд. — Но предположительно — подчеркиваю, лишь *предположительно* — человек, выходящий из дома, если считать, что он стоит в дверном проеме в полный рост и на его обуви нет платформы или чего-то подобного, имеет рост в диапазоне от метра девяноста до метра девяноста пяти. Можно также предположить, исходя из силуэта автомобиля и расстояния между сигналами торможения и фонарями заднего хода, что марка машины — «форд-эскорт».

Харри сделал вдох:

— Спасибо, Фройнд. В общем-то, это все, что мне надо было знать. Отдыхайте спокойно, дело больше не срочное. Пожалуй, на этом вообще можно остановиться. Пришлите мне карту памяти и счет-фактуру по обратному адресу, указанному на конверте.

— Лично вам?

— Да, так проще. Мы свяжемся с вами, если нам потребуется что-либо уточнить.

— Хорошо, Холе, как скажете.

Харри отсоединился.

Выводы эксперта по трехмерным изображениям лишь подтверждали то, что Харри и так знал. Он увидел картину, когда сидел в кресле у Столе Эуне. Теперь он вспомнил все.

Глава 36

Белый «форд-эскорт» был припаркован в Берге. Облака проносились по небу, словно бы в панике сбегая от чего-то, но ночь еще не начала сдавать свои позиции.

Харри Холе прислонился головой к лобовому стеклу, ледяному и влажному. Ему захотелось включить радиостанцию «StoneHardFM», врубить на полную катушку хард-рок, на несколько секунд освободить сознание. Но нет, нельзя, ему надо думать.

Это просто невероятно. Не то, что он внезапно вспомнил, а то, что ему удавалось *не* помнить, держать воспоминания на расстоянии. Казалось, что слова Столе о гостиной и люстре в форме буквы «S», звук имени Ракели раскрыли ему глаза. И в ту же секунду он ясно увидел все, абсолютно все.

Стояла ночь, он проснулся, глядя прямо на хрустальную люстру. И сообразил, что вернулся в гостиную дома на улице Хольменколлвейен. Но не понял, как он там оказался. Свет был приглушен — так Харри с Ракелью всегда делали, когда оставались вдвоем. Он почувствовал, что его рука лежит в чем-то мокром и липком. Харри поднял

ее. Кровь? Потом он повернулся. Повернулся и посмотрел прямо ей в лицо. Она совсем не казалась спящей. Было похоже, что она смотрит на него пустыми глазами. Или потеряла сознание. Вернее, мертва. Ракель лежала в луже крови.

Харри сделал то, что обычно используется в качестве метафоры, — ущипнул себя за руку. Вонзил ногти в руку со всей силы в надежде на то, что боль смоет это зрелище, он проснется, вздохнет с облегчением и поблагодарит Бога, в которого не верил, за то, что все это оказалось лишь ночным кошмаром. Он даже не пытался реанимировать Ракель: Харри повидал слишком много мертвецов и знал, что все кончено. Все выглядело так, словно ее закололи ножом, фирменная кофта пропитана кровью, потемневшей вокруг ран на животе. Но умерла она от удара в шею. Смертельный удар, нанесенный человеком, который знал, куда бить. Как он сам.

Неужели это он убил Ракель?

Харри оглядел комнату, пытаясь обнаружить признаки того, что дело обстоит иначе.

Однако их не нашлось. Никаких следов постороннего нет. Только он и она. И кровь. Или?..

Он встал на ноги и, пошатываясь, направился к входной двери.

Она была заперта. Если кто-то был здесь и ушел, он должен был закрыть дверь ключом снаружи. Харри вытер окровавленную руку о брюки и открыл ящик комода. Оба ключа лежали в нем. Ее и его. Тот, что он вернул Ракели однажды днем в ресторане «Шрёдер», когда упрашивал ее позволить ему вернуться, хотя и обещал самому себе никогда этого не делать.

Еще один ключ находился немного южнее Северного полюса, в Лаксэльве, у Олега.

Харри огляделся. Слишком многое надо было понять и осмыслить, так много вещей, которым он не мог найти объяснения. Неужели он лишил жизни женщину, которую любил? Когда он задал себе этот вопрос, когда прошептал имя Ракели, это показалось невозможным. Но затем Харри сформулировал вопрос иначе, спросив себя, мог ли он сам разрушить то, что имел, и на этот раз подобная перспектива выглядела не столь уж невероятной. И к тому же обширный опыт научил его, что факты сильнее шестого чувства. Интуиция — это всего лишь сумма косвенных улик, которые могут быть побиты одним сокрушительным фактом. А фактическая база была такова: брошенный супруг находится вместе со своей убитой женой в доме, дверь которого

заперта изнутри.

Харри знал, что делает. Залезая в шкуру следователя, он пытался защититься от невыносимой боли, которая еще не нахлынула, но надвигалась на него, как несущийся на полной скорости товарняк. Он пытался свести тот страшный факт, что мертвая Ракель лежит на полу, к делу об убийстве, которое можно расследовать; так, бывало, он — еще до того, как начал бухать в одиночку, — бежал в ближайший бар, как только чувствовал, что боль от жизни необходимо заглушить спиртным. Он пытался выступать на арене, которая, как он думал, ему хорошо знакома. А почему бы и нет? Почему бы не предположить, что, когда ты видишь, что любовь всей твоей жизни лежит перед тобой, сломанная и бездыханная, та часть мозга, которая управляется инстинктами, производит единственный логичный и необходимый выбор. Влезть в шкуру следователя.

Потому что кое-что еще можно, даже необходимо спасти.

Харри уже знал, что не боится возмездия; наоборот, любое наказание, особенно смерть, казалось освобождением: это все равно что найти окно на сотом этаже пылающего небоскреба, когда тебя окружают языки пламени. И вне зависимости от

того, был ли он в момент совершения преступления в здравом уме, в состоянии помешательства, или же все произошло случайно, он знал, что заслуживает наказания.

В отличие от Олега.

Олег не заслуживает того, чтобы вместе с матерью лишиться еще и отца, своего настоящего, хотя и неродного отца. Лишиться прекрасной истории о своей жизни, о взрослении в обществе двух очень любящих друг друга людей, истории, которая сама по себе служила доказательством существования любви, *возможности* ее существования. Олег сейчас сам только-только нашел себе подругу и наверняка рассматривал в перспективе возможность создания своей собственной семьи. Правда, мальчик видел, как Ракель с Харри несколько раз расставались, но еще он был главным свидетелем того, как два человека любят друг друга и желают один другому счастья. Поэтому они с Ракелью всегда находили дорогу обратно. Отнимешь у него это представление, нет, эту *правду* — и, черт возьми, Олег будет уничтожен. Ведь *неправда*, что Харри убил Ракель. Нет никаких сомнений в том, что она лежала там, на полу, а он стал причиной ее смерти, но все ассоциации и выводы, которые

автоматически будут сделаны, когда выяснится, что отвергнутый супруг убил свою жену, были ложью. На самом деле все не так.

Ход событий всегда был сложнее, чем предполагалось изначально, а вот мотивы неизменно оказывались простыми и ясными. И не было у него никакого мотива, равно как и желания убить Ракель, никогда! Поэтому Олега следовало защитить от этой чудовищной лжи.

Харри насколько мог тщательно убрал за собой, избегая смотреть на труп Ракели, при этом говоря себе, что это может только поколебать его решение и что он уже видел то, что требовалось: ее здесь не было; все, что осталось, — это просто тело, оболочка, лишенная души. Харри не мог вспомнить подробности уборки, у него кружилась голова, и он безрезультатно пытался восстановить в памяти сам момент убийства, пробиться через полный мрак, покрывший отрезок времени с того момента, как он достиг определенной степени опьянения в баре «Ревность», и до того, как проснулся здесь. Что, в сущности, человек знает о самом себе? Может, Харри пришел к ней, а Ракель, стоя на кухне и беседуя с ним, этим в стельку пьяным сумасшедшим, поняла, что все-таки не сможет сделать того, на что намекала

Олегу: позвать мужа обратно? Она что, прямо заявила об этом Харри? И не это ли толкнуло его на то, чтобы перейти черту? Отказ и в тот же самый момент наступившее понимание, что он уже никогда, никогда не вернет ее назад, — могло ли это резко превратить любовь в неконтролируемую ненависть?

Он не знал, не помнил.

Харри помнил только, что после пробуждения, пока он прибирался в доме, одна идея начала вырисовываться все четче. Разумеется, он с самого начала окажется основным подозреваемым. Чтобы сбить полицию с толку, чтобы спасти Олега от лжи о классическом убийстве на почве ревности, сохранить его юношескую незамаранную веру в любовь, уберечь мальчика от осознания того, что его воспитателем и примером для подражания был убийца, требовался другой человек. Громоотвод. Альтернативный виновный, тот, кого можно и нужно было распять на кресте. Не Иисус, разумеется, а грешник похуже самого Харри.

Харри смотрел в лобовое стекло, и пар от его дыхания заставлял расплываться огни города, раскинувшегося внизу.

Интересно, в тот момент он рассуждал таким образом? Или же его мозг, иллюзионист-мани-

пулятор, просто сочинил эту историю про Олега, нашел оправдание, вместо того чтобы признать более простой мотив: скрыться с места преступления. Избежать наказания. Спрятаться где-нибудь и вытеснить все из сознания, поскольку жить с грузом подобных воспоминаний попросту невозможно, подчиниться инстинкту самосохранения, который в действительности управляет нашим мозгом и телом.

Во всяком случае, мозг Харри сделал именно это. Вытеснил воспоминания о том, как он вышел из дома, позаботившись о том, чтобы дверь осталась незапертой и нельзя было утверждать, что у убийцы имелся ключ от дома. Как сел в машину, но вдруг вспомнил, что фотоловушка сможет разоблачить его, если будет обнаружена полицией. Как содрал ее с дерева, вынул карту памяти, которую выкинул потом в один из мусорных бачков у здания спортивного клуба «Реди». Позже какой-то фрагмент всплыл из глубин подсознания. Это произошло в тот момент, когда он в состоянии глубокой сосредоточенности реконструировал вероятные пути отхода убийцы и размышлял, куда тот мог выбросить карту памяти. Ну как Харри мог подумать, что случайно отправился в то самое место, ведь существовал миллион других

возможностей? Даже Кайя поразилась тогда его железной уверенности.

Но вытесненные воспоминания обернулись против него, чуть не поймав Харри в ловушку. Он без тени сомнения отдал карту памяти Бьёрну, и предпринятое им тщательное расследование, целью которого было найти другого заслуженно виновного — насильника вроде Финне, убийцу вроде Бора, заклятого врага вроде Рингдала, — взяло его в кольцо.

Размышления Харри прервал телефонный звонок.

Это была Александра.

По пути к Столе он заехал к Александре и отдал ей ватную палочку с кровью. Он не говорил, что это кровь с вероятного орудия преступления, с ножа, который он нашел среди своих собственных пластинок. По дороге Харри понял, почему засунул нож между «Rainmakers» и «Ramones». Все просто: так имя Ракели встало в алфавитный ряд.

— Нашла что-нибудь? — спросил Харри.

— Та же группа крови, что у Ракели, — сказала она. — Первая.

Самая распространенная, подумал Харри. У сорока восьми процентов населения Норвегии

первая группа крови. Делать выводы, основываясь лишь на совпадении группы крови, — все равно что гадать, подбрасывая монетку. Это еще ничего не значит. И тем не менее в данный момент это обстоятельство оказалось решающим. Потому что он заранее решил — подобно Финне с его игральным кубиком — положиться на судьбу.

— Анализ ДНК не требуется, — сказал Харри. — Спасибо, и хорошего тебе дня.

Теперь у Харри оставалась лишь одна-единственная, последняя возможность, тонюсенькая ниточка, способная его спасти.

Петер Рингдал проснулся в своей постели в десять часов утра.

Его разбудил не будильник, тот был заведен на одиннадцать. Не соседская собака, не машины соседей, уезжающих на работу, не дети, идущие в школу, — все эти звуки его спящий мозг научился игнорировать. Нет, это было что-то другое. Какой-то громкий звук, похожий на крик, донесся вроде бы снизу.

Рингдал поднялся, натянул брюки и рубашку, взял пистолет, который ночью всегда клал на тумбочку возле кровати. Спускаясь вниз, он почувствовал, как голые ноги обдало порывом

холодного ветра, а оказавшись в коридоре, понял причину. На полу лежали осколки стекла. Кто-то разбил окно в форме полумесяца во входной двери. Дверь в подвал была наполовину открыта, но свет не включен. Ну вот они и явились. Время настало.

Ему показалось, что человеческий крик, или что это было, донесся из гостиной. Рингдал прокрался в помещение, держа пистолет перед собой.

Он сразу понял, что никто не кричал, что разбудивший его звук был произведен ножкой кресла, скребущей о паркет. Одно из тяжелых кресел было передвинуто и развернуто спинкой к нему, а лицом к панорамному окну в сад, где стояла скульптура в виде спутника. Петер рассчитывал, что сидевший в кресле человек не мог слышать его шагов, но, конечно, вполне возможно, незваный гость специально поставил кресло таким образом, чтобы видеть отражение входящего в оконном стекле, при этом оставаясь невидимым для него. Петер Рингдал прицелился в спинку кресла. Две пули на уровне копчика, две выше. Соседи услышат выстрелы. Да и от трупа сложно избавиться незаметно. А еще сложнее будет объяснить, зачем он это сделал. Правда, можно

сказать полиции, что он стрелял в целях самообороны, увидев разбитое стекло, и что ему раньше угрожали убийством.

Он сильнее прижал палец к курку.

Почему это так трудно? Он ведь даже не видел лица человека, сидящего в кресле. Надо представить, что там никого нет, это только шляпа.

— Там никого нет, это только шляпа, — прошептал хриплый голос ему в ухо. — А вот к твоему затылку приставлен настоящий пистолет. Так что опусти свой и стой спокойно, или же я выпущу вполне настоящую пулю и разнесу твой мозг, который сейчас советую использовать себе во благо.

Не поворачиваясь, Петер Рингдал выпустил из руки пистолет, и тот с грохотом упал на паркет.

— Что тебе надо, Холе?

— Хочу получить ответы на следующие вопросы: почему отпечатки твоих пальцев обнаружились на стакане в посудомоечной машине Ракели? Почему ее шарф лежит в твоем комоде? И кто эта женщина?

Петер Рингдал уставился на черно-белую фотографию, которую человек, стоявший сзади, держал перед его глазами. На снимок из кабинета в подвале. На изображение женщины, которую

он, Петер Рингдал, изуродовал и убил. А потом положил в ледяной багажник автомобиля и сфотографировал.

Глава 37

Петер Рингдал обескураженно смотрел сквозь лобовое стекло автомобиля прямо в снежную метель. Он почти ничего не видел, но все равно надавил на газ. Здесь, в горах, движения субботним вечером, да еще в такую погоду, почти не было.

Он выехал из Тронхейма два часа назад и из сообщений по радио понял, что его машина одной из последних проехала в Доврские горы по трассе E6, прежде чем ее закрыли из-за ненастья.

В Тронхейме у него был забронирован номер в гостинице, но остаться он никак не мог, сама мысль о банкете казалась невыносимой. Почему? Да потому, что он неудачник и только что проиграл финал чемпионата Норвегии по дзюдо в полулегкой весовой категории. И ладно бы проиграл действительно сильному сопернику, так нет, черт побери, он, считай, сам по-глупому подставил себе подножку. До конца поединка оставалось несколько секунд, и Петер вел в счете: две оценки «юко» против одной «кока», надо было только удержать преимущество. И ведь он контролировал ситуацию, правда! Но потом

размечтался о том, как, став чемпионом, будет давать интервью, прикинул, что бы сказать такого остроумного, расслабился на долю секунды и внезапно почувствовал, что летит на пол. Он, правда, упал на меньшую часть спины, так что его сопернику присудили «вадза-ари», а не высшую оценку «иппон», однако, поскольку на этом поединок и закончился, это все равно означало победу.

Петер с силой ударил по рулю.

Потом, в раздевалке, он открыл купленную на свои деньги бутылку шампанского. Кто-то отпустил комментарий по этому поводу, а он ответил, что раз уж в кои-то веки финал чемпионата передают по телевидению в субботу вечером, а не в воскресенье утром, то это надо отметить, так что какого черта? Он умудрился заглотить больше половины бутылки, до того как в раздевалку вошел тренер, отнял у него шампанское и сказал, что очень сожалеет, что Петер нажирается после каждого поединка, вне зависимости от того, проигрывает он или выигрывает. А он тогда ответил, что также *сожалеет*, что ему достался наставник, который не сумел сделать из него чемпиона. Тут тренер начал нести какой-то философский бред: дескать, само слово «дзюдо» в переводе означает

«гибкий путь» и Петеру следует научиться проявлять гибкость — поддаваться сопернику, дать ему приблизиться к себе, а также воспринимать проигрыш со смирением, не думать, будто он самый лучший, помнить о том, что он еще всего два года назад выступал за юниоров и что высокомерие — синоним поражения. А Петер ответил, что все дзюдо — одно сплошное притворство и нечего тут рассуждать о смирении! Соперника надо обмануть, продемонстрировав ему слабость и податливость, заманить в ловушку, а потом безжалостно ударить, как прекрасное распустившееся хищное растение, как лживую проститутку. Это отвратительный, насквозь фальшивый спорт. И Петер вылетел из раздевалки с криками, что на тренировке его больше не увидят. Сколько раз он уже прежде так поступал?

Петер вошел в поворот, огни машины осветили обочины, метра на полтора занесенные снегом, — и это в конце марта. Снег лежал так близко к проезжей части, что казалось, Петер едет по очень узкому туннелю.

Он выехал на прямой участок дороги, поддал газу, больше от злости, чем от спешки. Потому что на банкете он планировал подкатить к Тине. Она тоже поглядывала на него с интересом, Петер

это знал. Но светловолосая красотка выиграла золото в легком весе, а чемпионка Норвегии не станет трахаться с лузером, особенно с таким, что на полголовы ниже ее ростом, и она, возможно, думает, что легко смогла бы уложить его на мат. Вот так нынче работает эволюция.

Снег прекратился как по мановению волшебной палочки, и теперь дорога, тянувшаяся между заметенными обочинами, словно длинная черная карандашная линия на белом листе бумаги, купалась в лунном свете. Может, он попал в «глаз» урагана? Нет, блин, это же не тропический ураган, а норвежский, у него нет глаз, только зубы.

Петер посмотрел на спидометр. Он чувствовал, как нарастает усталость: от долгой поездки на машине в Тронхейм после вчерашних занятий в бизнес-школе, от сегодняшних поединков, от выпитого шампанского. Черт, а ведь он придумал несколько действительно смешных шуток, он собирался сказать в интервью, что… Ну и дела!

На дороге стояла она. Тина. Прямо перед ним в свете передних фар: длинные светлые волосы распущены, а над головой мерцает красная звезда. Девушка размахивала руками, словно приветствуя его. Все-таки она его хотела! Пе-

тер улыбнулся. Улыбался он до тех пор, пока не понял, что картина существует не в его воображении, и тогда мозг скомандовал ноге нажать на педаль тормоза. Это не Тина, подумал он, этого просто не может быть, Тина на банкете и прямо сейчас танцует с одним из победителей, наверняка полусреднего веса. А нога жала на педаль, потому что ему не померещилось: посреди пустынной дороги, посреди Доврских гор, посреди ночной темноты действительно стояла девушка с красной звездой над головой, настоящая живая девушка со светлыми волосами.

А потом его машина сбила эту девушку.

Раздалось два удара, один из них о крышу, и она исчезла. Это произошло очень быстро. Петер мог возложить вину за случившееся на погодные условия, сказать, что все было не так. Но вот чего он никак не мог отрицать, так это количество алкоголя в крови — его нетрудно измерить в промилле. Он сел за руль пьяным. Он сделал выбор, и в результате погиб человек. Нет, даже не так: он убил человека. Петер Рингдал несколько раз повторил это себе, неизвестно почему: «Я убил человека». А ведь тест на алкоголь непременно сделают, это обычная процедура при автомобильных авариях, повлекших телесные повреждения.

И снова его мозг принялся за расчеты и никак не мог остановиться.

Решив задачу до конца, Петер поднялся и оглядел пустынное, продуваемое ветрами высокогорное плато. Его удивило, насколько все вокруг казалось чужим, а ведь этот пейзаж выглядел совершенно иначе, когда он накануне ехал в противоположном направлении. Сейчас это больше походило на пустыню в какой-то далекой стране, пустыню вроде бы совершенно безлюдную, хотя на самом деле враги могли прятаться в любом месте.

Он подъехал поближе к девушке задним ходом, вынул из сумки свой белый костюм дзюдоиста и разложил его на заднем сиденье. Затем Петер попробовал поднять ее, но не сумел. Он чуть-чуть не выиграл чемпионат Норвегии по дзюдо, однако хрупкая девушка выскальзывала из его захвата. В конце концов он отволок ее к себе в машину и запихал на заднее сиденье. Он включил печку на полную мощность и подъехал к ее автомобилю. «Мазда». Ключ торчал в зажигании. Он достал веревку, вытащил «мазду» из сугроба и припарковал у занесенной снегом обочины в правильном месте, так чтобы другие водители вовремя ее увидели и успели затормозить. Потом он сел в свой

автомобиль, развернулся и направился в сторону Тронхейма. Через два километра он подъехал к ответвлению дороги, которое, скорее всего, вело к одному из загородных домов, хорошо видных на плато в хорошую погоду. Петер проехал по этой дороге метров десять и остановился, дальше не стал двигаться, побоявшись застрять в снегу. Он снял куртку и свитер, потому что начал потеть в струях горячего воздуха из печки. Петер посмотрел на часы. Прошло три часа с тех пор, как он выпил почти всю бутылку шампанского крепостью в двенадцать градусов. Он произвел расчеты, в которых поднаторел за последние годы. Алкоголь в граммах делим на собственный вес, умножаем на 0,7. Минус количество часов, умноженных на 0,15. Он пришел к выводу, что в полной безопасности будет только через три часа.

Снова пошел снег. Плотная пелена стеной окружила машину со всех сторон. Миновал еще час. По главной дороге на черепашьей скорости проехала какая-то машина. Интересно, откуда она здесь, ведь, судя по сообщениям радио, E6 все еще была закрыта.

Петер нашел номер телефона экстренной помощи, который он наберет, когда придет время,

когда его организм переработает алкоголь. Он бросил взгляд в зеркало. Разве человек в момент смерти не испражняется? Но в машине ничем не пахло. Может быть, она сходила в туалет прямо перед тем, как отправиться в горы? Повезло ей, повезло ему. Он зевнул. И заснул.

Когда он проснулся, погода была все такой же, а темнота за окном непроглядной.

Петер посмотрел на часы: он проспал полтора часа. Он набрал номер:

— Меня зовут Петер Рингдал, я хочу сообщить об аварии в Доврских горах.

Полицейские сказали, что приедут, как только смогут.

Петер подождал еще немного. Даже если они поедут со стороны Домбоса, дорога займет минимум час. Тогда он переместил труп в багажник и выехал на главную дорогу. Припарковался там и стал ждать. Прошел час. Он открыл сумку и достал фотоаппарат «Никон», который выиграл на турнире в Японии, вышел в непогоду и открыл крышку багажника. Внутри вполне хватало места для маленького тела. Он делал снимки каждый раз, когда ветер немного утихал и в белой пелене появлялся просвет. Петер позаботился о том, чтобы в кадр попали ее часы, которые, как

ни странно, не пострадали. А потом он снова захлопнул крышку багажника.

Зачем он сфотографировал девушку?

Чтобы доказать, что она долго пролежала в багажнике, а не в салоне? Или же тому была другая причина, мысль, которую он до сих пор не сумел расшифровать, некое доныне не осознанное ощущение?

Когда он разглядел мигающий свет, маяком горевший на крыше снегоуборочной машины, то полностью отключил печку. Петер понадеялся, что верно решил уравнение — как в отношении себя, так и в отношении ее.

За снегоуборщиком ехали полицейский автомобиль и «скорая помощь». Сотрудники «скорой» мгновенно определили, что девушка в багажнике мертва.

— Смотрите, — сказал Петер, положив руку на лоб девушки. — В ней еще есть немного тепла.

Он заметил, какой взгляд бросила на него женщина-полицейский.

После того как в машине «скорой помощи» у него взяли на анализ кровь, Петера попросили сесть на заднее сиденье полицейского автомобиля.

Он объяснил, как девушка внезапно выскочила

прямо из снежного вихря и буквально натолкнулась на его автомобиль.

— Скорее, это вы натолкнулись на нее, — сказала женщина-полицейский, делая в своем блокноте записи.

Петер рассказал о знаке аварийной остановки, о машине, застрявшей в сугробе, о том, что он переставил ее, чтобы никто другой в нее случайно не въехал.

Пожилой полицейский одобрительно кивнул:

— Хорошо, что в такой ситуации ты смог подумать и о других, мой мальчик.

Петер почувствовал что-то в горле. Он попытался прокашляться, но потом понял, что это подступили рыдания. И он проглотил их.

— Трассу Е6 закрыли шесть часов назад, — сказала женщина-полицейский. — Если вы позвонили нам сразу после того, как наехали на девушку, то потратили довольно много времени, чтобы добраться сюда от шлагбаума.

— Мне пришлось несколько раз останавливаться из-за отсутствия видимости, — пояснил Петер.

— Да уж, настоящая весенняя погодка, — пробормотал полицейский.

Петер выглянул в окно. Ветер утих, и снег теперь ложился на дорогу. Они не найдут следов

падения девушки. Не найдут следов другой машины, пересекающих ее кровавые следы на асфальте, и не станут разыскивать автомобили, ехавшие через горы в определенный период времени, чтобы допросить их водителей. У них не будет свидетельских показаний человека, утверждающего, что да, он видел припаркованный автомобиль на том участке дороги, и да, у него были те же номерные знаки, что у потерпевшей, но нет, это было за несколько часов до того времени, когда, по утверждению Петера Рингдала, он совершил наезд.

— В общем, ты вывернулся, — заключил Харри.

Он посадил Петера Рингдала на диван, а сам расположился напротив в кресле с высокой спинкой. Правая рука Харри отдыхала у него на груди, но по-прежнему сжимала пистолет.

Рингдал кивнул:

— У меня в крови нашли следы алкоголя, но недостаточно, чтобы привлечь к ответственности. Родители девушки подали на меня заявление в полицию, но я был полностью оправдан.

Харри кивнул. Это совпадало с информацией, которую Кайя обнаружила в базе полиции.

— Повезло тебе, — сухо заметил он.

Рингдал покачал головой:

— Я тоже так думал, но ошибался.

— Вот как?

— Я потом не мог уснуть целых три года. Я хочу сказать, что не спал вообще ни единого часа, ни одной минуты, ни секунды. Те полтора часа, что я проспал там, в горах, оказались последними. Мне ничего не помогало: таблетки сводили с ума и нервировали, алкоголь вгонял в депрессию и озлоблял. Сперва я думал, что боюсь: вдруг какой-нибудь водитель, случайно проезжавший мимо, даст показания, и меня схватят. И я ничего не мог поделать с собой до тех пор, пока не понял, что проблема заключается совсем в другом. У меня возникли мысли о самоубийстве, и я обратился к психологу, рассказав ему другую, придуманную историю, но с таким же содержанием: как я неумышленно стал причиной смерти другого человека. И психолог объяснил: моя проблема в том, что я не отбыл срок. Надо понести наказание. И тогда я придумал, как это сделать. Я перестал пить таблетки, покончил с алкоголем. Начал спать. Излечился, потому что отбыл срок.

— И каким же, интересно, образом?

— Я делал то же, что и ты, Харри. Я старался спасти как можно больше невинных жизней, чтобы

компенсировать смерть человека, случившуюся по моей вине.

Харри посмотрел на маленького черноволосого мужчину, сидевшего на диване.

— Я посвятил свою жизнь одному проекту, — произнес Рингдал и взглянул на скульптуру спутника, до которой добрались солнечные лучи, отчего в гостиную теперь попадали яркие отблески. — Придумал будущее, в котором ничья жизнь не окажется бессмысленно загубленной в результате аварии. Я говорю о жизни не только той девушки, но и о своей собственной.

— Самоуправляемые автомобили.

— Вагончики, — поправил Рингдал. — И вовсе не самоуправляемые, они управляются централизованно, через компьютер. Они не могут столкнуться, поскольку изначально выбирают оптимальные скорость и маршрут, исходя из положения других вагончиков; тут все подчиняется логике матрицы и физики, и таким образом устраняется возможность совершения смертельной ошибки человеком, который сидит за рулем.

— А фотографию погибшей девушки…

— …я с самого начала повесил прямо у себя перед глазами, чтобы никогда не забывать, ради чего я все это делаю. Ради чего сношу насмешки

журналистов, упреки инвесторов, банкротства и угрозы со стороны автопроизводителей. И почему я до сих пор работаю по ночам, когда не занят в баре, который, как я надеюсь, принесет достаточно средств, чтобы профинансировать мою идею, нанять толковых инженеров, архитекторов и снова вынести свой проект на повестку дня.

— О каких угрозах ты упомянул?

Рингдал пожал плечами:

— Я получал письма с определенным подтекстом. Парочку подбросили прямо под дверь. Формально привлечь авторов не за что, но мне хватило, чтобы обзавестись вот этим. — Он кивнул на пистолет, по-прежнему лежавший на полу.

— Хм… Довольно много пищи для размышлений, Рингдал. Почему я должен тебе верить?

— Потому что я говорю правду.

— А когда это служило основанием?

Рингдал засмеялся:

— Возможно, этому ты тоже не поверишь, но когда ты стоял позади меня, вытянув руку и приставив к моей голове пистолет, то находился в прекрасной позиции для сэойнагэ[49]. Если бы я

---

[49] Примечания: 49

Сэойнагэ — прием в дзюдо; *букв.* «бросок со взваливанием противника на спину». — *Примеч. ред.*

захотел, ты бы лежал спиной на паркете еще до того, как сообразил, что произошло, обезоруженный, не в силах вдохнуть.

— Так почему же ты этого не сделал?

Рингдал пожал плечами:

— Ты показывал мне фотографию.

— И?..

— Настало время.

— Время для чего?

— Рассказать. Рассказать правду. Всю правду.

— Хорошо. Может, тогда продолжишь каяться?

— В смысле?

— Ты уже сознался в одном убийстве. Как насчет второго?

— Ты о чем?

— Об убийстве Ракели.

Каким-то страусиным движением шеи Рингдал откинул голову назад.

— Ты думаешь, это я убил Ракель?

— Отвечай быстро, не раздумывая: почему твои отпечатки пальцев оказались на голубом стакане, обнаруженном в посудомойке Ракели, где грязная посуда никогда не стояла больше суток? Почему ты не рассказал полиции, что был у нее в доме? И почему вот это лежало в ящике твоего комода? — Харри вынул из кармана куртки крас-

ный шарф Ракели и показал его Петеру.

— Все очень просто, — сказал Рингдал. — Объяснение самое элементарное.

— Какое же?

— Она заходила сюда за день до того, как была убита.

— Сюда? Но почему?

— Потому что я ее пригласил. Я хотел уговорить Ракель продолжить работать в «Ревности» председателем правления. Помнишь, я тебе рассказывал?

— Да, я помню, что ты это говорил. Но еще я знаю, что Ракель никогда бы не заинтересовалась твоим предложением: она помогала в баре только ради меня.

— Да, именно так она и сказала, когда пришла.

— А зачем она вообще пришла?

— Ракель преследовала свои цели. Она хотела уговорить меня купить для бара партию голубых стаканов, которые, как я понял, изготовляет сирийская семья, держащая стеклодувную мастерскую поблизости от Осло. Ракель принесла с собой один стакан в качестве образца, чтобы убедить меня, что это превосходный сосуд для напитков. Но мне он показался тяжеловатым.

Харри представил себе, как Петер Рингдал дер-

жит в руках стакан, взвешивает его, потом отдает обратно Ракели, а она везет его домой и ставит в посудомоечную машину. Неиспользованный, но и не чистый.

— А шарф? — спросил Харри, уже зная ответ.

— Он остался лежать на шляпной полке после ее ухода.

— Зачем ты переложил его в комод?

— Шарф пах духами Ракели, а моя постоянная подружка обладает обостренным обонянием и очень ревнива. Она должна была прийти тем же вечером, и мы оба чувствуем себя намного лучше, когда она не подозревает меня в донжуанстве.

Харри постучал пальцами левой руки по подлокотнику.

— Можешь доказать, что Ракель была здесь?

— Ну… — Рингдал почесал висок. — Если ты не слишком елозил по подлокотнику кресла, в котором сидишь, то, думается мне, на нем можно отыскать ее отпечатки. Или на кухонном столе. Нет, подожди-ка! Ее кофейная чашка. Она стоит в посудомойке, я не включаю ее, пока машина не заполнится.

— Хорошо, — кивнул Харри.

— Кроме того, я заезжал в ту стеклодувную мастерскую в Ниттедале. Красивое стекло. Они

предложили сделать стаканы немного полегче. С логотипом бара «Ревность». Я заказал две сотни.

— Последний вопрос, — сказал Харри, уже зная ответ и на него тоже. — Почему ты не сообщил полиции о том, что Ракель была у тебя за полтора дня до убийства?

— Честно? Я взвесил все неудобства от перспективы быть замешанным в дело об убийстве и потенциальную пользу от этой информации для полиции. Я ведь уже однажды был подозреваемым, когда моя жена, не сказав никому ни слова, внезапно уехала в Россию, а одна ее подружка здесь, в Осло, подняла тарарам, заявив об исчезновении человека. Андреа нашлась, но нервов мне тогда потрепали немало, уж можешь мне поверить. И я подумал, что если действия Ракели за полтора дня до убийства действительно важны для полиции, то следователи проверят ее телефон, увидят, что она находилась в этом районе, и сложат два и два. Короче, решил, что проявлять инициативу не стоит. Согласен, я думал лишь о собственной шкуре.

Харри кивнул. В наступившей тишине он слышал, как где-то в доме тикают часы, и удивился, что не заметил этого звука в прошлый раз, когда был здесь. Казалось, они ведут обратный отсчет.

И он подумал, что, может, так оно и есть: это ходики в его голове отсчитывают последние часы, минуты, секунды. С невероятным усилием Харри поднялся на ноги. Он вынул бумажник, открыл его и заглянул внутрь, а потом достал единственную купюру, пятисотенную, и положил ее на стол.

— Что это?

— За разбитое окно во входной двери, — пояснил Харри.

— Спасибо.

Харри пошел было прочь, но потом остановился, вернулся обратно и задумчиво посмотрел на купюру с изображением Сигрид Унсет[50].

— Мм… А сдача у тебя есть?

Рингдал рассмеялся:

— Это стоит минимум пять сотен…

— Ты прав, — сказал Харри, забирая купюру. — Потом отдам. Удачи тебе с «Ревностью». Прощай.

Собачий лай становился все тише, а тиканье часов все громче, пока Харри шел по дорожке прочь от дома.

---

[50] Примечания: 50

Норвежская писательница Сигрид Унсет была изображена на купюре в 500 норвежских крон старого образца.

Глава 38

Харри сидел в машине и прислушивался.

Он сообразил, что принял за тиканье часов биение собственного сердца. Половинка Ракели стремительно уносится прочь.

В таком темпе его сердце билось с тех самых пор, как Харри обнаружил на полке окровавленный нож.

Это произошло десять часов назад, и все это время мозг Харри судорожно искал ответ, альтернативный единственному имевшемуся у него объяснению. Харри метался туда-сюда, как крыса в трюме тонущего корабля, натыкаясь лишь на запертые двери и попадая в тупики, а вода поднималась все выше и выше. И половинка сердца билась все сильнее и сильнее, как будто чувствовала приближение катастрофы. Знала, что ей надо торопиться, чтобы успеть израсходовать те два миллиарда ударов, которые совершает на протяжении жизни сердце среднестатистического человека. Потому что Харри проснулся. Проснулся и теперь должен умереть.

Сегодня утром, после сеанса гипноза, но перед тем, как поехать к Рингдалу, Харри позвонил

в квартиру этажом ниже. Гюле, отработавший вечернюю смену в трамвайном парке, вышел к нему в трусах, но даже если он и решил, что сосед явился слишком рано, то никак этого не показал. Гюле не жил в доме в то время, когда у Харри была своя квартира на третьем этаже, поэтому прежде они не были знакомы. На носу у Гюле сидели круглые очки в стальной оправе, пережившие, вероятно, семидесятые, восьмидесятые и девяностые и достигшие таким образом статуса ретро. Несколько беспорядочно болтавшихся длинных волосин не позволяли назвать его голову гладко выбритой. Говорил он высоким голосом, лишенным всяческих интонаций, как навигатор GPS. Гюле подтвердил все, что рассказал полиции и что было записано в протоколе. А именно: он пришел с работы домой без пятнадцати одиннадцать вечера и по дороге встретил Бьёрна Хольма, который спускался по лестнице, после того как донес Харри до кровати. До тех пор пока Гюле не лег спать в три часа ночи, он не слышал из его квартиры ни звука.

— А что вы делали той ночью? — поинтересовался Харри.

— Смотрел «Бродчёрч», — ответил Гюле. И добавил, не увидев на лице собеседника никакой

реакции: — Это британский сериал. Детективный.

— Хм… Вы часто смотрите сериалы по ночам?

— Да, довольно часто. Мой ритм жизни отличается от ритма других. Я работаю допоздна и люблю, вернувшись домой, посмотреть сериал.

— Вам нравится водить трамвай?

— Да. Но в три я всегда ложусь. А встаю в одиннадцать. Нельзя ведь совсем выпадать из жизни общества.

— Если здесь такая хорошая слышимость, как вы утверждаете, и вы смотрите по ночам сериалы, как могло случиться, что я, живя прямо над вами и проходя иногда по лестнице поздно вечером, никогда не слышал никаких звуков из вашей квартиры?

— Потому что я думаю о других и пользуюсь наушниками.

Прошло несколько секунд, прежде чем Гюле спросил:

— Что-то не так?

— Скажите мне, — произнес Харри, — как вы можете с уверенностью утверждать, что услышали бы, как я выхожу из квартиры, если у вас на голове были наушники?

— Я смотрел «Бродчёрч», — пояснил Гюле.

И, вспомнив, что его сосед с этим сериалом не знаком, добавил: — Он не очень шумный, так сказать.

Харри уговорил Гюле надеть наушники, включить «Бродчёрч», который был доступен в Интернете на сайте Норвежской телерадиовещательной корпорации, и проверить, услышит ли он звуки, доносящиеся из квартиры этажом выше и с лестницы. Когда Харри вновь позвонил в дверь, Гюле первым делом поинтересовался, скоро ли начнется эксперимент.

— У нас появилась новая информация, так что эксперимент проведем в другой раз, — ответил Харри. Он не стал рассказывать соседу, что только что поднялся к себе, лег на кровать, снова встал, спустился по лестнице, вышел из двери подъезда, а затем вновь вернулся в квартиру Гюле.

Харри не слишком много знал о панических атаках. Но похоже, именно это с ним сейчас и происходило. Сердцебиение, потливость, невозможность усидеть на одном месте, разброс мыслей, которые никак не хотели собираться в кучу, а вращались вокруг его сердца, бившегося в такт трека «Do You Wanna Dance» группы «Рамоунз» на протяжении почти двух минут, пока он совершал спринтерскую пробежку от стены

до стены. Постоянное желание жить — не вечно, а только еще один день, а значит, вечно — уподобляет человека хомяку, бегущему все быстрее и быстрее, чтобы не попасть под колеса машины, и умирающему от разрыва сердца задолго до того, как понимает, что это всего лишь колесо, бессмысленная гонка наперегонки со временем, в которой время уже добежало до финиша и поджидает тебя, ведя обратный отсчет: тик-так, тик-так.

Харри ударился лбом о руль.

Он очнулся ото сна, и теперь все стало правдой.

Он виновен.

Там, в темноте ночи, в продуваемых ветрами горах, в вихре алкоголя и бог знает чего еще — потому что он ничего не помнил, ничего! — это и произошло. Харри, находясь под градусом, вернулся домой, его уложили в постель. Однако сразу после отъезда Бьёрна он встал и отправился на машине к Ракели, приехал туда в 23:21, судя по записи фотоловушки. Все сходилось. Он по-прежнему был настолько пьян, что брел согнувшись и вошел прямо в незапертую дверь. Наверное, он умолял ее, стоя на коленях, но Ракель сообщила, что все обдумала и решила: она не хочет, чтобы

он возвращался? Или, может, еще до того, как войти в дом, Харри в пьяном угаре надумал убить ее, а потом себя, потому что не хотел жить без Ракели? И вонзил в нее нож раньше, чем она успела рассказать ему то, чего он тогда не знал: она сказала Олегу, что собирается дать Харри еще один шанс? Сама мысль об этом была невыносимой. Он снова ударился лбом о руль и почувствовал, как рвется кожа.

Убить себя. Уже тогда он подумал об этом?

Хотя Харри по-прежнему не помнил ничего вплоть до того момента, как очнулся на полу в доме Ракели, он понимал, что виновен, но потом его мозг вытеснил эти мысли. И сразу же приступил к поискам козла отпущения. Не ради себя, а ради Олега. Но сейчас, когда найти козла отпущения оказалось невозможно, роль Харри была уже сыграна до конца. Он мог покинуть сцену. Просто уйти.

Убить себя. Он не впервые задумался об этом.

В качестве следователя Харри порой, стоя над трупом, пытался решить вопрос: сам ли человек лишил себя жизни, или же это сделал кто-то другой? Он редко сомневался. Даже в тех случаях, когда со стороны ситуация выглядела крайне запутанной, самоубийства, как правило, отлича-

лись простотой и одиночеством: одно решение, один поступок, никакого взаимодействия, мало сложных технических факторов. И, как бы это лучше выразиться, на месте происшествия не то чтобы царило полное молчание, однако не было и следа разноголосицы и конфликтов. Харри слышал только внутренний монолог, в котором он в один прекрасный — или ужасный, это как посмотреть — день тоже мог принять участие. Это всегда заставляло его рассматривать суицид как возможность. Уход со сцены. Побег крысы с тонущего корабля.

Во время нескольких таких расследований Столе Эуне рассказывал Харри о наиболее типичных мотивах, которыми руководствуются самоубийцы. От инфантилизма (месть всему миру, «уж-теперь-то-вы-пожалеете»), через презрение к самому себе, стыд, боль, чувство вины и потери, к «парадоксальному» мотиву — самоубийство как мысль об утешении. Такие люди в действительности редко совершают побег, но им нравится сознавать, что путь для отступления есть, точно так же многие стремятся жить в больших городах, потому что там есть масса предложений, которыми они не собираются пользоваться: от оперы до стриптиз-клубов. Нечто способное сдержать

своего рода клаустрофобию, или как правильно назвать боязнь жизни. Но вот в момент нарушения баланса, что может быть вызвано алкоголем, наркотиками, финансовыми затруднениями или неудачами на любовном фронте, человек принимает решение, настолько же непродуманное, как решение выпить еще стаканчик или съездить по роже бармену, потому что может думать лишь об утешении, и более ни о чем.

Да, такая мысль прежде приходила Харри в голову. Но она никогда — до сей поры — не была единственной. Возможно, сейчас он испытывал страх, но был трезв. И эта мысль сулила нечто большее, чем просто избавление от боли. Это было проявлением заботы о других, о тех, кто будет продолжать жить. Он рассмотрел ее со всех сторон. Расследование убийства должно преследовать несколько целей. Выяснить правду и сообщить ее родным, близким и обществу — только одна из них. Другие — изолировать того, кто представляет опасность для окружающих, поддерживать правопорядок, демонстрируя потенциальным нарушителям, что злоумышленники подвергаются наказанию, или же удовлетворить невысказанную потребность общества в мести — в случае смерти преступника автома-

тически отпадали. Иными словами, общество тратит меньше ресурсов на расследование, если есть подозрения, что оно приведет всего лишь к мертвому преступнику, чем на расследование, в ходе которого становится очевидным, что злоумышленник все еще свободно разгуливает на свободе. Так что если Харри исчезнет сейчас, то существуют неплохие шансы, что следствие сфокусируется на чем угодно, кроме мертвого человека, которому Гюле уже предоставил алиби на момент совершения убийства. Единственное, что могло всплыть и прямо или косвенно указать в сторону Харри, — это заключение эксперта по трехмерным технологиям, утверждавшего, что рост преступника *предположительно* составляет чуть более метра девяноста и что его автомобиль *может* быть «фордом-эскорт». Однако Харри имел все основания предполагать, что эта информация осядет у Бьёрна Хольма, а тот не позволит запятнать его доброе имя: Бьёрн был настоящим другом и не раз покрывал Харри, нарушая служебные инструкции. Если Харри Холе умрет сейчас, то не будет никакого судебного процесса, Олег не окажется в центре ненужного внимания и избежит клейма, способного чинить ему препятствия в дальнейшей жизни, как не будет

сложностей у Сестрёныша, Кайи, Катрины, Бьёрна, Столе, Эйстейна и всех остальных, кто был обозначен одной буквой в его записной книжке. Именно к ним Харри обращался в своем письме, состоявшем из трех предложений, на сочинение которого он потратил целый час. Харри не считал, что слова сами по себе могут иметь для этих людей большое значение, но самоубийство без всяких объяснений, конечно, будет выглядеть подозрительно. Поэтому он хотел дать другим, в том числе и полиции, четкий ответ, необходимый для того, чтобы его после смерти оставили в покое.

> Приношу свои извинения за боль, которую могу причинить вам, но я не в состоянии вынести потерю Ракели и не могу жить без нее. Спасибо за все. Я любил вас, Харри.

Он трижды перечитал письмо. Потом достал пачку сигарет и зажигалку, поджег сигарету, а затем и письмо и спустил его в унитаз. Существует решение получше. Погибнуть в автокатастрофе.

Да, именно так он и решил поступить сегодня утром, когда уселся в машину и отправился к Петеру Рингдалу, чтобы оборвать последнюю ниточку, развеять последнюю надежду.

И теперь она была развеяна. Как ни странно, он даже почувствовал облегчение.

Харри оценил ситуацию, в последний раз окинул минувшее взглядом, чтобы понять, не забыл ли чего. Прошлой ночью он сидел в машине, совсем как сейчас, и смотрел на раскинувшийся под ним город, на огоньки в темноте, которые можно было соединить линиями. Но сейчас он видел картину целиком, и город, лежавший под высоким синим небом, купался в ярком весеннем свете нового дня.

Сердце его больше не колотилось как ненормальное. Хотя, возможно, у человека просто возникает ощущение, что обратный отсчет замедляется по мере приближения к нулю.

Харри выжал сцепление, повернул ключ в замке зажигания и сдвинул машину с места.

Глава 39

Дорога областного значения № 287.

Харри ехал вперед.

Отблески света, отбрасываемые заснеженными склонами холмов, были такими яркими, что ему пришлось достать из бардачка солнцезащитные очки. Сердце начало биться с обычной скоростью после выезда из Осло. По мере удаления от столицы движение на дороге становилось все менее интенсивным. Возможно, Харри успокоился потому, что решение было принято, что он, так сказать, уже был мертв и ему оставалось только покончить с формальностями, совершить относительно простое действие. А возможно, причина была в «Джиме Биме». Выезжая из города, он дважды остановился. Один раз у винного магазина на улице Тересы, где отдал купюру с портретом Сигрид Унсет и получил взамен полу-литровую бутылку виски и сдачу. Второй раз — на автозаправке «Шелл» в районе Мариенлюст, где потратил всю сдачу на покупку бензина. Не сказать, что Харри требовалось много бензина. Просто он знал, что ему не будут нужны деньги. И теперь на три четверти опустевшая бутылка

лежала на пассажирском сиденье рядом со служебным револьвером и телефоном. Он пытался дозвониться до Кайи, но она не отвечала, и он посчитал, что ничего страшного в этом нет.

Харри пришлось выпить почти полбутылки бурбона, чтобы ощутить его действие, но сейчас он чувствовал себя достаточно отстраненно, сумел дистанцироваться от того, что должно было случиться, но не до такой степени, чтобы погубить тех, кто не должен погибнуть.

Пресловутая *the green mile*.

Два дня назад полицейский, которого они с Бьёрном встретили на месте аварии, не уточнил, где именно на трассе 287 находится эта миля, но не все ли равно? Любой из длинных участков дороги, что он проехал, вполне сойдет. Перед ним ехал трейлер.

Выходя из следующего поворота, Харри поддал газу, выскочил на встречную полосу, обогнал его и увидел, что это полуприцеп. Он пристроился перед трейлером и поглядел в зеркало. Водительская кабина располагалась высоко.

Харри еще увеличил скорость. Хотя здесь действовало ограничение восемьдесят километров в час, его спидометр показывал все сто двадцать. Через несколько километров он выехал на оче-

редной длинный участок. В его конце слева находилась площадка для отдыха. Он помигал поворотником, пересек дорогу, выбрался на пустую площадку и развернулся в южном направлении возле туалета и двух мусорных бачков. Харри подъехал к обочине. Двигатель работал вхолостую, Харри пристально следил за дорогой. Он увидел, как воздух над асфальтом задрожал, как бывает в пустыне, а не в норвежской долине в марте месяце, рядом с покрытой льдом речкой, протекающей за ограждением с правой стороны. Возможно, это алкоголь сыграл с ним такую шутку. Харри посмотрел на бутылку «Джима Бима». Ее золотистое содержимое матово светилось в лучах солнца.

Некоторые считают, что руки на себя накладывают только трусы.

Возможно, но для этого требуется мужество.

А недостающее мужество ты можешь купить за 209 крон 90 эре в винном магазине.

Харри отвинтил пробку и залил в себя остатки бурбона, после чего закрутил пробку.

Вот так. Отстраненно. Мужественно.

Но самое главное, что вскрытие покажет: в крови известного пьяницы в момент аварии было столько алкоголя, что нельзя исключать,

что он просто-напросто потерял контроль над автомобилем. Кроме того, не имелось никакого прощального письма или другого свидетельства того, что Харри Холе решил добровольно расстаться с жизнью. Никакого суицида, никаких подозрений, и тень женоубийцы не упадет на тех, кто этого не заслуживает.

Сейчас он различал его там, в южном конце участка. Полуприцеп. В каком-то километре от себя.

Харри бросил взгляд в левое боковое зеркало. Кроме них двоих, на дороге никого не было. Он включил первую скорость, выжал сцепление и медленно выбрался на проезжую часть. Посмотрел на спидометр. Не слишком быстро, это может усилить подозрения в самоубийстве. Да в этом и не было необходимости, полицейский на месте аварии сказал: когда легковая машина на скорости восемьдесят-девяносто километров в час въезжает в лоб трейлеру, то уже никакие ремни и подушки безопасности не помогут. Руль пробивает заднее сиденье насквозь.

Стрелка спидометра достигла отметки «девяносто».

Сто метров за четыре секунды, километр за сорок. Если трейлер будет двигаться с такой же

скоростью, они встретятся меньше чем через двадцать секунд.

Пятьсот метров. Начинаем обратный отсчет: десять, девять…

Харри не думал ни о чем, ни о чем, кроме дела: удариться прямо в бампер трейлера. Надо радоваться, что мы живем во времена, когда все еще можно направить свой автомобиль в смертельную для себя и других ловушку, но на этот раз хоронить будут только его. Трейлер получит вмятину, а шофер — шрам на всю жизнь, кошмар, от которого он регулярно будет просыпаться, но, хочется верить, с годами это будет происходить все реже и реже. Потому что призраки бледнеют, это правда.

Четыреста метров. Харри перекинул свой «форд-эскорт» на встречную полосу. Он попытался представить все так, будто его выбросило на встречку, чтобы шофер трейлера смог объяснить полиции, что водитель легковушки просто-напросто потерял контроль над машиной или уснул за рулем. Харри услышал, что звук гудка трейлера становится громче и выше. Эффект Доплера. Нож дисгармонии режет ухо. Звук приближающейся смерти. И чтобы заглушить этот вопль, чтобы не умереть под эту музыку, Харри вытянул правую

руку и включил радио на полную катушку. Двести метров. Колонки разрывались.

Farther along we'll know more about it…

Харри уже слышал протяжную версию этого госпела. Скрипки…

Farther along we'll understand why.

Передняя часть трейлера увеличивается в размерах. Три… два…

Cheer up, my brother, live in the sunshine.

Совершенно верно. Совершенно… неверно. Харри резко вывернул руль вправо.

«Форд-эскорт» вылетел на свою полосу движения, избежав столкновения с левым краем бампера огромного трейлера. Харри чуть не врезался в ограждение дороги, затормозил и резко крутанул руль влево. Он почувствовал, как колеса теряют сцепление, заднюю часть машины заносит вправо, ощутил, как центрифугой скрутило спину, когда автомобиль завертелся. Он знал, что все просто не может закончиться хорошо. Харри успел увидеть, как уже далеко отъехавший трейлер исчезает из вида, но тут задняя часть его машины врезалась в ограждение, и он оказался в невесомости. Синее небо, свет. Какое-то время ему казалось, что он уже умер, что все случилось так, как и говорили священники: душа покида-

ет тело и возносится в рай. Но тот рай, куда он поднимался, вошел в штопор, то же самое произошло с покрытыми лесом горными склонами, с дорогой областного значения и речкой, а солнце вставало и садилось, как при смене времен года, снятых в технике замедленной съемки, и все это под аккомпанемент голоса, который во внезапно наступившей удивительной тишине умудрялся петь: *«We'll understand it all…»*, пока его не прервал очередной удар. Харри прижало к спинке сиденья, он смотрел на небо у себя над головой. Оно перестало крутиться, но принялось утекать, его заволокло зеленой пленкой, а перед глазами Харри словно бы упала светлая прозрачная штора. Стало темнее, он тонул, погружался вниз, под землю. Ничего удивительного, успел подумать Харри, вместо рая будет ад. Затем он услышал приглушенный гул, похожий на звук закрывающейся двери бомбоубежища. Машина планировала, медленно вращаясь, и он понял, что случилось. Автомобиль свалился в реку задом наперед, пробил лед и сейчас находился под ним. Это все равно что приземлиться на чужой планете, среди удивительных зеленых пейзажей, озаренных солнечными лучами, которые льются через лед и воду. Здесь все, кроме камней и гнию-

щих деревьев, сонно колыхалось, словно танцуя под музыку.

Течение подхватило автомобиль, и, как парящая лодка, он медленно плыл вниз по реке, двигаясь все быстрее. Раздался скрип от соприкосновения крыши со льдом. Вода заливалась в салон из-под дверей. Она была такой холодной, что ноги Харри онемели. Он избавился от ремня безопасности и попробовал вытолкнуть дверь, но уже здесь, на глубине одного метра, давление воды не позволило открыть ее. Придется выбираться через окно. Радио и передние фары еще работали, значит вода пока не закоротила всю электронику. Он нажал на кнопку, которая должна была открыть окно, но ничего не произошло. Короткое замыкание или давление на стекла. Вода уже поднялась ему до колен. Крыша машины больше не скребла об лед, подъем вверх прекратился, он парил между речным небом и землей. Надо выбить лобовое стекло. Харри прижался к спинке сиденья, но в салоне слишком тесно, а ноги у него — слишком длинные; кроме того, он ощущал, как алкогольное опьянение замедляет движения, тормозит мышление, нарушает координацию. Его рука залезла под сиденье и нащупала рычаг, и он смог отодвинуть сиденье

назад. Над этим рычагом был другой, и Харри привел сиденье в почти горизонтальное положение. Кусочек воспоминаний. О том, как он в последний раз регулировал положение сиденья. Теперь он, по крайней мере, мог высвободить из-под себя ноги. Вода доходила уже почти до груди, холод когтем врезался в легкие и сердце. Как только он собрался ударить обеими ногами по лобовому стеклу, автомобиль на что-то наткнулся, Харри потерял равновесие и повалился на пассажирское сиденье, так что удар его ног пришелся по рулю. Черт, черт! Харри увидел, как валун, на который натолкнулся его автомобиль, проплывает мимо, а сама машина закружилась в медленном вальсе, продолжая заваливаться назад. Вот она налетела на следующий валун и вновь выпрямилась. Песня заглохла посреди очередного «*We'll understand it all…*». Харри вдохнул воздуха под потолком и нырнул вниз, чтобы занять позицию для нового удара. В этот раз он попал по стеклу, но тело его было погружено в воду, поэтому Харри почувствовал, как его ноги приземлились на поверхность лобового стекла легко и без всякой силы, словно ботинки астронавта на поверхность Луны.

Он приподнялся; теперь, чтобы добраться до

воздуха, ему приходилось прижимать голову к потолку. Харри сделал пару глубоких вдохов. Машина остановилась. Он снова нырнул и увидел сквозь лобовое стекло, что его «форд-эскорт» застрял в ветвях гнилого дерева. Ему махало синее платье в белый горошек. Харри охватила паника. Он ударил рукой в боковое стекло, попробовал боднуть его. Ничего. Внезапно две ветки сломались, машина поплыла в сторону и освободилась от дерева. Свет передних фар, которые, как это ни удивительно, до сих пор не погасли, скользил над речным дном в сторону берега, где Харри заметил отблеск от какого-то предмета, напоминавшего пивную бутылку, во всяком случае стеклянного, но машину уже понесло дальше, скорость ее увеличилась. Ему был нужен воздух. Но воды в салоне стало так много, что Харри пришлось закрыть рот и прижаться носом к потолку, чтобы вдохнуть через ноздри. Передние фары потухли. Что-то вплыло в поле зрения, покачиваясь на воде. Бутылка из-под «Джима Бима», пустая, с закрученной пробкой. Она будто хотела напомнить об одном фокусе, спасшем его однажды давным-давно. Но сейчас пользы в нем не было, воздух из бутылки подарит ему всего несколько дополнительных секунд, болезненную надежду,

тогда как смирение принесет покой.

Харри сомкнул веки. И, как в клипе, вся прожитая жизнь пронеслась у него перед глазами.

Самое первое яркое воспоминание: вот он мальчишкой заблудился и в полном ужасе бегает по лесу поблизости от хутора деда в Румсдалене. Его первая любовь, они лежат в постели ее родителей, в доме больше никого нет, дверь на балкон открыта, занавески шевелятся, пропуская в комнату солнце, а она шепчет ему, что он должен заботиться о ней. Он шепчет в ответ «да», а спустя полгода читает ее предсмертную записку. Убийство в Сиднее; солнце, стоящее на севере, из-за чего он и там заблудился. Однорукая девушка, упавшая в бассейн в Бангкоке; тело, ножом прорезавшее воду; удивительная красота асимметрии и уничтожения. Долгая прогулка по парку: только Олег, Ракель и он. Осеннее солнце, падающее на лицо Ракели, которая улыбается в объектив в ожидании, когда сработает автоспуск. Ракель замечает, что Харри смотрит на нее, и поворачивается к нему; улыбка становится все шире, доходит до глаз; свет уравновешивается, она светится, как солнце; и они не в силах отвести глаз друг от друга, и им приходится сделать еще одно фото.

Уравновесить.

Харри вновь открыл глаза.

Вода не поднималась выше.

Давление наконец выровнялось. Простое и вместе с тем сложное физическое уравнение оставило ему эту полоску воздуха между потолком и поверхностью воды.

И это стало — в буквальном смысле — светом в конце туннеля.

Обзор через заднее стекло, в ту сторону, откуда они прибыли, исчез в темной зелени, но впереди просветлело. И это должно означать, что река там, впереди, не покрыта льдом или, во всяком случае, неглубока, а может, и то и другое. А раз давление уравновесилось, он сможет открыть дверцу. Харри уже собирался было нырнуть и попытаться сделать это, как вдруг вспомнил, что над ним по-прежнему лед. Идиотский способ утонуть. Здесь, в машине, достаточно воздуха, чтобы добраться до, будем надеяться, свободного ото льда мелкого участка реки. И до него было уже совсем недалеко; казалось, они плывут все быстрее, а свет становится все ярче.

Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Харри не знал, почему эта пословица внезапно

пришла ему на ум.

Или почему он подумал о синем платье.

И о Руаре Боре.

Приближался какой-то звук.

Руар Бор. Синее платье. Младшая сестра. Водопад Норафоссен. Высота двадцать метров. Разбилась о камни.

И вот он уже купается в свете, вода превратилась в белую стену из пузырьков, а звук становился громче и громче, он походил на грохот и рев. Харри опустил руку вниз, ухватился за спинку сиденья, задержал дыхание и погрузился под воду, когда передняя часть автомобиля показалась над поверхностью. Он смотрел сквозь толщу воды через лобовое стекло прямо в какую-то черноту, где каскады белой воды распылялись, превращаясь в белое ничто.

Часть 3

Глава 40

Дагни Йенсен глядела на школьный двор, на квадратик солнечного света, который возникал по утрам у домика охранника, а сейчас, в конце учебного дня, добрался до учительской. По асфальту прыгала трясогузка. На большом дубе появились почки. Почему она вдруг начала повсюду замечать почки? Дагни скользнула взглядом по классной комнате: ученики сидели, склонившись над заданиями по английскому языку, и тишину нарушал только скрип карандашей и ручек. На самом деле она собиралась дать им это задание на дом, но боли у нее в животе были настолько сильными, что Дагни пришлось отказаться от урока, которого она ждала с радостным предвкушением: предстоял разбор романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Шарлотта работала учительницей и совершенно не стремилась связать себя узами брака, несколько раз отвергая женихов, чьи интеллектуальные способности не вызывали у нее уважения, — в викторианской Англии это было просто неслыханно. Джейн Эйр влюбилась в хозяина поместья, где служила гувернанткой, с виду грубого и циничного мистера

Рочестера. Они объяснились друг другу в любви, но, когда собрались пожениться, выяснилось, что он все еще связан узами брака со своей безумной женой. Джейн уехала прочь и встретила другого мужчину, который полюбил ее, но сама никак не могла забыть мистера Рочестера. И трагический счастливый конец: законная супруга погибает на пожаре и Джейн с мистером Рочестером наконец могут быть вместе. Знаменитый обмен репликами, когда мистер Рочестер, изуродованный во время пожара, уничтожившего поместье, спрашивает: «Я безобразен, Джейн?» А она отвечает: «Ужасно, сэр, и всегда таким были, сами знаете».

И в самом конце — душещипательная заключительная глава, в которой Джейн рожает их первенца.

Дагни почувствовала, как после очередного приступа боли в животе ее лоб покрывается по́том. В последние два дня боли то появлялись, то исчезали, и таблетки, регулирующие уровень кислотности, не помогали. Она записалась на прием к врачу, но только на следующую неделю, и мысль о том, что еще семь дней придется мучиться, совершенно не радовала.

— Я выйду на пару минут, — сказала она, вставая.

Несколько голов поднялись, кивнули и снова сосредоточились на задании. У нее были хорошие, старательные ученики. В том числе парочка действительно очень талантливых ребятишек. И случалось, да чего уж греха таить, Дагни мечтала, что в один прекрасный день, когда сама она уже выйдет на пенсию, кто-нибудь из ее учеников, вполне достаточно всего одного, позвонит ей и от души поблагодарит. Скажет спасибо за то, что она показала им, что изучение иностранных языков не сводится к словарям и грамматике. Это будет человек, который нашел свой путь в жизни, вдохновившись ее уроками английского. И непременно создал что-то свое.

Когда Дагни вышла из класса в коридор, полицейский встал со стула и направился за ней. Его звали Ральф, он сменил на дежурстве Кари Бил.

— Я в туалет, — сообщила ему женщина.

Катрина Братт заверила Дагни, что телохранитель станет ходить за ней по пятам все то время, пока Свейн Финне будет представлять для нее угрозу. Однако Дагни, будучи реалисткой, прекрасно понимала: вопрос не в том, как долго Финне будет оставаться на свободе или среди живых, на самом деле все упирается в то, насколько хватит бюджета полиции или ее собственного

терпения.

Во время уроков в школьных коридорах стоит удивительная тишина, словно они отдыхают между регулярными неистовыми проявлениями жизни, спровоцированными звонками на урок или с урока. Это подобно цикличному роению цикад вокруг озера Мичиган раз в семнадцать лет. Живший в США дядя Дагни пригласил ее на следующее роение, он говорил, что это надо испытать самому, услышать громкую музыку, издаваемую миллиардами насекомых, и почувствовать, каковы они на вкус. Цикады, как и креветки, относятся к членистоногим, а потому отчасти похожи друг на друга. Когда дядя приезжал в Норвегию, то во время одного обеда, где подавали креветки, объяснил, что точно таким же способом надо чистить цикад. Зажать твердый панцирь, оторвать лапки и голову и вытащить богатую белком мякоть. Однако Дагни не слишком вдохновилась подобной перспективой, да и в любом случае она не воспринимала всерьез приглашения американских родственников, тем более что очередное роение цикад, согласно ее подсчетам, должно было произойти в 2024 году.

— Я подожду здесь, — сказал полицейский, останавливаясь возле женского туалета.

Она вошла внутрь. Пусто. Дагни выбрала самую дальнюю из восьми кабинок.

Она спустила брюки и трусы, уселась на унитаз, наклонилась вперед и дернула дверь, чтобы закрыть ее до конца и запереть. Однако что-то мешало. Она подняла взгляд.

Между дверью и косяком торчала рука, четыре крупных пальца просунулись внутрь кабинки, на одном из них красовался перстень в виде орла. А на ладони она увидела краешек огромной страшной дыры.

Дагни успела сделать вдох, затем дверь распахнулась, Финне просунул руку внутрь и сомкнул пальцы на ее горле. Перед лицом женщины он держал свой похожий на змею нож, а его голос звучал прямо возле ее уха:

— Что, Дагни? Токсикоз замучил? Живот болит? Пописать захотелось? На грудь жалуешься?

Дагни моргала.

— Ничего, сейчас мы быстро выясним, — произнес Финне, опустился перед Дагни на колени и, не ослабляя хватки на ее горле, засунул нож в ножны под курткой. Потом достал из кармана какой-то предмет, похожий на ручку, и засунул его между ее бедрами. Дагни ждала соприкосновения с предметом, проникновения внутрь, но

ничего не случилось.

— Будь умничкой и пописай для папочки, хорошо?

Дагни сглотнула.

— Что случилось? Ты ведь для этого сюда пришла, да?

Дагни хотела подчиниться, но бедняжке вдруг показалось, что все части ее тела разом прекратили функционировать, она даже не была уверена, что сможет закричать, если Финне ослабит хватку.

— Если ты не пописаешь, пока я считаю до трех, то я пырну ножом сначала тебя, а потом того идиота, что стоит в коридоре, — раздался зловещий шепот.

О господи! Дагни старалась. Она правда старалась.

— Раз, — прошептал Финне, — два, три… вот так! Умничка…

Она услышала шум струи, коснувшейся фарфора, а затем и воды.

Финне поднес тест к себе, потом положил его на пол. Он вытер руку висевшей на стене туалетной бумагой.

— Вот так, через две минуты узнаем, беременны ли мы, — сказал он. — Разве это не прекрасно, до-

рогая? Таких тестов раньше и в помине не было; в последний раз, когда я был на свободе, никто даже и не думал, что такое возможно. Только представь, какие фантастические перспективы готовит для нас будущее. Так стоит ли удивляться, что мы хотим произвести на этот свет ребенка?

Дагни закрыла глаза. Две минуты. И что потом?

Она услышала голоса снаружи. Короткий разговор, потом дверь открылась, и внутрь вбежала девочка, которую отпустила учительница. Школьница зашла в кабинку у самых дверей, сделала свое дело, вымыла руки и умчалась прочь.

Финне глубоко вздохнул, глядя на ручку:

— Боюсь, Дагни, тест не показывает желаемого результата. А это значит…

Он встал перед ней и начал свободной рукой расстегивать брюки. Дагни откинула голову назад, пытаясь высвободиться.

— Не сейчас, у меня месячные, — сказала она.

Финне посмотрел на нее сверху вниз. Лицо его скрывала тень. И оно само отбрасывало тень. Он весь отбрасывал тень, как хищная птица, кружащая на фоне солнца. Он снова вынул нож из ножен на груди. Она услышала скрип двери и голос полицейского:

— Все в порядке, Дагни?

Финне взмахнул ножом, как волшебной палочкой, вынуждающей ее исполнять его волю.

— Уже иду, — ответила она, не отводя глаз от Финне.

Она поднялась и натянула трусы и брюки, стоя так близко к нему, что чувствовала запах его пота и чего-то еще, едкого и удушающего. Болезни. Боли.

— Я вернусь, — произнес он, открывая ей дверь.

Дагни не побежала, но быстро прошагала мимо кабинок и раковин и вышла в коридор. Дверь за ней закрылась.

— Он там, внутри.

— Что?

— Свейн Финне. У него нож.

Какое-то время полицейский пристально смотрел на нее, а потом расстегнул кобуру на поясе и вынул пистолет. Свободной рукой он воткнул в ухо наушник и включил рацию на груди.

— Я «первый», — сказал он. — Срочно требуется подкрепление.

— Он сбежит, — произнесла Дагни. — Вы должны поторопиться.

Полицейский взглянул на нее и открыл рот,

как будто собирался объяснить, что его первостепенная задача охранять ее, а не задерживать преступника.

— А иначе Финне вернется, — добавила Дагни.

Возможно, что-то в ее голосе или в выражении лица заставило Ральфа закрыть рот. Он сделал шаг в сторону двери, приложил к ней ухо и несколько секунд прислушивался, держа двумя руками пистолет дулом вниз. Потом он толкнул дверь:

— Полиция! Руки вверх! — И скрылся в туалете.

Дагни ждала.

Она слышала, как хлопают двери кабинок.

Все восемь.

Полицейский вернулся.

Дагни вздохнула, едва сдерживая дрожь:

— Что, опоздали?

— Ума не приложу, как он это проделал, — ответил Ральф, хватая рацию. — Наверное, вскарабкался по стене и вылез в окошко под самым потолком.

— Птичка упорхнула, — тихо произнесла Дагни, пока полицейский вызывал подкрепление.

— Что?

— Финне не вскарабкался. Он *упорхнул*.

Глава 41

— Говорите, тут высота двадцать метров? — спросил следователь Крипоса Сон Мин Ларсен.

Он взглянул на вершину водопада Нурафоссен, откуда с шумом низвергалась вода, и вытер рукой лицо. Оно было влажным от брызг, которые порывы западного ветра доносили до самого берега. Грохот водопада заглушал шум автомобильного движения на дороге областного значения, проходившей по верху крутого склона, вдоль которого они спустились к реке.

— Так точно, двадцать, — подтвердил полицейский с лицом бульдога, представившийся Яном из офиса ленсмана в Сигдале. — Лететь всего две секунды, но при столкновении с землей скорость составляет семьдесят километров в час. Без шансов. — Он указывал короткой, неплотно прилегающей к круглому, словно шар, телу рукой на расплющенный остов белого «форда-эскорт», стоявшего на большой черной, отполированной до блеска каменной плите в том месте, где вода падала вниз и разбрызгивалась во все стороны.

Похоже на арт-инсталляцию, подумал Сон Мин Ларсен, на так называемое Ранчо «кадил-

лаков». Плагиат произведения Лорда, Маркеса и Михельса — наполовину закопанных в землю автомобилей в пустыне недалеко от города Амарилло, штат Техас. Они с папой проезжали там, когда Сон Мину было четырнадцать. Его отец хотел показать сыну фантастическую страну, где в свое время посещал летную школу и научился летать на «старфайтере» — истребителе, который, по его словам, представлял бóльшую опасность для самого пилота, чем для врагов. Во время той поездки отец часто повторял эту шутку между приступами кашля. У него был рак легких.

— Так что удивляться нечему, — заключил Ян из Сигдала, сдвигая полицейскую фуражку на затылок. — Водителя выбросило через лобовое стекло, и он разбился о камни: смерть наступила мгновенно. Труп утащило течением вниз по реке, а уровень воды сейчас такой высокий, что беднягу вряд ли куда-нибудь прибьет, прежде чем он доплывет до озера Сулеватн. А оно до сих пор покрыто льдом, так что мы еще долго этого парня не увидим, как пить дать.

— А что говорит шофер трейлера? — спросил Сон Мин Ларсен.

— Он сказал, что «форд-эскорт» выбросило на встречку, его водитель, судя по всему, полез

за чем-то в бардачок, как вдруг понял, что́ вот-вот произойдет, и в последний момент резким движением вернулся обратно на свою полосу. Свидетель сказал — все произошло так быстро, что он не успел заметить, что случилось. Когда он глянул в зеркало заднего вида, легковушки на дороге не было. Но поскольку этот участок дороги прямой, он должен был ее увидеть. Поэтому шофер остановился и позвонил нам. На асфальте следы резины и белый лак с ограждения, а во льду дыра — в том месте, куда свалился автомобиль.

— И что это, по-вашему? — спросил Ларсен. Налетел новый порыв ветра, и он автоматически прикрыл рукой галстук, хотя его плотно удерживала на месте булавка с логотипом авиакомпании «Пан Американ». — Несчастный случай или попытка самоубийства?

— Да какая там попытка? Говорю вам, бедняга мертв.

— Но как вы думаете, может, он хотел врезаться в трейлер, а в последнее мгновение лишился мужества?

Полицейский в сапогах с высокими голенищами переминался с ноги на ногу в месиве речной грязи и подтаявшего снега. Он посмотрел на начищенные ботинки фирмы «Лоук» Сон Мина

Ларсена и покачал головой:

— Обычно они так не делают.

— Кто *они*?

— Самоубийцы, которые приезжает на «зеленую милю». Потому что они… — Ян вздохнул, — уже все решили.

Ларсен услышал хруст сучьев у них за спиной, повернулся и увидел, как начальница отдела убийств Катрина Братт осторожно спускается по склону, держась за деревья. Она подошла к ним и вытерла руки о черные джинсы. Сон Мин внимательно смотрел на лицо Катрины, когда она протягивала чистую руку местному полицейскому и представлялась.

Бледная. Недавно накрашенная. Она что, плакала по дороге из Осло, а перед выходом из машины накрасилась? Конечно, ведь эта женщина хорошо знала Харри.

— Труп нашли? — спросила Катрина и кивнула, когда Ян из Сигдала отрицательно помотал головой.

Сон Мин догадывался, каким будет следующий вопрос. И оказался прав.

— То есть мы не знаем наверняка, погиб он или нет?

Ян тяжело вздохнул и снова нацепил на себя

маску скорби:

— При падении автомобиля с высоты двадцать метров развивается скорость семьдесят километров в час…

— Они уверены, что Холе мертв, — сказал Сон Мин.

— А вы здесь, потому что в Крипосе считают, будто это может быть как-то связано с убийством Ракели Фёуке, — констатировала Братт, не глядя на Сон Мина. Она разглядывала гротескную скульптуру в виде разбитой машины.

«А вы разве не поэтому?» — собирался спросить Сон Мин, но потом подумал, что, наверное, нет ничего удивительного в том, что начальница подразделения приехала осмотреть место, где погиб один из ее подчиненных. Ага. Почти два часа тряслась на машине, по дороге явно плакала. Может быть, их связывало нечто большее, чем просто рабочие отношения?

— Поднимемся к моей машине? — предложил он. — У меня есть кофе.

Катрина кивнула, и Сон Мин бросил быстрый выразительный взгляд на Яна, чтобы дать полицейскому понять: на него это любезное приглашение не распространяется.

Сон Мин с Катриной сели на передние сиденья

его «БМВ». Хотя Ларсен и получал компенсацию за бензин, пользоваться личной, а не служебной машиной Крипоса все равно было невыгодно. Но, как говорил его отец, жизнь слишком коротка, чтобы лишать себя удовольствия ездить на хороших автомобилях.

— Привет, — сказала Братт. Она просунула руку между спинками сидений и похлопала сидевшую сзади собаку, которая тоскливо глядела на них, положив голову на передние лапы.

— Каспаров — полицейская собака на пенсии, — пояснил Сон Мин, разливая кофе из термоса по бумажным стаканчикам. — Но он пережил своего хозяина, и я взял его себе.

— Вы любите собак?

— Не особенно, просто у этой никого не было. — Сон Мин протянул ей кофе. — Но к делу. Я как раз собирался арестовать Харри Холе.

— Арестовать? — переспросила она и взяла протянутую им салфетку. — На основании чего?

— Нам позвонили. Некто Фройнд. Сигурд Фройнд, если быть точным. Эксперт по трехмерным технологиям и расшифровке фото- и видеоизображений. Мы иногда пользуемся его услугами, и вы тоже. Фройнд поинтересовался, заключат ли с ним договор на ту работу, которую

он выполнил для инспектора Харри Холе.

— А почему этот эксперт позвонил вам? Холе ведь работает у нас.

— Полагаю, именно поэтому. Фройнд сказал, что Харри Холе попросил направить счет на его личный адрес, что весьма необычно. Фройнд просто хотел удостовериться, что все сделал правильно. Впоследствии он также обратил внимание на то, что рост самого Харри Холе находится в диапазоне от метра девяноста до метра девяносто пяти, как и у человека на снимках. А потом Фройнд поговорил с сотрудниками Полицейского управления Осло и выяснил, что инспектор Холе ездит на белом «форде-эскорт», а именно такой автомобиль фигурирует на видеозаписи. Он переслал снимки нам. Они сделаны так называемой фотоловушкой, которая была установлена недалеко от дома Ракели. Время совпадает с предполагаемым временем убийства. Фотоловушку демонтировали, и наверняка это сделал тот единственный человек, кому было известно о ее существовании.

— Единственный?

— Когда такую камеру устанавливают в густонаселенных районах, то с ее помощью обычно шпионят. Например, за супругом. Мы отправили

фотографию Холе всем продавцам фотоловушек в Осло, и один пожилой мужчина, бывший владелец магазина «Сименсен: всё для охоты и рыбалки», опознал его.

— Но с какой стати Хар… Холе было заказывать анализ снимков, если он знал, что они его выдадут?

— А почему он вообще сделал это, не сообщив никому в полиции?

— Харри Холе временно отстранен от работы. Если он расследовал убийство своей жены, то делал это тайком.

— В таком случае несравненный Харри Холе только что превзошел самого себя и разоблачил свое собственное преступление.

Катрина Братт не ответила. Она прикрыла рот бумажным стаканчиком, который покачивала, глядя сквозь лобовое стекло на угасающий свет дня.

— Однако, похоже, в действительности все обстояло как раз наоборот, — продолжил Сон Мин. — Он хотел с помощью эксперта проверить, возможно ли технически установить, что человек, который входит в дом Ракели Фёуке и выходит из него в предполагаемое время убийства, — это он. Если бы Сигурд Фройнд не смог

выяснить, кто запечатлен на снимке, то Холе спокойно передал бы все изображения нам, поскольку они подтверждают, что некто был в доме Ракели в то время, на которое у него самого имелось алиби. Его алиби укрепилось бы, потому что снимки совпадают с выводами судмедэкспертов о том, что Ракель Фёуке убили в промежутке между десятью вечера и двумя часами ночи, а как раз в двадцать три двадцать один, если верить снимкам, к ней кто-то приехал.

— Но у него действительно есть алиби!

Сон Мин собирался сказать очевидное: алиби это основывалось на показаниях одного-единственного свидетеля, а опыт показывает, что на такие показания особо полагаться нельзя. Не потому, что свидетели ненадежны по своей природе, а потому, что память играет с нами шутки, а чувства слабее, чем мы думаем. Но в голосе Катрины Ларсен услышал отчаяние, а в глазах заметил неприкрытую боль. И потому произнес:

— Один из наших следователей сейчас беседует с Гюле, соседом Холе. Они реконструируют ситуацию, чтобы проверить алиби Холе.

— Бьёрн говорит, что, когда он уходил из квартиры Харри, тот был мертвецки пьян и не в состоянии…

– *Якобы* мертвецки пьян, — уточнил Сон Мин. — Я считаю, что алкоголику со стажем нетрудно убедительно изобразить опьянение. Но похоже, он перестарался.

— Что?

— По словам Петера Рингдала, владельца…

— Я знаю, кто это.

— Так вот, Рингдал утверждает, что и раньше видел Холе пьяным, но не до такой степени, чтобы он не мог добраться до дому самостоятельно. Переносимость алкоголя у Холе лучше, чем у многих других, и Рингдал считает, что выпил он в тот вечер как обычно. Вполне возможно, Холе хотел казаться более немощным, чем был на самом деле.

— Это что-то новенькое.

— Поскольку считалось, что у Холе есть алиби, никто особенно основательно его не проверял. Но утром после разговора с Фройндом я заскочил к Петеру Рингдалу. Выяснилось, что незадолго до меня туда заходил Харри Холе, и со слов владельца бара у меня сложилось впечатление, что Холе понял, что сеть вот-вот опутает его, а потому отчаянно искал козла отпущения. Но когда он сообразил, что Рингдала в этом качестве использовать не получится, его последняя надежда

испарилась и он… — Сон Мин указал рукой на дорогу перед ними, чтобы его собеседница сформулировала эту мысль своими словами.

Катрина Братт подняла подбородок, как делают мужчины определенного возраста, когда их шею сжимает слишком тугой воротничок, но сейчас у Сон Мина возникли ассоциации со спортсменом, который пытается мысленно взбодриться, стряхнуть с себя проигранные очки, перед тем как продолжить борьбу.

— Какие еще версии есть у Крипоса?

Сон Мин посмотрел на Катрину. Он что, неясно выразился? Неужели она не поняла, что это не *версия*, а освещенный четырехполосный автобан, на котором не смог бы заблудиться даже Уле Винтер, и они уже достигли цели, хотя и не имели на руках бренных останков виновного. И Ларсен твердо ответил:

— Больше никаких версий у нас нет.

Катрина Братт все кивала и кивала, то моргая, то не мигая глядя прямо перед собой, как будто для осмысления этого простого, в общем-то, факта ей требовалось приложить серьезные ментальные усилия.

— Но если Харри Холе погиб, — сказала она, — то Крипосу нет смысла торопиться и объявлять

его главным подозреваемым.

Сон Мин тоже начал кивать. Не оттого, что давал ей какое-то обещание, а чтобы показать, что он понимает, почему собеседница об этом просит.

— Местная полиция выпустила пресс-релиз, что-то вроде «Мужчина пропал без вести после падения автомобиля в реку с дороги номер двести восемьдесят семь», — сказал он, сделав вид, будто не знает, что это дословная цитата. Весь его опыт подсказывал, что собеседник начинает нервничать и становится менее общительным, если продемонстрировать ему слишком хорошую память, слишком хорошее умение разбираться в людях или слишком логическое мышление. — Лично я не думаю, что Крипос испытывает потребность давать общественности более подробную информацию, но решение будет принимать мое начальство.

— То есть Винтер?

Сон Мин посмотрел на Катрину Братт, спрашивая себя, зачем ей потребовалось произносить имя его шефа вслух. Но похоже, Катрина сделала это без всякой задней мысли, и не имелось никаких оснований полагать, что ей известно, сколь неприятно Ларсену было напоминание о

том, что он вынужден подчиняться Уле Винтеру. И неудивительно, ведь сам Сон Мин никогда ни одной живой душе не говорил, что считает Винтера посредственным следователем и слабым руководителем. Слабым не в смысле мягкотелым и излишне уступчивым, а, наоборот, по-старомодному авторитарным и упрямым. Винтер никогда не признавал собственных ошибок, что, по мнению Ларсена, свидетельствовало о комплексе неполноценности. Давно пора передать больше полномочий молодым коллегам, у которых имеются свежие идеи. И если уж совсем честно, более умным и способным. Но все это Сон Мин держал при себе, поскольку считал, что так во всем Крипосе думает только он один.

— Я могу сама поговорить с Винтером, — предложила Катрина Братт. — И связаться с офисом ленсмана в Сигдале. Они в любом случае не обнародуют имя пропавшего до того, как проинформируют его родственников, а если я возьму эту печальную миссию на себя, то смогу контролировать ситуацию.

— Хорошо придумано, — произнес Сон Мин. — Но вечно скрывать его имя невозможно, и ни вы, ни я не сможем помешать общественному мнению, когда СМИ узнают, что погибший…

— Пропавший.

— …является супругом женщины, которую совсем недавно убили.

Он заметил, что по телу Катрины Братт будто прошла дрожь. Снова расплачется? Нет, не сейчас. А вот когда окажется одна в своей машине — почти наверняка.

— Спасибо за кофе, — поблагодарила Катрина, открывая дверь. — Будем на связи.

Добравшись до Сулеватна, Катрина Братт заехала на пустую площадку для отдыха, припарковалась и оглядела большое, покрытое льдом озеро, пытаясь хоть немного успокоиться. Когда ей удалось усмирить пульс, она вынула телефон и увидела, что ей пришло сообщение от Кари Бил, телохранительницы Дагни Йенсен, но решила прочитать его позже. Она позвонила Олегу и рассказала о том, что произошла авария и машина Харри свалилась в реку.

В трубке воцарилась продолжительная тишина. А когда Олег заговорил, голос его звучал на удивление спокойно, как будто случившееся не стало для него страшным потрясением, как ожидала Катрина.

— Это не несчастный случай, — произнес Олег. — Харри сам лишил себя жизни.

Катрина собиралась было сказать, что не знает, но потом поняла: это не вопрос.

— На поиски тела может уйти немало времени, — произнесла она. — Озеро еще покрыто льдом.

— Я приеду, — ответил Олег. — У меня есть сертификат водолаза. Раньше я боялся воды, но потом…

На мгновение стало тихо, и Катрина подумала, что связь прервалась. Но затем услышала долгий дрожащий вздох, и Олег продолжил говорить, борясь с подступающими рыданиями:

— …Харри научил меня плавать.

Она ждала. Вновь раздавшийся в трубке голос снова стал твердым:

— Я свяжусь с офисом ленсмана в Сигдале и спрошу, можно ли нам с поисковой группой понырять. А потом поговорю с Сес.

Катрина попросила Олега сообщить, если она может что-нибудь сделать для него, дала ему номер прямого рабочего телефона и отсоединилась. А потом откинулась на подголовник и заплакала.

Глава 42

Половина пятого. Последний клиент на сегодня. Эрланд Мадсен недавно обсуждал с одним психиатром, где проходит граница между терминами «клиент» и «пациент». Обусловлена ли она названиями их профессий, психотерапевт и психиатр, или же тем, принимает человек лекарства или обходится без них. Самому Мадсену невозможность выписывать рецепты иногда казалась помехой, особенно в случаях, когда он точно знал, что́ требовалось его клиенту, но был вынужден направлять его к психиатру, который знает намного меньше, чем он, скажем, о том же посттравматическом стрессовом расстройстве.

Эрланд Мадсен сложил руки. Обычно он поступал так, когда они с клиентом заканчивали обмен вежливыми фразами и собирались приступить к обсуждению того, для чего, собственно, и встретились. Он делал это на автомате, не задумываясь, но когда обратил внимание на этот ритуал, то провел небольшое исследование — и вот что выяснилось. Историки религии полагают, что данный жест пришел к нам из тех времен, когда пленников связывали стеблями или веревками,

и, таким образом, сложенные руки постепенно превратились в символ подчинения. В Древнем Риме побежденный солдат мог сдаться и молить о помиловании, показав сложенные руки. Христианская молитва о милосердии, обращенная к всемогущему Богу, была, в общем-то, другой стороной того же самого явления. Значит, когда Эрланд Мадсен складывал руки, он подчинялся клиенту? Вряд ли. Скорее уж психотерапевт от имени клиента и от своего собственного подчинялся сомнительным авторитетам в области психологии и психотерапии и постоянно меняющимся догмам; точно так же священники, эти флюгеры теологии, просят свою паству отвергнуть вечные истины вчерашнего дня и принять сегодняшние. Но в отличие от священников, которые, складывая руки, призывали помолиться, Мадсен обычно говорил: «Давайте начнем с того, на чем мы остановились в прошлый раз».

Он дождался от Руара Бора кивка, а потом продолжил:

— Поговорим об убийствах. Итак, во время нашей предыдущей беседы вы назвали себя… — Мадсен заглянул в записи, — монстром. Почему?

Бор прочистил горло, и Мадсен увидел, что он тоже сложил руки. Неосознанное подражание

— весьма распространенное явление.

— Я довольно рано сообразил, что являюсь монстром, — сказал Бор. — Потому что мне очень хотелось убивать…

Эрланд Мадсен пытался сохранить нейтральное выражение лица, не показывая, что ему очень хочется услышать продолжение, а, напротив, демонстрируя открытость, готовность слушать спокойно, не осуждая. Профессионал обязан скрывать любопытство, жажду сенсации, желание узнать занимательную историю. Но разве Мадсену не следовало признать, что он с особым нетерпением ждал именно этого сеанса, этого разговора, этой темы? Да, он должен вести себя соответствующим образом. С другой стороны, кто сказал, что ключевое переживание клиента не может быть развлечением для психотерапевта? И, хорошенько поразмыслив, Мадсен пришел к выводу, что это абсолютно правильно: все, что идет на пользу клиенту, автоматически должно вызывать любопытство у каждого серьезного психотерапевта, пекущегося о благе человека, который к нему пришел. А Мадсен был знающим и добросовестным специалистом. И теперь, когда он расставил причину и следствие в правильном порядке, он не просто переплел пальцы, но и

прижал ладони друг к другу.

— Мне так хотелось убивать, — повторил Руар Бор. — Но я не мог. И поэтому считал себя уродом.

Он замолчал. Мадсену пришлось считать про себя, чтобы не прервать паузу слишком быстро. Четыре, пять, шесть.

— Вы не могли?

— Нет. Думал, что могу, но ошибался. В армии работают психологи, в задачи которых входит научить солдат убивать. Но особые подразделения вроде спецназа их услугами не пользуются. Опыт показывает, что люди, подающие заявления в такие структуры, уже настолько мотивированы, можно даже сказать, супермотивированы, что тратить время и деньги на психологов не имеет никакого смысла. Я был уверен, что с этим у меня проблем не возникнет. В то время, когда мы учились убивать, абсолютно ничто — ни мои мысли, ни чувства — не указывало на то, что у меня могут появиться какие-то возражения против этого. Как раз наоборот, я бы сказал.

— Когда вы обнаружили, что не можете убивать?

Бор вздохнул:

— Это случилось в Басре, в Ираке, во время

совместного рейда с американским спецназом. Мы использовали тактику змеи, взорвали стену и ворвались в дом, откуда, по словам наших наблюдателей, велся огонь. В доме находилась девочка лет четырнадцати-пятнадцати. На ней было голубое платье, лицо ее посерело от пыли после взрыва, а в руках она держала калашников размером с нее саму. Автомат был направлен на меня. Я попытался застрелить ее, но внезапно впал в ступор. Указательный палец не подчинялся приказу мозга: отказывался нажимать на спусковой крючок, и все тут. Девочка начала стрелять, но ее по-прежнему ослепляла пыль, и пули летели в стену за моей спиной; помню, я чувствовал, как кирпичные крошки бьют мне в спину. А я по-прежнему так и стоял. Девчушку пристрелил один из американцев. Маленькое тельце повалилось на диван, покрытый разноцветными коврами, уронив столик с фотографиями, вроде бы на них были запечатлены ее дедушка и бабушка.

Молчание.

— А что вы при этом чувствовали?

— Ничего, — сказал Бор. — Я ничего не чувствовал в последующие несколько лет. Кроме дикой паники при мысли о том, что могу оказаться в

схожей ситуации и снова дать маху. Как я уже говорил, с мотивацией у меня все было в порядке. Просто в голове что-то не срабатывало. Или же, напротив, работало слишком хорошо. И я решил продвигаться по линии руководителей, а не исполнителей; мне казалось, я лучше приспособлен для такой деятельности. И это правда.

— Значит, вы ничего *не чувствовали*?

— Нет. Только эти приступы паники. И поскольку они были единственной альтернативой отсутствию чувств, мне это казалось нормальным.

— Comfortably Numb[51].

— Что?

— Простите. Продолжайте.

— Когда мне в первый раз указали на то, что у меня имеются симптомы ПТСР — сонливость, раздражительность, учащенное сердцебиение, — я не особо расстроился. Все в спецназе знали о ПТСР, однако всерьез его не воспринимали, считали полной ерундой, которой подвержены лишь слабаки. Нет, прямо вслух никто так не заявлял, но вы же знаете, как самоуверенны спецназовцы, которые гордятся, что у них в крови выше уро-

[51] Примечания: 51

«Приятное оцепенение» *(англ.)* — песня британской рок-группы «Пинк Флойд» из альбома «The Wall».

вень нейропептида Y и все такое прочее.

Мадсен кивнул. Проводились исследования, результаты которых подтверждали, что способ отбора в войска специального назначения оставлял за бортом всех тех, у кого был средний или низкий уровень нейропептида Y, нейромедиатора, понижающего уровень стресса. Некоторые спецназовцы всерьез полагали, что эта генетическая особенность вкупе с тренировками и крепким телосложением делала их невосприимчивыми к ПТСР.

— Не считалось зазорным признаться, что у тебя иной раз случались кошмары, — сказал Бор. — Ведь это говорит в пользу того, что ты не конченый социопат. А в остальном, мне кажется, мы относились к ПТСР так же, как наши родители к курению: пока все этому подвержены, это не *слишком* опасно. Но у меня дела шли все хуже и хуже…

— Да, — произнес Мадсен, листая назад страницы блокнота. — Об этом мы говорили. Но вы также сказали, что в какой-то момент ситуация улучшилась.

— Да, лучше стало, когда я наконец-то смог убить.

Эрланд Мадсен оторвал глаза от блокнота и

снял очки, проделав этот драматический жест совершенно неосознанно.

— Убить кого? — И тут же прикусил язык. Ну что за вопрос для профессионала? И действительно ли он хотел знать ответ?

— Насильника. Кто он, не имеет значения, но этот тип изнасиловал и убил женщину, которую звали Хала, она была моей личной переводчицей в Афганистане.

Пауза.

— Почему вы назвали его насильником?

— Что?

— Вы сказали, что он убил вашу переводчицу. Разве это не хуже, чем изнасиловать? Разве не правильнее будет сказать, что вы лишили жизни убийцу?

Бор смотрел на Мадсена так, словно психотерапевт сказал нечто такое, о чем сам он не задумывался. Он провел языком по губам и открыл было рот, чтобы ответить. Но потом снова закрыл его. И еще раз облизал губы.

— Дело в том, что я ищу, — пояснил он. — Я ищу того, кто изнасиловал Бьянку.

— Вашу младшую сестру?

— Он должен расплатиться. Все должны расплачиваться за свои прегрешения.

— И вы тоже?

— Я должен заплатить за то, что не сумел защитить ее. Так же, как сама она защищала меня.

— А каким образом младшая сестра вас защищала?

— Она хранила все в тайне. — Бор вздохнул и задрожал. — Бьянка уже была больна, когда наконец-то призналась мне, что в семнадцать лет подверглась насилию, но я знал, что она говорит правду, все сходилось. Она рассказала мне об этом, потому что была уверена, что беременна, хотя после того случая прошло несколько лет. Бедняжка говорила, что чувствует, как ребенок растет — очень медленно, он похож на опухоль или на камень, и, чтобы выбраться наружу, он ее убьет. Мы были тогда в нашем загородном доме, и я пообещал Бьянке, что помогу ей избавиться от плода, но она заявила, что в таком случае он, насильник, явится и убьет меня, как и обещал. И я дал сестре снотворное, а на следующее утро сказал, что это была таблетка для абортов и она больше не беременна. Она впала в истерику. Позже, когда Бьянку снова положили в больницу, а я пришел ее навестить, психиатр показал мне ее рисунок. Она изобразила орла, выкрикивающего мое имя. А еще она болтала что-то об аборте и о

том, что мы с ней убили *меня*. Я принял решение хранить нашу тайну. Не знаю, помогло ли это. В любом случае Бьянка предпочла умереть сама, вместо того чтобы умер я, ее старший брат.

— И вы не смогли этому воспрепятствовать. Значит, вам пришлось расплачиваться?

— Да. Я мог расплатиться, только отомстив за нее. Остановив насильников. Я поэтому и в армию пошел, поэтому подал заявление в спецназ. Я хотел быть уверенным. А потом Халу тоже изнасиловали…

— И вы убили того, кто поступил с Халой так же, как поступили с вашей сестрой?

— Да.

— И что вы почувствовали после этого?

— Как я и сказал, ситуация улучшилась. Убийство заставило меня почувствовать, что я больше не урод.

Мадсен опустил глаза вниз, на чистый лист блокнота. Он перестал писать и кашлянул.

— Значит… теперь вы расплатились?

— Нет.

— Но почему?

— Я не нашел того, кто изнасиловал Бьянку. К тому же есть и другие.

— Другие насильники, которых необходимо

остановить, вы хотите сказать?

— Да.

— И вы бы охотно их остановили?

— Да.

— Убив их?

— Это действует. От этого становится лучше.

Эрланд Мадсен помедлил. К сложившейся ситуации следовало подойти грамотно как с медицинской, так и с юридической точки зрения.

— Убийства — это то, о чем вам просто нравится думать, или же вы собираетесь найти этих людей и реализовать свои планы?

— Пока точно не знаю.

— Вы хотите, чтобы вас кто-нибудь остановил?

— Нет.

— Чего же вы тогда хотите?

— Я хочу, чтобы вы сказали мне, как вы думаете, поможет ли это и в следующий раз?

— Убийство?

— Да.

Эрланд Мадсен внимательно смотрел на Руара Бора. Но весь его опыт подсказывал, что ответа на лице Бора, в его мимике и языке тела он не найдет, слишком многое из этого стало привычкой. Ответы можно отыскать в словах. А сейчас ему задали вопрос, на который он не мог ответить.

Правдиво. Честно. Психотерапевт посмотрел на часы и сообщил:

— Наше время истекло. Давайте продолжим в четверг.

— Я ухожу, — раздался от двери женский голос.

Эрланд Мадсен оторвал взгляд от лежавшей перед ним на письменном столе папки, которую только что получил из архива. Голос принадлежал Туриль, секретарше, которую делили между собой шестеро психотерапевтов, работавших в этом офисе. Она стояла уже в пальто и смотрела на Эрланда взглядом, означавшим, что он должен не забыть что-то такое, о чем она из деликатности не могла сказать напрямую.

Эрланд Мадсен поглядел на часы. Шесть. И вспомнил, о чем речь. Сегодня он должен уложить спать детей, потому что жена будет помогать своей матери наводить порядок на чердаке.

Но сначала ему необходимо разобраться в этом деле.

Два клиента. Несколько совпадений. Оба служили в Кабуле, сроки их контрактов частично совпадали. Оба обратились к нему, потому что у них наблюдались симптомы ПТСР. И вот что он обнаружил в записях: оба хорошо знали некую Халу. Конечно, не исключено, что это женское

имя просто распространено в Афганистане, однако вряд ли несколько Хал работали в Кабуле переводчицами у норвежского полковника. Руар Бор после гибели младшей сестры чувствовал по отношению к женщинам-подчиненным и вообще к женщинам моложе себя огромную ответственность, граничащую с паранойей.

У второго клиента сложились еще более тесные отношения с Халой. Они стали любовниками.

Эрланд Мадсен записывал все подробно, а потому знал, что любовники сделали одинаковые татуировки. Не со своими именами, поскольку, если бы они попали в лапы к талибам или другим правоверным, то могли бы оказаться в опасности. Вместо этого они вытатуировали на своих телах слово «друг» (Хала — на норвежском, а его клиент — на фарси), и это связало их до конца дней.

Но не это совпадение было самым важным.

Эрланд Мадсен водил пальцем по странице и наконец нашел то, что искал. Ну да, он все запомнил правильно: и Бор, и второй клиент оба утверждали, что после убийства испытали облегчение. Он даже сделал на полях пометку для себя: «ВНИМАНИЕ! Подробнее поговорить об этом в следующий раз. Что значит — *после убийства почувствовала себя лучше*?»

Эрланд Мадсен посмотрел на часы. Ему придется взять записи домой и дочитать их после того, как заснут дети. Он захлопнул папку и перетянул ее красной резинкой. Резинка перечеркнула имя, написанное на лицевой стороне папки: Кайя Сульнес.

Глава 43

Тремя месяцами ранее

Эрланд Мадсен украдкой бросил взгляд на часы. Скоро сеанс закончится. Жаль. Хотя они встречались всего лишь во второй раз, сомнений в том, что эта клиентка, Кайя Сульнес, представляла собой интересный случай, у него не было. Она отвечала за безопасность в Красном Кресте, и эта должность изначально не предполагала подверженности травмам, способным привести к ПТСР, как, например, у непосредственных участников боев. Но она рассказала, что постоянно наблюдала военные действия, что прямо перед носом у нее ежедневно разворачивались ужасы, которые обычно видят только сражающиеся на передовой солдаты, а это рано или поздно обязательно повреждает человеческую психику. Психотерапевта заинтересовало то, что эта женщина, казалось, не понимала, что не просто оказывалась в опасных ситуациях, но более или менее сознательно сама их искала. Имелось и другое любопытное обстоятельство: во время психологической разгрузки в Таллине она не

продемонстрировала никаких симптомов ПТСР, но после возвращения в Норвегию сама проявила инициативу и записалась к нему на прием. Большинство вернувшихся солдат направляли на беседы к психологам, они, можно сказать, были обязаны посещать специалистов. Однако многие из них воспринимали это в штыки, не желали откровенничать, а некоторые так даже прямо заявляли, что психотерапия предназначена для слабаков, и злились, когда понимали, что Мадсен не может выписать им снотворное, за которым они явились. «Я просто хочу спать!» — говорили эти люди, не осознавая, насколько больны, вплоть до того дня, когда обнаруживали себя в полном одиночестве: губы сомкнуты вокруг дула пистолета, а по щекам текут слезы. Те, кто отказывался ходить к психологу, получали, конечно, свои таблетки — антидепрессанты и снотворное. Но опыт Мадсена показывал, что его метод, когнитивная антитравматическая терапия, помогал. Это не экстренная кризисная терапия, пользовавшаяся большой популярностью до тех пор, пока исследования не доказали, что она абсолютно неэффективна; нет, Мадсен практиковал продолжительное лечение, при котором клиент переживает травматические

воспоминания и постепенно учится жить как с ними, так и с реакциями на них собственного организма. Необходимо время. И верить в то, что существует мгновенное решение, что такие раны можно залечить за одну ночь, в лучшем случае наивно, а в худшем — опасно.

А вот Кайя Сульнес, судя по всему, пришла именно за травматическими воспоминаниями. Она хотела говорить о пережитом. Быстро и много. Так быстро и так много, что ему приходилось ее притормаживать. Но казалось, у нее мало времени, она хотела получить ответы немедленно.

— Антон был швейцарцем, — сказала Кайя Сульнес. — Врачом, работавшим на швейцарский Красный Крест. Я была в него сильно влюблена. А он в меня. Вернее, это я так думала.

— То есть вы считаете, что ошибались?

— Нет. Не знаю. Он бросил меня, заявил, что нам лучше расстаться. Ну, пожалуй, «расстаться» не совсем подходящее слово. Когда люди вместе находятся в зоне военных действий, то расстаться в принципе невозможно: мы ведь жили и работали бок о бок. Но он рассказал мне, что встретил другую женщину. — Она засмеялась. — «Встретил» тоже не совсем верное слово. Соня работала медсестрой в Красном Кресте. Она тоже

приехала из Швейцарии. Антон предпочитал красивых женщин, поэтому, само собой разумеется, она была красива. И умна. Отличалась великолепными манерами. Происходила из хорошей семьи. Швейцария ведь такая страна, где это еще что-то значит. Но хуже всего было то, что Соня вызывала симпатию. Она умела по-настоящему сопереживать, она приходила на работу вся буквально заряженная энергией, мужеством и любовью. Я слышала, как она плачет ночью после проведения жестких операций, когда было много погибших и раненых. И она была очень добра ко мне, причем совершенно искренне. Она говорила: «Merci vilmal»[52]. Не знаю, по-немецки это, по-французски или же на обоих языках сразу, но Соня постоянно это повторяла: «Спасибо, спасибо, спасибо». Насколько мне известно, когда она появилась на горизонте, то ничего не знала о том, что нас с Антоном связывают какие-то отношения; он был женат, поэтому мы все держали в тайне. И теперь настал черед Сони хранить все в тайне. Парадоксально, но я стала единственным человеком, кому она доверилась. Она пожаловалась мне, что любовник пообещал ей уйти от

[52] Примечания: 52

«Большое спасибо» на смеси французского и немецкого языков; распространенное в Швейцарии выражение благодарности.

жены, но все время это откладывает. Я слушала, утешала ее и ненавидела все больше и больше. Не потому, что Соня была плохим человеком, а, наоборот, потому, что она была очень хорошей. Вам это кажется странным, Мадсен?

Эрланд Мадсен немного удивился, что она обратилась к нему по фамилии, обычно Кайя называла его просто «доктор».

— А *вам* это кажется странным?

— Нет, — ответила Кайя Сульнес, немного поразмыслив. — Я ненавидела Соню, потому что именно она, а не хронически больная состоятельная жена Антона стояла между мной и Антоном, да?

— Это логично. Продолжайте.

— Дело было недалеко от Басры. Вам не приходилось там бывать?

— Нет.

— Самый жаркий город на земле. Не будешь пить — умрешь, как говорили журналисты в баре отеля «Султан Палас». А по ночам из пустыни приходили гигантские хищные медоеды, они охотились на улицах и пожирали все, что находили. Крестьяне из окрестных сел утверждали, что медоеды начали даже нападать на их коров. Люди боялись этих зверей до смерти. Но зато

финики в Басре просто восхитительные.

— Уже кое-что.

— Короче говоря, нас вызвали на ферму, где несколько коров проломили ветхое ограждение минного поля. Отец с сыном помчались за ними, чтобы выгнать животных оттуда. Как выяснилось впоследствии, крестьяне думали, что там только противопехотные мины. Они похожи на цветочные горшки с торчащими проводами, их хорошо видно и легко обойти. Но на поле находились также мины ПРОМ-1, а их заметить значительно сложнее. Кроме того, ПРОМ-1 — это современный вариант «прыгающей Бетти».

Мадсен кивнул. Большинство мин лишало своих жертв ног и нижней части тела, а эта выпрыгивала из земли, когда на нее наступишь, и взрывалась на уровне груди.

— Почти вся скотина вернулась назад целая и невредимая, не знаю уж, в чем дело: инстинкт сработал или же коровам просто повезло. Отец тоже почти покинул пределы поля, как вдруг прямо у самого забора наступил на ПРОМ-1. Она выпрыгнула и изрешетила его осколками. Но поскольку эти мины выскакивают из земли, они часто наносят повреждения также и людям, находящимся на большом расстоянии. Сын крестьянина забе-

жал на тридцать-сорок метров дальше, чтобы вернуть последнюю корову, но осколками задело и его. Мы вытащили с поля отца и попытались его спасти, пока парень лежал на минном поле и орал от боли. Его крики были невыносимы, но солнце уже садилось, а мы не могли пойти по минному полю, где имелись ПРОМ-1, без миноискателя, нам надо было дождаться подкрепления. И вот приехала машина Красного Креста. Из нее выпрыгнула Соня. Она услышала крики, подбежала ко мне и спросила, что за мины на поле. Она положила руку мне на плечо, как обычно делала, и я заметила на ее пальце кольцо, которого раньше там не было. Помолвочное кольцо. И я поняла, что Антон решился и наконец ушел от жены. Мы стояли поодаль от остальных, и я сказала Соне: «Противопехотные». И когда я сделала вдох, чтобы добавить, что там еще есть ПРОМ-1, она уже неслась к минному полю. Я кричала ей вслед, но, видимо, не слишком громко, и к тому же меня заглушали крики раненого парня.

Кайя взяла чашку с чаем, которую подал ей врач, и посмотрела на собеседника. Психотерапевт понял: она знает, что он с нетерпением ждет окончания истории.

— Соня погибла. Отец тоже. А вот парень вы-

жил.

Эрланд нарисовал в блокноте три вертикальные черточки. Две из них перечеркнул горизонтальной.

— Вы чувствуете вину? — спросил он.

— Разумеется. — На ее лице было написано удивление. Услышал ли Мадсен тень раздражения в ее голосе, или же ему показалось?

— Почему *разумеется*, Кайя?

— Потому что это я ее убила. Я убила человека, в котором не было ни капли зла.

— Вам не кажется, что сейчас вы слишком строги к себе? Вы же сказали, что пытались предупредить Соню.

— За такие деньги, Мадсен, вы могли бы более внимательно слушать то, что вам рассказывают. — В голосе ее отчетливо прозвучала агрессия, хотя выражение лица оставалось по-прежнему мягким.

— Чего же, по вашему мнению, я не услышал, Кайя?

— Можно успеть сделать вдох и прокричать: «ПРОМ-1!» — до того, как человек повернется к тебе спиной, перепрыгнет через забор и наступит на одну из этих жутких мин, Мадсен. И твои крики не смогут заглушить вопли парня, лежащего

от тебя на расстоянии примерно в половину футбольного поля.

На несколько секунд в кабинете воцарилась тишина.

— Вы еще с кем-нибудь об этом говорили?

— Нет. Как я уже упоминала, наши отношения с Соней касались только нас двоих. Я сказала остальным, что предупредила ее насчет ПРОМ-1. Никто не удивился, ведь все знали, насколько самоотверженной была эта девушка. Во время поминок в лагере Антон сказал мне, что Соня слишком хотела, чтобы все приняли и полюбили ее, и именно это в конце концов и погубило бедняжку. Я потом думала об этом: насколько опасным может стать желание быть любимым. Только я одна знала правду о случившемся. А теперь вот еще и вы узнали. — Кайя улыбнулась, обнажив маленькие острые зубы.

Как будто они — два подростка, связанные одной тайной, подумал Эрланд.

— Какие последствия имела для вас эта история?

— Я вернула Антона.

— Вы вернули Антона. И все?

— Да.

— А как вы думаете, почему вам хотелось вер-

нуть человека, который предал ваши чувства?

— Я хотела, чтобы Антон был рядом со мной, чтобы наблюдать за его страданиями. Видеть, как он скорбит о потере, как горе пожирает его изнутри, совсем как меня раньше. Я пробыла с ним какое-то время, а потом заявила, что больше его не люблю, и ушла от него.

— Вы отомстили?

— Да. А потом до меня дошло, почему я с самого начала хотела заполучить Антона.

— И почему же?

— Потому, что он был женат и недоступен. И потому, что был высоким и светловолосым. Антон напоминал мне одного человека, которого я любила раньше.

Эрланд подумал, что этот факт тоже важен, но к нему они, возможно, вернутся несколько позже.

— Давайте поговорим о психологической травме, Кайя. Вы говорили, что испытывали чувство вины. Но позвольте мне задать вопрос, который вы, возможно, сочтете похожим, хотя на самом деле он о другом. Вы раскаивались?

Кайя уперлась указательным пальцем в подбородок, будто хотела показать ему, что задумалась.

— Да, — сказала она. — Но одновременно это

принесло мне и странное облегчение. Я почувствовала себя лучше.

— Вы почувствовали облегчение, когда Соня умерла?

— Вы хотите сказать — после того, как я *убила* Соню? Да, после убийства я почувствовала себя лучше.

Эрланд Мадсен зафиксировал эту ее последнюю фразу в истории болезни и уточнил:

— Можете описать, что именно входит в понятие «лучше»?

— Свобода. Я ощутила себя свободной. Убить — это все равно как перейти границу между странами. Тебе кажется, будто это непреодолимая преграда, что-то вроде стены, но когда ты ее пересекаешь, то понимаешь: это всего лишь условная линия, начерченная людьми на карте. Мы с Соней обе перешли границу. Она была мертва, а я была свободна. Но я чувствовала себя лучше прежде всего потому, что человек, предавший меня, испытывал страдания.

— Вы говорите об Антоне?

— Да. Он страдал вместо меня. Антон был моим Иисусом. Моим личным Иисусом.

— Каким образом?

— Я распяла его на кресте, чтобы он мог взять

на себя мои страдания, а ведь точно так же люди поступили с Иисусом. Потому что Иисус ведь не добровольно взошел на крест, Он страдал не по своей воле, это *мы* распяли Его, в этом все дело. Мы достигли спасения и вечной жизни, убив Иисуса. Бог мало что мог сделать. Он не приносил в жертву своего сына. Если правда, что Бог дал человеку свободную волю, то, значит, мы убили Иисуса против воли Божьей. И в тот день, когда мы поймем это, поймем, что можем поступать против воли Господа, в тот день мы освободимся, Мадсен. И тогда уже может произойти все, что угодно.

Кайя Сульнес рассмеялась, а Эрланд Мадсен отчаянно старался сформулировать следующий вопрос. Но это у него никак не получалось, и он просто сидел и смотрел, как странно блестят ее глаза.

— Я вот о чем хотела вас спросить, — сказала Кайя. — Если я один раз испытала такое освобождение, то стоит ли мне повторить? Следует ли мне распять настоящего Иисуса? Или же я просто сошла с ума?

Эрланд Мадсен облизал губы.

— А кто настоящий Иисус?

— Вы не ответили на мой вопрос. У вас есть для

меня ответ, доктор?

— Все зависит от того, о чем вы на самом деле спрашиваете.

Кайя улыбнулась и тяжело вздохнула.

— Ну вот… — протянула она, посмотрев на часы на узком запястье. — Кажется, наше время истекло.

После ее ухода Эрланд Мадсен некоторое время сидел и перечитывал свои записи, а потом сделал на полях пометку: «ВНИМАНИЕ! Подробнее поговорить об этом в следующий раз. Что значит — *после убийства почувствовала себя лучше*?»

Через два дня Туриль сказала, что в приемную звонила некая Кайя Сульнес и просила передать доктору Мадсену, что следующий сеанс отменяется: она больше не будет ходить к психотерапевту, поскольку уже нашла решение своей проблемы.

Глава 44

Александра Стурдза сидела за столиком у окна в пустой столовой Государственной больницы. Впереди ее ожидали чашка черного кофе и еще один длинный рабочий день. Накануне она проработала до полуночи и спала всего пять часов, поэтому ей требовались все доступные стимуляторы.

Солнце взбиралось на небо. Этот город походил на женщину, которая при правильном освещении может показаться ослепительно-красивой, но уже в следующий момент стать настолько обычной, что ее перестаешь замечать, или даже страшненькой. Но сейчас, рано утром, до того как среднестатистические норвежцы придут на работу, Осло принадлежал ей, как тайный любовник на кратком свидании. Да, у нее было свидание с тем, кто до сих пор оставался наполовину чужим, а потому интересным.

Восточные склоны холмов находились в тени, а западные освещались слабыми лучами. Высокие здания в центре города у фьорда напоминали кладбище на восходе солнца — сплошные темные силуэты, и только несколько остекленных

построек отражали солнечные лучи, как серебристая блесна под темной поверхностью воды. Между большими и маленькими островами, которые очень скоро покроются зеленью, блестело море. Как же Александра ждала весны! В Норвегии март считается первым весенним месяцем, хотя все прекрасно знают, что в марте еще стоит зима. Бледная, холодная, с редкими внезапными приступами тепла и сострадания. Апрель в лучшем случае — изменчивый волокита. Лишь май был первым месяцем, на который можно положиться. Май. Александра хотела, чтобы настал май. Она знала, что в тот момент, когда у нее появлялся такой кавалер, теплый, мягкий, дающий все, что она хочет, да к тому же в нужных количествах, она становилась избалованной и требовательной, и дело заканчивалось тем, что она обманывала его с июнем, а то и с июлем, на которого совсем уж нельзя полагаться. Как насчет того, чтобы в следующий раз завести зрелого, словно август, поклонника с проседью в волосах, имеющего немалый опыт семейной жизни? Да, такому мужчине она была бы рада. Как же так получилось, что все закончилось влюбленностью в ноябрь? В мрачного, унылого, подернутого пеленой дождя мужчину, с которым

ее ждало еще более мрачное время, когда либо стоит полная тишина и не слышно даже пения птиц, либо бешеной осенней бурей с твоего дома сносит крышу. Правда, он изредка вознаграждает тебя солнечными, неожиданно теплыми днями, которые ты ценишь все больше и больше, которые открывают перед тобой необычайно красивый, разоренный и опустошенный пейзаж, где сохранилось лишь несколько зданий. Те, что прошли испытание временем и непогодой. Стойкие, непоколебимые, как коренная горная порода, те, которым все нипочем и в которых Александра, за неимением лучшего варианта, время от времени искала прибежища. Но скоро наверняка появится что-нибудь получше. Она потянулась и зевнула, надеясь таким образом освободиться от усталости. Весна должна наступить. Май непременно придет.

— Фрёкен Стурдза?

Она удивленно обернулась. Кто это разыскивает ее в такую рань, да еще обращается к ней столь старомодно и изысканно?

Мужчина, стоявший перед Александрой, вряд ли был норвежцем. По крайней мере, внешне на скандинава он не походил. У него были азиатские черты лица, да и наряд — костюм, белоснежная

свежевыглаженная рубашка и галстук с булавкой — был определенно не той одеждой, которую носят на работу норвежцы. Конечно, за исключением тех самоуверенных идиотов, которые гордо именуют себя маклерами и брокерами, о чем немедленно информируют всех новых знакомых в баре, пытаясь сделать вид, что пришли туда прямо из офиса, потому что до одурения много работают. И когда они сознаются в том, что принадлежат к избранным, осторожно переведя разговор в то русло, где эта информация не прозвучит слишком уж по-идиотски, то делают это с притворным смущением, как будто только что проболтались, что они, черт побери, переодетые наследные принцы. Обычно на этом знакомство с ними и заканчивается.

— Меня зовут Сон Мин Ларсен, — представился мужчина. — Я следователь Крипоса. Можно присесть?

Ну-ка, ну-ка, интересно. Александра внимательно изучала его. Высокий. Занимается спортом. Не слишком много, умеренно, для того, чтобы поддерживать себя в форме, и просто потому, что ему нравится физическая активность. Как и ей самой. Глаза, конечно, карие. Возраст? Пожалуй, чуть больше тридцати. Кольца нет. Значит,

следователь из Крипоса? Да, она слышала, как девочки упоминают эту забавную комбинацию азиатского имени и норвежской фамилии. Странно, что она раньше с ним не встречалась. В этот момент солнце добралось до окна столовой Государственной больницы, осветило Сон Мина Ларсена и удивительно сильно нагрело одну щеку Александры, фрёкен Стурдза. Может быть, в этом году весна наступит рано? Не выпуская из руки чашки с кофе, она пододвинула ногой стул:

— Прошу.

— Спасибо.

Наклонившись вперед, чтобы сесть, он автоматически придержал рукой галстук, на котором красовалась булавка. Булавка показалась Александре смутно знакомой, вызвав воспоминания детства. Она вспомнила, что́ это. Похожий на птицу логотип румынской авиакомпании «TAROM».

— Вы имеете отношение к авиации, Ларсен?

— Мой отец был летчиком, — ответил он.

— Мой дядя тоже, — сказала Александра. — Он летал на истребителе IAR-93.

— Правда? Это румынский самолет.

— Вы так хорошо разбираетесь в самолетах?

— Нет, я помню только, что это была единственная модель коммунистических военных

самолетов, которая в семидесятые годы производилась за пределами Советского Союза.

— Каких-каких самолетов? Коммунистических?

Ларсен криво улыбнулся:

— Нашего потенциального противника. Тех, кого мой отец должен был сбивать, если они подлетят слишком близко.

— А, холодная война. Вы ведь тоже мечтали стать пилотом?

Казалось, он удивился подобной проницательности, а что-то подсказывало Александре, что этот человек удивляется не часто.

— Не совсем обычно, что вы знаете об IAR-93 и носите булавку с логотипом авиакомпании «TAROM», — пояснила она.

— Я хотел стать военным летчиком, — признался Ларсен.

— Но не поступили в училище?

— Поступил, — заявил он тоном столь безапелляционным, что у нее не осталось сомнений. — Но потом оказалось, что я слишком высокий. Я не помещаюсь в кабину истребителя.

— Вы могли бы летать на других машинах. На транспортных самолетах или на вертолетах.

— Да, наверное, — сказал он.

«Ну разумеется, все дело в твоем отце, — подумала Александра. — Он-то был летчиком-истребителем. Тебя, конечно, не могла удовлетворить возможность стать его бледной копией, тем, кто находился бы ниже в незамысловатой иерархии летчиков. В таком случае лучше выбрать что-нибудь из совершенно другой области».

Судя по всему, этот Ларсен из породы альфа-самцов. Тот, кто пока еще не достиг цели, но находится на пути к ней. Как и она сама.

— Я тут расследую одно убийство… — сказал Ларсен и бросил на нее такой взгляд, что Александра поняла: светская часть беседы закончена, сейчас речь пойдет о серьезном деле и от нее потребуется сотрудничество. — И собираюсь задать вам несколько вопросов о некоем Харри Холе.

Казалось, солнце за окном скрыла туча, а сердце Александры остановилось.

— Изучив список звонков в его телефоне, мы установили, что вы с ним часто созванивались в последнее время.

— Холе? — повторила девушка, как будто не могла вспомнить эту фамилию, но по взгляду собеседника поняла, насколько фальшиво прозвучала ее реплика. — Да, мы с ним разговаривали по телефону, беседовали о работе. Он

следователь.

— Возможно, вы беседовали не только о работе? И общались не только по телефону?

— Вы полагаете? — Александра попыталась приподнять бровь, но не поняла, удалось ли ей это, у нее было ощущение, что мышцы лица внезапно вышли из-под контроля. — Интересно, и что же заставляет вас так думать?

— Две вещи, — ответил Ларсен. — Во-первых, вы инстинктивно попытались сделать вид, что вам незнакомо это имя, несмотря на то что за последние три недели вы шесть раз разговаривали друг с другом, а вы сами набирали его номер двенадцать раз, в том числе дважды — вечером накануне обнаружения трупа Ракели Фёуке. А во-вторых, за тот же самый период времени телефон Холе трижды находился в зоне действия базовых станций, охватывающих район, где находится ваш дом.

Ларсен произнес все это без малейшей агрессии или подозрительности, так что у Александры не возникло повода заподозрить, что ею манипулируют. Иными словами, он сказал это так, будто игра была закончена, как крупье, который совершенно безразличным голосом объявляет ставки и выигрыши.

— Мы… одно время мы были любовниками, — сказала Александра. И, произнеся это, поняла, что так оно и есть. Именно были, а теперь все закончилось.

И тут Сон Мин Ларсен внезапно произнес:

— Прежде чем мы продолжим, я советую хорошенько подумать, не потребуется ли вам адвокат.

Наверное, она казалась совершенно огорошенной, потому что следователь поспешил добавить:

— Вы не подозреваемая, фрёкен Стурдза, это не официальный допрос, и я собираю информацию в первую очередь о Харри Холе, а не о вас.

— Тогда зачем же мне адвокат?

— Он может посоветовать вам отказаться от беседы, поскольку близкие отношения с Харри Холе потенциально могут привязать вас к делу об убийстве.

— Хотите сказать, я могла убить его жену?

— Нет.

— Ага! Думаете, я прикончила Ракель из ревности?

— Повторяю: нет.

— Я уже говорила — мы больше не вместе.

— Я не хочу сказать, что вы кого-то убили. Но

обязан предупредить вас о возможных последствиях, поскольку дело очень серьезное: мы считаем, что Харри Холе лишил жизни свою жену.

Александра ойкнула и поняла, что сделала классический жест драматических див — положила руку на жемчужное ожерелье у себя на шее.

— Итак, — произнес Сон Мин Ларсен и понизил голос, поскольку в столовой появилась первая ранняя пташка из числа норвежцев, — будем ли мы с вами продолжать беседу?

Он честно предупредил ее об адвокате, хотя это могло затруднить ему работу. И тактично понизил голос, хотя раннюю пташку вряд ли мог заинтересовать их разговор. Пожалуй, на этого парня можно положиться. Александра смотрела в его теплые карие глаза. Май. Ее рука упала, она выпрямила спину и, возможно инстинктивно, выпятила грудь вперед.

— Мне нечего скрывать, — сказала она.

Эта его полуулыбка. Она отметила, что уже хочет увидеть, как он улыбается во весь рот.

Сон Мин посмотрел на часы. Четыре. Он должен был успеть на прием к ветеринару с Каспаровым, поэтому вызов к Винтеру оказался вдвойне некстати.

Но он завершил расследование. Конечно, собрал не все, но необходимое у него имелось. Во-первых, Ларсен доказал, что алиби Холе, которое ему предоставил сосед Гюле, не подтвердилось. Реконструкция продемонстрировала, что Гюле не мог слышать, действительно ли Холе находился в квартире, приходил он или уходил. Очевидно, сам Харри также подумал об этом, потому что Гюле сообщил, что жилец из верхней квартиры совсем недавно явился к нему с такими же вопросами.

Во-вторых, вывод эксперта по трехмерным технологиям был ясен. Мало что можно было сказать о скрюченном человеке, вошедшем в дом Ракели в половине двенадцатого в ночь убийства. Он казался вдвое толще Харри Холе, но Фройнд пояснил: это могло быть вызвано тем, что он сильно наклонился вперед, так что пальто спереди свисало до самого пола. По этой же причине на первом снимке невозможно установить рост человека. А вот когда он выходил из дома три часа спустя, около трех ночи, то уже был значительно трезвее и прямо стоял в дверном проеме, демонстрируя себя настоящего: мужчина оказался худощавым и имел такой же рост, как Харри Холе, около метра девяноста трех. Он сел в «форд-эскорт», потом

вышел, демонтировал фотоловушку, прихватил ее с собой и уехал.

В-третьих, Сон Мин получил последнее решающее доказательство от Александры Стурдза.

Серьезное, но живое лицо этой девушки выражало отчаяние, когда он перечислял ей все имевшиеся у Крипоса доказательства против Харри Холе. Потом наступило смирение. А под конец он увидел, как она сдает мужчину, которого, по ее собственному утверждению, уже отпустила. Затем он осторожно подготовил свидетельницу к тому, что у него есть совсем уж плохие новости. И сказал, что Холе погиб. Сам свел счеты с жизнью. И что, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, возможно, так было лучше для всех. К этому моменту в ее темных глазах уже стояли слезы, и Ларсен подумывал, не положить ли руку поверх ее лежавшей на столе правой кисти, казавшейся такой безжизненной, мертвой. Просто легкое, утешающее прикосновение, а потом снова убрать руку. Но он не стал этого делать. Может быть, девушка почувствовала его намерение, потому что в следующий раз подняла кофейную чашку левой рукой, а правую оставила лежать на столе, как будто приглашая его.

И насколько он мог судить, свидетельница

рассказала ему все. Это укрепило Сон Мина в подозрениях, что Холе совершил убийство в состоянии аффекта и опьянения и что он действительно поначалу начисто забыл о случившемся, а потому провел последние дни жизни, расследуя собственное преступление, но потом заподозрил правду и отправился к Гюле.

Из глаза Александры выкатилась слеза, и Сон Мин протянул ей свой носовой платок. Он заметил ее удивление: наверное, она не привыкла к тому, что норвежские мужчины носят в карманах выглаженные носовые платки.

Они вышли из столовой, постепенно наполнявшейся людьми, и прошли в помещения Института судебной медицины. Александра отдала ему окровавленные брюки, которые получила от Холе, и сообщила, что предварительные результаты анализа готовы и что вероятность того, что кровь на них принадлежит Ракели Фёуке, составляет более восьмидесяти процентов. Харри объяснил ей, каким образом кровь попала на брюки: он стоял на коленях рядом с трупом, когда приехал на место происшествия, а там была целая лужа крови.

— Это невозможно, — покачал головой Сон Мин. — Когда Холе находился на месте преступ-

ления, на нем были другие брюки.

— Откуда вы знаете?

— Я тоже был там. Разговаривал с ним.

— И вы *помните*, во что Харри был одет?

Сон Мин подавил непроизвольное желание сказать «ну конечно» и ограничился простым «да».

Так что теперь у него имелось все необходимое. Мотив, возможность и материальные улики, которые связывали подозреваемого с местом преступления. Он прикинул, не стоит ли побеседовать и с другим человеком, с которым, как следовало из списка вызовов, в последнее время также часто общался Харри Холе, с некоей Кайей Сульнес, но решил не торопиться, поскольку они начали созваниваться только после убийства. Сейчас важнее всего было найти недостающий кусочек мозаики. Ведь, несмотря на то что у него имелось все *необходимое*, полная картина до сих пор не складывалась. У него не было орудия убийства.

С таким количеством прямых доказательств прокурор незамедлительно выдал Ларсену ордер на обыск квартиры Харри Холе, но там они не обнаружили ни орудия убийства, ни вообще чего-либо, представляющего интерес. И это уже само по себе выглядело крайне подозрительно,

поскольку объяснений в данном случае могло быть только два: либо обитатель квартиры был роботом, либо он знал, что его жилище будут обыскивать, и предусмотрительно удалил все то, что не должно попасться на глаза посторонним.

— Интересно, — сказал Уле Винтер, который руководил расследованием. Он сидел, откинувшись назад, за письменным столом и слушал скрупулезный доклад Сон Мина Ларсена.

«Значит, мой рассказ его не впечатлил, — подумал Сон Мин. — Не „поразительно“, не „великолепно“ и даже не „отличная работа“. Всего лишь „интересно“».

— Настолько интересно, что меня удивляет, почему ты до сих пор не доложил мне ни о чем. И когда, скажи на милость, ты собирался поделиться этими сведениями со всеми остальными, кто тоже работает над этим делом?

Сон Мин провел рукой по галстуку и облизал губы.

Он хотел ответить, что преподнес Крипосу на блюдечке самую крупную рыбу, Харри Холе. И что он взял верх над легендарным сыщиком, обыграл непревзойденного мастера на его же собственном поле. Так что Винтер мог бы и похвалить его, вместо того чтобы упрекать.

Однако Сон Мин не стал говорить так по трем причинам.

Во-первых, в кабинете Винтера были только они двое, значит он не мог апеллировать к здравому смыслу кого-нибудь третьего.

Во-вторых, перепалка с начальником, как правило, ни к чему хорошему не приводит, это аксиома.

А в-третьих, и это важнее всего, Винтер по сути был прав.

Сон Мин *действительно* откладывал рапорт о ходе следствия. А кто бы на его месте повел себя иначе, если бы почувствовал на крючке рыбу и подтянул ее к берегу, понимая, что теперь остается только схватить ее? Кому не захочется, чтобы честь раскрытия убийства десятилетия, которое впредь станет именоваться «дело Харри Холе», принадлежала тебе одному? Винтер совершенно случайно узнал новость от прокурора, который поздравил его с тем, что в сети Крипоса попался сам Харри Холе. Да, Сон Мин признавал, что поступил эгоистично, ведь он был членом команды. Но с другой стороны, он не стоял перед пустыми воротами и не искал какого-нибудь Месси, которому можно было отдать мяч для решающего удара, по одной простой причине: потому что в

этой команде не было никакого Месси. А если и был, так это он сам. И уж во всяком случае, это точно не Винтер, с нервно подрагивающей на виске жилкой и низко нависшими над глазами бровями, подобными грозовым тучам.

Взвесив все, Сон Мин решил ответить так:

— События разворачивались очень быстро, одно следственное действие сменялось другим, и я пристально следил за всем, чтобы не опоздать. У меня просто-напросто не было ни минуты свободного времени.

— А теперь, значит, время появилось? — спросил Винтер, развалившись на стуле. Он смотрел на подчиненного так, что казалось, целился ему в переносицу.

— Теперь дело раскрыто, — сказал Сон Мин.

Винтер коротко и резко рассмеялся:

— Если ты не против, то давай договоримся: поскольку я руковожу расследованием, то мне и решать, когда дело будет раскрыто. Ты согласен, Ларсен?

— Ну конечно, Винтер. — Сон Мин собирался продемонстрировать покорность, но не сдержался и невольно передразнил шефа, точно так же — саркастическим тоном и очень четко — выговорив его фамилию.

— Но поскольку сам ты считаешь дело раскрытым, *Лаа-арсен*, я полагаю, не станешь возражать, если я отстраню тебя от этого расследования и переброшу на другое дело.

— Что, прошу прощения?

Сон Мин чуть не прокусил язык, когда увидел, как эта его старомодная вежливость подействовала на Винтера.

Шеф улыбнулся и пояснил:

— Такие светлые головы, как твоя, нужны нам прямо сейчас в другом деле. Будешь расследовать убийство в Люсакере.

Улыбка его была злобной и неширокой, как будто рот Винтера был недостаточно пластичен для того, чтобы растянуть его пошире.

Сон Мин слышал, что в Люсакере вроде бы убили какого-то торчка. Наверняка внутренние разборки между наркоманами. Все причастные к делу мигом заговорят, стоит лишь припугнуть их ограничением доступа к наркотикам. Это низшая форма расследования из всех существующих, подобные дела обычно поручают новичкам или не слишком способным сотрудникам. Наверняка Винтер пошутил, не может же он взять и отстранить его, старшего следователя, прямо сейчас, когда цель уже, считай, достигнута, лишить его

почестей и славы, и за что? За то, что он слишком долго не открывал карты?

— Мне нужен письменный отчет с подробным описанием всех деталей, Ларсен. Пусть пока другие члены следственной группы тщательно проанализируют зацепки, которые ты обнаружил. А потом я решу, когда нам стоит обнародовать наши находки.

«Зацепки, которые я обнаружил? Да я *раскрыл* дело, черт бы вас всех побрал! Лучше уж наори на меня, — подумал Сон Мин. — Объяви выговор. Винтер, что же ты такое творишь?! Не можешь же ты вот так взять и отрезать голову одному из своих лучших следователей!»

А потом Ларсен понял, что Винтер не только может, но хочет так поступить и ни перед чем не остановится. Потому что до Сон Мина только сейчас дошло, в чем дело. Винтер тоже знал, что Сон Мин — единственный Месси в их команде. И это представляло угрозу для него как для руководителя — сейчас и в будущем. Винтер был альфа-самцом, которому бросили вызов. Сон Мин своим сольным выступлением только что продемонстрировал собственные амбиции. Поэтому шеф решил, что молодого конкурента лучше всего устранить незамедлительно, пока он не вырос

и не стал большим и сильным.

Глава 45

Юхан Крон познакомился со своей женой Фридой во время учебы на юридическом факультете Университета Осло. Он и сам толком не знал, чем сумел привлечь такую красавицу. Возможно, она почувствовала скрытый в нем потенциал. В то время многие недоумевали, почему Фрида Андресен выбрала беспомощного в социальном плане книжного червя, которого не интересовало ничего, кроме юриспруденции и шахмат. Юхан Крон лучше, чем кто-либо, понимал, что отхватил себе девушку, которая по меньшей мере на порядок выше его в Лиге привлекательности. Он ухаживал за Фридой, зорко наблюдал за ней, отпугивал потенциальных соперников — короче говоря, держал ее, вцепившись клювом и когтями. Однако окружающие все равно полагали, что она бросит его и найдет себе кого-нибудь поинтереснее, это только вопрос времени. Но Юхан был блестящим студентом и стал блестящим юристом. Он оказался самым молодым адвокатом со времен Йона Кристиана Эльдена, кому предоставили право выступать в Верховном суде. Он получал выгодные предложения от клиентов и

дела, о которых его ровесники могли только мечтать, и в результате его социальная уверенность увеличивалась пропорционально статусу и доходам. Перед ним внезапно распахивались новые двери, и Юхан Крон после непродолжительных размышлений входил в большинство из них. Одна из этих дверей вела в ту жизнь, которую он пропустил в студенчестве, коротко ее можно было охарактеризовать так: девочки, вино и песни. А точнее, девочки, которые становились более сговорчивыми, после того как узнавали, что перед ними известный адвокат. Вино предстало перед Юханом в виде эксклюзивного виски с продуваемых ветром Гебридских и Шетландских островов, и к нему также прилагались дорогие сигареты и сигары во все больших количествах. Что касается песен, то здесь Крон не слишком преуспел, хотя некоторые вышедшие на свободу преступники утверждали, что его речи в их защиту звучали красивее, чем все когда-либо раздававшееся из уст Фрэнка Синатры.

Фрида занималась детьми, поддерживала социальные связи семьи и в дополнение к этому работала на полставки в должности юриста в двух культурных фондах. Но если даже Юхан Крон догнал и перегнал жену в Лиге привлекательности,

это не изменило баланса в их отношениях. Потому что тут у них всегда наблюдался некоторый перекос: Юхан был слишком благодарен судьбе за удачу, а Фрида так привыкла к тому, что за ней ухаживают, что это стало неотъемлемой частью и основой их отношений, иного расклада супруги просто не представляли. Да, они уважали и любили друг друга, а также всячески демонстрировали окружающим, что их семейной лодкой управляет муж. Однако на самом деле все решения в их доме принимала Фрида: и куда поставить шкаф, и в каком месте Юхан будет курить свои сигареты (в последнее время он пристрастился к табаку, чем втайне немного гордился).

Так что, после того как стемнело, дети были уложены, а выпуск новостей по телевидению проинформировал Юхана о том, что произошло в Норвегии и в мире, он взял пачку сигарет, поднялся на второй этаж и вышел на террасу, с которой открывался вид на долину Мэррадален и район Уллерн.

Он облокотился о перила. Их окна выходили на бизнес-центр «Хегнар Медиа», позади которого виднелась небольшая часть пруда Сместрад-даммен. Юхан думал об Алисе и о том, как ему выпутаться из этой истории. Их отношения стали

слишком страстными и длились слишком долго, больше так продолжаться не может, иначе их раскроют. То есть раскрыли-то их уже давно, невозможно было ошибиться в этом, глядя на лукавые улыбочки партнеров по адвокатскому бюро, когда они сидели на встрече, а в кабинет заходила Алиса с какой-нибудь папкой для него или с важным телефонным сообщением. Но *Фрида* их пока не раскрыла, а он боялся именно этого, о чем и предупредил Алису. Она восприняла это на удивление безразлично и сказала, что ему не о чем беспокоиться.

— Твоя тайна пребудет со мной, — заверила она любовника.

Возможно, именно это высказывание и заставило Юхана забеспокоиться.

Твоя тайна, не *наша* (сама Алиса была не замужем), и со *мной*, как будто речь шла о ценной бумаге, помещенной в банковский сейф. Где она хранилась в *безопасности*, но только до тех пор, пока сейф на запоре. Не то чтобы Крон посчитал эту формулировку прямой угрозой, но нечто подобное в ней и впрямь присутствовало. И вообще, получалось как-то неправильно: Алиса защищала его, хотя, наверное, это он должен был взять девушку под свою защиту. Между молоды-

ми, только что окончившими вузы адвокатами существовала жесткая конкуренция. Те, кому удавалось выплыть на поверхность, получали солидное вознаграждение, а пошедших ко дну ожидал безжалостный вылет из профессии. Так что помощь именитого юриста могла иметь для Алисы решающее значение.

— Есть о чем подумать?

Юхан Крон вздрогнул так, что выронил сигарету, и она падающей звездой полетела сквозь мрак в раскинувшийся внизу яблоневый сад. Не слишком приятно вдруг услышать голос у себя за спиной, когда ты думаешь, что находишься в одиночестве и тебя никто не видит. Но гораздо хуже, когда этот голос не принадлежит никому из твоих домочадцев, поскольку посторонний человек мог попасть на террасу второго этажа лишь двумя способами — взлететь туда или телепортироваться. И уж совсем плохо, если незваный гость — жестокий преступник, наводящий страх на жителей Осло.

Крон повернулся и увидел в темноте мужчину, прислонившегося к стене рядом с дверью, которая вела на террасу. Выбирая между вопросами «Что вы здесь делаете?» и «Как вы сюда попали?», он предпочел первый.

— Да так, кручу себе сигаретку, — пояснил Свейн Финне, поднес руку ко рту и выскользнувшим между толстыми губами серым языком лизнул бумагу, в которую был завернут табак.

— Что… что вам нужно?

— Огоньку, — сказал Финне, засунул сигарету в рот и вопросительно посмотрел на Крона.

Адвокат немного помедлил, а потом вытянул руку и чиркнул зажигалкой. Он заметил, что пламя дрожит. Потом оно словно всосалось в сигарету, и стало видно, как сворачиваются горящие кусочки табака.

— Красивый дом, — одобрил Финне. — И вид отсюда хороший. Помнится, много лет назад я порхал по этому району.

Он произнес это с такой интонацией, что Крон на какое-то мгновение подумал, что его клиент в былые времена *летал* здесь.

Финне указал сигаретой на Мэррадален:

— Случалось, я спал там в лесу, вместе с другими бомжами. Особенно хорошо помню одну девушку, которая жила в Хюсебю и ходила через лес пешком. Созревшая, конечно, но не старше пятнадцати-шестнадцати лет. Однажды я провел ей экспресс-курс по сексу. — Финне хрипло рассмеялся. — Она так перепугалась, что мне потом

пришлось утешать ее, беднягу. Она все плакала и плакала и повторяла, что ее отец — епископ, а ее старший брат меня непременно поймает. Я ответил, что не боюсь ни епископов, ни старших братьев и что ей тоже не стоит бояться, потому что теперь у нее появился собственный мужчина. А может быть, скоро у нее родится ребенок. И я дал ей уйти. Я, видишь ли, всегда позволяю им уйти. «Catch and release»[53] — рыбаки ведь так говорят?

— Я не рыбак, — вырвалось у Крона.

— Я никогда в жизни не убивал невинных, — продолжал Финне. — Человек должен уважать невинность природы. Аборт... — Он так сильно затянулся сигаретой, что Крон услышал треск бумаги. — Вот ты знаешь законы. Скажи мне, существует ли что-нибудь более противоречащее законам природы? Убийство собственного невинного потомства. Ну разве это не извращение?

— Можно ближе к делу, Финне? Меня жена в доме ждет.

— Конечно, она тебя ждет. Все мы чего-то ждем. Любви. Близости. Контакта с людьми. Вчера я ждал Дагни Йенсен. Боюсь, любви не существует.

---

[53] Примечания: 53
«Поймай и отпусти» *(англ.)*.

И теперь мне трудно до нее добраться. Человек становится одиноким, не так ли? И ему кое-что нужно… — Он посмотрел на сигарету. — Что-то теплое.

— Если вам требуется моя помощь, то предлагаю встретиться завтра в офисе. — Крон заметил, что говорит не так властно, как ему бы хотелось. — Я… э-э-э… готов назначить любое время.

— Назначить время? — Финне хохотнул. — После того, что я для тебя сделал — а ведь благодаря мне ты прославился, — это все, что ты можешь предложить мне? Свое *время*?

— Чего вы хотите, Финне?

Клиент сделал шаг вперед, и свет из окна упал ему на лицо. Он провел правой рукой по выкрашенным в красный цвет перилам. Крон вздрогнул, когда увидел красную краску через большую дыру в ладони незваного гостя.

— Твою жену, — ответил Финне. — Фриду. Я хочу ее.

Адвокат почувствовал, как в горле встает ком.

Финне продемонстрировал ему свой гнилой оскал:

— Расслабься, Крон, это шутка. Надо признать, в последние дни я время от времени и впрямь думал о Фриде, но даже не прикоснусь к ней.

Потому что я не забираю чужих женщин, я хочу, чтобы у меня были свои собственные. Поэтому, пока она твоя, она в безопасности, Крон. Но ясное дело, ты едва ли сохранишь гордую, финансово независимую женщину вроде Фриды, если она узнает о той шикарной ассистентке, с которой ты приходил на допрос. Об Алисе. Или как там ее?

Юхан Крон уставился на него. Алиса? *Он* знает об Алисе?

Крон кашлянул, и звук его кашля был похож на скрип дворников по сухому лобовому стеклу.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

Финне показал указательным пальцем на свой глаз:

— Орлиный взгляд. Я видел вас. Смотреть, как вы трахаетесь, — это все равно что наблюдать за совокупляющимися павианами. Все быстро, по делу, и никакой там ненужной сентиментальности. Это не продлится долго, но зачем отказываться, да? Всем нам нужно тепло.

Крон лихорадочно размышлял, где Финне мог видеть их с Алисой. В офисе? В номере гостиницы, который он время от времени снимал для них? В октябре в Барселоне? Исключено, они всегда занимались любовью в помещениях, расположенных на высоких этажах, куда невозможно

заглянуть с другой стороны улицы.

— Ну а если никто не расскажет Фриде об Алисе, то тебе удастся сохранить вот это… — Финне указал большим пальцем на дом за своим плечом. — Семейный очаг. Это ведь всегда будет для тебя самым важным, правда же, Крон?

— Что-то я ничего не понимаю: ни о чем вы толкуете, ни чего вы от меня хотите, — сказал адвокат. Он обоими локтями оперся на перила у себя за спиной. Эта поза должна была продемонстрировать полнейшее спокойствие и равнодушие, но Юхан подозревал, что, скорее всего, выглядит как боксер, повисший на канатах.

— Я откажусь от Фриды, если смогу заполучить Алису, — произнес Финне, щелчком отправив окурок в воздух. Он описал параболу, а потом потух где-то во мраке, как и сигарета Крона. — Я на мушке у полиции, а потому не могу передвигаться так свободно, как привык. Мне требуется немного… — он снова осклабился, — помощи, для того чтобы добыть тепла. Я хочу, чтобы ты позаботился о том, чтобы девочка досталась мне где-нибудь в безопасном месте.

Крон недоверчиво моргал:

— Вы хотите, чтобы я попытался уговорить Алису встретиться с вами наедине? Чтобы вы

смогли… э-э-э… изнасиловать ее?

— Суть верна, только вычеркни два слова: «попытался» и «изнасиловать». Ты *должен* уговорить ее, Крон. А я *соблазню* ее, а не изнасилую. Я никогда никого не насиловал, это все чудовищное недоразумение. Просто девочки в такой момент не всегда в состоянии понять, что́ лучше для них самих и какое предназначение дала им природа. Но они образумятся. И Алиса тоже. Она, например, сообразит, что если станет угрожать твоей семье, то будет иметь дело со мной. Эй, Крон, не будь таким угрюмым, ты покупаешь два по цене одного: мое молчание и молчание девчонки.

Крон уставился на Финне. В его голове звенели слова Алисы: «Твоя тайна пребудет со мной».

— Юхан?

Из дома донесся голос Фриды, и он услышал звук ее шагов на лестнице. А потом прямо у его уха, смешиваясь с запахом табака и чего-то терпкого, звериного, раздался шепот:

— На кладбище Спасителя есть могильный камень. Там похоронен Валентин Йертсен. Надеюсь получить от тебя весточку через двое суток.

Фрида дошла до верха лестницы и направилась к двери на террасу, но осталась стоять в проеме, освещаемая горящим в доме светом.

— Брр, холодно как!.. — сказала она, складывая на груди руки. — Я слышала голоса.

— По мнению судебных психиатров, это плохой знак, — улыбнулся Юхан Крон и хотел шагнуть к ней в дом, но не успел: жена уже высунула голову на террасу и посмотрела по сторонам.

Потом она взглянула на него и поинтересовалась:

— Ты разговаривал сам с собой?

Крон огляделся. Терраса была пуста. Финне исчез.

— Репетировал речь в защиту подсудимого, — ответил он, облегченно выдохнул и вошел внутрь, в тепло их дома, в объятия своей жены. Почувствовав, как Фрида отстраняется, чтобы посмотреть на мужа, он прижал ее к себе еще крепче, чтобы у нее не было ни единого шанса прочитать выражение его лица и заметить что-то неладное. Юхан Крон был уверен, что в данном случае, если супруга вдруг узнает правду, никакие речи не помогут. Он слишком хорошо знал Фриду и ее принципы, касающиеся адюльтера: она осудит его на пожизненное одиночество, позволит ему видеться с детьми, но не с ней. Черт бы побрал этого наблюдательного Свейна Финне!

Катрина услышала детский плач еще на лест-

нице, и это заставило ее ускорить шаг, хотя она прекрасно знала, что ребенок находится в надежных руках Бьёрна. В бледных руках с мягкой кожей и округлыми толстыми пальцами, которые сделают все, что надо. Ни больше ни меньше. Ей не на что жаловаться. И Катрина попыталась оставить все как есть. Она видела, что происходит с некоторыми женщинами, когда они становятся матерями. Они превращаются в деспотов, которые считают, что солнце и все небесные планеты вращаются вокруг матерей и их детей. Они внезапно начинают демонстрировать недовольство и легкое пренебрежение к своим мужьям, если те недостаточно быстро проявляют реакцию — и желательно телепатические способности — в отношении нужд матери и ребенка. Причем непререкаемое право определять нужды последнего, разумеется, принадлежит матери: она, так сказать, имеет сразу два голоса.

Нет, Катрина определенно не хотела становиться одной из этих дамочек. Но похоже, в ней все равно имелась их частичка. Разве ей порой не хотелось обругать Бьёрна, унизить мужа, увидеть, как он скорчится и покорится? Катрина не знала, почему у нее иногда возникает подобное желание, а также как это возможно осуществить

на практике, потому что Бьёрн всегда опережал ее, улаживал все вопросы, которые могли лечь в основу предметной критики. Но разумеется, ничто не разочаровывает больше, чем человек лучше тебя, который каждый день держит перед тобой зеркало, в результате чего ты со временем начинаешь ненавидеть свое собственное отражение.

Нет, Катрина Братт не испытывала ненависти к себе, сказать так было бы преувеличением. Просто время от времени она думала, что Бьёрн слишком хорош для нее. Не в смысле *слишком привлекателен*, а *слишком добр*, просто *раздражающе добр*. Жизнь каждого из них могла бы быть чуточку лучше, если бы Бьёрн выбрал в спутницы жизни похожую на себя женщину, свою землячку, какую-нибудь приземленную пышнотелую доярку, добродушную, веселую и хозяйственную. Детский крик прекратился, как только Катрина повернула ключ в замке их квартиры. Она открыла дверь.

Бьёрн стоял в коридоре и держал на руках Герта. Сынишка смотрел на нее большими голубыми, мокрыми от слез глазами; крупные белокурые кудряшки забавно торчали на детской головенке, напоминая пружинки. Мальчика назвали Гертом

в честь отца Катрины, и даже это предложил Бьёрн. А сейчас лицо малыша озарила такая улыбка, что Катрине стало хорошо до боли в сердце и комка в горле. Она сбросила пальто прямо на пол и подошла к ним. Бьёрн поцеловал ее в щеку и протянул ребенка. Она прижала к себе маленькое тельце и почувствовала запах молока, срыгнутой пищи, теплой детской кожи и чего-то сладкого, неотразимого, присущего только ее Герту. Она закрыла глаза и почувствовала себя дома. По-настоящему дома.

Она ошиблась. Их жизнь не могла быть лучше. Их только трое, сейчас и навсегда, это данность.

— Ты никак плачешь, — сказал Бьёрн.

Сперва Катрина подумала, что его замечание относилось к Герту, но потом поняла, что муж говорит с ней и что он прав.

— Харри, — ответила она.

Бьёрн смотрел на жену, наморщив лоб, пока она собиралась с мыслями. Ей было нужно время, необходимое для того, чтобы подушка безопасности выстрелила и, возможно, смягчила силу удара. Конечно, если дело совсем уж плохо, это все бесполезно, в таком случае подушка безопасности никого не спасет, только свесится, порванная, как потерпевший крушение воздушный шар, из

лобового стекла стоящего на бампере «форда-эскорт», который как будто попытался проехать сквозь толщу земли, похоронить себя, исчезнуть.

— Нет, — выговорил Бьёрн в напрасном протесте против того, о чем рассказывало ее молчание. — Нет, — повторил он шепотом.

Катрина подождала еще немного. Маленький Герт обнимал ее за шею своими крошечными ручками. А потом она рассказала мужу все без утайки: о происшествии на областной дороге № 287 и показаниях водителя трейлера, об отверстии во льду и водопаде, о машине, которую обнаружила полиция. Пока она говорила, Бьёрн поднес бледную руку с округлыми пальцами ко рту, а глаза его наполнились слезами, которые сначала повисали на тонких бесцветных ресницах на нижнем веке, а потом принимались падать одна за другой, как капельки с сосулек на весеннем солнце.

Она никогда не видела Бьёрна Хольма таким, никогда не видела, чтобы этот невозмутимый тутенец настолько терял выдержку и самообладание. Он сейчас не просто плакал, но рыдал, трясся с такой силой, будто что-то пыталось вырваться из него наружу.

Катрина унесла Герта в гостиную. Она сделала

это инстинктивно, чтобы защитить ребенка от черной тоски отца, — черноты в их жизни и так хватало.

Через час она уложила Герта в их спальне.

Бьёрн устроился в кабинете, который со временем должен был превратиться в детскую. Катрина слышала, как муж безостановочно рыдает. Она подошла к двери, размышляя, не войти ли к нему, но в этот момент зазвонил ее телефон.

Она прошла в гостиную и ответила на вызов.

Звонил Уле Винтер.

— Я знаю, что вы хотели бы отложить обнародование того факта, что погибшим является Харри Холе, — сказал он.

— Пропавшим без вести, — поправила она.

— Водолазы нашли разбитый мобильник и пистолет ниже по течению реки. Моя команда только что установила, что оба предмета принадлежат Харри Холе. Сейчас мы собираем последние кусочки пазла, и совсем скоро дело будет полностью раскрыто, а в этом случае мы не сможем ждать, Братт, уж простите. Но я готов пойти навстречу лично вам и…

— Это не мое личное желание, Винтер, я думаю о прессе. О том, что мы должны как можно лучше подготовиться и тщательно продумать, как пре-

поднести все общественности.

— Ну, положим, результаты работы Крипоса общественности представит Крипос, а не Полицейское управление Осло. Но я понимаю ваши колебания. Журналисты, конечно, будут задавать много бестактных вопросов начальству Холе, и я понимаю, что вам требуется время, чтобы решить между собой, как вы будете на них отвечать. Так вот, чтобы пойти вам навстречу, мы в Крипосе приняли решение не устраивать пресс-конференцию завтра утром, как собирались, а отложить ее, перенести на вечер, на девятнадцать часов.

— Спасибо, — поблагодарила Катрина.

— В то же время мы рассчитываем, что вы объясните сотрудникам офиса ленсмана в Сигдале, что им не стоит обнародовать имя погибшего…

Катрина вдохнула, но не стала ничего говорить.

— …до того, как Крипос сообщит его общественности.

«Понятно, ты хочешь приписать все заслуги себе, — подумала Катрина. — На пресс-конференции представишь это дело как результат деятельности команды Крипоса и своих собственных дедуктивных способностей, превзошедших даже суперследователя Харри Холе: еще бы, ведь

злоумышленнику пришлось пуститься в бега и найти быстрый способ покинуть этот мир».

Но вслух, разумеется, она ничего такого не сказала, а ответила коротко:

— Я проинформирую начальника полиции.

И на этом разговор завершился.

Катрина прокралась в спальню и склонилась над видавшей виды детской кроваткой, выкрашенной синей краской. Она досталась им от родителей Бьёрна — он сам, а также все его многочисленные братья и сестры, племянники и племянницы спали в этой кроватке, когда были маленькими. Через тонкую стену кабинета она слышала, что муж все еще плачет. Тише, но с тем же болезненным отчаянием. И, глядя на лицо спящего Герта, Катрина подумала, что горе Бьёрна странным образом принесло ей облегчение. Теперь из них двоих сильной должна быть она, она просто не может позволить себе впасть в сентиментальные раздумья. Потому что жизнь продолжается и у них есть ребенок, о котором надо заботиться.

Внезапно малыш открыл глаза.

Заморгал, поводил глазенками, попробовал сфокусироваться на чем-нибудь.

Она погладила мальчика по удивительно свет-

лым кудряшкам.

«Кто бы мог подумать, что у черноволосой девушки с западного побережья и рыжеволосого тутенца родится настоящий житель фьордов», — сказала бабушка Бьёрна, когда они приехали в Скрейе навестить старушку в больнице и показали ей Герта. Взгляд ребенка отыскал глаза матери, и Катрина улыбнулась. Улыбаясь и поглаживая сынишку, она тихо напевала колыбельную, пока его веки не сомкнулись вновь. Только тогда она вздрогнула, потому что ей вдруг показалось, что перед ней не спящий малыш, а совершенно другой человек, взирающий на нее с той стороны смерти.

Глава 46

Юхан Крон заперся в помещении, которое в их семье называли ванной комнатой. Адвокат копался в телефоне. Он так часто общался с Харри Холе в последние годы, что у него где-то непременно должен быть его номер. Ага, вот он! В старом электронном письме, посвященном Силье Гравсенг, студентке Полицейской академии, которая решила отомстить Холе, подав на него заявление об изнасиловании. Девица тогда обратилась к Крону, хотела, чтобы он занялся этим делом, но он понял, что происходит, и остановил ее. И хотя они с Холе после этого не раз вступали в дискуссии, Харри ведь, как ни крути, должен ему ответную услугу? Крон надеялся на это. Он мог бы позвонить какому-нибудь другому полицейскому, обязанному ему больше, чем Холе, но у него имелись две причины обратиться именно к этому человеку. Во-первых, Холе, без сомнения, употребит всю свою энергию на поиски и арест злоумышленника, который недавно обманул и унизил его. Во-вторых, Харри Холе был единственным полицейским, освоившим искусство поимки Финне. Да, помочь Крону мог только он

один. А уж потом Юхан постарается, приложит все усилия, чтобы как можно дольше продержать Финне за решеткой за угрозу изнасилования и шантаж. Конечно, доказательств у него нет, в этом деле слово против слова, но ничего, как-нибудь справимся.

«Говорите, если вам надо», — прозвучал на автоответчике недовольный голос, а потом раздался гудок.

Крон настолько растерялся, что чуть не бросил трубку, но потом призадумался. Любопытная формулировка: «Если вам надо». А ему действительно надо? Да, надо, и он должен сообщить это в такой форме, чтобы Холе непременно перезвонил ему. Он сглотнул.

— Это Юхан Крон, и я вынужден попросить, чтобы этот разговор остался между нами. Свейн Финне шантажирует… — он снова сглотнул, — меня. И мою семью. Я… э-э-э… пожалуйста, свяжись со мной. Спасибо.

Юхан положил трубку. Может, он сказал слишком много? И правильно ли он вообще поступил, стоило ли звать на помощь полицейского? Ах, откуда ему знать! Ну да ничего страшного; пока Холе не перезвонил, у него есть время передумать и сказать ему, что они с клиентом просто неверно

поняли друг друга.

Крон прошел в спальню и скользнул под одеяло, взял с тумбочки «Юридический вестник» и продолжил чтение.

— На террасе ты сказал мне, что репетируешь речь в защиту подсудимого, — произнесла Фрида, лежавшая рядом с ним.

— Ну да, — подтвердил Юхан и увидел, что она опустила книгу на одеяло и посмотрела на него поверх очков.

— Но кого ты собираешься защищать? — спросила жена. — Мне казалось, у тебя сейчас нет никакого дела.

Крон поудобнее устроился на подушке.

— Одного, в общем-то, очень неплохого человека, который оказался в затруднительном положении.

Он перевел взгляд на собственную статью о двойном наказании. Естественно, Юхан знал ее наизусть, но обнаружил, что можно сделать вид, будто никогда ее не читал, и таким образом вновь и вновь наслаждаться сложными юридическими хитросплетениями.

— Это выдуманное дело. Мой подзащитный подвергся шантажу со стороны одной сволочи, которая хочет заполучить его любовницу и изна-

силовать ее. Если он откажется подчиняться, то потеряет свою семью.

— О господи! — содрогнулась Фрида. — Похоже на страшную сказку, а не на реальное дело.

— Давай будем считать это сказкой, — не стал спорить Крон. — Что бы ты сделала на месте этого человека?

— Разумеется, пожертвовала бы любовницей, чтобы сохранить семью. Тут и думать нечего.

— Не так все просто. Потому что если хороший человек отдаст сволочи — будем так называть участников этой истории — любовницу, то у сволочи окажется еще больше компромата на него. И тогда сволочь вернется и потребует большего.

— Ой, — сказала Фрида и тихо рассмеялась. — Тогда я бы просто наняла киллера, чтобы тот убил сволочь, и делу конец.

— Немного реализма, будь любезна.

— Мне показалось, ты сказал, будто это сказка?

— Да, но…

— А если серьезно, — твердо заявила Фрида, — то я бы отдала любовницу сволочи. Это самый разумный выход.

— Спасибо, — ответил Крон и уставился в журнал, полностью осознавая, что даже самые гениальные формулировки о двойном наказа-

нии не смогут этой ночью увести его мысли от Свейна Финне. И от Алисы. Что, если Харри Холе не сумеет ему помочь? Нет, даже в этом случае он не сможет поступить с Алисой подобным образом. Это не просто неприемлемо с моральной точки зрения, дело в том, что Крон любит ее! Разве нет? И тут он почувствовал, как у него в груди что-то разбухло больше, чем в паху. А что делает любящий мужчина? Правильно, берет ответственность на себя. Платит по счетам. И настоящий мужчина заплатит столько, сколько потребуется. Таков закон любви, и истолковать его иначе невозможно. Сейчас Юхан видел это ясно. Настолько ясно, что понял: ему придется поторопиться, пока его вновь не одолели сомнения; он должен решиться и рассказать все жене. Абсолютно все об Алисе. *Alea iacta est*. Жребий брошен. Крон отложил журнал и сделал глубокий вдох, формулируя про себя вступление к речи.

— Кстати, забыла тебе сказать — я сегодня поймала Симона с поличным, — произнесла Фрида. — Он сидел у себя в комнате и листал… ну, ты не поверишь что.

— Симон? — переспросил Крон и представил себе их первенца. — Неужели порнографический журнал?

— Почти угадал, — развеселилась Фрида. — «Законы Норвегии». Твой экземпляр.

— Уф-ф, — посмеялся Крон, насколько мог искренне, и сглотнул.

Он смотрел на жену, и образ Алисы становился расплывчатым, как в кино. Вот она, Фрида Крон, урожденная Андресен. Лицо ее было таким же чистым и красивым, как в тот раз, когда он впервые увидел ее в аудитории. Тело слегка отяжелело, но несколько лишних килограммов сделали его еще более женственным.

— Я собиралась приготовить на завтра тайский суп, детям он тоже очень нравится. Они до сих пор вспоминают остров Самуи. Может, стоит съездить в Таиланд еще раз? Солнце, тепло и… — Она криво улыбнулась, и ее слова повисли в воздухе.

— Да, — ответил Юхан Крон и сглотнул. — Почему бы и нет?

Он взял в руки журнал и начал читать. Статью о двойном наказании.

Глава 47

— Я тут ни при чем, это все Давид, — сказал мужчина слабым, дрожащим голосом наркомана. — Он ударил Биргера по голове железным прутом.

— За то, что Биргер украл у него героин, — произнес Сон Мин Ларсен, пытаясь подавить зевоту. — А твои отпечатки пальцев оказались на пруте, потому что ты отнял его у Биргера, но было уже слишком поздно.

— Вот именно, — подтвердил свидетель и посмотрел на Сон Мина так, как будто тот только что решил кубическое уравнение. — Теперь я могу идти?

— Конечно, Каско, я тебя не задерживаю. — Сон Мин махнул рукой.

Мужчина, которого все называли Каско, потому что он когда-то продавал автомобильные страховки, поднялся, неустойчиво постоял, как будто пол в доме на улице Старгате был раскачивающейся палубой, и нетвердой походкой направился к двери, на которой висела газетная вырезка со списком заведений Осло, где продают самое дешевое пиво.

— Ты что это творишь? — сердито зашипел на напарника следователь Крипоса Маркуссен. — Зачем ты отпустил свидетеля? Мы могли бы вытянуть из него историю целиком, со всеми деталями! Этот Каско уже был у нас в руках, черт возьми! В следующий раз он может изменить показания. Торчки вечно так и делают.

— Тем больше причин позволить ему уйти сейчас, — сказал Сон Мин и отключил записывающее устройство на столе. — У нас есть простое объяснение. Лишние детали ни к чему: он либо забудет их, либо решит изменить во время дачи свидетельских показаний. А именно это и нужно защитнику, чтобы посеять семя сомнений в отношении всего рассказа. Ну что, пойдем?

— Оставаться здесь нет смысла, — сказал Маркуссен, поднимаясь.

Сон Мин кивнул и скользнул взглядом по страждущим клиентам, занявшим очередь, еще когда они с Маркуссеном только прибыли в этот бар, который открывался раньше всех других в Осло, в семь утра.

— Однако я, пожалуй, все-таки останусь, — произнес Сон Мин. — Я сегодня не завтракал.

– *Ты* хочешь поесть *здесь*?

Сон Мин понял, что имел в виду его коллега. Он

и улица Старгате абсолютно не сочетались. По крайней мере, раньше так и было. Но кто знает, может, настало время опустить планку? Понизить ожидания. А начать можно прямо здесь и сейчас.

После ухода Маркуссена Ларсен схватил газеты, лежавшие на пустом соседнем столике.

Ничего об убийстве Ракели Фёуке.

И об аварии на дороге областного значения № 287 тоже ничего.

Это должно означать, что ни Уле Винтер, ни Катрина Братт пока еще не сообщили журналистам о том, что Харри Холе попал в аварию.

В случае Уле Винтера это могло быть вызвано тем, что ему требовалось время, чтобы придать вид командной работы всем совершенным Сон Мином открытиям. Обычная перепроверка подтвердит все, что выяснил Ларсен, и этого будет достаточно, чтобы впоследствии Уле Винтер представил дело как командную победу, одержанную под его мудрым руководством.

Сон Мин прочитал «Государя» Макиавелли, когда понял, что не разбирается в политических играх и стратегиях власти. Монарху, желающему сохранить власть в своей стране, Макиавелли советовал вступать в союзы и поддерживать

небольших суверенов, тех, кто в любом случае не может угрожать его авторитету, чтобы они были довольны сложившимся порядком вещей; однако действительно сильных потенциальных соперников, по его мнению, необходимо было ослабить любыми средствами. То, что было актуальным для итальянских городов-государств начала XVI века, несомненно, вполне подходило и для Крипоса. Так что с Винтером все понятно.

А вот угадать мотивы, которыми руководствовалась в данном случае Катрина Братт, оказалось значительно сложнее. В ее распоряжении были целые сутки, близких погибшего уже наверняка проинформировали, и у Катрины имелось время, чтобы подготовиться к обнародованию новости о том, что один из ее сотрудников подозревается в убийстве. Тот факт, что она, возможно, испытывала какие-то чувства к Холе, не объясняет ее желания подставить себя и отдел убийств под удар критики и вызвать обвинения в том, что полицейские покрывают друг друга и утаивают правду от общественности. Ларсену казалось, что тут должно быть что-то еще, нечто более глубокое, чем просто забота о любовнике. Но что? Может быть, отчаянная надежда на чудо? На то, что Харри Холе остался в живых? Сон Мин отпил

кофе из чашки и посмотрел на реку Акерсельва. Утреннее солнце освещало серые фасады на другом берегу. Ну до чего же все запутанно! Пожалуй, один только Харри Холе способен разобраться в происходящем, да и то только потому, что сидит сейчас там, на облаке, с нимбом над головой, слушает ангельское пение и видит всю картину целиком.

Он посмотрел на облако под собой.

Взял осколок зеркала и изучил свое лицо. Вокруг его головы образовался белый нимб. Со всех сторон раздавалось пение.

Он еще раз взглянул на небо.

С самого рассвета облачко неподвижно лежало там, в долине, не позволяя разглядеть покрытую льдом реку, и окутывало серым хвойный лес. Но по мере того как солнце поднималось выше, оно выжигало облако и обзор становился шире. Он надеялся, что громкое птичье пение со всех сторон утихнет.

Он мерз. Это нормально. От этого обзор становился еще лучше.

Он еще раз заглянул в осколок зеркала.

На нимбе, точнее, на повязке из белой материи, которую он отыскал в одном из ящиков в загородном доме, на том месте, где кровь просочилась

через ткань, появилось красное пятно. Вероятно, будет новый шрам. Вдобавок к тому, что уже шел от уголка рта к уху.

Он поднялся со стула, прислоненного к стене домика, и вошел внутрь.

Он прошел мимо газетных вырезок на стене. Лицо на одной из них было тем самым, что он только что видел в осколке зеркала.

Он заглянул в спальню, где провел ночь, снял окровавленные простыню и пододеяльник, как две с половиной недели назад снял окровавленное белье в собственной квартире. В этот раз кровь принадлежала ему, и только ему.

Он сел на диван.

Он разглядывал пистолет «хай стандард», лежавший рядом с игрой яцзы. Бор сказал, что в Е14 такое оружие можно было достать без регистрации. Он взвесил пистолет в руке.

Понадобится ли он ему?

Может, да, а может, и нет.

Харри Холе посмотрел на часы. Около полутора суток назад он выбрел из леса к загородному дому Бора, добрался до разбитого окна и проник внутрь. Там он снял с себя мокрую одежду, вытерся, нашел сухие вещи: свитер, рейтузы, полевую форму, толстые шерстяные носки — натянул все

на себя, улегся под шерстяное одеяло на койку и лежал там, пока его не перестала бить дрожь. Харри подумывал, не разжечь ли печь, но отбросил эту мысль. Кто-нибудь мог заметить шедший из трубы дым и захотеть проверить, что происходит в доме. Он пошарил по ящикам и шкафам, нашел все необходимое для первой помощи и обработал рану на лбу. Харри наложил на голову повязку, а тем, что осталось от бинтов, замотал колено, которое к тому времени распухло так, словно внутри был гандбольный мяч. Он глубоко дышал, пытаясь определить, поломаны ли ребра, или же это просто сильный ушиб. В остальном он был цел. Кто-то может назвать это чудом, но все дело лишь в законах физики и в капельке удачи.

Харри сделал еще один вдох, услышал свист и почувствовал укол в боку.

Ладно, удачи потребовалась не капелька, а чуть больше.

Он сознательно старался избегать мыслей о том, что произошло с ним вчера. В соответствии с новым циркуляром, полицейским, подвергшимся серьезным травмам, запрещалось не только обсуждать случившееся, но даже думать об этом на протяжении как минимум шести часов после инцидента. Последние исследования, вступая в

полное противоречие с более ранними научными гипотезами, подтверждали, что такая стратегия является лучшей профилактикой возникновения ПТСР. Конечно, совсем не думать о случившемся было просто невозможно. В голове Харри все события прокручивались, подобно какому-то вирусному ролику с «Ютьюба». Автомобиль несет к водопаду; Харри вжимается в кресло, чтобы хоть что-то увидеть через лобовое стекло; наступает состояние вроде невесомости, и поэтому необычайно легко держать ремень безопасности левой рукой, а замок правой. Движения всего лишь замедляются оттого, что все происходит под водой. Харри видит белую пену, падающую с черной каменной плиты, она приближается к нему, в то время как он тянет ремень к замку. Давление. Звук. И вот он уже висит на ремне, лежа головой на подушке безопасности, понимает, что может дышать, а звуки водопада теперь не глухие, а резкие и шипящие, вода плещет на него через разбитое заднее стекло, и Харри требуется всего несколько секунд, чтобы прийти к выводу: он не только жив, но и на удивление почти не пострадал.

Машина стоит на бампере, передняя часть кузова и руль вдавились в салон или наоборот, но

не настолько, чтобы отрубить или заблокировать его ноги. Все стекла разбились и вывалились, значит вода выльется из салона за пару секунд. Но сила сопротивления от пола, торпеды и лобового стекла, вполне возможно, препятствует оттоку воды, и она успела сработать как дополнительная подушка безопасности для тела Харри, не дав кузову вдавиться в кабину. Потому что вода обладает большой силой. Глубоководные рыбы на дне моря, где покрытый броней танк раздавило бы, как консервную банку, не расплющиваются по одной простой причине. Рыба дышит жабрами, вода находится в ней, внутри ее тела; точно так же людей не сдавливает воздух.

Харри закрыл глаза и досмотрел фильм до конца.

Он висит, пристегнутый ремнем к сиденью, и не может ни расстегнуть его, ни ослабить, поскольку замок и катушка сломались. Он смотрит по сторонам. В разбитое боковое зеркало кажется, что на него льются два потока воды. Он выковыривает кусочек зеркала. Осколок острый, но у Харри дрожат руки, и на то, чтобы перерезать ремень безопасности, уходит целая вечность. Он падает на руль и на ошметки подушки безопасности, на всякий случай запихивает кусочек

зеркала в карман и осторожно выбирается через лобовое окно, надеясь, что машина не перевернется и не рухнет на него.

Потом он доплыл от черной каменной плиты до правого берега реки, вылез на сушу и только тогда ощутил боль в груди и в левом колене. Наверное, адреналин подействовал на него как обезболивающее, да и эффект «Джима Бима» еще не прошел, поэтому Харри знал, что вскоре почувствует себя хуже. Стоя на берегу, он замерз до стука в висках, и вдруг ощутил, как теплая струя льется по скуле и шее. Вынул зеркало и разглядел большую рану на лбу.

Харри посмотрел на склон. Ели и снег. Он прошел еще сто метров вниз по течению, пока не нашел место, где склон казался более или менее пологим и можно было попытаться выбраться на берег, и принялся карабкаться вверх, но колено подогнулось, и он рухнул обратно, в месиво из грязи и снега. Боли в груди стали такими сильными, что ему хотелось кричать, но воздуха не хватало, поэтому он только бессильно хрипел, как проколотая шина. Когда Харри снова открыл глаза, то не смог определить, сколько времени находился в отключке — две секунды или несколько минут. Он был не в силах пошевелиться. И по-

нял, что подвергся такому переохлаждению, что мышцы вот-вот перестанут ему повиноваться. Харри взвыл, глядя в синее, девственно-чистое, безжалостное небо. Неужели он пережил все это только для того, чтобы насмерть замерзнуть здесь, на суше?

Черта с два.

Он заковылял наверх, отодрал ветку от сломанного дерева, наполовину лежавшего в реке, чтобы использовать ее в качестве трости. С трудом преодолев десять метров по покрытому грязью склону, он обнаружил тропинку. Игнорируя пульсирующую боль в колене, Харри двинулся на север, от солнца, против течения. Сперва он решил, что из-за шума водопада и стука собственных зубов не слышал звуков, доносившихся с шоссе, но, поднявшись немного выше, увидел, что шоссе проходит по другому берегу реки. Дорога областного значения № 287.

Харри увидел, как по шоссе проехала машина.

Он не замерзнет до смерти.

Он стоял и дышал очень осторожно, чтобы в груди не кололо.

Харри мог перебраться через реку, остановить машину и вернуться в Осло. Или еще лучше: позвонить в офис ленсмана в Сигдале и попро-

сить подобрать его. Возможно, они уже выехали. Если водитель трейлера видел, что случилось, он должен был сообщить в полицию. Харри стал искать телефон, но вспомнил, что тот лежал на пассажирском сиденье вместе с «Джимом Бимом» и служебным пистолетом, а значит, утонул и сейчас покоится где-то на дне реки.

И тут до него дошло.

Все думают, что он тоже утонул.

И это дает ему свободу для маневра.

Харри двинулся по тропинке обратно и дошел до того места, где выкарабкался из реки. Действуя руками и ногами, он забросал снегом свои следы. А потом, хромая, снова направился на север. Он знал, что дорога № 287 идет вдоль реки, и если тропинка тоже проходит там, то до дачи Руара Бора совсем недалеко. Лишь бы только колено не подвело.

Колено подвело. Он шел два с половиной часа.

Харри увидел, как опухоль начала выпирать с обеих сторон тугой повязки.

Нога отдыхала целую ночь, и сейчас в ее распоряжении было еще несколько часов.

Но после этого ей предстояло принять на себя тяжесть тела.

Харри натянул на голову вязаную шапочку,

найденную в доме, и достал осколок зеркала, чтобы посмотреть, закрывает ли она повязку. Он вспомнил рассказ Руара Бора о том, как ему пришлось добираться из Осло в Тронхейм, имея в кармане всего десять крон. У него самого денег не было вообще, правда и расстояние ему предстояло преодолеть не такое большое.

Харри закрыл глаза, и в голове его зазвучал голос:

Farther along we'll know more about it,
Farther along we'll understand why;
Cheer up, my brother, live in the sunshine,
We'll understand it all by and by.

Харри слышал эту песню много раз. В ней говорилось не только о том, что правда однажды откроется, но и о том, что вероломные люди живут счастливо, а те, кого они предали, страдают.

Глава 48

Водительница нового автоэкспресса Эггедал — Осло смотрела на высокого мужчину, который только что взобрался по ступенькам в салон ее автобуса. Остановка находилась на пустынном участке дороги № 287. Мужчина был одет в камуфляжную форму, и она сперва подумала, что это один из охотников, которые приезжают из Осло, чтобы пострелять тут зверей. Но три детали не укладывались в эту схему. Во-первых, сейчас не сезон охоты; во-вторых, одежда на новом пассажире минимум на два размера меньше, чем надо; а в-третьих, из-под краешка черной шапки выглядывает белая повязка. И к тому же у мужчины не оказалось денег на билет.

— Я свалился в реку, сильно ушибся и потерял телефон и бумажник, — пояснил он. — А теперь мне надо срочно добраться до города. Пожалуйста, войдите в мое положение!

Она посмотрела на него и оценила ситуацию. Повязка и одежда с чужого плеча подтверждали его рассказ. А автоэкспресс до Осло пока еще не был особо популярным видом транспорта, большинство по-прежнему предпочитало ездить

на местном автобусе до Омута, а там пересаживаться на «Тиме-экспресс», поэтому в ее автобусе имелось много свободных мест. Проблема заключалась в том, что этот человек был похож на ходячую неприятность. И теперь следовало решить вопрос: что грозит ей бóльшими неприятностями — отказ в поездке или разрешение пройти в салон?

Видимо, он заметил ее сомнения, потому что кашлянул и добавил:

— Если вы позволите воспользоваться вашим телефоном, я попрошу свою жену приехать на автовокзал с одеждой и деньгами.

Водительница взглянула на его правую руку. Средний палец представлял собой протез из какого-то серо-синего металла. Однако на безымянном действительно имелось обручальное кольцо. Но она совершенно не собиралась одалживать свой мобильный неизвестно кому.

— Ладно, садитесь, — сказала она, нажала на кнопку, и дверь за его спиной с долгим шипением закрылась.

Харри похромал в конец салона. Он обратил внимание на то, что другие пассажиры, во всяком случае те, кто слышал его разговор с водительницей, отвернулись в сторону. Наверняка

потихоньку умоляют Всевышнего, чтобы этот подозрительный тип, будто бы только что вышедший из боя, не сел рядом с ними.

Он нашел свободное двойное сиденье.

Харри смотрел в окно на пролетающие мимо леса и поля. Он бросил взгляд на часы: реклама не обманула — они действительно оказались способны перенести многое, включая падение с высоты водопада. Без пяти пять. Он приедет в Осло уже в сумерках. Темнота ему на руку.

Что-то ткнуло его в бок прямо под больным ребром. Он засунул руку под куртку и пристроил поудобнее дуло пистолета «хай стандард», который позаимствовал у Бора. Харри закрыл глаза, когда автобус проезжал мимо площадки для отдыха, где он накануне развернул свою машину, и почувствовал, что сердце его сильно забилось.

В какой-то момент он прозрел и понял, что песня со строчкой «We'll understand it all» была не кусочком пазла, а дверью, без предупреждения распахнувшейся в черноту и показавшей ему свет. Нет, он пока еще не видел всей картины полностью, не установил связи между отдельными деталями, лишь осознал: в этой истории имеются нестыковки, чего-то в ней не хватает. Или, точнее, в нее кое-что добавили. И этого

оказалось достаточно, чтобы он передумал и вывернул руль.

Последние сутки Харри потратил на то, чтобы собрать все воедино. И теперь он был полностью уверен, что правильно реконструировал ход событий. Довольно легко было представить себе, как место преступления подправил и подчистил человек, знакомый с методами полицейского расследования. И каким образом орудие убийства с кровью Ракели попало в его собрание пластинок, ведь после убийства в его квартиру заходили всего двое. Ему просто надо было доказать, что в доме убитой были произведены определенные манипуляции, а нож ему подкинули. Это все не составляло особого труда.

А вот обнаружить мотив было сложнее.

Харри безостановочно рылся в памяти, пытаясь отыскать объяснение. И вот сегодня утром, наполовину сонный, наполовину проснувшийся, он наконец нашел его, или, вернее, это объяснение нашло его, но поначалу Харри категорически отмел эту мысль. Нет, быть не может. Он поразмыслил. Или может? Харри вспомнил тот вечер, когда он лежал в кровати в квартире Александры. Неужели все так просто?

Сон Мин Ларсен незаметно проскользнул на

задний ряд стульев в конференц-зале нового здания Крипоса на улице Нильса Хансена, 25.

Перед ним находилось множество журналистов и фотографов, и это несмотря на то, что пресс-конференцию назначили после окончания рабочего дня. Он был готов поспорить, что Уле Винтер позаботился о том, чтобы кто-нибудь «проболтался», сообщив представителям СМИ имя, привлекшее их всех сюда: Харри Холе. Сейчас шеф вместе со следователем Ландстадом, своим новым любимчиком, величественно восседал за столом на сцене и следил за секундной стрелкой на наручных часах. Наверняка они хотят синхронизировать начало пресс-конференции с прямым эфиром новостей на одном из телеканалов. Рядом с Винтером и Ландстадом сидела Берна Лиен, возглавлявшая отдел криминалистики в Полицейском управлении Осло. И немного вдали от всех остальных, на правом краю стола, примостилась Катрина Братт. Она с отсутствующим видом просматривала какие-то бумаги. Сон Мин сомневался, что в них написано что-нибудь важное или что она вообще их читает.

Он увидел, как Уле Винтер сделал вдох, да, буквально надулся. Шеф сменил дешевый старый костюм на новый. Сон Мину показалось, что это

шведский бренд «Тигер». Он полагал, что обновка была куплена специально для этого случая, после консультаций с новой начальницей отдела информации, которая, судя по всему, обладала неплохим вкусом.

— Итак, приветствую вас всех на нашей пресс-конференции, — произнес босс. — Меня зовут Уле Винтер, и, поскольку я руководил расследованием убийства Ракели Фёуке, мы сначала расскажем вам о том, как велось следствие, как наша группа совершила несколько прорывов и сумела раскрыть это непростое дело.

Сон Мин подумал, что в этом месте Винтеру следовало бы сделать артистическую паузу для достижения максимального эффекта. Однако руководитель следственной группы действовал наскоком, и, кто знает, возможно, это выглядело более профессионально и достоверно. Убийство не следует превращать в театр. Сон Мин сделал в уме пометку на будущее. Однажды он сам будет сидеть там, наверху. И если раньше Ларсен сомневался, то теперь знал наверняка: он сбросит эту старую волосатую обезьяну с ветки.

— Мы надеемся и верим, что это принесет облегчение как родным и близким погибшей, так и общественности, — говорил Винтер. — Трагедия

усугубляется тем, что тот человек, против которого мы собрали доказательства в деле об убийстве Ракели Фёуке, покончил с собой. Я сейчас не буду строить домыслы по поводу его мотивов, но, разумеется, мы не можем исключать, что самоубийство связано с тем, что он понимал: Крипос скоро призовет его к ответу.

Сон Мин отметил, что Винтер сказал «человек, против которого мы собрали доказательства», а не «подозреваемый»; «покончил с собой», а не «пропал без вести»; «призовет его к ответу» вместо «арестует его». Таким образом Винтер строил домыслы, хотя только что пообещал присутствующим этого не делать. Более аккуратный, профессионально нейтральный выбор слов сработал бы лучше. Ларсен и это тоже намотал себе на ус.

— У нас есть все основания предполагать, что злоумышленник покончил с собой, хотя официально этот человек пока еще числится пропавшим без вести, — уточнил Винтер. — Наверняка некоторые из вас в курсе, что вчера утром на областной дороге двести восемьдесят семь в реку упал автомобиль. Сейчас мы можем сообщить, что машина эта принадлежит подозреваемому, Харри Холе…

В этом месте Винтеру уже не надо было делать никаких искусственных пауз, потому что его прервали громкий стон, судорожные вздохи и выкрики из толпы журналистов.

Харри проснулся от мигающего света и обнаружил, что они едут по туннелю в Люсакере, а значит, скоро доберутся до места назначения. Когда автобус выехал на дорогу с другой стороны туннеля, Харри увидел, что был прав: за окном уже совсем стемнело. Автобус добрался до вершины холма и поехал вниз в сторону Шёлюста. Он смотрел на армаду небольших яхт в заливе Бестумкилен. Ну, относительно небольших. Харри не понимал владельцев яхт. Даже если у тебя есть деньги, чтобы приобрести такое судно, то страшно представить, сколько времени надо потратить на оформление документов, обслуживание и другие формальности. И все ради чего? Норвежский судоходный сезон очень короток, он подобен бабочке-однодневке. Не проще ли арендовать лодку на один из погожих дней, а потом оставить ее у причала и беззаботно вернуться домой? В салоне полупустого автобуса стояла полная тишина, но с сиденья перед Харри доносился похожий на писк насекомого звук музыки из наушников, а в просвете между спинками он видел светящий-

ся экран компьютера. Наверняка в салоне есть беспроводной Интернет, потому что сидевший перед Харри мужчина зашел на сайт газеты «ВГ».

Он снова бросил взгляд на яхты. Может быть, значение имели не часы, проведенные в море, а чувство собственности, радость обладания. Приятно, черт возьми, сознавать, что где-то там находится яхта, которая принадлежит *тебе*. Ухоженная дорогая яхта. Когда другие суда будут проходить мимо, то люди станут указывать на нее и произносить *твое* имя, говорить, что это *твоя* яхта. Потому что, как известно, мы — это не то, что мы делаем, а то, чем мы владеем. А когда мы все теряем, то перестаем существовать. Харри сообразил, куда устремились его мысли, и вырвался из их круговорота.

Он взглянул в просвет между сиденьями на экран компьютера. Любопытный оптический эффект: скорее всего, Харри находился по отношению к ноутбуку под таким углом, что тот отражал его лицо, потому что с места Харри казалось, что на интернет-страничке «ВГ» красовалась его собственная потрепанная физиономия.

Он перевел взгляд чуть ниже. И увидел надпись:

Наше издание ведет ПРЯМУЮ трансляцию

пресс-конференции Крипоса: ХАРРИ ХОЛЕ, ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В УБИЙСТВЕ ЖЕНЫ, ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ.

Харри заморгал, чтобы убедиться, что не спит и что ему ничего не попало в глаз. Он перечитал текст и рассмотрел фотографию, которая была отнюдь не его зеркальным отражением, а снимком, сделанным полтора года назад, сразу после окончания дела вампириста.

Харри откинулся на сиденье и натянул шапку на лицо.

Вот черт!

Через пару часов эта фотография будет повсюду. Его станут узнавать на улице, потому что в городе хромающий мужчина в камуфляжной форме с чужого плеча точно будет бросаться всем в глаза. А если его арестуют сейчас, то весь план пойдет псу под хвост. Поэтому необходимо срочно внести в него коррективы.

Харри пытался думать. Он не мог открыто передвигаться по Осло, поэтому ему следовало как можно быстрее отыскать телефон и позвонить тем, с кем требовалось поговорить. Через пять-шесть минут автобус приедет на автовокзал. Оттуда на Центральный железнодорожный вокзал ведет пешеходный мост. На территории

вокзала, в толпе спешащих людей, среди наркоманов, попрошаек и всяких эксцентричных личностей, легко затеряться. А самое главное, когда компания «Теленор» в 2016 году демонтировала все свои телефоны-автоматы, то — больше в качестве диковинки — установила несколько старомодных монетных автоматов, и один из них на Центральном вокзале Осло.

Но где взять деньги, чтобы позвонить?

Добраться от Осло до Тронхейма.

Без чертова гроша в кармане.

— Без комментариев, — сказала Катрина Братт. — В настоящее время я не могу ничего вам сказать. — И добавила: — На этот вопрос должен ответить Крипос.

Сон Мин сочувствовал Катрине, на которую градом сыпались вопросы. Ну и видок у нее: как говорится, краше в гроб кладут. А кстати, призадумался Ларсен, правда ли, что хуже смерти уже ничего быть не может? Вот Харри Холе, например, явно так не считал.

Сон Мин выбрался из пустого заднего ряда, он услышал вполне достаточно. Достаточно, чтобы убедиться: Винтер устроил все так, как хотел. Достаточно, чтобы понять: сам он, скорее всего, не сможет бросить вызов этому альфа-самцу в

ближайшем будущем. Это дело еще больше укрепит позиции Винтера, и теперь, когда Ларсен впал в немилость, он должен задаться вопросом, не стоит ли подать заявление о переводе в другой клуб. Катрина Братт казалась ему начальником, на которого он смог бы работать. Вернее, вместе с которым он смог бы работать. Ларсен способен начать там, где остановился Харри Холе. Ведь если сам он — Месси, то Холе — Марадона. Сыщик от Бога, талантливый мошенник. Поэтому, как бы Месси ни старался, ему никогда не стать такой же легендой, как Марадона. И Сон Мин знал, что, несмотря на нынешние сложности, его собственной истории будет не хватать падения, трагедии Холе и Марадоны. Его жизнь станет скучной историей успеха.

Каско надел солнцезащитные очки от «Оукли».

Он стащил их с прилавка в окошке кафе, куда заходил, чтобы разжиться бумажным стаканчиком для выклянчивания денег на наркотики. Владелец очков снял их, чтобы рассмотреть девушку на улице. Солнце сияло, отражаясь от снега, поэтому странно, что он снял очки. Наверное, хотел, чтобы девушка заметила, что он на нее смотрит. И поделом дураку, нечего хвост распускать!

— Идиот! — громко простонал Каско, адресуя этот возглас всем и никому конкретно.

Бедра и ягодицы словно онемели. Совсем непросто долго сидеть на заднице на твердом холодном каменном полу и прикидываться страдальцем. Хотя он и правда страдал, ведь уже давно настала пора сделать вечерний укол.

— Благодарю! — пропел он, когда очередная монетка упала в бумажный стаканчик.

Каско напялил на себя солнцезащитные очки, поскольку считал, что они делают его неузнаваемым. Нет, Каско не боялся полиции, он честно рассказал все, что знал. Но они еще не нашли и не взяли Давида, а если Давид прослышал, что именно Каско сдал его тому китаезе-полицейскому, то, вполне возможно, он прямо сейчас его разыскивает. Поэтому безопаснее всего сидеть здесь, в толпе людей перед билетными кассами на Центральном вокзале. По крайней мере, тут никто не станет угрожать тебе убийством.

Наверное, сочетание прекрасной весенней погоды и более редких, чем обычно, задержек поездов приводило людей в отличное настроение. Во всяком случае, они часто бросали деньги в стоявший перед Каско простой бумажный стаканчик. Даже пара парней из тусовки эмо, которые

собирались в уголке у лестницы, ведущей к платформе № 19, кинули ему денежку. Вечерний укол был уже почти у него в кармане, так что сегодня не придется продавать солнцезащитные очки.

И тут Каско обратил внимание на человека в камуфляжной форме. Не только потому, что тот хромал, его голова под шапкой была перевязана и он в целом выглядел паршиво, а потому, что мужик держал курс, нарушающий схему движения, шел против течения, как хищная рыба в косяке пожирателей планктона. Короче говоря, он двигался прямо на Каско. И Каско это не понравилось. Те, кто бросал ему деньги, шли *мимо* него, а не *к* нему. «*К* нему» никогда не сулило ничего хорошего.

Мужчина остановился перед ним:

— Можно одолжить у тебя несколько монет? — Его голос был таким же хриплым, как и у самого Каско.

— Прости, друг, — сказал Каско. — На свой укольчик сам бабло собирай, моего хватит только на один.

— Мне нужно всего двадцать-тридцать крон.

Каско, фыркнув, рассмеялся:

— Вижу, что ты нуждаешься в лекарстве, но лишних денег у меня нет.

Мужик присел на корточки рядом с ним, вынул что-то из внутреннего кармана и показал Каско. Удостоверение полицейского. Ну вот, не было печали. Человек на фотографии отдаленно напоминал мужчину, который стоял перед ним.

— Настоящим я конфискую твои доходы как незаконные, поскольку заниматься попрошайничеством в общественных местах нельзя, — объявил он и протянул руку к стаканчику.

— Да пошел ты! — заорал Каско, схватил бумажный стаканчик и прижал его к груди.

На них стали оборачиваться.

— Лучше отдай по-хорошему, — сказал полицейский. — Или же я отведу тебя в участок, посажу под арест, и тогда ты не сможешь уколоться до завтрашнего вечера. Как тебе такая перспектива?

— Да ты блефуешь, чертов легавый наркот! Городской совет отменил постановление о незаконном сборе средств, то есть о попрошайничестве, шестнадцатого декабря две тысячи шестнадцатого года.

Высокий мужчина хмыкнул и вроде бы задумался. Потом он пододвинулся так близко к Каско, что полностью заслонил его от прохожих, и прошептал:

— Ты прав. Я блефовал. А вот это уже не блеф.

Каско смотрел на него. Мужчина засунул руку под камуфляжную куртку и теперь держал в руке пистолет, направленный прямо на него. Ну и хрень: большой, страшный пистолет прямо посреди вечернего столпотворения на Центральном вокзале! Да этот парень спятил, у него, видать, совсем крыша съехала. Повязка на голове и бордовый шрам ото рта к уху. Каско слишком хорошо знал, что́ потребность в наркотике делает с людьми; совсем недавно он видел, что может натворить железный прут, а тут еще черти принесли этого отморозка с пушкой. Лучше уж он продаст очки.

— На, — простонал он и протянул мужику бумажный стаканчик.

— Спасибо. — Тот взял его и заглянул внутрь. — Сколько хочешь за очки?

— Чё?

— Солнцезащитные очки. — Он вынул все лежавшие в кружке купюры, оставив себе лишь монеты, и протянул Каско. — Этого хватит?

А затем выхватил у него очки, надел их, поднялся и похромал поперек людского потока к старому телефонному автомату у магазина «Севен-элевен».

Сперва Харри позвонил на собственный автоответчик, набрал код доступа и убедился, что Кайя Сульнес не оставляла для него сообщений, то есть даже ни разу не пыталась ответить на его многочисленные звонки. Единственное сообщение было от вечно занятого Юхана Крона:

> Это Юхан Крон, и я вынужден попросить, чтобы этот разговор остался между нами. Свейн Финне шантажирует меня. И мою семью. Я… э-э-э… пожалуйста, свяжись со мной. Спасибо.

«Придется тебе позвонить кому-нибудь другому, я ведь умер», — подумал Харри, глядя, как кроны проваливаются в автомат.

Он позвонил в справочную, узнал три телефонных номера и записал их на руке.

Первым делом он связался с Александрой Стурдза.

— Харри!

— Не клади трубку. Я ни в чем не виноват. Ты на работе?

— Да, но…

— Что им известно?

Он слышал, как Александра замешкалась, принимая решение. А затем вкратце пересказала ему

свой разговор с Сон Мином Ларсеном. Казалось, она заплачет, не договорив до конца.

— Я понимаю, как все это выглядит со стороны, — сказал Харри, — но ты должна доверять мне. Сможешь?

Молчание.

— Александра, ну подумай сама. Если бы я и впрямь убил Ракель, то разве стал бы сейчас восставать из мертвых?

По-прежнему тишина. Вздох.

— Спасибо, что не бросаешь трубку, — сказал Харри. — Помнишь тот последний вечер, что я провел у тебя?

— Да. — Она шмыгнула носом. — Или нет.

— Мы лежали в постели. Ты еще попросила меня воспользоваться презервативом, потому что я наверняка не захочу снова стать отцом. А потом мне позвонила женщина.

— Ах да. Кайя. Жуткое имечко.

— Значит, вспомнила. Хорошо, — сказал Харри. — А сейчас я кое-что у тебя спрошу, но ты наверняка не захочешь отвечать.

— Вот как?

Харри задал вопрос, на который надо было ответить «да» или «нет». Александра явно колебалась, и это уже само по себе почти было ответом.

А потом она сказала: «Да». Отлично, именно это и требовалось доказать.

— Спасибо. И еще одно. Я оставлял тебе окровавленные брюки. Можешь сделать анализ крови?

— Ракели?

— Нет. У меня кровоточили костяшки пальцев, так что на брюках есть и моя кровь, помнишь?

— Ну да.

— Прекрасно. Хочу, чтобы ты провела анализ моей крови.

— Твоей? Но зачем?

Харри объяснил, что именно он ищет.

— Для этого потребуется время, — ответила Александра. — Скажем, час. Я могу тебе куда-нибудь перезвонить?

Харри задумался.

— Пришли результаты эсэмэской Бьёрну Хольму.

Он дал ей номер Бьёрна, и они завершили разговор.

Харри скормил автомату еще несколько монет, отметив, что кроны летят быстрее, чем слова. Ему следует поторапливаться.

Номер Олега он помнил наизусть.

— Да? — Голос звучал отстраненно. То ли потому, что место, где находился Олег, было очень

далеко, то ли потому, что его мысли где-то блуждали. А может, и то и другое.

— Это я, Олег.

— Папа? Ты жив?

В горле у Харри появился ком.

— Да, — ответил он.

— Я сплю, — сказал Олег. Его слова прозвучали не как протест, а как трезвая констатация факта.

— Нет, не спишь, — возразил Харри. — Если только мы оба не спим.

— Катрина Братт сказала, что ты на машине рухнул в реку.

— Я выжил.

— Ты пытался совершить самоубийство.

Харри слышал в голосе юноши изумление, грозившее вот-вот превратиться в нарастающую ярость.

— Да, — не стал спорить Харри. — Я ведь решил было, что отнял жизнь у твоей матери. Но в последний момент сообразил: в том, что я так думал, был смысл.

— Что ты имеешь в виду?

— Слишком долго объяснять: у меня монеток не хватит. Ты должен кое-что для меня сделать.

Пауза.

— Олег? Ты куда пропал?

— Я здесь.

— Ты теперь хозяин дома, а значит, имеешь полное право смотреть в Интернете показания электрического счетчика. Он фиксирует потребление энергии каждый час.

— И что дальше?

Харри кратко объяснил, «что дальше», и попросил прислать результаты эсэмэской Бьёрну Хольму.

Закончив этот разговор, он перевел дыхание и набрал номер Кайи Сульнес.

Прозвучало шесть гудков. Он уже собирался положить трубку и поэтому чуть не вздрогнул, услышав голос Кайи:

— Кайя Сульнес, слушаю.

Харри облизал губы:

— Это Харри Холе.

— Харри? Я не узнала номер. — Она говорила быстро, как будто сильно нервничала.

— Я пытался несколько раз позвонить тебе со своего телефона, — сказал Харри.

— Правда? Я не проверяла, мне… пришлось срочно уехать. По линии Красного Креста. Бросить все и уехать — так бывает, когда ты в резерве.

— Хм… И куда тебя послали?

— В… все произошло так быстро, что я даже

не помню, как называется это место. Тут у них произошло землетрясение. Маленький остров в Тихом океане, чертовски долгая дорога. Вот поэтому я тебе и не перезвонила, бóльшую часть времени я провела в транспортном самолете.

— Хм… А слышимость такая, будто ты совсем рядом.

— Телефонная связь в наши дни хорошая. Извини, я тут немного занята. А что ты хотел?

— Мне нужно где-то переночевать.

— Как насчет твоей квартиры?

— Слишком рискованно. Мне надо спрятаться. — Харри посмотрел на ряд быстро убывающих крон. — Ладно, объясню позже, мне надо срочно найти другое место.

— Подожди!

— Да?

Пауза.

— Иди ко мне, — сказала Кайя. — Я хочу сказать — в мой дом. Ключ лежит под ковриком на крыльце.

— Я могу переночевать у Бьёрна.

— Нет! Я настаиваю. Я хочу, чтобы ты поехал туда. Правда.

— Хорошо. Спасибо.

— Прекрасно. Тогда скоро увидимся. Я наде-

юсь.

Харри постоял, некоторое время глядя прямо перед собой, прежде чем положить трубку. Его взгляд упал на экран телевизора над прилавком кафе в зале отъезда. Там показывали кадры, на которых он сам шагал в здание суда Осло. Это тоже было снято во время дела вампириста. Харри быстро повернулся к телефону-автомату и набрал номер Бьёрна, который помнил наизусть.

— Хольм.

— Это Харри Холе.

— Не может быть, — сказал Бьёрн. — Он умер. Вы кто?

— Ты что, не веришь в призраки?

— Я спросил, кто вы.

— Я тот, кому ты подарил «Road to Ruin».

Тишина.

— Однако мне по-прежнему больше нравятся «Ramones» и «Rocket to Russia», — добавил Харри. — Но черт возьми, задумано было неплохо.

Он услышал какой-то звук и только через некоторое время понял, что это плач. Не детский, нет. Это плакал взрослый мужчина.

— Я на Центральном вокзале, — произнес Харри, сделав вид, что ничего не заметил. — Меня ищут, у меня повреждена нога, денег нет ни кро-

ны, и мне нужен бесплатный транспорт до улицы Лидера Сагена.

Харри слушал тяжелое дыхание, всхлип «боже мой», адресованный неизвестно кому. А потом Бьёрн произнес тонким дрожащим голосом, которого Харри никогда раньше не слышал:

— Я здесь один с ребенком, Катрина на пресс-конференции в Крипосе. Но…

Харри ждал.

— Я возьму малыша с собой, его пора приучать к машине, — сказал Бьёрн. — Давай возле универмага «Бюпротен», минут через двадцать?

— Лучше побыстрее, а то на меня тут уже прохожие подозрительно косятся. Через пятнадцать сможешь?

— Постараюсь. Стой у так…

Его голос прервал длинный гудок. Харри посмотрел вверх. Последняя монетка исчезла.

Он засунул руку под куртку и потер грудь над ребром.

Харри стоял в темном углу на улице у северного бокового выхода с вокзала. Красный «вольво-амазон» Бьёрна проскользнул мимо армады свободных такси и остановился. Два шофера, болтавшие около своих машин, бросали на него свирепые взгляды, как будто водитель этого ре-

троавтомобиля задумал подработать частным извозом и перехватить у них клиентов.

Харри дохромал до машины и уселся на пассажирское сиденье.

— Ну, здравствуй, призрак, — прошептал Бьёрн из своего обычного полулежачего положения. — Куда поедем, к Кайе Сульнес?

— Да, — кивнул Харри. Он понял, что Бьёрн разговаривает шепотом из-за малыша, который спал в детском кресле, крепко пристегнутом к заднему сиденью спинкой к ним.

Они выехали на площадь с круговым движением около развлекательного центра «Спектрум», куда прошлым летом Бьёрн уговорил Харри пойти на концерт, посвященный Хэнку Уильямсу. Утром в день концерта Бьёрн позвонил ему из роддома и сообщил, что все началось немного раньше, чем они думали. Харри в ответ пошутил, что мальчишка наверняка специально это затеял, потому что ему захотелось как можно скорее выбраться наружу, пойти вместе с папой на концерт и выучить первые песни Хэнка Уильямса.

— Фрёкен Сульнес знает о твоем визите? — спросил Бьёрн.

— Да. Она сказала, что оставила ключ под ковриком на крыльце.

— Что-то мне в это слабо верится, Харри.

— Посмотрим.

Они проехали под транспортной развязкой Биспелокке и правительственным зданием, мимо нарисованной на стене картины «Крик», молодежного центра «Блиц», улицы Стенсберг-гата, по которой Бьёрн с Харри направлялись в квартиру последнего в ночь убийства. В тот момент Харри был в такой отключке, что не заметил бы и взрыва бомбы. Сейчас же он сидел, глубоко сосредоточившись, и прислушивался к малейшим изменениям в работе двигателя, к каждому скрипу сиденья, а когда они остановились на красный на улице Спурвейсгата около церкви Фагерборг — к почти неразличимому дыханию на заднем сиденье.

— Расскажешь, когда поймешь, что время пришло, — тихо произнес Бьёрн.

— Непременно, — пообещал Харри, и собственный голос показался ему странным.

Они поднялись на холм Нурабаккен и въехали на улицу Лидера Сагена.

— Здесь, — сказал Харри.

Бьёрн остановился. Харри продолжал сидеть.

Бьёрн немного подождал, а потом выключил зажигание. Они смотрели на погруженную во

мрак виллу за забором.

— Что ты видишь? — спросил Бьёрн.

Харри пожал плечами:

— Вижу женщину ростом около метра семидесяти, но во всем остальном она значительно превосходит меня. У нее дом выше. Интеллект выше. Мораль выше.

— Ты говоришь о Кайе Сульнес? Или о той, что всегда?

— Всегда?

— О Ракели.

Харри не ответил. Он смотрел на черные окна дома за растопыренными ведьмачьими пальцами веток в саду. Дом не выдавал никаких тайн, но и не выглядел уснувшим; казалось, он затаил дыхание.

Три коротких аккорда. Слайд-гитара Дона Хелмса, исполняющего «Your Cheatin' Heart». Бьёрн извлек из кармана телефон.

— Сообщение с незнакомого номера, — произнес он, собираясь убрать мобильник.

— Открой, — попросил Харри. — Это для меня.

Бьёрн открыл.

— Понятия не имею, от кого это и о чем идет речь, но тут написано: «Бензодиазепин флунитразепам».

— Мм… Старый знакомый по делам об изнасилованиях.

— Да. Рогипнол.

— Этот препарат можно ввести спящему с помощью шприца, и, если доза достаточно велика, он гарантированно будет в отключке часа четыре или даже пять. Он не заметит, что с ним плохо обращаются или что его переносят с места на место.

— Или насилуют.

— Вот именно. Но особенно на руку насильникам то, что флунитразепам вызывает провалы в памяти. Полный блэкаут, жертва просто-напросто не помнит ничего из случившегося.

— Наверное, поэтому его и сняли с производства.

— Однако им до сих пор торгуют из-под полы. И человек, имеющий отношение к полиции, точно знает, где его можно купить.

Снова раздался писк телефона.

— Ух ты, посыпались эсэмэски, — сказал Бьёрн. — Эту тоже прочитать?

— Ага.

Сзади донеслось хныканье, Бьёрн повернулся и посмотрел на спинку детского сиденья. Потом дыхание ребенка выровнялось, и Харри заметил,

как напряжение уходит из тела Бьёрна и он снова нажимает кнопки телефона.

— Здесь написано, что потребление электроэнергии увеличилось на семнадцать с половиной киловатт в час в промежуток времени с двадцати до двадцати четырех часов. А это что значит?

— Это означает: тот, кто убил Ракель, сделал это около двадцати пятнадцати.

— Что?

— Я недавно разговаривал с одним парнем, и он проделал тот же номер. По пьяни задавил девушку, положил ее в машину и включил печку на полную мощность, чтобы тело не остыло. Он хотел заставить судмедэксперта поверить, что она умерла позже, чем на самом деле, в то время, когда у него самого содержание алкоголя в крови уже существенно снизилось.

— А вот теперь я не совсем тебя понимаю, Харри.

— Убийца — это первый человек, которого мы видим на записи, тот, что пришел пешком. Он прибыл к Ракели в двадцать ноль три, убил ее ножом с нашей кухни, врубил термостат, к которому подключены все батареи на первом этаже, и ушел, не заперев дверь. Он пришел ко мне, пьяному в стельку, и я сам не заметил, как

меня накачали рогипнолом. Преступник спрятал орудие убийства между пластинками у меня в квартире, нашел ключи от «форда-эскорт», привез меня на место преступления и затащил в гостиную. Именно поэтому на записи мы видим, что человек тратит много времени на то, чтобы зайти в дом, куртка свисает с него, а сам он горбится. Убийца несет меня, как рюкзак. «Так мы выносим из боя всех наших павших», — рассказывал Бор об Афганистане и Ираке. Потом меня положили в лужу крови Ракели и предоставили самому себе.

— Вот черт! — Бьёрн почесал рыжие бакенбарды. — Но на записи не видно, чтобы кто-нибудь покидал место преступления.

— Тот человек хотел, чтобы я поверил в то, что убил Ракель, когда проснусь. А значит, я должен был обнаружить обе связки ключей в доме и увидеть, что дверь заперта изнутри. И тогда я пришел бы к выводу, что никто, кроме меня, просто не мог совершить убийство.

— Очередной вариант тайны запертой комнаты?

— Именно.

— И?..

— После того как убийца положил меня рядом с Ракелью, он запер дверь изнутри и покинул

дом через окно в подвале. Только там нет решеток. Этот человек не знал о фотоловушке, но ему повезло. Камера срабатывает от движения, но поскольку он передвигался в полной темноте по другой стороне двора, ничего такого фотоловушка не зафиксировала, и он спокойно покинул место преступления. Мы приняли его за кота или птицу и не придали этому значения.

— Ты хочешь сказать — тебя… обвели вокруг пальца?

— Мною манипулировали и заставили подумать, что я убил ту, кого люблю.

— О господи, это хуже любого наказания, это настоящая пытка. Однако какой же у преступника был мотив?

— Ты сам только что его назвал. Наказание.

— Наказание? Но за что?

— За предательство. Я понял это, когда собирался покончить с собой и включил радио. «Farther along we'll know more about it…»[54]

— «Farther along we'll understand why»[55], — подхватил Бьёрн, медленно кивая.

---

[54] Примечания: 54
«Чем дальше, тем больше мы узнаём…» *(англ.)*

[55] Примечания: 55
«Пройдет время, и мы поймем почему» (*англ.*)

— «Cheer up, my brother»[56], — ответил Харри. — «Live in the sunshine. We'll understand it all by and by»[57].

— Красиво, — сказал Бьёрн. — Многие думают, что это песня Хэнка Уильямса, но на самом деле это одна из немногих записанных им кавер-версий.

Харри достал пистолет. Он услышал, как Бьёрн беспокойно заерзал на сиденье.

— Этот пистолет не зарегистрирован, — пояснил Харри, прикручивая глушитель. — Его в свое время добыли для E14, ныне уже закрытого отдела секретной службы. Так что владельца оружия отследить невозможно.

— Ты собираешься… — Бьёрн обеспокоенно кивнул в сторону дома Кайи, — воспользоваться им?

— Нет, — ответил Харри, протягивая ему оружие. — Я войду в дом без пистолета.

— А почему ты даешь его мне?

Харри долгим взглядом посмотрел на Бьёрна:

— Потому что это ты убил Ракель.

---

[56] Примечания: 56
«Бодрись, брат мой» *(англ.)*.

[57] Примечания: 57
«Живи в лучах солнца. Мы всё поймем когда-нибудь» *(англ.)*.

Глава 49

— Позвонив тем вечером Эйстейну в «Ревность» и узнав, что я там, ты понял, что я еще какое-то время пробуду в баре, — сказал Харри.

Бьёрн стиснул пистолет, не отводя глаз от Харри.

— И ты поехал на Хольменколлен, припарковал свой красный «вольво-амазон» подальше от виллы, чтобы соседи и другие свидетели не увидели его и не вспомнили бросающийся в глаза автомобиль. Ты подошел к дому Ракели, позвонил. Она открыла, увидела тебя и, разумеется, впустила. Конечно, ты не знал, что я установил фотоловушку. В тот момент ты был уверен, что все складывается замечательно. Свидетелей нет, до сих пор все идет согласно плану, стойка с ножами стоит на том самом месте, где ты видел ее, когда в прошлый раз был у нас в гостях, еще до того, как мы с Ракелью расстались. А я тем временем сидел в «Ревности» и напивался. Ты вынул нож из стойки и убил ее. Быстро и без удовольствия, ты ведь не садист. Но довольно жестоко, чтобы я знал, что ей было больно. Когда Ракель умерла, ты включил термостат, забрал

нож, поехал в «Ревность» и подсыпал рогипнол мне в стакан, пока я дрался с Рингдалом. А затем вывел меня наружу, посадил в машину и отвез ко мне домой. Рогипнол подействовал быстро: когда ты парковался рядом с «фордом-эскорт» во дворе моего дома, я уже давно пребывал в царстве Морфея. Ты нашел в моем кармане ключи от квартиры, прижал мою кисть к рукоятке ножа, чтобы на ней остались отпечатки, вошел в квартиру, засунул нож между пластинками «Rainmakers» и «Ramones», где как раз и было место Ракели. Потом стал искать ключи от машины. Спускаясь по лестнице, ты встретил Гюле, который как раз возвращался с работы. Это не было запланировано, но ты прекрасно сымпровизировал, сказав, что уложил меня в постель и теперь едешь домой. Во дворе ты перетащил меня из «вольво» в мой «форд-эскорт» и поехал на нем на Хольменколлвейен. Ты потратил много времени на то, чтобы отбуксировать меня в гостиную. На спине занес на крыльцо, вошел в незапертую дверь, положил меня в лужу крови рядом с убитой. А затем тщательно очистил место преступления от своих следов и покинул дом через окно в подвале. Конечно, защелки на окне снаружи запереть невозможно, но ты предусмотрел и это. Думаю,

ты добрался до дому пешком. Спустился вниз по улице Хольменколлвейен и, возможно, пошел по Сёркедалсвейен в район Майорстюа. Ты избегал камер слежения, такси, где надо расплачиваться картой, и вообще всего, что могло навести на твой след. Теперь тебе оставалось только ждать: сидеть рядом с терминалом «ТЕТРА» и слушать сообщения по рации. Таким образом, хоть ты и находишься в отпуске по уходу за ребенком, однако оказался на месте преступления одним из первых, сразу после того, как услышал, что по адресу, где жила Ракель, обнаружен труп женщины. И ты взял дело в свои руки. Сам обошел дом, чтобы проверить, существуют ли другие пути отхода, ведь остальные об этом не подумали, поскольку, когда Ракель обнаружили, входная дверь была открыта. Ты спустился в подвал, закрыл защелки, для виду заглянул на чердак, вернулся и заявил, что все заперто. До сих пор я все излагаю правильно?

Бьёрн Хольм не ответил. Он сидел, сжавшись в кресле, его остекленевший взгляд был направлен на Харри, но казалось, Бьёрн смотрит в никуда.

— Ты думал, что достиг цели. Совершил идеальное преступление. Никто не сможет сказать, что у тебя не было предпосылок для этого. Конечно, ты

занервничал, когда понял, что мой мозг вытеснил воспоминание о том, что я проснулся у Ракели. Я начисто позабыл, что меня уверили в том, что это я убил ее: больше просто некому, поскольку дверь была заперта изнутри. Как забыл и про то, что тщательно убрал за собой следы, снял фотоловушку и выкинул карту памяти. Я вообще ничего не помнил. Конечно, это бы меня не спасло. Ты спрятал орудие убийства у меня дома в качестве страховки. Страховки на тот случай, если я не признаю собственную вину и не воздам себе по заслугам, если вдруг начнет казаться, что я избегу наказания. Тогда ты бы ненавязчиво позаботился о том, чтобы в моей квартире произвели обыск и нашли нож. Но когда ты убедился, что я ничего не помню, то подстроил так, чтобы я сам обнаружил орудие убийства. Ты хотел, чтобы я стал своим собственным палачом. И подарил мне пластинку, точно зная, на какое место в коллекции я ее поставлю: ты ведь знаешь мою систему расстановки. Альбом «Road to Ruin» группы «Рамоунз» как раз и стал дорогой в пропасть. Я думаю, ты не испытывал восторга извращенца, передавая мне эту пластинку на похоронах, но… — Харри пожал плечами, — именно так ты и поступил. И твой план сработал: я нашел нож. И начал

вспоминать.

Рот Бьёрна открылся и снова закрылся.

— Но потом возникла настоящая загвоздка, — продолжал Харри. — Я отыскал карту памяти с записями фотоловушки. Ты понял, что это реальная опасность: твоя личность будет установлена и раскрыта. Помнится, ты еще поинтересовался у меня, сделал ли я копию записи, прежде чем попросил передать тебе физический носитель. Я подумал, ты спрашиваешь, потому что послать запись по Интернету было бы легче. Но ты просто хотел удостовериться, что получил единственный оригинал и таким образом мог испортить или подправить запись, если тебя на ней можно было опознать. Когда ты, к своему облегчению, обнаружил, что качество записи чрезвычайно низкое, то переслал карту памяти эксперту, сам при этом нигде не засветившись и не упомянув своего имени. Сейчас-то понятно, что я должен был задать себе вопрос: почему ты не попросил меня послать карту памяти напрямую Фройнду?

Харри взглянул на пистолет. Как странно Бьёрн держит его: не за рукоятку, а за дуло, как будто это важная улика и он боится уничтожить возможные отпечатки пальцев.

— А у тебя есть… — Голос Бьёрна тоже звучал

странно, как у лунатика; он говорил так, словно его рот был набит ватой. — Ты сейчас включил диктофон или что-нибудь в этом роде?

Харри помотал головой.

— Да какая разница, — сказал Хольм и смиренно улыбнулся. — Как… как ты все понял?

— С помощью того, что всегда нас связывало, Бьёрн. С помощью музыки.

— Музыки?

— За секунду до того, как врезаться в трейлер, я включил радио и услышал Хэнка Уильямса и скрипку. По радио должен был звучать хард-рок. Но кто-то настроился на другую станцию. Кто-то чужой пользовался моей машиной. А уже в реке я сообразил, что с сиденьем что-то не так. И только добравшись до загородного дома Бора, понял, что именно. Я заметил это, еще когда в первый раз после смерти Ракели сел в машину, собираясь в бункеры в Норстранне. Еще тогда меня что-то внезапно насторожило. Я даже укусил себя за титановый палец — я так делаю изредка, когда понимаю, что в моей памяти есть нужное, но оно от меня ускользает. Теперь-то я знаю, что дело было в спинке сиденья. Когда я сел в машину, то приподнял ее. Мне случалось отодвигать сиденье назад, когда мы с Ракелью делили машину, но по-

чему мне пришлось регулировать его в машине, которой пользуюсь только я один? И кто из моих знакомых имеет привычку опускать спинку сиденья до почти лежачего положения?

Бьёрн не отвечал. Только этот отстраненный взгляд, как будто он прислушивается к происходящему в его собственной голове.

Бьёрн Хольм смотрел на Харри, на его открывающийся и закрывающийся рот, слышал слова, но смысл их не доходил до него. Подобное ощущение возникает, когда, сильно выпив, смотришь кино или когда находишься под водой. Да, все было по-настоящему, но словно бы проходило через какой-то фильтр, и Бьёрну казалось: все это его не касается. Больше не касается.

Он знал это с того самого момента, как услышал в телефонной трубке голос воскресшего Харри. Понял, что его раскрыли. И испытал облегчение. Да, именно так. Потому что если для Харри пыткой было подозревать, что он убил Ракель, то для Бьёрна все происходящее было сущим адом: ведь он не просто подозревал, а *знал* наверняка. И он помнил убийство до мельчайших деталей и переживал его заново каждую секунду, безостановочно, как монотонный стук бас-барабана в висок. И от каждого чертова удара в очередной

раз испытывал потрясение: «Нет, это не сон, я действительно сделал это! Я сделал то, о чем мечтал, что планировал, что, как я был уверен, приведет в равновесие мир, сошедший с ума. Убил женщину, которую Харри Холе любил больше всех на свете, как сам Харри уничтожил то единственное, что было дорого мне самому».

Разумеется, Бьёрн знал, что Катрина раньше была увлечена Харри, ее влюбленность сразу бросалась в глаза. Да она и сама этого не отрицала, но утверждала, что они с Харри никогда не были близки и даже ни разу не целовались. И Бьёрн верил ей. Почему? В силу собственной наивности? Возможно. Но прежде всего потому, что хотел верить Катрине. В любом случае все это осталось в далеком прошлом, теперь она вместе с Бьёрном. Как он думал.

Когда у него впервые возникли подозрения?

Наверное, в тот момент, когда Бьёрн предложил Катрине пригласить Харри в крестные их сына, а она внезапно отказалась, причем не могла дать этому разумного объяснения, только говорила, что Харри — человек нестабильный, непредсказуемый и она не хочет, чтобы он каким-либо образом участвовал в воспитании Герта. Как будто бы приглашение стать крестным — это не

просто жест со стороны родителей по отношению к другу или родственнику. У нее и родственников-то почти не имелось, а Харри был одним из их немногих общих друзей.

Но Харри с Ракелью все-таки пришли на крестины как обычные гости. И Харри вел себя как всегда: стоял в углу, не слишком любезно здоровался с теми, кто подходил к нему, периодически смотрел на часы и на охотно болтающую Ракель и каждые полчаса сигнализировал молодому отцу, что пошел покурить. Подозрения Бьёрна усилило поведение Ракели. Он заметил, как ее буквально передернуло при виде ребенка, услышал дрожь в ее голосе, когда она говорила родителям дежурные слова о том, какое прекрасное чадо они произвели на свет. И в особенности как исказилось болью ее лицо, когда Катрина дала ей подержать сынишку, пока сама занималась другими делами. Он отметил, что Ракель повернулась к Харри спиной, чтобы он не видел ни ее лица, ни лица малыша.

Через три недели Бьёрн узнал все наверняка.

Он воспользовался простой ватной палочкой, чтобы взять слюну изо рта ребенка, отправил ее в Институт судебной медицины, не уточняя, к какому делу она относится, написал только, что

это обычный тест на ДНК в деле об установлении отцовства, результаты которого не подлежат разглашению. Хольм находился в офисе криминалистической лаборатории в Брюне, когда пришел ответ: он абсолютно точно не является отцом Герта. Но женщина, с которой Бьёрн говорил, та новенькая румынка, сказала, что ДНК совпала с другим человеком из их базы. Отцом был Харри Холе.

Ракель знала это; разумеется, и Катрина тоже знала правду. Как и Харри. Хотя не исключено, что сам Харри был не в курсе. Он плохой актер, так что вряд ли бы сумел убедительно изображать неведение. Но какая разница, все равно Харри предал Бьёрна. А ведь тот считал его своим другом.

Трое против него. Из этих троих Бьёрн не мог жить только без одной лишь Катрины.

Могла ли Катрина жить без него?

Конечно.

Ведь кем был Бьёрн? Пухлым, бледным, добродушным криминалистом, очень хорошо разбиравшимся в музыке и кино, который через несколько лет превратится в толстого, бледного, добродушного криминалиста, разбирающегося в музыке и кино еще лучше. В определенный мо-

мент он сменил свою растаманскую шапочку на английское кепи, стал покупать фланелевые рубашки и безуспешно пытался отрастить бороду. Он считал это своим индивидуальным выбором, полагал, что это говорит о его личностном развитии и персональных достижениях, ведь каждый из нас уникален. Но однажды на концерте «Bon Iver» Бьёрн посмотрел по сторонам и увидел тысячи копий себя самого, и тогда он осознал, что принадлежит к группе людей, которые от души презирают, по крайней мере теоретически, все, что связано с принадлежностью к группе. Он был хипстером.

Как хипстер, он презирал хипстеров, и особенно одного из них. Было что-то хлипкое, трусливое в том идеалистически мечтательном стремлении к естественному, исходному, аутентичному — в хипстере, желающем выглядеть как лесоруб, мужчине, который живет в хижине и добывает себе пропитание охотой и земледелием, но при этом продолжает оставаться излишне оберегаемым мальчишкой, справедливо полагающим, что современная жизнь отняла у него мужественность и заставила чувствовать себя беспомощным. Бьёрн утвердился в этом мнении о себе, когда отмечал в Тутене Рождество с

бывшими одноклассниками. В тот раз красавчик Эндре, директорский сынок, изучавший социологию в Бостоне, назвал Бьёрна типичным хипстером-неудачником. Эндре с улыбкой откинул назад густую черную челку и процитировал какого-то Марка Грифа, который в статье в «Нью-Йорк таймс» написал, что хипстеры компенсируют недостаток стремления продвинуться по социальной и карьерной лестнице желанием превосходить остальных в культурном плане.

— И вот мы получаем тебя, Бьёрн. Государственный служащий, от тридцати до сорока лет, на той же должности, которую он занимал десять лет назад, полагающий, что если отрастить длинные волосы и облачиться в крестьянскую одежду, которая выглядит так, будто куплена в секонд-хенде Армии спасения, то можно возвыситься над молодыми, коротко стриженными, чистенькими коллегами, давным-давно обскакавшими его по карьерной лестнице.

Эндре произнес эту длинную тираду на одном дыхании, не делая пауз, а Бьёрн слушал его и думал: «Неужели это правда, неужели это и впрямь характеризует меня? Неужели я, крестьянский сын, сбежал от волнующихся полей Тутена, чтобы навеки там остаться? Недостаточно мужествен-

ный, воинствующий конформист и неудачник? Несостоявшийся, оставшийся за кормой полицейский, который ищет спасения в создании своего имиджа и пользуется классическими наработками — гоночная машина, Элвис и старые герои кантри, модная в пятидесятых челка, сапоги из змеиной кожи и тутенский выговор, — чтобы вернуться назад, к чему-то настоящему, приземленному, но на поверку, увы, настолько же фальшивому, как политик, выросший в фешенебельном районе столицы, который, перед тем как выступить в рамках предвыборной кампании на заводе, снимает с себя галстук, засучивает рукава и щедро пересыпает свою речь простонародными выражениями?»

Нет. Это характеризовало его лишь в той же небольшой степени, что и, скажем, рыжие волосы. А вот что действительно определяло Бьёрна: он был чертовски хорошим криминалистом. Было и еще кое-что.

— Возможно, ты прав, — сказал Бьёрн, когда Эндре сделал паузу. — Возможно, я достойный сострадания неудачник. Но я добр к людям. В отличие от тебя.

— Да чтоб тебя, Бьёрн, ты никак обиделся? — Эндре дружески расхохотался, в утешительном

жесте опустил руку ему на плечо и многозначительно улыбнулся стоявшим вокруг, как будто это была игра, в которой они все принимали участие, а Бьёрн просто не понял правил.

Бьёрн, надо сказать, выпил в тот вечер лишний стаканчик самогонки, которую подавали на празднике из ностальгических, а не экономических соображений. И внезапно в голове у него словно бы что-то вспыхнуло, и он отчетливо понял, что́ в состоянии совершить. Он мог врезать по физиономии этому выпендрежнику Эндре, сломать ему нос и увидеть страх в его глазах. Бьёрн никогда не дрался в детстве. Никогда. И только когда он поступил в Полицейскую академию, то научился там паре приемчиков для ближнего боя. Например, самый надежный способ победить в драке — это ударить первым с максимальной агрессивностью. После этого девять из десяти схваток практически завершаются. Бьёрн знал все это, он *хотел* это сделать, но вот мог ли? Прежде Бьёрн ни разу не попадал в ситуации, когда насилие казалось адекватным решением проблемы. И эта ситуация ничем не отличалась от обычной, Эндре не представлял никакой физической угрозы, и все, к чему приведет удар, — это скандал и, возможно, заявление

в полицию. Так почему же Бьёрну так сильно хотелось врезать наглецу, ощутить его лицо костяшками пальцев, услышать мертвый звук от соприкосновения кости и мяса, увидеть, как из носа хлещет кровь, а на лице появляется страх?

Тем вечером Бьёрн лег в своей старой комнате, где жил еще мальчишкой, но никак не мог заснуть. Почему он ничего не сделал? Почему только тихо посмеялся и ответил, да нет, мол, я не обиделся, подождал, пока Эндре уберет руку с его плеча, пробормотал что-то вроде того, что неплохо бы еще выпить, нашел других собеседников и вскоре ушел с праздника? Случай был вполне подходящим. Самогон послужил бы оправданием, а в Тутене терпимо относились к небольшим потасовкам на праздниках. К тому же дело наверняка ограничилось бы одним ударом: Эндре не был знатным бойцом. Но даже если бы он захотел ударить в ответ, то все болели бы за него, Бьёрна. Потому что Эндре — говнюк и всегда им был. А Бьёрна все любили, и так тоже было всегда, хотя и не особо помогало ему в школьные годы.

В девятом классе Бьёрн наконец-то решился пригласить Бриту в деревенский кинотеатр в Скрейе. Его директор принял сенсационное решение показать фильм с концерта группы «Лед

Зеппелин» «Песня остается все такой же», пусть и пятнадцать лет спустя после его выхода, но Бьёрн на такие мелочи внимания не обращал. Он долго искал Бриту и в конце концов нашел ее возле женского туалета. Она стояла и плакала и, всхлипывая, сказала Бьёрну, что в выходные позволила Эндре переспать с ней. Но сегодня на большой перемене лучшая подруга сообщила ей по секрету, что встречается с Эндре. Бьёрн как мог утешал Бриту, а потом без всякого перехода пригласил ее в кино. Она странно посмотрела на него и спросила: «Ты вообще слышал, что я сказала?» Бьёрн ответил утвердительно и добавил, что ему очень нравятся и Брита, и «Лед Зеппелин». Сперва девушка фыркнула и отказалась, но потом у нее в мозгах вроде бы наступило просветление, и она заявила, что с удовольствием сходит с ним в киношку. Когда они пришли в зал, выяснилось, что Брита позвала с собой подругу и Эндре. Брита целовалась с Бьёрном во время сеанса, сначала под «Dazed and Confused», а потом посреди гитарного соло Джимми Пейджа в композиции «Stairway to Heaven». Она помогла Бьёрну довольно высоко забраться по этой лестнице. И все же, когда они снова остались одни и он проводил ее до дверей, девушка не пожелала продолжить поцелуи, а

зашла в дом, бросив короткое «спокойной ночи». Через неделю Эндре порвал с ее лучшей подругой и снова переключился на Бриту.

Конечно же, Бьёрн носил все это в себе. Измена, которую он должен был предвидеть; удар, который он не сделал. И этот ненанесенный удар определенным образом подтверждал сказанное Эндре: единственное, что превосходит стыд от того, что ты не мужчина, — это страх быть мужчиной. Тянулась ли ниточка оттуда в сегодняшний день? Были ли причины случившегося связаны между собой, оказался ли тот всплеск насилия выходом долго копившихся эмоций, которым, для того чтобы вырваться наружу, требуется всего лишь новое унижение? Было ли убийство ударом, который он в свое время так и не нанес Эндре?

Унижение. Оно как маятник. Чем сильнее Бьёрн гордился своим отцовством, тем большее унижение испытал, узнав, что ребенок не от него. Он весь буквально раздувался от гордости, когда его родители и две сестры навестили новорожденного в больнице и Бьёрн увидел их сияющие лица: еще бы, ведь сестры стали тетями, а родители — бабушкой и дедушкой. Правда, они не первый раз становились ими, Бьёрн был младшим в семье и последним обзавелся потомством,

но не все ли равно? Как он теперь понимал, его родственники не были уверены, что он вообще когда-нибудь женится. Он вел образ жизни записного холостяка, что не сулило ничего хорошего, по словам его матери. И они дружно обожали Катрину. Надо сказать, что во время их первых визитов в Тутен все чувствовали себя несколько скованно, ведь открытость, прямолинейность и словоохотливость уроженки Бергена сталкивалась с медлительностью, молчаливостью и слабым проявлением эмоций тутенцев. Но жена и его родители были готовы идти навстречу друг другу, и во время их первого рождественского ужина в родном доме, когда разряженная Катрина спускалась по лестнице, мама ткнула Бьёрна в бок и посмотрела на него со смесью уважения и удивления, как будто спрашивая: как *ты* умудрился завоевать эту красотку?

Да, он гордился. Слишком гордился. Вероятно, Катрина это заметила. И эта гордость, которую очень трудно скрыть, возможно, заставила ее задаться тем же самым вопросом: как *он* умудрился завоевать меня? И она ушла от него. Когда это случилось, Бьёрн, пытаясь разобраться в произошедшем, использовал другие слова: в ту пору он рассматривал поступок жены как желание

взять время на размышление, сделать паузу в отношениях, как кратковременный кризис в семейной жизни. Все остальные варианты были невыносимы. И потом, она ведь вернулась по прошествии нескольких недель или пары месяцев, он точно не помнил, вытеснил из памяти весь тот период, но это случилось сразу после того, как они решили, что раскрыли дело вампириста. Катрина сразу забеременела. Казалось, она вышла из сексуальной спячки, и Бьёрн тогда подумал, что пауза, судя по всему, пошла на пользу их отношениям и людям надо иногда расставаться, чтобы понять, как много у них общего. Ребенок, зачатый при радостной встрече. Именно так он считал. С этим малышом он разъезжал по Тутену, навещал родственников, друзей, совсем уж дальнюю родню, демонстрировал сына как кубок, как доказательство своей мужественности для тех, кто в ней сомневался. Полный идиотизм, но каждому позволительно пару раз в жизни совершать идиотские поступки.

И потом вдруг такое унижение.

Оно было нестерпимым. Это как сидеть в самолете во время взлета или посадки, когда узкие ушные и носовые проходы Бьёрна не выдерживали давления и он был уверен, что его голова

вот-вот взорвется, и даже почти *хотел*, чтобы она взорвалась, что угодно, только не эта коварная боль: когда ты думаешь, что хуже быть уже не может, становится еще чуть-чуть больнее. И ты сходишь с ума. Тебе хочется выпрыгнуть из самолета или выстрелить себе в висок. Уравнение с одной переменной — болью, и со смертью как с единственной постоянной освобождающей величиной. Твоя смерть, смерть других. Пребывая в смятении, Бьёрн верил, что свою боль, как разницу давления, можно уравновесить болью других. Болью Харри.

Но он ошибался.

Убить Ракель оказалось легче, чем он думал. Вероятно, потому, что он долго планировал убийство, все физические действия, техническую, так сказать, сторону. Он мысленно раз за разом повторял каждый шаг, так что когда в самом деле оказался на месте и ему предстояло претворить свои планы в жизнь, то у него появилось ощущение, что он по-прежнему производит все действия мысленно и видит ситуацию со стороны. Как и сказал Харри, он пошел по улице Хольменколлвейен, но не к Сёркедалсвейен. Он повернул налево, на Сташунсвейен, потом на Бьёрнвейен и добрался до района Виндерн обходными путями,

где прохожие меньше бросаются в глаза. Первую ночь он спал очень хорошо, даже не проснулся, когда Герт, по словам Катрины, начал хныкать в пять утра. И неудивительно, он ведь страшно устал. Во вторую ночь сон его был уже не таким крепким. Но только в понедельник, когда Бьёрн встретил Харри на месте преступления, до него дошло, что он натворил. Увидеть Харри было все равно что увидеть церковь в огне. Бьёрн помнил кадры пожара церкви в Фантофте в 1992 году, когда ее в шесть часов утра в шестой день шестого месяца поджег какой-то сатанист. В катастрофах часто есть своя особая красота, из-за которой от них невозможно оторвать глаз. По мере того как огонь пожирал стены и крышу, возникал скелет церкви, открывая ее настоящую форму и индивидуальность — нагую, истинную. То же самое происходило с Харри в последующие дни после убийства Ракели. И Бьёрн не мог отвести от него взгляда. Харри обнажился до своего исходного «я». Он, Бьёрн, стал пироманом, восхищающимся разрушением, которое сам же и произвел. Он был вынужден смотреть на все это, однако при этом страдал. Он сам сгорал. Знал ли Бьёрн с самого начала, что так будет? Вылил ли он сознательно на себя остатки бензина и приблизился к Хар-

ри, чтобы вместе с ним запылать в церковном пожаре? Или же он верил, что Харри и Ракель исчезнут, а он будет преспокойно жить дальше и заботиться о семье, вернет ее себе, снова станет цельной личностью?

А возможно ли это в принципе?

Ну конечно возможно. Ведь церковь в Фантофте отстроили заново. Бьёрн медленно сделал вдох и произнес с дрожью в голосе:

— Ты ведь понимаешь, что все это лишь инсинуации, Харри? Радиостанция и неотрегулированное сиденье — это все, что у тебя есть. Кто угодно мог подсыпать тебе наркотик, а учитывая, что ты бухал по-черному, не исключено, что ты и сам его принял. У тебя нет абсолютно никаких доказательств.

— Уверен? А как насчет супружеской пары, утверждающей, что они за четверть часа до полуночи видели на Хольменколлвейене взрослого мужчину?

Бьёрн помотал головой:

— Они не смогли даже толком описать его. И даже если показать свидетелям мою фотографию, это ничего не даст, потому что у мужчины, которого они видели, были черная борода и роговые очки, да к тому же он хромал.

— Хм… Это хорошо.

— Хорошо?

Харри медленно кивнул:

— Если ты так уверен, что не оставил никаких следов, это просто замечательно.

— Что, черт возьми, ты хочешь сказать?

— Не всем надо знать правду.

Бьёрн уставился на Харри. Вот странно, в его взгляде не было триумфа. Ни тени ненависти к человеку, который убил его любимую. Все, что Бьёрн разглядел в блестящих глазах, — это уязвимость. Наготу. Нечто похожее на сочувствие.

Бьёрн опустил взгляд на пистолет, который держал в руке. Теперь он понял.

Они все узнают. Харри. Катрина. Да, продолжать невозможно. Но если остановиться здесь, если Бьёрн прекратит все прямо сейчас, то другие ничего не узнают. Коллеги. Родные и друзья в Тутене. И что важнее всего, малыш, когда вырастет.

Бьёрн сглотнул.

— Обещаешь?

— Обещаю, — ответил Харри.

Бьёрн кивнул на заднее сиденье:

— Заберешь… заберешь малыша с собой? Это твой сын.

— Он сын твой и Катрины, — сказал Харри. — Да, я в курсе, что я его биологический отец. Но никто другой, не связанный подпиской о неразглашении, этого не знает. И никогда не узнает.

Бьёрн посмотрел вперед.

В Тутене есть красивое местечко, возвышенность, с которой весной в лунную ночь открывается вид на поля, похожие на волнующееся желтое море. Там парни, у которых имелись водительские права, могли сидеть в машинах и целоваться с девушками или коротать время в одиночестве, мечтая о девушках.

— Но если никто этого не знает, то как ты сам выяснил правду? — спросил Бьёрн. Не то чтобы это действительно его интересовало, просто ему хотелось еще на несколько секунд отложить отбытие в мир иной.

— Чистая дедукция, — сказал Харри Холе.

— Понятно, — устало улыбнулся Бьёрн Хольм.

Харри вышел из машины, отстегнул ремень, удерживающий детское кресло, и вынул его. Он посмотрел на спящего ребенка. Малыш ни о чем не подозревает. Все, чего мы не знаем. Все, от чего нас надо оградить. Короткая фраза, которую Александра сказала тем вечером, когда решила, что Харри отказался от предложенного ему презерва-

тива: «Неужели ты хочешь снова стать отцом?»

Снова стать отцом? А ведь Александре было прекрасно известно, что Олег не был его родным сыном.

Снова стать отцом? Она знала что-то такое, чего не знал сам Харри.

Снова стать отцом. Ошибка, оговорка. В восьмидесятые годы психолог Дэниел Вегнер провел эксперимент, доказавший, что подавлять мысли невозможно: как бы подсознание постоянно ни заботилось о том, чтобы ненароком не выболтать какую-либо тайну, правда рано или поздно выйдет наружу в виде оговорки.

Снова стать отцом. Александра исследовала ватную палочку, присланную Бьёрном, и сравнила результаты: у них в базе хранятся ДНК всех полицейских, которые выезжают на места преступлений, на случай если они по неосторожности оставят там свои следы. Так что у нее имелся не только ДНК-профиль Бьёрна, по которому она установила, что он не является отцом мальчика. В ее распоряжении были ДНК-профили обоих родителей, и она получила совпадение: Катрина Братт и Харри Холе. Подписка о неразглашении тайны не позволяла Александре рассказывать о результатах анализа никому, кроме заказчика,

Бьёрна Хольма.

В ту ночь, когда у Харри случился секс, ну или во всяком случае физический контакт, с Катриной Братт, он был настолько пьян, что даже не помнил этого, то есть кое-что он вроде как потом припомнил, но полагал, что ему все приснилось. Однако, когда он заметил, что Катрина начала его избегать, у него появились подозрения. Например, в крестные к ребенку пригласили Гуннара Хагена, а не его самого, несмотря на то что Харри, безусловно, был более близким другом обоих родителей. Нет, он не мог исключать, что той ночью что-то произошло, и это что-то разрушило его отношения с Катриной. Его отношения с Ракелью тоже рухнули после того, как она, вернувшись с крестин, незадолго до Рождества поставила вопрос ребром, поинтересовавшись, занимался ли он сексом с Катриной в течение последнего года. И у него не хватило ума все отрицать.

Харри помнил собственное смятение после того, как жена буквально вышвырнула его из дома и он отправился в гостиницу с одной сумкой, где лежали кое-какие вещи и туалетные принадлежности. Как же так? Ведь они с Ракелью были взрослыми людьми, реалистами, они любили друг друга, и, несмотря на все ошибки и странно-

сти, им было *хорошо* вместе. Так почему же она решила выкинуть все это на помойку из-за одной-единственной ошибки, из-за того, что случилось и бесследно прошло, не повлекло за собой никаких последствий для будущего кого-либо из них? Он знал Ракель: что-то не сходилось. Только сейчас он сообразил: Ракель уже давно все поняла, но ему ничего не объяснила. Та ночь обернулась самыми серьезными последствиями: Катрина родила сына от Харри, а вовсе не от Бьёрна. Когда же у нее возникли подозрения? Возможно, во время крестин, когда она увидела ребенка. Но почему Ракель ничего не сказала ему, почему носила все в себе? Это просто. Правда никому не сослужит службы, она лишь разрушит жизнь других людей, как уже разрушила жизнь самой Ракели. Легко ли смириться с тем, что мужчина, с которым она делила ложе и стол, но с которым у нее не было общих детей, завел ребенка на стороне, и этот ребенок жил в семье их друзей, и теперь им предстояло тесно общаться с ним.

Сеятель. Слова Свейна Финне с записи, сделанной возле католической церкви, последние сутки постоянно звучали в голове Харри, как бесконечное эхо, которое никак не остановится: «Потому что тот сеятель — это я». Нет, неправда. Это он,

Харри, — сеятель.

Бьёрн повернул ключ в замке зажигания и автоматическим движением включил радио. Мотор завелся и добродушно зарычал на холостом ходу. Через щелку окна у пассажирского сиденья Харри услышал, как голос Рики Ли Джонса накладывается на голос Лайла Ловетта в песне «North Dakota». Машина тронулась и медленно поехала вперед. Харри смотрел ей вслед. Бьёрн не мог управлять автомобилем, не слушая музыку кантри. Это как джин и тоник. Даже когда одурманенный Харри лежал на соседнем сиденье и они ехали к Ракели. Может, это не так уж и странно. Бьёрну требовалась компания, потому что он никогда не чувствовал себя более одиноким, чем в тот день. Даже сейчас он не так одинок, подумал Харри. Он увидел это во взгляде Бьёрна, перед тем как машина скрылась из глаз. Облегчение.

Глава 50

Юхан Крон открыл глаза и бросил взгляд на часы. Пять минут седьмого. Он подумал, что ему послышалось, и уже собрался повернуться на другой бок и снова заснуть, как вдруг отчетливо различил тот же самый звук. Заливался дверной звонок на первом этаже.

— Кто это? — сонно пробормотала лежавшая рядом с ним Фрида.

«Это, — подумал Юхан Крон, — сам дьявол, который явился по мою душу».

Правда, Финне дал ему на раздумье сорок восемь часов, и срок истечет только сегодня вечером. Но в наши дни больше никто уже не звонит в дверь. Если вдруг случалось убийство и кому-то срочно требовался адвокат, Юхана всегда вызывали по телефону. Даже соседи пользовались телефоном, если им что-то было надо.

— Наверное, это по работе, — ответил он. — Спи, дорогая, я открою.

Крон на мгновение закрыл глаза и постарался дышать спокойно и глубоко. Накануне он долго не мог заснуть, просто лежал и смотрел в темноту, мусоля одну и ту же мысль: как ему остановить

Свейна Финне?

И он, великий тактик судебных заседаний, не мог найти ответа. Поспособствовав тому, чтобы Финне остался наедине с Алисой, Юхан автоматически сделается соучастником преступления. А если Крон будет виновен, то на руках у Финне окажется больше козырей, и тогда этот мерзавец не упустит случая выдвинуть новые требования. Да и вообще это аморально, ужасно само по себе как для Алисы, так и для него. Если только, конечно, ему не удастся каким-то образом уговорить Алису согласиться на секс с Финне, чтобы все произошло добровольно. Но возможно ли это? И что в таком случае он должен пообещать Алисе? Нет-нет, разумеется, это невозможно, настолько же невозможно, как и вариант, спонтанно предложенный Фридой при обсуждении фиктивного дела: нанять киллера, чтобы тот разобрался с Финне!

Не лучше ли ему признаться в своем грехе Фриде? Чистосердечное признание. Наказание. Искупление. Подобная мысль сулила облегчение. Но лишь ненадолго: короткий свежий порыв ветра под жарким солнцем пустыни, а потом все тот же горизонт безнадежности вдали. Жена уйдет от него, Юхан знал это наверняка. Партнерство

в адвокатском бюро, победы в суде, портреты на первых полосах газет, слава, восторженные взгляды, праздники, женщины, приглашения — к черту все это. Фрида и дети — вот все, что у него было, все, чем он всегда обладал. И когда Фрида останется одна, когда уже больше не будет принадлежать ему, тогда, как довольно прозрачно намекнул Свейн Финне, она превратится в свободную добычу и этот мерзавец захочет ее заполучить. Если взглянуть на дело под таким углом, то Юхан просто обязан позаботиться о том, чтобы Фрида не ушла от него, ради ее же собственной безопасности. А это, в свою очередь, означает, что он должен пожертвовать Алисой, но тогда… ох, чертов гордиев узел! Ему необходим меч, чтобы разрубить все единым махом. Но никакого меча у него сроду не было, только ручка и умение молоть языком.

Крон вытащил ноги из-под одеяла и засунул их в тапки.

— Я сейчас вернусь, — пообещал он — не только Фриде, но и себе самому.

Юхан спустился по лестнице и прошел по коридору к дубовой двери.

Крон знал, что, когда дверь откроется, у него должен быть готов ответ Свейну Финне.

Я скажу «нет», решил Юхан Крон. И он застрелит меня. Ну и пусть.

Однако потом он вспомнил, что Финне пользуется ножом, и передумал.

Нож.

Этот подонок резал своих жертв.

К тому же он их не убивал, только калечил. Как противопехотная мина, которая наносит увечья до конца жизни; и жертвы должны прожить эту жизнь, хотя предпочли бы смерть. На террасе Финне сознался в изнасиловании девушки из Хюсебю. Дочери епископа. Это что, скрытая угроза его детям? Финне ничем не рисковал, сознаваясь в этом преступлении. Не только потому, что Крон был его адвокатом, но и потому, что срок давности уже истек. Крон не припоминал такого дела об изнасиловании, но он помнил епископа Бора, а тот, поговаривали, умер от горя, потому что его дочь утопилась в водопаде. Должен ли он позволять терроризировать себя человеку, цель жизни которого — портить жизни других? Юхану Крону всегда удавалось найти правовые, моральные, а иногда даже эмоциональные основания, чтобы зубами и когтями биться за своих клиентов. Но сейчас он сдался. Он просто-напросто ненавидел человека, стоявшего по другую сторону двери.

Он всеми фибрами своей души желал, чтобы вредитель и разрушитель Свейн Финне как можно скорее умер, причем желательно мучительной смертью. Даже если Финне при этом потянет за собой в пропасть и его самого.

— Нет, — пробормотал Юхан Крон. — Я отвечу: «Нет, придурок чертовский!»

Он задумался, как правильно сказать — «чертов» или «чертовский», — и открыл дверь.

Крон безмолвно стоял и смотрел на человека перед собой. Тот тоже оглядывал его с ног до головы. Крон ощутил, как холодный утренний воздух покалывает его обнаженное худое тело, и вспомнил, что не надел халат: он был в одних трусах, которые Фрида дарила ему на каждое Рождество, и в тапках, подаренных детьми. Крону пришлось прокашляться, чтобы выговорить:

— Неужто сам Харри Холе? Разве ты не…

Полицейский, если это только действительно был он, помотал головой и криво улыбнулся:

— Умер? Не совсем. Но мне нужен чертовски хороший адвокат. Да и тебе, как я слышал, тоже требуется помощь.

Часть 4

Глава 51

В ресторане «Статхолдергорден» наступило время обеда. На улице под окнами молодой музыкант согрел дыханием пальцы и начал играть. Одинокий и невидимый, подумал Сон Мин, глядя на него, но ему было не слышно, что именно исполняет этот парень и хорошо ли он играет. Возможно, музыканты более почтенного возраста, распоряжавшиеся в центре Осло, отправили беднягу сюда, на улицу Киркегата, где он, конечно же, заработает меньше денег.

Ларсен поднял глаза на официанта. Он махнул салфеткой так, что та хлопнула, как флаг на ветру, а потом белая камка опустилась на колени Александры Стурдза.

— Надо было мне принарядиться, — рассмеялась она.

— Мне кажется, вы и так достаточно нарядная, — улыбнулся Сон Мин и откинулся назад, пока официант проделывал аналогичную манипуляцию с его салфеткой.

— Вы об этом? — Она указала на плотно облегающее платье. — Это моя рабочая одежда. Просто я не одеваюсь так неформально, как мои коллеги.

А вот вы расфуфырились, словно на свадьбу.

— Я пришел прямо с похорон, — ответил Сон Мин и заметил, как Александра вздрогнула, будто он дал ей пощечину.

— Конечно, — тихо сказала она. — Прошу прощения. Речь о Бьёрне Хольме, не так ли?

— Да. Вы его знали?

— Очень мало. Он работал криминалистом, поэтому мы иногда перезванивались. А это правда, что он покончил с собой?

— Да, — сказал Сон Мин.

Он ответил «да», а не «судя по всему», потому что сомнений действительно не было. Машину Бьёрна обнаружили рядом с гравийной дорожкой на небольшой возвышенности, откуда открывается вид на крестьянские угодья Тутена, неподалеку от места, где он вырос. Двери автомобиля были заперты, ключ находился в зажигании. Довольно странно, конечно, что Бьёрн Хольм сидел на заднем сиденье и что он выпустил себе в висок пулю из пистолета с незарегистрированным серийным номером. Но вдова, Катрина Братт, объяснила, что именно на заднем сиденье умер кумир Хольма, какой-то там Уильямс. К тому же нет ничего невероятного в том, что криминалист имеет доступ к незарегистрированному оружию. На

похороны пришло множество народу: родственники и коллеги как из Полицейского управления Осло, так и из Крипоса, ведь Бьёрн Хольм работал в обеих организациях. Катрина Братт держалась молодцом, Ларсену даже показалось, что вдова владела собой гораздо лучше, чем когда они в последний раз встретились у водопада Нурафоссен. Когда очередь соболезнующих иссякла, она подошла к нему и сказала, что слышала, якобы он не слишком ублаготворен своей нынешней работой. Это словечко из бергенского диалекта она использовала время от времени. Надо же: «ублаготворен». И добавила, что предлагает ему перейти в свой отдел, поскольку там как раз образовалась вакансия. Ларсен сперва даже не сообразил, что она имеет в виду освободившееся место Харри Холе. Сон Мин подумал о том, что с ее стороны было вдвойне неподобающе говорить о работе на похоронах мужа и предлагать ему место человека, который до сих пор числился всего лишь пропавшим без вести. Скорее всего, Катрина просто цеплялась за любую возможность не думать о тех двух мужчинах. Сон Мин обещал подумать над ее предложением.

— Надеюсь, Крипос оплатит вам расходы, — произнесла Александра, когда официант поста-

вил на стол первое блюдо и, указав на тарелки, сообщил, что это морские гребешки под майонезом с черным перцем и кресс-салатом в соевом соусе. — Представляю, сколько стоят подобные изыски.

— Надеюсь, информация, о которой вы мне говорили по телефону, действительно не разочарует.

Накануне вечером ему позвонила Александра Стурдза. Она без всякого вступления заявила, что у нее имеются важные сведения по делу Ракели, которые могут все в корне изменить, и она решила обратиться именно к Ларсену, поскольку после их первой встречи решила, что ему можно доверять. А потом добавила, что предпочла бы не обсуждать это по телефону.

Сон Мин предложил пообедать вместе и заказал столик в ресторане той ценовой категории, которая, как справедливо подметила Александра, явно выходила за рамки бюджета Крипоса. Ларсен понимал, что придется заплатить за все из своего кармана, но он уверял себя, что в интересах службы необходимо наладить и поддерживать контакты с Институтом судебной медицины. Мало ли что, вдруг ему, например, потребуется сделать анализ ДНК вне очереди. Словом, Сон

Мин внушал себе, что это вполне разумная инвестиция. Однако в глубине души подозревал, что дело не только в этом. А в чем? У него не было времени на обдумывание. Сон Мин взглянул на разыгравшегося уличного музыканта. Люди равнодушно проходили мимо него, им было неинтересно.

«Хэнк, — вдруг всплыло в памяти у Ларсена. — Вот как звали кумира Бьёрна Хольма. Хэнк Уильямс. Надо будет почитать про него в Википедии».

— Я провела анализ крови Харри Холе с брюк, которые были на нем в ночь убийства, — сказала она. — И обнаружила, что там содержится рогипнол.

Сон Мин перевел взгляд с улицы на Александру.

— В количестве, достаточном для того, чтобы вывести человека из строя на четыре-пять часов, — продолжала она. — И тогда я призадумалась относительно времени убийства. Наши судебные медики считают, что оно произошло в промежуток от десяти вечера до двух часов ночи. Но это предположение основано на температуре тела погибшей. Однако есть и другие показатели, например степень бледности трупных пятен, ко-

торые указывают, что, возможно… — Александра вытянула длинный указательный палец, который казался еще длиннее из-за выкрашенного лиловым лаком ногтя, — я повторяю, *возможно*, убийство произошло раньше.

Сон Мин вспомнил, что во время их первой встречи маникюра у девушки не было. Неужели она сделала его специально ради похода в ресторан?

— Поэтому я обратилась в энергетическую компанию и попросила их снять показания счетчика в доме Ракели Фёуке. Выяснилось, что потребление электричества выросло на семьдесят киловатт в промежутке между двадцатью и двадцатью четырьмя часами. А это свидетельствует об усиленном отоплении, и если топили в гостиной, то, по словам энергетиков, температура там могла подняться на пять градусов. Судмедэксперт утверждает, что если так и было, то смерть наступила в промежутке между восемнадцатью и двадцатью двумя часами.

Сон Мин растерянно заморгал. Он где-то читал, что человеческий мозг обрабатывает только шестьдесят килобит информации в секунду. Тогда получается, что наш мозг — на удивление медленный компьютер. Однако мы соображаем

довольно быстро, и это связано с организацией уже имеющихся в мозгу данных. При большинстве умозаключений люди задействуют готовые шаблоны, вместо того чтобы искать новые пути. Возможно, именно поэтому Сон Мину пришлось надолго задуматься. Ему надо было найти новый путь, совершенно новый. Казалось, голос Александры доносится откуда-то издалека:

— Исходя из того, что Уле Винтер сообщил газетчикам, Харри Холе пробыл в баре до двадцати двух часов. Не так ли?

Сон Мин взглянул на рака на своей тарелке. Тот без всякого интереса смотрел на него.

— Поэтому вы должны задать себе вопрос: не находился ли в поле вашего зрения кто-нибудь еще? Некто, кого вы, возможно, отпустили, потому что у него имелось алиби на предполагаемое время смерти Ракели. Но теперь необходимо проверить: а есть ли у этого человека алиби в промежуток между восемнадцатью и двадцатью двумя часами?

— Извините меня, Александра. — Сон Мин поднялся и обнаружил, что забыл о салфетке, соскользнувшей на пол. — Оставайтесь и спокойно доедайте. Мне надо… У меня есть срочные дела. Мы… вы и я… давайте встретимся в другой

день…

По ее улыбке он понял, что вполне может на это рассчитывать.

Отдав метрдотелю свою визитку и попросив направить счет ему, Ларсен вышел на улицу. Музыкант играл песню, которую Сон Мин слышал раньше, что-то об автокатастрофе, машине «скорой помощи» и Риверсайде, но он не интересовался музыкой. Названия песен, тексты, имена исполнителей — все это по какой-то причине не закреплялось в его памяти. Зато он помнил каждое слово, каждую привязку по времени из записи допроса Свейна Финне. Тот прибыл в родильное отделение в 21:30. Другими словами, у Свейна Финне было три с половиной часа на то, чтобы убить Ракель Фёуке. Проблема в том, что никто не знал, где сейчас находится Финне.

Ларсен с удивлением заметил, что он бежит. Почему?

Да потому, что так быстрее.

Но к чему скорость? Свейна Финне давно пытаются найти, однако до сих пор это никому не удалось.

Ну и ладно, а вот Сон Мин его непременно отыщет, потому что он лучше остальных. Ничего, он всем им еще покажет.

Уле Винтер, этот падальщик, скоро подавится своей великой командной победой.

Дагни Йенсен вышла из метро на станции «Борген». Она немного постояла, оглядывая Западное кладбище. Но Дагни не собиралась на него заходить, она не была уверена, что теперь вообще когда-нибудь сможет зайти на кладбище. Она двинулась по улице Скёйенвейен и далее по улице Монолитвейен, с которой свернула вправо. Миновала белые деревянные виллы, скрытые за заборами из штакетника. Виллы казались пустыми. Ну конечно, будний день, до обеда еще далеко. Все работают или учатся, активно участвуют в жизни, действуют. Сама же она оказалась временно припаркованной — сидела на больничном. Дагни не просила об этом, идея принадлежала ее психологу и директору школы. Они предложили ей несколько дней отдохнуть, собраться и понять, как она *на самом деле* себя чувствует после нападения в женском туалете. Надо же такое придумать!

Ну, теперь она, по крайней мере, знала, насколько ей, черт возьми, плохо.

Дагни услышала, как в сумке зазвонил телефон, достала его и увидела, что это опять Кари Бил, ее телохранительница. Они потеряли ее. Дагни

сбросила звонок и набрала эсэмэску:

> Простите, но мне надо побыть одной. Опасности нет. Сообщу, когда освобожусь.

Двадцать минут назад они с Кари Бил находились в центре города, потому что Дагни заявила, что хочет купить тюльпаны. Она настояла, чтобы сотрудница полиции подождала на улице, а сама зашла в цветочный магазин, где имелся второй выход на другую улицу. Оттуда Дагни быстро дошла до станции метро возле здания стортинга и села на первый поезд в западном направлении.

Она посмотрела на часы. Он велел ей прийти около двух, сказал, на какую скамейку сесть, а также велел одеться не так, как обычно, чтобы ее было трудно узнать. И объяснил, куда ей следует смотреть.

Это сумасшествие.

Именно так. Он позвонил ей с незнакомого номера. Она ответила и не нашла в себе сил прервать разговор. И сейчас против своей воли, словно бы находясь под гипнозом, Дагни точно следовала инструкциям того, кто прежде уже использовал ее и обманул. Как такое возможно? Она не могла ответить на этот вопрос. Просто

в ней было что-то, о чем она не подозревала. Страшная звериная тяга, инстинкт. Да, именно так. Дагни была плохим человеком, таким же плохим, как и этот мужчина, а теперь еще она позволила ему потянуть ее за собой вниз. Сердце забилось чаще. О, ей уже так хотелось туда, где она пройдет очищение огнем. Но придет ли он? Он *должен* прийти. Дагни слышала, как ее каблуки стучат по асфальту все громче и громче.

Через шесть минут она сидела на той скамейке, где было велено.

Без пяти два. Она смотрела на пруд Сместаддаммен. По поверхности воды скользил белый лебедь. Его шея и голова выглядели как вопросительный знак. Зачем это все ей нужно?

Свейн Финне спокойно двигался размашистым шагом. Идти так, в одном направлении, час за часом, вот чего ему больше всего не хватало все те годы, что он провел в тюрьме. Ладно, больше всего ему не хватало другого.

Дорога от дачного домика, который он нашел в Сёркедалене, до центра Осло заняла у него чуть меньше двух часов, но он думал, что большинство людей проделали бы этот путь за три.

Домик находился на вершине отвесной скалы. Поскольку в склон были вмонтированы скобы,

а внутри Финне нашел карабины и веревку, он предположил, что домиком пользуются альпинисты. Но земля все еще была покрыта снегом, а по красно-серо-черной гранитной плите на солнце бежали ручейки талой воды, и никаких альпинистов он не видел.

Зато он обнаружил следы медведя. Причем настолько близко к домику, что купил все необходимое для ловушки и сделал капкан из растяжки и взрывных материалов. Когда сойдет последний снег и начнут появляться скалолазы, он найдет местечко подальше в лесу и построит себе типи. Станет жить в лесной чаще, охотиться, ловить рыбу в озерах. Будет добывать только самое необходимое, то, что может съесть. Отбирать лишние жизни — это уже не охота, а он ведь не убийца. Он уже предвкушал, как хорошо будет летом.

Финне миновал серый, провонявший мочой туннель под транспортной развязкой Сместад-крюссе, вышел на свет и направился в сторону пруда.

Он увидел ее, как только вошел в парк. Нельзя сказать, что Свейн Финне, несмотря на острое зрение, разглядел лицо женщины с такого расстояния, но он узнал ее по тому, как она сидела — вся в ожидании. Конечно, она немного напугана, но

больше возбуждена.

Он направился к скамейке не прямо, а в обход, чтобы удостовериться, что поблизости нет полиции. Точно так же он поступал, когда навещал могилу Валентина. Финне быстро определил, что с этой стороны пруда никого, кроме нее, не было. Правда, на скамейке с другой стороны сидел какой-то человек, но Свейн рассудил, что он находится слишком далеко, а потому не сможет ни слышать, ни видеть почти ничего из того, что произойдет, и уж в любом случае не успеет вмешаться. Потому что все случится очень быстро. Все готово, декорации установлены, и Финне ликовал.

— Привет, — произнес он, подойдя к скамейке.

— Привет, — ответила она и улыбнулась.

Женщина казалась напуганной меньше, чем он ожидал. Но она ведь не знала, что на самом деле должно произойти. Финне еще раз огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что они одни.

— Он просто немного опаздывает, — сказала Алиса. — За ним такое водится. Ну еще бы, Юхан ведь у нас звезда.

Свейн Финне рассмеялся. Девушка была совершенно спокойна, потому что думала, что сейчас к ним присоединится Юхан Крон. Именно так

адвокат объяснил своей помощнице, почему она должна сидеть на скамейке у пруда в два часа: сказал, что у них назначена встреча со Свейном Финне, но, поскольку их клиент в настоящее время находится в розыске, они не могут принять его в офисе. Все это было изложено в письме, которое Юхан Крон прикрепил на клумбу у могилы Валентина при помощи ножа. Кстати, ради такого случая Крон разорился на вполне приличный экземпляр, и Финне спрятал его в карман, решив пополнить свою коллекцию, да и к тому же нож мог пригодиться в дачном домике. Потом он распечатал письмо. Судя по всему, адвокатишка продумал почти все, чтобы и Финне, и он сам остались на свободе. Однако Крон даже не подозревал, что не только лишится своей любовницы, но и никогда больше не будет свободен. Еще бы, ведь он заключил сделку с самим дьяволом, и уж теперь Финне своего не упустит.

Юхан Крон по-прежнему сидел в машине на парковке для посетителей бизнес-центра «Хегнар Медиа». Он приехал слишком рано, он не должен появиться в парке у пруда раньше пяти минут третьего. Юхан достал только что купленный блок «Мальборо голд» и вышел из машины, потому что Фриде не нравился табачный запах в

салоне, и попытался зажечь сигарету, но у него так дрожали руки, что он оставил эту затею. Ну и ладно, он и так решил бросить курить. Крон снова посмотрел на часы. Они условились, что все произойдет за две минуты. Они не вступали в прямой контакт — так было безопаснее, но в сообщении Финне говорилось, что ему надо всего две минуты.

Юхан следил глазами за секундной стрелкой. Так. Четырнадцать ноль-ноль. Крон закрыл глаза. Конечно, это ужасно, и ему придется жить с этим все оставшиеся годы, но другого выхода нет.

Он подумал об Алисе, о том, что́ бедняжке придется испытать. Она не умрет, но, конечно же, кошмары будут потом регулярно преследовать ее. А все потому, что он принял решение, но ни слова не сказал любовнице, обманул ее. И вовсе даже не Финне, а он сам поставил Алису в такое положение.

Крон еще раз посмотрел на часы. Через полторы минуты он войдет в парк, сделает вид, что слегка опоздал, утешит ее как сможет, вызовет полицию, изобразит ужас. Маленькая поправка: ему вряд ли придется что-то изображать. Он даст полиции объяснение, которое на девяносто процентов будет соответствовать действительности.

И изложит Алисе версию, которая на сто процентов будет ложью.

Юхан Крон посмотрел на свое отражение в боковом окне автомобиля.

До чего же он сейчас себя ненавидел! Почти так же сильно, как и Свейна Финне.

Алиса смотрела на Свейна Финне, опустившегося на скамейку рядом с ней.

— Ты знаешь, зачем мы здесь, Алиса? — спросил он.

Его едва подернутые сединой черные волосы были повязаны красной банданой.

— Только в общих чертах, — ответила она.

Юхан успел проинформировать помощницу лишь о том, что речь пойдет об убийстве Ракели Фёуке. Она сперва предположила, что они будут обсуждать иск против полиции за телесные повреждения, которые Харри Холе нанес их клиенту в бункере в Экеберге. Она задала Юхану вопрос, но он быстро сказал, что нет, дело в каком-то признании, но у него нет времени вдаваться в подробности. В последние дни он вообще не баловал ее вниманием и держался недружелюбно. Если бы Алиса знала Юхана хуже, то решила бы, что он просто-напросто ее разлюбил. Но она видела его в таком состоянии и раньше, в те короткие

промежутки времени, когда у него случались муки совести и он предлагал ей порвать отношения — ради семьи, ради фирмы. Да, он пытался это сделать, но она живо пресекла все попытки. Господи, это так легко. Ох уж эти мужчины — они вечные мальчишки. Иногда у нее было чувство, что она старше их всех, что Юхан просто скаут-переросток, который прекрасно разбирается в юриспруденции, однако больше ни в чем не смыслит. И несмотря на то что Юхану нравилось, когда он исполнял роль хозяина, а она рабыни, оба знали, что в действительности все обстоит наоборот. Но она позволяла ему играть эту роль, как мама соглашается изобразить напуганную принцессу, когда ребенок хочет поиграть в тролля.

Нельзя отрицать, что у Юхана имелись хорошие качества, конечно имелись. Он был добрым. Заботливым. Преданным. Это так. Алиса знала мужчин, которые колебались значительно меньше, чем Юхан Крон, прежде чем изменить жене. Однако в последнее время Алиса все чаще задумывалась: а что же она сама получала от отношений с ним? Нет, у нее не имелось никакого подробного плана, когда она вступила в связь с Юханом, все было не настолько цинично. Молоденькая выпускница юридического факультета, конечно,

испытывала пиетет перед отличником, который получил право работать в Верховном суде до того, как начал бриться, и являлся партнером лучшей адвокатской фирмы города. Но Алиса также совершенно четко отдавала себе отчет в том, что́ она, типичная хорошистка, могла предложить адвокатской фирме, а также понимала, что́ молодая и красивая девушка могла предложить мужчине. В общем, *at the end of the day*[58] (Юхан не только перестал исправлять ее англицизмы, но постепенно и сам начал их копировать), именно сумма рациональных и очевидно иррациональных факторов побуждает человека вступать в отношения с другими людьми. (Вот тут Юхан исправил бы Алису и сказал, что *факторы* дают *продукт*, а не *сумму*.) Ах, сумма, продукт — не все ли равно? Главное, Алиса больше не была уверена в том, что баланс складывается в ее пользу. Возможно, ей предоставили кабинет чуть больше, чем у остальных служащих ее уровня; возможно, ей давали немного более интересные дела, поскольку она работала на Юхана. Но премия по итогам года оказалась такой же символической, какую получали все прочие рядовые сотрудники. Да и

[58] Примечания: 58
В конце концов *(англ.)*.

по карьерной лестнице она нисколько не продвинулась. Так каковы же перспективы? Алиса, разумеется, знала, чего стоят обещания женатых мужчин развестись. Да, кстати, Юхан никогда ничего подобного ей и не обещал.

— В общих чертах, значит, — повторил Свейн Финне и улыбнулся.

Коричневый налет на зубах, отметила она. Но он не курил, ведь он сел так близко к ней, что она чувствовала на своем лице его дыхание.

— Двадцать пять лет, — произнес Свейн. — Ты хоть п-понимаешь, что твой золотой детородный возраст близится к концу?

Алиса уставилась на Финне. Откуда он знает, сколько ей лет?

— Лучший возраст — это от конца подросткового и до того, как тебе исполнится двадцать четыре, — продолжал Финне, скользя по ней взглядом.

Да, именно скользя, подумала Алиса. Она буквально ощущала этот его взгляд физически, как слизистый след, который оставляет за собой улитка.

— А потом возрастает риск для здоровья и повышается возможность выкидыша, — пояснил Свейн, заворачивая рукав фланелевой рубашки.

Он нажал кнопку на электронных наручных часах. — А вот качество мужского семени, в общем-то, не меняется на протяжении всей жизни.

Да ничего подобного, подумала Алиса. Она читала, что у мужчин старше сорока лет в пять раз меньше шансов оплодотворить женщину по сравнению с ее ровесниками. И риск, что от него родится ребенок с какой-либо патологией вроде аутизма, тоже в пять раз выше. Она изучила этот вопрос. Недавно Алиса получила приглашение от Франка поехать с ним и с другими их бывшими однокашниками за город. Когда они с Франком встречались, он слишком любил вечеринки, у него не было четких целей в жизни, да и учился он плохо, так что Алиса списала его со счетов, рассудив, что этот парень — типичный папенькин сынок, не обладающий стремлением выбиться в люди. Как выяснилось, она ошиблась: Франк на удивление успешно работал в адвокатской фирме своего отца. Но она еще не ответила на приглашение.

— Воспринимай это как наш с Юханом Кроном подарок тебе, — сказал Финне, расстегивая куртку.

Алиса непонимающе смотрела на него. У нее в мозгу промелькнула мысль, что этот тип соби-

рается напасть на нее, но она быстро прогнала ее прочь. Юхан вот-вот придет, да и к тому же они находятся в общественном месте. Правда, в непосредственной близости от них никого не было, но она, во всяком случае, видела, что на другой стороне пруда, метрах в двухстах, сидит на скамейке какой-то человек.

— Что… — начала Алиса, однако закончить не успела.

Левая рука Свейна Финне железной хваткой сомкнулась у нее на горле, а правая отвела в сторону фалды куртки. Она попыталась сделать вдох, но не смогла. Эрегированный член был слегка изогнутым до самой головки, как лебединая шея.

— Не бойся, я не такой, как другие, — произнес Финне. — Я не собираюсь тебя убивать.

Алиса попробовала подняться со скамейки, попыталась оттолкнуть его руку, но та, подобно когтистой лапе, крепко держала ее за горло.

— При условии, что ты будешь делать то, что я говорю, — уточнил Финне. — Сначала *посмотри*.

Он по-прежнему держал ее всего одной рукой и сидел, широко расставив ноги и обнажившись, как будто хотел, чтобы она увидела, представила себе, что ее ожидает. И Алиса увидела. Увидела белую лебединую шею с кровеносными сосудами

и красное пляшущее пятнышко, перемещающееся вверх по члену.

Что это? *Что* это такое?

А потом головка члена взорвалась, и она услышала глухой звук, словно бы по куску мяса слишком сильно ударили молотком. Она почувствовала теплый дождь на лице, в глаза ей что-то попало, их пришлось закрыть, и над их головами раздались раскаты грома.

В какой-то момент Алисе показалась, что она закричала, но когда девушка вновь открыла глаза, то поняла, что это орет Свейн Финне. Он держался за мошонку обеими руками, между его пальцами текла кровь, и он смотрел на нее большими, черными от ужаса глазами, смотрел обвиняюще, как будто это она с ним сделала.

А потом красное пятнышко появилось снова, на этот раз на его лице. Оно скользнуло по его морщинистой щеке к глазу. Алиса видела красную точку на белке глаза. Похоже, Финне тоже это заметил. Во всяком случае, он прошептал что-то, но она не разобрала, и он повторил:

— Помоги.

Сообразив, что сейчас произойдет, Алиса зажмурилась и успела прикрыть рукой лицо, а потом снова услышала звук, на этот раз прозву-

чавший как удар кнута. И потом с запозданием, как будто выстрел был произведен издалека, — тот же раскат грома.

Руар Бор смотрел в оптический прицел.

Последний выстрел в голову отбросил цель назад, человек сполз со скамейки и остался лежать на гравийной дорожке. Он перевел прицел, увидел, как молодая женщина бежит в сторону бизнес-центра «Хегнар Медиа» и бросается в объятия мужчине, торопливо шагающему ей навстречу. Он увидел, как мужчина вынул телефон и начал набирать номер, как будто заранее знал, что надо делать. Может, и так; что было известно Бору?

Не больше, чем он сам хотел знать.

Не больше, чем Харри рассказал ему двадцать четыре часа назад.

Холе нашел того, кого Бор искал все эти годы.

Харри сказал, что в разговоре с человеком, чье имя он обязан сохранить в тайне, Свейн Финне сознался, что много лет назад изнасиловал в Мэррадалене дочь епископа Бора.

По этому делу, разумеется, уже истек срок давности.

Но у Харри имелось, как он выразился, «решение проблемы».

И он сообщил Бору ровно то, что ему надо было знать, не больше. Ну совсем как в былые времена в Е14. Время и место. В два часа у пруда Сместад-даммен, на той же скамейке, где сидели Пиа с Харри.

Руар Бор передвинул прицел дальше и увидел с другой стороны пруда быстро уходящую женщину. Насколько он понимал, она была вторым свидетелем случившегося. Он закрыл окно подвала, отставил винтовку в сторону и посмотрел на часы. Бор дал Харри Холе слово, что все закончится через две минуты после появления цели, и он выполнил свое обещание, хотя и не удержался от соблазна дать мерзавцу прочувствовать собственную смерть, когда тот обнажился. Но Бор пользовался так называемыми хрупкими пулями, не содержащими свинца, которые растворяются и остаются в теле убитого. В результате у полицейских экспертов не будет ни пули, которую можно привязать к оружию, ни следов от удара пули о землю. Баллистики не сумеют определить ее траекторию и обнаружить, откуда произведен выстрел. Короче говоря, они будут стоять и беспомощно смотреть на склон холма с несколькими тысячами домов, не имея ни малейшего представления о том, где начинать

поиски.

Дело сделано. Он застрелил хищника. Наконец-то отомстил за Бьянку.

Руар почувствовал, что вернулся к жизни. Да, только так он мог назвать это. Он запер винтовку в оружейный шкаф и направился в душ. Но по дороге остановился, вынул из кармана телефон и набрал номер. Пиа ответила после второго звонка:

— Что-то случилось?

— Нет, — рассмеялся Руар Бор. — Просто хотел спросить: а не поужинать ли нам сегодня в ресторане?

— В ресторане?

— Мы так давно никуда не ходили. Я слышал много хорошего про «Лофотенах», это рыбный ресторан на Тьювхольмене.

Чувствовалось, что жена находится в замешательстве. Сперва у нее явно возникли подозрения, но потом она, видимо, подумала: «А почему бы и нет?» И сказала:

— Хорошо. А ты?..

— Да, я забронирую столик. В восемь тебя устроит?

— Да, — ответила Пиа. — Вполне.

Когда они закончили разговор, Руар Бор раздел-

ся, залез в душ и включил воду. Надо согреться. Он хотел принять горячий душ.

Дагни ушла из парка тем же путем, что и пришла. Вот теперь она поняла, что чувствует *на самом деле*. Она сидела слишком далеко, для того чтобы разобрать подробности происходящего на другой стороне пруда, но увидела достаточно. Да, Дагни в очередной раз позволила гипнотической воле Харри Холе управлять собой, но на этот раз он ее не обманул. Свейн Финне действительно исчез из ее жизни. Дагни Йенсен вспомнила глубокий хриплый голос Холе в телефоне, как он объяснял ей, что произойдет и почему она никогда, никогда не должна никому об этом рассказывать. И несмотря на то что она уже тогда почувствовала удивительное возбуждение и поняла, что не сможет ему сопротивляться, Дагни все-таки спросила инспектора, по какой причине он приглашает ее туда, уж не потому ли, что считает, будто она принадлежит к тому типу людей, которые восхищаются прилюдными казнями.

— Дело вовсе не в этом, — возразил он. — Просто, помнится, вы сказали, что вам недостаточно увидеть Финне *мертвым* и знать, что он не придет к вам домой. Вы должны увидеть, как он *умирает*. Я в долгу перед вами после всего, что

произошло. Так что воспользуйтесь этой возможностью или откажитесь от нее.

Дагни вспомнила похороны мамы, молодую женщину-священника, которая сказала, что ни у кого нет точного ответа на вопрос, что находится по другую сторону смерти, и все, что мы знаем: никто из переступивших этот порог не вернулся обратно.

Да, теперь Дагни Йенсен знала, как она себя чувствует *на самом деле*. Финне мертв, она убедилась в этом собственными глазами.

Не сказать чтобы она чувствовала себя превосходно.

Но ей определенно стало лучше.

Катрина Братт сидела за письменным столом и смотрела по сторонам.

Она давно уже закончила все дела, однако не торопилась уходить. За Гертом присматривали родители Бьёрна, которые остановились в их квартире, и, разумеется, любая хорошая мать на ее месте наверняка как можно скорее отправилась бы домой. Но Катрина хотела еще немного подождать. Еще немного подышать. Продлить эту паузу, прежде чем вновь погрузиться в атмосферу удушающего горя, вернуться к вопросам без ответов и мучительным подозрениям.

С горем было легче бороться в одиночестве, когда она чувствовала, что за ней не наблюдают, и ей не приходилось следить за собой, чтобы не рассмеяться от какого-то пустяка — от того, что сделал Герт, от того, что она радовалась приходу весны. Нет, родители Бьёрна вовсе не осуждали невестку, они были умными людьми и все понимали. Да, они были просто чудесными людьми. В отличие от нее самой. Катрина испытывала горе, но она умела отгонять его, когда рядом не было других, постоянно напоминавших ей о том, что Бьёрн умер. Что Харри умер.

То невысказанное подозрение, которое окружающие испытывали, но не показывали: она каким-то образом стала причиной самоубийства Бьёрна. Однако Катрина знала, что это не так. С другой стороны, должна ли она была понять, что с Бьёрном что-то не так, когда муж полностью сломался после гибели Харри? Хотя, конечно, было что-то еще, Бьёрн страдал от чего-то большего, от глубокой депрессии, которую скрывал, держал в тайне, и смерть Харри стала последней каплей: вода не просто перелилась через край, а прорвала дамбу. Что, в сущности, человеку известно о том, с кем он делит постель, кров и стол? Меньше, чем о самом себе. Это неприятная мысль, но мы созда-

ем в своем мозгу образы окружающих нас людей, и это всего лишь образы, думала Катрина.

Она подняла тревогу, когда Бьёрн привез Герта, но не захотел поговорить с ней.

Катрина вернулась после той ужасной пресс-конференции с Уле Винтером в пустую квартиру и недоумевала, куда это на ночь глядя подевались Бьёрн с Гертом, ведь муж даже не оставил ей никакой записки. И вдруг раздался звонок в дверь. Она сняла трубку домофона, услышала плач Герта, подумала, что Бьёрн забыл дома ключи, и просто нажала на кнопку. Но она не услышала звука открывающейся двери, только плач ребенка, как будто его подносили к микрофону. Она несколько раз позвала Бьёрна по имени и, не дождавшись ответа, спустилась по лестнице.

Детское сиденье «Макси-Коси» с Гертом стояло на тротуаре прямо перед дверью.

Катрина осмотрела улицу Нурдала Брюна, повернулась направо и налево, но Бьёрна нигде не увидела. В темных подворотнях на другой стороне улицы она тоже никого не разглядела, хотя это, конечно, и не означало, что там, во мраке, никого не было. И у нее появилась шальная мысль: в дверь звонил не Бьёрн.

Она поднялась с Гертом в квартиру и набрала

номер мужа, но ей ответили, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Уже тогда она поняла: что-то не так, и позвонила родителям Бьёрна. И уже одно то, что Катрина инстинктивно связалась с ними, а не с кем-нибудь из живущих в городе коллег или друзей Бьёрна, означало, что она испугалась.

Свекор со свекровью утешали ее, говорили, что муж, конечно, скоро объявится и все объяснит, но Катрина слышала, что мама Бьёрна обеспокоена. Возможно, она тоже заметила, что в последнее время с сыном творится неладное.

Казалось бы, следователь из отдела убийств должен научиться принимать тот факт, что существуют нераскрытые дела и вопросы, на которые никогда не найдется ответа, и надо просто двигаться дальше. Но кое-кому это не удается. Например, Харри. Или ей самой. Катрина не знала, как расценивать это с профессиональной точки зрения — как преимущество или как недостаток, но в одном она была уверена: в повседневной жизни это очень вредит. Она уже страшилась предстоящих недель и месяцев, которые проведет без сна. Не из-за Герта: малыш хорошо спал по ночам в своей кроватке. Нет, ее мозг будет напряженно искать во тьме истину, и она не сможет

этому противиться.

Катрина застегнула молнию на сумке, где лежали папки с делами и бумаги, которые ей надо было взять домой, прошла к двери, выключила свет и уже собралась выйти из кабинета, как вдруг у нее на столе зазвонил стационарный телефон.

Она сняла трубку.

— Здравствуйте, это Сон Мин Ларсен.

— Добрый день, — бесцветным голосом ответила она. Нет, она хорошо относилась к Ларсену, просто если он хотел принять ее предложение перейти на работу в отдел убийств, то сейчас было не совсем подходящее время это обсуждать.

— Я звоню, потому что… Извините, я не спросил: вы можете говорить?

Катрина выглянула в окно на парк Бутспаркен. Голые деревья, коричневая, пожухлая трава. Очень скоро на деревьях появятся листочки и цветы, а трава зазеленеет. А потом, после этого, наступит лето. Как утверждают.

— Да, — ответила она, отметив, что это прозвучало не слишком любезно.

— Произошло просто удивительное совпадение, — произнес Ларсен. — Сегодня днем я получил сведения, проливающие новый свет на

дело Ракели. А минуту назад мне позвонил Юхан Крон. Это…

— Я в курсе, кто такой Крон.

— Он сказал, что находится у пруда Сместад-даммен, где они с ассистенткой должны были встретиться со своим клиентом Свейном Финне. И что Свейна Финне только что застрелили.

— Что?

— Уж не знаю, почему Крон позвонил именно мне, он пообещал, что все объяснит позже. В любом случае это дело попадает под юрисдикцию Полицейского управления Осло, поэтому я решил связаться с вами.

— Я передам информацию дежурному, — сказала Катрина. Она увидела, как по коричневой равнине перед Полицейским управлением в сторону тюрьмы Бутсен крадется какой-то зверь. Она немного подождала. Ее собеседник тоже молчал. — А о каком совпадении вы говорили, Ларсен?

— Я имел в виду — удивительно, что Свейна Финне застрелили всего через час после того, как я получил информацию, что Финне вновь стал подозреваемым в деле об убийстве Ракели.

Катрина выпустила сумку из рук и села в кресло за письменным столом.

— Вы хотите сказать…

— Ну да, именно, у меня имеются сведения, которые указывают на невиновность Харри Холе.

Катрина почувствовала, как забилось ее сердце. Кровь заструилась по жилам, покалывая кожу. Она словно бы разом пробудилась и встрепенулась.

— Если я правильно понимаю, Ларсен, вы еще не поделились этой информацией со своими коллегами. Так?

— Не совсем. Я поделился ею с вами.

— Единственное, чем вы поделились со мной, так это своим выводом о невиновности Харри.

— Вы сделаете такой же вывод, Братт.

— Вот как?

— У меня есть предложение.

— Я так и думала.

— Давайте встретимся на месте преступления, начнем оттуда.

— Хорошо. Я приеду с дежурной бригадой.

Катрина позвонила дежурному, а потом родителям Бьёрна, чтобы предупредить, что задержится. В ожидании ответа она снова посмотрела на парк. Зверь исчез. Ее покойный отец, Герт, рассказывал, что барсуки очень любопытные звери. И еще у них очень силен охотничий инстинкт. И

что в некоторых следователях живет такой барсук, а в некоторых нет. И Катрина почувствовала, как дремавший в ней барсук очнулся от зимней спячки.

Глава 52

Когда Катрина прибыла к пруду Сместаддаммен, Сон Мин Ларсен уже был на месте. Собака на поводке скулила и дрожала, она испуганно жалась к ногам хозяина, как будто хотела спрятаться. Откуда-то доносился тонкий, пронзительный писк, похожий на сигнал будильника.

Они подошли к трупу, лежавшему на боку рядом со скамейкой. Катрина установила, что звук исходит от трупа, который принадлежит Свейну Финне. И что Финне убит двумя выстрелами — в пах и в глаз, но ни на спине, ни на затылке нет выходного отверстия от пуль. Возможно, использовалось какое-то особое оружие. Казалось, что монотонный электронный звук, исходящий от часов покойного, становился все громче, хотя Катрина понимала, что этого просто не может быть.

— Почему никто… — начала она.

— Отпечатки пальцев, — пояснил Сон Мин. — У меня есть предварительные свидетельские показания, хорошо бы исключить вероятность того, что кто-то другой прикасался к его часам, да?

Катрина кивнула и велела всем отойти немного назад.

Сотрудники дежурной бригады начали оцеплять место преступления оградительной лентой, а Сон Мин тем временем рассказывал Катрине, что узнал о случившемся от Алисы Крог-Рейнертсен и ее шефа Юхана Крона, которые сейчас находились на противоположном берегу пруда вместе с другими любопытными зрителями. Ларсен объяснил, что отправил всех туда, чтобы, так сказать, убрать их с линии огня, поскольку нельзя было исключить того, что Свейн Финне стал случайной жертвой неизвестного снайпера и что преступник ищет другие мишени.

— Ну… — произнесла Катрина, оглядывая склон. — Поскольку мы с вами сейчас стоим прямо на линии огня, то, стало быть, сами в это не верим.

— Согласен, — кивнул Сон Мин.

— И что вы обо всем этом думаете? — поинтересовалась Катрина и наклонилась погладить собаку.

— Я теряюсь в догадках, а вот у Крона есть версия.

Катрина кивнула:

— Это труп Финне так напугал вашу собаку?

— Нет. Когда мы пришли, на нее напал лебедь.

— Вот бедняга. — Катрина почесала пса за ухом.

У нее в горле появился ком: в преданном взгляде Каспарова ей вдруг почудилось что-то знакомое.

— А Крон объяснил, почему позвонил именно вам?

— Да.

— И?..

— Думаю, вам надо самой с ним поговорить.

— Хорошо.

— Братт?

— Да?

— Как я уже говорил, Каспаров — это бывшая полицейская собака. Ничего, если мы с ним попробуем выяснить, откуда пришел Финне?

Катрина посмотрела на дрожащего пса:

— Я не против, но ведь, наверное, Каспарова не просто так отправили на пенсию, была же какая-то причина?

— У него истерлись бедренные кости, — ответил Ларсен. — Но я могу его нести, если придется идти далеко.

— Вот как? А разве нюх собаки с годами не ослабевает?

— Немного, — ответил Ларсен. — Однако это происходит и с людьми.

Катрина Братт с интересом посмотрела на Сон Мина. Это камешек в огород Уле Винтера?

— Действуйте, — сказала она и потрепала Каспарова по спине. — Удачной охоты.

И будто в ответ на ее слова, хвост старой собаки, висевший, подобно сломанной ветке, начал вилять.

Катрина обошла вокруг пруда.

И Крон, и его ассистентка выглядели бледными и замерзшими. Начал дуть слабый, но очень холодный северный ветер — тот, что заставляет жителей Осло забыть о весне.

— Боюсь, вам еще раз придется рассказать все с самого начала, — сказала Катрина, доставая блокнот.

Крон кивнул:

— Все началось с того, что Финне пришел ко мне несколько дней назад. Внезапно появился на моей террасе. Он решил рассказать, что убил Ракель Фёуке, чтобы я сумел помочь ему, на случай если вы вдруг выйдете на его след.

— А как насчет Харри Холе?

— После убийства он одурманил инспектора и оставил его на месте преступления. Провернул трюк с термостатом, чтобы судмедэксперты подумали, будто бы Ракель убили в более позднее время. Мотивом Финне была месть: ведь Харри Холе застрелил его сына, Валентина Йертсена, во

время задержания.

— Вот как? — Катрина не знала, почему сразу не поверила в эту историю. — А Финне объяснил, как он выбрался из дома Ракели Фёуке? Я хочу сказать, дверь-то была заперта изнутри?

Крон помотал головой:

— Откуда мне знать? Может, слез по водосточной трубе? Я видел, как этот человек появляется и исчезает необъяснимыми способами. Я договорился встретиться с ним здесь, потому что хотел уговорить его сдаться полиции.

— Как вы думаете, кто застрелил Финне?

Крон пожал плечами:

— Свейн Финне не раз насиловал совсем юных девушек, а таких типов в тюрьме не любят. Ему удалось выжить за решеткой, но я знаю, что несколько ранее освободившихся только и ждали, когда Финне выйдет на свободу. А у таких людей, к сожалению, часто имеется стрелковое оружие, с которым они умеют хорошо обращаться.

— Таким образом, у нас целая толпа потенциальных подозреваемых, отбывавших сроки за тяжкие преступления, в том числе и за убийство, вы это хотите сказать?

— Именно так, Братт.

Крон, без сомнения, говорил убедительно. Возможно, скептическое отношение Катрины было связано с тем, что прежде она слышала слишком много сказок, поведанных им в зале суда.

Она взглянула на Алису:

— У меня есть несколько вопросов, вы готовы отвечать?

— Пока еще нет, — произнесла девушка, складывая руки на груди. — Я буду отвечать только через шесть часов. Новейшие исследования показывают, что если вспоминать драматические события до этого, то повышается риск получения психологической травмы.

— Но ведь где-то рядом бродит убийца, поймать которого с каждой минутой все труднее, — возразила Катрина.

— Это не моя проблема, я не оперативник, а адвокат. — Во взгляде Алисы светилось упрямство, однако голос ее предательски дрожал.

Катрине было ее жалко, но сейчас следовало применить кнут, а не пряник.

— В таком случае вы отвратительно сделали свою работу: ваш клиент мертв, — жестко заявила она. — И никакой вы не адвокат, а девчонка, окончившая юридический факультет, которая трахается со своим шефом, потому что думает,

будто это принесет ей пользу. Не надейтесь, не принесет. И строить из себя крутышку передо мной тоже бесполезно. Ну, будем говорить?

Алиса Крог-Рейнертсен уставилась на Катрину, изумленно моргнула. Первая слезинка проделала дорожку на слое пудры, нанесенном на юную щеку.

Через шесть минут в распоряжении Катрины имелись все подробности. Она попросила Алису закрыть глаза, вспомнить первый выстрел и сказать «вот», когда пуля попала в Финне, и «вот», когда она услышала гром. Между двумя «вот» прошло более секунды, значит выстрел был произведен с расстояния минимум четыреста метров. Катрина призадумалась: пули попали в гениталии и глаз. Наверняка это не случайность. Убийца либо профессиональный стрелок, либо специально обученный военный. Среди тех, кто отбывал срок одновременно со Свейном Финне, таких должно быть немного. Вообще ни одного, как она подозревала.

И у нее промелькнуло подозрение, подобное надежде, нет, даже не надежде, а так, безумному желанию. Промелькнуло и исчезло. Но вспышка альтернативной истины оставила ощущение тепла и подействовала словно обезболивающее:

так религиозные люди, не в силах справиться с тем, что отказывается принимать их разум, ищут утешения в вере. И на несколько секунд Катрина перестала чувствовать северный ветер, она смотрела на раскинувшийся перед ней парк: скоро на острове зазеленеет ива, зажужжат насекомые, запоют птицы, и все это она покажет Герту. И тут у нее появилась другая мысль.

Истории, которые она будет рассказывать Герту о его отце.

Чем старше мальчик будет становиться, тем сильнее станет ощущать потребность знать, кто он, из какого материала он создан.

И это знание сможет стать причиной для гордости или для стыда.

А ведь в ней действительно проснулся барсук. Теоретически барсук за свою жизнь может прокопать туннель, пронизывающий насквозь земной шар. Но насколько глубоко хотела копать она сама? Возможно, Катрина уже нашла все, что искала.

Она услышала какой-то странный звук. Нет, это был не звук, а тишина.

Часы на другой стороне пруда перестали пищать.

Обоняние собаки приблизительно в сто тысяч

раз лучше, чем у человека. Как показывают последние исследования, о которых читал Сон Мин, собаки способны не только нюхать. Так называемый орган Якобсона — периферический отдел дополнительной обонятельной системы — позволяет им улавливать и распознавать феромоны и другие вещества, не имеющие запаха. Таким образом, собака при идеальных условиях может идти по следу человека спустя месяц после того, как он его оставил.

Правда, в данном случае условия были отнюдь не идеальными.

Хуже всего, что следы Финне находились на тротуаре, а это значит, что прошедшие по нему другие люди и животные усложнили картину. К тому же вокруг имелось мало растительности, способной удерживать частицы запаха.

С другой стороны, на улице Сёркедалсвейен и на тротуаре, который проходил по жилому району, движение не такое оживленное, как в центре. На улице было прохладно — это тоже хорошо. Но что еще важнее: несмотря на наползающие с северо-запада тяжелые тучи, дождя здесь сегодня не было.

Сон Мин напрягался каждый раз, когда они проходили мимо остановки автобуса, опасаясь,

что здесь-то след и оборвется, потому что Финне приехал на автобусе. Но Каспаров все шел и шел, натягивая поводок и, судя по всему, позабыв о больных лапах, и на холмах в районе Рёа Сон Мин всерьез пожалел, что не сменил костюм на спортивную одежду.

Он вспотел, но все больше оживлялся. Они шли почти полчаса, и теперь ему представлялось маловероятным, что Финне пользовался общественным транспортом на некоторых отрезках пути, чтобы потом так долго идти пешком.

Харри смотрел на Порсангер-фьорд, на океан в сторону Северного полюса, в сторону конца и начала, туда, где в ясную погоду должен виднеться горизонт. Но сегодня море, небо и земля сливались в одно целое. Казалось, ты сидишь под огромным серо-белым куполом шатра, в котором тихо, как в церкви, и единственные звуки — это редкие жалобные крики чаек и ленивый плеск моря о борт лодки, где сидят молоденький парень и мужчина средних лет.

До него донесся голос Олега:

— …И когда я пришел домой и сказал маме, что сегодня на уроке поднял руку и заявил, что Старый Тикко — не самое старое дерево в мире, а всего лишь старейшие на земле корни, она смея-

лась до слез. А потом сказала, что именно такие корни у нас троих. Я не стал ей возражать, но про себя подумал, что это не так, потому что ты ведь не мой папа, а те корни были отцом и матерью Старого Тикко. Но с течением времени я понял, что она имела в виду. Корни — это нечто растущее. И когда мы с тобой сидели и болтали о… Да, о чем мы там болтали? О тетрисе. О коньках. О музыкальных группах, которые нам нравились…

— Мм… Или обоим…

— …не нравились, — Олег криво улыбнулся. — Именно тогда мы пускали корни. Так ты становился моим отцом.

— Ну, положим, отцом я был неважным.

— Ерунда.

— Хочешь сказать, я был средним отцом?

— Ты просто был *не таким* отцом, как у всех. Худшие оценки по одним предметам — и отличные по другим. Ты спас меня, когда вернулся домой из Гонконга. Но вот что странно: лучше всего я помню мелкие детали. Как, например, ты меня однажды обманул.

— Я тебя *обманул*?

— Когда я наконец-то побил твой рекорд в тетрисе, ты стал хвастаться, что зато знаешь наизусть все названия из «Атласа мира», стоявшего

на полке. И ты ведь правильно рассчитал, как я на это отреагирую.

— Ну…

— Я потратил на это пару месяцев — помню, как приятели странно поглядывали на меня, когда я вдруг произносил что-нибудь вроде «Джибути», — однако в конце концов выучил назубок все страны мира, их государственные флаги и столицы.

— Почти все.

— Все.

— Не-а. Ты перепутал Сан-Сальвадор с просто Сальвадором и думал, что…

— Неправда, не было такого.

Харри улыбнулся и ощутил ее, эту улыбку. Она была подобна проблеску солнца после долгой тьмы. И хотя теперь, когда он окончательно проснулся, его вновь ожидала долгая тьма, хуже того, через что они уже прошли, быть просто не могло.

— Маме нравилось, — сказал Харри. — Ей нравилось слушать, как мы болтаем.

— Правда? — Олег смотрел на север.

— Она брала с собой книгу или вязанье и устраивалась поблизости от нас. Никогда не прерывала нас и не влезала в разговор, даже не прислушива-

лась к тому, о чем мы говорим. Она признавалась, что ей просто нравился звук нашей беседы. Ведь мы с тобой были мужчинами ее жизни.

— Мне тоже нравился звук, — произнес Олег и потянул удочку на себя, так что конец ее чинно склонился к поверхности воды. — Вашего с мамой разговора. Когда я укладывался спать, то открывал дверь, только чтобы вас слышать. Вы говорили тихо, и казалось, вы уже почти все друг другу сказали и все поняли. И вам были нужны только несколько ключевых слов. И все же ты заставлял маму смеяться. И в этом было столько умиротворения, что я спокойно засыпал.

Харри тихо засмеялся и кашлянул. Он подумал, что в такую погоду звук разлетается далеко — может, до самого берега. И для вида подергал свою удочку: не зря же они пришли на рыбалку.

— Хельга говорит, что она никогда не видела, чтобы два взрослых человека были настолько влюблены друг в друга, как вы с мамой. Она надеется, что и мы с ней тоже сумеем стать такими же, как и вы.

— Хм… Возможно, ей следует надеяться на большее.

— В смысле?

Харри пожал плечами:

— Сейчас я произнесу банальную фразу. Твоя мать заслуживала лучшего мужа, чем я.

Олег улыбнулся:

— Мама знала, что получает, и именно это она хотела иметь. Ей просто требовалась пауза, чтобы вспомнить об этом. Чтобы вы оба снова ощутили корни Старого Тикко.

Харри кашлянул.

— Слушай, наверное, пора рассказать…

— Нет! — перебил его Олег. — Я не хочу знать ничего о том, почему мама выгнала тебя. Если ты не возражаешь. И… о другом тоже.

— Хорошо, — кивнул Харри. — Каждый сам решает, сколько хочет знать.

Так он обычно говорил Ракели. Она, как правило, довольствовалась небольшим объемом информации.

Олег провел рукой по борту лодки.

— Лишняя правда причиняет боль, так ведь?

— Да.

— Я слышал, как ты сегодня ночью ворочался в гостевой комнате. Ты вообще спал?

— Мм…

— Мама умерла, и этого уже ничто не сможет изменить, но сейчас мне достаточно знать, что в ее смерти виноват кто-то другой, а не ты. Если я

пойму, что должен знать больше, то ты когда-нибудь расскажешь мне все.

— Ты умный, Олег. Совсем как твоя мать.

Олег криво улыбнулся и взглянул на часы:

— Хельга нас ждет. Она купила на ужин треску.

Харри посмотрел вниз, в пустое ведро, стоявшее вплотную к банке:

— Какая догадливая девушка.

Они смотали удочки. Харри посмотрел на часы. У него был билет на вечерний самолет до Осло. Что случится после возвращения, он не знал: план, который они придумали вместе с Юханом Кроном, так далеко не распространялся.

Олег вставил весла в уключины и принялся грести.

Харри разглядывал его и вспоминал, как много лет назад он сам греб, а дедушка сидел на банке перед ним, улыбался и давал внуку советы: чтобы он работал верхней половиной туловища и вытягивал руки, чтобы действовал спокойно, не нервничал, нашел ритм — и тогда равномерно скользящая по воде лодка пойдет быстрее, а сил он при этом израсходует меньше. Чтобы он мышцами ощутил, что сидит прямо на банке, поскольку все дело в балансе, что не стоит смот-

реть на весла, их надо чувствовать, а взглядом надо следить за кильватером, и тогда то, что уже заведомо случилось, расскажет, в каком месте пути мы сейчас находимся. Однако, говорил дедушка, почти ничто не поведает нам о том, что будет дальше. Это решает следующий взмах весел. Дедушка доставал из кармана фляжку и объяснял: когда мы доберемся до суши, вся поездка будет казаться нам одной прямой линией от исходного пункта до места прибытия. Этаким единым повествованием, наполненным смыслом и направлением. Мы станем вспоминать, будто именно здесь нам казалось, что лодка вот-вот налетит на мель. Но место прибытия и пункт назначения — это разные вещи. И вовсе не обязательно одно лучше другого. Мы прибываем туда, куда прибываем, и хорошо утешать себя тем, что именно сюда мы и собирались с самого начала или, по крайней мере, направлялись все это время. Но наша слабая память подобна доброй матери, которая говорит нам, какие мы молодцы, и уверяет, что отдельные гребки были прекрасными и хорошо укладывались в логичную и желанную ткань повествования. Мысль о том, что в какой-то момент мы сбились с курса, попросту не знали ни где мы находимся, ни куда

движемся, что жизнь — это хаотичные, судорожные взмахи веслами, настолько неприятна, что мы предпочитаем переписать историю после путешествия. Именно поэтому так называемые успешные люди, когда их просят рассказать о своем пути на вершину, любят говорить, что с самого детства у них была мечта, причем в единственном числе, добиться успеха как раз в той области, где они его и достигли. Конечно, они верят, что говорят правду. Просто эти люди наверняка позабыли про все остальные свои мечты — те, что не получили подпитки, ослабли и исчезли. Если бы только мы лучше видели бессмысленный хаос случайностей нашего существования, если бы, вместо того чтобы писать автобиографии, изначально записывали свои представления о жизни, о том, как, по нашему мнению, будет складываться наша судьба, а потом забыли бы о написанном и вспомнили бы о нем только в конце жизненного пути, то лишь тогда мы бы узнали, о чем мечтали *на самом деле*.

Вот в этом месте дедушка обычно делал большой глоток из фляжки, глядя на внука. А Харри смотрел в тяжелые глаза старика, такие тяжелые, что казалось, они вытекут из головы, что он выплачет и белки, и радужную оболочку. Тогда

Харри об этом не думал, а вот теперь ему пришло в голову, что дедушка надеялся, что у его внука жизнь сложится лучше, чем у него самого. Харри избежит тех ошибок, что сделал дед. И однажды, когда мальчик вырастет, он сам будет сидеть вот так и смотреть, как гребет его сын, дочь или внук. Станет давать советы и видеть, как некоторые из них помогают, а другие забываются или же пропускаются мимо ушей. И у него что-то сожмется в груди, а в горле встанет ком от удивительной смеси гордости и сочувствия. Гордости оттого, что ребенок получился лучше тебя самого. Сочувствия оттого, что впереди его ждет больше боли, чем осталось позади, и вот сейчас он гребет, твердо уверенный в том, что кто-то — если не он сам, то уж наверняка дедушка — знает, куда им плыть.

— Мы тут расследуем одно дело, — сказал Олег. — Два соседа дружили с детства, а потом вдруг поцапались на вечеринке. Вроде бы оба солидные люди, раньше никогда ни в какие истории не попадали. Они разошлись по домам, но на следующее утро один из них, учитель математики, заявился к другому, прихватив домкрат. И прежде чем тот успел захлопнуть дверь, ударил его по голове. После этого сосед подал на бывшего

приятеля заявление в полицию, обвинив его в покушении на убийство. Я вот теперь сижу и думаю: если даже учитель математики так себя повел, то, выходит, каждый из нас способен на убийство. Или нет?

Харри не ответил.

Олег вынул весла из воды.

— Когда сотрудники Крипоса заявили мне, что у них есть против тебя доказательства, то я им не поверил. Это просто не могло быть правдой. Да, я знаю, что тебе приходилось убивать по долгу службы, в целях самообороны или ради защиты других людей. Но совершить предумышленное, тщательно спланированное убийство, да потом еще подчистить за собой все следы… Ты ведь не способен на такое, правда?

Харри смотрел на Олега, а тот сидел и ждал его ответа. Юноша, который скоро станет мужчиной, у которого все еще впереди и есть возможность стать лучше, чем Харри. У Ракели в голосе всегда звучала озабоченность, когда она говорила, что Олег слишком уж восхищается им, пытается копировать его до мельчайших деталей, даже ходит, как Харри, слегка выворачивая ступни — вроде Чарли Чаплина. Мальчик перенимал любимые слова и выражения Харри, как, напри-

мер, архаичное «льзя». Олег точно так же, как и он сам, почесывал шею во время напряженных раздумий и повторял его аргументы о правомерности и ограничениях, присущих правовому государству.

— Ну разумеется, я на такое не способен, — заверил парня Харри, вынимая из кармана пачку сигарет. — Для того чтобы спланировать хладнокровное убийство, необходимо иметь особый склад личности, а мы с тобой не такие.

Олег улыбнулся; судя по всему, он испытал облегчение.

— Можно стрельнуть у тебя…

— Ну уж нет, курить я тебе не позволю. Греби давай.

Харри закурил. Дым поднимался прямо вверх, а потом его уносило к востоку. Он таял в направлении отсутствующего горизонта.

Крон, стоявший в дверях своего дома в одних трусах и тапочках, казался совершенно растерянным. Он немного помедлил, прежде чем пригласить Харри войти. Они расположились на кухне, и Юхан сварил в громадной кофемашине безвкусный эспрессо. Харри напомнил ему, что адвокат обязан хранить услышанное от клиента в тайне, после чего изложил ему всю историю

без утайки.

Когда он закончил, чашка Крона оставалась нетронутой.

— Значит, ты хочешь снять с себя несправедливые обвинения. Но сделать это так, чтобы никто при этом не заподозрил в убийстве Бьёрна Хольма, — резюмировал адвокат.

— Да, — сказал Харри. — Ты можешь мне помочь?

Юхан Крон почесал подбородок.

— Это трудно. В данном случае, как ты наверняка и сам понимаешь, полиции потребуется другой подозреваемый. А что у нас есть? Анализ крови с брюк, который подтверждает, что тебя накачали рогипнолом, и показания электросчетчика, свидетельствующее о том, что термостат включали и выключали в определенное время. Но это всё косвенные улики, из них много не выжмешь. Твоя кровь могла попасть на брюки в другой день, а потребление электричества и вовсе ничего не доказывает. Вот кто нам действительно нужен, так это козел отпущения. Человек без алиби, но с железным мотивом, чтобы все выглядело убедительно.

Харри отметил, что Крон уже говорит «мы», как будто они в одной команде. Кроме того, с

ним произошла разительная перемена. На его лице заиграл румянец, он глубже дышал, зрачки расширились. Словно хищник, заметивший добычу, подумал Харри. Ту же самую добычу, что и он сам.

— Весьма распространенное заблуждение заключается в том, что люди почему-то думают, будто бы козел отпущения непременно должен быть безвинным, — сказал Крон. — Однако в действительности это не так. Даже в современных правовых государствах мы сплошь и рядом наблюдаем, что если в делах, которые привлекают внимание общественности, полиции удалось арестовать не самого главного злодея, а только его соучастников, то они получают несоразмерно бóльшие наказания.

— Может, обсудим конкретную кандидатуру? — предложил Харри.

— У тебя кто-то есть на примете?

— Свейн Финне.

Юхан посмотрел на Харри и коротко кивнул, подавая сигнал, что они поняли друг друга.

— Принимая во внимание новую информацию по делу, — произнес Крон, — у Финне больше нет алиби на момент убийства, к тому времени он еще не добрался до родильного отделения. И

у него имеется мотив: он ненавидит тебя. Мы с тобой можем поспособствовать тому, чтобы насильник-рецидивист отправился за решетку. И он уж точно не безвинный козел отпущения. Только представь, сколько боли он причинил людям. Между прочим, Финне недавно признался, что в свое время напал на дочь епископа Бора, которая жила всего в нескольких сотнях метров отсюда. Нет, он даже не признался, а *хвастался* этим!

Харри вынул из кармана пачку и достал из нее сломанную сигарету.

— Расскажи лучше, что у Финне есть на тебя.

Крон рассмеялся и поднес чашку к губам, как будто пытался закамуфлировать неестественный хохот.

— Сейчас не время кокетничать, Крон. Давай уже выкладывай во всех подробностях.

Юхан сглотнул.

— Конечно. Прошу прощения, просто я сегодня почти совсем не спал. Бери кофе, и пойдем в библиотеку.

— Зачем?

— Моя жена… Там звукоизоляция лучше.

Акустика в помещении, где книги занимали все стены от пола до потолка, и впрямь была приглушенной. Харри слушал, сидя в глубоком кожаном

кресле. На этот раз к кофе не прикоснулся он.

— Хм… — произнес он, когда Крон закончил. — Может, перестанем ходить вокруг да около?

— С радостью, — искренне ответил Крон.

Теперь он напоминал Холе одного эксгибициониста, орудовавшего в лесу в Уппсале, когда Харри был маленьким. Они с Эйстейном отправились в поход и обстреляли этого типа из водяных пистолетов. Но больше всего Харри запомнилось, что, когда они уходили, мокрый растерянный эксгибиционист смотрел на них глазами побитой собаки, и мальчик в тот момент даже пожалел о том, что они сделали, хотя сам не знал почему.

— Ты не хочешь, чтобы Финне оказался за решеткой, — сказал Харри. — Ведь в этом случае он может запросто рассказать твоей жене обо всем, что знает. Ты бы предпочел, чтобы Финне исчез. Совсем исчез.

— Ну… — начал Крон.

— Мне живой Финне тоже не нужен, — перебил его Харри. — Моя проблема состоит в том, что если мы вообще его найдем, то может выясниться, что у этого типа есть алиби на промежуток времени с восемнадцати до двадцати двух часов, о котором мы не знаем. А вдруг он несколько часов провел с той беременной женщиной, прежде чем

они отправились в больницу? Разумеется, она вряд ли заявит об этом, если Финне убьют.

— Убьют?

— Устранят, ликвидируют, зачистят. — Харри затянулся сигаретой, которую закурил, не спросив разрешения хозяина дома. — Я предпочитаю слово «убьют». Вещи надо называть своими именами.

Крон обескураженно рассмеялся:

— Ты говоришь как хладнокровный убийца, Харри.

Холе пожал плечами:

— Убийца — это правильно, хладнокровный — нет. Но если мы хотим провернуть это дело, нам придется отключить термостат. Понимаешь?

Юхан кивнул.

— Хорошо, — ответил Харри. — А теперь дай мне немного подумать.

— Можно пока стрельнуть у тебя сигаретку?

Харри протянул ему пачку.

Двое мужчин молча сидели и смотрели, как дым поднимается к потолку.

— Что, если… — начал Крон.

— Тш-ш-ш…

Адвокат вздохнул.

Сигарета догорела почти до фильтра, прежде

чем Харри заговорил:

— Мне кое-что потребуется от тебя, Крон, а именно — чтобы ты солгал полиции.

— В смысле?

— Ты скажешь, что Финне сознался тебе в убийстве Ракели. А я посвящу в это двух человек: сотрудника Института судебной медицины и снайпера. Никто из вас не будет знать имен друг друга. Хорошо?

Крон кивнул.

— Значит, договорились. Мы напишем приглашение Финне с указанием, когда и где он должен встретиться с твоей ассистенткой, и ты прикрепишь послание к могиле при помощи одного предмета, который я тебе дам.

— И что же это за предмет?

Харри сделал последнюю затяжку и бросил окурок в кофе.

— Троянский конь. Финне коллекционирует ножи. Если нам повезет, то эта улика станет решающей и поставит в деле жирную точку.

Глядя вверх, на выросшую прямо перед ним отвесную скалу, Сон Мин услышал, как где-то между деревьями каркает ворона. Талая вода прочертила черные полоски на сером граните, который вздымался из земли метров на тридцать. Они с

Каспаровым шли почти три часа, и теперь было хорошо заметно, что псу больно. Трудно сказать, что руководило им — преданность хозяину или охотничий инстинкт, но даже когда они стояли у конца грязной лесной тропинки и смотрели на хлипкий веревочный мост, ведущий через ручей в лесное бездорожье, он тянул за поводок, требуя идти дальше. Сон Мин увидел следы на снегу на другой стороне ручья, однако, чтобы попасть туда, ему надо было перенести Каспарова через мост, при этом держась одной рукой за поручень. Вот так задача! Элитные ботинки Ларсена давно уже промокли и порвались, вопрос был в том, как долго он сможет идти на скользких кожаных подошвах по непроходимому, покрытому снегом лесу, раскинувшемуся по другую сторону мостика.

Сон Мин присел на корточки перед Каспаровым, потер замерзшие руки и посмотрел в усталые глаза старой собаки.

— Раз ты можешь, то и я смогу, — сказал он.

Каспаров выл и вертелся, когда Сон Мин поднимал его и тащил к их мокрому рубежу, но каким-то образом им удалось перебраться на другой берег. И теперь, после двадцати минут пути, дорогу им преградила эта скала. Ну и как

быть дальше? Ларсен прошел по следам до того места, где со скалы свисала потрепанная мокрая веревка, привязанная к стволу дерева, растущего на почти вертикальном склоне. Ага, веревка шла дальше между деревьями, а на склоне виднелось нечто вроде ступенек. Но Сон Мин не мог подтягиваться на веревке и одновременно держать в руках Каспарова.

— Прости, друг, сейчас тебе будет больно, — произнес он, встал на колени, положил передние лапы Каспарова себе на плечи, повернулся и крепко связал их своим шарфом. — Мы только посмотрим и сразу вернемся назад. Обещаю.

Сон Мин схватился за веревку и поставил ноги на скалу. Каспаров выл, беспомощно болтаясь на шее у хозяина, как рюкзак, царапаясь и цепляясь когтями задних лап за его пиджак.

Дорога заняла меньше времени, чем рассчитывал Ларсен, и вот они уже стояли на вершине покрытой лесом скалы.

В двадцати метрах от них находился красный дачный домик.

Сон Мин освободил Каспарова, но, вместо того чтобы взять след и пойти прямо к дому, пес вдруг прижался к его ногам и принялся выть.

— Ну-ну, здесь некого бояться, — заверил собаку

Сон Мин. — Финне мертв.

Ларсен заметил следы какого-то зверя, причем довольно крупного. Не его ли учуял Каспаров? Сон Мин сделал шаг в сторону домика и ощутил ногой веревку, но было слишком поздно, он понял, что попал в капкан. Раздался шипящий звук, и он успел увидеть вспышку света от взлетевшего перед ним предмета, наполненного взрывчатым веществом. Инспектор автоматически закрыл глаза. А когда вновь открыл их, ему пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть летевший вверх предмет, который оставлял позади себя тонкий хвост дыма. Потом раздалось мягкое «бабах», ракета взорвалась, и даже при свете дня он увидел заискрившиеся золотые, синие и красные огоньки, как будто над ним грянул миниатюрный праздничный салют.

Кто-то, очевидно, хотел получить предупреждение о приближении незваного гостя и, возможно, отпугнуть его. Сон Мин чувствовал, как прижавшийся к его ноге Каспаров дрожит всем телом.

— Это всего лишь фейерверк, — сказал он, похлопывая пса. — Но спасибо за предупреждение, дружище.

Сон Мин приблизился к дощатой террасе перед домиком.

К Каспарову вернулась храбрость, и он побежал к двери впереди хозяина.

Сон Мин понял, что ему не придется ломать замок: кто-то уже сделал это до него.

Он открыл дверь и зашел внутрь.

С первого взгляда стало понятно, что на даче нет ни электричества, ни водопровода. Веревки висели на крючках на стенах, возможно, чтобы мыши не сгрызли.

А вот на скамейке у западного окна лежала еда.

Хлеб. Сыр. И еще тут был нож.

Непохожий на короткую финку с коричневой рукояткой, которую он обнаружил, когда обыскивал труп Финне. У этого ножа, по его прикидке, длина лезвия составляла около пятнадцати сантиметров. Сон Мин почувствовал приятное возбуждение, и сердце его заколотилось почти так же, как при виде величественно входящей в ресторан «Статхолдергорден» Александры Стурдза.

— А знаешь что, Каспаров? — прошептал он, скользя взглядом по дубовой рукоятке и гарде из рога. — Я думаю, зима на самом деле скоро закончится.

Сомнений не было. Это универсальный нож

фирмы «Тоджиро». Тот самый нож.

Глава 53

— Что желаете? — спросил одетый в белое бармен.

Харри смотрел на бутылки минералки и виски на полках позади бармена, пока взгляд его вновь не остановился на экране работающего без звука телевизора. Он был единственным посетителем заведения, в котором стояла удивительная тишина. Удивительная для аэропорта Гардермуэн. Полусонный голос читает сообщение у одного из дальних выходов на посадку, каблуки пары туфель стучат по паркету. Звуки аэропорта, который собирается закрыться на ночь. Но еще оставался ряд возможностей. Час назад Харри прилетел из Лаксэльва через Тромсё и, взяв свою сумку — ручную кладь, вместо того чтобы пройти в зал прилета, отправился в зону для транзитных пассажиров. Харри взглянул на большое табло с расписанием рейсов, расположенное прямо напротив бара. Какие там у нас возможности? Так: Берлин, Париж, Бангкок, Милан, Барселона или Лисабон. Времени достаточно, и билетная касса авиакомпании «Скандинавские авиалинии» еще открыта.

Его взгляд вернулся к бармену, ожидающему заказа.

— Раз уж вы спрашиваете, то я хотел бы, чтобы вы включили звук, — ответил Харри, указывая на экран телевизора.

Там показывали, как Катрина Братт и Кедзиерски, руководитель пресс-службы Полицейского управления Осло, мужчина с густыми вьющимися волосами, сидят на подиуме в зале совещаний на четвертом этаже, где обычно проходят пресс-конференции. Внизу экрана постоянно повторялась одна и та же бегущая строка:

Свейн Финне, подозреваемый в убийстве Ракели Фёуке, застрелен неизвестным в Сместаде.

— Прошу прощения, — сказал бармен, — но все телевизоры в аэропорту должны работать без звука.

— Мы здесь одни.

— Таковы правила.

— Пожалуйста, включите всего на пять минут. Я посмотрю только этот сюжет. Плачу сотню.

— О нет, взяток я не беру.

— Хм… А если я закажу «Джим Бим» и в благодарность за хорошее обслуживание дам чаевые, то это ведь не будет считаться взяткой, да?

Бармен улыбнулся, а потом пристально посмот-

рел на посетителя:

— Вы, случайно, не тот знаменитый писатель?

Харри неопределенно качнул головой.

— Сам я, правда, ваших книг не читал, но моей маме они очень нравятся. Можно с вами сфотографироваться?

Харри кивнул на экран.

— Хорошо, — сказал бармен, перевесился через стойку с телефоном в руке и сделал селфи, после чего нажал кнопку на телевизионном пульте.

Телевизор издал несколько осторожных звуков, и Харри склонился вперед, чтобы лучше слышать.

Казалось, лицо Катрины Братт озаряется светом каждый раз после вспышки фотокамеры. Она внимала вопросу из зала, плохо слышному в микрофон. А вот ее голос, когда она давала ответ журналисту, звучал ясно и четко:

— Не могу вдаваться в детали, только повторю, что Полицейское управление Осло во время расследования совершенного сегодня утром убийства Свейна Финне получило неоспоримые доказательства того, что за убийством Ракели Фёуке стоит именно этот человек. Адвокат Финне объяснил полиции, что тот рассказал ему, как убивал Ракель, а потом сознательно подставил

Харри Холе. Да? — Катрина указала на кого-то в зале.

Харри узнал голос Моны До, криминального репортера «ВГ»:

— Разве Винтеру не стоило прийти сюда и объяснить, каким образом они в Крипосе позволили Финне обвести себя вокруг пальца?

Катрина наклонилась вперед, к лесу микрофонов:

— Наверное, Винтер сделает это на пресс-конференции в Крипосе. Полицейское управление Осло перешлет ему всю новую информацию, которая имеет отношение к делу Ракели Фёуке. Но мы сегодня собрались здесь прежде всего для того, чтобы поговорить об убийстве Свейна Финне, потому что этим расследованием будем заниматься только мы.

— Но как вы можете прокомментировать работу Винтера? — не отставала журналистка. — Ведь Крипос официально обвинил в убийстве невиновного — погибшего полицейского из отдела убийств, между прочим вашего подчиненного.

Харри увидел, как Катрина замерла, прежде чем ответить. Сглотнула. Собралась. И снова заговорила, четко выговаривая каждое слово:

— Ни я, ни Полицейское управление Осло не

критикуем работу Винтера и его подчиненных. Скорее наоборот, надо сказать им спасибо: один из следователей Крипоса, Сон Мин Ларсен, принимал активное участие в установлении личности вероятного убийцы Ракели Фёуке. Последний вопрос. Да?

— Газета «Дагбладет». Вы сказали, что у вас пока нет подозреваемых в убийстве Финне. У нас имеются источники, утверждающие, что ему угрожали другие отбывшие свой срок заключенные. Полиция занимается этой версией?

— Да, — ответила Катрина Братт и посмотрела на Кедзиерски.

— Позвольте поблагодарить всех вас за то, что пришли, — произнес он. — Время следующей пресс-конференции еще не назначено, но мы…

Харри подал сигнал бармену, что звук можно выключить.

Он увидел, как Катрина встает. Вероятно, сейчас она отправится домой. Интересно, кто сейчас сидит с Гертом? Он вспомнил ребенка, который лежал в переносном автомобильном кресле, улыбался, не спал и смотрел на Харри, пока тот нес его по улицам города. Когда он позвонил в квартиру Катрины, то почувствовал, как его крепко ухватили за указательный палец, и посмотрел

вниз. Крохотные беленькие пальчики держали его палец, как бейсбольную биту. Ярко-голубые глаза отказывали ему в праве уйти и оставить его здесь в таком положении. Они говорили, что теперь Харри в неоплатном долгу перед ним. И когда Харри стоял в темной подворотне на другой стороне улицы и смотрел, как Катрина выходит из дома, он чуть было не шагнул в свет уличных фонарей. Чуть не рассказал ей все. Чуть не позволил ей принять решение за себя и за них обоих. За всех троих.

Харри выпрямился на барном стуле.

Он увидел, что бармен поставил рядом с ним на стойку бокал с коричневым содержимым. Харри колебался.

«Всего один бокал. — Он знал, что это говорит голос, к которому нельзя прислушиваться. — Тут и думать нечего: ты заслужил маленький праздник; ну же, вперед!»

«Нет».

«Как это „нет“? Ладно, если не хочешь отметить победу, то прояви, по крайней мере, уважение к умершим и выпей за них, ты, бессердечный урод!»

Харри знал, что если вступит в дискуссию с этим внутренним голосом, то проиграет.

Он посмотрел на табло с расписанием вылетов, потом вновь перевел взгляд на бокал. Катрина наверняка отправилась домой. А что, если выйти отсюда, взять такси и снова позвонить в дверь? И на этот раз ждать ее на свету. Восстать из мертвых. Почему бы и нет, он ведь не может прятаться вечно. Тем более какой смысл скрываться теперь, когда с него сняты все подозрения? И тут в голове у него промелькнула какая-то мысль. В машине, подо льдом реки, было что-то важное, но это ускользнуло от него. Вопрос в том, что он может предложить Катрине и Герту. Чего больше принесет в данном случае правда — вреда или пользы? Черт его знает. А может, он вообще придумывает эти дилеммы, чтобы найти повод сбежать? Он вспомнил маленькие пальчики, обхватившие его указательный палец, командирский взгляд. Размышления Харри прервал телефонный звонок. Он посмотрел на дисплей.

— Это Кайя.

Ему снова показалось, что она где-то рядом. Хотя, возможно, Тихий океан не так уж и далеко, в конце-то концов.

— Привет. Как твои дела?

— Работаем круглые сутки. Я только что проснулась, проспала четырнадцать часов. Стою перед

палаткой на пляже. Сейчас восходит солнце. Оно похоже на красный воздушный шар, который надувается, скоро оторвется от горизонта и взлетит.

— Мм… — Харри смотрел на бокал.

— А как ты? Как проходит пробуждение?

— Ох, и не спрашивай. Спать было легче.

— То горе, которое ты сейчас начнешь переживать, будет сильным. К тому же ты потерял еще и Бьёрна. Скажи, а рядом с тобой есть человек, который может тебя утешить?

— Ну разумеется, а как же иначе.

— Неправда, Харри, никого у тебя нет.

Интересно, почувствовала ли Кайя, что он улыбнулся?

— Мне осталось принять несколько решений, — сказал он.

— Ты для этого мне звонил?

— Нет. Я хотел сказать, что положил ключ на место. Спасибо, что приютила меня.

— Приютила… — повторила Кайя и вздохнула. — Землетрясением снесло то немногое жилье, что здесь было, но тут очень красиво, Харри. Красота и уничтожение. Красота и опустошение, ты же понимаешь, да?

— Что я должен понимать?

— Это завораживает. Ох, Харри, я и сама чувствую себя опустошенной. — (Он приблизительно представлял, что за этим последует.) — А ты не мог бы прилететь сюда, Харри?

— На уничтоженный землетрясением остров в Тихом океане?

— В город Окленд в Новой Зеландии. Международные силы координируются оттуда, и я отвечаю за безопасность. Я вылетаю туда на транспортном самолете сегодня вечером.

Харри посмотрел на табло. Бангкок. Возможно, оттуда есть прямые рейсы в Окленд.

— Мне надо все взвесить, Кайя.

— Хорошо. Как думаешь, сколько времени…

— Одна минута. И я перезвоню тебе. Хорошо?

— Всего одна минута? — Ее голос наполнился радостью. — Да, я подожду.

Они положили трубки.

Харри так и не притронулся к стоявшему перед ним бокалу виски.

Он мог исчезнуть. Погрузиться во мрак. И вот он ухватил ее, ту мысль, что все время ускользала, ту, что пришла к нему в машине подо льдом. Нет, даже не мысль, а ощущение. Там было холодно. Страшно. И одиноко. Но не только. Там еще было тихо. Удивительно мирно.

Он снова посмотрел на табло вылетов.

Места, где человек может скрыться.

Из Бангкока он может перебраться в Гонконг. Там у него остались связи, он почти наверняка сможет найти себе работу, причем вполне легально. Или же отправиться в другую сторону. Южная Америка. Мехико. Каракас. В самом деле исчезнуть.

Харри потер шею. Билетная касса закрывается через шесть минут.

Катрина и Герт. Или Кайя и Окленд. «Джим Бим» и Осло. Трезвенник в Гонконге. Или в Каракасе.

Харри залез в карман и достал маленький сине-серый металлический кубик, посмотрел на точки на его сторонах, сделал вдох, сложил руки, потряс его и бросил на стойку бара.